

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

ТОМ
2

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1999

**БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

ТОМ

2

XI-XII века

Санкт-Петербург
"НАУКА"
1999

ББК 84РІ
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
А. А. АЛЕКСЕЕВА, Н. В. ПОНЫРКО

*Исследование осуществлялось при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-04-06115*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"СЛОВО"

ТП-96-II-№ 184
ISBN 5-02-028309-6 (Т. 2)
ISBN 5-02-028307-X

© Коллектив авторов, подготовка
текстов, переводы, комментарии,
1999
© Л. В. Грудинская, оформление,
1999
© Российская академия наук, 1999

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Русь, а в последующем Россия, пережила в своей истории пять крупнейших катаклизмов в своей политической ориентации. Первая из таких ломок или, напротив, созидательных перестроек государственного и социального строя была осуществлена при Владимире Первом Святославиче, по прозвищу Святом; вторая — при Иване Грозном в период установления единого управления для всей России, для всех русских областей; третья — при Петре Великом в период смены ориентации с Юга Европы на Север Европы; четвертая, наиболее мирная и спокойная, но трагически оборвавшаяся, — при Александре Втором Освободителе; пятая началась с овладения государством и установления большевистской власти после разгона Учредительного собрания 19 января 1918 года. Каждая из этих смен была подготовлена снизу, но заканчивалась сверху — от государства, от правительства. Вместе с тем каждая из этих смен ознаменовывалась прежде всего государственной поддержкой нового идейно-культурного направления. При Владимире Святом — христианства. При Иване Грозном перемена была поддержана двумя идеологическими соборами, из которых наибольшее значение имел Стоглавый 1551 года; при Петре Великом — сопровождалась прекращением деятельности земских соборов и Боярской думы и направлялась личной волей императора; при Александре Втором Освободителе, наиболее мирной, — частичным восстановлением прав народа, при большевистской — насильственным подчинением многонациональной страны узкой марксистской идеологии.

Что привлекает внимание во всех этих переломах? Все они начинались с культуры, с попыток изменить в первую очередь духовную атмосферу страны.

Отличительная черта первого и наиболее глубокого перелома в истории Руси — перелома от язычества к христианству — активное присутствие его в течение наиболее длительного времени в духовной и практической жизни

народа. Перелом этот ознаменовался прежде всего и глубже всего в письменности, в приобретении страной не просто знаков для букв, но правил правописания, расстановки знаков препинания, обретении литературного языка и огромной литературы, приобщившей Русь к культуре Европы через переводы, частично сделанные в Болгарии и на Русь перенесенные, а частично сделанные на самой Руси — в Киеве, Новгороде, Владимире, Суздале, Полоцке.

Для того чтобы конкретно представить себе роль переводной литературы в развитии русской литературы, следует прежде всего проанализировать характер самой переводной литературы.

Литература, перешедшая на Русь с помощью русских и болгарских переводов, была теснейшим образом связана с церковью. Она была подчинена задачам дидактики, поучения, воспитания. Значительная ее часть была связана с богослужением или входила в распорядок уставных чтений всех трех монашеских уставов, перенесенных на Русь с принятием христианства, была в значительной мере отрешена от жизни, от всего конкретного и национального, обращалась к потустороннему и вневременному.

Наряду с церковной литературой на Русь была перенесена и светская литература Византии.

Из Византии и Болгарии проникали на Русь апокрифы и еретические учения, и каналы их проникновения были совершенно иными. Так, например, волхвы, с которыми столкнулся в Чудской земле некий новгородец, по летописному повествованию 1071 года, рассказывали о своем вероучении, а оно представляло собой любопытную смесь древнерусского язычества и богумильства. Ясно, что последнее явилось на Русь далеко не официальными путями.

*

Переводная литература, широким потоком влившаяся в русскую литературу в XI—XII вв., способствовала утверждению в литературе христианской идеологии, принесла с собой ряд новых жанров: жития, проповеди, различные виды церковных песнопений и т. д. Эти новые жанры также способствовали утверждению христианства. Наконец с переводной литературой был перенесен на Русь ряд способов выражения этой новой идеологии: в отдельных приемах риторического искусства, в отдельных приемах изображения внутреннего состояния христианских подвижников и т. д. Наконец, переводная литература способствовала утверждению в русской литературе ряда образов, символов, метафор.

Однако переводная литература была воспринята на Руси далеко не пассивно.

Современное понятие перевода не всегда применимо к так называемой переводной литературе древнерусского государства. Русские «переводчики», а главным образом русские переписчики и иногда даже читатели постоянно

вносили (сперва на полях рукописей) в эти переводы добавления, разъяснения, упрощали язык, иногда сокращали содержание памятника или, наоборот, вставляли целые куски из других произведений, приспособлявая переводы к нуждам русской действительности. Иногда русские книжники перестраивали композицию переводного сочинения или создавали на основе их сводные большие композиции, посвященные крупным темам: всемирной истории, ветхозаветной истории и т. п. «Переводчики» предпочитали считаться с потребностями читателя иногда в большей мере, чем соблюдать близость к оригиналу.

По мнению А. И. Соболевского, на Руси в первые века после официального крещения Руси были уже «почти все те южнославянские переводы IX—X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам».¹ Однако очень рано, со времени княжения Ярослава Мудрого, который «собра писце многы, и прекладаше от грекъ на словеньскый язык и письмо»,² переводы начали делаться и на Руси.

Акад. В. М. Истрин, много поработавший над установлением русского происхождения различных переводов XI—XIII вв. с греческого, так определяет сумму переводов, сделанных, по его мнению, русскими переводчиками еще при Ярославе: «Новопереведенная литература была разнообразного содержания. Тут были произведения и исторического характера, как „Хроники“ Георгия Синкелла и Георгия Амартола или „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия, и естественно-научного, как „Христианская топография“ Козьмы Индикоплова, и повествовательного, как „Повесть об Александре Македонском“ («Александрия») или „Повесть об Акире Премудром“, и житийного, как „Житие Василия Нового“, и апокрифическо-пророческого, как „Откровение Мефодия Патарского“, и богословско-догматического, как „Исповедание веры“ Синкелла, вошедшее скоро в летопись и т. п.».³

Если учесть, что приведенный В. М. Истриным перечень далеко не полон и что весь он падает на одно княжение Ярослава Мудрого, то мы должны будем прийти к выводу, что переводы с греческого должны были быть предметом государственной заботы на Руси. Известие «Повести временных лет» о личной заботе Ярослава о переводах «на словеньское письмо» получает, следовательно, подтверждение и в чисто фактическом материале.

Что же представляла собой переводная литература, явившаяся на Русь путем собственных — русских и болгарских переводов, и что нового внесла она в русский литературный обиход?

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. V.

² Повесть временных лет. См. настоящее издание, т. 1, с. 194.

³ Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922, с. 4.

Прежде всего, практические потребности богослужения вызвали появление на Руси богослужебных книг. Эти книги должны были служить руководством при совершении довольно сложного к началу XI в. христианского культа. От XI в. до нас дошли в болгарском переводе служебная месячная Минея (собрание служб в календарном порядке на весь год), Триоди («постная» — тексты праздничных служб до Пасхи и «цветная» — тексты служб в послепасхальное время), затем служебники и требники. Помимо исключительно «деловой» части, эти богослужебные книги заключали в себе тексты литературно-поэтического характера — песнопения и чтения, составлявшие, так сказать, художественную часть богослужебного ритуала. Эти богослужебные книги могли служить и для чтения вне церкви и использовались при обучении грамоте (Часослов). В церковных песнопениях — канонах, стихирах, кондаках, икосах Иоанна Дамаскина, Григория Назианзина, патриарха Софрония — не утратилась еще связь с античной и эллинистической поэзией, с настроениями античной философской лирики. Несложные по тематике (молитвы об исцелении и защите, покаянные молитвы, хвалы святым и божеству), церковные песнопения были очень сложны по своей стилистике и перенесли в русский литературный обиход отдельные цветистые выражения, рифму (обычного в Византии глагольного типа), ритмическое построение прозы, сложные и изысканные сравнения.

Основной «корпус» христианского вероучения — Библия — не был еще полностью переведен в XI—XII вв. Переведено было только то, что отвечало непосредственным потребностям христианского культа, либо ее исторические части для включения в большие исторические сочинения сводного характера — Толковую Палею и др. Тем не менее библейские книги были довольно хорошо представлены в переводах — полностью или в сокращениях.

Значение переводов из Библии было для русской литературы очень велико. Чрезвычайно пестрый и в идеологическом, и в художественном отношении состав библейских книг, созданных в разное время на протяжении более тысячелетия, включал произведения самых разнообразных жанров, начиная с философской лирики и кончая воинской повестью. Библейские книги заключали в себе обильные фольклорные мотивы, сказочные сюжеты, полулегендарную историю еврейского народа, проповеди, космогонические мифы, биографические повествования, богословские трактаты, лирические песнопения и т. д.

Перенесены были на Русь из Болгарии, а частично и переведены на Руси многочисленные сочинения христианских писателей III—XI вв. Это была по преимуществу учительная литература — проповеди и поучения, созданные в целях христианизации языческих стран, для борьбы с ересями и для пропаганды христианской догматики и морали внутри самих христианских стран. Отдельные приемы этих проповедей и поучений восходили еще к античному ораторскому искусству, к античной эпистолярной практике и к философской

прозе. Из учительной литературы особенным распространением пользовались на Руси сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др., из сборников — составленный в X в. в Болгарии при царе Симеоне — Златоструй. Вместе со сборниками поучений и проповедей на Русь перешли произведения популярной вопросно-ответной формы (ведущей свое начало от так называемого сократического диалога) и разного рода толкования Священного писания (толковые Псалтыри и т. д.).

Замечательно, что русские переводчики или русские переписчики дополняли переводные поучения своими вставками, применяли поучения к русской действительности. Так, например, в «Слове о дерзости Павла апостола», где проповедник уговаривает паству не лениться слушать поучения, читаем такую вставку: «Аще бо быть рать на ны половецкая пришла и все наше попленили быша, таче воевода их претил бы и град наш раскопати... таче бы от царя нашего ят и связан, в град приведен был, — не вси ли быхом вскочили и с женами и с детми видети его?» Таких русских дополнений переводные поучения содержат немало. Вместе с тем состав переводных поучений подбирался в сборники согласно вкусам и потребностям Руси.

Новому мировоззрению на Руси служили также переводные сборники изречений из Священного писания и античных авторов (в тех случаях, когда цитаты из последних не противоречили христианским установлениям). Эти сборники также перерабатывались и дополнялись на Руси согласно потребностям господствующих верхов. Древнейший из списков таких изречений вошел в Изборник Святослава 1076 г., составленный, по-видимому, как походная книга, повлиявшая на написанное как раз в походе Владимиром Мономахом «Пouchение».¹

Возможно, на русской почве был составлен Стословец Геннадия,² дававший в предельно понятной и доступной форме основы средневекового мировоззрения. Стословец Геннадия был очень ценен для пропаганды новой государственной власти на Руси: «Царя бойся всею силою твоею», «всякому богатому главу твою поклоняй смирения ради» и т. д.

Мощное орудие проповеди новой веры представляли собой жития святых, наглядно показывавшие читателю образцы христианских добродетелей и в поучительной форме рассказывавшие ему о новых идеалах христианской религии. Жития вместе с тем давали русскому читателю очень разнообразный литературный материал, в котором элементы житийно-чудесного переплетались с народной фантастикой, с неизжитыми дохристианскими верованиями и мифами. Выразительные картины искушений святых, занимательные подробности

¹ См.: Лихачев Д. С. Назначение Изборника 1076 г. // ТОДРЛ, XLIX. Л., 1990, с. 179—184.

² Попов N. L'izbornik de 1076 de Svjatoslav comme monument littéraire // Revue des études slaves, I, 1934, III—IV, 1935.

чудес, воинские эпизоды, разнообразные характеристики святых — монахов-отшельников, воинов, церковных иерархов, мучеников, князей и т. д., живших в разнообразных исторических и географических условиях, расширяли литературные вкусы читателя, вводили в употребление очень разнообразные литературные формы. Жития также частично перерабатывались на русской почве. Новыми рассказами было, например, дополнено переводное житие Николая Чудотворца. В двух из этих рассказов местом действия является Киев. Переработке и дополнениям подвергся один из основных сборников житий — Пролог.

В еще большей степени подвергалась на Руси переработкам литература светская — в первую очередь историческая. Переводная историческая литература была в основном представлена на Руси хрониками, отразившими два различных направления византийской исторической мысли: одна хроника — хроника Иоанна Малалы из Антиохии — стремилась примирить античность и античную историю с христианством, а другая — Хроника Георгия Амартола («Грешника», т. е. монаха) — освещала историю исключительно с религиозной точки зрения. Помимо этих двух хроник на Русь попадали и другие исторические сочинения, менее значительные по объему и содержанию, например «Летописец вкратце» патриарха Никифора, Хроника Георгия Синкелла и др.

Внимательное изучение различных редакций русских переводов византийских хроник показывает, что переводы эти сразу же использовались для больших русских сочинений сводного характера по всемирной и русской истории. Русские переписчики упорно и настойчиво расширяли материал этих хроник все новыми и новыми историческими произведениями, которые включались в их состав для наиболее полного освещения всемирной истории. Одновременно русские переводчики и писцы сокращали их риторические части, выбрасывали морально-философские рассуждения, придавая рассказу большую деловитость. Так, на основании переводного материала и частично русского было составлено на Руси обширное сводное сочинение по всемирной истории — Еллинский и Римский летописец. Основу Еллинского и Римского летописца составили переводные византийские хроники — Иоанна Малалы, Георгия Амартола и «Летописец вкратце» патриарха Никифора.

Творческое отношение к этим хроникам русских составителей Еллинского и Римского летописца наглядно видно хотя бы из того, что они, не довольствуясь материалами этих хроник, дорабатывали их, дополняя вставками, заменами и уточнениями иногда на основании источников этих самых хроник с тем, чтобы более точно и подробно представить события всемирной истории. Так, например, в тех случаях, когда текст Амартола или Малалы сокращал более подробные рассказы соответствующих мест библейских книг, русские составители заменяли текст Амартола и Малалы текстом библейских книг. Вместо рассказа хроники Иоанна Малалы об Александре Македонском русские составители вставляли его источник — текст Александрии второй

редакции (в списках второй редакции Еллинского и Римского летописца). В те же списки Еллинского и Римского летописца второй редакции включается «Сказание о трех пленениях Иерусалима» Иосифа Флавия с особой повестью «Взятие Иерусалима третье, Титово», «Сказание Епифания о Богородице», «Видение Даниила», замечательная, новгородская по своему происхождению, повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., известия о крещении Руси (отличные от летописи), о походах русских князей на Константинополь (также отличные от летописи), русская повесть о Казарине и его жене и другие.

Кроме Еллинского и Римского летописца на Руси было составлено несколько сводных сочинений по всемирной истории: Иудейский хронограф, различного типа пален и т. д.

Таким образом, византийские хроники не просто переводились — на их основе создавались крупнейшие русские исторические сочинения сводного характера. Это были своеобразные исторические энциклопедии, составленные на основании лучших исторических источников своего времени.

Также активно отнеслись русские переводчики и писцы к многочисленной природоведческой литературе Византии — к «Христианской топографии Космы Индикоплова» (т. е. «плователя в Индию»), к различным шестодневам и физиологам.

Наконец, переделкам, сокращениям и дополнениям подвергались на Руси различные переводные повести и романы. Большой интерес вызвал у русских читателей знаменитый эллинистический роман, впоследствии обошедший всю феодальную литературу Европы, — «Александрия». «Александрия» рассказывала о подвигах и необычайной жизни Александра Македонского, о чудесных восточных странах — Индии и Персии и их фантастических диковинных обитателях — амазонках, любомудрах и т. д. На русской почве «Александрия» подверглась различным дополнениям, в частности из хроники Амартола и др.

Исключительный интерес представляет русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Русский переводчик повести всюду акцентировал представления о воинской чести, о ратной славе, обильно ввел в нее русскую военную терминологию, кое-где дополнив перевод вставками, призывающими к героизму, хваля тех, кто умирает на поле битвы, и проклиная тех «телолюбцев», которые предпочитают умирать от болезни дома. Перевод отличается высокими достоинствами превосходного русского языка.

Нет нужды перечислять все переводные произведения, активно принятые на Руси. Приведенные примеры ярко показывают, что отношение русских переводчиков и читателей к переводной литературе было далеко не пассивным. Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности.

Каковы же были эти потребности русской действительности? В основном это были, конечно, потребности идеологии церковной, преобладающей, и идеологии княжеско-дружинной («рыцарской»), отнюдь не преобладавшей, хотя и весьма отчетливой в русской действительности XI—XII вв. Церковная идеология питалась главным образом извне, соответственно истокам принятого на Руси христианства — византийского по преимуществу. Княжеско-дружинная идеология выросла в основном на местной почве, получила особенное развитие в период феодальной раздробленности, но охотно воспринимала различные иноземные соответствия — будь то в переводных романах вроде «Александрии», «Истории Иудейской войны» или «Повести о Дигенисе Акрите», или через венгерские рыцарские турниры, устраивавшиеся в Киеве и собиравшие множество зрителей киевлян.¹

Однако характер переводной литературы, заинтересованность в ней верхов русского феодального общества отнюдь не исключали возможности проникновения в нее народных элементов. Эти народные элементы имелись в ней уже на византийской почве (а частично и на болгарской почве, если перевод был сделан в Болгарии) и частично появлялись на почве русской. Элементы народного творчества имелись уже в «Повести о Дигенисе Акрите», в «Александрии» и других светских воинских повестях Византии. Переводчики, писцы вносили в них добавления иногда по собственной инициативе.

Литература, как мы знаем, развивается в тесном взаимодействии с действительностью. Было бы методологически неправильно рассматривать историко-литературный процесс в отрыве от истории народа. А это не раз происходило в истории науки, особенно на первых порах развития компаративистики.

Между тем литературное произведение оказывает «влияние» вовсе не непосредственно на литературное же произведение. Всякое «влияние» и «воздействие» оказывается прежде всего на человека — активного представителя своей среды. Эта простая истина, хотя никем и не отрицалась — недостаточно все же осознавалась. Между тем литературные произведения, в том числе и переводные, «влияют» прежде всего на мировоззрение человека и человеческой среды. Отдельные литературные сюжеты, мотивы — это не только литературные явления, а явления мировоззрения прежде всего. Легенды о святых, о бесах, о чудесах от икон или о загробном мире, которыми полны произведения переводной литературы, сами по себе не способны «бродить», переноситься из одного литературного произведения в другое. Литература оказывает величайшую силу воздействия на действительность, а через нее вновь на литературу.

¹ См. в Ипатьевской летописи под 1150 г.: «Тогда же угре на фарех и на скоках играхуть, на Ярославли дворе, многое множество. Кияне же дивяхутся угром множеству, и кметьства их, и кономем их».

Влияние переводной литературы ощущалось прежде всего в мировоззрении русских людей XI и последующих веков. Оно оказывалось действенным в том случае, если к тому были благоприятные обстоятельства в самой человеческой душе и в социальной действительности.

Новые литературные произведения создавались не сразу — теми или иными писателями, как это бывало по преимуществу в позднейшее время, а очень часто предварительно проходили стадию устной легенды. Письменное творчество не порывало в XI—XII вв. своих связей с устным творчеством. Эта устная стадия была очень существенна в появлении многих новых произведений, так как именно здесь новый сюжет, новая легенда оказывались под перекрестным воздействием переводной литературы, вернее, — представляемого ею христианского мировоззрения, и народного творчества. Воздействия смешивались и творчески перерабатывались под влиянием самого мощного фактора — русской действительности.

Приведем некоторые примеры создания устной христианской легенды, затем отразившейся в письменности.

Уже в XI в. начала возникать первоначально по преимуществу в Киеве христианская легенда. Эта легенда создавалась очень часто в монастырях, главным образом в Киево-Печерском, где многочисленность и пестрота социального состава братии способствовали здесь ее быстрому развитию.

К числу таких легенд принадлежит и легенда о путешествии апостола Андрея на Русь. Легенда эта возникла из взаимодействия книжных источников с чисто народными рассказами, ничего общего с христианской легендой не имевшими. Книжные основания этой легенды совершенно ясны: об апостоле Андрее русские монахи узнавали из Деяний апостола Андрея. В описании его последнего, третьего, путешествия имелись сведения о посещении Андреем Синопии и Корсун. Отсюда могло создаться впечатление об особом отношении Андрея к Руси, тем более что в христианской литературе монахи могли найти утверждение о том, что каждый народ имеет своего апостола. Монахи могли предположить, что апостол Андрей вернулся в Рим по Днепру, по великому пути «из Варяг в Греки» через «Варяжское море». Предположение превратилось, как это часто бывает, в уверенность, и в сравнительно короткий срок легенда была создана. Ее киевское происхождение довольно ясно выступает в той ее части, где говорится о том, что апостол Андрей, посетив место будущего Киева, благословил «горы сия», предрек благодать «на сих горах», сошел «с горы сея». Но это киевское происхождение не менее заметно и в той части этой легенды, где говорится о Новгороде. Посетив словен, «идеже ныне Новгород», апостол Андрей подивился новгородским баням: «И видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ». Вернувшись в Рим, Андрей так затем рассказывал о новгородских банях: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущю ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережгутъ я велми, и съвлекутся, и

будуть нази, и обольются мытлью, и возмутъ вѣники, и начнутъ хвостатися, и того собѣ добыють, одва выльзуть еле живы, и обольются водою студеною, и тако оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать и то творят не мытву себѣ, а мученье».¹

Перед нами наиболее живая интересная часть легенды, — часть, которая делает легенду не просто предположением, обратившимся в уверенность, а произведением художественным. Знаменательно, однако, что эта художественная часть легенды менее всего носит христианский, монашеский характер. Здесь сказываются не книжные, а народные основы, лишь искусственно соединенные с именем Андрея. Шутка о новгородских банях ходила, очевидно, в народе независимо от рассказа об апостоле Андрее. Она принадлежит к числу, очевидно, тех народных рассказов, в которых отдельные племена, добродушно подшучивая над соседними, как бы утверждали свою племенную особенность. Шутка киевлян, не имевших бань, над баннным обычаем новгородцев носит, по существу, тот же характер, что и шутка киевлян, которой они «корили» радимичей: «пѣщаньци вольчьѣ хвоста бѣгають»,² или шутки, которыми те же киевляне «корили» новгородцев: «...А вы плотники суще? А приставим вы хором рубить наших».³

Перед нами многозначительное явление: устная традиция находит подлинные творческие художественные черты в творчестве народном.

Другая легенда церковного происхождения рассказана в «Повести временных лет» под 983 г. В ней речь идет о варягах-христианах, отце и сыне, замученных «невегласами»-язычниками. Варяг-отец отказался отдать своего сына для совершения жертвоприношения языческим богам и при этом обличал язычество. Народ подсек сени, на которых стояли отец и сын христиане, и растерзал их. Эта легенда связана с тем местом, на котором была построена затем Десятинная церковь, о чем и сообщается в самом начале легенды.⁴ Очевидно, что она имела хождение среди клирошан этой церкви и едва ли не была создана в противовес тем народным рассказам, которые исторически точно указывали на месте Десятинной церкви старые языческие могильники, где совершался культ предков.⁵ Дальнейшее историческое произведение, в которое уже входила эта легенда, было составлено как раз при этой Десятинной церкви. Это свидетельствует о том, что легенда эта могла и не иметь особого распространения за пределами Десятинной церкви.

¹ Повесть временных лет. См. настоящее издание, т. 1, с. 66.

² Там же, с. 132.

³ Там же.

⁴ «Бяше варяг один, бе двор его, идеже бе церкви святыя Богородица, юже създа Володимир».

⁵ Каргер М. К. Дофеодальный период Киева по археологическим данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, т. I, 1939.

Свои местные легенды изложили в своей же летописи и монахи Печерского монастыря. Здесь в этих печерских легендах монастырское предание мешается с припоминаниями очевидцев, с личными воспоминаниями самого монаха летописца — по-видимому Нестора. Все это ясно подчеркивает, и в этом случае, узкий круг распространения христианской легенды. Она еще только создавалась и не сошла как бы еще с уст их создателей. Не успев развиваться в устной традиции, она уже фиксируется в письменности, окостеневает и не развивается.

Многие из печерских легенд этого характера рассказаны в «Повести временных лет» под 1074 г. Перед нами проходит ряд ярких образов печерских монахов — Дамьяна, Еремии, «иже помняще крещение земле Русьския», Матвея, Исакия и др. Образы этих монахов сложились сперва в устной киево-печерской традиции и только затем проникли в летопись. Принимая во внимание, что пестрое в социальном отношении монашество Киево-Печерского монастыря, хотя и в разной мере, было все же знакомо с народным устным творчеством, мы можем предположить, что умением создавать яркие образы своих умерших братьев печерские монахи были в значительной мере обязаны фольклору, знакомому им с детства.

Главными носителями элементов фантазии в этих печерских рассказах являлись бесы. Они-то по преимуществу и являлись действенным началом в оформлении каждого сюжета. Совпадения в отдельных мотивах между различными патериками: русскими, византийскими и пр., объясняются не тем, что эти мотивы механически переносятся из одного патерика в другой, а общностью христианских представлений о бесах, о силе молитвы, о силе крестного знамения и т. п. Общность христианских воззрений на мир и создавала общность же отдельных сюжетов, развивавшихся самостоятельно в каждом из монастырей.

Мотивы и сюжеты всех патериков христианского Востока были прежде всего связаны общностью христианского мировоззрения. В разных местах христианского культа создавались на их основе одинаковые мотивы и сюжеты. Нет никакой нужды связывать общность мотивов и сюжетов с чтением патериков во время трапезы. Вся христианская литература в целом создавала основы для этой общности. Вернее, создавала их не сама христианская литература, а стремление увидеть догмы и убеждения христианства конкретно воплощенными в материальных фактах, эмоционально пережить традиционные религиозные представления. Создавало их и сочетание христианских представлений с представлениями народными.

К представлениям о бесах примешиваются под влиянием христианской пропаганды, внушающей бесовство язычества, представления о старых языческих богах, о домовых, духах предков — навьях, и т. д. как о бесах. Именно поэтому вера в бесов имеет такой успех, распространяясь быстрее, чем вера в ангелов, и находит себе массовый отклик в монастырском, церковном устном творчестве.

Выше мы показали только один из путей, которым переводная литература помогала складываться русской христианской литературе.

Иного типа значение переводной литературы, вернее мировоззрения, представленного этой переводной литературой, может быть отмечено в формировании взглядов на писательский труд.

Византийская христианская литература принесла с собою на Русь своеобразное воззрение на писательский труд. Это воззрение мы почти не ощущаем ни в «Слове о полку Игореве», ни в «Поучении» Мономаха, ни в летописи, ни в других светских сочинениях. Зато оно находило себе отчетливое выражение в сочинениях церковного характера — в различного рода житиях и поучениях.

Согласно этим воззрениям каждый писатель рассматривался только как выразитель «вечных идей», независимых от времени, места и обстоятельств. Писатель — лишь передатчик этих «вечных истин», божественный посланец, вестник, гонец. Поэтому личность автора не заслуживает особого внимания, а его творчество, личное вмешательство в содержание произведения должно быть сведено до минимума. Отсюда анонимность большинства произведений русской литературы.

Выразительный образ такого писателя — передатчика божественных истин — рисуется в «Слове о поучении церковном», которое часто приписывается в рукописях Кириллу Туровскому: «Якоже бо кто грамоту цареву или княжу принесть во град под рукою его сущим, не испытают житья принесшему и — богат ли есть или убог, или грешен, или праведен; но тех точю чьтомых послушают, и тщатся аки ничто их не забыл; аще ли котораго слова не гораздо слышать, то впрашают слышавшаго; аще ли бесчинен человек голку сътворить, то бьюще отгонять и, аки пакость творяща. Да аще от земнаго князя толико внимание бывает, то колми паче сде внимати нам подобает, идеже ангелом Владыка беседует».¹ Итак, проповедник, писатель — это гонец, приносящий в град «грамоту цареву». Никого не интересует — богат ли этот гонец или убог, грешен или праведен. Внимание всех устремлено только к тому, что сказано в царевой грамоте. Вот почему церковный писатель так часто пользуется чужим материалом, пересказывает мысли отцов церкви, использует их образы, их темы. Он с самого начала рассматривает себя только как передатчика чужих мыслей. «Се не мене деля послушайте — аз бо грешник есмь, — но евангельскаго учения послушайте»,² — говорит автор «Слова о поучении церковном». Божественное учение подобно золоту или серебру, меду или вину, которые писатель только раздает от имени Бога: «Сопросьшу вы, отвещайте ми, аще злато или сребро по вся дни раздавал бых, или мед, или вино, но <то> бысте приходили сами, не

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894, вып. I, с. 175—176.

² Там же, с. 176.

призываемы, друг друга бысте сами понужали? Ныне же словеса Божьи раздаваю, лучше паче злата и камня драгаго и слашья меду и ста».¹

Как глашатай божественной истины, писатель должен быть чист сердцем. В слове «О благоречии, о высоте и святости слова человеческого» составитель русского Пролога пишет: «Благая словеса от благого сокровища сердечнаго исходят. Аще же кто не очистит сердца своего от злобословесия, той добра о себе беседовати не может; аще бо и мнится глаголати послушником <внимающим, слушающим>, не приятна суть словеса его, но отметна, не имуща благодати святаго Духа».² В «Слове о слепце в неделю 6-ю по Пасхе» Кирилл Туровский прямо заявляет: «В души бо грешне ни дело добро, ни слово пользно не ражается».³

Слово дается человеку от Бога. Человек может быть носителем этого дара, но для этого он должен просить о нем Бога: «Хотяй же убо ползовати кого в словесах, да просит у Бога слова на отвержение уст своих».⁴ Дар свой человек не должен скрывать, но если он не получил этого дара — ему следует молчать. «Не приемый же такового дара от Бога, да молчит, и да не износит глагола пражда от сердца своего».⁵

В «Слове на собор святых отцов» Кирилл Туровский снова излагает свою излюбленную мысль: церковный писатель или оратор — лишь глашатай божественных истин, получающий свой дар слова от Бога: «Нъ молю вашу, братие, любовь, не зазрите ми грубости: ничтоже бо от своего ума сде въписаю, нъ прошю от Бога дара слову на прославление святых Троица, глаголетъ бо: Отвързи уста своя и напълню я».⁶

Воззрения на писательский труд, выраженные Кириллом Туровским, принадлежали не ему одному. Они были типичны для всей литературы этого времени.

Как видим, значение переводной литературы в формировании литературы русской было очень разнообразным. Византийско-христианское мировоззрение, перенесенное с помощью переводных произведений, сказалось и в создании христианских легенд, и в воззрениях на труд писателя, и в целом ряде еще других случаев, исчерпать которые мы вовсе не собираемся.

Переводная литература имела особенно большое значение в развитии отдельных форм русской литературы, в образовании ее различных видов, по содержанию же произведения русской литературы по преимуществу отвечали

¹ Там же, с. 177.

² Там же, 1896, вып. II, с. 117.

³ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15, с. 336.

⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. II, с. 117.

⁵ Там же.

⁶ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского, с. 344.

непосредственным требованиям русской действительности. Впрочем, когда мы говорим о форме древнерусских литературных произведений, то и в этом случае не можем обособлять ее от содержания и от русской действительности. Отдельные виды церковной литературы — жития, поучения, торжественные проповеди — были и самой своей формой теснейшим образом связаны с церковным мировоззрением: многословные отступления в житиях молитвенного характера, трафареты в описании жизни святого, внешний характер проповеди, ее дидактичность, риторические приемы — отчетливо отражают церковное мировоззрение, одновременно служа его укреплению.

Вместе с тем эти отдельные виды церковной литературы возникли на русской почве не только потому, что таковы были переводные образцы, по которым они могли быть построены, но по преимуществу потому, что самый христианский культ, различного рода службы, монастырские уставы и пр. требовали наличия произведений этого вида.

Жития святых Бориса и Глеба возникли не из простого желания русских книжников написать такие же жития святых, какие они читали в переводах с греческого или непосредственно на греческом языке, а потому, что канонизация этих святых не могла совершиться без наличия их житий, потому еще, что самый культ Бориса и Глеба, ритуал тех или иных богослужений им, требовал наличия этих житий. Об этих требованиях христианского культа мы ни в коем случае не должны забывать, когда говорим о различных видах христианской литературы. Устойчивость этих видов в русской литературе, конечно, в первую очередь объясняется тем, что устойчивыми были самые требования христианского культа, побуждавшие создавать все новые и новые произведения одного и того же типа.

Как бы, однако, ни были единообразны требования христианского культа в Византии, в Болгарии и на Руси, русские произведения отчетливо воспринимали воздействие русской действительности, служили ей, становясь русскими не только по содержанию, но и в видоизменениях своей формы. В отношении древнейших русских житий это отчетливо показано их знатоком — С. А. Бугославским. Резюмируя большое число своих наблюдений над русскими древнейшими житиями, С. А. Бугославский писал: «Из византийских житий русские авторы XI—XII вв. заимствовали лишь общие тенденции. Они понимали, что требуется нарисовать тип идеального, христиански выдержанного героя-святого, окружить его имя традиционным панегириком. Сделать же из князя, чья военная, политическая придворная деятельность была хорошо известна и рассказана в других не житийных статьях той же летописи, идеального праведника по типу византийских житий, было невозможно, и это спасло русских агнографов от слепого подражания византийским литературным образцам. Перед русским автором неизбежно вставала трудная задача — примирить в житийных опытах идеальные образы и стилистику византийских

житий с тенденциозным, живым публицистическим изложением событий современности, а нередко и с укоренившимися народно-поэтическими мотивами (например, в рассказах о княгине Ольге, о Владимире)».¹

*

Рассмотрение вопроса о роли переводной литературы в формировании литературы собственно русской мы начали с утверждения, что роль этой переводной литературы была огромна и бесспорна. Теперь мы имеем право повторить это утверждение с полным основанием. Если бы русская сторона пассивно усваивала элементы византийской культуры, если бы ей нечего было противопоставлять этой византийской культуре, — значение ее не могло бы быть так велико. Византийская культура не могла бы быть творчески усвоена. Роль византийской культуры была бы чисто внешней, поверхностной и... ничтожной.

Перенесенная в жизненно крепкую среду, столкнувшись с интенсивнейшей потребностью в собственной литературе, вступив в борьбу с многовековыми местными традициями устного народного творчества, переводная литература приобрела важное значение в развитии русской литературы не как образец для пассивного подражания, а в ее творческом поступательном движении.

Д. С. Лихачев

¹ История русской литературы. М.; Л., 1941, т. I, с. 316.

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

XI-XII века

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

ПАМЯТЬ И ЖИТЬЕ БЛАЖЕНАГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВАГО НАСТАВНИКА СЛОВЕНЬСКУ ЯЗЫКУ

Господи, благослови, Отце.

Богъ милостивъ и щедръ, жадая на покаяние чловеце, да быша спасени вси были и в разумъ истиньныи пришли, не хоцеть бо смерти грѣшникомъ, но покаянию и животу,* аще наипаче прилежить на злобу, но не оставляетъ чловѣца рода отпасти озлоблениемъ и в соблазнъ неприязненъ прити и погыбнути. Но каяждо убо лѣта и времена не престаеть благодѣти творя намъ много, якоже исперва да и нынѣ. Первое же патриархи и отци, и по тѣхъ пророкы, а по сихъ апостолы и мученикы, и праведными мужи, и учителя, избирая ихъ от многомѣлвѣннаго житья сего. Знаеть же бо Господь своя, иже его суть, якоже рече: «Овча моя глас мои услышать, и азъ знаю я, и именемъ възываю я, и по мнѣ ходять, и даю имъ животъ вѣчныи».*

Еже створи в нашъ родъ, въздвиже намъ учителя сичего, иже просвѣти языкъ нашъ, и слабостию омрачье умъ свои, паче же лестью дияволею, и не хотѣвше в свѣтѣ заповѣди Божии ходити. Житье же его являеть, и помалу сказаемо, якоже бѣ, да иже кто хоцеть, то слыша, подобитися ему, бѣдрость приемля, а лѣность отмѣтая. И якоже рече апостолъ: «Подобни ми бываите, якоже азъ Христу».*

В Селуньстѣмъ* же градѣ бѣ мужъ етеръ *добророденъ* и богатъ, именемъ Левъ, предержа санъ другарескъ* подъ стратигомъ.* Бѣ же благовѣренъ и праведенъ, схраня вся заповѣди Божия исполнь, якоже инѣгда Иевъ.* Живя же с подружьемъ своимъ, роди семь отрокъ,* от нихъже бѣ мѣзинецъ семьи Константинъ Философъ, наставникъ и учитель нашъ. Егдаже роди и мати,* вдаша и доилици, дабы и доила. Отроча же не хотяше ятися по чужь сесѣцъ никакоже, развѣ по матернь, дондоже оддоенъ бысть. Се же бысть по Божию смотрению, дабы добра корене добра лѣторасль нескверньнѣмъ млекоу въздоена была.

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОГО НАСТАВНИКА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Господи, благослови, Отче.

Щедрый и милостивый Бог, желая, чтобы покаялись люди и дабы все были спасены и пришли к пониманию истины, ибо не хочет смерти грешников, но \langle их \rangle покаяния и жизни, даже и тех, кто особенно склонен ко злу, и не позволяет роду человеческому отпасть \langle от Бога \rangle в озлоблении и прийти в дьявольский соблазн и погибнуть. И во все годы и времена не перестает творить нам много благодетей, как от начала, так и доныне. Сначала через патриархов и святых отцов, после них через пророков, затем через апостолов и мучеников, и праведных мужей, и учителей, избирая их в многосуетной сей жизни. Ибо Господь знает своих, тех, кто \langle предан \rangle ему, как он и сказал: «Овцы мои слушаются голоса моего, и я знаю их и призываю их по именам, и они идут за мною, и я даю им жизнь вечную».

Что и сотворил \langle он \rangle в наше время, поставил нам такого учителя, который просветил наш народ, омрачивший слабостью ум свой, а больше же дьявольским искушением, не хотевший ходить в свете Божиих заповедей. Житие же его являет, \langle пусть \rangle и вкратце рассказанное, как это было, дабы тот, кто, услышав это, захочет уподобиться ему, был бодр, отменяя леность. И как сказал апостол: «Будьте подражателями мне, как я — Христу».

В граде Солуни жил некий человек, хорошего рода и богатый, по имени Лев, имевший сан друнгария в подчинении у стратига. И был он благоверен и праведен, исполняя все Божии заповеди, как некогда Иов. Живя со своей женой, породили семь отроков, из них младший, седьмой, был Константин Философ, наставник и учитель наш. Когда родила его мать, то отдала его кормилице, чтобы вскормила его. Ребенок же никак не хотел принимать чужую грудь, а только материнскую до тех пор, пока не был вскормлен. Было же это по Божиему усмотрению, чтобы добрый побег доброго корня неоскверненным молоком вскормлен был.

Потомъ же добрая та родителя свѣщавша не сходитася, говѣюща собѣ. Нъ тако живяста о Господи яко и братъсестра за четири на десять лѣта, дондоже я смерть разлучи, никакоже не преступлеша того совѣта. На Судъ же ему хотящу ити, плакашеся мати отрочати сего, глаголющи: «Не брегу о всемъ, развѣ о младенци семь единомъ, како хоцетъ быти устроены». Онъ же рече ей: «Вѣру ими ми, жено. Надѣюся Бозѣ, яко дати ему хоцетъ Богъ отца и устроителя такого, иже устроить вся крѣстьяны».* Еже ся и събысть.

Семи же лѣтъ отрокъ бысть, видѣ сонъ* и повѣда отцю и матери. И рече, яко: «Стратигъ събравъ вся девица нашего града и рече къ мнѣ: „Избери собѣ отъ нихъ, еюже хоцещи подружю на помощь и сверсть собѣ”. Азъ же глядавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ едину краснѣишую всѣхъ: лицомъ свѣтящуюся и украшену велми монисты златыми и бисѣромъ и всею красотою. Еиже бѣ имя Софѣя, сирѣчь мудрость. Ту избрахъ». Слышавъша же словеса си родителя его, рекоста къ ему: «Сыну, храни законъ отца твоего и не отверзи наказания матери своей.* Свѣтилникъ бо заповѣдь закону и свѣтъ.* Рчи же премудрости: „Сестра ми буди”, а мудрость знаему себѣ створи.* Сияеть бо премудрость паче солнца, и аще приведеша ю себѣ имѣти подружье, то отъ многа зла избавишися ею».*

Егдаже вѣдѣла и въ учение книжное, спѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ памятью доброю велми, яко и дивитися всѣмъ. Единою же отъ дѣтныи, якоже обычаи естъ богатицищемъ глумление творити ловитвою, изиде съ ними на поле, ястрябъ свои вземъ. И яко пусти и, вѣтръ ся обрѣте по смотрению Божию, взять и и занесе. Отроча же оттолѣ, въ унынье и въ печаль впадъ, два дѣтныи не ястъ хлѣба. Чловеколюбимъ бо своимъ милостивый Богъ, не веля ему привыкнути житиискихъ вещехъ, удобно уловити же, якоже древле улови Плакиду* въ ловѣ еленемъ, тако и сего ястрябомъ. Въ себе помышль жития сего утѣху и каеаше, глаголя: «Таково ли естъ житие се, да въ радости мѣсто печаль пребываетъ? Отъ сего бо дѣтныи по инѣ ся путь иму, иже естъ сего лучи. А въ молвѣ жития сего своихъ дѣтныи не иживу». И по учение ся имѣ, седяше въ дому своемъ, *учася изустъ книгамъ** святаго Григория Феолога.* И знамение крестное сътвори на стѣнѣ, и похвалу написавъ святому Григорию сичеву: «О Григорие, тѣломъ чловеке, а душею аггеле. Ты тѣломъ чловеке сый, аггелъ явись. Уста бо твоя, яко единъ отъ серафимъ, Бога прославляютъ и вселенную просвѣщаютъ правыя вѣры казаньемъ. Тѣмъже мя, припадающа къ тебѣ любовию и вѣрою, прими и буди ми просвѣтителъ и учитель».* И тако хваляше Бога.

Вшедъ же въ многи бѣсѣды и въ умъ велии, и не моги разумѣти глубины, въ уныние велико впаде. Станныи же нѣкто бѣ ту, умѣяи грамотику. И къ нему шедъ, моляся и на ногу его падая, вдаяся ему, глаголя: «О чловеке, добръ дѣи, научи мя художеству грамотичьскому». Онъ же, съкрывъ талантъ свои, погребъ, рече къ нему: «Отроче, не тружайся. Отрекль бо я есмь отъ нудъ никогоже не научити сему въ вся моя дѣни». Паки же отрокъ съ слезами ему кланяся, глаголаше: «Възми всю мою чясть отъ дому отца моего, еже мнѣ достоинъ, а научи

Потом же добродетельные родители решили воздерживаться от плотского общения. Так и жили по заповеди Божией четырнадцать лет как брат и сестра, пока не разлучила их смерть, никогда не нарушив своего решения. Когда же отец собрался отойти на Суд, плакала мать отрока, говоря: «Не забочусь ни о чем, только о ребенке одном этом, как он будет устроен». Он же отвечал ей: «Верь мне, жена. Надеюсь на Бога, что даст ему Бог отца и устроителя такого, который благоустроит всех христиан». Что и сбылось.

Когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился ко мне: „Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество“. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть мудрость. Ее избрал». И услышав его слова, сказали ему родители: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь — светильник закону и свет. Скажи мудрости: „Ты сестра моя“ и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой — от многих зол избавишься с ее помощью».

Когда же отдали его в книжное учение, преуспел он в книгах больше всех учеников из-за хорошей памяти так, что все удивлялись. И в один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божиему предначертанию и унес его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его — как в древности поймал Плакиду на охоте оленем, так и его ястребом. Поразмыслив о удовольствиях жизни сей, каялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направлюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своем, уча наизусть книги святого Григория Богослова. И крест начертал на стене, и похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». И так восхвалял Бога.

Когда же обратился он ко многим словам и великим мыслям (Григория), то не в силах постичь глубины, впал в великую скорбь. Был же здесь некто пришелец, знающий грамматику. И придя к нему, умолял и падал в ноги, предавая себя (его воле), говоря: «О человек, сотвори добро, научи меня грамматическому искусству». Тот же, скрыв свой талант, закопав, отвечал ему: «Отрок, не трудись. Зарекся я совершенно никого не учить этому до конца дней своих». Отрок же опять, со слезами кланяясь ему, говорил: «Возьми всю

мя». Не хотѣвшу же оному послушати его. Тогда отрок, шед в дом свои, въ молитвахъ пребываше, дабы обрѣлъ желание сердца своего.*

Въскорѣ же Богъ сътвори волю боящихся его. О красотѣ бо его и о мудрости и прилѣжнѣмъ его учении, еже бѣ растворено в нем, слышавъ царевъ строитель, иже нарицается логофетъ,* посла по нь, да ся бы съ царемъ училъ.* Отрокъ же, услышавъ се, с радостию пути ся ять и на пути поклонися Богу, нача молитву, глаголя: «Боже отецъ нашихъ и Господи милости, иже еси сътворилъ словомъ всяческаа, и премудростию твоею създави человека, да владѣетъ сътворенными тобою тварьми. Дажь ми сущую въскраи твоихъ престолѣ премудрость,* да разумѣвъ, что есть угодно тебѣ, спасуся.* Азъ бо есмь рабъ твои и сынъ рабыня твоя».* И къ сему прочю Соломоню молитву изглаголавъ, въставъ, рече: «Аминь».

Егдаже прииде къ Царюграду,* вдаша его учителемъ, да ся учит. И въ 3 месяца навѣкъ всю грамотику и по прочая ся ять учения. Научи же ся Омиру и геометрии, и у Лва* и у Фотѣ* диалексике, и всѣмъ философскимъ учениемъ к симъ: и риторики, и арифмифики, и астрономии, и мусикии, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ художествомъ.* Тако я навѣче вся, якоже бы могль кто едино навѣкнути отъ нихъ. Скорость бо ся съ прилежаніемъ сѣкючи, другъ друга преспѣваючи, имже ся учения и художества сѣврѣшаютъ. Болѣ же учения, тихъ образъ на себѣ являа, с тѣми бесѣдоваше, с нимиже бѣше полезнѣе, уклоняся отъ укланяющихся въ стропты, и помяшляше, како бы земными небеснаа премѣншу, излетѣти ис телесе сего и съ Богомъ жити.*

Узрѣвъ же и такова суща, логофетъ дасть ему власть на своемъ дому и въ цареву полату съ дрѣзновениемъ входить. И въпроси его единою, глаголя: «Философе, хотѣхъ увѣдѣти, что есть философия». Онъ же скорымъ умомъ абие рече: «Божіимъ и человѣчьскимъ вѣщемъ разумъ, елико можетъ человекъ приближитися Бозѣ, и яко дѣтелию учить человека по образу и по подобию быти сътворшему и». От сего же паче възлюби его и присно его въпрашаше о всемъ толикъ мужъ велии и честенъ. Онъ же ему сътвори учение философское, в малыхъ словесѣхъ велии умъ сказавъ.

Въ чистотѣ пребываа, велми угажаше Богу, толми паче любезнѣи всѣмъ бываше. И логофетъ всяку честь творя ему говѣину, злато много дая ему, онъ же не принимаше. Единою рече к нему: «Твоя красота и мудрость нудитъ мя излиха любити тя, то дщерь имамъ духовную, юже отъ крестила изяхъ, красну и богату, и рода добра и велиа. Аще хочешь, подружие сию ти дамъ. Отъ царя же нынѣ велию чѣсть и княжение* примешь. И болшаа чаи — въскорѣ бо и стратигъ будешь». Отвѣща ему Философъ: «Даръ убо велии да будетъ требующимъ его. А мнѣ болѣ учения нѣсть ничтоже, имже разумъ събравъ, прадѣднѣя чѣсти и богатства хошу искати».* Слышавъ же логофетъ отвѣтъ его, шедъ къ царици,* рече: «Сеи философъ юны не любитъ житиа сего, то не отпусти его отъ общины,

причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Но тот не хотел слушать его. Тогда отрок, вернувшись домой, молился, чтобы исполнилось желание сердца его.

И вскоре Бог сотворил волю боящихся его. О красоте, мудрости и прилежном учении его, соединившихся в нем, услышал царский управитель, что именуется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь и на пути поклонился Богу, начал молиться, говоря: «Боже отцов наших и Господь милости, который словом сотворил все и премудростью своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно тебе, я спасся. Я раб твой и сын рабыни твоей». И потом произнес до конца всю молитву Соломона, встал, сказав: «Аминь».

Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принялся. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному (лишь) из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем (способность) к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать.

Увидев же, каков он есть, дал ему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым (своим) умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше полюбил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподавал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость.

Пребывая в чистоте, весьма угождал Богу, и оттого еще больше любим был всеми. И логофет, воздавая ему благоговейные почести, давал много золота, он же не принимал. Однажды сказал ему (логофет): «Твоя красота и мудрость заставляют меня безгранично тебя любить, а у меня есть дочь духовная, которую я восприял от купели, красивая и богатая, и рода хорошего и знатного. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. И от царя большую почесть и княжение примешь. И надейся на большее — вскоре и стратигом станешь». Отвечал ему Философ: «Дар богатый пусть будет тем, кто его требует. А для меня нет ничего лучше учения, которым, мудрость снискав, хочу искать прадедовой почести и богатства». Выслушав ответ его, пошел логофет к царице и сказал: «Этот юный

но постригше и на поповство, владимъ ему службу. Да будет книгчий* у патриарха* въ святѣи Софии.* Некли поне тако и удержимъ». Еже и сътвориша ему.

Мало же с ними весма побывъ, на Узкое море* шед, съкрыся таи в монастыри. Искаша же его 6 месяць, и едва и обрѣтоша, и не могоша его унудити на ту службу. Умолиша же и учительский столъ приати и учити философии тоземныа и странныа съ всякою службою и помощию. И по то ся ятъ.*

Бъ же Аннии патриархъ* ересь въздвиглъ, глаголя не творити чъсти святымъ иконам. И събравше съборъ, обличиша его, яко неправо глаголетъ, и съгнаша и съ стола. Он же рече: «Насилием мя съгнаша, а не препрѣвше мене. Не можетъ бо никтоже противитися словесемъ моимъ». Царь же с *патрикии*,* устройвъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: «Аще можеша уношу сего препрѣти, то паки столъ свой приимеша». Он же, узрѣвъ Философа юна тѣломъ, а не вѣдши стара ума в немъ и, иже бяху послани с нимъ, рече к нимъ: «Вы подножиа моего нѣсте достойни, то како ся с вами хошу прѣти?» Философ же к нему рече: «Не людскаго обычаа держи, но Божиихъ заповѣди. Зри, якоже бо еси и ты от земля, а душа Богомъ съставлена, тако и мы вси. То на землю зря, прею, человеце, не грѣдися». Паки же Аннии отвѣща: «Не подобно есть въ осень цвѣтець искати, ни старца на воину гнати, яко юношу нѣкоего». Философ же отвѣща ему: «Самъ на ся вины обрѣтаеша. Рци, в кую врѣсту есть силнѣиши душа, телѣси?» Он же рече: «На старость». Философ же рече: «На кую тя брань гонимъ: на тѣлесную ли или на духовную?» Он же рече: «На духовную». Философ же отвѣща: «То ты нынѣ силнѣи хочеша быти, да не глаголи намъ такихъ приточ. Не безъ врѣмене бо ни цвѣтець ищемъ, ни на воину тебе гонимъ». Посрамль же ся тако, старецъ инамо обрати бесѣду и рече: «Рци ми, юноше, како крѣсту, разорену сущу, не кланяемся ему, ни лобызаемъ его. А вы, аще лице до перси токмо будет, иконную чѣсть ему творяще, не стыдитесь». Философ же отвѣща: «Четыре бо части крѣсть имат. И аще едина его часть убудетъ, то уже своего образа не являет. А икона от лица токмо образ являет и подобие того, егоже ради будетъ писано. Не лвова бо лица, ни рысии зрѣти, иже и видѣти, но перваго образъ». Паки же старецъ рече: «Какъ ся убо кланяете крѣсту безъ написаниа, а бывшемъ инѣмъ крѣстомъ, икона же, аще не има написана имене, егоже будетъ образъ, то не створите еи чъсти». Философ же отвѣща: «Всякъ бо крѣсть подобенъ образъ имать Христову крѣсту. А иконы не имутъ вси единого образа». Старецъ же рече: «Богъ рекъшу к Моисею: „Не сътвориши всякого подобиа”.* Какъ вы, творяще, кланяетесь». Философъ противу ему отвѣща: «Аще бы реклъ: „Не сътвориши никакогоже подобиа”,* — то право приши. Но есть реклъ „не всякого”, сирѣчь „достойное”. Противу же симъ не мोगи отпрѣти старецъ, умолча, посрамлься.

философ не любит жизни сей, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в священники и дадим ему службу. Пусть будет чтецом у патриарха в святой Софии. Может быть, так и удержим». Так с ним и поступили.

Очень же немного с ними побыв, пошел он к Узкому морю и тайно скрылся в монастыре. И искали его шесть месяцев и с трудом нашли, но не могли принудить вернуться на ту службу. Но упросили его принять место учителя и учить философии местных жителей и пришельцев, с соответствующей должностью и оплатой. И за это он взялся.

⟨Тогда⟩ же патриарх Анний ересь воздвиг, говоря, чтобы не воздавали почестей святым иконам. И собрав собор, обличили его, что неправду говорит, и прогнали с престола. Он же сказал: «Силою прогнали меня, а не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Царь с патрикиями, приготовив Философа, послали к нему, сказав так: «Если сможешь этого юношу победить в споре, то вновь получишь свой престол». Он же, увидев, как юн Философ, и не ведая, что стар ум его, и сказал тем, кто был послан с ним: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» Философ же ответил ему: «Не людского придерживайся обычая, но Божиих заповедей. Посмотри, как ты из земли, а душа Богом создана, так и мы все. И на землю глядя, не гордись, человек, умением спорить». Вновь отвечал Анний: «Не подобает ни осенью цветов искать, ни старца на войну гнать как юношу некоего». Философ же отвечал ему: «Сам на себя навлекаешь обвинение. Скажи, в каком возрасте дух сильнее тела?» И ответил он: «В старости». Философ же спросил: «На какую битву тебя гоним: на телесную или на духовную?» Сказал тот: «На духовную». Философ же отвечал: «⟨Тогда⟩ ты сейчас сильнее будешь, потому не говори нам таких притч. Ибо не ищем ни цветов не вовремя, ни на войну тебя не гоним». Посрамившись же так, старец повернул разговор в другую сторону и сказал: «Скажи мне, юноша, почему кресту, если он поврежден, не поклоняемся и не целуем его. А вы, ⟨и⟩ если изображение только по грудь, не стыдитесь честь ему как иконе воздавать?» Философ же ответил: «Крест имеет четыре части. И если одна из них пропадет, то он уже своего образа не сохраняет. А икона только ликом и являет образ и подобие того, кто на ней написан. Не львиный ведь образ, не рысий видит тот, кто на нее смотрит, а первообраз». И опять сказал старец: «Как вы поклоняетесь кресту и без надписи, хотя были и другие кресты, иконе же, если не имеет она надписи, чей это образ, не творите почести?» Философ же отвечал: «Всякий крест подобен Христову кресту. А иконы не имеют все одного облика». Старец же сказал: «Бог сказал Моисею: „Не сотвори всякого подобия“. Как же вы, сотворяя, поклоняетесь им?» Философ на это отвечал: «Если бы ты сказал: „Не сотвори никакого подобия“, — то верно вел бы спор. Но ты сказал: не ⟨сотвори „всякого“, то есть ⟨и⟩ „достойного“⟩». На это ничего не смог ответить старец и, посрамленный, умолк.

Чтение второе*

По сих же агаряне, нарицаемии срацини, въздвигоша хулу на единобожество Святыя Троица, глаголюще: «Како вы, христiane, единъ Богъ мняще, размъшаете и паки на три, глаголюще, яко Отець и Сынъ и Святыи Духъ есть? Аще можете сказати извѣстно, послѣте мужа, иже могутъ глаголати о семъ, и преприт ны». Бѣ же тогда Философъ двѣмaдeсять и чeтырми лѣтъ. Съборъ сътвори царь, призвавъ его, и рече ему: «Слышиши ли, философе, что глаголють сквернении агаряне на нашу вѣру? То якоже еси Святыя Троицы слуга и ученикъ, шед, противися им. И Богъ, съвршитель всякой вещи, славимый въ Троицы Отець и Сынъ и Святыи Духъ, да ти подасть благодать и силу въ словесѣхъ и яко другаго Давида новаго явить тебе на Голиада с тремя каменми,* и побѣждыша възвратитъ тя к намъ, сподобль небесному царству». Слышав же се, отвѣща Философъ: «Радъ иду за христiанскую вѣру. Что бо есть слаждыше мнѣ не семъ свѣтъ, но за Святую Троицу и живу быти и умрети». Приставльше же ему асукрита Георгиа,* послаша.

Дошедшим же имъ тамо, бѣша образи дѣмонскы написали внѣюду на дверехъ всѣмъ христiаномъ, дивъ творяще и ругающеся.* Въпросиша же Философа, глаголюще: «Можеши ли разумѣти, философе, что есть знамение се?» Он же рече: «Дѣмонскы образы виждю и непшую, яко христiани ту живутъ внутрь. Они же, не могуще жити с ними, бѣжать вонъ отъ нихъ. А идѣже сего знаменна нѣсть внѣюду, то с тѣми суть ту внутрь».

На обѣдѣхъ сѣдѣаше агаряне, мудраа чадъ и книжнаа, учена многон мудрости и астрономии и прочимъ учениемъ, искушающе его, въпрашааху, глаголюще: «Видиши ли, философе, дивно чюдо, како Божии пророкъ Махметъ принесъ намъ благуя вѣсть отъ Бога, обрати многы люди. И вси держимся по законъ и ничьсоже преступающе. А вы, Христовъ законъ держаше, вашего пророка, овъ сиче, овъ инако, якоже есть годѣ комуждо васъ, тако держите и творите». К симъ же Философъ отвѣща: «Богъ нашъ яко пучина есть морскаа. Пророкъ же глаголетъ о немъ: „Родъ его кто исповѣсть? Возмлетъ бо ся отъ земля животь его“.* Сего же ради исканиа мнози в пучину ту входятъ. И силнии умомъ, его богатство разумное приемлюще, преплавають и възвращаются. А слабии, яко въ изгнилыхъ кораблехъ покушающеся преплутити, овии истапаютъ, а друзии с трудомъ едва отдыхають, немощною лѣнностью вдающеся. Ваше есть узко и удобно, еже можетъ и прескочити всякъ, малъ и великъ. Нѣсть бо кромѣ людскаго обычая, но еже вси могутъ дѣлати, а ничьсоже вамъ заповѣдалъ. Егда бо нѣсть вамъ встѣгнутъ гнѣва и похоти, но попустилъ — то в каку вы имате вринутити пропасть? Смыслении да разумѣютъ. Христосъ же не тако, но отъ низу тяжкое горѣ възводитъ вѣроу и *дѣтелию Божию*. Творечъ бо есть всѣмъ, межю ангелъ и скоты человека сътворилъ есть, словесемъ и смысломъ отлучивы и отъ скота, а гнѣвомъ и похотью отъ ангелъ. И еиже ся кто *части приближаетъ*, паче тою ся причащаетъ — вышнихъ или нижнихъ». Въпросиша же и паки:

Чтение второе

После этого агаряне, называемые сарацинами, возвели хулу на божественное единство Святой Троицы, говоря: «Как вы, христиане, думая, что Бог един, разделяете его опять на три части, говоря, что есть Отец и Сын и Святой Дух? Если можете рассказать точно, пошлите людей, которые бы смогли говорить об этом и переспорить нас». Было же тогда Философу двадцать четыре года. Собрал царь собор, призвал его и сказал ему: «Слышал ли ты, философ, что говорят скверные агаряне о нашей вере? Так как ты Святой Троицы слуга и ученик, то пойдя, противься им. И Бог, свершитель всякого дела, в Троице славимый Отец и Сын и Святой Дух, да подаст тебе благодать и силу в словах, и явит тебя как нового Давида на Голиафа с тремя камнями, и победившим возвратит тебя к нам, сподобив небесному царству». Услышав это, отвечал Философ: «С радостью пойду за христианскую веру. Что для меня слаще на этом свете, чем за Святую Троицу и жить и умереть». И приставив к нему асикрета Георгия, послали (их в путь).

Дойдя же туда, (увидели что) на дверях у всех христиан образы демонские были нарисованы для позора и поругания. И спросили (агаряне) Философа, говоря: «Можешь ли понять, философ, что это значит?» Он же отвечал: «Демонские образы вижу и не сомневаюсь, что здесь внутри живут христиане. Они же не могут жить с ними и бегут вон. А где такого знака нет снаружи, то с теми там внутри».

Сидя на обеде агаряне, люди мудрые и книжные, обученные многим премудростям, и астрономии и прочим наукам, испытывали его, спрашивая и говоря: «Видишь ли, философ, дивное чудо, как пророк Божий Мухаммед принес нам благую весть от Бога и обратил (в свою веру) многих людей. И все мы соблюдаем закон и ни в чем не нарушаем. А вы, держа заповеди Христовы, вашего пророка, один так, а другой по-другому, — как кому угодно, так (им) следуете и исполняете». На это Философ отвечал: «Бог наш подобен пучине морской. Пророк же о нем говорит: „Род его кто разъяснит? Ибо взимается от земли жизнь его“. И ради этих поисков многие в пучину ту входят. И сильные умом, богатство мудрости его принимая, переплывают и возвращаются. А слабые, как в сгнивших кораблях пытаюсь переплыть, одни тонут, а другие с трудом едва могут отдышаться, немощной отдаваясь лени. А ваше (учение) узкое и удобное, и его всякий может перескочить, и малый и большой. Нет (в нем ничего), кроме людского обычая, но (только то), что могут делать все, а ничего (другого) вам (пророк ваш) не заповедал. Если он не запретил вам гнев и похоть, а допустил их — то в какую вы будете ввергнуты пропасть? Имеющий смысл да разумеет. Не так Христос (делает), но снизу тяжкое возводит кверху верою и действием Божиим. Ибо творец всему создал человека между ангелами и животными, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от ангелов. И кто к какой части приближается, той и становится причастен —

«Како вы, единому Богу сущю, въ три славите и? Скажи, аще веси. Отца бо нарѣчете и Сынъ и Духъ. То аще тако глаголете, то и жену ему дадите, да ся от того мнозѣ бозѣ расплодять». К симъ же Философъ отвѣща: «Не глаголете тако хулы бе-щину. Мы убо добръ есмь навикли от отецъ и от пророкъ и от учитель славити Троицю: Отецъ и Слово и Духъ, и три упостаси въ единомъ существѣ. Слово же то въплотися въ Дѣвѣ и родися нашего ради спасения, якоже и Махъметъ вашъ пророкъ свѣдѣльствуетъ, написавъ сиче: „Послахомъ духъ нашъ къ дѣвѣи и извольше да родить”. От сего же азъ вамъ извѣщение творю о Троици».* Сими же словесы пораждени на другая ся обратиша, глаголюще, яко: «Тако и есть, яко глаголеши, гости. Да аще Христосъ Богъ вашъ есть, почто не творите, якоже велить? Писано бо есть в евангельскихъ книгахъ: „Молити за врагы. Добро дѣйте ненавидящимъ и гонящимъ”.* Вы же не тако, нъ противна оружья острите на творящая вамъ таковая». Философъ же противу симъ отвѣща: «Двѣма заповѣдма сущема въ законѣ, кто законъ свѣршая является, иже ли едину съхранить, или иже и обѣ?» Отвѣщаша же они, яко иже обѣ. Философъ же рече: «Богъ есть рекль: „Молите за обидящая”.* Тъ есть паки рекль: „Больша сея любѣви не можетъ никтоже явити на семь житии, но* да свою душу положить за други”.* Другъ же ради мы се дѣмъ, да не с телеснымъ пленениемъ и душа их пленена будетъ». Паки же глаголаша они: «Христосъ есть данъ даяль* за ся и за ны. Вы же како не творите того дѣль? И уже аще браняще себе, то како поне дани не даете сичему велику и крѣпку языку измаилитьску за братью вашу и за други? Мала же и просимъ, токмо единого златника. И донелѣже стоитъ вся земля, хранимъ миръ межю собою, якоже инъ никтоже». Философъ же отвѣща: «Аще убо кто въ слѣдъ учителя ходя, и хоцетъ во тѣ же слѣдъ ходити, во ньже и онъ, други же, срѣтъ и, съвратитъ и — другъ ли ему есть или врагъ?» Они же рѣша: «Врагъ». Философъ же рече: «Егда Христосъ данъ даяль, кое владычество бѣ: измаилитьско ли или римьско?» Отвѣщаша же они: «Римьско». «Тѣмъ же не достоинъ насъ зазирати, понеже римляномъ даемъ вси данъ». По сихъ же и ина многа въпрашания въпрашаша и, искушающе от всѣхъ художествии, яже и самѣ имѣяху. Сказа же имъ вся. И яко я препрѣ о сихъ, и рѣша к нему: «Како гы вся си умѣеши?» Философъ же рече к нимъ: «Чьловекъ етеръ, почерпъ воду в мори, в мѣшцы ношаше ю. И гордяшеся, глаголя къ страньникомъ: „Видите ли воду, еяже никтоже не имѣеть развѣ мене?” Пришедъ же единъ мужъ поморникъ и рече к нему: „Неистовъ ли ся дѣеши, хваляся токмо о смърдящимъ мѣшцы? А мы сего глубину имѣемъ”. Тако и вы дѣете. А от насъ суть вся художества изшѣла».

По сихъ же дивъ творяще, показаша ему виноградъ *несаженъ*, инѣгда от земля изникнуущъ. И яко сказа имъ, како се бываетъ, паки показаша ему все богатство: храмины утворены златомъ и серебромъ и каменiemъ драгимъ и бисеромъ, глаголюще: «Вижь, философе, дивно чудо: сила велика и богатство

высшей или низшей». И вновь спросили его: «Как вы, если Бог един, в трех его славите? Скажи, если знаешь. Отца называете и Сын и Дух. Если так говорите, то и жену ему дайте, чтобы от того многие боги расплодились». На это же Философ ответил: «Не говорите такой бесчинной хулы. Мы хорошо научились от *святых* отцов и от пророков и от учителей славить Троицу: Отец, и Слово, и Дух, и три ипостаси в единой сущности. Слово же воплотилось в Деве и родилось ради нашего спасения, как и ваш пророк Мухаммед свидетельствует, написав следующее: „Послали мы дух наш к деве и пожелали, чтобы родила“. Поэтому я извещаю вас о Троице». Пораженные этими словами, они обратились к другому, говоря: «Так и есть, как ты говоришь, гость. Но если Христос — Бог ваш, почему не делаете того, что он велит? Ведь написано в евангельских книгах: „Молитесь за врагов. Делайте добро ненавидящим и гонящим“. Вы же не так *поступаете*», но ответное оружие точите на делающих вам такое». Философ же на это ответил: «Если две заповеди есть в законе, кто совершеннее соблюдает закон: тот, кто одну сохранит, или же обе?» И ответили они, что тот, кто обе. Философ же сказал: «Бог сказал: „Молитесь за обижающих“. Но еще он сказал: „Нет больше той любви в этой жизни, как если кто положит душу свою за друзей своих“. Ради друзей мы делаем это, чтобы с пленением тела и душа их пленена не была». И вновь сказали они: «Христос давал дань и за себя и за нас. Как же вы не творите того, что он делал? И уж если вы защищаете себя, то почему вы не даете дани такому великому и сильному народу измаилитскому за братьев ваших и друзей? Ведь мы мало и просим: только один златник. И пока стоит земля, сохраним между собой мир, как никто другой». Философ же ответил: «Если кто ходит по следу учителя и хочет по тому же пути идти, что и он, а другой встретит и совратит его (с пути) — друг ли ему или враг?» Они же ответили: «Враг». Философ же спросил: «Когда Христос дань платил, чья была власть: измаилитская или римская?» И ответили они: «Римская». «Потому не следует нас осуждать, что римлянам все даем дань». После этого и много других вопросов задавали ему, испытывая его во всех искусствах, которые имели сами. И на все им ответил. И когда победил их в споре, то сказали ему: «Как ты все это знаешь?» Философ же ответил: «Некий человек, зачерпнув воды из моря, в бурдюке носил ее. И гордился, говоря странникам: „Видите ли воду, какой никто, кроме меня, не имеет?“ Пришел же один помор и сказал ему: „Не безумен ли ты, похваляясь всего лишь смердящим бурдюком? А у нас ее бездна“. Так и вы поступаете. А все искусства вышли от нас».

После этого, желая удивить его, показали ему несаженный виноградник, некогда проросший из земли. И когда объяснил им, как это бывает, то еще показали ему все богатство: здания, украшенные золотом и серебром, и драгоценными камнями, и жемчугом, говоря: «Посмотри, философ, на чудо

много армениино* владыкы срачиньска». Рече же к нимъ Философъ: «Не диву се есть, Богу же хвала и слава, створшему вся си и въдавшему на утѣху чловекомъ. Того бо суть, а не иного». Сетьнѣ же на свою злобу обрашье, даша ему ядъ пити. Нъ Богъ милостивый рекъ: «Аще и смертно что испиѣте, ничтоже васъ не вредить».* Избави и того и на свою землю съдрава възврати и паки.

Не по мнозѣ же времени отрекъся всего житья сего, сѣде на единомъ мѣстѣ и без молвы, собѣ самому токмо внемля. И на утрии днь ничтоже не оставляя, нъ нищимъ раздаяше все, на Бога печаль възмѣтая, иже ся и всѣми на всякъ днь печать.

Единою же на Святыи днь служѣ его тужащю, яко ничтоже не имамъ на сѣи днь чьстьнѣ. Онъ же рече ему: «Прѣпитаваемъ инѣгда израилиты в пустынѣ, тѣ имать дати и намъ сдѣ пищу. Нъ шедѣ призови понѣ 5 нищихъ мужъ, чая Божия помощи». И яко бысть обѣдняя година, тѣгда принесе *нѣкто* мужъ бремя всея яди и 10 златникъ. И Богу хвалу възда о всѣхъ сихъ».*

Въ *Олимпѣ** же шедѣ къ Мефодью брату своему, начать жити и молитву творити беспрестани къ Богу, токмо книгами бесѣдуя.

Чтение 3

Придоша же съли къ цесарю от казаръ,* глаголюще, яко: «Испърва единъ токмо Богъ знаемъ, иже есть надъ всѣми. И тому ся кланяемъ на вѣстоки, а обычая своя ины студныя держаше. Еврѣи же устятъ ны вѣру ихъ и дѣла прияти, а срацини, на другую страну, миръ дающе и дары многы, стѣжать ны на свою вѣру, глаголюще, яко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ языкъ. Тѣ сего ради сълемъ къ вамъ, старую поминающе дружбу и любовь держаше, языкъ бо велии сущъ, от Бога цесарство держите. И вашего совѣта въпрашающе, просимъ же мужа книжна у васъ. Да аще прѣприть еврѣя и срацины, то по вашу ся вѣру имемъ».*

Тогда възыска цесарь Философа и изъобрѣты и, сказа ему козарьскую рѣчь, глаголя: «Иди, философе, к людемъ симъ. Створи имъ отвѣтъ и слово о Святѣи Троици с помощью ея, инѣ бо никтоже не можетъ сего достойно створити». Онъ же рече: «Аще велиши, владыко, на сицу рѣчь радъ иду пѣшь и босѣ и безъ всего же, егоже не веляше Богъ учникомъ своимъ носити». Отвѣщавъ же цесарь: «Аще се ты бы хотѣлъ о собѣ створити, то добрѣе ми глаголеши. Нъ цесарскую деръжаву вѣдши и чьсть, чьственно иди съ цесарскою помощью». Тѣгда же пути ся ятъ. И дошедъ Хорсуня,* научися ту жидовьскы и бесѣдѣ и книгамъ, осмъ частии грамотикии прѣложъ и от того разумъ възприимъ.

Самарянинъ* же етеръ ту живяше и, приходя к нему, стязашеся с нимъ. И принесе книги самарѣйскы* и показа ему. И испрошъ я у него, Философъ затворися въ храмъ, на молитву ся наложи. И от Бога разумъ примъ, *цести* нача книги бес порока. Узрѣвъ же самарянинъ, възпи великимъ гласомъ и

дивное: велика сила и богатство амерумны, владыки сарацинского». Отвечал Философ: «Не чудо это, Богу хвала и слава, создавшему все это и дававшему людям на утеху. Его это все, а не иного». И озлобившись окончательно, дали ему пить отраву. Но милостивый Бог сказал: «И если что смертоносное выпьете, ничто не повредит вам». Спас и его и здорового возвратил вновь в свою землю.

Немного времени спустя отрекся от мира, уединился и безмолствовал, себе лишь внимая. И на завтрашний день ничего не оставлял, но все нищим раздавал, возлагая заботу на Бога, который и обо всех печется каждый день.

Однажды в Святой день печалился слуга его, что ничего не имеет для этого праздничного дня. Он же сказал ему: «Накормивший некогда израильтян в пустыне, тот подаст и нам здесь пищу. А ты пойди позови хотя бы пятерых нищих, надеясь на Божию помощь». И когда настал час обеда, тогда принес некий человек много разной еды и десять золотых. И хвалу вознес Богу за все это.

И пойдя в Олимп к Мефодию, брату своему, начал жить *(там)* и беспрестанно творить молитву к Богу, беседуя лишь с книгами.

Чтение 3

И пришли послы к цесарю от хазар, говоря: «Изначала признаем лишь единого Бога, который есть надо всеми. И тому поклоняемся на восток, но в ином следуем своим постыдным обычаям. Евреи же побуждают нас принять их веру и обычаи, а сарацины, с другой стороны, предлагая мир и дары многие, склоняют нас в свою веру, говоря, что их вера лучше, чем у всех народов. Поэтому посылаем к вам, помня старую дружбу и храня любовь, ибо вы народ великий и от Бога царство держите. И спрашивая вашего совета, просим у вас человека, сведущего в книгах. Если победит он в споре евреев и сарацин, то к вашей вере обратимся».

Тогда цесарь стал искать Философа, и найдя его, поведал ему слова хазар, говоря: «Иди, философ, к этим людям. Дай им ответ и поучение о Святой Троице с ее помощью, ведь никто другой не сможет достойно сделать это». Он же сказал: «Если велишь, владыка, на такое дело с радостью пойду пешим и босым и без всего того, что не велит Бог ученикам своим носить». Отвечал же цесарь: «Если бы ты хотел от своего имени это делать, то правильно говоришь. Но помня о цесарской власти и чести, с почетом иди с цесарской помощью». И тотчас отправился он в путь. И придя в Корсунь, научился там еврейской речи и книгам, перевел восемь частей грамматики и воспринял их смысл.

Жил же здесь некий самаритянин и, приходя к нему, спорил с ним. И принес книги самаритянские и показал ему. И попросив их у него, Философ затворился в храме и стал молиться. И получив разумение от Бога, начал читать книги без ошибки. Увидев это, вскричал самаритянин громким голосом и

рече: «Воистину, иже въ Христа вѣрують, въскоре Духъ Святыи приемлють и благодѣтъ». Сыну же ся его крышыю тогда, и самъ ся по немъ крести.

Обрѣте же ту Евангѣлье и Псалтырь, русьскы писмены* писано, и чьловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою. И бесѣдовавъ с нимъ и силу рѣчи примъ, своеи бесѣдѣ прикладая различно писмена гласная и съгласная. И къ Богу молитву держа, въскорѣ начать чисти и сказати. И мнозѣ ся ему дивляху, Бога хваляще.

Слышавъ же, яко святыи Климентъ еще в мори лежить,* помолися, рече: «Вѣрую в Бога и святѣмъ Климентѣ надѣюся, яко обрѣсти имамъ мощи его и изнести из моря». Убѣждъ же архиепископа* и съ клиросомъ всѣмъ и говѣины мужа, и всѣдше в корабля, и идоша на мѣсто, утишышюся морю велми. И дошедше, начаша копати, поюще. Тѣгда же бысть воня велия, яко кандиль многъ. И по семъ явишася святыя мощи, яже вземше с великою чъстью и славою. И всѣ священники и гражанѣ внесоша я в градъ, якоже пишеть въ обрѣтение его.*

Козарьскыи же воевода с вои шѣдъ, опступи крѣстьянскыи градъ и сплетеса о немъ. Увѣдѣвъ же Философъ, не лѣнься, иде к нему. Бесѣдовавъ же с нимъ, учителная словеса предложъ и укроти и. И общавъся ему на крещение и отъиде, никоеже пакости створи людемъ тѣмъ. Възврати же ся и Философъ въ свой путь. И в първыи час молитву творящу ему, нападоша на нь угри,* яко и волчьскы вѣюще, хотяще и убити. Онъ же не ужасеса, нь ни остави своя молитвы, нь кюръ илѣса* *токмо* възывая — бѣ бо окончалъ уже службу. Они же узрѣвше, по Божию повелѣнню укротѣша и начаша кланятися ему. И слышавше учителная словеса от устъ его, отпустиша и съ всею дружиною.

Всѣдъ же в корабль, пути ся ятъ козарьска на *Меотское* озеро* и Капиинская врата* *Кавкасижскихъ* горъ. Послаша же козарѣ противу его мужа лукава заскопива, иже бесѣдую с нимъ, рече ему: «Како вы золь обычаи имѣете и ставите цесарь инъ въ иного мѣсто, от иного рода? Мы же по роду се дѣемъ». Философъ же к нему рече: «И Богъ бо в Саула мѣсто, ничтоже угодна дѣюща, избра Давида, угажающаго ему, и родъ его». Онъ же рече пакы: «Вы убо *книгы* держаше в руку, от нихъ вся притѣча глаголете. Мы же не тако, нь от пѣрсии всю мудрость, яко поглощыше, износимъ ю». Рече же Философъ к нему: «Отвѣщаю ти к сему. Аще обрящещи мужъ нагъ, и глаголетъ ти, яко многы ризы и злато имею, имеши ли ему вѣру, видя и нага?» И рече: «Ни». «Тако и азъ тебе глаголю. Аще ли еси поглотилъ всяку мудрость, то скажи ны, колько родъ есть до Моисѣя и колико есть лѣтъ которыи же родъ держаль?» Не мога же к сему отвѣщати и умолча.

Дошедшю же ему тамо, егда хотяху на обѣдѣ сѣсти у кагана, въпросиша и, глаголюще: «Кая есть твоя чъсть, да ты посадимъ на своемъ чину?» Онъ же рече: «Дѣдъ имѣхъ велии и славенъ зѣло, иже близъ цесаря сѣдѣше, и даную ему славу волею отвергъ, изгнанъ бысть, и страну ину землю дошедъ, обнища.

сказал: «Поистине те, кто в Христа веруют, быстро приемлют Дух Святой и благодать». Сын же его крестился тогда, а после того и сам он крестился.

И нашел (Философ) здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью. И беседовал с ним и понял смысл языка, соотнося отличия гласных и согласных букв со своим языком. И вознося молитву к Богу, вскоре начал читать и говорить. И многие изумлялись тому, слава Бога.

И слышав, что (мощи) святого Климента еще лежат в море, помолился, сказав: «Верую в Бога и надеюсь на святого Климента, что должен мощи его найти и извлечь из моря». И убедив архиепископа с клиросом и с благочестивыми людьми, взошли в корабли и поплыли к (тому) месту, когда успокоилось море. И придя, начали копать с пением (молитв). И тогда распространился сильный аромат, как от множества фимиама. И после этого явились святые мощи, и взяли их с великой честью и славой. И все священники и горожане внесли их в город, как и пишет (Философ) в его Обретении.

Хазарский же воевода, придя с воинами, осадил христианский город и начал тяжбу о нем. Узнав же (об этом), Философ, не ленись, пошел к нему. И беседовал с ним, поучительные слова сказал и укротил его. И (воевода) обещал креститься, и ушел, не причинив никакого вреда тем людям. Возвратился и Философ на свой путь. И когда он в первый час творил молитву, напали на него угры, воя как волки, желая убить его. Он же не ужаснулся, ни молитву свою не прервал, но лишь взывал: «Кирие, элейсон», так как уже окончил службу. Они же, увидев это, по велению Божьему укротились и начали кланяться ему. И выслушав поучительные слова из его уст, отпустили его со всеми спутниками.

Сев же на корабль, направил он путь к хазарам, к Меотскому озеру и Каспийским вратам Кавказских гор. И послали хазары навстречу ему человека лукавого и коварного, который, беседуя с ним, сказал ему: «Почему у вас нехороший обычай — вы ставите одного цесаря вместо другого из другого рода? Мы же совершаем это по родству». Философ же отвечал ему: «И Бог вместо Саула, не творившего ничего, (ему) угодного, избрал Давида, угождающего ему, и род его». Он же опять спросил: «Вот вы, держа в руках книги, лишь из них говорите все притчами. Мы же не так (поступаем), но из груди всю мудрость, как бы поглотив ее, произносим». И сказал Философ ему: «Отвечаю тебе на это. Если встретишь человека нагого, а он скажет тебе, что имеет много одежд и золота, поверишь ли ему, видя его нагим?» И сказал тот: «Нет». «Так и я тебе говорю. Если ты поглотил всю мудрость, то скажи нам, сколько поколений до Моисея и сколько лет длилось каждое из них?» Не смог он на это ответить и замолчал.

И когда он дошел туда, то, собираясь сесть у кагана на обеде, спросили его, говоря: «Какой ты имеешь сан, чтобы посадить тебя по достоинству твоему?» Он же сказал: «Дед у меня был великий и славный, который сидел рядом с цесарем, и по своей воле данную ему славу отверг, изгнан был, и в страну земли

И ту мя роди. Азъ же, дѣдня части древняя ища, не достигъ иная прияти, Адамовъ бо внукъ есмь».* И отвѣщаша же ему: «Достоинно и право глаголеши, гости». И от сего же паче начаша на немъ чсть имѣти. Каганъ же чашю вземъ и рече: «Пиемъ во имя Бога единого, створшаго всю тварь». Философъ же чашю вземъ и рече: «Пию въ единого Бога и Словесъ его, имже небеса утвердишася, и животворящаго Духа, имже вся сила ихъ състоитъ». Отвѣща к нему каганъ: «Вси равно глаголемъ. О семъ токмо различно держимъ: вы бо Троицу славите, а мы Бога единого, улучше книги». Философъ же рече: «Слово и духъ книги проповѣдають. Аще кто тобѣ чсть творить, твоего же словесъ и духа не в чсть имѣть; други же паки все трое въ чсть имѣть — которые от обою есть чтивѣи?» Онъ же рече: «Иже все трое въ чсть имѣть». Философъ же отвѣща: «Тѣмъ же мы боле волею творимъ, вещьми сказующе и пророкъ слушающе. Исаия бо рече: „Слушай мене, Иякове Израилю, егоже азъ зову: азъ есмь първыи, азъ есмь въ вѣки“.* И нынѣ Господь посла мя и Духъ его». Июдѣи же, стояще около его, ркоша ему: «Рчи убо, како можетъ женскъ родъ Бога вмѣстити въ црево, на нже не можетъ никтоже възрѣти, а нѣли родити и». Философъ же показавъ перстомъ на кагана и на перваго совѣтника и рече: «Аще кто речеть, яко първыи совѣтникъ не можетъ чредити кагана и паки же речеть, послѣднии рабъ его сего *можетъ** кагана ичредити и и чсть ему створити — что имѣемъ наречи и, скажите ми, неистова ли или несмыслена?» Они же реша: «И зѣло неистова». Философъ же к нимъ рече: «Что есть от видимыя твари чьстнѣ всѣхъ?» Отвѣща же ему: «Чьловекъ по образу Божию сътворенъ есть». Паки же рече к нимъ Философъ: «То како не суть трѣсновѣ, иже глаголють, яко не можетъ вмѣститися Богъ въ чьловека? А онъ в купину ся вмѣсти и въ облакъ, и в бурю, и дымъ, являся Моисѣови и Иову. Како бо можеша иному болящю, а иного ицилити? Чьловѣчьску убо роду на ислѣние пришедъшю, от кого бо паки бы обновление приялъ, аще не от самого Творча? Отвѣщайте ми, ащъ врачъ, хотя приложити пластырь болящимъ, приложить ли или дрѣвѣ или камени? И явить ли от сего чьловека исцѣлѣвъша? И како Моиси рече Духомъ Святымъ въ своей молитвѣ, руцѣ простеръ: „Въ горѣ каменнии и въ гласѣ трубнѣмъ не являи ны ся к тому, Господи щедрыи, но вселивъся в нашу утробу, отымъ наша грѣхы“.* Акюла* бо тако глаголетъ». И тако разидошася съ обѣда, нарекше днь, во нже *бесѣдують* о всихъ сихъ.

Сѣдъ же паки Философъ с каганомъ и рече: «Азъ убо есмь чьловекъ единъ въ васъ без рода и другъ. И о Бозѣ же ся стяжаемъ вси, емуже суть в руку всякая сѣрдца наша. От васъ же иже суть силнѣи въ словесехъ. Бесѣдующемъ намъ, еже разумѣють — да *глаголють*, яко тако есть, а ихъ же не разумѣють — да въпрашають, — и скажемъ имъ». Отвѣща же июдѣи и ркоша: «И мы держимъ въ книгахъ и слово и духъ. Скажи же намъ, которые законъ Богъ дастъ чьловекомъ първое: Мосѣови ли или иже вы держите?» Философъ же рече: «Сего ли ради насъ въпрашаєте, да първыи законъ держите?» Отвѣща

иной придя, обнищал. И здесь породил меня. Я же, ища давней чести деда, не сумел обрести иной, ведь я Адамов внук». И ответили ему: «Достойно и правильно говоришь, гость». И после этого еще больше стали почитать его. Каган же взял чашу и сказал: «Пьем во имя Бога единого, сотворившего все». Философ же взял чашу и сказал: «Пью во славу единого Бога и Слова его, которым утверждены небеса, и животворящего Духа, в котором вся сила их состоит». И отвечал ему каган: «Все одинаково говорим. Одно только различно соблюдаем: вы Троицу славите, а мы единого Бога, постигнув *⟨смысл⟩* книг». Философ же сказал: «Слово и дух книги проповедуют. Если кто тебе честь воздает, а слову твоему и духу чести не воздает; другой же воздает всем трем — который из двух почтительнее?» Он же сказал: «Тот, который почитает все три». Философ же отвечал: «Поэтому и мы больше *⟨чем вы⟩* добровольно почитаем *⟨Бога⟩*, приводя свидетельства и пророков слушая. Ибо Исайя сказал: „Послушай меня, Иаков Израиль, призванный мой: я есть первый, я последний“. И ныне Господь и Дух его послали меня». Иудеи же, стоя около него, сказали ему: «Скажи, как может женщина вместить Бога в чрево, на которого никто не может взглянуть, а не то что родить его?» Философ же указал перстом на кагана и на первого советника и сказал: «Если кто-нибудь скажет, что первый советник не может *⟨достойно⟩* принять кагана, и потом скажет, что последний раб его может принять кагана и честь ему оказать — как его назовем, скажите мне, безумным или неразумным?» Они же сказали: «И крайне безумным». Философ же сказал им: «Что достойнее всего из видимых созданий?» И ответили ему: «Человек, сотворенный по образу Божию». И вновь сказал им Философ: «Как же тогда не безумцы те, кто говорят, что не может вместиться Бог в человека? А он востли себя и в купину, и в облако, и в бурю, и в дым, являясь Моисею и Иову. Как можно, если болеет один, исцелять другого? Ведь если род человеческий пришел к погибели, от кого может он вновь получить обновление, как не от самого Творца? Отвечайте мне, разве врач, желая наложить пластырь больному, приложит его к дереву или к камню? И выздоровеет ли человек от этого? И как Моисей говорил, *⟨исполненный⟩* Духа Святого в своей молитве, воздев руки: „В горе каменной и в гласе трубном не являйся нам, Господи щедрый, но вселившись в нашу утробу, возьми наши грехи“. Акилла так говорит». И так разошлись с обеда, назначив день, в который будут беседовать обо всем этом.

Сел же вновь Философ с каганом и сказал: «Я — один человек среди вас без родственников и друзей. И все мы рассуждаем о Боге, в руках которого все сердца наши. От вас же те, кто сильнее в словах. Когда мы будем беседовать, то, что они поймут — пусть скажут, что это так, а то, чего не поймут — пусть спросят, — скажем им». Отвечали же иудеи и сказали: «И мы следуем в книгах и слову и духу. Скажи же нам, какой закон Бог сначала дал людям: Моисеев или тот, которому вы следуете?» Философ же сказал: «Потому ли вы спрашиваете, что первому закону следуете?» Отвечали они: «Да. Первый и подобает».

они: «Еи. Първыи бо и достоинъ». И рече Философъ: «То аще хотите първыи законъ держати, то от обрѣзання уклонитесь отинудъ». Ркоша же они: «Что ради сиец глаголеши?» Философъ же рече: «Скажите ми, убо не потаяще, въ обрѣзании ли есть първыи законъ данъ или въ необрѣзаныи?» Отвѣщаша они: «Мнимъ, въ обрѣзании». Философъ же рече: «Не Ноеви ли Богъ дасть законъ първѣе по заповѣдании отпаденни Адамовъ, завѣтъ нарѣчая законъ? Рече же бо к нему: „Се азъ въздвигну завѣтъ мой с тобою и съ сѣменемъ твоимъ и со всею землею. Тремя заповѣдьми държимъ: все ядите зелие травное и елико на небесѣ и елико на землѣ и елико на водахъ, развѣ мяса в крови душа его не ядите. И иже прольетъ кровь чловецю, да прольется своя ему в того мѣсто”.*

Что глаголете противу сему, първыи законъ рекъше держати?» Июдѣи же к нему отвѣщаша: «Първыи законъ Мосѣовъ държимъ. Сего же нѣсть нареклъ Богъ закона, нѣ завѣтъ, яко и первое заповѣдь къ чловеку в Раи. И къ Авраму инако обрѣзание, а не законъ. Ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. Различно бо есть творецъ нареклъ обое». Философъ же отвѣща к нимъ: «Азъ о семъ скажу сиец, яко законъ ся нарѣчается и завѣтъ. Господь бо глагола ко Авраму: „Даю законъ мой въ плоть вашу, — еже и знамение нарече, — яко будетъ межю мною и тобою”.*

Тоже къ Иеремии паки въпиетъ: „Послуши же завѣта сего и възглаголеши бо, рече, къ мужемъ Июдовимъ, живущимъ въ Ерусалимѣ. И речеши к нимъ: Тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: проклятъ чловекъ, иже не послушаетъ словесъ завѣта сего, иже заповѣдахъ отчемъ вашимъ въ день, въ нже изведохъ я и-земля Егупетъскы”.*

Отвѣщаша июдѣи къ сему: «Тако и мы държимъ, яко законъ наричається и завѣтъ. Елико же ся ихъ держа по законъ Мосѣовъ, вси Богу угодиша. И мы държимся по нь и надѣмся такоже быти. А вы въздвигъше инъ законъ, попираете Божии законъ». Философъ же рече к нимъ: «Добрѣ дѣемъ. Аще бо бы и Аврамъ не ялъся по обрѣзание, но держалъ Ноевъ завѣтъ, не бы ся Божии другъ нареклъ; ни Моисѣ же послѣди паки написавъ законъ, перваго не держа. Такоже и мы по сихъ образу ходимъ и, от Бога законъ примше, държимъ, да Божия заповѣдь тверда прѣбываетъ. Давъ бо Ноеви законъ, не сказа ему, яко другыи имамъ ему дати, нѣ въ вѣкы прѣбывающе въ души живу. Ни паки Авраму обѣтования давъ, не възвѣсти ему, яко и другыи имѣю дати Мосѣови. То како вы держите законъ? И Богъ *Иезекиилемъ* въпиетъ, яко: „Прѣставлю и инъ вам дамъ”.*

И Еремия бо рече: „Явѣ се дньи грядуть, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Июдову и дому Изралеву завѣтъ новъ. Не по завѣту, иже завѣсхъ отчемъ вашимъ *въ днь, въ нже* примшю ми руку ихъ извести я и-земля Егупетъскыя, яко ти не прѣбыша в завѣтъ моемъ.*

И азъ възненавидѣхъ я. Яко се завѣтъ мой, иже завѣщаю дому Изралеву по дньех онѣхъ, рече Господь: даю законы моя въ помышления ихъ и на сѣрдцѣхъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Богъ, и ти будутъ мнѣ в люди”.*

И паки тѣ же Еремѣя рече: „Тако глаголетъ Господь Вседержитель: станете на путехъ и видите, и въпросите на стеза Господня правыя и

И сказал Философ: «Но если вы хотите следовать первому закону, то должны совершенно отказаться от обрезания». И сказали они: «Чего ради так говоришь?» Философ же сказал: «Скажите мне, не скрывая, в обрезании ли заключен первый закон или в необрезании?» Отвечали они: «Думаем, что в обрезании». Философ же сказал: «Не Ною ли Бог дал закон впервые после заповеди (при) отвержении Адама, заветом называя закон? Ведь сказал же ему Бог: „Вот я поставлю завет мой с тобой и с потомками твоими и со всею землею. Три заповеди соблюдайте: ешьте всю зелень травную и то, что в небе, и то, что на земле, и то, что в водах, только мяса с кровью, с душою его не ешьте. И кто прольет человеческую кровь, прольет и свою кровь за нее“. Что скажете против этого, говоря, что первый закон (надо) соблюдать?» Иудеи же ответили ему: «Придерживаемся первого закона Моисеева. А тот не назвал Бог законом, но заветом, как и первую заповедь человеку в Раю. И (заповедь) Аврааму (названа) иначе: обрезание, а не закон. Ведь закон есть одно, завет же другое. По-разному ведь Творец назвал оба». Философ же отвечал им: «Об этом я скажу так, что закон называется и заветом. Ибо сказал Господь Аврааму: „Даю закон мой на теле вашем, — который и знамением назвал, — который будет между мной и тобой“. И также к Иеремии вновь воззвал: „Слушай слова завета сего и скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима. И скажи им: Так говорит Господь Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета сего, который я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской“». Отвечали иудеи на это: «Так и мы считаем, что закон называется и заветом. Все, кто соблюдал их и закон Моисеев, все Богу угодили. И мы придерживаемся его и тоже надеемся (угодить Богу). А вы, создав другой закон, попираете закон Божий». Философ же сказал им: «Правильно поступаем. Если бы Авраам не сделал обрезание, а соблюдал Ноев закон, то не был бы назван другом Божиим; ни Моисей, после того как написал закон вновь, первого не соблюдал. Так и мы их примеру следуем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божья заповедь сохранялась твердо. Ведь дав Ною закон, Бог не сказал ему, что потом другой даст, но что этот будет пребывать во веки во (всякой) живой душе. И так же дав обет Аврааму, не возвестил ему, что другой даст Моисею. Так как же вы соблюдаете закон? И Бог (устами) Иезекииля возглашает: „Один уничтожу (закон) и другой вам дам“. И Иеремия говорит: „Вот наступают дни, говорит Господь, когда я заключу с домом Иуды и с домом Израиля новый завет. Не такой завет, какой я заключил с отцами вашими, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, тот завет мой они нарушили. И я возненавидел их. Но вот завет мой, который я заключу с домом Израилевым после тех дней, сказал Господь: вложу законы мои в помышления их и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом“. И еще тот же Иеремия сказал: „Так говорит Господь Вседержитель: остановитесь на путях и рассмотрите, и расспросите о путях Господних правых и вечных, и увидите,

вѣчныя, и видите, который путь истинный, и ходите по нему, и обрящете очищение душамъ вашимъ. И рѣша: не идемъ. Поставихъ въ васъ блюстителя: послушайте гласа трубы. И рѣша: не послушаемъ. Сего ради услышать языци, пасущей стада в нихъ. И тогда слыши земле: се азъ навожю на люди си зло, плодъ отвращения ихъ, зане словесъ пророкъ моихъ не вняша и законъ отринуша".* Не токмо же сими едиными скажу, яко законъ престае, но инѣми многими винами, от пророкъ явѣ. Отвѣщаша к нему иудѣи: «Всякъ жидовинъ се вѣсть воистину, яко будетъ тако. Нѣ не уже время пришло естъ о помазанѣмъ». Философъ же рече къ нимъ: «Что си предлагаете, видяще, яко и Ерусалимъ скрушенъ естъ, жертвы престалы суть, и все ся естъ сбыло, еже суть пророци прорекли о васъ? Малахія бо явѣ вопиеть: „Нѣсть моя воля въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы от рукъ вашихъ не приемлю. Зане от вѣстокъ солнца и до запада имя мое славится в языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ темьянъ приноситься имени моему и жертва чиста, зане велико имя мое въ языцѣхъ, глаголетъ Господь Вседержитель"». * Они же отвѣщаша: «Се, еже глаголеши. Все языци хотять быти благословени у насъ и обрѣзании въ градѣ Ерусалимѣстѣ». Рече же Философъ: «Тако Моисѣи глаголетъ: „Аще послушающе, послушаетъ по всему хранити законъ, будутъ придѣли ваша от моря Чермнаго до моря Филистимска, и от пустыня до рѣкы Ефранта"». * А мы языци, о немже о сѣмени Аврамли благословимся, и от Есѣова корене ишедшимъ и чаянии языкъ нареченъ и свѣтъ всея земля и всѣхъ островъ, славою Божию просвѣщенъ, не по тому закону, ни мѣсту. Пророци велми вѣпють. Рече бо Захарія: „Радуися зѣло, дѣщи Сионова! Се цесарь твой грядеть кротокъ, всѣдъ на жрѣбець осель, сынъ яремничъ. И паки потрѣбитъ оружие от Ефрѣма, и конь от Ерусалима, изъглаголетъ миръ языкомъ, и власть его от краи земля до коньца вселения". * Ияковъ же рече: „Не оскудѣть князь от Иуды, ни игумень от стегну его, дондеже придетъ емуже ся щадить", * — и тѣ чаяние языкомъ. Си вся видяще скончана и свѣршена, кого иного ждете? Даниль бо рече, от ангела наученъ: „70 недель до Христа игумена, еже естъ четириста и девять десять лѣтъ запечатлѣти видѣние и пророчество". * Кое же ли вы ся мнить желѣзное царство, * еже Даниль мнить во иконѣ?» Отвѣщаша они: «Римское». Философъ же въпроси я: «Камень, уторгыся от горы безъ рукъ чьловечьскъ, * кто естъ?» Отвѣщаша они: «Помазаныи». Паки же ркоша: «То аще сего сказаемъ пророки и инѣми вещьми уже пришедша, якоже глаголеши, како римское царство доселѣ держитъ царство?» Отвѣща Философъ: «Не держитъ уже, мимошло бо естъ, яко и прочая по образу иконьному. Наше бо царство нѣсть римско, нѣ Христово. Якоже рече пророкъ: „Въздвигнетъ Богъ небесныи царство, еже въ вѣкы не истлѣеть, и цесарство его людемъ инѣмъ не оставиться, истънитъ и извѣтъ вся царства, и тѣ станеть въ вѣкы". * Не крѣстьянско ли естъ царство нынѣ Христовымъ именемъ нарѣчаемо, а римлянѣ идолѣхъ прилежаху. Сии же ово от сего, ово от иного языка и племени въ Христово имя

какой путь истинный, и идите по нему, и найдете очищение душам вашим. И сказали: не пойдем. И поставил я стражей над вами, *сказав*: слушайте звука трубы. И сказали: не послушаем. Поэтому услышат народы, пасущие стада в них. И тогда слушай земля: вот, я наведу на народ сей пагубу, плод отвращения их, ибо они словам пророков моих не вняли и закон отвергли». И не только этими одними *примерами* покажу, что закон изменяется, но и другими явными доводами от пророков». Отвечали ему иудеи: «Всякий иудей знает воистину, что будет так. Но не пришло еще время для Мессии». Философ же сказал им: «Что себе представляете, видя, что и Иерусалим разрушен, жертвоприношения прекратились, и все сбылось, что прорекли пророки о вас? Ведь Малахия открыто восклицает: „Нет моей воли в вас, говорит Господь Вседержитель, и жертвы из рук ваших не приемлю. Ибо от востока солнца и до запада имя мое славится народами, и на всяком месте приносится фимиам имени моему, жертва чистая, потому что велико имя мое между народами, говорит Господь Вседержитель”». Они же отвечали: «Правильно говоришь. Все народы хотят быть благословленными от нас и обрезанными в городе Иерусалиме». Сказал же Философ: «Так говорит Моисей: „Если вы будете соблюдать закон, будут земли ваши от моря Черного до моря Филистимского и от пустыни до реки Ефрата”. А мы, *иные* народы, от того благословимся из семени Авраамова, *кто* от корня Иессеева вышел и назван надеждою народов, и светом всей земли и всех островов, и славою Божиею просвещены не по тому закону, и не в том месте. Пророки громко возглашают. Ведь сказал Захария: „Ликуй, дочь Сиона! Се цесарь твой грядет кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истребит оружие Ефрема и коней в Иерусалиме, возвестит мир народам, и владычество его будет от края земли до конца вселенной”. Иаков же сказал: „Не прекратится князь от *рода* Иуды, ни игумен от чресл его до тех пор, пока не придет тот, кому предназначено”, — и он надежда народов. Все это видя оконченным и свершившимся, кого другого ждете? Ведь сказал Даниил, наставленный ангелом: „Семьдесят недель до Христа игумена, что составляет чetyреста девяносто лет, *на которые* запретятся видения и пророчества”. Чье вы думаете железное царство, которое Даниил представляет в видении?» Отвечали они: «Римское». Философ же спросил их: «Камень, оторвавшийся от горы без рук человеческих, кто есть?» Отвечали они: «Мессия». И вновь они сказали: «Но если тот, о котором говорят пророки и другие доводы, уже пришел, как ты говоришь, то как же римское царство властвует до сих пор?» Отвечал Философ: «Не властвует уже, миновало оно, как и другие *царства*, явленные в видении. Наше же царство не римское, а Христово. Как сказал пророк: „Воздвигнет Бог небесный царство, которое в веки не разрушится, и владычество его не достанется другому народу, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно”. Не христианское ли царство ныне именем Христа называется, а *ведь* римляне поклонялись идолам. Эти же один от одного, а другой от

царствуют, якоже пророкъ Исаия, являя, глаголя къ вамъ: „Остависте имя ваше в сытость избраннымъ моимъ; вас же избьетъ Господь, а работающѣи ему наречется имя ново, еже благословено будетъ по всей землѣ, благословятъ бо Бога истиннаго, и кленущиися на землѣ — кленутся Богомъ небеснымъ”.* Не свѣршило ли ся все пророческое проречение? Уже явѣ реченая о Христѣ. Исаия бо съказаетъ рождество его от дѣвы, глаголя сице: „Се, дѣва въ чревѣ приметъ и родить сынъ, и наркутъ имя ему Еммануиль, еже есть сказано: с нами Богъ”.* А Михѣя рече: „И ты, Вифлеоме, земле Иудова, никакоже менши бываи въ владыкахъ Иудовахъ, и ис тебе бо ми изидеть игумень, иже упасетъ люди моя Израиля, исходи его искони от дѣнии вѣка. Сего ради дасть я до времени ражающая и родити”.* Иеремия же: „Въпросите и видите, аще родитъ мужескъ полъ? Яко великъ дѣнь тѣ, якоже не бысть инъ; и лѣто тѣсно будетъ Иякову, и от сего спасется”.* И Исаия рече: „Преже даже болящия не роди, и преже даже не приде рождество, болезни избѣжа, и роди мужескъ полъ”.* Паки же иудѣи рѣша: «Мы есмь от Сима благословенное сѣмя, благословени отцемъ нашимъ Ноемъ, вы же нѣсте». Сказавъ же имъ о семъ и рече: «Благословение отца вашего *и*но ничтоже нѣсть, токмо хвала Богу, оного же ничтоже убо не идетъ. Се убо есть: „Благословенъ Господь Богъ Симовъ”,* а къ Афету глагола, от негоже мы есмь: „Да распространитъ Богъ Иафета, да ся вселитъ в села Симова”.* И от пророкъ же и от инѣхъ книгъ сказая, не остави ихъ, дондоже сами рѣша, яко: «Тако есть, якоже глаголеши». Ркоша же паки: «Како вы, имуще упование на чловека и творитеся благословени быти, а кѣнигы проклинаятъ такового?» Отвѣща Философъ: «То проклятъ ли есть Давидъ или благословенъ?» Рекоша же они: «И зѣло благословенъ». Философъ же рече: «То и мы на того уповаемъ, на негоже и онъ. Рече бо въ псалмехъ: „Ибо чловекъ мира моего, на нѣже уповахъ”.* Чловекъ же то есть Христосъ Богъ. А иже уповаеъ на простъ чловекъ, то мы и того проклѣта творимъ».

Паки же ину притцю предложиша, глаголюще: «Како вы крѣстьянѣ обрѣзание отместе, а Христу не отвергшю его, нѣ по закону скончавшю?» Отвѣща Философъ: «Иже бо рече пѣрвие къ Авраму: „Се буди знамение межю тобою и мною”,* — тѣ и свершити е пришедъ. И от того державше до сего. А прочее не дасть ему мимоити, нѣ крѣщение намъ подасть». Ркоша же они: «Тѣ что ради инии пѣрвии угодиша Богу, того знаменія не примше, нѣ Аврамле». Отвѣща Философъ: «Никоториже бо от тѣхъ является двѣ женѣ имѣвъ, нѣ токмо Аврамъ. И сего ради уда того урѣзаемъ, предѣлъ дая не преступати его дале, нѣ по первому сверстию Адамову образъ дая прочимъ во тѣ ходити. Иякову бо такоже створи: утерплъ жилу стегна его,* зане чѣтыри жены поять. Разумѣвъше же вину, еяже ради то ему створи, нарече имя ему Израиль, сирѣчь „умомъ зря Бога”.* К тому бо не является примешся к женѣ. Аврамъ же того не разумѣ». Паки же въпросиша и иудѣи: «Како вы идоломъ ся кланяюще,

другого народа и племени царствуют во имя Христа, как пророк Исайя, свидетельствуя, говорил вам: „И оставьте имя ваше избранным моим в насыщение; и убьет вас Господь, а рабов своих назовет именем новым, которое благословенно будет по всей земле, ибо благословят Бога истинного, и кто будет клясться на земле — будет клясться Богом небесным”. Не сбылось ли все пророческое предсказание? Уже сбылось сказанное о Христе. Ибо Исайя извещает о рождении его от девы, говоря так: „Вот, дева во чреве примет, и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог”. А Михей говорит: „И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля и которого происхождение от начала, от дней вечных. Посему он оставит их до времени, доколе рождающая его не родит”. Иеремия же: „Спросите и рассудите, рождает ли мужчина? Велик тот день, не было подобного ему; это тяжкое время для Иакова, но он будет спасен от него”. А Исайя сказал: „Еще не мучилась родами, прежде нежели наступили боли ее, избавилась от боли и родила сына”. И вновь сказали иудеи: «Мы от Сима благословенное потомство, благословлены отцом нашим Ноем, вы же нет». И ответил им на это, сказав: «Благословение отца вашего не что иное, как только хвала Богу, ведь ничего вам от этого не будет. Ведь это (слова): „Благословен Господь Бог Симов”, а Иафету, от которого мы произошли, сказано: „Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в селениях Симовых”». И приводя (доказательства) из пророческих и других книг, не отпустил их, пока они сами не сказали: «Так и есть, как ты говоришь». И вновь сказали они: «Как вы, уповая на смертного человека, думаете быть благословенными, если Писание проклинает такого?» Отвечал Философ: «Тогда проклят ли Давид или же благословен?» И ответили они: «Даже много благословен». Философ же сказал: «И мы так же на того уповаем, на кого и он. Ибо сказал он в псалмах: „Человек мира моего, на него же я уповал”. И этот человек есть Христос Бог. А того, кто уповает на обычного человека, и мы проклинаем».

И вновь иной пример предложили ему, говоря: «Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отверг его, но по закону совершил?» Отвечал Философ: «Так как было сказано вначале Аврааму: „Вот знамение между мною и тобою”, — то и завершить его пришел. И от (Авраама) соблюдали (завет) до (Христа). А далее (Бог) не дал ему продлиться, но крещение нам заповедал». И сказали они: «Тогда почему другие, бывшие раньше и угодившие Богу, не получили этого знамения, но лишь Авраамово?» Отвечал Философ: «Никто из них не имел двух жен, но только Авраам. И потому обрезана была ему крайняя плоть, чтобы, установив предел, не преступать его, но, первым браком Адама дав пример, остальным следовать ему. И с Иаковом поступил так же: повредил жилу бедра его, так как он имел четырех жен. Когда же (Иаков) понял причину, по которой совершено с ним это, нарек (Бог) имя ему Израиль, то есть „умом видящий Бога”. И после этого не говорилось, что он прикоснулся к женщине.

творитесь Богу угажати?» Отвѣща Философъ: «Первое ся научите раздѣляти имена, что есть икона и что есть идолъ. И тако смотряще, не поступайте на крестьяны. Десять бо именъ въ вашемъ языцѣ о семь образѣ лежить. Въпрошу же вы и азъ. Образъ ли скиния, юже видѣ въ горѣ Моиси и изнесе, или образъ образа художествомъ сдѣла, прикладомъ образъ, клины, и усмы, и серестыми, и хѣровимы изрядны.* Понеже бо тако створи, наречемъ ли вы того ради дрѣву, и усъмомъ, и серестымъ чѣсть творити и кланятися, а не Богу, давъшюму в то время так образъ? Также и о Соломонѣ церкви, понеже иконы хѣровимьскы и ангельскы и инѣхъ многы образы имаше. Также убо и мы крѣстьяне, *угожъших* Богу творяще образъ, и чѣсть дѣемъ, отдѣляюще доброе от дѣмоньскыхъ образъ. Хулять бо книги жрущая сыны своя и дщери своя и гнѣвъ Божии проповѣдають; также другыя хвалять, жрущая сыны своя и дщери». Ркоша же паки иудѣи: «Како вы свинину и заячину ядуше, не противитесь Богу?» Отвѣща же к нимъ: «Первуму завѣту заповѣдающа вся снѣсте, яко зелье травное: вся бо чистая чистымъ суть; а сквернымъ и свѣсть ся осквернила.* И Богъ бо въ твари глаголетъ: „Се вся добра зѣло”,* — вашего ради лакомства мало и етеро от нихъ отъять. „Снѣсте бо, — рече, — Ияковъ и насытися, и отвержеся възлюблены”.* И паки: „Сѣдоша людие ясти и пити, вѣсташа играть”.*

От многа же мы се украчъше в малѣ положихомъ селико памяти ради. А иже хочеть свершенихъ бесѣдъ сихъ и святыхъ искати въ книгахъ его, обрящеть я, еже прѣложи учитель наш архиепископъ Мефодий, раздѣли е на *осмь* словесъ.* И ту узритъ словесную силу от Божия благодѣти, яко и пламень полящъ на противныя.

Си же вся каганъ козарскъ съ начальными мужи добрая и подобная его слышавше словеса, ркоша к нему: «Богомъ еси посланъ сѣмо на създание наше и вся книги от него умѣши. Все еси по чину глаголалъ, досыти наслажъ вся ны медвенныя сладости словесы святыхъ книгъ. Нѣ мы есмъ некнижна чада, сему же вѣру имемъ, яко тако есть от Бога. Паче же аще хоцеша покои обрѣсти душамъ нашимъ, всяко исправль притѣчами, скажи намъ по чину, егоже у тебе въпрашаемъ». Также ся разидоша почитъ.

Въ другыи же днь сбравшеся, ркоша ему, глаголюще: «Скажи намъ, чѣстныи мужу, притѣчами умоу вѣру, якоже есть лучши всѣхъ». И отвѣща имъ Философъ: «Дѣва мальжена бѣста у царя етера въ чѣсти велицѣ и любима зѣло. Съгрѣшъшема же има, изгнавъ я от земля посла.* Живущема же многа лѣтъ тамо, дѣти створиста в нищетѣ. Сбирающе же ся дѣти к собѣ, совѣтъ творяху, кымъ ся бы путемъ паки вмѣстити в пѣрвыи чинъ. Овъ же ихъ сиче глагола, а другыи инако, а другыи другояко. Совѣтъ дѣяху, которому совѣту убо достоинъ быти, не добрѣишуму ли?» Ркоша же они: «Что ради сиче

Авраам же этого не понял». И вновь спросили иудеи: «Как вы, поклоняясь идолам, полагаете угодить Богу?» Отвечал Философ: «Сначала научитесь различать понятия, что есть икона, а что идол. И узрев это, не нападайте на христиан. Ибо десять имен существует в вашем языке для такого изображения. Спрошу же вас и я. *⟨Не⟩* образ ли скиния, которую видел на горе Моисей и вынес ее, или не изображение ли образа сотворил он художеством, образ по этому подобию, замечательный *⟨мастерством⟩* резьбы и кожевненным и шерстоткацким, и *⟨изваяниями⟩* херувимов. И если он создал такое, то скажем ли, что вы дереву, и козам, и тканям воздаете почести и поклоняетесь, а не Богу, давшему *⟨вам⟩* в то время такой образ? То же *⟨можно сказать⟩* и о храме Соломоновом, поскольку в нем были подобию херувимов и ангелов и много иных изображений. Так и мы, христиане, создаем подобие угодивших Богу и воздаем им честь, отделяя доброе от изображений демонов. Ведь Писание порицает приносящих в жертву сыновей своих и дочерей своих и возвещает о гневе Божиим, *⟨но⟩* также восхваляет других, жертвующих сыновей своих и дочерей». И вновь сказали иудеи: «Разве вы, поедая свинину и зайчатину, не противитесь Богу?» И ответил им: «Первый завет заповедал все есть как травную зелень: для чистых все чисто; а оскверненным и совесть осквернена. Ведь и Бог о создании *⟨своем⟩* говорит: „Вот, все хорошо весьма“, *⟨но⟩* из-за вашей алчности нечто малое из них изъял. „И питался, — говорит, — Иаков и насытился и оставил возлюбленного *⟨Бога⟩*“. И еще: „Сел народ есть и пить и встал играть”».

От многого мы, сократив это, немногое написали здесь для памяти. А тот, кто хочет полных и святых этих бесед искать в его книгах, найдет их в переложении учителя нашего Мефодия, разделившего их на восемь слов. И увидит там силу слова от Божией благодати, как огонь, пылающий на противников.

Хазарский же каган с мужами начальствующими, выслушав все эти хорошие и достойные слова, сказал ему: «Богом ты послан сюда для назидания нам и все Писание с его помощью знаешь. Все ты рассказал должным образом, досыта усладив нас медовой сладостью словес святых книг. Но мы люди некнижные, верим тому, что так установлено от Бога. Но если хочешь еще более успокоить души наши, то, изложив все примерами, расскажи нам, как должно о том, что мы у тебя спрашиваем». И так разошлись почивать.

Собравшись на другой день, сказали ему так: «Укажи нам, честный муж, на примерах и с рассуждением веру, которая лучше всех». И отвечал им Философ: «Двое супругов были у некоего царя в великой чести и весьма любимы им. Когда же они согрешили, изгнал их, отослав из своей земли в другую. Прожив там много лет, в нищете породили детей. И собравшись, дети держали совет, каким бы путем вернуться вновь в прежнее достоинство. И один из них говорил так, а другой — иначе, а третий — по-иному. Держали совет, какому решению надо следовать, не лучшему ли?» И сказали они: «Зачем ты говоришь

глаголеши? Свои бо каждо съвѣтъ добрѣи творить иного. Июдѣи бо свои добрѣи творять *и срацини такожде, и вы такожде*, а инѣи инѣ. Скажи же, которыхъ разумеємъ добрѣи от сихъ?» Рече же Философъ: «Огнь искушаетъ злато и сребро, а чловекъ лжю умомъ отсѣкаетъ от истины. Рыцѣте же ми, отчего бысть первое отпадение, не от видѣния ли и плода сладкаго и похоти на божество?» Они же ркоша: «Тако есть». Философъ же рече: «Тъ аще кому будетъ пакость, медъ ядышу ли студену воду пивше, пришедъ же врачъ глаголетъ ему: „И еще много медъ ѣдъ, ицѣлѣши“; а иже будетъ воду пилъ, тому глаголетъ: „Студеная воды напивъся, нагъ на мразѣ ставъ, ицѣлѣши“». Други же врачъ не тако глаголетъ, нъ противно врачество заповѣдаетъ: въ меду мѣсто горкое пиюще, поститися, а въ студенаго мѣсто теплое, грѣющеся. Котори убо от обою хитрѣе врачуютъ?» Отвѣщаша вси: «Иже противная врачества заповѣдаетъ. Горестью бо жития сего похотную сласть достойтъ умертвити и смиреннемъ гордость, противнымъ противная врачующе. И мы бо глаголемъ, яко дрѣво, еже първое тернъ створить, то послѣди сладокъ плодъ приплодитъ». Паки же отвѣща Философъ: «Добрѣ рекосте. Христовъ бо законъ остроуту являетъ Божия жития, потомъ же въ вѣчныхъ жилищихъ 100-кратцею плодъ приноситъ».

Единъ же от нихъ свѣтникъ, срациньску злобу всю добрѣ вѣдыи, въпроси Философа: «Рци ми, гости, како вы Махъмета не держите? Тъ бо есть велми Христа похвалилъ въ своихъ книгахъ, глаголя, яко от девы ся родилъ, сестры Моисѣовы, пророкъ велии: мертвыя въскрѣшалъ и всяку язю ицѣлилъ силою великою».* Отвѣща Философъ к нему: «Да судить нас каганъ. Глаголи же, аще пророкъ есть Махъметъ, како имемъ Данилу вѣру? Онъ бо рече: „До Христа всяко видѣние и пророчество прѣстанеть“».* Съ же по Христе являеся, како можетъ пророкъ быти? Аще бо того пророка наречемъ, то Данила отвержемъ». Рекоша же мнози от нихъ: «Данилъ, еже есть глаголалъ, Божиємъ духомъ есть глаголалъ, а Махмета же вси вѣмъ, яко ложъ есть и пагубникъ спасению всѣхъ, иже есть добрѣишая бляди своя на злобу и студодѣяние изблялъ». Рече же първыи свѣтникъ от нихъ къ приятелемъ жидовьскимъ: «Божиею помощию гость сии всю гордыню срациньскую съверже на землю, а вашу на онъ полъ прѣверже яко съкверну». Рекоша же къ всѣмъ людемъ: «Яко же есть далъ Богъ власть надъ всѣми языки цесарю крѣстьяньску и мудрость свѣршену, тако и вѣру в нихъ. И кромѣ ея никтоже не можетъ живота вѣчнаго жити. Богу же слава въ вѣкы». И рекоша вси: «Аминь».

И рече Философъ къ всѣмъ съ слезами: «Братье и отци, и друзи, и чада! Се Богъ дастъ всякъ разумъ и отвѣтъ достоинъ. Аще ли есть и еще кѣто противяся, да придетъ и прѣприти или прѣпърѣнъ будетъ. Иже послушаетъ сего, да ся крѣститъ во имя Святыя Троица. Иже ли не хоцетъ, азъ кромѣ есмь всякого грѣха, а онъ узритъ въ днь судный, егда сядетъ судиа ветхыи дньми* судити всѣмъ языкомъ». Отвѣщаша они: «Нѣсмъ мы собѣ вразѣ. Нъ помалу, иже

это? Ведь каждый свой совет считает лучше других. Иудеи свой лучшим считают, и сарацины тоже, и вы тоже, а иные — другой. Скажи, который мы должны считать лучшим из них?» И сказал Философ: «Золото и серебро испытываются огнем, а человек разумом отсекает ложь от истины. Скажите мне, отчего случилось первое грехопадение, не от зрения ли и сладкого плода, и желания быть божеством?» Они же сказали: «Так и есть». Философ же сказал: «Если кто заболает, поев меда или выпив холодной воды, и придет врач и скажет ему: „И еще много меда съев, исцелишься“; а тому, кто пил воду, скажет: „Холодной воды напившись, нагим на морозе постояв, исцелишься“. Другой же врач не так укажет, но назначит противоположное: вместо меда горькое пить и поститься, а вместо холодного теплое, греясь. Кто же из двоих искуснее лечит?» Отвечали все: «Кто назначает противоположное лечение. Ибо горестью этой жизни следует умертвить сладость похоти, а гордость смирением, излечивая противоположное противоположным. И мы говорим, что дерево, которое сначала произрастит шипы, затем принесет сладкий плод». И снова отвечал Философ: «Хорошо сказали. Ведь Христов закон являет всем суровость жизни, угодной Богу, потом же в вечных жилищах стократно приносит плод».

Один же из тех собравшихся, хорошо сведущий во всем сарацинском лукавстве, спросил Философа: «Скажи мне, гость, почему вы не признаете Магомета? Ведь он много восхвалял Христа в своих книгах, говоря, что от девы родился, сестры Моисея, великий пророк: мертвых воскрешал и любую болезнь исцелял силой своей великой». Отвечал Философ ему: «Пусть рассудит нас каган. И скажи, если Магомет пророк, то как поверим Даниилу? Ведь тот сказал: „Перед Христом все видения и пророчества прекратятся“. Этот же, после Христа явившись, как может пророком быть? Если его пророком назовем, то Даниила отвергнем». И сказали многие из них: «То, что сказал Даниил, говорил по божественному вдохновению, а о Магомете все мы знаем, что он обманщик и губитель всеобщего спасения, который свою сильнейшую ересь сочинил для зла и постыдных деяний». И сказал первый советник старейшинам иудеев: «С Божьей помощью гость всю гордыню сарацинскую поверг на землю, а вашу на ту сторону отбросил как скверну». И сказали всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и мудрость совершенную цесарю христианскому, так же и веру для них. И без нее никто не может вечной жизнью жить. Богу же слава в веках». И сказали все: «Аминь».

И сказал Философ всем со слезами: «Братья и отцы, и друзья, и чада! Это Бог дает все понимание и достойный ответ. Если же есть еще кто-нибудь, противящийся, пусть придет и победит в споре или побежден будет. Кто согласен с этим, да крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочет, то нет никакого моего греха, а он свой увидит в день судный, когда сядет Ветхий Днями судить все народы». Отвечали они: «Не враги мы себе. Но постепенно,

можетъ, тако велимъ, да ся кръститъ волею, иже хочеть, от сего дъни. А иже от васъ на западъ кланяется ли жидовьскы молитвы творить, ли срачиньску вѣру держить — скоро съмърть прииметь от насъ». И тако разидошася с радостью.

Кръсти же ся от сихъ до 200 чади, отвергъшеся мерзости поганьскихъ и женитвъ безаконныхъ. Написа же къ цесарю книги каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже ны сказа кръстьянску вѣру, словомъ и вещьми Святую Троицу. И увѣдѣхомъ, яко то есть истая вѣра, и повелехомъ кръститися своею волею. Надѣющеся и мы dospѣти того же. Есме же мы вси друзи и приятель твоему царству и готови на службу твою, яможе хоцещи».

Проважая же Философа, каганъ нача ему дары многы даяти. И не приять их, глаголя: «Даже ми, елико имаеши плененыхъ грекъ сдѣ. То ми есть боле всѣхъ даровъ». Сбравше же ихъ до двюдесяту и вдаша ему. И иде, радуяся, на путь свои.

Дошедше же безводныхъ мѣстъ пустъ, жяжѣ не можаху терпѣти. Обрѣтъше же въ слотинѣ водицу, не можаху от нея пити, бяше бо яко золчъ. Рашедъшемъ же ся имъ всѣмъ искать воды, и рече к Мефодью, брату своему: «Не терплю уже жажѣ, да почерпи убо водѣ сея. Иже бо първие прѣложи израилтомъ горкую воду въ сладкую,* тѣи иматъ и намъ утѣху створити». Почерпъше же, обрѣтоста ю сладку, яко и медвену, и студену. Пивша же, прослависта Бога, творящаго таковая своимъ рабомъ.

Въ Корсунѣ же вечеряя съ архиепископомъ, рече Философъ к нему: «Створи ми, отце, молитву, яко же ми бѣ отецъ мой створилъ». Въпрошъшемъ же етеромъ особъ, что ради се створи, отвѣща Философъ: «Вѣистину от насъ отъидеть утро къ Господу, оставле ны». Еже и бысть словесъ ся събывшу.

Бяше же в Фулъстѣ языкъ* дубъ великъ, срослѣся съ чрешнею, подъ нимъ требы дѣяху, нарѣчающе именемъ Александръ.* Женьску полу не дающе приступати к нему, ни къ трѣбамъ. Услышавъ же то, Философъ не лѣнися трудити до нихъ. Ставъ посредѣ ихъ и рече к нимъ: «Елини суть въ вѣчную муку шли, кланявшеся небу и земли яко богу, такои велицѣи, добрѣи твари. То же и вы, иже ся дрѣву кланяете, худѣи вещи, еже есть готово на огонь, како имате избыти вѣчнаго огня?» Отвѣщаша они: «Мы сего нѣсмъ начали нынѣ творити, нѣ от отецъ есмъ приалѣ. И от того обрѣтаемъ вся прошения наша: дожгъ же *наипаче* наидеть многъ. И како мы се створимъ, егоже нѣсть дързнулъ никтоже створити от насъ. Аще бо и дерзнуть кто створити се, тѣгда же смърть узритъ, и не имамъ к тому дожгя видѣти до кончины». Отвѣща к нимъ Философъ: «Богъ о васъ въ книгахъ глаголетъ, а вы како ся его отмещете? Исаия бо от лица Господня вопиеть, глаголя: „Гряду азъ събрати вся племена и языки, и придуть и узрять славу мою. И поставлю на нихъ знамение и пошлю от нихъ спасенныя въ языки: в Тарсисъ и Фулъ, и Лудъ, и Мосохъ, и Тевель, и въ Еладу и въ острова далняя, иже не суть слышали моего имени, и възвѣстятъ

тем, кто может, так повелеваем: пусть крестится по желанию, если хочет, начиная с этого дня. А тот из вас, кто молится на запад или совершает моление, как евреи, или сарацинской веры придерживается — скоро смерть примут от нас». И так разошлись с радостью.

И крестилось от них до 200 человек, отвергнув языческие мерзости и незаконные браки. И написал к цесарю каган такое письмо: «Послал ты, владыка, такого человека, который объяснил нам христианскую веру, в словах и деяниях Святую Троицу. И поняли мы, что это истинная вера, и повелели креститься по своему желанию. Надеемся, что и мы придем к тому же. Мы же все твои друзья и сторонники твоего царства и готовы служить тебе, где захочешь».

Провожая же Философа, начал каган многие дары давать ему. И не принял их, сказав: «Отдай мне пленных греков, сколько здесь имеешь. Это для меня дороже всех даров». И собрали их до двух десятков и отдали ему. И пошел он, радуясь, путем своим.

Но дойдя до пустых безводных мест, не могли терпеть жажды. Найдя же в солончаке немного воды, не смогли пить ее, ибо была она как желчь. А когда все разошлись искать воду, сказал Философ Мефодию, брату своему: «Не могу больше снести жажды, зачерпни этой воды. Тот, кто прежде превратил для израильтян горькую воду в сладкую, и нам может сотворить утешение». И зачерпнув, обнаружили, что она сладка, как медвяная, и холодна. Напившись же, прославили Бога, совершающего такое для своих рабов.

И ужиная в Корсуни с архиепископом, обратился к нему Философ: «Помолись за меня, отче, как сделал бы это для меня отец мой». Когда же кто-то спросил наедине, зачем он это сделал, отвечал Философ: «Воистину отойдет он от нас утром к Господу, оставив нас». Так и случилось, сбылись его слова.

В (земле) же фульского народа был большой дуб, сросшийся с черешней, под которым совершали жертвоприношения, называя (его) именем Александр. Женщинам не разрешали ни подходить к нему, ни участвовать в жертвоприношениях. Услышав же это, Философ не ленился, потрудиться дойти до них. Встав посреди них, сказал им: «Эллины отошли в вечную муку за то, что почитали как бога небо и землю, такие великие и славные создания. Так и вы, поклоняясь дереву, ничтожной вещи, уготованной огню, как можете избежать вечного огня?» Отвечали они: «Мы не начали это делать в наши дни, а унаследовали от отцов своих. И за это получаем все по просьбам нашим: главное же бывает сильный дождь. Как же мы совершим то, чего никто из нас не осмелился сделать. Ведь если кто и осмелится совершить это, тотчас же узрит смерть, а мы не увидим дождя до конца дней». Отвечал им Философ: «Бог о вас говорит в Писании, как же вы от него отрекаетесь? Ибо Исайя от лица Господа восклицает, говоря: „Приду собрать все народы и племена, и они придут и увидят славу мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис, и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, на дальние острова, которые не

славу мою въ языцѣхъ".* Глаголетъ Господь Вседержитель и паки се: „Азъ послю рыбитвы и ловча многы — и от холмъ, и скалъ каменныхъ изловятъ вы".* Познаите, братье, Бога, створшаго вы. Се евангеліе новаго завета Божіе, в неже ся есте крѣстили».

Такоже сладкими словесы углаголавъ, повелѣ имъ посѣчи древо и съжещи е. Поклонѣ же ся старѣшина ихъ, шедъ, лобыза Евангеліе, такоже и вси. Свѣща же бѣлы приемше от Философа, поюще идоша къ древу. И вземъ секиру Философъ 30 и трижды удари и повелѣ въсѣмъ сѣщи ис коренія и съжещи е. В ту же ночь дождь бысть от Бога. И с радостию великою похвалиша Бога. И веселися Богъ о семъ зѣло.

Философъ же иде въ Цесарьградъ. И видѣвъ цесаря, живяше без мѣлвы, Бога моля, въ церкви Святыхъ Апостолъ сѣдя.

Есть же в святѣи Софїи потиръ от драгаго каменія Соломоня дѣла, на немже суть писмена жидовска и самарѣиска грани написана, ихъже никтоже не можаше ни почисти, ни сказати. Вземъ же ю Философъ почте и сказа: «Есть же сиче. Първая грань: „Чаша моя, чаша моя, прорицаи то: дондеже звѣзда, въ пиво буди Господи и пръвѣнцю, бѣдящу нощию". По семъ же другую грань: „На вкушение Господне створена дрѣва иного; пии, упиися веселиемъ и възпии Алѣлуиа". И по семъ третия грань: „И се князь их, узритъ весь сѣньмъ славу его, и Давидъ цесарь посредѣ ихъ". И по и семъ число написано: девять сотъ и девятеро». Рашетъ же е потонѣку Философъ обрѣте от втораго на десять лѣта царства Соломоня до царства Христова девятьсотъ и девять лѣт.* И се есть пророчество о Христѣ.

Чтение 4

Веселящую же ся о Бозѣ Философу, паки другая рѣчь приспѣ и трудъ не мнии първыхъ.

Ростиславъ* бо моравьскыи князь, Богомъ устимъ, свѣтъ створъ съ князи и с моравляны, посла к цесарю Михаилу, глаголя: «Людемъ нашимъ поганьства ся отвергъшемъ и по крѣстьяскъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ такого, иже бы ны въ свои языкъ истую вѣру съказалъ, да быша ины страны того зряще, уподобили намъ. Посли ны, владыко, епископа и учителя такого. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрыи законъ исходить».

Сбравъ же цесарь зборъ, призва Костянтина Философа и створи слышати рѣчь сию. И рече: «Философе, вѣмъ тя трудна суша, нѣ достоинъ тобѣ тамо ити. Сея бо рѣчи не можеть инъ никтоже исправити, якоже ты». Отвѣща Философъ: «И труденъ сы тѣломъ и боленъ, радъ иду тамо, аще имуть букви въ свои языкъ». Рече цесарь к нему: «Дѣдъ мои и отецъ мои,* и ини мнози, искавшие того, не обрѣли того суть. То како азъ то могу обрѣсти?» Философъ же рече: «То кто можеть на водѣ бесѣду написати или еретическо имя собѣ обрѣсти?» Отвѣща ему паки цесарь, и съ Варъдою, уимъ своимъ:* «Аще ты

слышали моего имени, и они возвестят народам славу мою". И еще говорит Господь Вседержитель: „Я пошлю рыболовов и охотников многих — и на холмах и каменных скалах поймут вас". Признайте, братья, Бога, сотворившего вас. Это благовестие нового завета Божия, в который вы крестились».

Так улаждающими слух речами уговорив их, повелел им срубить дерево и сжечь. И поклонился старейшина их, подойдя, поцеловал Евангелие, и все так же. Взяв у Философа белые свечи, с пением пошли к дереву. И взял Философ секиру и тридцать и трижды ударил, и повелел всем рубить под корень и сжечь его. В ту же ночь был дождь от Бога. И с великой радостью восхвалили они Бога. И очень радовался об этом Бог.

Философ же отошел в Царьград. И повидав цесаря, жил в безмолвии, молясь Богу, в церкви Святых Апостолов сидя.

Есть же в Святой Софии чаша из драгоценного камня работы Соломона, и на ней написаны стихи письменах еврейскими и самаритянскими, которых никто не мог ни прочитать, ни объяснить. И взял ее Философ, почитал и сказал: «Вот что это. Первый стих: „Чаша моя, чаша моя, прорицай это: пока звезда (на небе), для пития будь Господу и первенцу, бодрствующему ночью". Затем второй стих: „Для вкушения Господа создана из другого древа; пей, упейся радостью и воскликни: Аллилуйя". И затем третий стих: „И вот князь их, увидит все собрание славу его, и Давид цесарь посреди них". И потом число написано: девятьсот и девять». Рассчитав же подробно, Философ вычислил, что от двенадцатого года царствования Соломона до царства Христова девятьсот и девять лет. И это — пророчество о Христе.

Чтение 4

И когда Философ радовался о Боге, вновь приспело иное дело и труд не меньше прежних.

Ибо Ростислав, моравский князь, наставляемый Богом, посовествовавшись с князьями и мораванами, послал к цесарю Михаилу сказать: «Люди наши отвергли язычество и последовали христианскому учению, но мы не имеем такого учителя, который бы нам на нашем языке объяснил христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это, уподобились нам. Пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. Ведь от вас во все страны всегда добрый закон исходит».

Собрал цесарь совет, призвал Константина Философа и дал ему выслушать эти слова. И сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе идти туда. Ведь этого дела никто другой не может исполнить так, как ты». Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или (захочет) приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей

хощеши, то можетъ Богъ тобѣ дати, иже даетъ всѣмъ, иже просять несумнѣнѣмъ, и отверзаеъ толкушимъ».*

Шедъ же Философъ, по първому обычаю на молитву ся наложи и с инѣми поспѣшники. Вскорѣ же ся ему Богъ яви, послушаяи молитвы своихъ рабъ. И тѣгда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую: «Испърва бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово»* и прочее.

Възвесели же ся цесарь, Бога прослави съ своими свѣтники. И посла и съ дары многы, написавъ къ Ростиславу епистолию *сицеву*: «Богъ, иже велить всякому чьловѣку, дабы в разумъ истиньный пришелъ и на большии ся чинъ стѣжилъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, створи и ныня в наша лѣта, явле букви въ вашъ языкъ, егоже не бѣ давно было, токмо в первая лѣта, да и вы причтетеся великихъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ. И то ти послахомъ того, ему же ся Богъ яви — мужа чьстна и благовѣрна, книжна зѣло и философа. И съ примъ даръ болии и чьстнѣи паче всего злата и сребра и каменія драгаго и богатства приходящаго. Подвигнися с нимъ спѣшно утвердити рѣчь и всѣмъ сьрдцемъ вискати Бога. И общаго спасения не отрини, нѣ подвигни не лѣнитися, нѣ ятися по истиньный путь, да и ты, приведъ я подвигомъ своимъ в Божии разумъ, примеши мзду свою в того мѣсто въ сѣи вѣкъ и в будующи за вся ты душа, хотящая вѣровати въ Христосъ Богъ нашъ отныня до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ подобно Костянтину* цесарю великому».

Дошедъшю же ему Моравы, с великою чьстью прятъ и Ростиславъ. И събравъ ученикы, дасть я учити. Вѣскорѣ же ся въсь церковьный чинъ прѣложъ, научи я утрени и годинамъ, обѣдни и вечерьнѣи и павечерничѣи и таинѣи службѣ. И отверзошася по пророчьскому словесѣ уши глухыхъ услышать книжная словеса, и языкъ яснѣ бысть гугнивымъ.* Богъ же ся възвесели о семъ велми, а дьяволъ постыдѣся.

Растущю же Божию учению, зѣлыми завистникъ исперва дияволъ, не терпя сего добра, нѣ вшедъ въ своя сьсуды, начатъ много въздвизати, глаголя имъ: «Не славится Богъ о семъ. Аще бо бы ему сиче годѣ было, не бы ли могль сьтворити, дабы исперва писмены пишюше бесѣды своя, славили Бога? Но 3 языки естъ токмо избралъ: еврейскъ, греческъ и латынски,* имиже достоинъ Богу славу въздаяти». Бѣша же се глаголюще латиньстии и спручьстии архирѣи,* с иерѣи и ученицѣ. Сбравшеся с ними, яко Давидъ иноплемьеникы, книжьными словеса побѣжая, нарече я триязычники, яко Пилату тако написавшю на титлѣ Господни.* Не токмо же се едино глаголаху, нѣ иному бе-щинию учаху, глаголюще, яко подъ землею живутъ чьловеци вельглави* и въсь гадъ дияволя тварь естъ. И аще кто убьетъ змию, девяти грѣхъ избудеть того ради.* Аще чьловека убьетъ кто, три мѣсяця да пиетъ въ древянѣи цаше, а стѣкляны ся не прикасаеъ.* Не браняху жертвъ творити по първому обычаю,

своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отвергает всем стучащимся».

Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве (вместе) с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог, внимающий молитвам рабов своих. И тогда он составил письма и начал писать евангельские слова: «В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово» и прочее.

И обрадовался цесарь и прославил со своими советниками Бога. И послал его с множеством даров, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство, увидев твою веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил письма для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог — человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя к божественному разумению, получил награду свою за это в сем веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их утрени и часам, обедне и вечерне и павечернице и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог же очень радовался этому, а дьявол посрамился.

Когда же стало распространяться учение Божие, изначальный злой завистник дьявол, не желая терпеть этого добра, вошел в свои орудия, начал многих воздвигать (против святого), говоря им: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было ему угодно, разве не мог он сделать так, чтобы (все народы) с самого начала, письмами свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал он: еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать хвалу Богу». Говорили же так латинские и франкские архиереи, иереи и ученики. Схватившись с ними, как Давид с иноплемениками, словами Писания победил их, назвал их триязычниками, ибо Пилат так написал в титле Господнем. И не только это одно говорили они, но еще и другому бесчинству учили, говоря, что под землей живут большеголовые люди и что все гады — дьяволы создания. И если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов. А если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться

ни женитвъ бе-щисленыхъ. Все же се яко терние посѣкъ, словеснымъ огнемъ попали, глаголя: «Пожри Богови жертву хвалѣ и въздаи же Вышнему обѣты и молитвы твоя.*. Жены же уности твоя не отпусти. Аще бо ю възненавидѣвъ пустиши, не покрывается нечьсть похоти твоя, глаголетъ Господь Вседержитель, схранитеся духомъ вашимъ, и да не оставитъ къждо васъ жены уности своя. И сихъ, ихъже ненавидѣхъ, творясте, яко Богъ свѣдѣтельствова межю тобою и межю женою уности твоя, юже еси оставилъ, и та обьщница твоя и жена завѣта твоего.* И въ Еуангелїи Господа слышасте: „Яко речено есть дрѣвни-ми: не сотвориши прелюбы“. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже възрїтъ на жену похотѣти еи, уже прелюбы есть створилъ с нею сърдцемъ своимъ. И паки глаголю вамъ, яко иже пуститъ жену свою развѣ словесѣ любодѣнаго, творитъ ю прѣлюбы дѣяти. Иже отпущеную от мужа поиметь, прѣлюбы дѣеть”.* Апостолъ рече: „Яже есть Богъ съчталъ чьловека, да не разлучаета-ся”».*

Четыри же десять мѣсяца* створи въ Моравѣ, иде святить ученикъ своихъ. Прия же и Коцелъ князь *Паноньскъ** и възлюбилъ вельми словеньскы буквы и научиса имъ. Въдавъ до 50 ученикъ учитиса имъ. И велику ему чѣсть створи, мимо проводи. И не взять же ни от Ростислава, ни от Коцела ни злата, ни сребра, ни иная вещи, положъ евангѣльское слово, нъ токмо пленъники испрошъ от обою девять сотъ и отпусти я.

Чѣтьние 5

Бѣнятьщихъ* же бывшую ему, сбрашася на нь пискупи, попове и черноризци, яко вранѣ на соколъ, въздвигоша триязыщную ересь, глаголюще: «Чьловеце, скажи намъ, како ты еси нынѣ створилъ словенемъ книги и учиши я? Ихъже нѣсть никтоже инъ пѣрвое обрѣлъ: ни апостоли, ни римьскыи папѣжъ, ни Диалогъ Григории, ни Еронимъ,* ни Августимъ.* Мы же три языки токмо вѣмъ, имиже достойтъ въ книгахъ славити Бога: еврейскъ, елинескъ, латинескъ». Отвѣща Философъ к нимъ: «Не идетъ ли дождь от Бога равно на вся, ни ли солнце такоже не сияеть ли на вся,* ни ли дыхаемъ на облакъ равно вси? То како вы ся не стыдите, 3 языки токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племенемъ слѣпомъ веляще быти и глухомъ, скажите ми, Бога творяще немощна, яко не могуща сего *дати, или завистлива, не хотяща дати?* Мы же многы роды знаемъ, книги умѣюще, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пѣрси, авазги, иверие, сугди, готи, обѣре, турьси, козарѣ, аравляне, егуптянѣ, сури, ини мнози.* Аще ли не хотите от сихъ разумѣти, поне от книгъ познаите судию. Давидъ бо вопиеть, глаголя: „Поите Господеви, вся земля! Поите и възвеселитесь и въспоите!”* Другояко: „Вся земля да поклонитъся и поеть тебе. Да поють же имени твоему вышнии”.* И паки: „Хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людие. И всяко дыхание да хвалите Господа”.* Въ Еуангелїи же глаголетъ: „Еликоже есть

к стеклянной. И не запрещали ни жертвоприношений приносить по прежнему обычаю, ни бесчисленных браков. Все это он посек как терновник, спалил словесным огнем, говоря: «Принеси как жертву Богу хвалу и воздай Вышнему обеты и молитвы твои. Жену же юности твоей не отпусти. Если, возненавидев, ее отпустишь, не укроется нечестивая похоть твоя, говорит Господь Вседержитель, берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей. И вы то, что я возненавидел, сотворяли, так как был Бог свидетелем между тобой и женой юности твоей, которую ты оставил, что она подруга твоя и законная жена твоя. И в Евангелии Господа слышали: „Как сказано древними: не прелюбодействуй“. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И еще раз говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот заставляет ее творить прелюбодеяние. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует». Апостол сказал: „Если Бог сочетал людей, да не разлучатся“.

И сорок месяцев проведя в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его (по пути) Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. И не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их.

Чтение 5

Когда он был в Венеции, собрались против него епископы, попы и черноризцы, как вороны на сокола, воздвигли трязычную ересь, говоря: «Человек, скажи нам, как ты создал славянам письмена и обучаешь их? Ведь никто же их раньше не обрел: ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Двоеслов, ни Иероним, ни Августин. Мы же только три языка знаем, которыми подобает славить Бога: еврейский, греческий, латинский». Отвечал им Философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, и солнце тоже не сияет ли всем, и не все ли мы равно дышим воздухом? Так как же вы не стыдитесь, полагая только три языка, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими, скажите мне, Бога почитая немощным, не могущим дать это, или завистливым, не желающим дать? А мы многие народы знаем, имеющие письмена и воздающие Богу славу каждый на своем языке. Известно, что это: армяне, персы, абхазы, грузины, сугды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие. Если же не хотите этого понять, то по крайней мере из Писания узнайте судию. Ведь Давид восклицает, говоря: „Пойте Господу, вся земля! Пойте и возвеселитесь и воспойте!“ И другой раз: „Вся земля да поклонится и поет тебе. Да поют же имени твоему вышнему“. И еще: „Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди. Все дышащее да хвалит Господа“. И в Евангелии же (Иоанн) говорит: „А тем, которые приняли его, дал

прияло ихъ, дасть имъ область, да чада Божия будутъ".* И паки тѣ же: „Не о сихъ бо въпрошаю токмо, нѣ и о вѣрующихъ словомъ ихъ въ мя. Да вси едино будутъ, якоже и ты, Отце, во мнѣ и азъ в тебе".* Матфѣи бо рече: „Дана ми есть всяка власть на небесѣхъ и на земли. Шедъше убо научите вся языки, крестя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаше я хранити вся, елико заповѣдалъ есмь вамъ. И се азъ с вами есмь вся дѣни до скончания вѣка. Аминь".* А Марк паки глаголетъ: „Шедъше въ весь миръ, проповѣдите Еуангеліе всеи твари. Вѣровавшии, крестятся, спасутся, а не вѣровавшии осудятся. Знаменія же повѣровавшихъ поидутъ си: именемъ моимъ бѣсы ижденутъ, языкъ възглаголютъ новы".* Глаголемъ то же к вамъ: „Горе вамъ, кнѣзѣи, фарисѣи, ипокриты, яко затворяете цесарство небесное прѣд члвчкы. Вы бо не входите и хотящихъ внити не оставляете внити".* И паки: „Горе вамъ, книжницы, яко взяте ключъ разумныи: нѣ сами не внидете и хотящимъ внити възбраните".* Къ кореньѣомъ же Павелъ рече: „Хощю, да вси языки глаголете, паче же да проричаете, болии убо проричая, нежели глаголя языки, развѣ еще не сказаетъ да церкви създание приметъ. Нынѣ же, братье, аще приду к вамъ, языки глаголя, кую вамъ пользу створю, аще вамъ не возглаголю или откровениемъ, ли разумомъ, ли пророчствомъ, ли учениемъ? Обаче бездушень глас дающе аще ли пищали, аще ли гусли, аще разнествія гласомъ не дасте — како разумѣтся сопомое ли или гуденое? Ибо аще безвѣстенъ глас труба дасть, кто уготовається на брань? Тако и вы языкомъ аще неразумна словеса дасте, како разумно будетъ глаголемое? Буде бо въ аеръ глаголюще. Толико убо аще ся ключить родъ гласныхъ въ всемъ мирѣ, и ни единъ же ихъ безгласень. Аще убо не вѣмъ силы гласу, то будутъ *глаголющему* ми варваръ и глаголяи мнѣ варваръ. Тако и вы, понеже ревнителѣ есте духовнымъ къ създанию церкви, просите, да вы избываєтъ. Тѣм же глаголяи языкомъ молиться да скажетъ ти. Аще бо языкомъ молитву дѣя, то духомъ молится, а умомъ бес плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ — помолюся умомъ, спою духомъ — спою же и умомъ. Аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто неразумнаго, како речетъ «аминь» по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добръ хвалиши, нѣ другии не зижеться. Хвалю Бога моего о всѣхъ насъ, паче же языки глаголю. Нѣ въ церкви хощю 5 словесъ умомъ своимъ глаголати, да ины научю, а не еже тѣму словесъ языкомъ. Братіе! не дѣти бывайте умы, но злобою же младенествуите, умы же свѣршенѣ будете. В законѣ пишеть: «яко иноязычники ихъ устнами инѣми възглаголю людемъ симъ, и тако не послушаютъ мене, глаголетъ Господь». Тѣм же языци въ знамение невѣрнымъ суть, а пророчество не невѣрнымъ, нѣ вѣрующимъ. Аще бо снидется церкви вся вкупѣ, и вси глаголютъ языки, внидеть же неразумивъ или невѣренъ, — не рчетъ ли, яко зѣли ся дѣете? Аще ли вси пророчествуютъ, внидеть же инъ невѣренъ и неразумивъ, обличается предъ всѣми, встязается от всѣхъ. И тайная сердца его явѣ бываетъ, и тако падеть

власть быть чадами Божиими". И еще тот же: „Не о них же только молю, но и о верующих в меня по слову их. Да будут все едино, как ты, Отец, во мне, так и я в тебе". Ведь Матфей говорит: „Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я заповедал вам. И я с вами во все дни до скончания века. Аминь". А Марк еще говорит: „Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасется, а неверующий осудится. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим изгонят бесов, заговорят новым языком". Скажем это и вам: „Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам. Ибо сами не входите и желающих войти не допускаете". И еще: „Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и желающим войти воспрепятствовали". И Павел говорит коринфянам: „Хочу, чтобы все (вы) говорили на (чужих) языках, но лучше бы прорицали, ведь больше прорицающий говорящего на языках, если только не толкует, чтобы церковь получила назидание. Теперь же, братья, если приду к вам, говоря на языках, какую вам пользу принесу, если вам не изъяснюсь или откровением, или смыслом, или пророчеством, или поучением? Ведь и бездушный звук издавая или свирель или гусли, и если не разделите звуков — как можно понять играемое на свирели или гуслях? Ибо если неопределенный звук труба издает, кто изготавится к бою? Так и вы если (чужим) языком неразумные слова скажете, как можно понять сказанное? Будет в воздух говориться. Столько ведь, например, родов звуков во всем мире, и ни один из них не беззвучен. Если я не знаю смысла звучащего, то буду говорящему мне иноземец, и говорящий мне иноземец. Так и вы, поскольку вы ревнители духовного назидания, просите, чтобы вы обогатились. Так и говорящий на языках пусть молится о истолковании. Ведь если я молитву творю на (чужом) языке, то дух молится, а ум без плода. Что же тогда? Помолюсь духом — помолюсь и умом, воспою духом — воспою и умом. Если благословляешь духом, (то) стоящий на месте неразумного как произнесет «аминь» после твоей хвалы, поскольку не знает, что ты говоришь. Ты хорошо восхваляешь, но другой не назидается. Хвалю Бога моего за всех нас, особенно за говорящих на языках. Но в церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы иных научить, а не тьму словес на (чужом) языке. Братья! не дети будьте умом: на зло будьте младенцами, а умом будьте взрослыми. В законе написано: «как иноязычникам устами иными буду говорить людям сим, (но) и тогда не послушают меня, говорит Господь». Итак, языки для знамения неверующим, а пророчество не для неверующих, а для верующих. Если сойдется церковь вся вместе, и все заговорят (разными) языками, и войдет неразумный или неверующий — не скажет ли, что вы беснуетесь? А если все пророчествуют, и войдет один неверующий и неразумный, то обличается перед всеми и вопрошается всеми. И тайное сердца его явным бывает, и падет ниц, и поклонится Богу, говоря: «Воистину Бог в вас». Что же тогда, братья? Когда соберетесь —

ницъ и поклонится Богу, повѣдая: «Въистину Богъ въ васъ есть». Что убо есть, братѣе? Егда сходится къждо васъ, псалмы имѣете, учение имѣете, явление имѣете, языкъ имѣете, сказание имѣете — вся же къ създанию да бывають. Аще ли языкомъ кто глаголетъ — по двѣма или зѣло по тремъ и по части, единъ сказаетъ. Аще ли не будетъ глагольника, да молчитъ въ церкви, собѣ же да глаголетъ и Богу. Пророци же два или трие да глаголють, а друзини да сказують. Аще ли иному явиться седящу, първыи да молчитъ. Могуть бо по единому вси пророчествовати, да вси учаться, и вси утѣшаются. И *дуси пророчестии* пророкомъ повинуются. Нѣсть бо нестроению Богъ, нѣ миру".* Господня бо заповѣдь есть: „Аще кто не разумѣтъ — да учится".* Тѣмъ же, братѣе, рѣвнуйте проричанию и не браните глаголати языки. Вся же благовѣрно по чину да бывають".* И пакы глаголетъ: «Всякъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Богу Отцю.* Аминь». Сими же словесы и инѣми и болше посрамль я, оставле.

Увѣдѣвъ же римскыи папежъ,* посла по нь. Дошедъшу же ему Рима, изиде самъ апостоликъ* Андриянъ* противу ему съ всеми гражаны, свѣща несуще, увѣдѣвше, яко несутъ мощи святаго Климента мученика и папежа римскаго. И тѣгда Богъ чюдеса нача творити: ослабленъ же чьлоовекъ ту ицѣлъ, а ини мнози различныхъ недугъ избыша. Тако же и плененѣи пленшихъ я, нарекъше память святаго Климента, избыша.

Прим же папежъ книги словеньскыя, освяти и положи я въ церкви святыя Марія, яже ся наричаеть Фатанъ,* пѣша же над нимъ литургию. И по семь повелѣ папежъ двѣма епископомъ Фурѣмосу* и Гоидриху* святити словеньскыя ученикы. Яко я святиша, тѣгда пѣша литургию въ церкви святаго Петра* словеньскымъ языкомъ. И въ другыи днь пѣша въ церкви святы *Петрунилы*.* И въ 3 днь въ церкви святаго Андрѣя,* и оттуду пакы у великаго учителя язычскаго Павла апостола в церкы* в нощи пиша святую литургию словеньскы надъ святымъ гробомъ, имѣюще на помощь Арсѣния епископа, единого суца от седми епискупъ,* и Настаса* вивлотикаря.

Философъ же съ своими ученикы не престаяше достоиную хвалу Богу въздая о семъ. Римлянъ же не престаяху идуще к нему, въпрашающе о всемъ. И сказание сугубъ и трѣгубъ приимаху от него.

Жидовинъ же етеръ, такоже приходя, съязашеся с нимъ и рече ему единою: «Нѣсть уже не пришелъ Христосъ по числу лѣтъному, о немже глаголють книги и пророцы, яко от девы ся есть родити».* Почѣтъ же ему Философъ вся лѣта от Адама по роду, сказа ему потонку, яко пришелъ есть, и селико лѣтъ есть от толѣ до селѣ. И научивы и, отпусти.

Постигъшемъ же многимъ трудомъ, болѣти нача. И тепящу ему язю болезненую многы дњи, единомъ видѣвъ Божие явление, начать пѣти сиче: «О рекшихъ къ мнѣ: „Идемъ въ двory Господня” възвеселися духъ мой, и сердце обрадовася».* Облѣкъ же ся въ чьстъныя своя ризы тако прѣбысть весь днь,

каждый из вас (со своим знанием) — то псалмы имеете, учение имеете, откровение имеете, язык имеете, толкование имеете — все, что необходимо для назидания. Если на (чужом) языке кто говорит, то двое или самое большее трое и поочередно, (а) один толкует. А если не будет толкователя, пусть молчит в церкви, себе же говорит и Богу. Пророки же два или три пусть говорят, а другие пусть толкуют. Если другому, сидящему, будет откровение, то первый молчит. Могут по одному все пророчествовать, чтобы все учились и все утешались. И духи пророческие пророкам повинуются. Не есть Бог неустройству, но миру». Господня заповедь есть: „Если кто не понимает — пусть учится”. Итак, братья, старайтесь прорицать, и не запрещайте говорить (чужими) языками. Все пусть будет благоверно по чину». И еще говорит: «Всякий исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». И этими словами еще более посрамив их, оставил.

Узнав об этом, римский папа послал за ним. Когда же Философ дошел до Рима, вышел сам апостолик Адриан навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, узнав, что несут мощи святого Климента мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса: расслабленный человек исцелился здесь, а многие другие избавились от различных болезней. Также и пленные избавились от пленивших их, призвав (на помощь) память святого Климента.

Принял папа книги славянские, освятил и положил их в церкви святой Марии, называемой Фатан, и пели над ними литургию. И после этого повелел папа двум епископам Формозу и Гаудериху рукоположить славянских учеников. Когда их поставляли, тогда пели литургию в церкви святого Петра на славянском языке. И на другой день пели в церкви святой Петронилы. И в третий день в церкви святого Андрея, и потом еще в церкви у великого наставника язычников Павла апостола ночью пели святую литургию по-славянски над святой гробницей, имея в помощь епископа Арсения, одного из семи епископов, и Анастасия библиотекаря.

Философ же со своими учениками непрестанно достойные похвалы возносил за это к Богу. А римляне не переставая шли к нему, спрашивая обо всем. И дважды и трижды получали от него разъяснения.

Некий еврей, также приходя, спорил с ним и однажды сказал ему: «Не явился еще согласно числу лет Христос, о котором говорят книги и пророки, что он от девы родится». И рассчитал ему Философ все годы от Адама по поколениям, и объяснил ему подробно, что уже явился, и сколько лет с тех пор до настоящего времени. И наставив его, отпустил.

И совершив многие труды, (Философ) начал болеть. И страдая от боли много дней, увидев однажды Божие явление, начал петь так: «О сказавших мне: „Идем в дом Господень” возвеселился дух мой, и сердце обрадовалось». И облачился в священные свои ризы и провел так весь день, веселясь и говоря:

веселяся и глаголя: «Отселѣ нѣсмь азъ ни цесарю слуга, ни иному никомуже на землѣ, нѣ токмо Богу Вседержителю бѣхъ и есмь въ вѣкы. Аминь».

Въ утрѣи же днь въ святыи чьрньчьскыи образъ оболкъся и свѣтъ къ свѣту примѣ и имя си нарече Кюрилѣ.* В томѣ же образѣ пребысть 50 дньи.* И яко приближися година, да покои примѣ, прѣставитѣся на вѣчную жизнь, и въздвигъ къ Богу руцѣ свои и створи молитву, слезами сице глаголя: «Господи Боже мои, иже еси ангельская вся чины и бесплотныя съставль силы, небо распнь и землю основаль, и вся сущая от небытья в бытѣе приведе, иже еси всегда весдѣ послушалъ творящихъ волю, боящихся тебе и хранящихъ заповѣди твоя. Послушай моя молитвы и вѣрное твое стадо схрани, емуже мя бѣ прѣставиль, неключимаго и недостойнаго раба твоего, избавляя вся от всякаго безбожныя и поганьскыя злобы и от всякаго многорѣчиваго имени и хульнаго еретичьска языка, глаголющаго на тя хулу. Погуби триязычную ересь и въздрасти церковь свою множествомъ, и вся въ единомушье съвокупле. Створи изрядны люди, единомысляща о истиннѣи вѣрѣ твоеи правѣмъ исповѣдани, въдохни же въ сердца ихъ слово твоего учения. Твои бо есть даръ, аще ны еси прия недостойныя на проповѣдание еуангелѣя Христа твоего. Остриающаяся на добрая дѣла, творяще угодная тобѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко твое тобѣ предаю. Устрой я силою твоею и десницею, покрывая кровомъ крилу твоею,* да всяко хвалятъ и славятъ имя Отца и Сына и Святаго Духа въ вѣкы. Аминь». Лобъзавъ же вся святымъ лобзаниемъ, и рече: «Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ в ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, нѣ сѣтъ ихъ скрушися, и избави ны* от истлѣния». И тако почи о Господѣ, бывъ 42 лѣтъ, въ 14 днь мѣсяца февраля, въ индиктъ 2, от твари всего мира 6000 и 300 и 70 и 7 лѣтъ.*

Повелѣ же апостоликъ всѣмъ грѣкомъ, иже бяху в Римѣ, тако и римляномъ, съ свѣщами съшедъшеся, пѣти надъ нимъ, створити провожение ему, якоже самому папѣю створили. То же и створиша.

Мефодии же брат его въпроси апостолика, глаголя, яко: «Мати ны есть заклѣла, да иже наю пьрвѣе на судъ идеть, да прѣнесетъ братъ въ свои монастырь* и ту и погребеть». Повелѣ же папѣю вложить и в раку и забити и гвозды желѣзны. И тако держа и 7 дньи, готова и на путь. Рекоша же къ апостолику римьстии пискупы: «Понеже есть Богъ, по многимъ землямъ хожьша, привель и сѣмо и сдѣ душю его изяль — сдѣ ему достойтъ лежати яко чьстьну мужю». Рече же апостоликъ: «То за святыну его и любовь римьскыи обычаи прѣступле, погребу и в моемъ гробѣ въ церкви святаго апостола Петра». Отвѣща же братъ его: «Понеже мене не послушасте и не дасте ми его, аще вы есть любо, да ляжетъ въ церкви святаго Климента,* с нимъже есть сѣмо пришелъ». Повелѣ же апостоликъ тако створити.

И паки сбравшемъ епископомъ всѣмъ и чернецемъ и всѣмъ людемъ проводить и чьстно. Хотяще же положить и, рекоша епископы: «Отгвождыше

«Отныне я не слуга ни цесарю и никому иному на земле, но одному лишь Богу Вседержителю был и есть во веки. Аминь».

Наутро же постригся в святой иноческий образ и, приобщив свет к свету, нарек себе имя Кирилл. И пробыл в этом образе 50 дней. И когда приблизилось время, приняв покой, перейти в вечную жизнь, воздел к Богу руки свои и прочитал молитву, так говоря со слезами: «Господи Боже мой, который составил все ангельские чины и бесплотные силы, небо распростер и землю основал, и все сущее от небытия в бытие привел, всегда и везде внимающий волю твою творящим, боящимся тебя и хранящим заповеди твои. Вними моей молитве и сохрани верное твое стадо, к которому приставил меня, негодного и недостойного раба твоего, избавляя от всякой безбожной и языческой злобы и от всякого многословия и от хульного еретического языка, возводящего хулу на тебя. Истреби трязычную ересь и умножь церковь свою числом 〈верующих〉, объединив всех в единомудрии. Сотвори избранниками людей, мыслящих едино об истинном исповедании подлинной веры твоей, и вдохни в их сердца слово твоего учения. Ведь это твой дар, что принял ты нас, недостойных, для проповедования евангелия Христа твоего. Стремящихся к добрым делам и творящих угодное тебе, которых ты поручил мне, как твоих тебе передаю. Благоустрой их силою твоею и десницею, покрывая сенью крыльев твоих, чтобы всячески восхваляли и прославляли имя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь». Облобызав всех святым лобзанием, сказал: «Благословен Бог наш, который не отдал нас как добычу зубам невидимых врагов наших, но разрушилась сеть их, и избавил нас от ислечения». И так почил в Господе, прожив 42 года, в 14 день месяца февраля, во 2 индикт, от сотворения мира в 6377 году.

Повелел апостолик всем грекам, которые были в Риме, а также и римлянам, собравшись со свечами, петь над ним, устроить ему проводы как самому папе. Так и поступили.

Брат же его Мефодий попросил апостолика, говоря: «Мать наша завещала нам, чтобы того, кто из нас первый умрет, перенес брат в свой монастырь и там его похоронил». И повелел папа положить его в раку и забить ее гвоздями железными. И так задержали его семь дней, готовя в дорогу. И сказали апостолику римские епископы: «Раз Бог привел его, ходившего по многим землям, сюда и здесь его душу взял — здесь ему следует покоиться как достойному мужу». И сказал апостолик: «Тогда ради святости его и любви нарушив римский обычай, похороню его в моей гробнице в церкви святого апостола Петра». Отвечал же брат его: «Раз вы меня не послушали и не отдали его мне, то, если вы согласны, пусть лежит он в церкви святого Климента, с 〈мощами〉 которого пришел сюда». И повелел папа поступить так.

И вновь собрались все епископы и чернецы и все люди проводить его с честью. Когда же хотели положить его в гробницу, сказали епископы: «Вынув

раку, видимъ, аще есть цѣль, еда есть что взято от него». И тружьшеся много, не могоша отгвоздити раку по Божию повелѣнью.

И тако с ракою положиша и въ гробъ о десную страну олтаря въ церкви святаго Климента, идеже начаша тогда многа чюдеса бивати, еже видѣвше римлянь боле ся прѣложиша святыни его и чьсти. Написавъ же икону его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ днь и ношь,* хваляще Бога, прославляющаго тако же славять. Тому бо есть слава въ вѣки. Аминь.

гвозди из раки, посмотрим, цел ли он, или же взята часть от него». И много трудясь, не смогли открыть раку по Божиему повелению.

И так в раке положили его в гробницу справа от алтаря в церкви святого Климента, где начали тогда свершаться многие чудеса, видеваемые, римляне больше стали почитать святость его и честь. И написав образ его над гробницей, <зажгли лампаду, чтобы> светила над ним день и ночь, восхваляя Бога, прославляющего так <тех>, что славят его. Тому слава во веки. Аминь.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

МѢСЯЦА АПРЕЛЯ ВЪ 6 ДѢНЬ* ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ
БЛАЖЕНАГО ОТЬЦА НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ,
АРХИЕПИСКОПА МОРАВЪСКА

Господи, благослови Отьче!

⟨I.⟩ Богъ благъ и вѣсемогаи, иже есть створилъ отъ небытия въ бытие вѣсячская видимая же и невидимая и украсилъ всякою красотою, юже кѣто размышляя помышляи по малу отъ чѣсти можетъ разумѣти и того познати, иже есть сѣтворилъ сица дѣла дивна и многа, «отъ великоты бо и доброты дѣлъ по размыслу и родитель ихъ *мудръствуется*»,* иже поють ангели трѣсвятнымъ гласѣмъ и вси правовѣрнии славимъ въ святѣи Троици, сирѣчь въ Отьци и Сынѣ и Святомъ Душѣ, еже есть въ трѣхъ упостасѣхъ, еже можетъ кѣто три лица рещи, а въ единомъ Божьствѣ. Прѣже бо всякого часа и врѣмене и лѣта, надъ всяцѣмъ умѣмъ и смѣслѣмъ неплѣтскѣмъ Отьць самъ есть Сына родилъ, якоже рече Прѣмудрость: «Прѣже вѣсѣхъ хѣлмъ ражаеть мя».* И въ Евангелии рече само божие Слово прѣчистыми усты, выплѣщся на послѣдняя лѣта нашего ради съпасения: «Азъ въ Отьци, а Отьць въ мнѣ».* Отъ тогоже отьца и Святой Духъ исходитъ, якоже рече самъ Сынъ божиемъ гласѣмъ. «Духъ истиннъ, иже отъ Отьца исходитъ».*

Съ Богъ съвършы вѣсю тварь, яко глаголетъ Давидъ: «Словѣмъ Господньмъ небеса утвърдишася, и духѣмъ устъ его вѣся сила ихъ. Яко тѣ рече — и быша, тѣ повелѣ — и създася»,* прѣже вѣсѣхъ сѣтвори челоувѣка, пьрьсть отъ земля приемля, отъ себе душу вѣдѣхнувъ животнымъ дѣхновениемъ и словеснымъ смѣслъ и самовласть, да введеть въ ран, заповѣдь заповѣдавъ ему искусьну: да аще съхранитъ ю, и прѣбудеть бесъмьртнъ, аще ли прѣступитъ, смьртию умьреть отъ своея воля, а не отъ Божия велѣния.

Узърѣвъ же дияволъ челоувѣка тако почѣтена и устима на то мѣсто, съ негоже тѣ своею гърдынею съпаде, и сѣтвори прѣступити заповѣдь и из-д-рая изгѣна челоувѣка, и смьртию осужъ. И оттолѣ устити начать неприязнь, блазнити многими кѣзнymi челоувѣчскимъ родѣ. Нѣ не остави Богъ великою милостию и любѣвью до конца челоувѣкѣ, нѣ на коеждо лѣто и врѣмя избѣра мужа и яви людѣмъ дѣла ихъ и подвигъ, да ся тѣмъ подобаше, вси на доброе устили.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 6 ДЕНЬ ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ
БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ,
АРХИЕПИСКОПА МОРАВСКОГО

Господи, благослови, Отче!

⟨I.⟩ Бог благой и всемогущий, сотворивший из небытия к бытию все видимое и невидимое и украсивший всякой красотой, которую, если размышлять понемногу, можно мысленно частично уразуметь и познать того, кто сотворил столь многие и дивные создания, ибо «по величию и красоте созданий познается размышлением и создатель их», которого воспевают ангелы трисвятым гласом и мы, все правоверные, славим во святой Троице, иначе говоря в Отце, Сыне и Святом Духе, то есть в трех ипостасях, что можно назвать тремя лицами, но в одном Божестве. Ведь прежде всякого часа, времени и года, выше всякого разума и духовного понимания Отец сам родил Сына, как говорит Премудрость: «Прежде всех холмов рождает меня». И в Евангелии сказало само божье Слово пречистыми устами, воплотившись на будущие времена ради нашего спасения: «Я в Отце, и Отец во мне». От того же Отца и Святой Дух исходит, как сказал сам Сын божьим Словом: «Дух истинный, который от Отца исходит».

Этот Бог, завершив все творение, как говорит Давид: «Словом Господним утвердились небеса и от дыхания уст его вся сила их. Ибо он сказал — и стали, он повелел — и создались», прежде всего сотворил человека, прах от земли взяв, а от себя животворным дуновением душу вдохнув, и осмысленную речь и свободу воли дал, чтобы ввести в рай, заповедь заповедав ему для испытания; если хранит ее, то останется бессмертен, если же преступит, смертью умрет, по своей воле, а не по Божьему велению.

А дьявол, увидев, что человеку оказана такая честь и назначено ему то место, с которого он из-за своей гордыни пал, заставил ⟨его⟩ преступить заповедь, и изгнал человека из рая, и осудил на смерть. И с тех пор начал неприятель соблазнять многими кознями род человеческий. Но Бог в великой милости и любви не оставил человеков совсем, а на каждый год и время избрал мужа и явил людям дела их и подвиг, чтобы все, уподобляясь им, стремились к добру.

Якоже бѣ Енось, иже упова първыи нарицати имя Господьне. Енохъ же потомъ, угожъ Богу, прѣставленъ бысть. Нои правдѣнъ ся обрѣте въ родѣ своемъ, потопа избысть въ ковчезѣ, да ся бы паки земля напълнила твари Божия и украсила. Авраамъ по раздѣлении языкъ, заблужшемъ же всѣмъ, Бога позна и другъ ся ему нарече и обѣтование приять, яко: «Въ сѣмени твоємъ благословлени будутъ вси языци».* Исакъ по образу Христову на гору въ жертву възведенъ бысть. Ияковъ идолы тѣстѣя погуби и лѣствицу видѣ от земля до небесе, ангелы же Божия възходяща и сходяща по неи, и въ благословлениихъ сыновъ своихъ о Христѣ пророчествова. Иосифъ въ Егуптѣ люди прѣпитѣ, Божии ся явлѣ. Иова Авьситидискааго правдѣна, истинна и непорочна Книги сѣказаютъ: искушение приимъ, прѣтърпѣвъ же, благостѣнъ бысть Богомъ. Моиси съ Аронѣмъ въ иерѣихъ Божиихъ Богъ фараосовъ наречесе и мучи Егуптѣ, Божия люди изведе — въ дѣне облакѣмъ свѣтѣлѣмъ, а въ нощи стѣлпѣмъ огнѣмъ, и море проби, и проиду по суху, а егуптяны потопа, и в пустыни безводнѣ люди напои воды и хлѣба ангельскаго насыти и пѣтицъ; и глаголавъ съ Богѣмъ лицѣмъ къ лицу, якоже *нѣсть* възможно челоуѣку съ Богѣмъ глаголати, законъ людѣмъ дасть, Божиємъ прѣстѣмъ *написанъ*. Иисусъ Навѣгинъ людѣмъ Божиємъ землю раздѣли, противники воевавъ. *Судия* такоже многы побѣды сѣтвориша. Божию милость приимъ же, Самоилъ цѣсаря помаза и постави Господнѣмъ словѣмъ. Давидъ кротостию люди распасе и пѣснѣмъ Божиамъ научи. Соломонъ, мудрость от Бога приимъ паче всѣхъ челоуѣкъ, многа казанія добра сѣтвори съ притѣчами, аще и самъ не доконьча. Илия, зѣлобу людскую обличъ гладѣмъ и мѣртва отрока възкрѣшъ и огнь съ небесе словѣмъ сѣнесъ, попалъ многы, и жертвы сѣжже дивнѣмъ огнѣмъ, мѣрзѣкыя же иерѣя избивъ, възиде на небо на колесници огнѣни и конихъ, ученику давъ сугубъ духъ. Елисѣи, милоть приимъ,* сугуба чюдеса сѣтвори. Прочии пророци, кѣждо въ свое врѣмя, о дивныхъ вѣщѣхъ хотящихъ быти пророчествоваша. Иоанъ великий по сихъ, ходатаи межю Вѣтѣхымъ законѣмъ и Новымъ, *крѣстителъ* Христовъ и сѣвѣдѣтель и проповѣдѣтель живымъ же и мѣртымъ бысть.

Святѣи апостоли Петръ и Павѣль съ прочими ученики Христовы, яко мѣлния, всѣ миръ прошьдѣша, освѣтиша всю землю. По сихъ мученици крѣвѣми своими омыша сквѣрну, а настольници святыхъ апостолъ, цѣсаря *крѣщѣше*, многѣмъ подвигѣмъ и трудѣмъ поганѣство раздрушиша. Сельвестръ, чѣстѣно трѣми сѣты и 18 отѣцъ, великаго цѣсаря Костянтина на помощь приимъ, сѣнѣмъ първыи сѣбѣравъ въ Никеи, Ария побѣди и проклятъ и и ересь его, юже въздвизаше на Святую Троицу, якоже бѣ Авраамъ инѣгда съ трѣми сѣты и 18-те отрокъ цѣсаря избилъ и от Мелхиседека, цѣсаря Салимьска, благословление приять и хлѣбъ и вино, бѣ бо иерѣи Бога вышѣняаго. *Дамасъ* же и феологъ Григоринъ съ сѣтѣмъ и пятию дѣсятъ отѣцъ и съ великимъ цѣсарѣмъ Феодосиємъ въ Цѣсариградѣ *потвѣрдиша* святѣй сумболъ, еже естъ: «Вѣрую

Таков был Енос, который первым отважился призывать имя Господне. А после него Енох, угодив Богу, перенесен был (высоко). Ной праведным оказался в роде своем, он спасся от потопа в ковчеге, чтобы опять наполнилась земля творением Божиим и украсилась. Авраам после разделения языков, когда все впали в заблуждение, Бога познал и другом Его назван был, и принял обетование, что «в семени твоём благословенны будут все народы». Исаак подобно Христу возведен был на гору для жертвы. Иаков идолов тестя уничтожил и видел лестницу от земли до неба: ангелы Божии по ней восходили и сходили. И благословляя сынов своих, он пророчествовал о Христе. Иосиф прокормил людей в Египте, показав себя (человеком) Божьим. Об Иове Авситидийском Писание говорит, что был праведен, справедлив и непорочен: подвергнутый испытанию, претерпев (его), благославен был Богом. Моисей, с Аароном, между иереями Божьими Богом (для) фараона назван был, и мучил Египет, и вывел Божий народ — днем вслед за облаком светлым, а ночью за столпом огненным; и море разделил, и прошли по суку, а египтян потопил. И в пустыне безводной напоил народ водой и насытил хлебом ангельским и птицами; и говорил с Богом лицом к лицу, как невозможно человеку с Богом говорить, (и) дал народу закон, написанный Божьим перстом. Иисус Навин, одолев врагов, разделил землю между народом Божьим. Судьи также одержали много побед. А Самуил, получив Божью милость, помазал и поставил царя по слову Господню. Давид с кротостью пас народ и научил (его) песням Божьим. Соломон, получивший от Бога мудрости больше всех людей, много добрых поучений создал и притчей, хоть сам их и не выполнял. Илиа обличил голодом людскую злобу, и воскресил мертвого отрока, и, принеся словом с неба огонь, опалил многих, и жертвы сжег чудесным огнем; перебив нечестивых иереев священников, взошел на небо на колеснице огненной и конях, дав ученику удвоенный дух. Елисей, (его) милость получив, вдвое больше чудес совершил. Другие пророки, каждый в свое время, пророчествовали о будущих удивительных делах. После них великий Иоанн, ходатай между Ветхим и Новым законом, стал крестителем и свидетелем Христовым и проповедником живым и мертвым.

Святые апостолы Петр и Павел с остальными учениками Христовыми, как молния, прошедшая по всему миру, осветили всю землю. После них мученики кровью своей смыли скверну, а преемники святых апостолов, крестив цесаря, великим подвигом и трудом разрушили язычество. Сильвестр праведно из трехсот и восемнадцати отцов, приняв себе в помощь великого цесаря Константина, собрав в Никее первый собор, победил Ария и проклял его и ересь его, которую тот воздвигал на Святую Троицу, как когда-то Авраам с тремястами и восемнадцатью слугами перебил царей и принял благословение и хлеб и вино от Мельхиседека, царя салимского, ведь был тот иереем Бога всевышнего. Дамас же и Григорий Богослов со ста пятьюдесятью отцами и великим царем Феодосием в Царьграде подтвердили святой символ, то есть «Верую во

въ единъ Богъ», а Македония, отсѣкъше, прокляша и и хулу его, юже глаголаше на Святыи Духъ. Келестинъ и Курилъ съ дѣвѣма сътома отьць и съ другимъ цсарьмъ* въ Ефесѣ Несторія раздрушиша съ всею блядию, юже глаголаше на Христа. Львъ и Анатоль съ правовѣрнымъ цсарьмъ Маркианъмъ и съ 6-ю сътъ и трѣми десятии отьць въ Халькидонѣ Евѣтухово безумие и блядение прокляша. Вѣгилій съ богоугоднымъ Иустинъмъ и съ сътъмъ и 60 и 5-тью отьць, 5 сънъмъ съставляше, изискавъше, прокляша. Агафонъ, апостольскыи папѣжъ, съ дѣвѣма сътома и 70 отьць съ чьстнымъ Костянтинъмъ цсарьмъ на шестѣмъ сънъмъ многы мятежа въсколоша, изгънавше, прокляша съ вьсѣми *сънъмники* тѣми. Реку же, Феодора Фараньскааго, Севгира же и Пирона, Кура Александрьскаго, Енорія Римьскаго, Макарія Антиохийскаго и прочая поспѣшныи ихъ, а крѣстьянскую вѣру, на истинѣ поставльше, утвердиша.

По сихъ же вьсѣхъ Богъ милостивыи, «иже хощетъ, да бы всякъ чловѣкъ спасенъ былъ и въ разумъ истинныи пришълъ»,* въ наша лѣта языка ради нашего, о немъ же ся не бѣ никтоже николиже попекълъ, на добрыи чинъ въздвиже нашего учителя, блаженаго учителя Мефодія, егоже вся добрыя дѣтели и подвигы прилагающе, сихъ угодилицъ по единому не постыдимъся, овѣмъ бо равнѣ бѣ, овѣхъ же малы мѣнии, а другихъ болии, словесныи дѣтелью прѣспѣвъ, а дѣтельныи словѣмъ. Вьсѣмъ бо ся уподобъ, вьсѣхъ образъ на себѣ являше: страхъ Божии, заповѣдная храненияя, плѣтскою чистотою, прилѣжныи молитвыи и святыня, слово сильное и кроткое, сильно на противныи, а кроткое на приемлющая казание, ярость, тихость, милость, любвь, страсть и тѣрпѣние, все о всячьскыхъ бывая, да бы вся приобрѣлъ.

Бѣ же рода не худа от обоуду, нѣ вельми добра и чьстна, знаема пѣрвѣ Богъмъ и цсарьмъ и всею Селуньскою страною, якоже и тѣлесныи его образъ являше ся. По тому же и пѣрци, любяще и издѣтска, чьстныи бесѣды дѣяху, дондеже цсарь, *увѣдѣвъ* быстрость его, княжение ему дасть държати словѣнско, *реку* же азъ, яко прозѣря, како и хотяше *Богъ* учителя словѣнемъ посълати и пѣрваго архиепископа, да бы проучилъся вьсѣмъ обычаемъ словѣнскимъ и обьклъ я помалу.

Сътвори же въ томъ княжии лѣта многа, и узрѣ многы мѣлвы бе-щиньны въ житии семъ, прѣложи земьныи тѣмы волю на небесныи мысли, не хотяше бо чьстныи душа орѣпѣтити непрѣбывающими въ вѣкы. И обрѣтъ врѣмя, избытъ княжения и, шьдъ въ Алимбъ,* идеже живутъ святии отци. Постригъ ся, облѣче въ чѣрны ризы, и бѣ повинуюся покорьмъ. И съвършыша вьсѣ испълнь мѣнишьскыи чинъ, а книгахъ прилежа.

Приключьшю же ся врѣмени такому, и посъла цсарь по философа, брата его, въ козары,* да поятъ и съ собою на помощь. Бяху бо тамо жидове крѣстьянскую вѣру вельми хуляще. Онъ же рече, яко «Готовъ есмь за крѣстьянскую вѣру умрѣти». И не ослушася, нѣ, шьдъ, служи яко рабъ мѣншю

единого Бога», и, изгнав Македония, прокляли его и хулу его, которую он говорил на Святого Духа. Целестин и Кирилл с двумястами отцами и другим царем сокрушили в Ефесе Нестория со всей болтовней, которую он говорил на Христа. Лев и Анатолий с правоверным царем Маркианом и с шестьюстами и тридцатью отцами прокляли в Халкедоне безумие и болтовню Евтихиевы. Вигилий с богоугодным Юстинианом и со ста шестьюдесятью пятью отцами, Пятый собор собрав, изыскав *где какая болтовня укрылась*», прокляли. Афагон, апостольский папа, с двумястами и семьюдесятью отцами с честным Константином царем на Шестом соборе многие восстания раскололи и всем тем собором, изгнав, прокляли, я говорю о Феодоре Фаранском, Сергии и Пирре, Кире Александрийском, Гонории Римском, Макарии Антиохийском и прочих приспешниках их, а христианскую веру, на истине стоящую, укрепили.

⟨II.⟩ После же всего этого Бог милостивый, «который хочет, чтобы всякий человек спасен был и до истинного познания дошел», в наше время ради нашего народа, о котором никто и никогда не заботился, для доброго дела воздвиг нам учителя, блаженного учителя Мефодия, которого все добродетели и подвиги к каждому из этих угодников приложив, не постыдимся: ведь одним он равен был, других немного меньше, а иных больше, — красноречивых превзойдя добродетелью, а добродетельных — красноречием. Каждому уподобившись, образ каждого собой явил: страх Божий, хранение заповедей, чистоту плоти, прилежание в молитвах и святости, слово сильное и кроткое — сильное для противников, а кроткое для принимающих поучение, ярость, тихость, милость, любовь, страсть и терпение, — он был всем из всего, чтобы всех привлечь.

Был он рода с обеих сторон не худого, но доброго и честного, известного издавна Богу и царю, и всей Солунской стране, что являл и телесный его облик. Поэтому и *участники* споров, любившие его с детства, вели с ним уважительные беседы, пока царь, узнав о быстроте *ума* его, не поручил ему держать славянское княжение, чтобы он узнал все славянские обычаи и привык понемногу, как будто провидя, — я *бы* сказал, — что Бог хотел послать его учителем для славян и первым архиепископом.

⟨III.⟩ Проведя на княжении много лет и увидев множество беспорядочных волнений этой жизни, он сменил стремление к земной тьме на мысли о небе, ведь он не хотел возмущать благородную душу тем, что не вечно — не прибывающим. И, найдя удобное время, он избавился от княжения и пошел на Олимп, где живут святые отцы. Постригшись, он облачился в черные ризы и пребывал с покорностью повинуюсь. И, исполняя весь монашеский чин, обратился к книгам.

⟨IV.⟩ Но случилось в то время следующее: послал царь за философом, братом его, *чтобы идти* к хазарам *и* чтобы тот взял его себе в помощь. Ведь там были иудеи, сильно хулившие христианскую веру. Он же сказал, что: «Я готов умереть за христианскую веру». И не ослушался он, но, идя, служил как

брату, повинуюся ему. Съ же молитвою, а философъ словесы прѣможеть я, и посрамисте. Видѣвъ же цсарь и патриархъ подвигъ его, добръ на Божии путь, бѣдиша и, да быша и святили архиепископа на чѣстное мѣсто, идеже есть потрѣба такого мужа. Не рачышю же, унудиша и и поставиша и игумена въ манастири, иже нарицается Полихронъ,* емуже есть съмѣра 20 и 4 спудове* злата, а отьць обиле 70 въ немь есть.

Прилучи же ся въ ты дни Ростиславъ, князь словѣньскъ, съ Святопѣлкѣмъ* посъласта из Моравы къ цсарю Михаилу, глаголюща тако: «Яко Божиею милостию съдрави есмь, и суть въ ны вѣшли учителя мнози, крѣсти-яни из влахъ и из грѣкъ и из нѣмьць, учаще ны различь, а мы словѣни проста чадь и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ съказалъ. То, добръи владыко, посъли такъ мужъ, иже ны исправить вѣсяку правду».* Тѣгда цсарь Михаилъ рече къ философу Костянтину: «Слышиши ли, философе, рѣчь сию? Инъ сего да не можеть сътворити развѣ тебе. Тѣ на ти дари мнози, и, поимъ братъ свой игумень Мефедии, иди же. Вы бо еста селунянина, да селуняне вѣси чисто словѣньскы бесѣдуютъ».

Тѣгда не съмяста ся отрещи ни Бога, ни цсаря, по словеси Святаго апостола Петра, якоже рече: «Бога бонтеса, цсаря чѣтѣ».* Нъ велику слышавъша рѣчь, на молитву ся наложиста и съ инѣми, иже бяху тогоже духа, егоже и си. Да ту яви Богъ философу словѣньскы книги. И абие устрои въ письмена и бесѣду съставль, пути ся ятъ моравьскаго, поимъ Мефедия. Начать же, пакы съ покорѣмъ повиную ся, служити философу и учити съ нимъ. И трѣмъ лѣтомъ ишѣдъшемъ, възвратистася из Моравы, ученики научыша.

Увѣдѣвъ же такова мужа, апостоликъ Никола* посъла по ня, желая видѣти я яко аньгела Божия. Святи учение ею, положъ словѣньское Евангеліе на олтари Святаго Петра* апостола, святи же на поповѣство блаженаго Мефедия.

Бяху же етера многа чадь, яже гужаху словѣньскыя книги, глаголюще, яко не достойтъ никоторомуже языку имѣти буквѣ своихъ, развѣ евреи и грѣкъ и латинъ, по Пилатову писанию,* еже на крѣстѣ Господни написа. Еже апостоликъ, пилатъны и трѣязычѣники нареклъ, проклятъ. И повелѣ единому епископу,* иже бѣ тоуже язѣю больнъ, и святи от ученикъ словѣньскъ три попы и 2 анагносты.*

По дѣньхъ же мнозѣхъ философъ, на Судъ грядый, рече къ Мефодію, брату своему: «Се, брате, въ супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свои дѣнь съконъчавъ. А ты любиши гору* вельми, то не мози горы ради оставити учения своего, паче бо можеша кымъ спасенъ быти».

Посълавъ же Коцель* къ апостолику проси Мефодия, блаженаго учителя нашего, да бы и ему отпустилъ. И рече апостоликъ: «Не тебе единому

раб меньшему брату, повинуюсь ему. Он молитвами, а философ словами превозмогли тех и посрамили. Царь же и патриарх, увидев подвиг его, годный для Божьего пути, убеждали его (согласиться), чтобы посветили в архиепископы на почетное место, где есть потребность в таком муже. Так как он не соглашался, принудили его и поставили игуменом в монастыре, который называется Полихрон, доход которого измеряется двадцатью четырьмя спудами золота, а отцов в нем больше семидесяти.

(V.) Случилось же в те дни, что Ростислав, князь славянский, и Святополк послали из Моравии к царю Михаилу, говоря так: «Мы Божьей милостью здоровы, но пришли нам много учителей христиан от итальянцев, и от греков, и от немцев, уча нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас, кто бы наставил нас истине и научил разуму. Потому, добрый владыка, пошли такого мужа, который наставит нас всякой правде». Тогда царь Михаил сказал Философу Константину: «Слышишь ли, Философ, эту речь? Никто другой не может этого сделать, кроме тебя. Так на тебе дары многие и, взяв брата своего игумена Мефодия, ступай же. Ведь вы солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски».

Тут они не посмели отказаться ни перед Богом, ни перед царем, по слову святого апостола Петра, как он сказал: «Бога бойтесь, цесаря чтите». Но почувствовав величие дела, предались они молитве вместе с другими, кто был такого же духа, что и они. И тут явил Бог Философу славянские книги. И тот, тотчас упорядочив буквы и составив беседы, отправился в путь в Моравию, взяв Мефодия. И стал он, снова с покорностью повинуюсь, служить Философу и учить вместе с ним. И когда минуло три года, возвратились они из Моравии, выучив учеников.

(VI.) Узнав же о таковых людях, апостолик Николай послал за ними, желая видеть их, как ангелов Божьих. Он освятил учение их, положив славянское Евангелие на алтаре святого апостола Петра, и посветил в попы блаженного Мефодия.

Было много других людей, которые поносили славянские книги, говоря, что не подобает никакому народу иметь свои буквы, кроме евреев, греков и латинян, по надписи Пилата, которую он на кресте Господнем написал. Их апостолик называл пилатниками и триязчниками. И одному епископу, который был болен тою же болезнью, он повелел посвятить из учеников славянских трех в попы, а двух в анагностов.

(VII.) Спустя много дней Философ, отправляясь на Суд, сказал Мефодию, брату своему: «Вот, брат, были мы с тобой в упряжи, пахали одну борозду, и я у леса (, дойдя борозду,) падаю, свой день окончив. А ты хоть очень любишь гору, но не моги ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?»

(VIII.) Послал Коцел же к апостолику, просил, чтобы отпустил к нему Мефодия, блаженного учителя нашего. И сказал апостолик: «Не тебе одному

тъкъмо, нъ и всѣмъ странамъ тѣмъ словѣньскимъ сълю и учитель от Бога и от святаго апостола Петра, първаго настольника и ключедържѣца цсарьствию небесьному». И посъла и, написавъ епистолию сию: «Андрианъ, епископъ и рабъ Божии, къ Ростиславу и Святопѣлку и Коцьлю. Слава въ вышньихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволение,* яко о васъ духовьная слышахомъ, *на няже жадахомъ съ желаниемъ и молитвою вашего ради съпасения, како есть въздвиглъ Господь сърдѣца ваша искати его и показалъ вамъ, яко не тъкъмо вѣроу, нъ и благыми дѣлы достойтъ служити Богу, „вѣра бо безъ дѣлъ мъртва есть”,* и отпадаютъ ти, иже „ся мнѣть Бога знающе, а дѣлы ся его отъмѣтаютъ”.** Не тъкъмо бо у сего святительскаго стола просисте учителя, нъ и у благовѣрнаго цсаря Михаила, да посъла вамъ блаженаго философа Костянтина и съ братьмъ, дондеже мы не доспѣхомъ. Она же, увѣдѣвъша апостольскаго стола достающа ваша страны, кромѣ канона не створисте ничьсоже, нъ къ намъ придосте, и святаго Климента мощи несуще.* Мы же, тръгубу радость приимъше, умыслихомъ, испытавъше, посълати Мефодия, свящъше и съ ученики, сыну же нашего на страны ваша, мужа же съвършена разумъмъ и правовѣрна, да вы учить, якоже есте просили, съказая кнѣигы въ языкъ вашъ по въсему църкъвъному чину испълнь, и съ святоу мѣшею, рекъше съ службою, и крещениемъ, якоже есть философъ началъ Костянтинъ Божию благодатью из молитвы святаго Климента. Также же еще инъ кто възможесть достойно и правовѣрно съказати, свято и благостно Богъмъ и нами и всею кафоликѣю и апостольскою Църкъвъю буди, да бысте удобъ заповѣди Божия навыкли. Съ же единъ хранити обычаи, да на мѣши първѣе чѣтутъ Апостолъ и Евангелие римьскы, таче словѣньскы. Да ся испълнить Книжьное слово, яко „въсхвалять Господа вси языци”,* и другоиде: „Вси възглаголятъ языки различны величѣя Божия, якоже дасть имъ Святый Духъ отвѣщавати”.*

Аще же кто от събъранихъ вамъ учитель и чешющихъ слухы и от истины отвращающихъ на бляди начьнетъ, дързнувъ, инако развращати вы, гадя кнѣигы языка вашего, да будетъ отълученъ *не* тъкъмо въсуда, нъ и Църкъве, донде ся исправитъ. Ти бо суть вѣлци, а не овѣця,* яже достойтъ от плодъ *ихъ знати* и хранити ся ихъ.

Вы же, чада възлюбленая, послушаите учения Божия и не отринѣте казания църкъвнаго, да ся обрящете истиньнии поклонители Божии, отцю нашему небесьному, съ всѣми святыми. Аминь».

Приятъ же и Коцьль съ великою чѣстью и паки посъла и къ апостолику и 20 мужъ чѣстны чади, да и ему святить на епископство въ Панонии, на столъ святаго Андроника от 70,* еже и бысть.

По семь же старыи врагъ, завидьливый добру и противьникъ истинъ, въздвиже сърдѣце врагу моравьскаго короля* на нь съ всѣми епископы, яко „на

только, но и всем тем странам славянским посылаю его учителем от Бога и от святого апостола Петра, первого престолонаследника и держателя ключей от царствия небесного». И послал его, написав такую эпистолию: «Адриан, епископ и раб Божий, Ростиславу и Святополку и Коцелу. Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение, что услышали мы о вас духовное, на это уповали мы с желанием и молитвою вашего ради спасения, как воздвиг Господь сердца ваши искать его и показал вам, что не только верою, но и благими делами подобает служить Богу, ведь „вера без дел мертва“, и отпадают те, которые „воображают, что знают Бога, но делами отрекаются от него“. Ведь не только у этого святительского престола просили вы учителя, но и у благоверного царя Михаила, чтобы послал он к вам блаженного философа Константина с братом, покуда мы не сделали. Они же, уведав что страны ваши находятся под властью апостольского престола, не сделали ничего противного канонам, но к нам пришли и принесли с собой мощи святого Климента. Мы же, тройную радость получив, замыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, испытав и посвятив его вместе с его учениками, чтобы учил вас, как вы просили, излагая на языке вашем Книги полностью для всего церковного чина, в том числе со святой мессой, то есть службой, и с крещением, как начал философ Константин Божьей благодатью и молитвами святого Климента. Так же если и кто иной сможет достойно и правоверно говорить, — да будет свято и благословлено Богом и нами и всей вселенской и апостольской Церковью, чтобы легче обучились вы заповедям Божьим. Только один этот сохранять вам обычай, чтобы во время мессы сначала читали Апостол и Евангелие по-латыни, потом по-славянски. Да исполнится слово Писания, что „будут хвалить Господа все народы“, и другое: „И все станут говорить о величии Божьем на разных языках, на которых позволит им говорить Святой Дух“.

Если же кто из собранных у вас учителей, из тех, кто тешит слух и от истины отвращает к заблуждениям, начнет, дерзнув, вносить между вами разлад, порицая книги на вашем языке, пусть будет отлучен не только от причастия, но и от Церкви, пока не исправится. Ибо они суть волки, а не овцы, что следует по плодам их узнавать и беречься от них.

Вы же, чада возлюбленные, повинуйтесь учению Божьему и не отриньте поучения церковного, чтобы вы стали истинно поклоняющимися Богу, отцу нашему небесному, со всеми святыми. Аминь».

Коцел же принял его с великой честью и снова послал его, а также двадцать человек из именитых людей, к апостолику, чтобы он посвятил его на епископство в Паннонии на престол святого Андроника, апостола из числа семидесяти, что и стало.

⟨IX.⟩ После этого старый враг, ненавистник добра и противник истины, воздвиг на него сердце врага, моравского короля со всеми епископами, что,

нашей области учиши". Онъ же отвѣща: «И азъ аще быхъ вѣдѣлъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ. Нъ святаго Петра есть. Да правдою аще ли вы рывния ради и лакомства на старыя прѣдѣлы поступаете черось каноны, възбраняюще учения Божия, блюдетесь, еда како хотяще желѣзну гору костянымъ тѣмемъ пробити, мозгъ вашъ излѣте». Рѣша ему яро, глаголюще: «Зла добудеши». Отвѣща онъ: «Истину глаголю прѣдъ цсари и не стыжуся,* а вы творите волю вашу на мнѣ, нѣсмъ бо лучии тѣхъ, иже суть, правду глаголюще, многими муками и жития сего избыли». Многамъ же рѣчьмъ прогоненамъ и не могущемъ противу ему отвѣщавати, рече король изниця: «Не тружайте моего Мефодия, уже бо ся есть, яко и при пещи употилъ». Рече онъ: «Еи, владыко. Философа потна инѣгда сѣрѣтшь, людие рѣша ему: „Чѣто ся потиши?“ Дѣть онъ: „Съ грубою ся чадью пѣрѣхъ“». О томъже словеси сѣпѣрѣвше, ся разидоша, а оногo, засѣлавше въ Сѣвабы, дѣрѣжаша полъ третья лѣта.

Доиде къ апостолику. И увѣдѣвъ, посѣла клятву на ня, да не поють мѣша, рекъше службъ, вси королеви епископи, донде и дѣрѣжать. И тако и пустиша, рекъше Коцьлу: «Аще сего имаши у себе, не избудеши нас добрѣ». Нъ они не избыша святаго Петрова суда, 4 бо от нихъ епископи умьроша.

Приключи же ся тѣгда моравляне, очюшьше нѣмѣцскыя попы, иже живяху въ нихъ не прияюще имъ, нъ ковъ кующе на ня, изгнаша всѣ,* а къ апостолику посѣлаша: «Яко и пѣрвѣ отци наши от святаго Петра крещение прияли, то дажъ намъ Мефодия архиепископа и учителя». Абие же посѣла и апостоликъ. И приимы и Святопѣлкъ князь съ всѣми моравляны и поручи ему всѣя цѣркѣви и стриженники въ всѣхъ градѣхъ. От того же дѣне вельми начатъ расти учение Божие и стриженники множитися въ всѣхъ градѣхъ от тогоже начатъ расти и множитися и погании вѣровати въ истинный Богъ, своихъ блядѣи отмѣтающеся. Тольми паче и Моравьска область пространити начатъ всѣя страны и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшениемъ, яко и сами повѣдають присно.

Бѣ же пророчьска благодать въ немъ, яко ся суть събывала многа прорицания его. От нихъже ли едино ли дѣвѣ съкажемъ.

Поганьскъ князь сильнъ вельми, сѣдя въ Вислѣ, ругашеся крѣстьяномъ и пакости дѣяше. Посѣлавъ же къ нему, рече: «Добро ти ся крѣстити, сыну, волею своею на своей земли, да не плѣненъ нудыми крѣщенъ будеши на чужей земли. И помянеши мя». Еже и бысть.

Инѣгда же пакы Святопѣлку воующу на поганья и ничѣсоже успѣющю, нъ мудящю. Святаго Петра мѣши приближающихся, рекъше службѣ, посѣла къ нему, глаголя яко: «Аще ми ся обѣщаеши на святыи Петровъ дѣнь съ вои своими сътворити у мене, вѣрую въ Богъ, яко прѣдати ти иматъ я вѣскорѣ». Еже и бысть.

Етеръ другъ, богатъ зѣло и сѣвѣтѣникъ, оженися купетрою своею, рекъше ятрѣвю, и много казавъ и учивъ и утѣшавъ, не може ею развести. Ини

дескать, «в нашей области учишь». Он же ответил: «Я сам обошел бы стороной, если бы ведал, что ваша. Но она — святого Петра. По правде же, если вы из зависти и жадности вопреки канонам на старые пределы наступаете, препятствуя учению Божьему, то берегитесь, чтобы не разлить свой мозг, желая костным теменем пробить железную гору». Они отвечали ему, говоря в ярости: «Зло себе добудешь». Он ответил: «Истину говорю перед царями и не стыжусь, а вы поступайте со мной, как хотите, ведь я не лучше тех, кто в великих муках лишился и жизни за то, что говорил правду». И когда много вопросов было задано и не смогли опровергнуть его, сказал король, вставая: «Не утруждайте моего Мефодия, ведь он вспотел уже, как у печки». Сказал он: «Так, владыка». Встретили люди как-то потного философа <и> сказали ему: «Почему ты так вспотел?» А он: «С невеждами спорил». И поспорив об этих словах, разошлись, а его, сослав в Швабию, держали два с половиной года.

<Х.> Дошло до апостолика. И уведав, послал на них запрет, чтобы ни один королевский епископ не служил мессы, то есть службы, пока его держат. Поэтому отпустили его, сказав Коцелу: «Есть будет он у тебя, не уйдешь от нас добром». Но они не ушли от суда святого Петра, ведь из этих епископов четверо умерло.

Приключилось же тогда, что мораване, убедившись, что немецкие попы, которые жили у них, не приятели им, но оковы им куют, всех изгнали и послали к апостолику: «Так как прежде отцы наши от святого Петра крещение приняли, то дай нам Мефодия архиепископом и учителем». Тотчас прислал его апостолик. И принял его Святополк князь со своими мораванами и поручил ему все церкви и духовенство во всех городах. И с того дня начало очень расти учение Божие и духовенство во всех городах начало расти и множиться, и поганые — веровать в истинного Бога, от своих заблуждений отрекаясь все больше. И моравская власть стала расширять свои пределы и побеждать своих врагов без неудач, как и сами они рассказывают.

<XI.> Была же в нем пророческая благодать, так что сбывались многие его прорицания. Об одном или двух из них мы расскажем.

Очень сильный языческий князь, сидевший на Висле, поносил христиан и пакости делал. Послав же к нему, сказал <Мефодий>: «Хорошо бы тебе креститься, сын, своею волею на своей земле, чтобы не был ты крещен насильно в плену на чужой земле. И вспомнишь меня». Так и было.

Или вот. Однажды Святополк воевал с погаными и ничего не достиг, но медлил. Когда стала приближаться месса, то есть служба, святого Петра, <Мефодий> послал к нему, говоря: «Если пообещаешь провести у меня со своими воинами день святого Петра, то верую, что скоро предаст их тебе Бог». Так и было.

Один человек, очень богатый, и советник <князя> женился на своей куме, то есть на ятрови, и <Мефодий> много наставлял, и учил, и уговаривал

бо, Божии раби* творящеся, таи разврашаху я, ласкающе имѣния ради, да сетѣнѣ отлучиша я от църкве. И рече: «Придетъ час, егда не могутъ помощи ласкавѣници ти, а моя словеса поминати имата, нѣ не будетъ чѣто створити». Вънезапу по Божию оступлению паде напасть на нею, «и не обрѣтеся мѣсто ею, нѣ яко и вихъръ, прахъ възъмъ, расѣя».* И ина многа подобна симъ, яже притѣчами явѣ съказаше.

Сихъ же вѣсѣхъ не търпя, старии врагъ, завистьникъ челоувѣчю роду, въздвиже етеры на нѣ, яко Дафана и Авирона на Мосѣя, овы явѣ, а другыя таи. Иже болять иопаторскою ересью* и слабѣиша съврашають къ себѣ съ праваго пути, глаголюще: «Намъ есть папѣжъ власть даль, а сего велить вѣнъ изгнати и учение его».

Събравѣше же вѣся люди моравѣскыя, веляху прочисти прѣдъ ними епистолию, да быша слышали изгнание его. Людие же, якоже есть обычаи челоувѣкомъ, вѣси печаловахуся и желяху си, лишаеми пастыря такого и учителя, развѣ слабыхъ, яже льстѣ двизаше, яко се вѣтръ листвие. Почѣтѣше апостоликовы книги, обрѣтоша писание, яко: «Братъ нашъ Мефодии святии и правовѣрѣнъ есть, и апостольско дѣяние дѣлаеть, и въ руку его суть от Бога и от апостольскаго стола вѣся словѣнѣскыя страны, да егоже проклѣнѣть, проклѣтъ, а егоже святитѣ, тѣ святѣ да буди». И посрамлѣшеся, разидоша ся, яко мѣгла, съ студѣмъ.

Не до сего же тѣкъмо злоба ихъ ста, нѣ рѣша глаголюще, яко цѣсарь ся на нѣ гнѣваетъ, да аще и обрящеть, нѣсть ему живота имѣти. Да и о томъ не хотя похулити своего раба, Богъ милостивый вѣложи въ сѣрдѣце цѣсарю, якоже «есть присно въ руцѣ Божии цѣсаре сѣрдѣце»,* и посѣла книги къ нему, яко: «Отѣче чѣстѣный, вѣлѣми тебе желаю видѣти. То добро сътвори, потруди ся до насъ, да тя видимъ, дондеже еси на семь свѣтѣ, и молитву твою приемѣмъ». Абие же шѣдѣшю ему тамо, приять и съ чѣстѣю цѣсарь великою и радостѣю и, учение его похвалѣ, удѣрѣжа от ученикъ его попа и дѣякона съ книгами. Вѣсю же волю его сътвори, елико хотѣ, и не ослушавъ ни о чѣсомѣже. Облюбѣ и одарѣ вѣлѣми, проводи и паки славно до своего стола. Тако же и патриархъ.

На вѣсѣхъ же путѣхъ въ многы напасти вѣпадѣше от неприязни: по пустынямъ въ разбойники и по морю въ вѣлны вѣтрѣны, по рѣкамъ въ *смѣрчи* незапѣны, яко ся съконѣчати на немъ апостольскому словеси: «Бѣды от разбойникъ, бѣды въ мори, бѣды въ рѣкахъ, бѣды от лѣжибратии, въ трудѣхъ и подвижениихъ, въ забѣдѣнии множицею, въ алькани и жажи множицею»,* и прочимъ печальмъ, яже апостолъ поминаеть.

Потомъ же отвѣргъ вѣся мѣлѣвы и печаль свою на Бога вѣзложъ, прѣже же от ученикъ своихъ посажъ дѣва попы* скорописѣця зѣло, прѣложи въ бѣрзѣ вѣся книги, вѣся испѣлнъ развѣ Макавѣи от грѣчьска языка въ словѣнѣскѣ шестѣю мѣсяцъ,* начѣнъ от марфа мѣсяца, до дѣвоюдесѣату и шестѣю дѣнъ

их, но развести их не мог. Потому что другие, выдавая себя за рабов божьих, втайне развращали их, лстя из-за имущества, и вовсе отвратили их от церкви. И он сказал: «Придет час, когда не смогут помочь эти лстецы, и вспомните мои слова, но ничего сделать уже будет нельзя». Внезапно, после Божьего отступления, пала на них напасть, «и места их не стало, но будто вихрь, подхватив, рассеял пыль». Много и другого подобного этому было, о чем говорил он открыто в притчах.

⟨XII.⟩ Старый враг, ненавистник рода человеческого не мог терпеть всего этого, воздвигнув на него некоторых, как на Моисея Дафана и Авирона, одних — открыто, других — тайно. Больные иопаторской ересью совращают слабейших с правильного пути, говоря: «Нам папа дал власть, а его велит изгнать вон вместе с его учением».

Собрав же весь моравский народ, они велели прочесть перед ними эпистолию, чтобы слышали об изгнании его. Люди же, как свойственно человеку, все печалились и скорбели, что лишаются такого пастыря и учителя — кроме слабых, которыми двигала ложь, как листьями ветер. Но когда прочли письма апостолика, то обнаружили следующее: «Брат наш Мефодий свят и правоверен и делает апостольское дело, и в руках его все славянские земли от Бога и от апостольского престола, а кого он проклянет, будет проклят, а кого благословит, тот да будет свят». И, посрамившись, они разошлись, как туман, со стыдом.

⟨XIII.⟩ На этом злоба их не кончилась, но стали они говорить, что гневается на него царь и если найдет, не быть ему живому. Но милостивый Бог не хотел, чтобы и в этом хулили раба его, он вложил в сердце царю, ибо сердце царя всегда пребывает в руках Божьих, мысль и послал к нему письмо: «Честный отче, очень хочу тебя видеть. Так сделай милость, потрудись (пробыть) к нам, чтобы мы увидели тебя, пока ты на этом свете, и молитву твою приняли». И он сразу пошел туда, принял его царь с великой честью и радостью и, похвалив его учение, удержал из его учеников попа и дьякона с книгами. И все желания его исполнил, чего он хотел, и ни в чем ему не отказал. Обласкав и одарив, проводил его со славою назад на его престол. Так же и патриарх.

⟨XIV.⟩ На всех же путях попадал он во многие напасти от дьявола: в пустынях к разбойникам, на море в волненья ветров, на реках во внезапные смерчи, так что исполнилось на нем слово апостола: «Беды от разбойников, беды в море, беды на реках, беды от лжебратьев, в трудах и подвигах, в постоянном бдении, во многом голоде и жажде», и в прочих печалях, о которых упоминает апостол.

⟨XV.⟩ А потом, оградившись от сомнений и печаль свою на Бога возложив, еще раньше посадив из учеников своих двух попов, отличных скорописцев, быстро переложил все Книги, все полностью, кроме Маккавейских, с языка греческого на славянский, за шесть месяцев, начиная с марта

октября мѣсяца. Окончавъ же, достойную хвалу и славу Богу въздасть, дающему такову благодать и поспѣхъ. И святое възношение тайное съ клиросѣмъ своимъ възнесъ, сътвори память святаго Димитрия.* Псалтырь бо бѣтъкъмо и Евангеліе съ Апостолѣмъ и избѣранными службами църквѣвными съ философѣмъ прѣложилъ прѣвѣе. Тогда же и Номоканонъ, рекъше закону правило, и отъчскыя книги прѣложи.

Пришѣдъшю же на страны дунаискыя королю угорьскому,* възсхотѣ и видѣти, и етеромъ глаголющемъ и непѣщующемъ, яко не избудеть его без муки, иде къ нему. Онъ же, яко достоинъ владыцѣ, тако и пріять чѣстно и славно съ веселиемъ. И бесѣдовавъ съ нимъ, якоже достояше тацѣма мужама бесѣды глаголати, отпусти и, улюбъ и обლობызавъ, съ дары великими, рекъ ему: «Помяни мя, чѣстныи отче, въ святыихъ молитвахъ твоихъ присно».

Такоже вся вины отсѣкъ по вся страны, и уста многорѣчньныхъ загради,* течение же съвърши, вѣру съблюде,* чая правдынаго вѣнца. И понеже тако угодъ, Богу възлюбленъ бысть.* Приближатися начатъ вѣрмя покои пріяти от страсти и многыхъ трудъ мзду. Въпросиша же и, рекъше: «Кого чуеши, отче и учителю чѣстныи, въ ученицѣхъ своихъ, да бы от учения твоего тебѣ настольникъ былъ?» Показа же имъ единого от извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго Горазда, глаголя: «Съ есть ваша земля свободъ мужъ, ученъ же добръ въ латинскыя книги, правовѣрнь. То буди Божия воля и ваша любы, якоже и моя». Събравъшемъ же ся имъ въ Цвѣтнугую недѣлю, вѣсѣмъ людѣмъ, възшѣдъ въ църквѣ и немогыи, казавъ благодати цѣсаря и князя и клирики и люди вся, и рече: «Стрѣзѣте мене, дѣти, до 3-яго дѣне». Якоже и бысть. Свитающу 3-му дѣни, прочее рече: «Въ руцѣ твои, Господи, душу мою вѣлагаю».* На рукахъ иерѣискахъ почи въ 6 дѣнь мѣсяца априля въ 3 индиктъ, въ 6000 и 300 и 90 и 3 лѣто отъ твари вѣсего мира.

Усужъше же и свои ученици и достойны чѣсти сътворивъше, и службу църквѣвную латинскы, грѣчскы и словѣнскы сътрѣбиша и положиша и въ съборнѣи църкѣви. И приложися къ отцемъ своимъ и патриархомъ и пророкомъ и апостоломъ, учителемъ, мученикомъ. Людии же бе-щисльнъ народъ събравъся, проважааху съ свѣщами, плачущесе, добра учителя и пастыря: мужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, богатии и убозии, свободньни и раби, вѣдовица и сироты, странньни и тоземци, недужньни и съдравни, вси — бывъшааго всячьско вѣсѣмъ, да бы вся приобрѣлъ. Ты же съвыше, святая и чѣстная главо, молитвами своими призираи на ны, желающая тебе избавляи от всякоя напасти, ученикы своя и учение пространяя, а ереси прогоня, да достойно зѣвания *нашего* живъше съде, станемъ съ тобою, твое стадо, о десную страну Христа Бога нашего, вѣчнугую жизнь приемлюще от него. Тому бо есть слава и чѣсть въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

месяца до двадцать шестого дня октября месяца. Окончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, дающему такую благодать и удачу. И вознеся с клиром своим святое тайное возношение, отпраздновал память святого Димитрия. Ведь прежде с философом переложил он только Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными церковными службами. Тогда же и Номоканон, то есть правило закона, и отеческие книги переложил.

⟨XVI.⟩ Когда же венгерский король пришел в дунайские страны, он захотел его увидеть: и хотя некоторые говорили и предполагали, что не уйти от него без мучений, он пошел к нему. Но тот, как и подобает владыке, так и принял — с почетом, славою и радостью. И побеседовав с ним, как пристало таким мужам вести беседы, отпустил его, обласкав, поцеловав, с дарами великими, сказав: «Поминай меня всегда, честный отец, в святых твоих молитвах».

⟨XVII.⟩ Так пресек он со всех сторон обвинения, затворив уста многоречивым, путь завершил, и веру сохранил, ожидая праведного венца. И поскольку так угодил, возлюблен был Богом. Стало приближаться время принять покой от страстей и награду за многие труды. И спросили его, говоря: «Кто, считаешь ты, честный отец и учитель, среди учеников твоих был бы преемником тебе в учительстве твоём?» И показал он им на одного из известных учеников своих, именем Горазд, говоря: «Этот из вашей земли свободный муж, научен хорошо в латинских книгах, правоверен. Пусть будет Божья воля и ваша любовь, как и моя». А когда в Вербное воскресенье собрались все люди, он, немощный, войдя в церковь, благословив царя, князя, и клириков, и весь народ, сказал: «Стерегите меня, дети, три дня». Так и было. На рассвете третьего дня он сказал следующее: «В руки твои, Господи, влагаю душу мою». И почил на руках иерейских в 6 день месяца апреля в 3-й индикт 6393 года от сотворения всего мира.

Приготовив его к погребению и воздав ему достойную честь, отслужили ученики его церковную службу по-латыни, по-гречески и по-славянски и положили его в соборной церкви. И приложился он к отцам своим и патриархам, и пророкам, и апостолам, учителям, мученикам. И собравшись, бесчисленные народные толпы провожали со свечами доброго учителя и пастыря: мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовицы и сироты, иноземцы и местные, больные и здоровые, — все, оплакивая того, кто был всем из всего, чтобы всех привлечь. Ты же, святая и честная глава, в молитвах твоих свыше опекай нас, стремящихся к тебе избавь от всякой напасти, учеников своих и учение распространяя, а ереси изгоняя, чтобы, прожив здесь достойно нашего назначения, стали мы с тобой, стадо твое, одесную сторону Христа, Бога нашего, вечную жизнь принимая от него. Ему же слава и честь во веки веков. Аминь.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Написание Иаковля епистолиа

Понеже сам Иаковъ сию пишетъ расъясниемъ от обоюнадесяте колѣну* и вѣровавшимъ въ Господа нашего Исус Христа, пишетъ же ученьну епистолию, уча о различьи напасти, кая есть от Бога и кая есть от своего сердца человѣкомъ, и яко не словомъ токмо, нъ и дѣломъ показати вѣру, и не послушници закону, нъ творци оправдаются. О богатыхъ же запрѣщаетъ, да не лучше творятся нищихъ богатии въ церквахъ, нъ паче съдержаются, якоже горди. Послѣднее же утѣшь обидимыя и умоль долготерпѣти до пришествиа Судиа, и научъ о терпѣнии от Иова: благо есть терпѣние, — повелѣваетъ призывати попы надъ болящая, и тѣшатися обращати заблуджышая от истины, быти же тому мзды от Господа оставление грѣховъ. Ти тако скончяваетъ епистолию.

Главы Иаковля епистолиа

О терпѣнии, вѣры несуменьнѣ и о смѣренѣй мудрости къ богатымъ, въ нейже о ражчѣженіи сущимъ в нас и о страстехъ, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо намъ — от него.

О кротости и чистотѣ, блазѣ подателнѣ на блаженство, и о художествии и мѣрѣ словесъ.

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону.

Яко не от вѣры токмо, нъ и от дѣлъ, и не от единой токмо, нъ от обою купно, оправдается человѣкъ.

Яко дѣрзый и безщиненъ языкъ умрыщяетъ имущаго и егоже держати потреба на похвалу и на славу Божию.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ, от славохотия суща от премудрости человѣческы.

О Божии премудрости.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Содержание послания Иакова

Поскольку сам Иаков пишет его к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии и уверовавшим в Господа нашего Иисуса Христа, то пишет он поучительное послание, наставляя, что надо различать искушения — какие посланы Богом, а какие исходят из сердца человека; и что веру свою надо показать не только словом, но и делом, и быть не только слушателем закона, но и исполнителем его. О богатых — он наказывает, чтобы не возвышались над нищими богатые в церквях, и особенно пусть их сдерживают как гордых. А в заключение, утешив обиженных и прося их терпеть до пришествия Судии и научив терпению на примере Иова: благо есть терпение, — советует призывать священников к больным, стараться возвратить потерявших истину, за что будет от Господа награда — оставление грехов. И таким образом оканчивает он послание.

Оглавление послания Иакова

О терпении, о вере без сомнения, о смиренномудрии — к богатым, а также о распадении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих, и о том, что не от Бога оно, но что на благо нам — это от Бога.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящей к блаженству, и о искусстве умеренности в словах.

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним, но и тем и другим вместе оправдывается человек.

О том, что дерзкий и необузданный язык умерщвляет своего владельца, и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию.

О Божественной премудрости.

Яко от уныния и сластолюбиа реть и неустроение и вражда на Бога бываетъ.

О покаании на спасение и не осуждати искренняго.

Яко не о чловѣцѣ, нѣ о Бозѣ ступаниа мужу управляются.

Въ нейже о лихоимании богатыхъ, и нищихъ, яже въ мирѣ, и о праведнѣ судѣ Божи.

О долготерпѣнии, и о претерпѣнии страсти, и о истинѣ.

Поучения комуждо до подобнасуща съ вѣрою.

Яко послужити подобаетъ спасению искренняго.

〈Толкование〉. Якоже бо се мирѣстии чловѣци въ списаниихъ жизньныхъ именъ своими санъми намѣнятися любять, тако и апостоли въ начятцѣхъ съписаний своихъ раби Бога Исус Христа намѣнятися любять. Разумѣти бы, яко друзии чюжу творять епистолию сию Иаковлю, якоже рече Евсевий въ «Церковнѣй повѣсти».*

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего.

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение человека.

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире, и о праведном суде Божьем.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и о истине.

Поучение каждому, сообразно с верой.

О том, что следует послужить спасению ближнего.

〈Толкование〉. Как миряне в своих бытовых посланиях хотят представляться своими званиями, так и апостолы, в начале своих посланий, именуют себя рабами Бога Иисуса Христа. Следует знать, что некоторые считают, что это послание Иакова — не его, как говорит об этом Евсевий в «Церковной истории».

КНИГИ ОБЩА, ПУЩЕНЫ ИЯКОВОМЪ КЪ ВЪРОВАВШИМЪ ЖИДОМЪ*

1. Сущее

Иаковъ, Богу и Господу Исусу Христу рабъ, обманадесяте колѣнома, иже въ расѣянии, — радоватися.*

Толк. Кыждо апостоль, посылая подобное посланиа, честь себе сѣтва-
ряеть, еже есть сподобитися нареши рабомъ Христовомъ, рекше обрѣзаниа сый
апостоль,* сущимъ отъ двоюнадесяте колѣну посылаетъ вѣровавшимъ.

Дидимъ.* Якоже бо мира сего чловѣци въ списании житейскихъ вещей,
яже о нихъ санове повелѣваютьъ быти, тако и апостоли вначалѣ съписаниа ихъ
раби Божии и Христови нареши сподобляются.

2. Сущее

Всяку радость имѣйте, братие моа, егда внапасти* въпадаете различни,
вѣдуше, яко искушение вѣрѣ вашей съдѣть терпѣние,* а терпѣние дѣло
свършено* да имать, да будете свършени отинудохъ и исполнени и ни единого
лишени суща.

**Толк. Златоуст.* Уза бо есть печаль непрѣтѣргома, любви въздра-
стение, умиленію и говѣнію начало. Слыши бо рекша: «Аще приступаеши ра-
ботати Христу, приготовай си душу кнапаемъ».* И Христосъ же пакы глагола-
ше: «Въ мирѣ печаль имате, нѣ дерзайте».* И пакы: «Тѣсный и скорбный путь».*
Видиши ли всюду печали похваляемы, всюду приемлему, яко изрядну сущу намъ,
ибо внѣшними подвигы никтоже бесъ тоя вѣнца прииметь,* аще не труды, и
алканиемъ, и бдѣніемъ, и тѣмами етерыми таковыми себе оградить».**

3.

Аще ли кто отъ васъ лишенъ есть прѣмудрости,* да просить просто у Бога,
дающаго всѣмъ обилно, и не понашающу, и дасться ему. Да просить же вѣроу,
ничтоже сумняся.*

(Толк). Господь и Богъ нашъ како молитися своа учить ученикы? И еже
вразумѣ сластий искуса молитися повелѣваетъ, и «не въведи насъ въ искусь»,*
сластныхъ являя и разумныхъ и волныхъ искусь не оставленомъ быти искусь
пріяти, се же вѣдуше, яко искушение ваша вѣры съдѣловаетъ терпѣние.
Терпѣние же дѣло свършено да имать, да свършени и всенаслѣдни явитися,
ни въ чемъ же недостаточествующе.*

4. Сущее

Сумняй бо ся* подобенъ есть волнению морьску, отъ вѣтра възмѣща-
ющаяся и раздѣвающаяся.

Толк. Вину намъ кажетъ свършена дѣлесе, се бо есть мудрость горняя,*
еже силу въземлюще, чресъ естество можемъ сѣтворити благодати.

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ, ПОСЛАННОЕ ИАКОВОМ К ЕВРЕЯМ-ХРИСТИАНАМ

1. Сущее (Иак. 1, 1)

Иаков, Бога и Господа Иисуса Христа раб, двенадцати коленам, которые в рассеянии, — радуйтесь.

Толкование. Каждый апостол, посылая подобное послание, почитает за честь для себя называться рабом Христовым, таким образом и он, будучи «апостолом обрезания», посылает послание к тем, кто от двенадцати колен, уверовавшим во Христа.

⟨Толкование⟩. Дидима. Как миряне в своих письмах о бытовых вещах в своих званиях хотят выступать, так и апостолы в начале послания удостоиваются называться рабами Божьими и Христовыми.

2. Сущее (Иак. 1, 2—4)

Неизменно радуйтесь, братья мои, когда в напасти впадаете различные, сознавая, что испытание вашей веры сотворит терпение, а терпение да будет делом совершенства, чтобы были вы совершенны и получили все, без остатка.

Толкование Златоуста. Печаль — это нерасторжимые узы; она — умножение любви, начало умиления и благоговения. Помни сказавшего: «Если приступаешь работать Христу, приготовляй душу свою к скорбям». И Христос сказал тоже: «В мире печаль имеете, но мужайтесь». И еще: «Скорбный и тесный путь». Ты видишь, всюду печали восхваляются, всюду принимаются за нечто изрядное, ибо внешними подвигами никто без того не примет венец, только трудами, постом, бдением и множеством других подобных себя оградит.

3. (Иак. 1, 5—6)

А если кто-то из вас лишен мудрости, пусть просит прямо у Бога, дающего всем щедро и без упреков, — и будет вам дано. Пусть просит с верой, без всякого сомнения.

⟨Толкование⟩. Как учит молиться своих учеников Господь и Бог наш? Ведь он велит молиться со знанием того, что искушение сладко, «не введи нас во искушение», показывая, что мы, склонные к сласти, наделены знанием и волей не только оставить искушение, но и принять, зная, что испытание нашей веры сотворяет терпение. А терпение — да будет делом совершенствования, чтобы были вы совершенны и получили все, во всей полноте.

4. Сущее (Иак. 1, 6)

Сомневающийся подобен волнам на море, поднимаемым ветром и развеваемым.

Толкование. ⟨Апостол Иаков⟩ указывает нам причину совершенного деяния, ибо это есть высшая мудрость, и только взяв от нее силу, можем мы совершить благих дел больше, чем дано нам от природы.

Хулникъ бо исповѣдомо рассмотря и. Аще бо вѣры не имеши, яко свое прошение* сконъчаеши, то отинудъ не приходи, да не ся обрящеши на Тѣ глаголя, еже все можеть, на двое душею и не хотя. Нѣ подобает тако стыдкыя отрицатися язѣ.*

5. Сущее

Мужъ дводушенъ* нестроинъ въ вся пути своа. Да хвалить же ся брат смѣреніемъ въ высоту свою, а богатый въ смѣреніи своемъ,* зане яко цвѣтъ травный мимоидеть.* Всѣя бо слънце с варом* и иссуши траву, и цвѣтъ ея отпаде, и красота лица ея погыбе. Тако богатый въ хоженіи своемъ увяжеть.*

Толк. Отъими от себе дводушие и отинудъ не дводушествуй, прося от Бога, и глаголяй въ себѣ, яко: «Какъ могу просити что от Господа и пріяти, съгрѣшивъ толико к нему?» Не помышляй таковаго, нѣ от всего сердца своего обратися къ Господу и проси у него, не сумняся, и разумей многое милосердіе его, яко не оставить тебе, нѣ прошение душа твоя исполнить. Нѣсть бо Богъ, яко челоуѣци, злопомняще другъ другу, нѣ То непамятникъ злу есть, и милосердъ есть на свою тварь.

6. Сущее

Блаженъ мужъ, иже претерпитъ напасти, яко искушенъ бывъ, приметъ венѣцъ животный,* иже уготова Богъ любящимъ и.

Толк. Доволнъ повелѣваетъ противустати искусомъ с радостію. Да будетъ искушено дѣло и терпѣніе свершено. Съврѣшаютъ же ся си сама о себѣ, а не инѣми сдѣваема. И етеру учению покарятися поручи исправлятися подлежащая, обѣщанна ради блажену быти, глаголя: «Иже искусъ претерпитъ, искусенъ мужъ всѣми *облаженъ*».* И тако явльшуся от печали, дасться венѣцъ жизни, уготованный от Бога любящимъ его. Таковъй нерадивый и о самой той смерти вѣнецъ вѣчныя тоя жизни въсприиметь, иже величества ради Божіа зраку и слуху не подлежитъ, ни на высокій разумъ челоуѣку не възиде.*

В нейже о ражчѣженіи сущихъ въ насъ и страстехъ, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо намъ — от него

7. Апостоль

Никтоже въ напасть въпадая да глаголетъ, яко: «От Бога напасть ми есть». Богъ бо нѣсть напастьникъ злымъ, не напаститъ же тѣ ни единого.*

Толк. Оригенъ.* Егдаже Богъ искушаетъ, на ползу искушаетъ, а не зло сѣтворити. Тѣмъ и рече ся, яко «Богъ *не искусенъ* есть злу», нѣ того ради искушаетъ, да улучать благаа, и да изменятся злыхъ. Тѣмъ и рече: «Претерпѣвый искусы доблестнѣ вѣнчается». Ино же есть о диаволѣ — онъ бо искушаетъ, да не покаряющаяся ему умрѣтвить. Нѣ онъ не вѣдый будущихъ.

Сомневающийся — не что иное, как хулитель. Если нет у тебя веры, что исполнится то, о чем просишь, то лучше и не проси, чтобы не оказаться тебе, по неразумию, невольно, обвинителем Того, кто все может. Надо избавиться от этой постыдной болезни.

5. Сущее (Иак. 1, 8—11)

Человек двоедушный нетверд в своем поведении. Пусть бедняка похвалят за величие (души), богатого же — за смирение; ведь богатство преходяще, как полевые цветы. Солнце засияет, зной настанет, иссушит траву, цветы опадут, и красота гибнет. Так и богатый увязнет на путях своих.

Толкование. Истреби в себе двоедушие и без всякого сомнения моли Бога, не говоря себе, что, мол, «как могу что-либо просить у Господа и надеяться получить, если я столько грешу?» Не думай о таких вещах, но от всего сердца обратись к Господу и проси у него, не сомневаясь, понимай его великое милосердие, верь, что он не оставит тебя, и прошение твоей души исполнит. Ведь Бог не таков, как люди, злопамятные друг к другу, он непамятозлобен, милосерден к сотворенному им.

6. Сущее (Иак. 1, 12)

Блажен человек, который претерпит искушения, ибо, быв испытан, он примет венец жизни, который Бог приготовил любящим его.

Толкование. (Апостол Иаков) настойчиво советует радостно противостоять искушениям. Пусть будет надежным дело, а терпение — совершенно. Это совершается само по себе, а не делается другими. Он предложил следовать другому учению, чтобы исполнять предназначенное ради обещания блаженства, говоря: «Кто претерпит искушения, тот как испытанный человек будет всеми похвален». Таким образом, тому, кто перенесет печали, будет дан венец жизни, приготовленный Богом для тех, кто его любит. Ибо таковой, не заботящийся и о самой смерти, получит венец вечной жизни, который Божия ради величия ни зрению, ни слуху не доступен, и даже высокий разум человека к нему не доходит.

О распадении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих; и о том, что не от Бога оно, от Бога все то, что на благо нам

7. Апостольское (Иак. 1, 13)

Пусть никто, впадая в искушения, не говорит: «Это искушение послано Богом». Потому что Бог не подвержен искушениям и сам никого не испытывает злом.

Толкование Оригена. Когда Бог испытывает, он делает это для пользы, а не для вреда. Потому и сказано: «Бог не испытывается злом», он для того искушает, чтобы (люди) достигли добра и отказались от зла. Поэтому сказано: «Претерпевый до конца венчается за доблесть». Совсем иное о дьяволе — он искушает, чтобы непокоряющихся ему умертвить. Но он не знает будущего. А

Богъ же вѣдый будущее, дая челоуѣкомъ дѣлати, еже хотять, яко сущемъ самовольномъ.

8. Сущее

Нъ комуждо напасть от своя похоти* вѣкомъ и прѣльщенъ бывая.

Толк. Севирова.* Нѣции бо подлежащее вѣтйскы тако искусиша быти, рекше самую ту похоть безаконию матеръ прозывати Давиду,* яже бе-щиннаго ради похотѣнна заченши и рождши, грѣха раждаетъ. Тѣмъ посылая, Иаковъ рече, единъ от мудрыхъ Христовыхъ ученикъ: «Каждо искушается от своя похоти вѣкомъ и прельщаемъ. Таче похоть заченши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же скончанъ раждаетъ смерть». От таковыя похоти родити и зачатися грѣшныхъ матери, якоже вѣща Давидъ.

9. Сущее

Потомъ же похоть, непраздна бывши, раждаетъ грѣхъ, а грѣхъ скончанъ раждаетъ смерть.

Толк. Златоуст. Единаче бо есть творити грѣхъ, от сласти упивающесе, и тако не чюемъ. А егдаже родится и приметь конецъ, тогда паче сласти угасши всяцѣй, горкое разума находить жало. Противное раждающимъ же намъ: нъ о тѣхъ убо прежде рождения многа болѣзнь растерзающи бо кыхъ, по рождествѣ же ослаба, младенцу болѣзни ищѣдъшю.* О насъ же не тако. Нъ донелѣже болимъ и зачинаемъ тлѣнныя разумы, веселимся и радуемся, а егдаже родимъ лукавый дѣтищъ грѣхъ, тогда, студъ рождшагося видѣвше, болимъ и растерзаемъ ся раждающихъ женъ горѣ. Тѣмъ молю вы не приимати изначала похоти. Аще ли же и приимемъ, удавимъ внутрь сѣмена. Аще ли же и унемъ до изития въ дѣло грѣху, убиимы и паки исповѣданиемъ, съ слезами осуждающе себе сами. Ничтоже бо тако погубляеть грѣхы, яко осуждение в разумѣ.

*Исихия.** Болѣзни смерти грѣшныхъ похоти суть.

10. Сущее

Не прельщайтесь, братие моа възлюбленная: всяко дание благо и всякъ даръ свершенъ свыше есть, съходяй от Отца свѣтиломъ*...

Толк. Не прельщайтесь, мняще от Бога быти искусомъ. Или словесныя силы свѣтила именова ти или просвѣщенныя Духомъ Святымъ.

11. Сущее

...от негоже нѣсть измѣнения ни различия въ оскѣнении.

Толк. Севирова. Глаголюща бо есть слышати Бога: «Азъ есмь, азъ есмь и не изменяюся»,* и само то есть в себѣ огуствяая, а не разливаемъ по существу. По Благовѣствованию же живущимъ и по дѣянью заповѣди прѣлагающимъ от вышняго дара и сущства, неизмѣнное въ сущихъ житию начинание предложению бываетъ и не сложение временемъ. Тѣмъ и Павелъ послушствуетъ глаголя:

Бог знает будущее, и дает людям делать то, что они хотят, поскольку они обладают свободной волей.

8. Сущее (Иак. 1, 14)

Каждому искушение тогда, когда его влечет и прельщает его собственное произволение.

Толкование Севира. Некоторые так определяют образно предмет. Давид называет это самое произволение матерью беззакония, которая, из-за безобразного желания, приняв во чреве, рождает грех. Потому Иаков, один из мудрых учеников Христа, в послании своем говорит: «Каждому искушение, когда его влечет и прельщает его собственное произволение». Так, произволение, зачав, рождает грех, а грех, совершившись, рождает смерть. От произволения зачинает и рождает мать (всего) греховного, как говорит Давид.

9. Сущее (Иак. 1, 15)

Потом произволение, забеременев, рождает грех, а грех, совершившись, рождает смерть.

Толкование Златоуста. Вот что еще о совершении греха: совершаем его, упиваясь наслаждением, так что не чувствуем. Но когда он родится и совершится, тогда не только угасает наслаждение, но вонзается горькое жало осознания. И это противоположно тому, что бывает с рождающими женщинами: у тех — прежде рождения большая боль терзает их, а после рождения облегчение, потому что появляется младенец, и боль уходит. Что же до нас, все не так. Пока нам не больно и мы замыслим греховные затеи, веселимся и радуемся, а когда родим сатанинское дитя — грех, и постыдность этого видим, тогда нам больно, и терзает нас эта боль сильнее, чем рожениц. Потому прошу вас не принимать произволения с самого начала. Но если уж приняли, задавим в себе семена. Но если по беспечности позволим, чтобы греху выйти делом, уьем его исповедью, со слезами осуждая себя сами. Ничто так не губит грех, как сознательное осуждение.

(Толкование) Исихия. Грешные похоти — смертельная болезнь.

10. Сущее (Иак. 1, 16—17)

Не обманывайтесь, братья мои любимые: всякое даяние благое и всякий дар совершенный исходят свыше, нисходят от Отца светил...

Толкование. Не обольщайтесь, считая, что искушение от Бога. Словесные силы назвал (апостол Иаков) светилами, или освященными Святым Духом.

11. Сущее (Иак. 1, 17)

...у которого нет ни изменения, ни различия оттенков.

Толкование Севира. Слышно, что Бог говорит: «Я есть, я есть, я не изменяюсь», и действительно, он тверд собой и по природе неизменяем. У тех, кто живет по Евангелию и делом следует заповедям от высшего дара и явления, неизменность бывает результатом этого следования, а не временной случайностью. Поэтому и Павел дает свидетельство, говоря: «Не подражайте веку

«Не преобразуйтесь въ вѣцѣ семь, нѣ преобразуйте обновление разума вашего, искушающе, что есть воля Божия, благо и угодно и сѣврѣшено».*

12. Сущее

Въсхотѣвъ роди ны словомъ истины...

Толк. О сынѣ убо истиннѣ глаголетъ рождество, о твари же по благостыни. О ономъ бо истины ради и о единосущствѣ — о семь же чѣсти ради сыновления. Въсхотѣвъ бо, вѣща, роди ти ны словомъ истины.*

13. Апостоль

...быти намъ въ начытокъ* нѣкый тваремъ его.

Толк. Первѣйшѣ, вѣща, и чѣстнѣйшѣ. Твари же видимую тварь нарече, еяже чѣстнѣйша челоуѣка яви. И сама бо тварь чаеъ наша свобода, да с нами свободится.

О кротости и чистотѣ и дателнѣ блазѣ подателнѣ на блаженство и о художествии и мѣре словеси

14. Сущее

Тѣмже, братие моа възлюбленная, да будетъ всякъ челоуѣкъ скорѣ услышати, медленѣ глаголати,* медленѣ въ гнѣвъ. Гнѣвъ бо мужу правды Божия не съдѣваетъ. Тѣмже отвергѣше всяку скверну и избытокъ злобенѣ*...

Толк. Еже есть грѣхъ, оскверняющѣ челоуѣка, яко избыточенѣ сущѣ въ насъ, не бо по естъству намъ зломъ быти, нѣ извону бываетъ намъ отъ неродства, и в то насъ быстращемъ бѣсомъ, и внутреннимъ нашимъ отъ неразумнаго изволения имущемъ.

15. Сущее

...въ кротости примѣте истое* слово, могущее спасти душа ваша. Будѣте же творци слову, а не токмо послушники.

Толк. Рекше «истиненѣ». Исповѣданиемъ же явлено, яко нетлѣнномъ намъ быти устрояюще, понеже и Богъ изначяла създа челоуѣка на нетлѣние.

16. Сущее

...помышляюще въ себѣ.

Толк. ...замышляющн сами о себѣ и не радяще о своемъ спасении.

17. (Иак. I, 23). Яко иже есть послушникъ слову, а не творецъ...

Толк. Аще кто, вѣща, будетъ слову токмо послушатель, а не извѣститъ дѣлы послушания, абие и слово погубить.

18. Сущее

...се подобенѣ есть мужу, разумѣваюшу лице твари* своя въ зръцалѣ. Разумѣ бо ся, и отъиде, и абие забы, како бѣ. А приникый въ Законъ сѣврѣшенѣ и свободенѣ,* и прѣбывѣ не послушникъ незабытливѣ, нѣ творецъ дѣлу. Съ блаженѣ въ твари своей есть.

Толк. Якоже бо онѣ тѣло видить, тако и съ закона ради како бысть? Тѣмъ не «лице» рече токмо, нѣ «лице рождения». Увѣдѣхомъ бо, сыны насъ

сему, но преобразуйтесь обновлением вашего разума, познавая, что есть воля Божия, благоугодная и совершенная».

12. Сущее (Иак. 1, 18)

Пожелал он, и родил нас словом истины.

Толкование. Здесь говорится о Сыне истинном — по рождеству, и о сотворенном — по благодати. О том — о его истинности и единосущности, об этом — о чести усыновления. «Восхотел, — сказано, — и родил нас словом истины».

13. Апостольское (Иак. 1, 18)

...быть нам начатком неким созданиям его.

Толкование. То есть самым первым и самым ценным. Созданием же он назвал видимое создание, из которого самое лучшее — человек. И все созданное чае нашей свободы, чтобы с нами освободиться.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящих к блаженству, и об искусстве умеренности в словах

14. Сущее (Иак. 1, 19—21)

Поэтому, братья мои возлюбленные, пусть каждый человек будет скор услышать, медлен говорить, медлен гневаться. Ибо гнев человеку Божьей правды не создает. Поэтому, отвергнув всякую мерзость и сверх того злобу...

Толкование. А это есть грех, оскверняющий человека, ибо он в нас добавлен, не по природе нашей мы злы. Извне он возникает от небрежности, и в это нас загоняют бесы. А изнутри — от неразумных желаний.

15. Сущее (Иак. 1, 21—22)

...в кротости примите исконное слово, которое может спасти ваши души. Будьте делатели слова, а не только слушатели.

Толкование. То есть слово истины. Через исповедание нам дано, что оно готовит нас к нетленности, ибо Бог вначале создал нетленного человека.

16. Сущее (Иак. 1, 22)

...обманывая себя.

Толкование. ...обманывая сами себя и не заботясь о своем спасении.

17. Сущее (Иак. 1, 23). Потому что тот, кто слушатель дела, а не делатель...

Толкование. Если кто сказал, что будет только слушать слово, а не проявит делами, что он слышал, то и слово погубит.

18. Сущее (Иак. 1, 23—25)

...тот подобен человеку, познающему себя, (глядя) в зеркало. Познал он (свой телесный облик), но отошел и вдруг забыл, какой он. А тот, кто вглядывается в Закон совершенства и свободы и пребывает в нем, тот не слушатель, который забывает, а творец дела. И он счастлив в делании своем.

Толкование. Итак, первый тело видит, а второй, тот, что познал закон, что с ним? Поэтому и сказал — не просто «лицо», а «лицо рождения». Знаем

сътвори духовный законъ, родивъ банею пакы порождения.* Таче же и не прѣбывающе въ такомъ видѣнии дѣяний ради, и благодати дара забываем. Ибо дѣяниемъ себе лукавомъ отдавъ, благодѣяния от Бога не поминает, ни поминает же, яко съвыше родися, и оправдися, и освятися, и въ сыны вѣмѣнися Божия, и въ дѣла ся преда отмѣтающихъ благодать.

19. Сушее

Аще кто мнит ся вѣренъ быти въ васъ, не вѣстязая языка своего, нѣ лѣстя сердце свое, сего суетна вѣра. Вѣра чиста и нескверна от Бога и Отца си есть*...

Толк. Златоуста. «Аще кто, — вѣща, — мнит ся», нѣ не истинною быти, аще бо всяко ни самого языка не вѣхлать, но научи и своего тѣшевѣрія, сердцу поруга. Тѣмъ и рече: «Мняи ся стояти» и прочая. Ибо истиннѣ стоящаго падение видѣвъ, свѣдѣтельствова и по писание вѣры правы.

20. Сушее

...посѣщати сиротъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, нескверна себе блюсти от всего мира.*

Толк. Златоуста. Миловати и щедрѣствити, аще ли сего не имамъ, всего лишени есмы. Не рече бо: «Аще поститесь, подобни есте Отцу вашему». Нѣ что рече? «Будѣте щедри, якоже Отецъ вашъ небесный».* То бо есть дѣло Божие. Аще сего не имаши, ничтоже имаши. «Милости хочу, — рече, — а не жертвѣ».*

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону

21. Сушее

Братие моа, не на лица зряще имѣйте вѣру Господи нашему Исусу Христу славъ.

Толк. Златоуста. Что ради ты велемудруеши, вѣща, и что ради пакы инѣ тебе уничѣжаетъ? Не тѣло ли едино есмь вси,* и велиции, и малии? Аще бо въ началѣ съединяемся и другъ другу уди, почто раскалаеши самъ себе? Что срамляеши брата? Якоже бо онъ твой удъ, тако и ты оного. И много о семь единопѣстие.

22. Сушее

Аще бо внидетъ въ сѣнище* ваше мужъ, златъ перстень нося, въ ризѣ свѣтлѣ, внидетъ же и нищъ въ ризѣ сквернѣнѣ, и възрите на носящаго свѣтлу ризу, и речете ему: «Ты сѣди сѣде добръ». А нищему речете: «Ти стани тамо или сѣди сѣде въ подножие ми». И не рассмотрите въ себѣ, и бысте судиа помышлениемъ злымъ?

Толк. То же о друзѣхъ смысляще: придеть убогий, буди по томъ мыслию, не болша положи чѣсти богатства ради. Нѣсть нища, ни богата о Христѣ. Не срамляйся внѣшнею одежею, нѣ прими внутрення ради вѣры.

ведь, что сынами нас сделал духовный закон, родив нас банею пакирождения. Однако мы не пребываем в таком видении из-за наших дел, а о дарах благодати мы забываем. Ведь тот, кто предался делам лукавым, благодеяний от Бога не помнит, и не вспоминает, что он свыше родился, и оправдался, и освятился, и приравнен к сынам Божиим, но предается делам тех, кто отменяет благодать.

19. Сушее (Иак. 1, 26—27)

Если кто думает, что он верующий, и не обуздывает своего языка и обманывает свое сердце, того вера пуста. Чистая и нескверная вера от Бога и Отца...

Толкование Златоуста. «Если кто, — сказал, — считает себя», но на самом деле не является, и если он не укрощает всячески свой язык, а, напротив, поучает его своему пустоверию, то он сердце свое осквернил. Потому апостол и сказал: «Кто воображает, что он стоит...» и так далее. Ибо он видел падение истинно стоящего и засвидетельствовал писанием о правой вере.

20. Сушее (Иак. 1, 27)

...(чтобы) посещать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неоскверненным от мира.

Толкование Златоуста. Милосердствовать и сострадать — если мы этого не имеем, мы всего лишены. Ведь не сказано же: «Если поститесь, подобны Отцу вашему». А как сказал? «Будьте милосердны, как Отец ваш небесный». Это — дело Божие. Если этого не имеешь, ничего ты не имеешь. «Милости, — сказал Господь, — хочу, а не жертвы».

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна

21. Сушее (Иак. 2, 1)

Братья мои, не взирая на лица, веруйте в Иисуса Христа, Господа Славы.

Толкование Златоуста. Что ты превозносишься, — сказал, — и почему опять другой тебя унижает? Разве мы все не единое тело, и великие и малые? Если мы соединяемся изначально, будучи органами одного тела, зачем ты раскалываешь сам себя? Зачем ты срамишь брата? Как он твой орган, так и ты — его. В этом заключается равновесие.

22. Сушее (Иак. 2, 2—4)

Если войдет в собрание ваше человек в светлой одежде, с золотым перстнем, войдет и нищий в бедной одежде, вы посмотрите на богато одетого и скажете ему: «Ты садись здесь, пожалуйста». А бедному скажете: «Ты стой там или сядь здесь у моих ног». Разве вы не рассудили в себе и не стали судьями с недостойным образом мыслей?

Толкование. Так же о других рассуждай: придет бедный, будь за него мысленно, не воздавай большей чести из-за богатства. Нет ни нищего, ни богатого во Христе. Не стыдись внешней одежды, принимай внутренний облик — веру!

23. Сущее

Слышите, братие моа възлюбленая! Не Богъ ли избѣра нищая всего мира богати въ вѣру и наслѣдници Царствию,* егоже обща любящимъ его Богъ? Вы же укористе нишаго.

Толк. Златоуста. Мы же, яко повелику преобидими, тако просящая унищажает, досаждающе, отвращаемся, не дадуще, что печалуеши? «Утѣшайте, — рече Павелъ, — яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ».* Утешаяй же брата своего не предъ челоуѣкъ се створи,* нѣ особь, и съ многимъ вниманием, и болѣзнию устрѣкает, и слезами, и рыданиемъ, братьскы отъ сердца подавающе, братьскы утѣшающе изволениемъ, не боляще о подании, боляще же о ономъ преступлении приобрѣтении ради. Аще бо о подании досадиши, погубляеши даръ. Аще ли же и не давъ, поносиши, како не съдѣлалъ еси зла страстному оному окаянному? Приде бо помилованъ быти тобою, примѣ же язву отъиде. Паче же и прослезити, нудити бо есть скудости ради просити, и того ради досаждаеши ему. Видѣ, колика мука досаждышему убогому, раздражаетъ бо сътворшаго и. Рече бо: «Еда самъ ся сътвори нищъ? Нѣ тебе ради, да ты спасешися имъ».* И тебе ради нища бывша унищажаетъ? Колико неразумие и колико неблагодарение дѣла сего!

24. Сущее

Не богати ли обладаютъ вами и ти влѣкутъ вы на судища? Не ти же ли хулять доброе имя, нареченное на васъ?

Толк. Претерпѣвайте доблестнѣ лихоимство, лихоимцы бо себе погубляютъ, а не нас. Насъ бо лишаютъ имѣний, а себе обнажаютъ промысла Божия и помощи его. Еяже обнажышеся, аще и вся вселенная съберутъ богатство, всѣхъ суть убожѣйше.*

25. Сущее

Аще убо Законъ кончавае царскъ,* по Книгамъ,* възлюбиши искренняго твоего, яко и самъ себе, добръ творите. Аще ли на лица зрите, грѣхъ творите, обличающеся отъ Закона, яко прѣступници.

Толк. Аполинариево.* Якоже паче ты *хощеши* помиловати ближняго си, праведнѣ и челоуѣколюбнѣ, тако и тѣ творить къ единочадну ти и самому сущу Богу. Естъственный помыслъ, в немъже всѣхъ Спасъ в началы глаголя: «Аще хощете, да творятъ вамъ челоуѣци, якоже и вы творите имъ, тако бо есть Законъ и Пророци».*

26. Сущее

Иже бо весь Законъ съблюдетъ, съгрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ.

Толк. Еже съвершену имѣти любовь, то есть глава всѣмъ добромъ. Аще ли главу отвержеши, излиха прочее тѣла есть.

23. Сущее (Иак. 2, 5—6)

Слышите, братья мои возлюбленные! Не Бог ли избрал нищих всего мира, чтобы стали они богатыми в вере и наследниками Царствия Небесного, которое Бог уготовил любящим его? А вы унизили нищего!

Толкование Златоуста. А мы, словно претерпевшие надругательство, так просящих, унижая оскорбляем, отворачиваемся, не подавая им, а что страдать? «Утешайте, — сказал Павел, — как братьев, а не оскорбляйте, как врагов». Утешая брата своего, делай это не перед людьми, а наедине, с многим вниманием, поощряемый соболезнованиями, со слезами и рыданиями; подавать надо по-братски, от сердца, по-братски утешающе, не жалея о поданом, жалея о том, что, приобретя, совершил ты преступление. Если, подавая, подосадуешь, погубишь свой дар. А уж если, не подав, осуждаешь, разве ты не причиняешь зла несчастному страдальцу? Он пришел, чтобы ты его пожалел, но с обидой ушел. Даже прослезился, ведь он вынужден просить из-за бедности, и ты его за это оскорбляешь. Знай, велика кара оскорбившему, ибо она раздражает сделавшего это. Ведь сказано: «Разве он сам себя сделал нищим? Это ради тебя, чтобы ты был спасен через него». А ты унижаешь нищего, ради тебя существующего! Какое неразумие и какая неблагодарность в таком поступке!

24. Сущее (Иак. 2, 6—7)

Не богатые ли владеют вами, и не они ли тащат вас в суд? Не они ли хулят доброе имя, которым вы наречены?

Толкование. Претерпевайте мужественно лихоимство, ибо лихоимцы себя губят, а не нас. Нас они лишают имущества, а себя — промысла Божия и его помощи. Этого лишившись, даже если соберут богатство всего мира, они всех беднее.

25. Сущее (Иак. 2, 8—9)

Если же Закон исполняется царский, по Писанию, т. е. вы возлюбили ближнего как самого себя, хорошо делаете. Но если вы пристрастны, грех совершаете, Закон осудит вас как преступников.

Толкование Аполлинария. Как ты хочешь делать добро ближнему своему, справедливо и человеколюбиво, так и он делает тоже тебе, подобному ему, и самому Сущему Богу. Это то естественное стремление, о котором Спаситель всех сказал: «Как хотите, чтобы люди делали вам, так и вы делайте им, в этом и Закон и Пророки».

26. Сущее (Иак. 2, 10)

Тот, кто весь Закон соблюдает, а согрешит в чем-либо одном, тот виновен во всем.

Толкование. То есть следует иметь совершенную любовь, она есть глава всему доброму. Если от головы откажешься, все прочее в теле излишне.

27. Сущее

...рекий бо: «Не прелюбы сътвори», си рече и «Не убий». Да аще не любы твориши, убиваеши же, бысть преступникъ Закону.*

Толк. Аще и не всяко стройнѣ лежить подлежащее писание, нъ убо самая ради тоя ползы изряднѣ положихом. Господь бо нашъ и Богъ Исус Христос подлежащая Моисеем реченаа въ съвършение приведѣ, вѣща: «Слышите, яко речеся древним: „Не убиеши. Аще ли кто убить, достоинъ есть суду”? Азъ же глаголю вам, яко: „Прогнѣваяя брата своего, повиненъ есть суду”.* Слышасте ли, яко речеся: „Не прелюбы сътвориши”. Азъ же глаголю вам, яко: „Всякъ, възрѣвый на жену, яко похотѣти еи, уже съблудилъ есть въ сердци своем”.* Си толкуя, Севиръ, Антиохиский епископъ, въ 46 словѣ рече: «Мосѣм писаная Законоположения „не убиеши” глаголетъ. Христос же, иже Закону разумъ и еже в немъ Духа податель, еже бо не разгнѣвити брата своего повелѣ, сию паче исполняя закону волю. Гнѣвъ бо, от негоже убойство бывает, помрачивъ е болшаго ради повелѣния. Гнѣвъ бо аще придетъ къ убийству, не прогнѣватися попусти. Тако и къ похоти несытства подвигъ възрѣниемъ осудивъ, рекъ: „Не любодѣйствуеши”, исполни и яви. Духовный бо Законъ Господь исполни обновлениемъ Духа, раздрѣши же Писания древнее, яко паче от стѣннаго писаниа на скрижалехъ въображены округъ».

28. Сущее

Такъ глаголете, и тако творите, яко чяюще Закономъ свободы судъ прияти.

Толк. Есть бо о судѣ правѣмъ поучение. Законъ же свободы глаголетъ Законъ правды, тако судяща, якоже обрѣтает. Се же рече, понеже нѣции съгрѣшаютъ, милосердіа Божіа надѣющеся и глаголюще: «Человѣколюбецъ сый, простить». Тѣмъ и наводитъ рекий: «Немилостивъ судъ не сътворшему милости».

29. Сущее

Судъ бо безъ милости не сътворшему милости.

Толк. Твердѣ убо глаголы нас устрашаетъ, да не вещьми поболимъ.

30. Сущее

Хвалится милость на судѣ.*

Толк. Златоуста о милостыни.* Милостыни ремесльница есть мудра и приставница дѣлающимъ ю, и дружка Божіа есть, и присно искръ его *прѣстоити* и о немже хошетъ, удобъ просить благодати. Токмо да не обидима есть нами. Обидима же есть, егда от възхыщения ю творимъ. А егда чиста есть, много имать дръзновение: и связънемъ та рѣшить узы, раздрушаетъ тьму, угашаетъ огонь, умрыщваетъ червь, изгонитъ зубомъ скрежетъ. Сей съ многою радостию отверзаетъ небесная врата, цесарица бо въистинну есть, подобны человѣкы творящи Богу. Будѣте бо, вѣща, щедри, якоже и Отецъ вашъ небесный. Крилата есть и

27. Сущее (Иак. 2, 11)

...сказавший «не прелюбодействуй» сказал и «не убий». Если ты не прелюбодействуешь, а убиваешь — ты нарушил Закон.

Толкование. Если и не вполне стройно расположен предложенный текст, мы его расположим лучше, для пользы. Господь наш и Бог Иисус Христос воплотил то, что установил и изложил Моисей, сказал: «Слышите, что сказано нашими предками: „Не убей. Кто убьет, заслуживает суда”? Я же так говорю вам: „Заслуживает суда тот, кто разгневает брата своего”. Слышали, что сказано: „Не твори блуда”. Я же так говорю вам: „Всякий, взглянувший на женщину так, что восхотел ее, уже совершил в сердце своем блуд”». Толкуя это, Севир, епископ Антиохийский, сказал в 46-м слове: «Законоположение, написанное Моисеем, говорит: „Не убий”. А Христос, который — разум Закона и податель находящегося в нем Духа, повелел не гневить брата своего, исполнять это веление строже Закона. Ибо гнев, от которого бывает убийство, само убийство затмевает, заслуживая более строгого порицания. Ибо гнев приводит к убийству, поэтому (Христос) и не позволяет гневаться. Так и движение к несытой похоти через взгляд осудив, сказав „не любодействуешь”, исполнил и показал (Закон). Ибо Господь наполнил духовный Закон обновлением Духа, разрушив прежнее Писание, словно круг, изображенный на камне настенной живописью».

28. Сущее (Иак. 2, 12)

Как говорите, так и делайте, как надеющиеся быть судимыми по Закону свободы.

Толкование. Это поучение о правом суде. Законом свободы он называет Закон правды, судящий так, как есть. Он сказал об этом потому, что некоторые грешат и надеются, что Бог милосерден и простит: «Будучи человеколюбцем, — они говорят, — он простит». Поэтому и напоминает (нам апостол Иаков), говоря: «Немилостивый суд несотворившему милости».

29. Сущее (Иак. 2, 13)

Ибо немилостив суд не сотворившему милость.

Толкование. Крепко словами нас устрашает, чтобы не пострадать нам на деле.

30. Сущее (Иак. 2, 13)

Милость превозносится над судом.

Толкование Златоустово о милосердии. Милость — искусница мудрая, защитница совершающих ее, друг Божий, она всегда рядом с ним стоит, ей легко испросить благодеяния, о чем захочет. Не будем обижать ее. Обижаем ее, когда творим ее за счет лихоимства. А когда она чиста, большое дерзновение имеет: она узников избавляет от уз, разрушает тьму, гасит огонь, умерщвляет червей, изгоняет скрежет зубов. Для нее с большой радостью открываются небесные врата, ибо она воистину царица, делающая людей подобными Богу. Будьте милосердны, сказал, как Отец ваш небесный. Она крылата и легка, у

легка, крилѣ имущи златѣ, лѣтание имущи преукрашающе аггелы. Тамо вѣща: «Крилѣ голубинѣ посребренѣ, и межурамѣ* ея въ блъщании злата». Якоже паче голубѣ златѣ и живѣ лѣтающѣ, вѣкома назирающи окомѣ кроткомѣ. Ничтоже ока того краше. Добра естъ и пава, нѣ не к сей нивѣчтоже. Птица естъ красна и чюдна, выспрѣ всегда зрѣть. Девица естъ крилѣ имуще златѣ, бѣло имущи лице тихо. Крилата естъ и легка, у престола стоящи цесарска. Внегда судимся, внезапно предстоит, и является, и изимаеъ нас от мучения своимъ криломъ одѣвающи. Такая жертвы хоцетъ Богъ.

Яко не от вѣры токмо, нѣ от дѣлѣ, и не от единой несправедно, нѣ от обою купно оправдается человекъ

31. Сущее

Кая естъ полза, братие моя, аще кто глаголетъ вѣру имѣти, а дѣлѣ не имать? Еда можеть вѣра спасти и? Аще же брат или сестра наша будета дневногѣ жития,* речеть же има кто от васъ: «Идѣта съ миромъ, грѣйтася и насыщайтася», а не *дасть* има трѣбования тѣлеси...

Толк. Еже глаголетъ, се естъ. Аще не дѣла явить кто, яко вѣруеть Богови, избыточно и имя его, не бо въ простѣ глаголай быти Господень, тѣ естъ вѣренъ. Нѣ тако любяй Господа, яко вѣры ради иже въ нѣ и на смерть дерзнетъ, и яко тако естъ подлежащимъ съмотрение и притчѣ являютъ. Авраамъ бо, вѣща, дѣло показа, яко *вѣрова* Богови, възнесъ на всеплодство сына своего. Также и Раавъ* вѣровавши, не ради о смерти. Се же глаголетъ, утвержая вѣрныхъ, и уча истинною быти вѣрномъ, и не глаголаниемъ токмо и языкомъ Господа любити, нѣ дѣломъ и истинною. Тѣмъ и множайшими образы являютъ, яко аще не дѣлы извѣщыше вѣры, всеу токмо именемъ лъстятъ, ничтоже боле имуще бѣсовъ, ибо и они вѣроваша, яко Сынъ Божий бѣ, и яко Святыи Божий* бѣ, и яко власть имать надъ ними. Видѣть и иного духовнаго разума. Не бо рече: «Кая полза, аще кто вѣру имать?», но «Кая полза, аще глаголетъ кто вѣру имѣти?» Нѣ яснѣе глаголетъ: «Покажи ми вещь, отнелѣже имя приялъ еси». Аще глаголеши ся имѣя неправѣ же, всеу и имя ти вѣрно. По коей бо вещи имя ти наречено? Аще не дѣла съвѣдѣтельствуютъ, то ни имя ти мѣста приметь когда.

32. Сущее

...какая естъ польза? Тако и вѣрѣ, аще не имать дѣлѣ, мѣртва естъ о себѣ. Нѣ речеть кто: ты вѣру имаша, а азъ дѣла имамъ, покажи ми вѣру свою от дѣлѣ своихъ, и азъ покажу тебѣ от дѣлѣ моихъ вѣру свою. Ты вѣруеши, яко Богъ единъ естъ, добръ твориши. И бѣси вѣрують и ищазаютъ.

Толк. Златоуста. Аще бо въ Отца и Сына и Святаго Духа правѣ кто вѣруеть, жития же права не имать, ничтоже ему приобрѣтение вѣра на спасение. Велико бо вѣра и спасено, и бес тоя никакоже спастися. Нѣ сама о себѣ не довлѣеть, нѣ требуетъ и жития права. Аще бо и *землѣ* наслѣдовати не възмо-

нее золотые крылья, она летает красивее ангелов. Ведь сказано: «Крылья у нее голубиные, посеребренные, междурамие в блистании злата». Как голубь, золотой и живой, она летает, смотрит из-под ресниц кроткими очами. Нет ничего прекраснее этих глаз. Красива и пава, но в сравнении с нею — ничто. Она — птица прекрасная и чудная, и ввысь всегда смотрит. Она — девица с золотыми крыльями, с белым тихим лицом. Крылата и легка, стоит она у престола царского. Когда нас судят, она внезапно заступает за нас и спасает нас от мученья, своими крыльями прикрывая. Такой жертвы хочет Бог.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним неправедно, но и тем и другим вместе оправдывается человек
31. Сущее (Иак. 2, 14—16)

Что пользы, братья мои, если кто говорит, что веру имеет, а дел не имеет? Может ли вера спасти его? Если брат или сестра будут наги и лишены хлеба насущного, а кто-то из вас скажет: «Идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им нужного для тела...

Толкование. То, о чем он говорит, вот что. Если кто-то делами не покажет, что он верует в Бога, то его имя излишне, если он просто называет себя Господень или Верный. Только тот любит Господа, кто за веру в него не побоится и смерти. А что такая у него мысль, то видно из примеров. Авраам, как известно, делом показал, что верует в Бога, принес в жертву сына своего. Также и Раав, веруя, пренебрегла смертью. Все это (апостол Иаков) говорит, укрепляя верующих, уча быть истинно верующими: не только речами и разговорами любить Господа, но и делом и истиною. Есть многие примеры того, что те, кто возвестили свою веру без дел, те напрасно обманывали себя именем, ибо они ничуть не лучше бесов, которые тоже веруют, что Сын Божий был, что Святой Божий был, и что Он имеет власть над ними. Примечай и еще духовный смысл. Он же не сказал: «Какая польза, если кто веру имеет?», но: «Какая польза, если говорит кто, что веру имеет?» Он сказал яснее: «Покажи мне дело, за которое получил ты имя (христианин)». Если ты называешь себя (христианином) без права на это, напрасно тебе это имя. За какие дела имя тебе дано? Если дела не свидетельствуют, то за именем никогда не закрепится место.

32. Сущее (Иак. 2, 16—19)

...какая польза? Такая вера, если нет у нее дел, она сама по себе мертва. Если кто-то сказал: «Ты веру имеешь, а я имею дела, покажи мне веру свою через дела свои, а я покажу через дела свои веру мою». Ты веруешь во Единого Бога — хорошо делаешь. Но и бесы веруют и гибнут.

Толкование Златоуста. Если кто в Отца и Сына и Святого Духа правильно верует, но правильной жизни не ведет, ничего не дает ему вера для спасения. Вера — это (нечто) великое и спасительное, без веры никак нельзя спастись. Но одной веры недостаточно, требуется жизнь праведная. Потому

гоша, толико пострадавшие въ пустыни, зане поропташа и съблудиша,* како же мы небеса улучити възможем, нестройнѣ и въ лѣности поживше? Вера бо по крещении* мертва бысть, аще кто без дѣлъ имать ю, и не извѣститъ ея праведными начинании. Заклад бо есть блага житиа крещение, ибо Господь нашъ въ образъ наш крещься от Иоанна, на гору възсходитъ, и къ диаволу брань възприимаетъ, и всю его раздрушает силу.* Нам образъ дая, да вѣмы, яко по божественѣй бани дѣла трѣбѣ суть, и подвижи нас ожидают, еже къ противнику, дѣлъ явления.

33. Сущее

Хощеши ли разумѣти, о человекѣ тѣще, яко вѣра без дѣлъ мертва есть? Авраамъ бо отецъ* не от дѣлъ ли оправдися,* възнесе Исаака, сына своего, на жртѣвникъ?*

Толк. Святаго Кирила.* Понеже блаженный Иаковъ Авраама глаголетъ от дѣлъ оправдавшася, възнесеша Исаака сына на жртѣвникъ, Павелъ же глаголетъ его от вѣры оправдана,* да не мнимъ ею противящася себе. Прѣже бо имѣти ему Исаака, вѣрова и мзду вѣрованиа възприя — Исаака. Нѣ обаче и егда възнесе Исаака на жртѣвникъ, не токмо дѣло творяше повелѣное ему, нѣ и вѣры не отступи, яко о Исаацѣ хошетъ сѣмя его умножитися паче звѣздъ, помышляя, яко от мертвыхъ въздвигнути можетъ Богъ. Обаче Павелъ съвѣдѣтѣля своимъ словомъ и споспѣшника творить блаженаго Давида, мужа, живша въ благочѣстии и мудрѣ устрает, яко Духомъ глаголава вѣры ради оставление,* и възвѣщаетъ всѣмъ человекѣмъ уже о Христѣ настоящее врѣмя.

34. Сущее

Видиши ли, яко вѣра поспѣшествоваше дѣломъ его и от дѣлъ вѣра съврѣшися, и събышася Книгы* глаголющая.

Толк. Кирил. Принеси словесную жртѣву и сущиємъ естѣства законы извѣщай, и неотроченыя любве поперѣ жало, и на земли ничтоже, токмо развѣ еже о Бозѣ любы.

35. Сущее

Вѣрова же Авраамъ Богови, и вѣмѣнися ему въ правду, и другъ Божий наречеся.* Видите ли убо, яко от дѣлъ оправдается человекъ, а не от вѣры единая токмо?

Толк. Кирил. Старость убо иматъ правду, иже вѣрою чѣстны — всѣхъ Бога и Владыку.

36. Апостоль

Такоже и Равъ блудная не от дѣлъ ли оправдися, приимши сходники и инѣмъ путемъ изведши? Якоже бо и тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мртва есть.

что если те, кто перенесли тяжкие испытания в пустыне, не смогли наследовать землю из-за того, что возроптали и впали в заблуждение, то как же мы, беспорядочно и в лености прожив жизнь, можем наследовать небеса? Ибо вера, полученная при крещении, мертва для того, кто дел не имеет и не проявит ее праведными начинаниями. Ибо крещение — это залог доброй жизни, ведь Господь наш, в наш образ крестившись через Иоанна, на гору восходит, и в борьбу вступает с дьяволом, и всю его разрушает силу. И этим он показывает пример, чтобы знали, что после божественной купели дела требуются, так что подвиги нас ожидают против (сатаны) через проявление добрых дел.

33. Сущее (Иак. 2, 20—21)

Хочешь ли понять, о суетный человек, что вера без дел мертва? Ведь и Авраам, отец, не делами ли оправдался — возложил Исаака, сына своего, на жертвенник?

Толкование святого Кирилла. В то время как блаженный Иаков говорит, что Авраам оправдался делами, возложив Исаака, сына своего, на жертвенник, Павел говорит, что Авраам оправдан верою, да не подумаем, что они противоречат друг другу. Когда не было еще у него Исаака, Авраам веровал и получил награду за веру — Исаака. Но и тогда, когда он возложил Исаака на жертвенник, он не только совершил дело, повеленное ему Богом, но и не отступил от веры в то, что через Исаака потомство его умножится больше звезд, понимая, что может Бог воскресить из мертвых. И еще Павел свидетельством своих слов, подтверждающим их, делает блаженного Давида, мужа, жившего в благочестии, который мудро, по действию Духа, предсказал прощение грехов ради веры, и возвещает всем людям, что наступает время Христа.

34. Сущее (Иак. 2, 22—23)

Видишь ли, что вера способствовала Авраама делам и что через дела вера достигла совершенства, и сбылось слово Писания?

Толкование святого Кирилла. Принеси словесную жертву, изучай законы природы по существу, растопчи жало безответной любви, ибо нет на земле никакой любви, кроме любви к Богу.

35. Сущее (Иак. 2, 23—24)

Веровал Авраам Богу, и это вошло ему в праведность, и был он наречен другом Божиим. Видите ли, что через дела человек оправдается, а не только от одной веры?

Толкование Кирилла. У старости есть праведность, а у чистых сердцем — всех Бог и Владыка всего сущего.

36. Апостольское (Иак. 2, 25—26).

Так и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв лазутчиков и выведя их другим путем? Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Толк. Севирианово.* Слыши Писания, съвѣдѣтельствующа ея оправдания,* яже бѣ въ блудѣ: бисѣрь въ калѣ свѣтятся,* злато в тимѣнии поврѣжено, цвѣтъ благочестия въ трънии подавляем, благочѣстная душа, въ злочестия странѣ затворена.

Яко дръзы и бе-щинны языкъ умръщвает имущаго и, егоже потреба дрѣжати на похвалу и на славу Божию

37. Сушее

Не мнози учители будѣте,* братие моа, вѣдуше, яко больи грѣхъ приемѣмъ.

Толк. Златоуст. Понеже учащему, а не творящему не токмо приобрѣтениа нѣсть, нѣ и тѣщету велику и судъ наносить. Въ таковѣмъ нерасуждении жившу житие свое, без дѣла бо учащему, грѣхъ великъ есть. Не съгрѣшаяй же въ дѣлѣ и учении, и силенъ есть все тѣло обуздати, таковой да учить, и вѣрою таковою да повелѣваетъ съ словомъ правом, съ словомъ свѣтломъ, съглашаяй вѣрѣ, являя, яко все тѣло свое можетъ вѣхластити, и неединояже любве имѣти къ житийскому себе оставляеть.

38. Сушее

Много бо съгрѣшаемъ вси.

Толк. Севирово. Ибо много съгрѣшаемъ вси. Идеже кто, вѣща, Христовъ ученикъ, требѣ есть намъ противу реченымъ дѣлы благи преходити, могущимъ на милость преклонити всѣхъ судию и Бога, а не въ страстехъ изънемогше, яко чловѣци, затворени быти и не отчаятися своего спасения.

39. Сушее

Аще кто словомъ не съгрѣшитъ, съ съвершенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло.

Толк. Кирил. Ищедшу убо уму и смыслу свершеное показавшу бездѣлство, и ничтоже удрѣжания имѣти о языцѣ, и бе-затвора имети и кѣгда, нѣ паче достонть въсприимати всегда достойное слову, глаголати же, всегда похвалы исполнь. Лѣпо же паче въ реченыхъ мудрость, отречено бо есть святымъ глаголати буесловие, рекше гнилословие,* якоже рече всемудрый Павелъ. Поминаетъ же всегда святое Писание, глаголющее: «Слово ваше да есть въ благодати солию растворено».* Да и благодать дасться слышашимъ.* Приемлетъ же богодѣхновенное Писание кроткаго въ словесехъ, похуляеть же языкъ невѣздержливъ. Рече бо: «Аще кто словомъ не согрѣшитъ, съ съвершенъ мужъ, силенъ обуздати все тѣло». Глаголетъ бо и Давидъ: «Положи, Господи, съхранилище устомъ моимъ, и двери ограждены о устнахъ моихъ».* И паки рѣхъ: «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языкомъ моимъ». Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающъ языкъ имѣти.*

Толкование Севирианово. Слушай Писание, свидетельствующее о ее оправдании, ее, которая прежде была в блуде: как жемчужина в навозе она светилась, как золото, брошенное в грязь, цветок благочестия, подавляемый тернием, благочестивая душа в плену у злочестия.

О том, что дерзкий и необузданный язык убивает своего владельца и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога

37. Сущее (Иак. 3, 1)

Не многие пусть будут учителями, братья мои, зная, что мы большой грех примем.

Толкование Златоуста. Потому что кто учит, а сам не делает, не только не получает (от этого никакой пользы), но и претерпевает большой ущерб и осуждение. Потому что кто живет так нерадиво и, не имея дел, учит, грех на том великий. Не согрешающий в деле и в слове, имеющий силу обуздать свое тело, такой человек пусть учит, и в вере пусть наставляет словом правым, словом светлым, живя в вере, показывая, что может укротить свое тело и не оставить в себе никаких житейских привязанностей.

38. Сущее (Иак. 3, 2)

Ибо все мы много грешим.

Толкование Севира. Ибо все мы много грешим. Если кто сказал, что он — Христов ученик, следует, соответственно сказанному, благие дела совершать, какими можно на милость преклонить всеобщего судию Бога, а не замкнуться в свойственных человеку страданиях и потерять надежду на спасение.

39. Сущее (Иак. 3, 2)

Если кто словом не согрешает, тот совершенный муж, способный обуздать и все тело.

Толкование Кирилла. Когда уходит ум, и разум показывает полную несостоятельность, и нечем удержать язык, и он неводержан, напротив, следует особенно вникать всегда в то, что достойно речи, и произносить совершенную похвалу. Самое ценное в изречении — мудрость, а самое запретное — изрекать хулу (то есть гнилословие) на святое, как сказал премудрый Павел. Поминает он всегда святое Писание: «Да будет слово ваше в благодати солью приправлено». Пусть дает оно благодать слышавшим. Богодухновенное Писание принимает кроткого в словах и отвергает неводержанный язык. Вот и сказал (апостол Иаков): «Если кто словом не согрешит, совершенный есть муж, способный обуздать свое тело». Говорит и Давид: «Поставь, Господи, охрану моим устам, дверьми огради уста моя». И еще сказал я: «Я оберегу уста мои, чтобы не согрешить мне языком моим». Ибо добрая охрана — иметь язык, который не грешит.

40. Апостоль

Се бо и конемъ узды въ уста вѣлагаем, да повинуются нам, и все тѣло ихъ обращаем. Се же и корабли толици суще, и от жестоку вѣтръ затачаеми, обращаются от мала кормила, аможе аще стремление правящему хоцеть.

Толк. Ещеже и се не еже случается языку тоже глаголати. Глаголетъ убо, яко уздоу дерзость коня вѣстязаемъ, и кормило мало стремление кораблю править. Много же паче языкъ въ правоглаголаніе управляти должни есмь, да не малъ сущъ хвалится,* занеже великъ намъ приносить искусь. Неправдою красясь, все тѣло оскверняетъ. И вѣжчигаетъ намъ огонь геены, нѣ и сам горить от огня. Како убо не палить ли сѣвязанныхъ нечѣстивыхъ по руцѣ и по нозѣ и вѣметаеми въ огонь вѣчный,* уготованъ диаволу и аггеломъ его? Тѣмъ и псаломникъ вѣпить: «Положи, Господи, сѣхранение устомъ моимъ». Да не постражеть, яко паче языкъ ближняго палимъ, никакая улуча утѣхы.*

41. Сущее

Такоже и языкъ малъ удѣ есть и величается. Се малъ огонь колику громаду* сѣжизаетъ.

Толк. Златоуст. И еще боле девицъ* храни языкъ. Конь бо есть царскъ языкъ. Аще убо вѣзложиши на нѣ узду и научиши ходити правѣ и кротцѣ, покоиши и, и всядетъ на нѣ царь. Аще ли невнуздана и оставиши, скачетъ и играетъ, диаволу и бѣсомъ расколъ* бываетъ.

Исуса сына Сирахова. Мнози падоша усты меча, нѣ не яко падшей языка ради. Блаженъ есть, иже иже покрывается от него, и иже не приде въ ярость его, и не привлечеся въ яремъ его, и узами его не связася. Ибо яремъ его желѣза, и узы его мѣдяны,* и прочая.

42. Сущее

И языкъ огонь лѣпота неправдѣ.* Тако и языкъ утваряется въ уды наша, скверня все тѣло, и паля около твари нашеа,* и опаляясь от геены.

Толк. Святаго Василиа.* Аще любиши живот, створи заповѣдь животную. Любай бо мя, рече, заповѣди моя сѣблюдетъ*.* Первая же заповѣдь — удержи языкъ свой от зла и устнѣ твои не глаголати лъсти.* Сѣпроста бо злѣи и многообразенъ есть грѣхъ языкомъ есть сѣдѣваемъ. Въ гнѣвѣхъ, въ похотехъ, въ отвѣтѣхъ, въ неправдахъ, въ лъстехъ, и всяко слово износяще языкомъ сѣгрѣшаемъ. От того бо скверньнословье, буесловье, клеветы, клятвы, лъжепослушества и вся злая, и множае тѣхъ языка есть сѣтворение, понеже убо от словесъ своихъ оправдишися. Прѣстани языкомъ своимъ от зла, и устнѣ ти не глаголати лъсти. Тѣ бо сосуд на службу слову данъ ти, и упражняти и от лукаваго дѣяннѣ сѣтвори.

43. Апостоль

Всяка бо вещь звѣрии же и птицъ и гадъ же и морскихъ умучена есть вещью челоувѣческою.

40. Апостольское (Иак. 3, 3—4)

Так, коням узду в рот влагаем, чтобы они повиновались нам, и всем телом их управляем. То же и корабли, хоть и столь велики они, и сильнейшие ветры их носят, но малым кормилом направляются они туда, куда хочет кормчий.

Толкование. И еще о том, что бывает с языком, здесь говорится. Говорит (апостол Иаков), что уздою бег коня можно удержать, а маленький руль движение корабля направляет. Много больше должны мы направлять язык на то, чтобы говорил он истинное. Да не сочтем его за малое, ведь он может принести нам великие испытания. Красуясь неправдой, он все тело оскверняет. Зажигая нам огонь геенны, и сам горит от этого огня. Не этим ли огнем горят нечестивцы, связанные по рукам и ногам и вметаемые в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его? Потому и псалмопевец вопиет: «Поставь, Господи, охрану к устам моим», чтобы не пострадать, как язык ближнего, палимый без всякого облегчения.

41. Сущее (Иак. 3, 5)

Также и язык, будучи маленьким органом, величается. Это малый огонь, но какую громаду сжигает.

Толкование Златоуста. И еще более, чем девицу, храни язык. Язык — это царский конь. Если наложить на него узду и научить ходить ровно и смирно и успокоить его, то сядет на него царь. А если невзнузданным его оставить, скачет и играет, и будет он подобен дьяволу и бесам.

(Толкование) Иисуса, сына Сирахова. Многие пали от меча, но не столько их, сколько павших от языка. Счастлив тот, кто укрылся от него, и не подвергся ярости его, и не потащил ярмо его, и не связан был узами его. Ибо ярмо это железное, узы его медные и прочее.

42. Сущее (Иак. 3, 6)

Язык — это огонь, приукрашение неправды. Язык так расположен среди органов, что сквернит все тело, зажигает в нас огонь геенны, опаляясь от геенны.

Толкование святого Василия. Если любишь жизнь, исполни заповедь жизни. «Любящий меня, — сказал Господь, — заповеди мои соблюдет». Первая же заповедь — «Удержи язык свой от зла и уста твои от произнесения лжи». Короче, зол и многообразен грех, творимый языком. В грехе, в похоти, в пререканиях, в неправде, в лжи произносятся слова — согрешаем языком. От него сквернословие, пустословие, клевета, проклятья, лжесвидетельство и все злое; и больше этого есть языка творение — словами своими мы оправдываемся. Перестань языком своим служить злу, и уста твои пусть не говорят лжи. Ибо язык — это орудие, данное тебе, чтобы служить тебе словом, и освободиться от дьявольского действия заставь его.

43. Апостольское (Иак. 3, 7)

Все естество зверей, птиц, гадов, морских тварей укрощается естеством человека.

Толк. Языка убо течение приносит слово къ иному, являя свою злобу. Глаголетъ бо безмѣстная: вся намъ удержати на суши же, и на аерѣ, и въ мори, своего же языка не удержати.

44. Сущее

А языка никтоже от челоуѣкъ умучити можетъ, неуждержанно зло и ядъ смертенъ.

Толк. Языка же никтоже от челоуѣкъ можетъ умучити, не бо яко явимъ есть немощну быти ему. Ибо малы вышписаное въспримѣмъ и разумѣи ясно реченое: «Всяко бо, рече, естъство» и прочая. Како убо тѣмъ всѣмъ умучаеомъ, не умучимъ есть языкъ? «Всяко естъство», рече, еже бо «всяко», то и самого того языка вѣмѣни. Аще бо не своего естъства челоуѣкъ умучаетъ звѣри, кольма паче своего естъства умучити удъ — языкъ? Нѣ яко прежде сего и потомъ писаное слышимъ: языка, вѣща, никтоже можетъ от челоуѣкъ умучити. Нелѣпо есть, братия, тому тако быти. Что глаголеши, что предполагаеши немощная? Аще бо никтоже *может* умучити? Не подобаетъ симъ тако быти. Аще бо непобѣдимъ есть языкъ, како Павломъ побѣдися? Како хулнѣи устнѣ быста богословнѣи? Како иже наостри на Христа укоры, того пакы исполни о Христѣ вѣтиствуя?

Тогоже Златоуста. Мечъ есть языкъ наостренъ,* нѣ да не инѣмъ наводимъ язвы, нѣ своя гнили да отрѣзаемъ.

Исихия. Яко паче мечъ наостренъ готовъ есть на усеѣние и скорѣ на погубление есть, тако и языкъ золь.

45. Сущее

Тѣмъ благословимъ Бога и Отца и тѣмъ кленемъ челоуѣкы, бывшая по подобству Божию. Отъ тѣхъже устъ исходитъ благословление и клятва.

Толк. Далече се Христовъ ученикъ кроткихъ и разумныхъ устъ, сподобльшихся такового таинства. Ничтоже горка износяще, и ничтоже нелѣпотнѣи о Божествѣ бесѣдующа уста языкомъ, нѣ чиста его да съхранимъ. Не клятвы имъ приносимъ, ибо хулници не наслѣдуютъ царствия. Хула бо и молитва далече себе отстоита, клятва и молитва велику преграду имата, осуждение и молитва велико расстояние имата. Приходить, да милостива сътворитъ Бога, и на ины молить: аще бо не оставимъ, не оставится намъ.*

46. Сущее

И не подобаетъ, братие моа, симъ тако бывати. Еда убо источникъ отъ единого устна истачаетъ сладкое и горкое? Еда можетъ, братие моа, смокы маслицѣ сътворити или лоза смоквы? Таможе ни единъ источникъ слану и сладку сътворитъ воду.

Толк. Властолюбци суще и мудрость мира сего любяще, вражду и лѣсть на правыхъ учителя проповѣдаютъ, и народъ водяще простѣи, и зависть на тѣхъ имущихъ, и смѣшающимъ божественнымъ челоуѣческаа, да тѣмъ отъ глаголаныхъ сътворять слышаша, отнюдуже и ереси изидоша. Таковое учение отрицать

Толкование. Однако движение языка проявляет другую сторону слова, и это плохо. Говорит как бы нелепицу: всем мы владеем и на суше, и в воздухе, и на море, а языком своим овладеть не можем.

44. Сушее (Иак. 3, 8)

Языка своего никому не укротить из людей, он — неудержимое зло и яд смертельный.

Толкование. Языка никто из людей не может укротить, хотя он и кажется нам бессильным. Посмотрим чуть выше написанное, пойми сказанное ясно: «Всякое естество...» и так далее. Как это: всех тех укрощаем, а язык — неукротим? Если сказал «всякое», то и язык он имеет в виду. Если человек зверей, у которых другая природа, укрощает, то тем более часть себя — язык, как не укротить? Но как прежде сего, то и после написанное слышим: «Язык — сказано — никто из людей не может удержать». Негоже, братья, этому быть! Почему говоришь, почему предполагаешь такое несчастье? Разве никто не может его укротить? Не может этого быть. Если непобедим язык, то как же Павел его победил? Как хулящие уста стали богословствующими? Как это — тот, кто наострил против Христа укоры, напротив, преумножил красноречие о Христе?

Толкование того же Златоуста. Язык — это острый меч, да не наносим им раны другим, но свои струпья срезаем.

Толкование Исихия. Как острый меч готов, чтобы сечь, и легок, чтобы губить, так и больше — злой язык.

45. Сушее (Иак. 3, 9—10)

(Языком) мы благословляем Бога и Отца, им же проклинаям людей, сотворенных Богом. Из тех же уст исходит и благословение, и проклятье.

Толкование. Все это далеко от кротких и разумных уст учеников Христа, удостоенных этого таинства. Не принося ничего горького, не говоря ничего злого о Божестве устами своими и языком, сохраним его в чистоте. Не будем произносить им проклятий, ведь хульники не наследуют Царствия Небесного. Ибо хула и молитва далеко отстоят друг от друга, проклятье и молитва разделены великой преградой, осуждение и молитва далеко отстоят друг от друга. Кто просит Бога о милости, пусть молится и о других, ведь если мы не простим, не проститься и нам.

46. Сушее (Иак. 3, 10—12)

Не должно, братья мои, чтобы так было. Разве течет из одного источника сладкое и горькое? Разве может, братья мои, смоковница маслины производить, а лоза — смоквы? Также ни один источник и соленую, и пресную воду не источает.

Толкование. Властолюбцы, любящие мудрость века сего, вражду и ложь против праведных учителей, честно наставляющих людей, возбуждают, завидуя им и смешивая божественное и человеческое, заставляют слушателей не принимать во внимание сказанное, и отсюда происходят ереси. Он порицает

еже не от мудрости Божия, нъ от дѣмоньскыя бываетъ. Си же рече, похваляя блазѣ учащая от кротости и мудрости, и от дѣлъ благыхъ.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ от слабохотна сущаго от премудрости чловѣчьскы.

47. Апостоль

Кто премудръ и хытръ* въ васъ, да явит от добра жития дѣла своя въ кротость премудрости.* Аще ли зависть горку имате и рвѣния въ сердцихъ ваших, ни хвалитесь, ни лжите на истину. Нѣсть си премудрость съвыше съходящи, нъ земна и душна,* неприязнина.* Идеже бо зависть и рвение и всяка зла вещь, ту нестроение.*

О Божии премудрости

А вышняя премудрость первое убо прѣчиста, потом же мирна, благопокорьлива и исполнь милостыня и плодъ благыхъ*...

Толк. Златоуст. Ищистимъ скверну* от душевною ушю. Якоже бо паче скверна и каль ушима плѣтськыма, тако и житийскыя повѣсти, яже лихвы ради и заимании долговъ, сквърны всякыя горее заграждаетъ разумный слухъ, паче же не заграждает тъкмо, нъ и нечистъ творить.

48. Апостоль

...бе-сумнѣния и без лицемѣрия.* Плод же праведенъ и въ мирѣ сѣется творящимъ миръ.*

Толк. Нерасужающе назираниемъ брашенъ или различиемъ о мачании зелий.* Извѣстнѣ же о сихъ къ коласаемъ бесѣдуеть Павелъ.*

Яко от уныния и сластолюбия реть и нестроение и вражда на Бога бываетъ

49. Сущее

Откуда брани и откуда сvari въ вѣсъ? Не отсюду ли, от сластей ваших, воюющихъ въ удѣхъ ваших? Желѣте и не имате, убиваете и завидите, и не можете улучшить,* сваритесь и боретесь, и не имате. Зане не просите.*

Толк. Являетъ, яко аще и раширяють слово въ учении.* Всяко плотяни суще и злѣйшая творяще. Таковыя и Павелъ уничижаетъ, глаголя: «Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не плѣтани ли есте?»*

50. Сущее

Просите и не възмете, занеже злѣ просите,* да въ сластехъ вашихъ иживите, зане злѣ просите, и прѣлюбодѣйци и прелюбодѣица.*

Толк. Севирово. Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляетъ.* Ставъ бо, рече, посрѣдѣ церкви, велегласно просяше и моляшеся, и яко достоинъ сый улучшить, и своя дѣла почитая, глаголаше: «Пошуся двакратъ в

учение, которое не от Божественной мудрости, а от демонов бывает. И это он сказал, похваливая тех, кто учит добру в кротости, мудрости и благим делам.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию

47. Апостольское (Иак. 3, 13—17)

Если кто из вас мудр и разумен, пусть докажет это добрыми делами своей жизни, с мудрой кротостью. Но если зависть горькая и сварливость в вашем сердце, не хвалитесь и не лгите на истину. Это не та мудрость, которая нисходит свыше, а земная, душевная, бесовская. Ибо где зависть, сварливость и всякое зло, там и нестроение.

О Божественной премудрости

А мудрость, нисходящая свыше, во-первых, чиста, затем мирна, послушна, полна милосердия и благих плодов...

Толкование Златоуста. Очистим от скверны уши нашей души. Как скверна и грязь телесным ушам, так жизненные события, касающиеся ростовщичества и взятия в долг, хуже всякой скверны заграждают слух разума, и не только заграждают, но и оскверняют его.

48. Апостольское (Иак. 3, 17—18)

...беспристрастна она и нелицемерна. Плод же правды в мире сеется у тех, кто творит мир.

Толкование. «Премудрость» не заботится о надзирании за пищей и различными «настоями» трав. Об этом точнее говорит Павел в Послании к колоссянам.

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают

49. Сущее (Иак. 4, 1—2)

Откуда у вас вражда и распри? Не оттуда ли, не от вожделений ли ваших, воюющих в членах ваших? Желаете — и не имеете, убиваете и завидуете — и не можете достигнуть, препираетесь и боретесь — и не имеете. Потому что не прбсите.

Толкование. Показывает (апостол Иаков), что словно расширяется учительное слово. Все, будучи плотскими, делают худо. Именно таких Павел обличает, говоря: «Если в вас зависть и ревность, разве вы не плотские?»

50. Сущее (Иак. 4, 3—4)

Прбсите и не получаете, потому что плохо просите, чтобы в своих вожделениях растратить, поэтому просите плохое, прелюбодеи и прелюбоденцы.

Толкование Севирова. Так было и с фарисеем, которого Лука в Евангелии обличает. Ибо став, — говорит, — посреди церкви, громко просил и молился, так, как будто достоин он получить просимое, вот как высоко ценил

суботу, и десятину даю всего, елико притяжахъ». Почитает же, яко нѣсмь грабитель, и обидя, и любодѣй, и лихоимство держай. И яко паче множайшая глаголаше, толма паче исхожаху от Божиа слуха, и глаголь бремя тѣще от устну исхожаше, и въ безумие истааху, яко паче ярящася волны.

Нѣции мнящеся просяще и не принимаютъ: противнѣ и злѣ просящихъ сластей ради суетныхъ. Нѣ речеть, кто разума Божиа и възвышениа добродѣтельмъ просяще и не принимаютъ. Извѣсто же и о сихъ, яко не себе та благаа прияти просиша, нѣ да хвалими будутъ ихъ ради. Есть бо сластолюбцемъ радоватися о похвалахъ, имже не дается имъ, понеже въ сласти расточити хотять, егоже просятъ.

51. Апостоль

Не вѣсте ли, яко любы свѣта сего вражда Богу есть? Иже бо аще изволить другъ свѣту сему быти, врагъ Божий бываетъ.*

Толк. Миръ убо глаголетъ всякъ по плѣти животь, матеръ тлѣнна, еяже причаститися хотя, врагъ бываетъ Богу.

Аригеново. Понеже убо злоба ходатай есть намъ любви, яже къ миру, добродѣтель же происходатаитъ любовь яже къ Богу. Тѣмже добродѣтель и злоба въкупѣ пожити не можетъ.

Притѣчникъ.* Иже съгрѣшени ради любить миръ, врагъ является Богу. Якоже бо и къ Богу любы, благочѣстиемъ извѣстуема, абие врагъ обретається миру. Тѣмъ и не мощно есть работати Богу и мамонѣ,* и любити Бога и мира. Ихже хошетъ, пришедъ, Господь другы Богу сѣтворити? Ножъ бо и раздѣление въверже на землю.* Ибо слово учения его раздѣляетъ и разлучаетъ земная и плотская, того ради строяй вражду имѣти къ миру и единство къ Богу. Тѣмъ и миръ даетъ, а не яко миръ повелѣваетъ. Онъ бо даетъ миръ къ плотскимъ любовь творя. Господь же, миръ даяй, другы Богу сѣтваряетъ насъ.

⟨Толк.⟩ Аще убо не всяко лѣпо къ реченымъ есть, но убо изряднѣ пищевахъ положити е отъ истолкованиа на ползу ищемое. Вѣща бо Господь нашъ Исусъ Христосъ въ Еуагелихъ: «Аще рука твоя или нога твоя съблажняетъ тя, отсѣци ю и поверзи отъ себе. Добро бо ти есть внити въ Животъ хрому, неже двѣ руцѣ и нозѣ имущу въвержену быти въ Огнь. Или десное око съблажняетъ тя»* и прочая. О томъ бо Хрусостомъ* вѣща: «Не о удѣхъ си речена быша, нѣ о друзѣхъ, ихже въ чину удѣ имамъ издряднѣ». Се бо и выше речеся, и нынѣ глаголетъ: «Ничтоже бо пакостнѣе сужити злыи лукавы». Тѣмъ съ великою яростию врѣжающая ны отсѣкати повелѣваетъ.

52. Сущее

Или мните, яко лѣжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете духъ, иже вселився въ насъ,* болшу же дастъ благодать»? Тѣмже глаголетъ Соломонъ...

он свои дела — и говорил: «Пощусь дважды в неделю, даю десятую часть того, что приобретаю». Гордился он тем, что он не грабитель, не обидчик, не прелюбодей, не лихоимец. Но чем больше он говорит, тем дальше отходят его слова от слуха Божия, его слов пустое бремя вышло из уст его и бессмысленно растаяло, как бурные волны.

Некоторые, как они полагают, молятся — и не получают, это о неправильно и дурно просящих, ради пустых удовольствий. Но скажут, что иной просит о постижении Бога, об увеличении добродетелей — и не получает. О них известно, что они просят не для того, чтобы иметь эти блага, а чтобы хвалиться ими перед людьми. Сластолюбцам свойственно радоваться, хвалясь, хотя и не дается им, потому что расточают они в удовольствиях то, что просят. 51. Апостольское (Иак. 4, 4)

Разве вы не знаете, что любовь к этому миру есть вражда к Богу? Тот, кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу.

Толкование. Миром он называет вещественную жизнь, матерь тления, приобщившийся к которой становится врагом Богу.

Толкование Оригена. Потому что зло есть для нас ходатай за любовь к миру, а добродетель ходатайствует о любви к Богу. Поэтому добродетель и зло не могут жить вместе.

Приточник. Тот, кто любит мир ради греха, является врагом Бога. Также и любовь к Богу, через благочестие проявляемая, тотчас же врагом становится миру. Именно поэтому невозможно работать Богу и мамоне, и любить и Бога, и мир. Кого хочет Господь, придя, сделать друзьями Бога? Он меч и разделение поверг на землю. Ибо слово его учения разделяет, отделяет земное и плотское, для этого устроено так, чтобы была вражда к миру и единство к Богу. Этим он дает покой, но не так, как желает мир. Ибо этот мир хочет покоя через плотскую любовь. А Господь, давая мир, делает нас друзьями Бога.

Толкование. Хотя и не все подходит к сказанному, но особенно старался я представить из толкований нечто, отысканное для пользы. Ведь Господь наш Иисус Христос сказал в Евангелиях: «Если рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее и отбрось от себя. Ибо лучше тебе войти в Жизнь хромым, чем, имея две руки и ноги, быть вверженным в Огонь. И если правый глаз соблазняет тебя...» и так далее. Об этом и Златоуст говорит: «Не об органах тела, сказано, а о друзьях, которые для нас то же, что и органы тела». Об этом и выше говорилось, и сейчас говорится: «Нет ничего хуже, чем жить со злом». Поэтому (апостол Иаков) с великой яростью повелевает отсекаать то, что вам вредит.

52. Сущее (Иак. 4, 5—6)

Или вы думаете, что Писание говорит вам неправду: «Из зависти возлюбляет дух, вселившийся в вас, большую дал благодать»? Поэтому Соломон говорит...

Толк. Завистию диаволею смерть вниде въ миръ* и вселися въ ны. Христос же, по Писанию, в селися,* да завистию бывшую смерть прокленеть. Не тъкмо же се, нъ и болшу нам дасть благодать. «Азъ бо придох, — рече, — да животъ имуть и лише имуть».* Яко възхотѣвъ Богъ нас, вселися въ ны. Исаиа явѣ рекъ: «Не ходатай, ни аггелъ, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны».* Како же спасъ ны, болшу дасть благодать? Раздрушивъ свѣтъника на ны сатану, тѣмъ и наведе. Рекъ: «Богъ гордымъ противится». Не горды ли естъ, въпия: «Вселеную всю обоиму яко яйце»?*

53. Сущее

«Богъ гордымъ противится, сѣмѣренным же даетъ благодать».* Повинѣтеся убо Богови, противите же ся неприязни, и отбѣжитъ от васъ.*

Толк. Дидимово. Гордость естъ до конца възнесеная злоба. Сѣмѣрение же и невысокомыслие велико благо естъ. Понеже бо обое изволением и волею благо и зло съдѣваета.

О покаяньи на спасенье и не осужати искренняго*

54. Сущее

Приблизитесь къ Богу и приблизитесь къ вам. Очистите руцѣ, грѣшнии, и ищистите сердца, дводушнии.* Постражете слѣзы и плачѣтеся. Смѣх ваш въ плачъ да обратится, и радость въ умиление.

Толк. Ибо по сѣгрѣшениі покаание повелѣное не плача, нъ блаженства естъ достоинъ, въ праведныя лики преставаля. Глаголи бо, рече, ты первѣ грѣхы своа, да оправдишися. А еже по сѣгрѣшениі бе-студа быти, не тако естъ зло пасти, якоже падши не вѣстати. Аще бо о исправлении хваляся нечистъ естъ, а еже о грѣсѣ се же стража, кое приметь прощение?

55. Сущее

Сѣмѣритесь пред Богомъ и възнесеть вы.

Толк. Блаженъ естъ пред Богомъ смѣряяйся. Рече бо Ияковъ: «Сѣмѣритесь пред Богомъ и възнесеть вы». Аще бо тако смѣримся, то аще и от бѣсовъ свѣтъи на ны, аще и от чловѣкъ, ненавидящих дѣтелей добрых, имамъ Бога изимающа насъ. Тѣкмо да Закона его не забудем, ниже ослабѣимъ въ печалехъ. Вѣща бо Давидъ: «Видѣ сѣмѣрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забых».*

56. Сущее

Не отай оклеветайте* себе, братие. Оклеветая бо брата или осуждая, оклеветаетъ Закона и судить Закону. Да аще Закона осужаеши, нѣси съхранникъ Закону, нъ судии. Единъ естъ законодавецъ и судии, могый спасти и погубити.* А ты кто еси, осуждая друга?

Толк. Все злую износить страсть нашимъ смыслом, прѣзорству начало и рождество. И молящаяся нѣкая себе покрыти и о Бозѣ жити того убо

Толкование. По зависти дьявола смерть вошла в мир и поселилась в нас. Христос же, как говорит Писание, вселился в нас, чтобы уничтожить явившуюся из-за зависти смерть. И не только это, но и великую нам дал благодать. Он сказал: «Я пришел, чтобы вы имели жизнь, и имели с избытком». Когда Бог нас восхотел, он в нас вселился. Исайя ясно сказал: «Не заступник, не ангел, но сам Господь спас нас, потому что он полюбил нас». Как это он, спасая нас, великую дал благодать? Погубив искушителя нашего тем. Сказано: «Бог гордым противится». Не горд ли тот, кто кричит: «Вселенную всю охвачу, как яйцо»?

53. Сущее (Иак. 4, 6—7)

«Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Повинуйтесь Богу, противьтесь же сатане, и он отступит от вас.

Толкование Дидима. Гордость — это до крайности вознесенное зло. Смирение же и скромность — эта великое благо. И то, и другое нашим изволением и волею приносят нам и добро, и зло.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего

54. Сущее (Иак. 4, 8—9)

Приблизьтесь к Богу, и он приблизится к вам. Очистите руки, грешники, очистите сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте. Смех ваш да обратится в плач, а радость — в печаль.

Толкование. Ибо после согрешения надлежит нам покаяние, оно не плача, а блаженства достойно, приводя к ликам праведных. Расскажи о своих грехах сперва, — сказал (апостол Иаков), — чтобы потом оправданным быть. А если после согрешения не устыдиться — не такая беда пасть, как павши не встать! Ибо если тот, кто в исправлении преуспел, нечист, тогда тот, кто таков же, да еще и в грехе, — какое примет прощение?

55. Сущее (Иак. 4, 10)

Смирись перед Богом, и вознесет вас.

Толкование. Блажен смиряющийся перед Богом. Ведь говорит Иаков: «Смирись перед Богом, и вознесет вас». Ибо, если так смиримся, то, даже если будут против нас замыслы от бесов или от людей, ненавидящих добрые дела, есть у нас Бог, который избавит нас. Только бы не забыть нам его Закона, и не ослабеть в печалях. Сказал же Давид: «Погляди на смирение мое, и избавь меня, ибо Закона твоего я не забыл».

56. Сущее (Иак. 4, 11—12)

Не клеветайте тайно друг на друга, братья. Клеветущий на брата и осуждающий его клеветает на Закон и Закон порицает. Если ты судишь Закон, то ты не исполнитель Закона, а судья его. Один есть законодавец и судья, и он может спасти и погубить. А ты кто, осуждающий другого?

Толкование. Страсть выявляет все злое нашего разума, она — начало и источник высокомерия. И некоторые, молящиеся о том, чтобы себя оправдать

не сътворяют, назирают же инѣх. Аще и болны видять нѣкыя, яко паче въ забытьи пришедше своих болѣзней. Похуляти таковыя люба, и оклеветанию начало наричють убо я, не вѣдуще, яко себе осуждаютъ. Тако бо и мудрый пишеть Павелъ: «Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣть и осуждаяй».*

Яко не о чловѣци, нѣ о Бозѣ ступания мужу управляются
57. Сущее

Воле, нынѣ глаголюще: днесъ и утрѣ поидемъ въ съ градъ и сътворимъ ту лѣто едино, и куплю творимъ и прикупимъ...

Толк. О высокомыслии глаголемое то, емуже конецъ неявление.

Другое толк. Ибо къ далечеству, и еже тамо любоприобрѣтениа несытствомъ одержими, путь далечъ въсприимаютъ по морю и яже въ немъ волнѣ, оружие творятъ на свое лихоимство. Ини же себе отъ тѣшивыхъ обрѣтаний утѣлшаютъ влагалища, и лихвы на лихвы непреподобнѣ собирающе, огонь и муку на своя изливаютъ главы.*

58. Сущее

...не вѣдущей утрянго. Кая бо жизнь наша? Пара есть вѣмалѣ являющися, потомъ же ищазающе. Зане же бы глаголати вамъ: Аще Господь хоцетъ, и поживемъ, и сътворимъ се ли, оно ли, нынѣ же хвалитеся въ гордыни вашей. Всяка хвала така неприязнина есть. Вѣдущему же убо добро дѣяти и не дѣюще, грѣхъ ему есть.*

Толк. Не власть отъемлетъ, нѣ являеть, яко не все его есть, нѣ да просить вышняа благодати. Подобаеъ убо хотѣти и теши, нѣ не уповати на своа труды, нѣ на Божие милосердіе. Рече бо въ Притчѣхъ: «Не хвалися утрянимъ, не вѣси бо, что родитъ настояща».* Не бо ваше есть еже прити въ утрѣнее, яко наипаче наймиту наята на единъ день. Власть кая есть о себѣ, аще не наймый его повелитъ?

В нейже о лихоимании богатыхъ и нищихъ яже въ мирѣ
и о праведнѣ судѣ Божии

59. Сущее

Воле, нынѣ, богатии, плачѣтесе, задрезушесе о стрѣстехъ вашихъ, грядущихъ на вы.* Богатство ваше изгни, и ризы ваша молевѣ пояша.

Толк. Златоуста. Примь отселѣ тѣсный путь. Доколѣ пища, доколѣ слабость? Не насытихомъ ли ся лѣняшесе, смѣющесе, одѣвающесе? Паки не тѣми же будѣте, трапеза, и ядъ многосъвершена, имѣние и села и домозданиа? И что отъ того приобрѣтение? Смерть. Что конецъ? Мука и скрежетъ, гной и червие.*

и жить в Боге, того не делают, а следят за другими. Если видят кого-то больным, забывают про свои болезни. Осуждать такие любят, не зная, что себя они осуждают, и поэтому началом клеветы называют их. Так и мудрый Павел пишет: «Чем осуждаешь другого, тем и себя осуждаешь. Именно так делает тот, кто осуждает другого».

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение людей
57. Сущее (Иак. 4, 13)

Эй, послушайте, говорящие: сегодня или завтра мы пойдем в такой-то город и проведем там год один, и будем торговать и приобретать.

Толкование. Это сказано о высокоумии, которому конец — уничтожение.

Другое толкование. Те, кто для далеких путешествий, будучи одержимы страстью к приобретению того, что там, предпринимают далекий путь по морю и его волнам, создают орудие против своего лихоимства. А другие суетными приобретениями набивают кошельки, неподобающим образом собирая ростовщические прибыли, огонь и муку льют себе на голову.

58. Сущее (Иак. 4, 14—16)

...не знающие будущего. Что есть жизнь наша? Пар, появляющийся ненадолго и потом исчезающий. Вместо того, чтобы сказать: «Если Богу будет угодно, будем живы и сделаем то и это», вы тщеславитесь в своей гордыне. А такая похвальба — от сатаны. Тому же, кто знает, что надо делать добро, и не делает, это вменится в грех.

Толкование. (Апостол Иаков) не осуждает произволение, но показывает, что не все зависит от человека, но надо просить благодати свыше. Следует, однако, хотеть и стремиться, но уповать не на свои труды, а на Божие милосердие. Ведь сказано в Притчах: «Не хвались завтрашним днем, ведь не знаешь, что наступит». Не от вас зависит, что будет завтра, также как и от наемника, нанятого на один день. Какая власть у тебя есть, кроме распоряжений того, кто тебя нанял?

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире,
и о праведном суде Божьем

59. Сущее (Иак. 5, 1—2)

Эй, послушайте, богатые, плачьте, вопия о бедствиях ваших, грядущих на вас! Богатство ваше сгнило, одежды ваши съедены молью.

Толкование Златоуста. Вступи на путь самоограничения. До каких пор пиры, до каких пор нега? Не насытились ли уже, ленясь, смеясь, наряжаясь? И снова за то же: снова пиры, еда превосходная, богатство, села, дома? Какая от этого польза? Смерть. Какой конец? Мучение и скрежет (зубов), гниение и черви.

Исихиево. Прѣдглаголетъ мучение, чловѣколюбиа ради, да покаявшеся кромѣ будеть прѣтимыхъ.

Кирил. Еже есть: гнѣвъ, не тѣкмо закалаяй, яко нѣкыя овны и волы, тѣмъ обычно глаголетъ къ намъ: «Воле, нынѣ, богатии, плачѣтесе, задрезующесе о страстехъ вашихъ находящихъ». «Питаєте бо ся и насытите на земли, и укормите сердца ваша, яко въ днь заклениа».* Тацѣ бо бѣша и иудейстии наставници, пасущесе убо образомъ нѣкимъ на мѣстѣхъ тучныхъ и пространыхъ, от людскихъ приношений. Утывѣше паче всѣхъ чѣстymi, яко овны и унцы падоша, огосподнымъ ножымъ, окааннии.

60. Сущее

Злато ваше и сребро издрѣжавѣ, и рѣжа ею послухование вамъ будетъ,* и снѣсть плоти ваша, яко огнь* — сѣнискаете въ послѣдныя дни. Се мѣзда дѣлатель вашихъ, пожншихъ нивы ваша, лишения от васъ вѣпютъ, и клицаниа *женѣшихъ** въ уши Господу Саваофу вѣнидоша.*

Толк. Свѣдѣтельствуеть на ны рѣжѣ ради, обличая неподание наше, тоже и ризы моля ради сѣгнившая.*

61. Сущее

Веселитесе на земли и насладитесе, упитѣсте сердца ваша, яко въ день заклению. Осудите, убисте праведнаго,* не противитсе вамъ.

Толк. Что убо? Ставляетъ отъ пища? И зѣло! Что ради въ снѣдъ сѣздася? Яко и хлѣбъ сѣзда, и възбрани безмѣриа, яко и вино сѣзда и възбрани безмѣриа? А не яко нечисты пища въздержатиса повелѣ, нѣ яко губящу безмѣриа ради душу. «Вся бо тварь Божия добра, вѣща, и ничтоже отречено съ благодарениемъ вѣкушаемо».*

62. Сущее

Потерпите убо, братие, до пришествiя Господня. Се бо дѣлатель жидеть другаго плода* земли, терпя о немъ, дондеже приметь дѣжчѣ ранъ и позѣднѣ.*

Толк. Кирил. Аще бо и предлагаетъ, вѣща, Богъ свѣщающимъ мучение, но жидеть ихъ покаянiя, не яко красяся тѣми творить и любя грѣшники, нѣ время имъ обращению подавая.

Рекъ обидящимъ мучение и обидимымъ терпѣти повелѣ пришествiа чающимъ Господня. Абие же и клятвы отрекаетъ прикасатиса, на молитву же и пѣнiе упражнятиса, и вѣру имѣти лише иерѣи Божии, и къ другомъ любовь, якоже и молити за другы. И явленiе крѣпости молитвѣнныхъ Илию на среду приводить, и конечнѣе, елика мѣзда обращающимъ грѣшнымъ.

63. Сущее

Потерпите и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествiе Господне приближиса.*

Толк. Долготерпѣнiе къ другомъ, пождание ко вѣшнымъ.* Аще бо и мнятсе здѣ оставлени, обаче тамо многы славы насладятсе. Егда же узрѣть иже

Толкование Исихия. По человеколюбию предсказывает мучение, чтобы, покайся, не были в числе наказываемых.

Толкование Кирилла. То есть гнев не только в том, чтобы заколоть, как барана или вола, поэтому он справедливо говорит нам: «Эй, послушайте, богатые, плачьте о бедствиях ваших, грядущих на вас». «Ибо вы питались и насытились на земле, откормили сердца ваши, как на убой». Таковы были и иудейские наставники, некоторым образом пасущиеся, от людских приношений, на пастбищах просторных и плодородных. Разжирев от почестей, он пали, несчастные, как овцы или телята, от Господня ножа.

60. Сущее (Иак. 5, 3—4)

Золото ваше и серебро проржавело, и ржавчина эта — свидетельство против вас будет, и съест, как огонь, плоть вашу — собранное на последние дни. Это плата работников, жавших ваши поля, обобранных вами; они вопиют, и вопли жнецов до слуха Господа Саваофа дошли.

Толкование. Свидетельствует против нас ржавчина, обличая, что не подавали мы (нуждающимся), так же как одежды, съеденные молью.

61. Сущее (Иак. 5, 5—6)

Веселились вы на земле и наслаждались, и упитали сердца ваши, как в день закленья. Вы осудили, убили праведника, который не сопротивляется вам.

Толкование. Что же? Отстраняет от пищи? И весьма! Почему это создано для еды? Ибо и хлеб создал Бог, но возбраняет неумеренность. Не от якобы нечистой пищи воздерживаться повелел, но от губящей душу неумеренности. «Потому что все, сотворенное Богом, хорошо, — сказал, — и ничто не запрещено, вкушаемое с благодарностью».

62. Сущее (Иак. 5, 7)

Так что потерпите, братья, до пришествия Господня. Вот пахарь ждет другого плода земли, терпя ради него, пока получит дождь ранний и поздний.

Толкование Кирилла. Ибо, хотя, сказал он, Бог назначил злоумышленникам мучение, но ждет их покаяния, не для красоты так делает и не из любви к грешникам, но время на покаяние им давая.

Обещал обидящим мучение, обидимым терпеть он повелел, пришествия ожидая Господня. Кроме того, запрещает проклинать, но в молитве и пении упражняться и веру иметь к священникам Божьим, а к ближним любовь, чтобы молиться за них. А доказательством силы молитвы он приводит, как пример, Илию. И наконец, какая мзда тем, кто обращает грешников.

63. Сущее (Иак. 5, 8)

Потерпите и вы, укрепите сердца ваши, ибо пришествие Господне приблизилось.

Толкование. Долготерпение — друг к другу, а ожидание — к внешним. Те же, кому кажется, что они здесь оставлены, там многот славою наслаются.

великая мышльше, ураненых от нихъ, и небрегомыхъ, и посмихаемых ими, и тѣхъ искръ сушѣ Бога, тогда възрыдають и възплачють, на такой свѣтлѣ земли зряще ихъ.

64. Сущее

Не въздыхайте на ся,* братие, да не осудитесь.* Се Судии* предъ дверми стоять. Притчу примѣте, братие моа, страстий терпѣнию, пророки, иже глаголаша именемъ Господнимъ.* Се блажимъ терпящая. Трѣпѣние Иовово слышасте...

Толк. Аще бо и благодарьствомъ с радостию великою, велиа та бываемаа. Есть бо благодарьствити страха ради токмо, и есть благодарьствовати и въ печали сущу, якоже Иовъ благодари. Въ болѣзни глаголаше: «Господь дасть, Господь отъятъ; яко годѣ Господеви, тако и събытсѣя». Да никтоже глаголетъ, яко не скорбь бѣ ему бываемое, ни ли печалию покрѣся, ниже великоѣ похвалы отъемлете праведнику. Егдаже сицева быша не страха ради, ни владычествия токмо, нѣ вещей ради естества, толика похвала? Рѣци ми убо, когда блажиши Иова? Егда ли имяше толико вельблуд, и стада, и волю, или егда онъ глас испусти: «Господь дасть, Господь отъятъ»? Ибо и дияволъ насъ тѣмъ отъщечивает, да не имѣние наше отъиметь, вѣсть бо, яко ничтоже есть, нѣ да принудить ны рещи что хулно.

65. Сущее

...и кончину Господню видѣсте, яко премилостивъ есть и щедръ.

Толк. От случившихъ бо ся вещей явися и диаволя лѣжа, и Божие нелѣжное свѣдѣтельство.

66. Сущее

Прѣжде же *всего*, братие моа,* не клнѣтесѣ ни небомъ, ни землею, ни иною которою клятвою, нѣ да будетъ слово ваше еже «ей»—«ей» и еже «ни»—«ни», да не въ осуждение въпадете.

О долготерпѣнии, и о прѣтерпѣнии страстий, и о истинѣ

Аще страждетъ кто въ васъ, да молитву дѣетъ. Добродушествуетъ кто, да поетъ. Болитъ кто въ васъ, да призоветъ попы церковныя, и молитву да сътворять надъ нимъ, помазавше и масломъ въ имя Господне.* И молитва вѣрна спасетъ болящаго, и исцѣлитъ и Господь. Аще и грехы будетъ сътворилъ, отдадѣтся ему. Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа, и молитву дѣйте другъ за друга, да исцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣваема.*

Того ради древнимъ клятва възаконися,* да не о идолѣхъ кленутся. Кленѣте бо ся, вѣща, Богомъ истиннымъ.*

Да будетъ житие ваше извѣстѣ клятвы. Аще ли кто дерзнетъ принудити вы ротѣ, да будетъ вамъ «ей»—«ей», «ни»—«ни», въ клятвы мѣсто.*

Когда же те, кто великомудрствует, увидят, что те близ Бога, кому они наносили раны, которыми пренебрегали, над которыми смеялись, тогда возрыдают они и восплачут, видя тех в такой светлой земле.

64. Сущее (Иак. 5, 9—11)

Не сетуйте друг на друга, братья, чтобы не быть осужденными. Вот Судия стоит у дверей. Пусть будет нам примером перенесения страстей, братья мои, то, как переносили страдания пророки, которые говорили именем Господним. Восхвалим терпящих. Вы слышали о терпении Иова...

Толкование. Если мы благодарим Бога с радостью великою, та радость бывает велика! Можно приносить благодарность только из страха, а можно возносить благодарность, будучи в горе, как благодарил Иов. В болезни говорил он: «Господь дал, Господь и взял; как угодно Господу, так и стало». И пусть никто не говорит, что не удручило его случившееся и что печалью не покрылся он, пусть не отнимают величие похвалы у праведника. Если это было не из страха, не из покорности только, но по природе вещей, какова похвала? Скажи-ка, когда ты хвалишь Иова? Тогда ли, когда имел он верблюдов, и стада, и волов, или тогда, когда он возопил: «Господь дал, Господь и отнял»? Ведь и дьявол нас не тем опустошает, когда добро наше отнимает, ибо знает, что оно — ничто, а тем, что принуждает нас изрекать хулу.

65. Сущее (Иак. 5, 11)

...знаете, как это окончил Господь, ведь он премилостив и милосерден.

Толкование. Ибо в том, что произошло, видны нам и ложь дьявола, и Божественное неложное свидетельство.

66. Сущее (Иак. 5, 12—16)

Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землей, ни какой другой клятвой, но да будет слово ваше: «да» — «да» или «нет» — «нет», чтобы не впасть вам в осуждение.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и об истине

Страдает ли кто из вас, пусть молитву творит, кто благодушествует — пусть поет (псалмы). Болен кто из вас — пусть призовет священников церковных, и пусть они молитву сотворят над ним, помазавши его елеем во имя Господне. Молитва веры спасет болящего, и исцелит его Господь. И если сотворил он грехи, простятся ему. Признавайтесь друг другу в грехах, творите молитву друг за друга, чтобы исцелиться. Много может молитва праведника, если ей помогают.

(Толкование). Для того у древних клятва была узаконена, чтобы клялись они не идолами. Ибо сказано: «Клянитесь Богом истинным».

(Толкование). Да будет жизнь ваша подтверждением клятвы. А если кто дерзает принудить вас к клятве, да будет ваше «да» — «да» и ваше «нет» — «нет» вместо клятвы.

Того ради възбраняеть ны небомы и землею, да не дамы твари чьсти, Богомъ творяще ю. «Кленущии бо ся, вѣща, большимъ да кленутся»,* — якоже апостолъ рече.

Максимово* о молитвѣ праведна. По двѣма образома вѣдѣ бывающую молитву праведнаго. По единому убо, егда по заповѣдемъ дѣлѣ Божии, и тако творить приносѣ молитвѣ моляйся, и не токмо въ высоцѣ словеси, ни въ тщегласии языка, отпадати бездѣлнѣ и лежати непоступнѣ, нѣ въ дѣлѣ и живѣ законными заповѣдми одушевляема. Молитвѣ бо и молению съставѣ добродѣтель есть, имже крѣпку и всесилну праведникъ имать молитву, съпоспѣваему заповѣдий ради. По второму же образу, егда молитва праведнаго молящихся дѣла молитвеннаа творить, первѣе исправляя житие, и молитву сътворяя праведнаго силну своего ради добраго жития възмагаему. Не бо ползуетъ что праведнаго молитва требующему ея, множае добродѣтелей съгрѣшениемъ сущемъ. Понеже и великый нѣкогда Самуиль плакаше, съгрѣшившу Саулу, нѣ не укрѣпѣ Бога умолити, не приимѣ помощника плачу Саулова исправления. Тѣмъ и неразумнаго плача престати своему служѣ вѣща къ нему: «Доколѣ ты плачещи Саула? И азѣ уничижихъ и не послужити въ Израили».* И паки Иеремии милосердующу о людехъ иудѣйскихъ, о лъсти неистовившихся идолѣстѣй, не услышася моляйся, не имѣяй молитвѣ силы отъ лъсти обращения безбожныхъ иудѣй. Имже въ тѣще мольшуся ему, рече ему Богъ: «И ты не молися о людехъ сихъ, ни проси помилованія имъ, ни приступай о нихъ, яко не послушаю тебе».* Рекохомъ же убо: «Много можетъ молитва праведнаго поспѣваема, дающе ему дерзновение* къ дати могущему праведныхъ прошения».

Поученія комуждо подобна суща съ вѣроу

67. Сущее

Илиа челоувѣкъ бѣ подобенъ намъ,* и молитвою помолися* не быти дождю, и не одожди по земли лѣта три и шесть мѣсяцѣ. И паки помолися, и небо дождь дасть, и земля прозябе плоды своа.

Толк. Въ Третиимъ Царствѣ рече: «И рече Илиа пророкъ отъ Фезвонъ Галадскихъ къ Ахаву: „Живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, емуже предстою. Аще будетъ въ си лѣта роса и дождь, аще не усты слова моего”».*

⟨Толк.⟩ Златоуст. Да понѣ тако гладомъ таеми, къ Творьцу достигнуть, да гладъ начало спасенію имъ будетъ. «Ничтоже бо, вѣща, можетъ наказати, нѣ токмо гладъ». Да тако наказеми, къ всѣхъ зиждителю обратятся. И по малѣ изиде слово пророка, и абие въздухъ премѣнися, небо мѣдяно бысть,* не естество измѣняя, нѣ дѣйствомъ вѣстягнуто. Абие стухи преобразишася. Паде слово пророчее, яко паче о огнь жьгый боки земли, и вся абие исъхоша, и вся безъ лѣпоты и не явима быша.

Потому запрещено клясться небом и землею, чтобы не воздавали мы чести творению, превращая его в Бога, создавшего его. «Кто клянется, — сказал, — пусть клянется высшим», так сказал апостол.

〈Толкование〉 Максимова о молитве праведного. Я знаю двух видов молитву праведного. Согласно одному, когда молящийся совершает молитвенное прошение по заповеди дел Божиих, не только славословием, пустозвучными словами, которые отпадают без пользы и лежат втуне, но самым делом и жизнью, воодушевляясь заповедями Закона. Существо молитвы и моления — добродетель, поэтому у праведника молитва крепка и всесильна, она усилена заповедями. Согласно другому виду, молитва праведника исправляет жизнь благодаря добродетельной жизни, которая делает молитву сильнее. Ведь не поможет молитва праведного тому, кто в ней нуждается, если грехи превосходят добродетели. Поэтому и плакал когда-то великий Самуил, когда согрешил Саул, но не смог умолить Бога, ибо не было у него помощника плача на исправление Саула. Потому и повелел Господь слуге своему прекратить неразумный плач и сказал: «Доколе будешь печалиться о Сауле? Это я унизил его, чтобы не был он служителем Израилю». И то же о Иеремии, который жалел иудеев, впавших в идолопоклонство, и не был услышан, молясь, ибо не имел силы молитвы, чтобы обратить от заблуждения идолопоклонства безбожных иудеев. И потому, пока он напрасно молился, сказал ему Бог: «И ты не молись о людях сих, не проси помиловать их, не заступайся за них, потому что не послушаю тебя». Так что сказали мы: «Большую силу имеет молитва праведника, она дает ему смелость 〈обратиться〉 к тому, кто может исполнить прошение праведника».

Поучение каждому сообразно с верой
67. Сушее' (Иак. 5, 17—18)

Илия был человек подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя, и не было дождя на земле три года и шесть месяцев. И снова помолился, и небо дало дождь, и земля произрастила свои плоды.

Толкование. В Третьей книге Царств сказано: «И сказал Илия пророк, из Фезвон Галаадских, к Ахаву: „Жив Господь, Бог сил, Бог Израилев, перед которым я стою. Да будут в эти годы роса и дождь только по слову моему”».

Толкование Златоуста. Если таким образом, как тая от голода, придут к Творцу, голод будет для них началом спасения. «Ибо ничто, — сказал, — не может научить их, кроме голода». Пусть через это наказание к Создателю всего обратятся. Вскоре вышло слово пророка, и тотчас воздух переменился, небо стало медным, но не естеством оно изменилось, но действием взнудано. И тотчас стихии преобразились. Пало слово пророка, как огонь, обжигая бока земли, и она вдруг вся иссохла, и стала без красоты, не имея вида.

Яко послужити подобаетъ спасению искренняго

68. *Сущее*

Братие, аще кто въ вас заблудитъ от истины и обратитъ и кто, да вѣсть, яко обративый грѣшника от заблуждения пути его, спасетъ душу от смерти и покрываетъ множество грѣховъ.*

Толк. Златоуст. И како подобаетъ обращаться? Якоже паче земледѣлатель. Ти убо сѣмена мещуть единою, не пребываетъ же всегда, нѣ многа трѣбуетъ устроения, да на землѣ омыгльнѣвши дастъ сѣяная птицамъ. Тако и мы, аще не часто память вѣмѣннымъ вѣсылаемъ, на въздухъ все повръгохомъ. Ибо диаволъ въсхытаетъ и наша лѣньность погубляетъ, и сѣнце сушитъ, трѣние подавляетъ, якоже не довлѣетъ единою тѣкмо сѣяныхъ истребити, нѣ много трѣбѣ прѣсѣдѣние — отгоняща птица небесная, трѣние сѣкуща, камяную землю чистяща. Нѣ о земли се бываетъ, бездушна бо лежить, къ страсти готова суши. О духовнѣй же земли не тако. Ни учителю есть все то, но множае и до полу ученику: намъ убо есть сѣяти сѣмена, вамъ же творити глаголаная. Яко слугы бывайте ближнихъ спасению.

О том, что следует послужить спасению ближнего
68. Сущее! (Иак. 5, 19)

Братья, если кто из вас уклонится от пути истины и кто-то вернет его на этот путь, пусть знает, что тот, кто обратил грешника от ложного пути, спасет душу от смерти и покроет множество грехов.

Толкование Златоуста. Как подобает отклонять от заблуждения? Так же, как (трудятся) земледельцы. Они раз посеют семена, но те не остаются без перемен, а нуждаются в уходе, чтобы в тумане на земле посевы не достались птицам. Так и мы: если не часто о своих обязанностях вспоминаем, на воздух все бросаем. Дьявол крадет, леность наша губит, солнце сушит, сорняки давят, потому что не достаточно только однажды посевы освободить, но много требуется усердия — отгонять птиц небесных, вырывать сорняки, очищать землю от камней. Но так бывает с землей — она ведь бездушна лежит и к страде готова. А что касается духовной земли, там не так. Не учителю все это (надлежит сделать), но, если не целиком, то половину, ученику: нам надлежит сеять семена, а вам — творить по слову изреченному. Как слуги будьте для спасения ближнего.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ПРОЛОГ

Что краснѣе, что ми сладчайше боголюбцемъ, иже поистиннѣ жадят жизни вѣчныя, не ежели присно Бога не отступити мыслию и поминати Его добрыя твари? Яко и се ты, господи мой, княже славный Симеоне христороубче, не престаеши възыскай повелѣний Его и твари, хотя ся ими красити и славити, тако бо и в нас обычай бываетъ. И егда видит рабъ приязнивый господина своего добро что сотворша, то не точию самъ бы хотѣлъ, единъ вѣдый, радоватися и красити, но аще бы лзѣ, хотѣлъ бы да и миръ слышит. Елико бо питиа и ядения насыщающесе румяни бываютъ и свѣтли и весели, то колико паче иже ся кормит мыслями, на Божиа дѣла възирая и красяся ими. Хотѣл бы да быша и инии видѣли и прилѣпилися их. Тацы бо иже будутъ, якоже Писание глаголетъ, перие возрастут, якоже орли, тещи же имут и не трудитися, радость бо ни труда вѣсть и крилѣ раститъ. И како не хотятъ радоватися, възыскающии того и разумеюще, кого дѣля се есть небо солнцемъ и звѣздами украшено, кого ли ради и земля садом и дубравами и цвѣтомъ утворена и горами увяста, кого ли дѣля море и рѣки и вся воды рыбами исполнены, кого ли ради рай и самое то царство уготовано? — Таче разумѣюще, яко не иного никогоже ради, но тѣхъ, како ся не имутъ радоватися и веселити, славящеи. Ктому нужда и се помыслити, кацѣмъ суть образомъ сотворени, что ли имъ есть санъ, на что ли суть позвани. И все помысливше, аще и друзи, како себе не имут красити и радовати! Здѣ же азъ поминая всю, б словесъ скратя, в малѣ проиду. Год же и послѣди отити, о добрѣй сей твари побесѣдовавше.

Сотвори Богъ, не аки человѣцы, зиждуще, или корабли творяще, или мѣдницы, или златари, или поставы ткущей, или усмаре, или инацѣ и козненицы, вещи ты събирающе, готовы образы творят, яцы же имъ суть требѣ, а сосуды и сѣчива другъ от друга въземлюще, имиже то творити. Но Богъ и кде помысли, то и сотвори, а прежде имъ не бывшемъ. Не бо требуетъ ничто же Богъ, а человѣческыя хитрости другъ друга требуетъ. Требѣ бо есть кормнику, корабль

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

ПРОЛОГ

Что прекраснее, что сладостнее для боголюбцев, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью Бога и помнить благие дела Его? И раз уж ты, господин мой, славный князь Симеон-христолюбец, непрестанно познаешь заповеди Его и творения, дабы теми украсить и прославить себя, того же и мы держимся правила. А доброжелательный раб, видя добрые дела господина своего, не только сам бы хотел, об этом ведая, радоваться и веселиться, но желал бы, если возможно, чтобы и мир о том услышал. Сколь румяны, радостны и веселы бывают те, кто насыщает себя питьем и пищей! Но еще более — тот, кто питает себя мыслями, взирая на дела Божии и радуясь им! Хочет тот, чтобы и другие видели и полюбили их. У таких людей, как говорит Писание, крылья вырастут, как орлы полетят они без труда, ибо радость не знает тягот и крылья растит. И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами, для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? Как им не радоваться и не веселиться, славословя, постигая, что это — не для кого-либо иного, но для них самих! А нужно еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться! Я же здесь быстро в шести кратких словах все это напому. А потом — и отдохнуть, о добром этом творении побеседовав.

Творил Бог не так, как люди, возводящие здания или строящие корабли, или медники, или золотых дел мастера, или ткачи шерсти, или кожевники, или, скажем, художники. Те создают свои изделия, какие им нужно, по готовым образцам, запасаясь материалом и беря орудия труда друг у друга. Богу же достаточно что-то помыслить, чтобы сотворить то, чего прежде не бывало. Ибо Богу для созидания ничего не нужно, а человеческие искусства нуждаются друг

творящу, иже древо сѣчетъ, и корчия, и иже пекль творить; и паки сѣяй что-либо земля требуетъ, и садове, и сѣмена, наводнения; и иже корчия дѣлаютъ вещь требуютъ корчии зиждющаго; и подобнаго сосуда каждо требуетъ еже комуждо ся ключить на дѣло. А Творецъ Великий ни сосуда требуетъ, ни вещи, ни бо в него мѣсто есть. Инѣмъ козникомъ вещи сосудъ, еще же и лѣто, и трудъ, и хитрость, и поспѣшение; се Богови — хотѣние. Все бо еже восхотѣ Господь, и сотвори — въ мори и въ всѣхъ безднахъ,* якоже глаголють чистая словеса. Восхотѣ бо сотворити не елико може, но елико же вѣдѣаше, яко довлѣетъ. Удобь бѣаше ему утварий сихъ, рекше миръ, сотворити и тму, и двѣ свѣтилѣ величїи. Се же есть паче восхотѣнїа удобь и творение. Намъ бо всего удобье есть иже восхотѣти чесому, неже творити, не бо можемъ творити еже хотяще. А Богу творцю все мощно иже хошетъ. Хотѣнїю бо Божию сила припряжена, да елико хошетъ творити.

Тѣм же иже и твореное ово есть нами видимо и знается, ово же разумно. Тих разумныхъ есть ефир и небо причастие. Ово земное, ово же небесное. На потребу и животы сотвори чювственны, овы же и разумны. Разумнымъ небо и эфира, а земнымъ землю и море дасть жилище. Тии же разумнымъ друзи на золь ся совратиша и изгнани быша съ небесныхъ мѣстъ, и на воздухъ и на земли часть имъ отлучи: не якоже да съвершаютъ еже аще умыслятъ на челоуѣки зло, — воздражаетъ бо я аггелское сохранение и стража, — но да тѣмъ представлениемъ разумьютъ, колико ти зло обрѣтаетъ презорство и нырение. Но понеже надвое раздѣли чювственнаго рода, ти ов осмысленъ и словесенъ сотвори, ов же бе-смысла. И повину смысленому роду бесловеснаго естества. Пакости же обаче друзии бесловесныхъ творятъ и, супротивящеся, востають на своя властели. Не бо но и сихъ властели си же такожде творятъ: и смыслом, и словесемъ почестъ приемше, и бѣются на Творца своего. Да сего ради и сии бесловеснии востають, яко да еже сами творять. То от того разумьютъ, колико зло есть еже свой чинъ комуждо преступати и уставныя предѣлы без боязни миновати. Сїя же предѣлныя уставы вѣдѣти есть, како ти бездушныя вещи хранять.

Море бо, бурями мутимо и надымающихся на сусѣду землю и проливаемо, пѣска ся стыдитъ и нарочитыхъ предѣлъ не рачить преступати, но яко конь текий и воздержается уздоу, сице ти море, неписанный законъ видя, пѣскомъ написанъ, и възвращается. Сице ти и рѣки текутъ, якоже суть учинены исперва; и студенцы истичють, и кладязи дають челоуѣкомъ иже на потребу. И лѣта вся часы другъ друга по чину преминуютъ; по сему закону и днїе, и нощи хранять чинъ той, и продолжаеми не хвалятся, ни украшаеми не тужать, но, другъ от друга годъ приемлюще, паки бесъ пря долгъ отдающе приемлютъ. Се же *также* Творчюю премудрость кажетъ и силу: ни земля бо, в тысущихъ лѣт орема, и сѣма, и садима, и кормяще плоды, перома и копаема, и дождемъ

в друге. Кормчему нужен кораблестроитель, и дровосек, и кузнец, и смолокур; также и сеящему что-либо нужны земля, растения, семена и вода для полива; и кузнецу для работы нужен материал и тот, кто построит кузницу. И свое орудие нужно для каждого дела — какое кому больше годится. А Творец Великий ни в орудии не нуждается, ни в материале, ни вообще в чем-либо. Другим созидателям нужны материал и орудие, а также время, труд, умение, старание, а Богу — только Его воля. Ибо все, что захотел Господь, то и сотворил — в море и во всех безднах, как говорят чистые слова. Захотел же Он сотворить не столько, сколько мог бы, но столько, сколько знал, что нужно. Мог бы легко Он сотворить вселенных таких, что зовутся миром, и десяток тысяч, и два десятка великих светил. Это и значит: творение много легче хотения. Нам вот гораздо легче захотеть что-нибудь, чем сотворить, ибо мы не можем творить все, что хотим. А Богу-Творцу по силам все, чего бы он ни пожелал. Ибо Божие желание сопряжено с силой сотворения того, что хочется.

Из сотворенного же одно мы видим и чувствуем, другое мыслим. Область мысленных созданий — эфир и небо. Одно из сотворенного земное, а другое — небесное. Как и надлежало, Он сотворил и живые существа: одни чувственные, а другие мысленные. Мысленным дал Он для житья небо и эфир, а земным землю и море. Некоторые же из мысленных созданий совратились на зло и были изгнаны из небесных жилищ, и Он выделил им часть в воздухе и на земле — не для того, чтобы они совершали зло, какое умыслят на людей, — препятствует им в этом ангельское охранение и стража, — но чтобы по этой перемене было понятно, какое зло влекут за собой гордыня и обман. И сотворил Он род чувственных, разделив его надвое, сделав одних осмысленными и словесными, а других без смысла. И подчинил бессмысленные существа осмысленному роду. Однако же некоторые из бессловесных пакости творят и, сопротивляясь, восстают на своих властителей. Но ведь и властители их то же делают: приняли почеть владения смыслом и словом и восстают на своего Творца. Потому-то и бессловесные эти восстают, что они сами так поступают. Отсюда понятно, какое зло кому бы то ни было нарушать свой чин и безбоязненно преступать установленные ему пределы. Надлежит знать, как бездушные вещи соблюдают эти установленные пределы.

Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздой, так и море, видя неписанный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное людям. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и, будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров, долг отдавая, *должное* приемлют. И вот еще что показывает премудрость и силу Творца: ведь ни земля, тысячи лет возделываемая, и засеваемая, и засаживаемая, и кормящая плоды, и

мочима и снѣгомъ, и жьгома, оскудѣнія никакоже не приа, но плод земным дѣлательмъ неудръжанъ приносить. Ни море, оттуду облакомъ вземлющемъ водное естество и дождя ражающе и земли даемы, не охудѣ, ни пресхну николиже, ни паки возрасте, приемля бещисмени рѣки, втичающая в то. И се глаголю: откуда убо истоки рѣчныя истичють? Недовѣдомо бо ми и се помышление: како солнце мокротное сущее не может иссучити удобъ зело? Иже хошетъ разумѣти: не бо оно сушить тины, и водныя соборы пресушаетъ, и наша телеса минуетъ. Видѣти же рѣки худѣюща, егда же, оставивъ южныя страны, и на сѣверныя преходить, и жатву творить. Сего ради и Нила мѣнять не в той же год воднящаяся, в он же и иныя рѣки, но у полы жатвы напаяють Егупеть, имже солнце тогда по сѣверному поясу ходить и инѣмъ рѣкамъ притужает, а от сего кромѣ ся отдаливши. Аще ли же ины вины мѣнят, имиже ся сводить, то нынѣ нѣсть ти ни *на* кою же потребу.

Чюжду же ся азъ, како ся не коньчаеть, ни оскудѣет воздушное естество, толицѣмъ челоуѣкомъ, но и толицѣмъ же безсловеснымъ животом дышащемъ беспрестани, толицѣ же луцѣмъ солнечнѣи, и тако зѣло теплѣ, сквозѣ не проходящи, к тому же и лунѣ и звѣздамъ тожде творящим. Но выше чюдеси чудо! Но се да и залѣзу, рекий, яко нѣсть чудно чудо. Богу убо что-либо творящею не подобаетъ намъ чюдитися, но хвалити паче и славити Его. Тому бо удобъ творити еже Ему на потребу. Вложи же в ты твари елико же веляше состоятися лѣтъ силу доволну. Сего ради и земля пребываетъ, якоже исперва сѣтворена есть, и море ни худитъ, ни увеличится, и въздух, якоже исперва приа естество, тако же ей и доселѣ хранит, и солнце же не может растопити небесныхъ твердий, и твердѣ не разлѣяся водная, бывши преж, но пребываетъ твердѣ, якоже ей причастие Творецъ видѣлъ. И супротивнаго естества — мокраго и сухаго, и паки студенаго и теплаго — съвокупи Творецъ на едино сѣтворение и любовь. Егда бо от сихъ каждо видѣмъ ти — солнце овогда по сѣвѣрнымъ странамъ, овогда по южнымъ, овогда же посреде небесе ходящу, и луну растушу, и худѣющу, и звѣзды в годы своя възходяща и заходяща, и жатвенныя годы, и сѣтвенныя назнаменующе, и по водамъ плавающимъ и бурю и утишье възвѣщающа, — то все видяще, мы, господи мой, хвалимъ Творца, иже такы доброты сѣтворилъ есть, и сими видимыми к Невидѣмому грядемъ.

Нѣ не шествѣе ны есть требѣ, но вѣра — тою бо можемъ видѣти Того. Егда же видѣмъ, в годы и в часы приступающа и дождь дающа, и сию растящу, и травую покрываему, и нивы волнуящаяся, и зеленующаяся дубравы, и обрастъша горы, и родивша овоща, пустимъ на хвалу языкъ, и рцѣмъ съ божественнымъ Давидомъ, и с тѣмъ воспоймъ, рекуще, яко: «Возвеличишася дѣла твоя, Господи. Вся премудростию сѣтворилъ еси».* Егда слышимъ пѣснивыя птица, различными гласы поюща красныя пѣсни, славия же звѣждуша, косы же и соя, иволгы, и желны, и шуры же и изокы, ластовици же и враньца, и ины птица, яже бесчисмене, — симъ ся глумимъ, славяще Творца.

толкаемая, и копаемая, и дождем мочимая и снегом, и опаляемая, нисколько не оскудела, но приносит земледельцам изобильные плоды. Ни море, откуда облака берут водную стихию, и дожди рождают, и земле дают, не уменьшилось, не высохло нисколько, и так же не выросло, принимая бесчисленные реки, втекающие в него. И вот что скажу: а откуда истоки рек истекают? Непонятно мне и такое явление: почему солнце не может с великой легкостью высушить все мокрое? Для тех, кто хочет уразуметь: ведь не высушивает оно ни тины, ни водоемы, минует и наши тела. Реки кажутся меньше, когда оно, оставив южные страны, переходит в северные и производит лето. Потому и наводнения Нила, считают, происходят не в то время, что у других рек, ибо он напояет Египет в середине лета, в то время когда солнце ходит по северному поясу и угнетает иные реки, а от этих краев отдаляется. Хотя существуют и другие мнения о том, чем это объясняется, но сейчас они тебе совершенно ни к чему.

Дивлюсь я и тому, как не кончается, не оскудевает воздушное естество, когда столько людей, а кроме того, и бессловесных тварей, дышат непрестанно, и столько лучей солнечных, таких горячих, проходит сквозь него, а ведь еще и луна, и звезды делают то же. Высшее из чудес чудо! Но, смею сказать, не удивительное чудо. Ведь когда Бог творит что-либо, нам подобает не удивляться, но, скорее, хвалить и славить Его. Ибо Он с легкостью творит, что Ему требуется. В создания же те Он вложил силу достаточную, чтобы они существовали столько лет, сколько Он им повелел. Потому-то и земля пребывает такой, какой изначально сотворена, и море не убывает и не увеличивается, и воздух, как изначально принял естество, так доселе его и хранит, и солнце растопить не может небесные тверди, и водная не разлилась твердь, бывшая прежде, но пребывает твердь в той участи, какую дал ей Творец. И противоположное по природе — мокрое и сухое, а также холодное и теплое — совокупил Творец воедино ради созидания и любви. Каждое же из творений, видя солнце, то по северной стороне, то по южной, то посреди небес ходящее, луну, растущую и убывающую, звезды, в сроки свои восходящие и заходящие, время жатвы и сева указывающие и по водам плавающим бурю и тишь возвещающие, — все это видя, господин мой, мы хвалим Творца, все блага эти сотворившего, и через это видимое восходим к Невидимому.

Но не восшествие нам требуется, а вера, ибо благодаря ей мы можем увидеть Его. Когда же увидим Его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленеющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то используем язык для хвалы и скажем с божественным Давидом, воспоем с ним, говоря: «Возвеличились дела твои, Господи! Все премудростью сотворил еси!» Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков и иных птиц, а они бесчисленны, — тогда мы, умиляясь, славим Творца.

Не яцѣ же бо суть инии творци — тии бо готовою вещью творят, а Сий вся от небытия изведе и дасть небывшимъ бытие. Удобѣ бо Ему от небытия творити. Сие бо и древле сътвори, спроста же рещи, и по вся дни творить. Не бо но от готовых творить телесѣ животомъ телеса, и от небывших творить душа, но не всѣмъ животомъ, но точю челоукомъ. И птицами творит птиц, а плавающими плавающая, и инѣхъ родовъ кихъждо своимъ родомъ премѣняетъ. Также и земными плоды, и ораными, и садимыми приносить челоукомъ. Прже земля ни орана, ни сѣяна прорасти всякого сада имена и образы плещущаго, и четвероногаго рода, и водное естество роди, якоже повелѣно ему бысть, и иже в водахъ живутъ животная и *иже* по воздуху проходятъ. А саму же ту землю, небо и воздух, и водное естество, и огненный свѣтъ не вещи повелѣ извести, нѣ не бывша николи же, и изведе от небытия в бытие, Самъ Творитель бывъ кораблю сему великому, рекше твори сея, Сам же править и премудра съсудъ корабля. Се ны сказа верховный Его пророкъ Моисей, от сего премудраго Творца, Господа Бога, и Владыки примѣ на горѣ Синаистѣй.

Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сътворили, но ово от Ексамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, также и от Иоанна, а другое от другихъ: аще есмы кождо что почитали иногда, также есмы сплатили ее.

Яко же се бы кто минуемъ владыкою, аще мимоходящу владыцѣ, восхотѣлъ бы храмъ ему сътворити. Не имущу же ему чимъ сътворити, шедъ бы к богатымъ и спросилъ бы от нихъ — от ового мраморѣ, а от другаго брѣселиа, ти стѣны бы возградилъ, и мраморомъ помостилъ прощениемъ от богатыхъ. И покрыти хотящу, и не имущу противу стѣнамъ тѣмъ и помосту мраморному достойна покрова, лѣсу бы исплелъ потонку храму тому, и створилъ, и покрылъ соломою, и двери наплѣталъ терниемъ, и тако затворъ сотворил. Сие бо достонть неимущему в дому своемъ ничтоже.

Сие бо есть нищий нашъ умъ: да не имы в дому своемъ ничтоже, чюжими возгради словесы, приложи же и от нищаго дому своего, но акы солому и лѣсы — словеса своя. Аще владыка, милуяй его, все то акы своя труды приемлетъ его, ему же владыцѣ Господь Богъ надъ владыками даждь сию жизнь добръ угаждающу Тебѣ рая доити съ преподобными мужи всѣми.

Аминь.

<...>

СЛОВО ШЕСТАГО ДНИ

Яко же смердъ и нищъ челоукъ и страненъ, пришед издалеча к преворамъ княжа двора и видѣвъ я, дивится и, приступивъ къ вратомъ, чюдится, въпрашая, и вънутрь въшед, видѣтъ на обѣ странѣ храмы стояща украшены

Не таков Он, как другие творцы, что создают из готовой материи, а Он все вывел из небытия и дал бытие небывшим. Легко ведь Ему из небытия творить. Так Он в древности мир сотворил, так, попросту сказать, и во всякий день творит. И не из готовых тел творит Он тела живым; а из небытия творит души, но не всем живущим, а только человеку. И птицами творит птиц, а плавающих плавающими, и иных родов каждого делает соответствующим его роду. Так же и земные плоды, сеянные и садимые, приносит людям. Прежде чем начали пахать и засеивать землю, Он прорастил все виды растений и создал виды пресмыкающихся и четвероногих, и водное естество родил таким, каким повелено ему быть, и тех, что в воде живущие существа, и передвигающиеся по воздуху. А сами эти землю, небо, воздух, воду, огненный не материи Он повелел произвести, но Сам их, никогда не бывших, вывел из небытия в бытие, Сам Творцом явившись этому великому кораблю, то есть творению этому, Сам же и правит мудреными снастями корабля. Так нам сказал верховный Его пророк Моисей, восприняв это от премудрого Творца, Господа Бога и Владыки, на Синайской горе.

Эти же шесть слов, господин мой, не сам я сочинил, но иное взял из верных слов Шестоднева святого Василия, а иное по смыслу у него заимствовал, также и у Иоанна, а другое у других: что мне когда-либо приходилось читать, то я и соединил.

Это похоже на то, как если бы кто-нибудь, кого минует, ходя мимо, его господин, захотел бы построить ему хоромы. Не имея же из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них — у одного мрамор, у другого бревна, и возвел бы стены, а мрамором, выпрошенным у богатых, вымостил бы пол. И захотел бы те хоромы покрыть, но не имея материала, достойного стен и мраморного пола, сплел бы сетку на том доме и покрыл бы его соломой, а двери сплел бы из прутьев и такой же сделал бы запор. Так ведь остается поступить не имущему в своем доме ничего.

Таков же и нищий наш ум: не имея у себя дома ничего, строит он из чужих слов, добавляя понемногу из своего нищего дома, но вроде соломы и прутьев — свои слова. Если владыка, снисходя к нему, все эти труды его примет как свои, то дай этому владыке Господь, Бог над владыками, угодить Тебе в этой жизни и со всеми преподобными мужами до рая дойти.

Аминь. {...}

СЛОВО ШЕСТОГО ДНЯ

Как смерд и нищий человек или странник, придя издалека к оградкам княжеского дворца и увидав их, удивляется и, подойдя к воротам, восхищается, расспрашивая, и, внутрь войдя и видя стоящие с обеих сторон хоромы, укра-

камениемъ и древомъ истесаны, и прочее въ дворець въшед и узрѣвъ полаты высоки и церкви, издобрены безъ года каменiemъ и древомъ и шаромъ, изутрь же мраморомъ и мѣдью, сѣребромъ же и златомъ, таче не съвидѣй, чьсому приложити ихъ, нѣсть бо того видѣлъ на своей земли развѣ хызъ лѣплень и убогъ, ти акы погубивъ си умъ чюдиться имъ ту. Но аще ся прилучитъ ему и князь видѣти, сѣдяща въ срачицѣ бисеромъ поkyданѣ, гривну цатаву на выи носяща и обручи на руку, и поясомъ вольрьмитомъ поясана, и мечъ златъ при бедрѣ висящъ, обаполы его боляры стояща въ златыхъ гривнахъ и поасѣхъ и обручихъ, ти его аще кто вопрошаетъ, възвращашася на свою землю, рекый: «Что видѣ тамо?», — рече: «Не вѣдѣ, како вы повѣдѣ того. Свои бы бѣсте очи умѣлъ достоинѣ чюдиться той красотѣ». Тако же и азъ не могу достоинѣ тоя доброты и чина сказати, но самъ кождо васъ, очима плотныма видя и умомъ *безплотнымъ* домышляя, паче ся можетъ извѣстнѣ чюдиться. Свои бо очи никомуже сължетъ, аще и тѣ ся другици блазнитъ. Но обаче тѣ извѣстнѣиши есть иного. Видя бо небо утворено звѣздами, солнцемъ же и мѣсяцемъ, и землю лакомъ и древомъ, и море рыбами всяцѣми исполнено, бисеромъ же и всяцѣми рунеси пиньскими, пришедъ же къ челоуѣку, и умъ си акы погублю, чюдяся, и недомышлюся: въ коль малѣ тѣлѣ толика мысль, обыидуши всю землю и выше небесъ възыдуши. Гдѣ ли есть привязанъ умъ тѣй? Како ли изыдый ис тѣла проидеть кровы насобыя, проидеть въздухъ и облакы минеть, солнце и мѣсяцъ и вся поясы, и звѣзды, ефиръ же и вся небеса, и въ томъ часѣ пакы въ тѣлѣ ся своемъ обрящеть? Кыма крилома възлѣтъ? Кымъ ли путемъ прилетѣтъ? Не могу ислѣдѣти. И точию се вѣдѣ реши съ Давидомъ: «Удивися разумъ Твой, мною укрѣпися, не возмогу противу ему», «Възвесели мя, Господи, тварью твоєю, и дѣломъ руку Твоею възрадоуюся», * яко же «Възвеличишася душа Твоя, Господи, вся премудростию сътвори».*

шенные камнем и деревом резным, а затем, во дворец войдя и увидав высокие палаты и церкви, богато украшенные камнем, деревом и живописью, а изнутри мрамором, медью, серебром и золотом, не знает, чему их приравнять, ибо не видел он в своей земле ничего, кроме жалких и убогих хижин, и как безумный удивляется этому тут. А если случится ему и князя увидеть, сидящего в облачении, осыпанном бисером, с гривной изукрашенной на шее и обручами на руке, поясом красным препоясанного и с мечом золотым, при бедре висящим, с двух сторон его бояр, стоящих в золотых гривнах, поясах и обручах, тогда, если кто спросит его по возвращении в свою землю, говоря: «Что ты там видел?», — он скажет: «Не знаю, как вам рассказать о том. Лишь своими глазами можно достойно подивиться той красоте». Так же и я не могу достойно сказать о том хорошем устроении и чине, но каждый из вас сам, очами телесными видя и умом бестелесным домышляя, больше и с лучшим знанием дела может удивляться. Свои ведь очи никому не солгут, хотя и те иной раз ошибаются. Однако же они извещают лучше прочего. Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю — злаками и деревьями, и море, рыбами всякими наполненное, бисером и всякими завитушками ракушек, и переходя к человеку, как бы ума лишаюсь от удивления и не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц, и все пояса, и звезды, эфир, и все небеса и тотчас же вновь оказывается в своем теле? На каких крыльях он взлетел? Каким путем прилетел? Не могу проследить. Только и знаю, что говорить вместе с Давидом: «Удивился разум Твой, мною укрепился, не возмогу против него», «Возвеселил меня, Господи, творением твоим, и делам рук Твоих я возрадуюсь», ибо «Возвеличились дела Твои, Господи; всё премудростию сотворил».

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 ГОДА

Немесия епискупа емесьскааго отъ того,
еже «О естѣствѣ челоувѣчѣствѣ»

Человѣка вѣмъ испрѣва ни смъртна, исповѣдаемъ,* ни бесмъртна бывѣша, на прѣдѣлѣ же обоего естѣства: да аще убо вѣслѣдуетъ плѣтньныхъ врѣдовъ, то вѣпадетъ и въ плѣтньныя свѣраты; аште ли душньныя паче почтѣть, доброты бесмъртѣя съподобитѣся. Аште бо бы испрѣва смъртна и Богъ сѣтворилъ, то не бы сѣгрѣшивѣша смъртѣю осудилъ. Смъртнаго бо смъртѣю никтоже не осуждаеть. Аште ли пакы бесмъртна, не бы крѣмля плѣтньныя трѣбовалъ, ни бы тако удобно покаялъся и бывѣшааго несмъртна смъртна абие сѣтворилъ. Не бо и о сѣгрѣшивѣвшихъ ангелѣхъ се являеться, сѣгрѣшивъ, нѣ по прѣвому естѣству бесмъртѣни прѣбыли быша, иного о сѣгрѣшениихъ чяюште суда, а не смърти. Да уне убо естѣ или симъ образѣмъ разумѣти прѣдѣлежаштее, или яко смъртѣнъ убо сѣтворенъ бы(ствѣ), могый же отъ прѣспѣяния свѣршаемъ бесмъртѣнъ быти, рекѣше, силою бесмъртѣнъ. Ельма же не бѣаше ему на пользу прѣжде свѣршения разумѣти естѣство свое, отърече и не вѣкусити дрѣва разумнааго. Бѣаху бо, паче же суть и еште нынѣ, силы въ овошти великы; тѣгда же, акы въ начяло, явленѣиша сушта, твѣрждѣше имѣяху дѣйство. Бѣаше же убо и вѣкуснѣ кый плодъ разумъ вѣдая своего е(ствѣ)ства. Не хотяше же его Богъ, да прѣжде свѣршения разумѣть свое естѣство, да не, разумѣвъ ся скуднѣ о мѣнозѣ сы, о плѣтнѣй прилежать потребѣ, оставивъ д(у)шньный промыслъ: да и тоя вины дѣля възбрани ему прияти плодъ разумѣния. Прѣслушавъ же и разумѣвъ ся, свѣршения отъпаде. При плѣтнѣй же потребѣ оскудѣ, одежда бо абие възиска. Рече бо Писание: «Разумъ, яко нагъ естѣ».* Прѣжде же въ ужастѣи и сѣтвори и въ невѣдѣнии себе. Отъпадъ убо свѣршения, отъпаде и бесмъртѣя, и еже послѣ же приметъ благодѣтию Сѣтворѣшаго и.

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 ГОДА

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ

Немесия епископа емесского из сочинения
«О естестве человеческом»

О человеке знаю: изначально мы полагаем, он не был ни смертным, ни бессмертным, но находился на границе той и другой природы: чтобы, если последует плотским несовершенствам, подвергся бы и плотским соблазнам; если же предпочтет то, что связано с душой, удостоился бы блага бессмертия. Ведь если бы Бог изначально сотворил его смертным, то не осудил бы его, согрешившего, на смерть. Ибо смертного смертью никто не наказывает. Если бы, опять же, — бессмертным, то он не нуждался бы в телесной пище, да и \langle Бог \rangle так быстро не раскаялся бы и бывшего бессмертным не сделал бы тут же смертным. Это видно ведь и по согрешившим ангелам: согрешив, они остались, в соответствии с первоначальной природой, бессмертными, ожидая иного суда за согрешения, а не смерти. Потому дело следует понимать или таким образом, или же, что сотворен он был смертным, но, постепенно совершенствуясь, мог стать бессмертным, то есть был бессмертным в потенции. Поскольку же не было ему на пользу прежде достижения совершенства знать свою природу, \langle Бог \rangle запретил ему вкушать от древа познания. Были ведь, да и теперь еще есть, великие силы в плодах; а тогда, как \langle всегда \rangle в начале, они проявлялись наилучшим образом и имели более эффективное действие. Да ведь и вкусен он был, тот плод, который давал знание своей природы. Не хотел же Бог его дать, чтобы человек не узнал своей природы до того, как стал совершенным, и, осознав, что ему многого недостает, не стал бы заботиться о телесных нуждах, оставив заботу о душе; по этой причине и возбранил Он ему вкушать от плода познания. Ослушавшись же и осознав себя, тот отпал от совершенства. Он стал думать о плотской потребности, ибо тут же начал искать себе одежду. Писание ведь говорит: «Уразумел, что он наг». Прежде же он был в состоянии вдохновения, каким его сотворил Бог, и в неведении о себе. Отпав же от совершенства, он отпал и от бессмертия, каковое впоследствии вновь получает благодатью сотворившего его.

По отпаденіи же и мясная пишта попуштена бы(сть). Прѣвѣ бо земьными тѣчю повелѣ ему довьльну быти. То бо бѣаше и въ породѣ. Отъчаяну же бывъшу съврѣшену же, попуштениемъ уже проштено бысть ядение мясное.* Трѣбѣ бо естъ челоувѣку брашно и питье, проходѣ дѣля и исходѣ. Истѣштаетъ бо ся животъ и явленными проходы и неявленными, да нужда естъ убо или въ истѣштаемыхъ мѣсто въносити равная, или разорится животъ скудства ради вхождатиихъ. Сухомъ же сушемъ, и мокромъ, и духу истѣштаемымъ, нужда естъ сухая и мокрая пишта трѣбовати животу и духа. Естъ же намъ крѣмля и питие отъ вещей, отъ нихъже съставлени есмы. Коеждо бо своимъ подобнымъ крѣмиться, супротивнымъ же ся врачуетъ.*

Нѣ елма же не тѣчю лѣпотѣ дѣльма, нѣ и доброты ради еже по посязанию, имѣже паче утягнетъ всего живота челоувѣкъ, не положи на насъ ни кожа дебелы, ни власъ, аky животымъ,* да тѣмъ нужднѣ ризы трѣбны быша,* — и въздуховъ ради нестроинства, и звѣрьскихъ дѣля врѣдовъ. Зѣлаго же раствора ради и прѣмѣнъ качовствѣнныхъ и чювства ради, данааго тѣлеси, врачеве и былія трѣбны быша. Аште ли не быхомъ имѣли чювства, то ни болѣли быхомъ; ни цѣления трѣбовали, не боляште, и погѣбли быхомъ убо въ невѣсти, зѣлаго врѣда не цѣляште.* А съпрѣва ничѣсоже отъ сего не трѣбовахомъ, ни бесловеснии бо животи смѣяху врѣждати челоувѣка, нѣ бѣаху ему вся поражати и покорена, — донѣдеже въздрѣжаше своя страсти. Дрѣжимъ же отъ нихъ, удрѣжанъ бысть и отъ вѣнѣшнихъ въ подобу звѣрий. Вѣлѣзе бо съ грѣхымъ и суштии отъ тѣхъ врѣдѣ. А якоже то естъ истина, учятъ ны доброе житѣе прѣпроводивѣшии и отъ такихъ никогоже не врѣдивѣшеся, аky Даниль отъ львовъ и Павль отъ ехиднѣ.*

Да кто убо достоиннѣ почюдиться добротѣ животу сего, иже съвязаетъ въ себѣ смѣртная къ бесмѣртнымъ, и словесная къ бесловеснымъ, носящю уму въ своемъ естѣствѣ вѣсея твари образъ, тѣмъ же и «малый миръ» наречеся? Толиky же чѣсти отъ Бога и Промысла съподобися, яко того ради — и сушта нынѣ, и будущая, и Богъ челоувѣкъ бысть, и Божие чядо естъ, на небесѣхъ царствуетъ, по образу Божию и по подобію бывъ, съ Христосымъ прѣбываетъ, выше всякого начала и всякой власти сѣдитъ. Кто ли ему можетъ исповѣдати? Обиля пучины бо минуетъ, небеса проходить мыслью, звѣздная пошѣствия и расстояния и мѣры размышляетъ, землю дѣлаетъ и море, звѣрьское и китовское прѣбиди, всяко художество и хытрость управлять, чрѣсъ прѣдѣлъ кнѣгами къ немуже хоште бесѣдуе, никакоже отъ тѣлесе не ставляемъ, проричеть же будущая, вѣсего естъ старѣе, вѣсѣмъ владе, вѣсѣмъ питается, отъ вѣсего дары приемлетъ, отъ ангель хранимъ естъ, къ Богу бесѣдуетъ, бѣсомъ запрѣштаетъ, суштинѣхъ естѣство испытаетъ, Бога распытаетъ, домы и храмъ бываетъ Божии и причастникъ Того царства.*

После отпадения человеку позволена была мясная пища. Раньше ведь *⟨Бог⟩* велел ему довольствоваться только плодами земли. Они ведь были и в раю. А когда он лишен был совершенства, ему было попущено и прощено есть мясо. Требуется ведь человеку снедь и питье, потому что они проходят и выходят. Ибо истощается живое существо через видимые и невидимые отверствия, так что необходимо или приносить на место истощаемого равное, или живому существу быть уничтоженным из-за недостатка входящего. Поскольку истощаются сухое и влажное (вещество) и дыхание, жизнь нуждается в сухой и влажной пище и в дыхании. Еда же наша и питье состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится.

И ведь не только красоты ради, но и для того, чтобы человек превосходил все живые существа более тонким чувством осязания, не возложены на нас ни толстая кожа, ни волосы, как у животных, и потому нам нужны подходящие одежды — и на случай плохой погоды, и из-за причиняемого зверями вреда. А из-за дурного соотношения (органических соков), качественных изменений и данного телу чувства потребовались врачи и лекарства. Если бы мы не имели чувства, то не испытывали бы боли; не страдая, не старались бы лечиться и погибали бы в неведении, не исцеляя опасного повреждения. А сперва нам ничего этого не требовалось, ибо бессловесные животные не смели вредить человеку, а он мог всех их поражать, и все было ему покорно — пока он удерживал свои страсти. Победенный же ими, он был побежден и внешними подобными им зверями. Вместе с грехом пришел ведь и происходящий от них вред. А что это истина, показывают нам проводившие добрую жизнь люди, не претерпевшие вреда ни от кого из таковых, — как Даниил от львов и Павел от змей.

И кто достойным образом не подивится благородству этого живого существа, которое связывает в себе смертное с бессмертным, словесное с бессловесным, нося умом в своем естестве образ всего сотворенного, и потому называется «малым миром»? Такой чести сподобился он от Бога и Промысла, что ради него — и настоящее, и будущее, и Бог стал человеком, и он — Божие чадо, на небесах царствует, по образу и подобию Божию созданный, с Христом пребывает, выше всякого начала и всякой власти восседает. Кто может словами выразить то, что ему свойственно? Ведь он переплывает громадные пучины, проходит мыслью сквозь небеса, постигает движение, отстояния и величины звезд, работает на земле и в море, не боится ни зверей, ни китов, владеет всякими наукой и искусством, на расстоянии в письмах беседует с кем хочет, нисколько не ограничиваемый телом, предсказывает будущее, над всем начальствует, всем владеет, всем питается, от всего дары приемлет, ангелами храним, с Богом беседует, бесам запрещает, природу сущего исследует, Бога постигает, бывает домом и храмом Божиим и причастником Его царства.

Максимово* о различии сущия* и естества по вѣнѣшнимъ

«Суштьное» убо имя назнаменование есть бытия просто сущтиихъ, рекъше того самого сушта суштааго: наричють бо ся суште и аггели, и камыкъ, и прокая вся. Сему убо просто суштууму, егоже обыште вся приемлють, знаменьно есть «суштьное» има. Естествоньное же имя обавление есть просто сущтиихъ пошъстья; всѣя бо въ пошъствии видома суть, и ничѣтоже нѣсть бес пошъстья бывъшихъ. Суштие убо наричетъ бытие просто сущтиихъ, естество же пошъстье просто сущтиихъ.

Пятеро же образно есть се: или бо разумно есть, или словесно, или чувствьно, или растушее, или бездушньное. Разумна же — якоже се о аггелѣхъ, отъ самѣхъ тѣхъ разумъ другъ къ другу съближаются; словесно же — якоже се о чловѣцѣхъ имени и словеса невидимая душная пошъстья къ дальнимъ обличая. Чувствьно же — еже въ бесловесныхъ разумѣвается, къ крѣмаштий бо и растяштий, къ рашуштии силѣ и чувствьную имать. Растушее же — еже въ садѣхъ: движать бо ся и та по крѣмаштий и растяштий и раждающийи силѣ. Бездушньно же — акы о каменехъ, по немуже и ти двигаться по качеству и по кѣде: по качеству же убо — якоже грѣтися и устыдати, а по мѣсту же — имѣже отъ мѣста на мѣсто инамолетящее прѣложение.

Да си убо есть вѣнѣшнихъ о именехъ сихъ вѣра. Цркъвьнии же учители без различья имени сими бесѣдоваша, и то же сушнее и естество нарекоша, якоже и собство — лице.

Феодора, презвутера Раифуисьскааго,* о тѣхъже

«Суштьное»* убо имя самого реку имя и нарокъ, съпроста не сушта обрѣтоваамъ въ божествѣнемъ Писании. Бесѣдуетъ же приречениемъ симъ сущтия многихъ обычай о назнаменуемыхъ имѣнныхъ, еже кто имать дома и стада и прокыя вешти. То бо суштие имуштааго наричемъ простыхъ же обычаи, по немуже разуму иже имуть се обильнѣ богата наричемъ, рекъше «многосуштьнѣ».* Тѣмъже и «люди богатыя»* Писание наричетъ, сирѣчь приобрѣтенныя, и «Израиль въ богатство ему»,* рекъше въ имѣние и приобрѣтение.

Словеснаа же бесѣда, вѣдушти «суштьное» имя отъ бытнааго слова прѣведоно, самоу вешть сущие* нарече: небонъ «сущьное» обыште имя есть всѣхъ сущтиихъ. Се убо сушнее раздбраляется въ суштие и въ сълучая.

И уставляють же сущие сиче: суштие есть имя обыште и неуставно надъ всѣми яже подъ ними собства, равньчостънѣ водимо и съименьнѣ оглаголаемо. И суштие есть еже надъ подлежащими собствы нарицається и въ всѣхъ тѣхъ тѣчно и равньно разумѣваемъ. И суштие есть вещь о собѣ

Максимова о различии сущего и природы, согласно внешним (мудрецам)

Наименование «сущее» есть обозначение бытия просто сущих, т. е. самого существования существующего: сущими называются ведь и ангел, и камень, и все прочее. На это просто существование, которому все причаствуют, и указывает наименование «сущее». Наименование же по природе разъясняет вид движения просто сущего; все ведь видится в движении, и нет среди бытующего ничего неподвижного. Сущим называют, таким образом, бытие просто сущих, природой же — движение просто сущих.

Оно бывает пяти видов: умственное, словесное, чувственное, растительное и бездушное. Умственное — это как у ангелов, сообщающихся друг с другом своими мыслями; словесное — как у людей, посредством названий и высказываний обнаруживающих обращенные вовне невидимые движения души. Чувственное же — у бессловесных, ибо наряду со способностью питаться, расти и рожать они обладают способностью чувствовать. Растительное же — у растений, ибо и они движутся в соответствии со способностью к питанию, росту и рождению. Бездушное же — как у камней, поскольку и те движутся относительно качества и места: относительно качества — нагреваясь и охлаждаясь, а относительно места — будучи извне перемещаемы с места на место.

Таково представление об этих терминах внешних (мудрецов). Церковные же учителя пользовались этими терминами безразлично и то же сущее называли природой, как и ипостась — лицом.

Феодора, пресвитера Раифского, о том же

Термин «сущее» — я говорю о самом имени, наименовании, — мы вообще не находим в божественном Писании. По большей части этим словом пользуются как названием имущества, говоря, кто какое имеет добро, например дом, стада и прочие вещи. Именно так по народному обычаю мы называем состояние владельца, соответственно чему много стяжавшего называем богатым как «многоимущим» (букв.: «многосущим»). Также и Писание говорит «люди богатые», т. е. «приобретшие», и «Израиль в богатство ему», т. е. «в имение» и «в приобретение».

Словесный же обычай, зная, что слово «сущее» происходит от глагола «существовать», назвал сущим саму конкретную вещь: ибо «сущее» является общим названием для всего существующего. А это сущее делится на относящееся к сущности и случайное.

Определяют же относящееся к сущности так: сущность есть общее и неопределенное имя для всех находящихся под ней ипостасей, на каковые оно распространяется с равным правом и к каковым применяется синонимически. А также: сущность есть то, что называется находящимся над ипостасями и оди-

состояштися, не трѣбуюшти иного на бытъе, сирѣчь въ себе сы, а не въ иномъ бытия имы, акы сълучай.

Сълучай же есть еже не можетъ въ себѣ быти, нѣ въ иномъ имать бытъе. Сушие бо подлежащее есть, акы вешти дѣлсемъ, сълучай же въ суштии разумѣваемо есть, рекъше тѣло и образъ: * не бо есть тѣло въ образѣ, нѣ образъ въ тѣлѣ. Да тѣло убо есть суштие, а образъ сълучай.

Такоже и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нѣ мудрость въ души. Тѣмже и не наричеться «тѣло образово», ни «душа мудрости», нѣ «образъ тѣлесный» и «мудрость душевная». Есть убо душа суштие, а мудрость сълучай; души бо погубляемъ, погыбають и мудрость, мудрости же погубляемъ, не погубляется и душа; мощьно бо есть души быти и без мудрости. Да убо все еже о себе собство имать и въ себѣ, а не въ иномъ имать бытъе, суштие есть.

Бываютъ же си да или плътна, или бесплътна. Плътна же — земля, вода, въздухъ, огонь, и съложеная тѣми: камыкъ, садове, съдушньо тѣло. Бесплътная же — аггелъ, душа словесная. Да се убо, якоже рекохъ, суштие наричуться. Сихъ же творьць — Богъ.*.

О естѣствѣ

Естѣство есть начяло коегождо сущиихъ пошѣстья же млъчания. Якоже земля двигаться убо, егда зябнуть и животворить плоды и прѣмѣнуеться, млъчить же прѣходомъ отъ мѣста на мѣсто бес подвижения сушти съпроста и бес постапа. Начяло убо такоже беспошѣстья и млъчания суштѣнѣ, рекъше естѣствѣнѣ, а не по сълучаю въ земли суште естѣство наричеть. Не пошѣстья же и млъчания, нѣ начяло, рекъше вину, по немуже не сълучай, нѣ суштѣнѣ суштия грядуть и млъчать.

Уставляютъ бо убо суштее, якоже глаголахомъ, все о собѣ сяе и ничѣсже иного на бытъе трѣбуя, естѣство же начяло коегождо отъ суштиихъ пошѣстья же и млъчания суштѣна. Да вѣнѣшнии убо различѣ нарекоша суштия и естѣства, суштие убо рекъше еже просто быти, естѣство же суштие въ видѣ створено отъ суштѣнныхъ различѣ и съ тѣмъ еже просто быти неже како бытъе имѣти, или словесьно или несловесьно, или смъртьно или несмъртьно, рекъше само то, якоже речемъ, непрѣмѣнное и непрѣложное начало и вину и силу вложеную отъ Творьца коемуждо виду на пошѣстье: аггеломъ убо якоже разумѣвати и без износимааго слова подаяти другъ другу помышления, человѣкомъ же яко разумѣвати и помышляти и износѣннымъ словѣмъ подаяти другъ другу срьдѣчная помышляния, бесловеснымъ же животное и чювьствьное и прѣстаньное пошѣствье, садомъ же крѣмяштью и растяштью и родьную силу, каменью же якоже грѣватися и истыдати и

наково и с равным правом во всех них усматривается. А также: сущность есть нечто существующее само по себе, в другом для существования не нуждающееся, т. е. сущее в себе, а не имеющее бытие в другом, как это бывает со случайным.

Случайное же есть нечто, неспособное существовать само, но имеющее существование в другом. Ибо сущность есть основа, как материя для вещей, а случайное — нечто, в существе усматриваемое, как например образ у тела. Ведь не тело существует у образа, но образ у тела. Так что тело является сущностью, а образ — случайностью.

Так же соотносятся душа и мудрость: ведь не душа у мудрости, но мудрость у души. Потому не говорится «тело образа» или «душа мудрости», но «образ тела» и «мудрость душевная». Так что душа является сущностью, а мудрость случайностью. Ибо, когда погибает душа, гибнет и мудрость; а когда погибает мудрость, душа вовсе не погибает, ибо душа может существовать и без мудрости. Так что все самостоятельное, что имеет бытие в себе, а не в другом, является сущностью.

Она бывает вещественной или невещественной. Вещественны земля, вода, воздух, огонь и из них состоящие: камень, растение, одушевленное тело. Невещественны же ангел и словесная душа. Таковое, как я сказал, называется сущностями. Творец же их — Бог.

О природе

Природа есть начало движения и покоя каждого из сущих. Так, земля движется, когда растит, животворит плоды и изменяется; и покоится, оставаясь при передвижении с места на место совершенно неподвижной и неспособной к движению. Начало этого движения и покоя, свойственное земле существенным образом, т. е. естественным, а не случайным, называют природой. Это не сами движение и покой, но начало, т. е. причина, согласно которой не случайно, но согласно (своему) существу существа движутся и пребывают в покое.

Определяют ведь сущность, как мы говорили, как все существующее само по себе и ни в чем другом, чтобы существовать, не нуждающееся; природу же — как начало движения каждой сущности и присущего ей покоя. И внешние мудрецы говорили о различии сущего и природы, сущим называя бытие вообще, природой же сущность, которой субстанциальными различиями придана форма и которая наряду с бытием вообще имеет (определение) как существовать, словесно или бессловесно, смертно или бессмертно, т. е. сами те, как мы говорим, неизменные и непреложные начало, причину и силу, которые сообщены Творцом каждому виду для движения: ангелам — чтобы разуметь и без произносимого слова передавать мысли друг другу; людям — чтобы разуметь, рассуждать и с помощью произносимого слова передавать друг другу сердечные помышления; существам бессловесным — жизненное и чувственное и дыхательное движение; растениям — способность питаться, возрастать и порождать; а камням — нагреваться,

еже отъ мѣста на мѣсто инамошьственное прѣступание. Рекъше бездушное се нарекоша естество. Да тѣмъ простое бытѣ суштіе нарекоша, а еже обдыржи собства естество нарекоша.

Святїи же отцы, оставивъше многыя сїя пѣря, обшѣе и о многихъ глаголемое, рекъше своитѣный видъ, суштіе и естествомъ образъ нарекоша, рекъше ангела, или челоуѣка, или коня, или пса и другое сїце. Небонъ и «суштіе» «бытїя» ради наричеться, не бо и «естество» имже «есть». Да еже «быти» и «есть» то то же есть: обоє бо сѣказає бытѣное. И «образъ» же и «видъ» тожде назнаменає, еже и «естество». Частѣное же нарекоша нераздрабляемое и лице, собство, рекъше Петра и Павла. Собство же хошѣть имѣти суштіе сѣлоучаемыми и о себѣ сѣстоятїся и чутѣмъ, рекъше дѣйствѣмъ, разумѣватїсе.

Есть же имя естествомъ въ Писанїи знаємѣе. «Егда бо, — рече, — языци закона не имуште естествомъ законѣная творять»* и «Прѣмѣниша естествомъ потрѣбу на чрѣсѣстествомъ».* Егда же пакы речеть: «И бѣхомъ чѣда естествомъ гнѣва, якоже и мнози»,* не по сему назнаменуемому естества глаголетъ — не бо естествомъ и суштіемъ тѣци есмъ, — аште ли то Творѣче бы прѣгрѣшенїе, нѣ иностѣнную и злую любѣве и многоврѣменѣное зѣлонравѣе и отъ отѣцъ в дѣти прѣдаемо и, якоже се рѣшїти, имже въ насъ вѣкоренїся то акы въ естество сѣ прѣтвори, да въ лѣпоту сѣде нарече естество апостолѣ.

Сїце же є разумѣти и отъ Соломона реченоє: «Безумѣни бо, рече, всї челоуѣци естествомъ, въ нїхъже нѣсть Божѣя разума».* Егдаже глаголетъ: «Всѣхъ бо хытрица научї мя Мудростѣ»* вѣдѣти «сѣставъ сѣложенїе мїра и дѣїство сѣставы»,* «естества животъ и гнѣвы звѣрскыя»,* истовое естества назнаменование подає. Такожде же и божѣственный Іяковъ рече: «Всѣ естество бесловесныхъ кротїтѣся естествомъ челоуѣчѣскимъ».* И Петръ: «Да будете Божѣя прїобышѣтнїцы естества».*

О собствѣ

Собство же есть вещь сѣстояштїся и сушѣтна, въ немъже сѣлучающїхъ сѣборъ, акы въ єдиной подѣлежащїй вѣштїи и дѣйствѣ сѣстоятїся. И собствѣное же имя и знаємѣе нѣкако есть въ Писанїи. Рече бо Іеремїя: «Кѣто есть въ собствѣ Господнїи?»* И апостолѣ: «Иже сѣ усѣяніє славы и образъ собства Его».* Готовословлено же є собствѣное имя, имже «собомъ сѣстоятїся» и «есть».* Да мнїмо убо есть тожде назнаменуя «собство» и «суштіе» по зѣло опытноуму же разуму назнаменуемыхъ подѣ сїми вѣщїми не простое есть къ себѣ сїмъ розлїчїе: суштіе бо обшѣтїну нѣкаку являє, собство же своитѣное.

охлаждаться и быть перемещаемыми с места на место чужой силой. Это движение называли бездушной природой. Иначе говоря, бытие вообще называли сущим, а то, что объемлет ипостаси, наименовали природой.

Святые же отцы, оставив эти долгие распри, сущим и природной формой называли общее и многими упоминаемое, т. е. наиболее общие виды, как то ангел, человек, лошадь, собака и тому подобное. Ибо слово «сущность» происходит от «существовать», а «природа» — от «родиться» (*букв.*: «естество» — от «есть»). «Быть» же и «родиться» — это одно и то же: оба ведь означают существование. А «образ» и «вид» означают то же, что «естество». Частное же они называли индивидуальностью, лицом и ипостасью, как то: Петр и Павел. Ипостась же означает наличие сущности вместе со случайностями, самостоятельность существования и — благодаря чувству, иначе говоря, благодаря действию — восприимчивость.

Название «природа» более знакомо Писанию. Ведь сказано: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают» и «Заменили естественное употребление противуестественным». А говоря, опять же: «И были по природе чадами гнева, как и прочие», — оно использует слово «природа» не в этом смысле (по природе и сущности мы ведь не таковы), поскольку это означало бы погрешность Сотворившего, но имеет в виду устойчивую любовь к злу и долговременное злонаравие, переданное от отцов детям и, в нас, так сказать, укоренившись, преобразовавшееся в природу, так что апостол по праву сказал здесь о природе.

Так же следует понимать и сказанное Соломоном: «Суетны все люди естеством, у которых нет знания о Боге». А когда он говорит: «Ведь, художница всего, научила меня Премудрость» знать «устройство мира и действие стихий», «естество животных и гнев зверей», — он использует слово «естество» в собственном смысле. Так же точно и божественный Иаков сказал: «Всякое естество бессловесных укрощается естеством человеческим»; и Петр: «Дабы вы сделались причастниками Божеского естества».

Об ипостаси

Ипостась есть явление, лежащее в основе и существенное, в котором, как в едином лежащем в основе, фактически и действенно реализуется совокупность случайностей. Наименование «ипостась» некоторым образом знакомо Писанию. Сказал ведь Иеремия: «Кто стоял в ипостаси Господа?», и апостол: «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его». Этимологически слово «ипостась» объясняется словами «находиться в основании» и «существовать». И кажется, что одно и то же означают слова «ипостась» и «сущность», но по внимательном рассмотрении обозначаемых этими словами явлений различие между ними не случайное, ибо сущность обозначает бытие чего-то общего, а ипостась особенного.

Рекъше, купно вси челоуѣци обѣште имуть бытѣе, небонъ вси такожде «живемъ и движемъся и есмъ».* Имать же кѣждо насъ своя нѣкая, имиже отлучаются отъ челоуѣкъ, рекъше отчѣство, родъ, художество, дѣло, врѣди и такая, яже и сълучая наричемъ. Да си убо разлучаютъ коегождо насъ отъ прокыхъ челоуѣкъ. Рѣцѣмъ убо, яко Павълъ челоуѣкъ есть акы вси челоуѣци, да по семь убо ни тѣ отъ многихъ челоуѣкъ различне имать, ни вси челоуѣци отъ всего. А понемуже Тарсеусъ есть, и колѣна Венѣаминя, и Саулъ и Павълъ нарицашеся, и апостолъ, еже ино о немъ съповѣдано е сиче, отъ прокыхъ челоуѣкъ отлучаются. Се убо все о собствѣ разумѣваться, и тажде вѣштъ, рекъше Паулъ, да егда убо бытѣе его смотритъся тѣчю, то суштее наричетъся, егда ли съ прѣжеглаголаными, тогда и собство. То же «суштьное» убо имя не съпремле и собства, а собствѣное всако имать и сущие.

О лица

Лице же есть еже своими дѣйствы и свойствы явлено и отлучено отъ единоестѣвньныхъ ему подаетъ обличение, якоже се Гаврилъ къ Богородици бесѣдуя: единъ отъ аггелъ сы, единъ ту пришьдъ, бесѣдоваше — отлучивъся отъ единосущьныхъ аггелъ пришьстѣемъ на мѣсто то и бесѣдованиемъ. И Павълъ, на степенъхъ бесѣдуя,* единъ отъ челоуѣкъ си, свойства и дѣйствы его отъ многихъ челоуѣкъ отлучаашеся. Да дѣйствѣмъ убо бывая въ насъ разумнѣ о кѣмъ лице то само еже дѣйствуе наричетъся. Мнимо же е(сть) нѣкако тожде знаменавати еже и «собство», или малы или ничимъ же прѣмѣнно.

Да глаголетъся убо, якоже и святой Василь, яко «се имать различе суштѣе съ собствѣмъ еже има общее къ своитѣнууму».* Нѣ елма же общааго и своитѣнааго инако вѣнѣшньи мудрии творять разлучения, инако же суштии въ насъ богумудрѣци, подобно же и се е(сть) съказати.

Да вѣнѣшньи убо прѣвое всѣхъ видовъ же и родовъ суштѣе огла(го)-лають и отъ того подобно творять раздѣлы сиче: суштѣе, глаголють, ово есть плѣтно, ово же бесплѣтно, и плѣтнааго же ово есть съдушньо, ово же бездушньо, съдушньнааго же ово есть животно, ово же живораствѣно, ово же садъ. Съдушньны бо наричуть сады акы крѣмимую и растуштуу силу имуща. Животораствѣная же наричуться елико же ся ихъ крѣмить и чуетъ посязаниемъ, бес подвига же суть и бес хождения, якоже суть чрѣпноодеждная въ водахъ. Животи же елико крѣмятъся и чуютъ и на мѣсто отъ мѣста шьстѣе имуть. И животу же паки наричуть ово словесньо, ово же несловесньо; и словесньнааго ово смъртьно, ово же несмъртьно. Животъ же словеснь челоуѣкъ, иже раздѣлять въ онѣсицу и въ коегождо челоуѣка.

Так, все люди вообще имеют общее бытие, ибо равным образом все мы «живем и движемся и существуем». И каждый из нас имеет некие особенности, которыми отличается от других людей, как то отечество, род, образ жизни, дело, болезни и тому подобное, что мы называем случайностями. Таковое отличает каждого из нас от прочих людей. Скажем, например, что Павел есть человек, как все люди, и потому ни он не отличается от других людей, ни другие люди от него. Но поскольку он из Тарса, из колена Вениамина, и назывался и Савлом, и Павлом, и он апостол, и другое что-то такого рода может быть сказано о нем, то от прочих людей он отличается. Все таковое рассматривается как относящееся к ипостаси, и сам предмет, т. е. Павел, когда имеется в виду только его бытие, называется сущностью, а когда — и то, о чем сказано выше, тогда — ипостасью. И название «сущность» не охватывает ипостась, а ипостась полностью содержит и сущность.

О личности

Личность есть то, что ясно проявляется в своих действиях и свойствах и отличается от родственных ей существ, как например Гавриил, беседующий с Богородицей: будучи одним из ангелов, лишь он один, придя туда, беседовал с ней, — отличившись от единосущных с ним ангелов тем, что пришел на то место и беседовал. И Павел, будучи одним из людей, отличался от прочих людей, когда вел беседу на ступенях, своими свойствами и действиями. Ведь благодаря появляющемуся у нас знанию о чьей-то деятельности самого того, кто действует, называют личностью. Кажется, это означает то же, что «ипостась», мало или ничем (от нее) не отличаясь.

Следует сказать вместе с Василием Великим, что «сущность имеет такое же отличие от ипостаси, какое общее — от частного». Но поскольку различие между общим и частным внешние мудрецы объясняют по-своему, наши же богومудрецы по-своему, надо разъяснить и это.

Внешние мудрецы называют сущее первым из всех видов и родов и последовательно делят его следующим образом. Из сущего, говорят они, одно телесно, а другое бестелесно; из телесного же одно одушевленно, другое неодушевленно; а из одушевленного одно является животным, а другое животное-растительным, третье растением. Растения называются одушевленными как имеющие способность питаться и расти. Животно-растительными называют тех, что питаются и чувствуют прикосновения, но неподвижны и ходить неспособны, как черепокожие в водах. Животные же — это те, что питаются, чувствуют и способны передвигаться с места на место. А из животных, далее, одни, говорят, словесны, а другие бессловесны: из словесных же одни смертны, другие бессмертны. Животное словесное — человек, каковой различается на данного и на каждого человека.

Нарицають обо суштее пачеродный родъ. Родъ бо наричуть еже можеть по различнымъ глаголатися видомъ, видъ же есть подъячинемое по<д> родъ. Родъ убо пачеродный есть въ нихъ суштие, имже то вьсѣхъ родовъ родъ есть, се же е<сть> родъ прѣродный. Нъ родъ на трое ся речеть: по единому убо образу отъ рожденааго, якоже отъ Израиля израилите наричуться; по иному же образу — отъ отъчества, якоже и отъ Иерусалима иерусалимляне наричуться; по третьему же образу родъ наричуть раздѣляемое въ виды, еже и уставляюще глаголють: родъ есть еже о многихъ и подобньныхъ въ виду въ томъ, въ немже что есть оглаголаемое.

И «видъ» же дѣвое назнаменуемое имать. Наричеть бо ся видъ и очрътение и образъ, якоже се кумирное. Глаголетъ же ся паки видъ подъячинемое подъ родъ, рекъше отъ рода роздѣляемое. Да тѣмъ родъ убо есть еже ся роздѣляеть въ виды, видъ же еже отъ рода, рекъше суштия роздѣляеться, еже есть непрѣрѣзаемое. Непрѣрѣзаемое же наричеться, имже не можеть ся на много раздѣляти, рекъше Петръ единъ сы, не можете мнози Петри быти или въ многихъ розумѣватися. Есть убо прѣродный родъ, рекъше суштие, обьште, сирѣчь обьште о многихъ глаголемое, неотрѣзаемо же свойтно, рекъше въ себѣ състояся и о многихъ рештися не могы. Сего убо ради и Великий Василий се рече, суште различие сущю къ собьству, еже имать обьштее къ свойтнууму, елма же обьштее на многы, свойтное же ни на когоже глаголется.

Да по вѣнѣшнимъ убо раздѣль сицѣ. Наши же наставьници, оставивъше многословие се, добросъмотрное же и доброразумно състроиша, якоже съкраштенааго Еуаггелия сушта слоужителю. Близное бо и ужичное неотрѣзаемыхъ оглаголаемо, еже свойтнѣй видъ вѣнѣшний нарекоша, се божьствьнии отъци суштие рекъше естъство нарекоша, нерасѣкаемое же собьство, рекъше лице нарекоша. Собьство же и лице суштее чястно есть. Чястно же рѣхомъ, имже не обьште, нъ свойтно, и единого тѣчью оньсицу указая, и сущие имушта что нарицатися и быти. Такожде суштиемъ и собьствомъ и съ свойтнымъ обьштее имы имя же и вещь. Рекъше Петръ собьство есть, нъ и суштие нѣчто: человекъ бо оньсица, рекъше отдѣляемый, а не просто человекъ. Да васнь убо собьство суштие есть, нъ суштие нѣкое.

Знаменати же есть, яко не възвращается слово: не бо елмаже собьство суштее, то да и суштее собьство будетъ, ни елмаже Петръ человекъ, да и Петрово имя всякъ человекъ приметь. Есть бо Петръ Симонъ сынъ Ионинъ отъ Витѣсавиды Галилѣйския, Христосовъ апостолъ; да сице убо и всякъ человекъ будетъ, елмаже человекъ Петръ. Да васнь убо не съвращается слово еже яко «Петръ — человекъ» и «человекъ — Петръ», да тѣмъ ни «собьство — сущие» и «суштие — собьство». Тѣмже и имя «суштия» съ вештьми приметь и собьство, суштие же ничтоже отъ собьства не приметь.

Сущее называют высшей степенью рода. Ибо родом называют то, о чем говорится применительно к разным видам, видом же — стоящее под родом. Высшей среди степеней рода является у них сущее, поскольку оно — род всех родов, и как таковое — высший род. Но о роде говорится в трех смыслах: во-первых, как о потомках родоначальника, как потомков Израиля называют израилитами; во-вторых, — от отечества, как жителей Иерусалима называют иерусалимлянами; в-третьих, говорят о роде как о разделяющемся на виды, определяя каковой, и говорят: род есть то, что обнаруживается по многому подобному видом, — при определении, что это такое.

И «вид» имеет два значения. Ибо видом называется образ и форма в смысле, например, образа статуи. Видом также называется стоящее под родом, иначе говоря, нечто от рода отделяемое. Так что род разделяется на виды, вид же есть отделяемое от рода, т. е. от сущности, и таковым является индивидуум. Индивидуумом он называется потому, что не может разделиться на многое; так, Петр является одним, и не может быть много Петров, и он не может быть усматриваемым во многих. Существует, таким образом, высшая степень рода, или общая, т. е. называемая общей для многих, сущность, тогда как индивидуум есть нечто частное, т. е. ограниченное собой, о чем совершенно невозможно сказать как о многом. Потому и Василий Великий сказал, что разница между сущностью и ипостасью такая же, как между общим и частным, поскольку «общее» говорится о многом, а «частное» о чем-то (одном).

Таково, согласно внешним мудрецам, это разделение. Наши же учителя как служители краткого Евангелия, оставив это многословие, создали легко воспринимаемое и постигаемое учение. То, подлежащее определению, смежное и соседствующее с индивидуумами, что внешние мудрецы назвали особым видом, божественные отцы нарекли сущностью, или природой, а индивидуум наименовали ипостасью, или лицом. Ипостась и лицо есть частичная сущность. Частичной мы ее называем потому, что она не общая, но частная, и указывает на одного лишь такого-то, и чем-то осуществляемым и называется и является. И ипостась подобно сущности наряду с частным имеет общее и по имени, и на деле. Так, Петр есть ипостась, но — и некая сущность, ибо он — такой-то, т. е. определенный человек, а не человек вообще. Итак, ипостась есть сущность, но сущность некая.

Следует заметить, что (это) утверждение не имеет обратной силы: ведь оттого, что ипостась есть сущность, сущность не становится ипостасью; и оттого что Петр — человек, имя Петра не распространяется на человека вообще. Есть ведь Петр-Симон, сын Ионы из Вифсаиды Галилейской, Христов апостол; именно таким окажется и человек вообще, если человек — это Петр. Но утверждения «Петр — это человек» и «человек — это Петр» необратимы; равно как и «ипостась — это сущность» и «сущность — это ипостась». А потому название «сущность» наряду с вещами получает и ипостась, сущность же от

Да се убо, якоже и мнѣти е(сть), по святууму Василию, иматъ различье суштие къ собьству, еже има обьштина къ своитинууму, имьже суштие подьлежаштемь собьствомь нарицається, собьство же ни на когоже.

Суштие же разумьмь погубляемо, съпогубляется уто и собьство: не сушту бо съпроста чловѣку, ни Петра ни Павьла не будеть. Погубляемо же собьство не погубляе уто и суштия: не бо погублену Петру, погублень буде съпроста и чловѣкъ. Паки въводимо собьство въводити уто и суштие: иже бо и помыслихомь Петра, туижде и того суштие, яко чловѣкъ есть. Суштие же въводимо не въводи всяко въсѣхъ собьствъ, надъ нимиже нарицається: сушту бо простууму чловѣку, нѣ нужда и Петру быти, дондеже и Павьлѣ и въ Иоаннѣ без нестатъка чловѣкъ разумъвается.

Да суштие убо моштьно разлучениеемь тѣкмо указати. Аште мене упрашаеши, что есть чловѣче суштие, отъвѣштаю ти абье того уставъ, яко: чловѣкъ е(сть) животь словесьмь смъртьнѣ и супротивньныхъ особь примѣ, — нѣ и отълучениемь симь укажу ти до коньца чловѣче естество. Собьство же немоштьно е(сть) отълучениемь указати, нѣ тѣчю подьписаниемь. Аште бо въсхошту указати ти оньсицу чловѣка, рекъше Иоанна Прѣдтечу, то нужда ми е(сть) подьписати сице, якоже: Иоаннѣ, сынѣ Захаринѣ и Елисавинѣ, въ пустыняхъ въскрмленѣ, бѣлымъ образемь, чръны власы, высокъ, облѣченѣ въ вельблужя власы и поясъ имы язънѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ, ядый пругы и дивий медъ, пророкъ же и крѣститель, и усѣченѣ отъ Ирода. Се убо все и подобное сему назнаменуеть собьство, и отъ сего собьство подьчрътається.

Суштие же къ суштию не всяко имя тежества, нѣ разньство; собьство же къ собьству всяко има тожество и разньство.

И суштие же къ суштию съходиться по сълогу; собьство же съ собьствомь не сълагается, нѣ прѣмѣняется.

И суштие же съ суштиемь сълагается едино собьство твори; собьство же съ собьствомь прѣмѣняемо ни суштия, ни собьства, нѣ домыслимую нѣкою вещь творить, якоже се народъ и ликъ, или съборъ, и ино такожде, якоже е(сть) глаголено въ Писании: «собьство»* и «съборъ»* иноплемьнникъ; по прѣмѣну же прилога сице бы избесѣдование: въ негоже бы мѣста «сусь» решти «подъ» лагаться, рекъше «собьство», «съборъ», рекъше «съставление»,* «състояние».*

Да естества убо дѣломь и вештью сълагаема помыслемь раздѣляются тѣчю, собьства же прѣдлагаема въспять паки помышлениемь бо съкупляются тѣчю, дѣломь же и вештью отъ себе растояться.

Суштие же убо николиже отъ себе не различуеть, собьство же мьнога има къ себѣ различия.

ипостаси не получает ничего. Отличие сущности от ипостаси, как представляется, по божественному Василию, таково же, каково — общего от частного, поскольку сущность упоминается при определении находящихся под ней ипостасей, а ипостась — ни при чем.

Если мысленно убрать сущность, совершенно исчезнет вместе с ней и ипостась, ибо тогда не будет человека вообще, ни Петра, ни Павла. А при исчезновении ипостаси сущность вовсе не исчезает: при исчезновении Петра не исчезает ведь человек вообще. Опять же, при появлении ипостаси обязательно появляется и сущность, ибо, подумав о Петре, мы думаем и о его сущности, — что он человек. Когда же появляется сущность, не обязательно появляются все ипостаси, в связи с которыми о ней говорится: ведь при существовании человека вообще не необходимо быть Петру, пока человек полностью усматриваем в Павле и Иоанне.

Сущее может быть представлено только определением. Ведь если ты спросишь меня, что такое сущность человека, я тут же скажу тебе его определение: человек есть словесное смертное животное, отчасти воспринявшее противоположности, — и этим определением я полностью представляю тебе сущность человека. Ипостась же невозможно представить определением, но только — описанием. Если я захочу представить тебе какого-то человека, например Иоанна Предтечу, мне необходимо будет описать его таким образом: Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, вскормленный в пустынях, лицом белый, черноволосый, высокий, одетый в верблюжью шерсть и имеющий на бедрах кожаный пояс, питающийся акридами и медом диких пчел, пророк и креститель, обезглавленный Иродом. Все это и тому подобное характеризует ипостась, и тем самым ипостась описывается.

Сущность с сущностью не обязательно имеют совпадения, но обязательно — различия; ипостась же с ипостасью обязательно имеют и совпадения и различия.

Сущность с сущностью соединяются в синтезе, ипостась же с ипостасью не соединяются, но сопоставляются.

Сущность, соединенная с другой сущностью, образует единую ипостась; ипостась же, приставленная к ипостаси, образует не сущность и не ипостась, но нечто умозрительное, как то народ, хор, толпу и тому подобное — вроде того, о чем говорится в Писании как об «ипостаси» и «ипостеме» иноплеменников: такого же рода выражения мы получаем, меняя предлог, ибо «ипо» ставится на место «сис», например: «ипостась», «ипостема», — вместо «систасис», «система».

На деле, в действительности, соединенные природы разделяются только мысленно; соединенные же ипостаси, напротив, объединяются только мысленно, на деле же, в действительности, друг от друга отделены.

Сущность никогда от себя не отличается, ипостась же имеет много отличий от самой себя.

О различии

Различие же есть еже о многихъ и различныхъ видомъ, еже въ коемъ что есть оглаголаемо. И различье есть вешть, еже прѣмѣняетъ другъ отъ друга, о нихъже сама оглаголаема есть. На трое же ся рече различье: обьште, и особъ, и своитѣнѣ. Не мощьно бо е(сть) обрѣсти двое чѣто, не различьно къ себе нѣ по чѣсому. Инѣмъ убо различьно е(сть) видъ отъ вида, и другимъ собьство отъ единовиднааго и единосущьнааго собьства, и другимъ собьство въ себѣ. Различьнъ бо видъ челоувѣчскъ отъ виду коньска по словесьнууму и несловесьнууму. Наричеть ся словесьное и несловесьное суштно различье. Такожде и вся, имиже различуе видъ отъ вида, естъствьное и сущьное и съставьное и видотвореное различье и качество наричеться, еже наричеться отъ вѣнѣшнихъ своитѣнѣ различье, аky ближе естъству указание, якоже се «словесьное» и «чувствьное». Паky, различь е(сть) челоувѣкъ отъ челоувѣка и конь отъ коня, по немуже овъ есть высокъ, а другой низькъ, овъ же старъ, а другой юнъ, единъ челоувѣкъ мудръ, а другой юродивъ. Се все осуштьна различьи и качества наричуться, еже есть сълучай.

О сълучании

Сълучай же есть, еже быва и отъбыва кромѣ подлежаштааго тѣла, рекъше не сушньо есть, нѣ въ подлежаштиимъ суштиимъ състояться. И есть лъзѣ тому же быти и не быти нѣкому: небонъ есть лъзѣ челоувѣку бѣлу быти и не быти бѣлу, такожде же и высокоу и мудру и иному такомужде.

Сълучай же раздѣляется на двѣое: въ обьщее различье и въ своитѣное. Обьштее убо различье есть разлученый сълучай, рекъше сѣдѣти нѣкто, а другой стоять; есть же лъзѣ, ижде вѣстанеть сѣдѣй и сѣдѣть стояй, разлучиться различию ею и прияти въ иного мѣсто ино. И въ собѣ же кто наричеться различьствуя по разлученууму сълучая: различьствуеъ бо въ себѣ еже сѣдѣти и вѣстати и еже юну быти и старѣтися и еже болѣти и съдраву быти и инѣми сицѣми же. Своитѣнѣ же различье есть неотълучаемый сълучай, рекъше есть нѣкто изѣкръ и смаглъ и подобьна симъ: да нѣ мощьно отълучитися его сициимъ. Да по симъ убо неразлучьнымъ сълучаимъ собьство отъ собьства различьствуе, само же отъ себе николѣже.

О своитѣнѣмъ

Своитѣное же есть еже въсему и единому виду и присно сы. И своитѣно есть въ немъже есть, не съврѣшая ему суштия или съпроста въ естъствьный его разумъ приемлемо. Се же да наричеться убо своитѣ и своитѣная. Своитѣно челоувѣку еже просто ходити и еже смѣятися. Да се убо и своитѣно наричеться челоувѣку, нѣ не въ сущия его разумъ прѣемлеться. Се бо отълучая, чѣто есть челоувѣкъ, реку, яко: животь словесьнъ, смъртьнъ — и до коньца и укажу, чѣто есть; не бы ми нужда повѣдати, яко просто ходитъ и смѣеться. Да то убо

О различии

Различие есть то, что усматривают у многого, различающегося видом, решая, что это такое. Различие есть то, что отличает вещи друг от друга, благодаря чему они и определяются. Говорят о трех видах различия: общем, особенном и в высшей степени особенном. Невозможно ведь найти два какие-либо объекта, не отличающиеся в чем-то друг от друга. Одни различаются видом, другие ипостасью — от единовидной и единосущной ипостаси, третьи — ипостасью от самой себя. Вид человека отличается ведь от вида лошади, как словесный от бессловесного. Отличие же словесного и бессловесного называется сущностным. Подобным образом все, чем отличается вид от вида, называется или природным, или сущностным, или относящимся к составу, или видотворящим отличием, или качеством, каковое внешние мудрецы называют в высшей степени особенным отличием, как нечто более собственное и представляющее природу, например: «словесное» и «воспринимаемое чувствами». И опять же, человек отличается от человека и лошадь от лошади, ибо один высок — другой низок, один стар — другой молод, один человек мудр, а другой глуп. Все это называется присущими различиями и качествами, зависящими от случая.

О случайном

Случайным является то, что возникает и исчезает без какого-либо вреда субъекту, т. е. не является сущностным, но состоит в подлежащей сущности. И это может быть или не быть с кем-либо: может ведь человек быть белым и не быть белым, а также быть *(или не быть)* высоким и мудрым и другим подобным.

Случайное разделяется надвое: на общие и на частные отличия. Общее отличие есть отличие отделяемое, например один сидит, а другой стоит; но возможно ведь, если сидящий встанет, а стоящий сядет, что их отличительные свойства от них отделятся и они ими поменяются. От себя, говорят, человек отличается отделяемым случайным свойством: ведь он отличается от себя, сидя или стоя, будучи молодым или старым, болея или здравствуя, и так далее. Отличие же в собственном смысле слова есть неотделимое случайное свойство, например кто-то светлоглаз и темнокож и тому подобное: отделиться от этого ему ведь невозможно. Именно неотделимыми свойствами ипостась отличается от ипостаси, но ни в коем случае не сама от себя.

Об особенном

Особенное есть то, что принадлежит всему и только одному виду и существует всегда. Особенное есть то, что не составляет сущности того, в чем существует, и не полностью воспринимает смысл его природы. Можно сказать, что особенное и своеобразное суть одно и то же. Так, своеобразием человека является способность ходить, держась вертикально, и смеяться. Хоть это и называется особенностью человека, но не входит в определение его сущности. Определяя здесь, что такое человек, скажу: животное словесное и

своитьна истовое да наричуться, елико же прилагаема не суть лиха, не прилагаема же нестатъка не творять.

Раздѣлять же ся своитьно на четворо. Пръвое, еже едино есть въ виду, не всему же, якоже еже землю мѣрити челоуѣку: единъ бо челоуѣкъ земемѣрьць, нѣ не всякъ челоуѣкъ землемѣрьць. Вѣторое же, еже вѣсмѣ убо, а не единому, якоже дѣвоножъну: всякъ бо челоуѣкъ дѣвоножънъ, нѣ не всякъ дѣвоножъць челоуѣкъ: есть бо и голуби и подобная си. Третье же, еже всякому челоуѣку и единому, нѣ не присно, якоже осѣдѣти челоуѣку: се бо всему убо и единому строиться челоуѣку, не присно же, нѣ въ старость. Четвѣртое же, прѣдѣннихъ трии сходяшться, рекъше вѣсему и единому и присно, еже и възвращается, якоже се: смѣхъливое челоуѣку и хрепетивое коню, — еже своитьно насуштьно глаголетъся, своитьно бо есть еже единому естъству строиться и възвращается на уставное.

О имѣнии и нестатъцѣ

Имение же есть еже по суштию комуждо дѣйство и цѣлое, якоже се о души цѣломудръство, доблестъ, мудрость, правѣда, при тѣлеси же съвршеное удовъ и равное и сѣдравие. Тѣхъ же неполучение и погрѣшение и сѣпроста погыбение глаголетъся нестатъкъ. Различное же имѣние есть съ любовью, имъже имѣние убо неудобопрѣмѣнно есть, любы же отъпрятающияся отъ имѣния, удобопрѣмѣнно есть. Имѣние бо есть качество нѣкое бѣднопоступно и неудобопрѣмѣнно, любы же яже по сълучаю кождоу качеству. Глаголемъ бо, яко которънѣ ли, или любовьнѣ усрьдѣ има онъсица къ оному, или онъсица челоуѣкъ сѣдравѣи прѣбываа къ себе нынѣ, неже прѣжде.

О количествѣ и о мѣремыхъ

Количество убо есть сама та мѣра мѣряштия и чѣтуштия, колико же еже подѣ чисменьмъ и мѣроу подѣложить, рекъше мѣримая и чѣтомая. Количества же ова суть разлучаема, ова же сѣдръжима. Разлучаемая же суть яже ся отъ себе разлучають, якоже се три десяти камыкъ или о десяти фуникий: та бо разлучена суть отъ себе и чѣтома наричуться, аште не малъствомъ и множествѣмъ мѣрима будутъ спудѣмъ* или инѣмъ тацѣмъжде, акы пшеница и прокое. Сѣдръжаштая же ся, егда есть мѣримое, якоже се едино дрѣво обрѣтається дѣвою локѣту или трии локѣтъ, или камыкъ, или чѣто такихъ, и едино сы мѣриться, да сего дѣля наричеться сѣдръжимая мѣра.

Число же наричеться, рекъше разнѣчѣтомое, и множество, и вѣрѣмя, и растояния. Число убо, рекъше единъница, дѣвоица, троица и прокая числа.

смертное, — и полностью представлю, что он такое, не имея нужды говорить, что он прямоходящий и способен смеяться. Особенным должно называться главным образом то, что, будучи добавляемо, не оказывается избыточным, а не будучи добавляемо, не создает недостатка.

Особенное разделяется на четыре вида. Во-первых, это то, что присуще одному виду, но не каждому его представителю, как, например, измерение земли человеку, ибо лишь человек измеряет землю, но не всякий человек землемер. Во-вторых, это то, что свойственно каждому, но не только, как, например, двуножие, ибо всякий человек двуног, но не всякий двуногий — человек: существуют ведь и голуби и тому подобные. В-третьих, это то, что свойственно всякому человеку и только *ему*, но не всегда, как способность сесть, ибо это приложимо к каждому и только к человеку но не всегда, а в старости. В-четвертых, это то, что получается при объединении трех первых, т. е. свойственно каждому, только и всегда, и что служит признаком, как, например, способность смеяться — признаком человека, а способность ржать — лошади, — о чем говорится как о свойстве присущем, ибо это особенность одной природы и она указывает на определяемое.

О свойстве и недостатке

Свойство — это соответствующие природе каждого действие и целостность, например для души это — целомудрие, мужество, мудрость, справедливость; для тела — исправность, пропорциональность членов и здоровье. Неполучение же, недостижение и полное уничтожение этого называются недостатком. Свойство отличается от состояния, потому что свойство изменяется с трудом, а состояние, в отличие от свойства, изменяется легко. Ибо свойство есть некое трудноподвижное и с трудом изменяемое качество, состояние же — качество, зависящее от конкретного случая. Ведь мы говорим, что такой-то враждебно или дружески относится к такому-то или что такой-то человек теперь здоровее, чем был прежде.

О величине и о количестве

Количество есть мера (*и число*), измеряющие и исчисляющие, а величина — подлежащее числу и мере, т. е. измеряемое и исчисляемое. Из величин же одни делимы, а другие непрерывны. Делимые — это отделяемые друг от друга, как тридцать камней или десять фиников, ибо они отделимы друг от друга и называются исчислимыми, если только по причине малости и множества не будут измеряемы сосудом или чем-то в этом роде, как пшеница и тому подобное. Непрерывное же — это когда измеряемое является единым подобно единому дереву, которое оказывается длиной в два или три локтя, или же камню, или чему-то в этом роде, что измеряется как единое, и потому говорится о величине измеряемого.

Итак, о величине, или количестве, говорят применительно к числу, значению, времени и размерам. Пример числа: один, два, три и так

Мѣра же, рекъше малъ, великъ, статирь, талантъ и такаяжде. Врѣмя же, рекъше чясъ, днь и мѣсяцъ и лѣто. Дальство же, рекъше длѣгота, широта, глубыни.

О качествѣ и о творитвѣнѣмъ

Качество есть вѣсущная сила, рекъше о родѣхъ убо съставная розличья, рекъше словесное, смъртьное, бесмъртье и прокая. О бесплътныхъ же словесныхъ — разумное, самовластное, присношъстное. О тѣлесехъ же — тварь, рекъше бѣлота, чрънота, русость и такая; и видъ, рекъше обьло, право, прѣведено, на четвърти и подобная си. И паки: мокрота, сухота, теплота, студено, мякота, жестокое, рѣдко, чястое. И глѣни, рекъше гнѣвное, сладкое, брѣдкое и подобная. Качество убо есть, по немуже каки друзии наричуться съ имени, якоже приемлюште отъ него: отъ мудрости бо мудръ наричеться, якоже имы мудрость, и теплъ иже имать топлоту. Наричеть же ся многашьды и само то качество «какое», якоже и мѣра «число».

Качеству же видъ есть и сила и дѣйство; яже не суть убо дѣйство, имуть же устрой и силу естѣвную. Наричеть бо ся ова «по устроению», ово «по нраву», рекъше по дѣйству. «По покошънууму» же, како се егда речемъ дѣтишту силою кѣнижъникъ быти има, имѣже има покошъное, якоже быти кѣнихъчий. «По нраву» же, якоже егда речемъ млѣчаштууму кѣнигъчию можеть по млѣчани хытрость показати. Или якоже о зрънѣ пышеничнѣ: се бо овогда класъ есть, егда створи класъ зръѣя, дѣиствѣмъ же нѣсть класъ, нѣ пышеница. И топлое дѣиствѣмъ убо ни е тепло, ни е горяште. Силою же всяко, по немуже можеть, студеное убо студимо, тепло же грѣмо. И паки дѣтишть ни доброты имы, ни злобы, силою же всяко, по нейже имѣти. Нарѣцаеться сила и мошьт и вои.

О томъ, еже къ кому

Къ кому же суть, елико же само еже есть инѣхъ сы нарицаеться, купно же и възвращааься къ себѣ. Акыже суть нарицаемая любѣви, акы отьца къ сыну, и друга къ другу, и ученику къ учителю, и владыцѣ къ робу: се бо имать и дрѣжиться отъ другъ друга, тѣмъже и «любѣви» нарицаються. Къ нѣ къ кому же суть и по прѣтчи нарицаемая, рекъше «более», «сугубое», «унее», «острѣее». Се бо по прѣдъложению инѣхъ нарицаеться сы сице, рекъше вяштее худааго есть вяштее, и сугубое половнааго есть сугубое, и прока такожде. Есть же и се того еже къ кому, рекъше художество и охудожъное, чувство и чуемое, положение (и пола-

далее. Пример значения: малое, большое, статир, талант и тому подобное. Пример времени: час, день, месяц, год. Пример измерения: длина, ширина, глубина.

О качестве и о качественной определенности

Качество есть способность, свойственная сущности, например, если говорить о родах, то это различия, свойственные их существу, как то способность к слову, смертность, бессмертие и тому подобные. Применительно же к бестелесным словесным существам это разумность, свобода воли, вечное движение. А применительно к телам это цвет, например белый, черный, желтый и тому подобные; и форма, как то круглая, прямая, кривая, четырехугольная и им подобные. И опять же: влажность, сухость, теплота, холодность, мягкость, твердость, рыхлость, плотность. И вкусовые ощущения, например острота, сладость, пряность и тому подобные. Таким образом, качество есть то, соответственно чему некоторые вещи получают прозвания как им обладающие: ведь от мудрости обладающий мудростью называется мудрецом и горячим называется то, что имеет жар. Часто и о самом качестве говорят «какое», как о количестве — «величина».

Видом качества являются сила и энергия; то, что не является энергией, обладает природными способностями и силой. Говорится ведь об одном — «по способности», а о другом — «по свойству», т. е. по действию. «По способности» — когда речь идет о том, что ребенок в состоянии быть грамотным, поскольку у него есть способность стать грамотным. «По свойству» же — когда речь идет о пребывающем в покое грамматике: отдохнув, он может показать свое искусство. Это схоже с пшеничным зерном, ибо оно некоторым образом представляет собой колос, поскольку, будучи посеяно, производит колос, но по действию оно является не колосом, но хлебом. И теплое по действию не является ни холодным, ни горячим; в потенции же холодное обязательно — в той мере, в какой способно осуществиться, — холодит, а горячее греет. И опять же, ребенок не имеет ни добродетели, ни порочности, в потенции же он есть полностью то, чем он может стать. Потенцией (силой) называется и мощь, и войско.

О том, что к чему-то относится

Относящимся к чему-то является то, что, существуя, называется принадлежащим другому, поскольку они указывают друг на друга. Таковы, например, так называемые отношения отца к сыну, друга к другу, ученика к учителю и хозяина к рабу: ведь одни имеют отношение к другим и другие к ним имеют отношение, почему это и именуют «отношениями». Отношением к чему-то является и то, что говорится при сопоставлении, например: «большее», «двойное», «лучшее», «более острое». Это ведь говорится при сравнении с другим; так, большее является большим относительно меньшего, а двойное двойным относительно того, что составляет его половину, и прочее так же. К имеющему

гаемое). Си убо, якоже глаголахъ, еже къ кому суть, елико же сама, яже суть, инѣхъ наричуться сушта или якоже како инако имуть къ иному.

О супротивныхъ

Супротивъ яже истовая суть еликоже ихъ погублениемъ супротивныхъ сѣставляются, рекъше доброта и злоба, видѣние и слѣпоту, и творить по нестатку и по имѣнию супротивная: имѣние бо есть видѣние акы отъ имѣния, лишение же имѣния, рекъше видѣния, слѣпота — и повѣштаніе и отъвѣштаніе. Повѣштаніе же есть, рекъше: «Павль апостоль есть», отъвѣштаніе же супротивно, рекъше: «Пауль нѣсть апостоль». Глаголетъ же ся обое отъвѣтъ и обличение. Да елма убо всему наповѣштанию супротивъ е(сть) отъвѣтъ и всему отъвѣту супротиви е наповѣштеніе, да отъвѣтъ, супротивнъ сы наповѣштанию, и повѣштаніе супротивно сы отъвѣту супротиворѣчіе ся наричетъ, да нужда е(сть) единому лѣгати, а другому истину вѣштати. Да погубениемъ убо единого друга оставляется: погубляему бо наповѣштанию, отъвѣштаніе сѣставляется, и погубляемъ злобѣ сѣставляется доброта, и погубляемъ слѣпотѣ, видѣние сѣставляется. Да сица убо супротивна наричеться, еликоже вкупѣ сѣставитися не могутъ, нъ всяко погубляемо единому, есть другое.

О оглаголемыхъ

Все оглаголаниемъ или и о мнозѣ глаголетъся и бывае или о равныхъ, о мнѣнши же николиже. И о больши же, егда всячьская оглаголаются чястныхъ; всячьская убо суть сушая выше, чястнѣиша. В яже ниже. И всячьское же убо всѣхъ есть сѣе, тѣмъже и всѣхъ оглаголание иматъ: небонъ и суштіе сѣе наричеться и сълучай сѣе глаголетъся. Не можемы же решти, яко сѣе суштіе есть: не бо тѣчю суштіе есть сѣе, нъ и сълучай.

Такожде же и родове оглаголаются видовъ: родове бо чястнѣйше су(ть) родовъ. Оглаголаеться убо суштіе живота и животъ чловѣка; небонъ животъ суштіе есть, и чловѣкъ животъ есть. Не обраштаетъ же ся въспять: всь бо чловѣкъ животъ, нъ не всь чловѣкъ животъ. И конь бо и псь животи суть; такожде же и всякъ животъ суштіе есть, нъ не все суштіе животъ есть: и камыкъ бо и дрѣво суштіе есть, яже не суть животи.

Такожде же и видъ оглаголаеться отъ обдѣржимыхъ отъ него, рекъше собство, акы всячьское. Нераѣкомое же, рекъше собство, не оглаголаеть вида: чястнѣе бо есть вида собство. И Петръ убо чловѣкъ есть и Павль

отношение к чему-то относятся также познание и познаваемое, разумение и уразумеваемое, причиняющее и причиняемое, чувство и воспринимаемое чувством, утверждение и утверждаемое. Такого рода определения, как сказано, обозначают отношение к чему-то, поскольку то, что существует, говорит о существовании другого или же имеет какое-то другое отношение к другому.

О противоположностях

По-настоящему противоположным является то, что появляется при устранении обратного, как то добродетель и порочность, зрение и слепота, и создает противоположности в смысле лишения и обладания свойством. Зрение является ведь свойством, как происходящее от обладания, лишение же свойства, т. е. зрения, есть слепота, тут — утверждение и отрицание. Пример утверждения: «Павел — апостол»; а отрицание, наоборот: «Павел не апостол». А вместе они называются утверждением и отрицанием. И поскольку на всякое утверждение есть отрицание, а на всякое отрицание утверждение, то отрицание, противоположное утверждению, и утверждение, противоположное отрицанию, называются противоречиями, и по-необходимости одно ложно, а другое истинно. При устранении одного появляется другое: когда устраняется утверждение, появляется отрицание, и когда устраняется порочность, появляется добродетель, а когда устраняется слепота появляется зрение. Таковое называется противоположным, существовать одновременно неспособным; и только при полном устранении одного существует другое.

Об используемых определениях

При всяких определениях произносится и присутствует либо большее, либо равное, а меньшее — никогда. Большее — когда более общее служит для определения более частного. Ведь более общее находится выше, более частное ниже. Самым общим из всего является сущее, почему оно используется для определения всего. Ведь и сущность называется сущей, и случайность называется сущей. Но мы не можем сказать, что сущее является сущностью, ибо не только сущность является сущим, но и случайность.

Подобным образом используют роды для определения видов, ибо виды более частны по сравнению с родами. Таким образом, сущность используется для определения животного, а животное для определения человека, ибо и животное является сущностью, и человек животным. Но это необратимо: ибо всякий человек животное, но не всякое животное человек. И лошадь ведь, и собака являются животными; и подобным образом всякое животное есть сущность, но не всякая сущность есть животное: ведь и камень, и дерево представляют собой сущность, но не являются животными.

Подобным образом вид служит для определения объемлемых им индивидуумов, или ипостасей, как более общее. Индивидуум же, или ипостась, не служит для определения вида, ибо ипостась представляет собой нечто более

человѣкъ есть, не всь же человекъ Петръ и Павль: суть бо и другая собьства подь видьмъ человекъскъмъ. И различья же и оглаголають виды, въ нихъже суть, и нерасѣкомая сама. Всячьстѣйша же суть различья видовъ. Небонъ всь человекъ словесьнъ, не всякъ же словесный — человекъ: небонъ и аггелъ словесьнъ есть, нъ нѣсть человекъ.

И се есть убо еже о мнозѣмъ оглаголаніе. А суштіе о равнѣмъ оглаголаніе, егда възвращается. Оглаголають бо ся своя отъ видовъ, ихъже суть своя, нъ и видове оглаголаются отъ своихъ имъ. Всь бо человекъ смѣхливъ и въ(сь) смѣхливый человекъ. Да сусьоглаголаема наричуться.

О сѣименнѣмъ и единоименнѣмъ оглаголаніи

Сѣименное о убо оглаголаніе есть, егда и имя и уставъ самъ тѣ именный приемлетъ. Рекъше, «животъ» оглаголаться человекъмъ, и приемлетъ «человѣкъ» и имя и уставъ животный. Животъ бо есть суштіе съдушно чувствьно. И человекъ приемле уставъ съ, имъже и суштіе бо есть человекъ и съдушно и чувствьно.

Единоименито же оглаголаніе, егда имя убо приемлетъ, а устава никакоже. Рекъше «образъ человекъ» имя убо человекъ приемлетъ, устава же человекъ не приемлетъ, уставъ бо человекъ есть: «животъ словесьнъ, сѣмрътѣнъ, ума и художства приимнъ», образъ же ни животъ есть, ни словесьнъ.

О единородныхъ и единовидныхъ, и инородныхъ и иновидныхъ, и купьнособныхъ и числомъ различныхъ ихъ

Единородная убо суть, еликоже подь тѣмъже оглаголаніемъ подьчиняются, рекъше еликоже суть подь суштіемъ. Такожде же и о инѣхъ 9 оглаголаніихъ. Десять бо всѣхъ есть оглаголаній, рекъше прѣродни роди, на няже възносятся всякъ гласъ, рекъше имя просто глаголемо. Суть же си: 1) суштіе, 2) количество, 3) качество, 4) нѣ къ кому, 5) кѣде, 6) кѣгда, 7) творити, 8) страдати, 9) лежати, 10) имѣти. Симъ «сущіе» есть подлежае, прокихъ же девять ютрьподлежащихъ. Подълежитъ бо убо сущіе, въподлежятъ же суштіи ина вся. Буди убо суштіе же, рекъше, камыкъ; количество же — дѣвое или трое; нѣ къ кому — отъць къ сыну; како, рекъше, бѣло, чрьно; кѣде, рекъше, въ Дамасцѣ; кѣгда, рекъше, въчера, утро; имѣти, рекъше, котыгу носити; лежати, рекъше, стояти, сѣдѣти; творити, рекъше, жешти; страдати, рекъше, жегому быти.

частное, нежели вид. Так что и Петр человек, и Павел человек, но не всякий человек Петр и Павел, ибо существуют и другие ипостаси под видом «человек». И разновидности служат определению видов, которые им принадлежат, и их индивидуумов. Ибо разновидности представляют собой нечто более общее, чем виды. Так, всякий человек словесен, но не всякое словесное существо — человек: ведь и ангел словесен, но не является человеком.

Это — что касается использования в определениях большего. При использовании же в определениях равного определения обратимы. Используются ведь в определениях характерные особенности видов, которым эти особенности принадлежат, но и виды используются для определения их особенностей. Так, всякий человек способен смеяться, и всякий способный смеяться — человек. Это называется взаимоопределяемостью.

О синонимическом и единоименном определении

Синонимическим определение является в случае, когда оно приложимо и к имени, и к предикату имени. Например: «животное» используется при определении человека, а «человек» принимается и как имя, и как предикат животного. Животное же есть одушевленная чувствующая сущность. И к человеку приложимо это определение, потому что и человек представляет собой одушевленную и чувствующую сущность.

Единоименным же определение является в случае, когда к имени оно приложимо, а к предикату нет. В словах «образ человека» к имени «человек» оно приложимо, а к предикату человека не приложимо, ибо определение человека: «животное словесное, смертное, способное обладать умом и искусством», а образ не является ни животным, ни существом словесным.

О принадлежащих одному и тому же роду, одному и тому же виду, разным родам и разным видам, одной и той же ипостаси и различающихся числом

Единородным является то, что подпадает под одно и то же определение, например под определение сущности. То же самое — применительно к другим девяти категориям. Всего категорий ведь десять, иначе называемых высшими родами, к каковым возносится всякий звук или вообще произнесенное наименование. Вот они: 1) сущность, 2) количество, 3) качество, 4) по отношению к чему, 5) где, 6) когда, 7) делать, 8) претерпевать, 9) располагаться, 10) иметь. Из них «сущность» является основной, а остальные девять в основной содержащимися. Ведь в основе лежит сущность, а содержатся в сущности все остальные. Пусть «сущностью» будет, например, камень; «количеством» — например, два или три; «по отношению к чему» — например, отец к сыну; «качеством» — например, белый, черный; «где» — например, в Дамаске; «когда» — например, вчера, завтра; «иметь» — например, носить гиматий; «располагаться» — например, стоять, сидеть; «делать» — например, жечь; «претерпевать» — например, быть сжигаемым.

Инородная же суть еликоже подъ инѣмъ ти инѣмъ оглаголаниемъ суть. И купьнородно убо чловѣкъ есть и конь, подъ суштиемъ бо есть обое. Инородно же акы чловѣкъ и художество: чловѣкъ бо подъ суштиемъ есть, художество же подъ качествѣмъ.

Купьновидно же суть еликоже подъ тѣжде видъ вѣчиняются и приобшатаются словеси суштьному, рекъше Петръ и Павль: оба бо подъ единѣмъ видѣмъ еста, чловѣчѣмъ еста. Иновидна же суть, еликоже видѣмъ различують, рекъше, разумѣмъ суштия, рекъше, чловѣкъ и конь. Святии же отци единойроднаа и единовиднаа то же нарицають единосущная, яже подъ тѣмъ же видѣмъ собства.

Купнособствѣна же суть, егда двѣ естѣствѣ въ единомъ (собствѣ еди)нитася и едино начнѣта имѣти собство съложное и едино лице, акы душа и тѣло. Разнособствѣная же суть и числѣмъ различна еликоже съплетениемъ случившихся свойство своего собства отлучи, рекъше еликоже ихъ случаемъ разнствуютъ отъ себе и чястное и особное было буде бытѣ, якоже се нерасѣкаяма Петръ и Павль: инъ бо то, инѣжде оно.

О въсобленѣмъ

Въсобленное же овѣгда убо еже просто быти назнаменуе, по немуже знаменуемому не тѣчю еже просто суштие въсоблено нарицаемъ, нъ и случай, иже истовъ нъ въсоблено, нъ инособно, овѣгда же и еже ему свое собство, рекъше нерасѣкаемо, являеть, иже истовъ не въсоблено, нъ собство есть и наричеться.

Истовъ же въсоблено есть или еже о собѣ не състоиться, нъ о собствѣхъ видимо есть, якоже видъ, рекъше естѣство чловѣчѣско, въ своемъ собствѣ не видиться, нъ въ Петръ ти въ Павль и въ прокыхъ чловѣчѣстѣхъ собствѣхъ, или съ другимъ различнымъ по суштью на все нѣкое рождение сълагаемо и едино съвршая собство съложено, якоже се чловѣкъ отъ душа есть и тѣлесе съложень. Да ни душа едина наричеться собство, ни тѣло, нъ въсоблено, а еже отъ обоего съвршаемо, то собство обою. Собство бо истовъ есть еже о собѣ състоиться и отъстоять, и нарицаеться.

Глаголетъ же ся пакы въсобленное еже отъ иного собства приято естѣство и въ томъ ему бытии. И тѣмъже и плть Господня не отъстоявши о собѣ ни въ мало врѣмя не собство, нъ паче въсобление есть. Въ собствѣ бо Божия Слова съставися, приято отъ него и се прия и иматъ собство.

Разнородным же является то, что подпадает под разные категории: одному ведь роду принадлежат человек и лошадь, ибо оба они подпадают под понятие сущность. Разнородными же являются человек и художественность, ибо человек подпадает под понятие сущность, а художественность под понятие качество.

Единовидным же является то, что подпадает под один и тот же вид и общее определение сущности, например Петр и Павел, ибо оба они принадлежат одному и тому же виду, виду человека. Разновидным же является то, что различается видом или же определением сущности, например человек и лошадь. Но святые отцы единокровным и единовидным называют одно и то же — единосущное, или же ипостаси, принадлежащие одному и тому же виду.

Единоипостасное имеет место, когда две природы объединены в одной ипостаси и имеют составную ипостась и единое лицо, как то душа и тело. Разноипостасно же и различается числом то, что, по стечению случайностей, ограничивается особенностями собственной ипостаси, иначе говоря, то, что вследствие случайностей отличается друг от друга и получило бытие в самом себе отдельно, например индивидуальности Петра и Павла: ибо один — это одно, а другой — это другое.

О воипосташенном

А воипосташенное иногда означает бытие вообще — согласно каковому обозначению мы разумеем под воипосташенным не только простую сущность, но и случайность, каковая собственно не воипосташенна, но иноипостасна, — а иногда указывает и на саму по себе ипостась, или индивидуальность, каковая в собственном смысле слова является и называется не воипосташенной, но ипостасью.

Собственно воипосташенным является либо то, что не существует само по себе, но усматривается в ипостасях — так, вид, или же природа людей, в собственной ипостаси не усматривается, но — в Петре, Павле и ипостасях остальных людей, — либо что-то сложное в своей сущности с чем-то иным в некое целое, являющее единое сложное бытие, например человека, составленного из души и тела. И только душа, и только тело не называются ипостасью, но — воипосташенными; а то, что получается из них обоих, есть ипостась обоих. Собственно ипостасью ведь является и называется то, что существует самостоятельно само по себе.

Воипосташенной называют опять же природу, воспринятую некоей ипостасью и в ней имеющую существование. И потому и плоть Господа, не существовавшая сама по себе ни одного мгновения, является не ипостасью, но, скорее, воипосташенной. Ибо она составила в ипостаси Бога Слова, будучи воспринята ею, и ее восприняла, и имеет ипостась.

О несобнѣмъ

Несобное же на дѣвое глаголется: овогда же еже никѣдеже никакоже суште назнаменуе, рекѣше небытное, овѣгда же еже не въ себѣ суште, нѣ въ иномъ, рекѣше случай.

Максимово* о вѣсуштнѣмъ и о вѣсобнѣмъ

Вѣсуштнѣ убо есть еже въ суштии видимо, сирѣчь сълучившихся съборъ, еже являеть собство, а не само то суштее. Вѣсобное же еже въ собствѣ видимое. Суштие же, рекѣше якоже и есть, или о собѣ, или съ другимъ или въ друзмъ. О себѣ же — акы огненное суштие, съ другимъ же — акы душа и тѣло, — съ инѣми бо се собство имать, въ друзмъ же — акы огнь въ свѣшилѣ и акы плоть Господня въ святѣмъ Его собствѣ.

Собство убо онѣсицу или тѣгда являть, вѣсобное же суштие. И собство убо лице отълучаетъ знаменанъными своитвми, вѣсобное же якоже не быти ему сълучая, еже въ друзмъ има бытъе.

Аште бо тожде есть еже въ чесомъ и еже въ комъ, то годъ ти есть глаголати тожде доброту и въ немъже есть доброта, и по доброразумнууму вѣзвращению злобу и въ немъже злоба, да иже сего творѣць — злобѣ творѣць. И елмаже въ суштии сълучай есть, то уже и сълучай суштие е и суштие сълучай. Нѣ елма же съдушньо наричу тѣло человѣчѣско, до будеть по тебе и тѣло душа. Да кто сего измута неистовѣ сътрѣпить?

Яко бо убо нѣсть суштия бесоб(ън)на, вѣмъ, нѣ не тожде наричемъ вѣсобнааго еже вѣсобство, ни пакы суштия ни вѣсуштия, нѣ вѣсуштнѣ убо нарицаемъ, якоже глаголаахъ, собство, вѣсоблено же суштие. Суштие бо святаго божества вѣсоблено вѣмъ въ трѣхъ бо собствѣхъ, и коеждо отъ собствѣ такоже суштнѣ. Въ суштии бо си прѣбываютъ сватааго божества, и о божествнѣмъ же Господи нашего строи вѣсуштнѣ наричемъ собство, якоже въ суштинѣхъ прѣбываюште, отъ нихъже и съложено бы(сть) вѣсоблено же коеждо отъ суштий: имуть бо обыште едино собство.

Небонъ божествная Его плоть ново въ божствѣ Его съставивъшися и то примѣши собство, да тако ни бесобно, ни единоеже отъ Христосову естеству есть; ни коеждо собство о собѣ есть или свое и особъ собство имать, тожде и едино обое.

Да еже убо «инако ти инако» собствомъ есть въ имене мѣсто. А еже «ино ти ино» естествомъ есть явление, еже бо естествомъ различье «ино ти ино» наричется. Глаголемъ бо: «Ино есть человѣкъ, ино же есть конь», — рекѣше по естеству: инъ бо видъ человѣку, инъ же коню. А чисменѣмъ

О неипостасном

О неипостасном говорят в двух смыслах: иногда оно означает нигде никак не сущее, т. е. несуществующее, а иногда — не в себе имеющее бытие, но в другом, иначе говоря, случайное.

Максима о всущностном и воипосташенном

Всущностным является то, что наблюдается в сущности, т. е. совокупность случайностей, каковая являет ипостась, а не саму сущность. Воипосташенное же — то, что видимо в ипостаси. Сущность же, поскольку она существует, существует либо сама по себе, либо с чем-то другим, либо в другом. Сама по себе как сущность огня; с другим как душа и тело, — с иными ведь таковое имеет *〈одну общую〉* ипостась; в другом же как огонь в светильнике и как плоть Господа в Его святой ипостаси.

Ипостась являет того или то, а воипосташенное — сущность. Ипостась ограничивает лицо характерными свойствами, воипосташенное же означает, что имеющее бытие в другом не является случайным.

Ведь если то, что пребывает в чем-то, и то, в чем оно пребывает, одно и то же, тогда ты можешь сказать, что добродетель и человек, наделенный добродетелью, — одно и то же, и, по разумной обратимости, нет разницы между пороком и тем, в ком порок, так что его Создатель — создатель порока. И поскольку случайное — в сущности, получается, что случайное есть сущность и сущность есть случайное. И раз мы говорим, что человеческое тело наделено душой, по-твоему получится, что тело есть душа. Но кто же стерпит безумие этой путаницы?

Что не бывает сущности не воипосташенной, мы знаем, но не говорим, что воипосташенное и ипостась — это одно и то же, равно как и сущность и всуществленное; но всуществленной, как было сказано, мы называем ипостась, а воипосташенной сущность. Ибо мы ведь знаем, что сущность святой Божественности воипосташена в трех ипостасях, а каждая из ипостасей равным образом всуществлена. Ведь они пребывают в сущности святой Божественности, и мы называем ипостась по божественному промыслу нашего Господа всуществленной как пребывающую в сущностях, из которых она и составила, а каждую из сущностей воипосташенной, ибо они имеют одну общую ипостась.

Ибо Его божественная плоть, заново в Его божественности составившаяся и принявшая эту ипостась, ни в коем случае не безипостасна и не принадлежит какой-то иной природе, помимо свойственных Христу; и каждая из них ни ипостасью не является, ни отдельно и отчасти не имеет ипостась; но обе они имеют одну и ту же ипостась.

Таким образом, «один и другой» суть местоимения ипостасей. А «одно и другое» — суть показатель естества, ибо различающееся природой называется «одно и другое». Мы ведь говорим: «Одно дело человек, и другое — лошадь», — имеется в виду, по природе; ведь один вид у человека, а другой у лошади.

различная, рекъше собство, «инако ти инако» наричуться. Глаголемъ бо: «Инако есть Петръ, инако Павль», а не: «Ино есть Петръ, ино же Пауль»: едино бо еста естъствъмъ, нъ не числъмъ. Да суштие убо и суштная различья («ино»)* наричуться, а сълучай «инако», имже о виду, рекъше о естъствѣ, разумѣваются и съставляются, съставъна собству сълучивъшаяся.

Тогоже о единении, яко по десяти бываетъ образъ съединение

Въединенихъ ся растояштинхъ вешти приобъштеное сътечение. Съединение же наричеся имже въедино съкупаются вештьмъ. По десяти же образъ нарицається съединение: по суштию, по въсоблению, по любви, по сложению, по причетанию, по раствору, по измуту, по сълянию, по сыпанию, по пакусъкупленю.

И по суштию же съединение есть о собствѣхъ, рекъше о нераѣкаемыхъ, о собствѣхъ — о суштинхъ, акы о души ти о тѣлеси; по любви же и о умѣхъ — акы въ едино хотѣние; по сълогу же — акы о дѣскаахъ; по причетанию же — акы о камени; по раствору же — о мокрыхъ, вина и воды; по измѣшеню же — о сухыхъ и мокрыхъ, муки и воды; по съсыпанию же — о растицающтинхъ, смолы и воска; по съсыпанию же — о сухыхъ, пшеница и ячмене; по съкупу же — о отърывающтинхъ и паку прикупающтинхъ, якоже пламы огньный.

Различающееся же числом, т. е. ипостаси, называются «один и другой». Мы ведь говорим: «Один — это Петр, а другой — Павел», а не: «Одно — это Петр, а другое — Павел», — ибо они одно по природе, но не по числу. А сущность и сущностное различие называются ведь «другое», случайное же — «иное», потому что оно созерцается в соединении с видом, или же в соединении с природой и ее составляет, ибо из случайностей составляется ипостась.

Его же о единении, — что десяти видов бывает соединение

Единство есть совместное схождение разъединенных вещей. О единстве говорится по причине совокупления вещей воедино. Говорят о десяти видах соединения: по сущности, по ипостаси, благодаря связи, благодаря соседству, благодаря слаженности, благодаря растворению, благодаря смешению, благодаря слиянию, благодаря сыпанию и благодаря сращению.

Единство по сущности происходит с ипостасями, т. е. с индивидуумами; по ипостаси — с сущностями, как в случае души и тела; благодаря связи же, применительно к уму, — как при одном желании; благодаря соседству — как у досок; благодаря слаженности — как у камней; благодаря растворению — как у жидкостей, вина и воды; благодаря смешению — как в случае сухого и влажного, муки и воды; благодаря слиянию — как в случае растопленных смолы и воска; благодаря сыпанию — как в случае сухих пшеницы и ячменя; и благодаря сращению — как в случае чего-то отрывающегося и возвращающегося снова на место, например огня в лампаде.

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

МЕСЯЦА СЕПТЕВРИЯ ВЪ 28 ДЕНЬ УБЬЕНИЕ СВЯТАГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕСЬСКА

Господи, благослови, отче.

Се нынѣ сбысться пророческое слово, еже глаголаше Господь нашъ Иисусъ Христосъ. «Будетъ бо, — рече, — в послѣдняя дни, якоже мнимъ суща, встанеть бо братъ на брата своего, и сын на отецъ свои, и врази домашнии. Человѣци бо себѣ немили будутъ, да въздасть имъ Богъ по дѣломъ ихъ».*

Бѣ же князь великъ славою, в Чехахъ живый, именемъ Воротиславъ,* и жена его Дорогомиръ.* Родиста же сына первенца, и яко крестиста и, нарекоша имя ему Вячеславъ.* И възрасте отрокъ, яко бы уяти ему волосъ,* и призва Воротиславъ князь епископа *Нотария** съ вѣсмъ клиросомъ. И пѣвшимъ литургию* въ церкви святыя Марія,* и вземъ отрока, постави на степени предъ олтаремъ, и благослови, и се рекъ: «Господь Иисусъ Христосъ, благослови отрока се благословениемъ, имже благословилъ еси праведники твоя». И постригоша князь. Ино темже мнимъ, яко убо благословениемъ епископа того, но молитвами благоверными нача отрокъ расти, благодатью Божиею хранимъ. И въда и баба своя Людмила* оучити книгамъ словеньскимъ по слѣдоу попову и навиче разумъ добръ. Отсади же Воротиславъ в Будучь,* и нача отрокъ учиться книгамъ латынскимъ, и научися добръ.

В то же время умре Воротиславъ князь, и поставиша Вячеслава на столѣ дѣдъни,* и оттоле Болеславъ* нача подѣ нимъ ходити. Бяшета бо оба мала, мати же ея Дорогомиръ утверди землю и люди своя устрои. Яко възпитѣ сыны своя, яко нача Вячеславъ строити люди своя.* Имьяше же сестры 4, и вѣдѣла я в росна княженья,* и устроиша я. И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя: и нача же умѣти книги латынския, якоже добры епископъ или попъ да аще и възмѣяше я, грѣческия книги или словеньския, прочиташе явѣнъ безъ блазна. Не токмо же книги умѣяше, но вѣру свершая вѣсмъ убогимъ добро творяше: бѣдныя напиташе и одѣваше по еуагльскому учению, божия рабы* питаше, вдовицъ не дадыше обидѣти, люди вся убогыя и богатыя

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ В 28 ДЕНЬ УБИЕНИЕ СВЯТОГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕШСКОГО

Господи, благослови, отче.

Исполнились ныне пророческие слова, которые говорил Господь наш Иисус Христос. «Ибо будет, — говорил он, — в последние дни, — как думаем, наступившие, — восстанет брат на брата своего, и сын на отца своего, и враги (человеку) — домашние (его). И люди будут безжалостны друг к другу, и за это воздаст им Бог по делам их».

Был же князь, великий славою, живший в Чехии, по имени Вратислав, и жена его Драгомирь. И родили сына первенца и, когда крестили его, нарекли имя ему Вячеслав. И пришел отрок в тот возраст, чтобы срезать ему волосы, и призвал Вратислав князь епископа Нотария со всем клиром. И когда пропели литургию в церкви святой Марии, и взяв (епископ) отрока, поставил на ступени перед алтарем, и благословил, и сказал так: «Господи Иисусе Христе, благослови этого отрока благословением, которым благословил ты праведников своих». И постригли князя. И потому думаем, что по благословению епископа того и по молитвам благоверным начал отрок расти, хранимый божиею благодатью. И отдала его бабка его Людмила учить славянским книгам, как подобает священнику, и (он) хорошо усвоил (их) смысл. И отсадил его Вратислав в Будеч, и начал отрок учиться латинским книгам, и выучил хорошо.

И в то время умер князь Вратислав, и возвели Вячеслава на престол предков, и с тех пор Болеслав стал подчиняться ему. Оба они были еще малы, мать же их Драгомирь укрепила страну и обустроила людей своих. И когда возрастила она сыновей своих, тогда начал Вячеслав сам управлять своими людьми. Было у него четыре сестры, и выдали их в разные княжества и обеспечили приданым. И возложил Бог такую благодать на Вячеслава князя: начал он разуметь латинские книги как хороший епископ или священник, если же брал греческие или славянские книги, то читал их ясно без ошибок. Но не только Писание знал он, но исполняя завет веры, творил всем убогим добро: бедных кормил и одевал по евангельскому учению, священников питал, вдов

миловаше,* церкви вся златомъ украси, вѣроваше въ Бога всѣмъ сердцемъ, все благое творяше в животѣ своемъ.

Разгордѣша же мужи чешскыи, вѣсташа на ся. Унѣ бо имъ бѣше князь, лѣтъ бо ему бѣше 13,* егда умре отецъ ему. Да егда възрасте и смысла добы и братъ его, тогда дьяволъ вниде въ сердце злыхъ съвѣтникъ его, якоже иногда въ Иуду предателя. Писано бо есть: «Всякъ, вѣстайи на господинъ свои, Иуде подобенъ есть».* Ти же намолвиша Вячеславу, рѣша: «Хочеть ты Болеславъ убити, съ матерью съвѣщавъ и съ мужи своими». Пси злии, иже бѣша Вячеслава научили выдати мать свою без вины. Вячеславъ же, разумѣвъ страхъ Божий, помяну слово апостола, глаголюща: «Чти отца и мать свою яко и сам ся, и възлюбиши ближняго своего яко и сам ся».* Хотя исполнити всю правду Божию, и приведе паки мать свою, плакашеся и окаяшеся, глаголя: «Господи Боже, не постави ми грѣха сего».* Помяну же слова пророка Давида: «Грѣхъ уности моя и невидѣния моего не помяни убо, Господи».* Тѣмже чтише мать свою, она же радовашеся вѣрѣ сына своего, и о благодати, юже творяше убогимъ: аще и маламощна, питаше; аще ли сирота гдѣ, то обидѣти не дадыше его; аще ли странным, да добро творяше, якоже убо и речено есть: «Странен бѣх, въведосте мене».* Аще божия рабы, и домашняя, и аще странники вся, и аще гдѣ ино зимою стражуютъ, то вся одѣваше и кормяше. Аще ли же который попинъ проданъ приде к нему, онъ искупаше всѣмъ. Церкви же бѣ устроилъ по всѣмъ градомъ добръ велими, божия рабы собравъ ото всѣхъ языкъ воину. Служба идяше по вся дни къ Богу, яко и въ велицѣхъ языкѣхъ, устроениемъ добраго и праведнаго владыки Вячеслава. И вложи Богъ въ сердце: созда храмъ святаго Вита,* не злѣ мысля, неже убо всѣя Болеславу дьяволъ въ сердце, наустиша и на брата своего, и да не бы спасена душа его была в вѣки. Приде же день святаго Емѣраама, к немуже обѣщанъ святой Вячеславъ,* веселяшеся о Бозѣ. Онии же убо тогда злии дьяволи възваша Болеслава, съвѣтъ творяше неприязненъ о Вячеславе, якоже жидове о Христѣ въ первая лѣта.

Бяху же священне церквамъ въ всѣхъ градѣхъ.* Вячеславъ же яздыше по градомъ, еха ко Болеславу граду.* В недѣлю же бѣ литургия Козмы и Дамьяна,* и слышавъ литургию, Вячеславъ хотѣ ехати домовъ къ Празѣ. Болеславъ не да ему, моляся плачевнымъ смыслом, моля и глаголя: «Какъ хочещи отѣхати, пиво цѣло имѣю!» Он же не оторчеся брату, не еха домовъ, и въсѣдъ на конь, нача играти и веселитися съ други своими на дворѣ Болеславле, тѣмже мнимъ, яко повѣдаша ему на дворѣ и рекоша: «Хочетъ ты убити Болеславъ». И не я вѣры тому, на Бога възложи.

В ту же нощь снидошася ратници въ Гнѣвысынѣ* двор, и възваша собѣ Болеслава, и сотвориша злии тои съвѣтъ неприязненъ. Якоже и къ Пилату събрася на Христа мысляще, такоже и онии злии пси, тѣмъ ся подобяще, съвѣща, како быша убити господина своего. Рѣша же: «Поидеть на заутреннюю, тогда

не давал обидеть, людей всех, богатых и убогих, миловал, церкви все украсил золотом, веруя в Бога всем сердцем, творя все благое в жизни своей.

Но возгордились вельможи чешские, поднялись сами на себя. Ибо молод был для них князь, было ему 13 лет, когда умер его отец. А тогда вырос и набрался разума и брат его, тогда проник дьявол в сердца злых советников его (Вячеслава), как некогда в Иуду предателя. Ведь сказано: «Всякий, восстающий на господина своего, подобен Иуде». И они наговорили Вячеславу, сказали: «Хочет Болеслав убить тебя, сговорившись с матерью и с вельможами своими». Злые псы, подговорили Вячеслава изгнать мать свою без вины. Но Вячеслав, ведая страх Божий, вспомнил слова апостола, сказавшего: «Почитай отца своего и мать свою как самого себя, и возлюби ближнего своего как самого себя». И желая исполнить всю правду Божию, вернул назад мать свою, плакал и каялся, говоря: «Господи Боже, не вмени мне это прегрешение (в вину)». И припомнил слова пророка Давида: «Грех юности моей и неведения моего не вспомни, Господи». И так почитал он мать свою, она же радовалась вере сына своего и благодеяниям, которые он творил убогим: если маломощные, то кормил их; если сирота где-нибудь, то не давал его в обиду; если же странники, то творил им добро, как сказано об этом: «Странствовал, и ввели меня». Если же священники и челядь, и если все странники, и если (они) где-нибудь страдают от холода, то всех одевал и кормил. Если же какой-нибудь священник, проданный (в неволю), приходил к нему, то выкупал его всем (что было). И церкви по всем городам обустроил весьма хорошо, собрав священников из всех стран всюду. Служба шла каждый день к Богу, как и у великих народов, попечением доброго и праведного владыки Вячеслава. И вложил Бог (мысль) в сердце (ему): создал храм святого Вита, не помышляя о зле, которое посеял дьявол в сердце Болеслава, натравил его на брата своего, чтобы не была спасена душа его во веки. И настал день святого Эммерама, которому был посвящен святой Вячеслав, радуясь о Боге. И тогда те злые дьяволы призвали Болеслава, устроив сатанинский заговор против Вячеслава, как иудеи в древние времена против Христа.

(В то время) были праздники в церквах по всем городам, и Вячеслав, объезжая города, поехал и в город Болеслава. В воскресенье же была служба Козме и Дамиану, и, отстояв литургию, Вячеслав хотел ехать домой, в Прагу. Болеслав же не отпустил его, упрашивая с плачем, умолая и говоря: «Как же ты хочешь уехать, у меня непечатое пиво!» Он же не отказал брату, не поехал домой, и сев на коня, начал играть и веселиться со своими друзьями на дворе Болеслава, и думая, что поведали ему на дворе и сказали: «Хочет тебя убить Болеслав». И он не поверил этому, положившись на Бога.

В ту же ночь собрались ратники на Гневусином дворе, и позвали к себе Болеслава, и устроили тот злой дьявольский совет. И как у Пилата собрались, замышляя против Христа, так и эти злые псы, уподобившись тем, совещались, как убить своего господина. И сказали: «Пойдет к заутрене, тогда и захватим

половимъ его». Утру же бывшую, възвониша заутреню. Вячеславъ же услышавъ звонъ,* и рече: «Слава тобѣ, Господи, яко далъ еси мне добыти утра сего». И вставъ поиде на заутреню. Състиже же Болеславъ во воротѣхъ, Вячеславъ же озрѣвся и рече: «Добръ бѣ намъ господинъ вечеръ». Къ Болеславу же прииде дьяволъ ко уху и разврати сердце его. Да извлекъ мечъ отвѣща сице: «Тебе хочу унеи быти», и удари мечемъ по главѣ. Вячеславъ же обратився и рече: «Что еси умыслил?» И охавивъ и поврѣже и паде над нимъ и рече: «То ти Богъ, брате». Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побѣже. Дьявола же два, Чьста и Тира убиста въ церковныхъ вратѣхъ, Гнѣвыса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ, и *испусти* духъ свои, глаголя: «В руци твои, Господи, предаю духъ мой».* Убиша же в томъ градѣ с нимъ Мьстину* единого, а иныя мужи идоша к Празѣ: овии же избиша, а друзии разбѣгошася по землямъ. А младенци* избиша его, а божия рабы разграбиша и изгнаша я из града, а жены ихъ за иныя мужи вдаша. И всю неприязнену сотвориша похоть — убиша князь свой.

Тира же рече: «Идемъ на госпожю, да одинова *ожалѣеши* брата своего и матеръ свою». Болеславъ же рече: «Никаны ся дежеть, даже инѣми dospѣем».

Вячеслава же разсѣкше отидоша, и не съхранивше его. Крастѣи же попъ возьмъ, и предъ цѣрковью положи и, и покры тонкою плащаницею. Услышавши же мати убьение сына своего, и притекши искаше его. Узрѣвши же и припаде къ сердцу его, и плачущися събираше уды телеси сына своего. Собравши же, и не смѣ нести его въ домъ свои, нъ поповѣ избѣ омывше и оболоскше и, положиша и посреди церкви. Убоявши же ся мати его смерти бѣжа въ Хорваты:* страшно бо есть, от чюжею руку да ея не претерпитъ. Пославъ же не застиже я Болеславъ. Призвавъ же попа Паула,* да молитву сътворит над нимъ. Погребоша честное его тѣло — Вячеслава, добраго и праведнаго владыку и богочетца и христолюбца, служи бо ему говѣниемъ и съ страхомъ. Крови же его не хотящи по три дни в землю ити, въ третии же вечеръ, всемъ видящимъ, церкви в зиде над нимъ,* и дивишася ту вси. И еще надѣмся Бозѣ молитвами и благовѣриемъ добраго Вячеслава и больши чюдо явити ся.* Въ истину бо Христовѣ муци приложися мука его. Съвѣтъ бо сотвориша о немъ, якоже иудѣи о Христѣ, рассѣкоша же его, *якоже и Павла,** и младенци его ради избиша, *якоже и Христа ради.** Въ истинну весь родъ человеческъ велми ся каяше и плакашеся о немъ.

Убьенъ же бысть Вячеславъ князь в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7,* индикта 2, кругъ *солнцу 3, лунѣ 8*, в 28 день месяца септября. И Богъ покой его душу в вѣчнемъ покоищи съ всѣми *избиенными* Его ради без вины, идѣже вси праведнии почиваютъ въ свѣте животнемъ твоємъ, Господи.*

Не остави же Богъ избранныхъ своихъ в поругание невѣрнымъ, но посѣти милостью своею, и преложи и окаменение сердца на покаяние и

его». И когда настало утро, позвонили к заутрене. Вячеслав же, услышал колокол и сказал: «Слава тебе, Господи, что дал мне дожить до этого утра». И встав, пошел к заутрене. И догнал его Болеслав в воротах. Вячеслав же оглянулся и сказал: «Хороший был нам хозяин вечером». Болеславу же приник к уху дьявол и развратил сердце его. И вынув меч, ответил так: «Сейчас хочу (угостить) тебя (еще) лучше», и ударил мечом по голове. Вячеслав же обернулся и сказал: «Что ты задумал?» И, обхватив его и повалив, упал на него и сказал: «То тебе Бог, брат». Тужа подбежал и ударил (мечом) в руку, Вячеслав же отпустил брата и побежал к церкви. И двое злодеев, Честа и Тира, поразили его в церковных дверях, а Гневьса, подбежав, пронзил ему грудь мечом, и (князь) испустил дух свой, сказав: «В руки твои, Господи, предаю душу мою». И убили в том городе с ним одного только Мстину, другие же мужи ушли в Прагу: одних убили, а другие разбежались по разным странам. А слуг его перебили, а священников ограбили и изгнали из города, а жен их выдали замуж за других. И исполнили все дьявольское желание — убили князя своего.

И Тира сказал (Болеславу): «Пойдем на госпожу, чтобы заодно оплакал ты и брата своего и мать свою». Болеслав же ответил: «Никуда она не денется, пока займемся другими».

И рассекши Вячеслава, ушли, не схоронив его. Крастей же священник взял его и положил его перед церковью, накрыв тонким полотном. И услышала мать о убийстве сына своего, и прибежав искала его. И увидев, припала к сердцу его, и плача собирала члены тела сына своего. Собрав же, не посмела нести в дом свой, но в избе священника омыв и обрядив его, положила посреди церкви. И убоявшись смерти, мать его бежала в землю хорватов: ибо страшна смерть от чужой руки. И послав за нею, не настиг ее Болеслав. И призвал священника Павла, чтобы сотворил молитву над (Вячеславом). И погребли честное его тело, Вячеслава — доброго и праведного владыку, и почитателя Бога и христоробца: ведь служил он Ему благоговейно и со страхом. А кровь его три дня не хотела уходить в землю, на третий же вечер все видели — она сочилась из (церковной) стены над ним, и дивились все здесь. И еще надеемся на Бога, (что) по молитвам и за благоверие доброго Вячеслава будет явлено и большее чудо. Ведь воистину мукам Христа уподобилось мучение его. Заговор составили против него, как иудеи против Христа, и рассекли его, как и Павла, и младенцев избili из-за него, как из-за Христа. Воистину весь род человеческий весьма скорбел и плакал о нем.

Убит же был Вячеслав князь в лето 6000 и 300 и 30-е в 7, индикта 2, круг солнца 3, а луны 8, в 28 день месяца сентября. И Бог упокоил его душу в обители вечного покоя со всеми, убиенными Его ради безвинно, где почивают все праведники в свете жизни твоей, Господи.

(Но) не оставил Бог избранных своих на поругание неверующим, а посетил их милостью своею, и переменял окаменение сердца на покаяние и

разумѣние грѣховъ своихъ. Болеславъ же помяну вся къ Господу Богу, колико грѣха сътворивъ. Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ, и пославъ слуги, принесе тѣло брата своего Вячеслава из Болеславля града к славному граду Празѣ, глаголя: «Азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мой и безакония моя азъ вѣмъ».* И положиша и въ церкви святаго Вита, о десную страну олтаря двою на 10 апостолу, идеже бѣ самъ рекъ: «Сътворю церковь ту». Пренесенъ же бысть Вячеславъ князь месяца марта въ 4 день.* Богъ покои его душу на лони Авраамли, Исаака, Иякова, идѣже вси праведнии почиваютъ, чающе въскресе-
ния Господа нашего Исуса Христа, емуже слава в вѣки, аминь.

постижение грехов своих. И Болеслав помянул все к Господу Богу, сколько грехов сотворил. Помолившись Богу и всем святым, и послал слуг своих, перенес тело брата своего Вячеслава из Болеслава города в славный город Прагу, говоря: «Я согрешил, и грех мой и беззакония мои я знаю». И положили его в церкви святого Вита, справа от алтаря Двенадцати апостолов, там, где он сам сказал: «Создам здесь церковь». Перенесен же был Вячеслав князь месяца марта в четвертый день. Бог да упокой его душу в лоне Авраамове, Исаака и Иакова, где почивают все праведники, чающие воскресения Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава во веки, аминь.

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

МУЧЕНИЕ СВЯТАГО И СЛАВНАГО МУЧЕНИКА ДМИТРЕЯ

Благослови, отче!

Максимиянъ Еркултанъ *умири*в и данники створи гофѣфы и савромати римомъ,* съшедь въ Селуньскый град,* живяше зловѣрникъ и богохулникъ челоувѣкъ и въ глубину лъсти впадъся. Веселяше же ся тогда лестъ идолеская и кумирьская и повсюду чтома, гоняху бо служителя Божия и без вины побиваху истинныя премудрости служителя. В нихже бѣ блаженный Дмитрие, являясь самъ и ни единого же страха, ни бѣды съмняся. Житие чисто и бес порока от уности показавъ, спасеное же слово имѣя в собѣ и подавая приходящимъ и уча с радостью, и увѣщевая и глаголя по апостольстѣй заповѣди блаженаго Павла къ святому Тимофѣю, написавшю и уставившю еже створи въ время и безъ време.^{*}

Се убо блаженный Дмитрий *от рода* славныхъ велможъ и свѣтникъ сый, санъ первѣе примъ скипетровъ, и анафипать бывъ въ Елладѣ,* и оратиона* бѣ взялъ ипатова сана от царя *Максимьяна*. Но онъ паче земную славу ни въ чтоже вѣмѣнивъ, животворящая же словеса творяше, сказая, яко челоувѣка погыбша и своими безаконии умерщвена премудреное Божие Слово, плотское пришествие, отятъ ны от лъсти и очисти ны от всякого безумья и всякыя тмы, свѣтъ же въсия, и день свободы въ душах, приемлющихъ е, створи же правду и кротость, любовь, надежу, жизнь творяше вѣчную, временая отмещуше, присносущее же нетлѣнное обручение подающа, вѣстаніе еже из мертвыхъ, възвращение еже в породу исходатаючи.

Сии учащю блаженому мученику с дерзновениемъ, слово Божие утверждающе вѣроу, мнози же к нему прихожашу от елинска народа, и збирающимся от запада великаго торго градьскаго въ нарѣчемѣмъ *притворѣ ковацѣстѣм*,* идеже бѣ ему обычай сборъ творити подъземными камарами *близъ* людская баня. Прославивъши же ся славъ его по всему граду и области.

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

МУЧЕНИЕ СЯГО И СЛАВНОГО МУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ

Благослови, отче!

Максимиан Геркулий, замилив готов и сарматов и обратив их в данников римлянам, пришел в Селунский град и остался там, зловерный и богохульный человек, погруженный в пучину суеверий. Торжествовало тогда суеверное поклонение идолам и кумирам, и повсеместно их чтили, а служителей Бога преследовали и без вины истребляли служивших истинной премудрости. Был среди них блаженный Димитрий, всем известный тем, что не ведал он страха и не терялся перед невзгодами. С юных лет отличался он житием чистым и беспорочным, в душе же хранил слово спасения, и, делясь им с приходящими к нему, поучал с радостью, и убеждал, и проповедовал, следуя апостольской заповеди блаженного Павла к святому Тимофею, который писал и наставлял поступать так во время благоприятное и в безвременье.

Этот же блаженный Димитрий был из рода славных вельмож и сенаторов, отслужив первоначально эксцептором, стал анфипатом в Элладе и оратионипата получил от царя Максимиана. Но тот Димитрий ни во что не ставил земную славу, но следовал животворящему слову, говоря, что человека, погибшего и своими беззакониями умерщвленного, премудрое божественное Слово своим пришествием во плоти отторгло от заблуждений и очистило от всякого безумия и от всякого мрака, свет же воссиял нам и 〈настал〉 день освобождения в душах, принявших его, принесло Слово то правду и кротость, любовь, надежду, созидая нам жизнь вечную, временное отменяя, даря нам вечное нетленное обручение, восстание из мертвых, ходатайствуя за наше возвращение в рай.

Когда дерзал учить этому блаженный мученик, своею верою подкрепляя слово Божие, приходили к нему многие язычники и собирались в западной части большого городского рынка, в портике, именуемом кузнечный, он имел обыкновение собирать народ в подземных галереях вблизи от общественной бани. Разнеслась же слава о нем по всему городу и по земле той.

Тогда повелѣ царь гражаномъ искати крестьянъ. И имше блаженаго Дмитрия, не бѣжа бо ятъ бы: *съ братьею* же обычная службы въздая Богови. И къ богохулнику Максимеяну, якоже се нѣкий великий ловъ, приведоша, мняще паче приятили явитися царю, яко да не утаится ни единъ же крестьянинъ, но и боляры повѣдающе.

Он же случися иды на позорище града, еже статии нарѣчють, позора дѣла хотящихъ братися оружиемъ. Ту же бѣ ему створено и дѣсками огражено — *кругъ на высотѣ* вися, иже принимаше вся входящая въ нь и позорно противу себѣ борящихся, занеже веселие ему бяше зрѣти пролитыя чловѣчскы крови.

Обаче бе-скорби и бес печали бѣ ему позоръ, любляше бо единого борца, именемъ Луя, от языка *уанѣдилска* суща, крѣпостью и величествомъ тѣла възращеша, иже не точю въ Римѣ борбою многы уби, и въ *Сермии** и въ Селуньстѣмъ градѣ, течаше бо по дѣскамъ, и пообрату многою хитростью и учениемъ и обычаемъ убивати многы чловѣкы.

Понеже того мнози убояшася, зане не обрѣташеся никтоже противень ему, въ старишинахъ имѣше его царь и зѣло любляше его и съ благостию на нь взираше, и хваляше его, и чюдяшеся възрасту тѣла его и величашеся о гордости его. Егдаже близъ бы позорища, съѣдшу ему с *колесница*, тогда повѣдавшие и приведоша къ Максимеяну блаженаго Дмитрия. Въпрашая же его, аще пребываетъ и еще Христу покланяся, и увидѣвъ, яко иныи поучаетъ покланятися распятому Христу.

Видѣвъ же царь дерзновение его, крестьянина себе нарѣчюща, и весьма чающа что-либо прияти ради имене Господа нашего Исуса Христа, уже бо и лицо святаго зѣло красно бяше. Он же всѣма в позорѣ сыи и пресловущаго мученика ту же близъ позорища людская баня, повелѣ святаго хранити в пещныхъ камарахъ.* В нихъ же держимъ бысть, узрѣ змию, наричемую скоропию, подъ ногама изълѣзъшую и покушающуюся *усѣкнути* святаго, знамяние же честнаго креста сътвори на скоропии и плюну на ню, и мертву створи. Абие же ангелъ Господень, пришедь, вѣнецъ възложи на главу святаго мученика и рече ему: «Миръ тебѣ, страстотерепче Христовъ! Крѣпися и мужайся!»

Царь же вшедъ в позорище и съдъ, Лия же въведъ и призва *проповѣдники* хотящаго братися от народа, предлагая и съ *одолѣнемъ дары* и злато много. Единъ же от народа уноша, зѣло красенъ и еще младъ сый възрастомъ, именемъ *Несторъ, уже власы брадныа испущаа*, знаемъ сыи славному мученику Дмитрею (видѣша бо *бывающая* чюдеса от него и многы приходящая к нему и научаеми *читити* и покланятися Христу), въниде, в немъже бѣ *мѣстѣ* хранимъ святой, и припадъ на ногу его, глаголаше: «Рабе Христовъ Дмитрие! Хошу съ *Луемъ* братися, да помолися о мнѣ Христови!» Святой же сътвори

Тогда приказал царь горожанам разыскивать христиан. И схватили блаженного Димитрия, не обратившимся в бегство был он схвачен, а когда служил обычную службу Богу со своими единоверцами. И привели его к богохульному Максимиану, словно некую великую добычу, думая, что этим покажут себя лучшими друзьями царя; и чтобы не скрылся никто из христиан, выдавали ему даже вельмож.

Случилось так, что царь в это время направлялся в городской театр, который именуют стадион, чтобы посмотреть на единоборство гладиаторов. Здесь была для него сооружена на высоте огражденная досками арена, на которую поднимались и на виду у всех боролись друг с другом, ибо было для него (Максимиана) радостью видеть, как проливается человеческая кровь.

Не было, однако, поводом для печали или скорби это зрелище, ибо любил он одного из борцов, по имени Луй, вандала родом, отличавшегося силой и огромным ростом, который не только в Риме убил многих в поединках, но и в Сермии и в Селунском граде, спешил на доски арены, чтобы благодаря великому уменью и навыкам убивать многих людей.

Так как не было никого, кто бы решился выступить против него и все боялись его, то среди первых почитал его царь и очень любил, и взирал на него с радостью, и восхвалял его, и дивился огромному его росту, и хвастался его гордыней. Когда оказался Максимиан возле театра и сошел с колесницы, тогда и поведали ему и привели блаженного Димитрия. Расспросили его, продолжает ли он поклоняться Христу, и узнали, что и других учит поклоняться распятому Христу.

Увидел же царь дерзость его, называющего себя христианином и всею душою желающего все претерпеть во имя Господа нашего Иисуса Христа, и прекрасное лицо его. Но, будучи полон ожидания предстоящего зрелища, повелел заключить мученика в печных каморах народной бани, находившейся поблизости от театра. Находясь там, увидел Димитрий змею, называемую скорпионом, выползшую под ногами у него и хотевшую ужалить святого, осенив ее знамением честного креста и плюнув на нее, он умертвил ее. Тогда же ангел Господень, придя, венец возложил на голову святого мученика и возвестил ему: «Мир тебе, страстотерпец Христов! Мужайся и крепись!»

Царь же, придя на стадион, воссел, приказал ввести Луя, и воззвал через глашатаев к народу, приглашая желающего с ним бороться и предлагая победителю дары и много золота. И тут один юноша из толпы, прекрасный видом и еще юный годами, по имени Нестор, едва начавший обрастать бородой, известный славному мученику Димитрию (ибо видели чудеса, им творимые, многие, приходящие к нему и наученные им чтить Христа и поклоняться тому), пришел в то место, где сидел под стражей святой, и, припав к ногам его, сказал: «Раб Божий Димитрий! Хочу с Луем бороться, так помолись же обо мне

знамяние Христово на челѣ его и на сердци его, и отпусти его, рекъ: «И Лия побѣдиши и за Христа мучень будеши».

Шедъ же в позорище и по степенѣмъ съскачивъ, съвергъ же ризу, и ста предъ Максимеяномъ; яко *удивльшюся* цареви, призва к себѣ искочившаго уношю, увѣщеваше же его, глаголя: «Уноше! Вѣдаю, яко недостатокъ имѣния в толку дерзѣсть ты вложи, да или, одолѣвъ, внезапно богатство възмеши, или, погрѣшився, нищетѣ пакости дѣющи, и с нею животъ скончаеши. Азъ же за милость възраста твоего и за уность, юже имаши, и за дерзость твою тѣчию дам ти достойны и доволны дары, и иди съ животомъ, имѣя злато. Люевѣ же не противи, занеже многы силнѣйша тебе убиваетъ».

Се слышавъ, Нестеръ ни възять царева дара, ни устрашися о похвалѣ *Люевѣ*, цареви же отвѣща: «Ни злата хошю, — рече, — ни того дѣлма на борение придохъ, но да погублена Люя створю. Не хошю бо жити, и ни *богатитися* придохъ, но держю на *Люеву* славу». Абѣе же царь и сущи с ним разгнѣвашася о реченыхъ, дерзости уношю не стерпѣвшѣ, царь зовы и въпияше, поучаше Люя.

Нестеръ же створи образъ животворящаго креста, назнаменова на сердци своемъ, и възять сулицю, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже Дмитреевъ, раба своего, ради възлюбленаго ти отрока Исусе Христе повинувый Голиняда иноплеменика вѣрнику своему Давиду,* самъ мнѣ низложи дерзость Люеву и Максмыяна мучителя!» И въскочи посрѣди круга, бывшу же съраженію сътремью, и лютую язву въ сердци приемъ *Лий*, абѣе убьенъ бысть. И послѣднюю душевную печаль створи цареви. Нестеръ же прослави Бога, яко молитвою святаго Дмитрея убьенъ бы иноплеменикъ.

Максмыянъ же абѣе въскочи от стола своего и дряхлѣ въ царскый свой дворъ възвратився, глаголя: «Тако ми боговъ чародѣяннѣ нѣкая быша, а не бы убьенъ былъ симъ уношею, показавый тако и толко мужество!» Призвавъ же к себѣ мучитель Нестора и рече к нему: «Рци, уноше, кыя чары створивъ или кыя помощники имѣя, Люя убилъ еси?» Отвѣщавъ Нестеръ: «Ни убо чари не быша, но ни лукавствомъ никоимже убьенъ бы, но Богъ Дмитреевъ и Богъ крестьяньскый, той посла ангела своего и уби рукою моею гордаго и величаваго». Разгнѣвавъ же ся, царь повелѣ яко крестьянина отвести в западную страну града, въ рекомаю Златая врата, и ту своимъ мечемъ усѣкнути его Минукияномъ протикторомъ.* И тако мучения вѣнецъ увязеся.

Нѣци же велможѣ наустиша царя Дмитрия и дѣлма и рекшимъ, яко то бы вина Люева убьенія. Тогда же зѣло разгнѣвався царь и рече: «Не бысть сряща добрая, усрѣтшии мя, идуща в позорище». И повелѣ, в нейже бѣ печи стрегомъ святой, копьями събости его. И тако убьенъ бысть преславный мученикъ и добраго исповѣданія мучение сконча. Лумпъ же, рабъ и слуга святаго Дмитрея, стоя у него, въземъ *орарионъ** святаго и в немъ собра от крови его.

Христу!» Святой же осенил знамением Христовым и чело его и грудь и отпустил его, сказав: «И Луя одолеешь и за Христа будешь замучен».

Направился <Нестор> на стадион и, сбежав по ступеням, сбросил с себя одежду и предстал перед Максимианом; удивленный же царь подозвал к себе выскочившего юношу и стал уговаривать его, говоря: «Юноша! Понимаю я, что скудость средств твоих разбудила в тебе такую дерзость, что или — победив — в тот же час получишь богатство, или же, потерпев неудачу, и нищеты, тебя терзающей, лишишься и жизни. Я же, жалея молодость твою и юность, за одну отвагу твою дам тебе почетную и достаточную награду, и иди, сохранив жизнь и обретя злато. Лую же не противься, ибо убил он многих более сильных, чем ты».

Услышав это, Нестор не взял даров царских и не испугался похвал Лую, а ответил царю: «Не золота хочу, — сказал, — и не из-за него вышел на поединок, а хочу погубить Луя. Не хочу я <иначе> жить, и не за богатством пришел, но хочу сокрушить Луюву славу». Тогда царь и приближенные его возмутились, услышав это, не стерпели дерзости юноши, и воззвал царь и возопил, подбодряя Лую.

Нестор же, осенив грудь свою знамением животворящего креста, взял сулицу, и возвел глаза к небу, и произнес: «Бог Димитрия, раба твоего, ради возлюбленного твоего сына Иисуса Христа, ты, покоривший иноплеменника Голиафа верному тебе Давиду, ниспровергни дерзость Луя и Максимиана мучителя!» И выскочил на середину арены, и начался поединок, и смертельную рану в сердце получил Луй, и был убит. Немалую душевную травму он нанес тем царю. А Нестор прославил Бога, ибо молитвой святого Димитрия убит был иноплеменник.

Максимиан тогда вскочил со своего трона и печальный возвратился в царский свой дворец, говоря: «Если бы не было чародеяния каких-то богов, то не был бы Луй, отличавшийся таким мужеством, убит этим юношей». И призвал к себе мучитель Нестора и сказал ему: «Скажи мне, юноша, какие чары ты использовал или кого имея в помощниках Луя убил?» Отвечал Нестор: «Никаких чар не было, и без какого-либо обмана он убит, но Бог Димитрия и Бог христианский послал ангела своего и убил моей рукой кичливого гордеца». Разгневался царь и приказал отвести его как христианина в западную часть города, к так называемым Золотым воротам, чтобы тут отрубил ему голову своим мечом Минукиан протиктор. И так увенчан был Нестор венцом мученика.

Некие же вельможи стали наговаривать царю на Димитрия и убеждать его в том, что Димитрий — причина гибели Луя. Тогда очень разгневался царь и сказал: «Не к добру была наша встреча, когда встретились мы на пути моем к театру». И приказал в той камере, где находился под стражей святой, заколоть его копьями. И так был убит преславный мученик и окончил в страданиях жизнь, исполненную благой веры. Лупп же, раб и слуга святого Димитрия, предстоявший ему, взяв орарион святого, собрал в него кровь его.

И вземъ же царскый перьстень, иже ношаше на руцѣ и поваля въ святѣй крови и творяше имъ исцѣления во всѣ одержими различными нѣдуги и стражующихъ отъ духъ нечистыхъ исцѣляше молитвою и посѣщениемъ святаго и благодѣтию перстени его, яко просълыти о томъ по всему граду Селуньскому. Увѣдѣвъ же царь о немъ и како исцѣлѣваетъ болящихъ, повелѣ и того убити въ трибунали градѣстѣмъ,* въ день же нѣкый, сѣдѣящу ему съ инѣми, вѣровавшими Христови.

Пресвятое же славнаго Дмитрея тѣло *небрегомо* бысть *убившиими, нѣции тогда отъ братий благоговѣйныхъ*, вземше ночью, страха ради царева, и на той перьсти, на нейже повержено тѣло, разъгребше, елико можаху, и скрыша, да никоеже пакости не приметъ отъ плотядецъ животныхъ. Никаяже печаль потомъ бысть пренести тѣло святаго, но оста на мѣстѣ, знаменія же и исцѣления бывающа на мѣстѣ томъ, и Божиимъ даромъ приступающимъ къ нему съ вѣрою и по вся дни всѣмъ веселящимся ту, прослывъшю по всей Македонии и Феталии, и повѣдаему о чюдотворении святаго мученика.

Уже и кумирьстѣй лъсти прогнанъ и просиявши непорочнѣй и православноѣ крестьянѣстѣй вѣрѣ, Леонтъ, нѣкоторый мужъ славенъ, илирьскыя епархы предѣдержѣ, грядый въ *Дакийскую* страну и въ великъ недугъ въпаде, на носилѣхъ же рабы своими в Селуньскый градъ принесенъ бысть и положенъ на честнѣмъ мѣстѣ, идѣже бѣ тѣло подъ землею лежа святаго, и абие положенъ бысть верху цѣлостворящаго гроба святаго. И абие здравъ бысть, яко чюдитися самому и своимъ ему скорому посѣщению мученика, хвалу же въздаше Богу и преславному мученику Дмитрею. И ту абие пешныя комары разоривъ и домъ теплыхъ водъ разоривъ, и зданіе стегнъ разоривъ и съ *емьболи* сущими ту,* всечестенъ въздвиже и създа домъ въ славу великаго Христова мученика и различно украсивъ, *межи* людскою банею и позорищемъ.

Хотя же ити в Иллирикъ и въсхотѣ нѣчто отъ мошей взяти святаго, дабы и тамо церковь создалъ во имя его, ему же преславны страстотерпецъ Христовъ Дмитрей ночью явился и възбрани то створити. Воземъ же окровницу его, очръвленную святою кровью его и часть отъ ураря и створи ковчегъ сребренъ и вложи в него. Идушю же ему, велицѣ зимѣ бывши и Дунавѣстѣй рѣцѣ разливаемѣ волнами, яко не мощи ея преити ни в корабли, на многіи же дни не осяцающи и не дающи пути напредъ, и в печали бѣше епархъ.

Видѣ же во снѣ славнаго мученика, глаголюща ему: «Всяку печаль и невѣрье отверзи и возми, еже носиши, и преидеши рѣку бес пакости». Заутра же, въсѣдъ на конь свой, держа в руку честный ковчегъ, и преиде рѣку бес пакости. И тако шедъ въ Срѣму и ту положи честный ковчегъ и съ святымъ знаменіемъ, иже в немъ, и създа ту честную церковь во имя преславнаго Христова мученика Дмитрея близъ честныя церкви святыя мученица Анастася. Многа же чюдеса и исцѣления Господь сътвори, *идѣже путемъ колесница и*

И взяв царский перстень, который он <Димитрий> носил на руке, обмакнул его в святой крови и стал исцелять им одержимых различными недугами и страдающих от нечистых духов исцелял молитвами и посещением святого и благодатью, которой обладал перстень его, так что весть о том разнеслась по всему граду Селунскому. Услышав о нем, что исцеляет он больных, приказал царь казнить и Луппа в городском трибунале в один из дней, когда застали его в окружении других верующих Христу.

Пресвятое же тело славного Димитрия было брошено убийцами без присмотра, и тогда некие от братьев благочестивых, взяв ночью, ибо боялись они царя, и раскопав как смогли землю там, где оно было брошено, присыпали его землей, чтобы не причинили ему никакого вреда кровожадные звери. И никто не позаботился о том, чтобы перенести тело святого, но осталось оно на том же месте, и знамения и исцеления бывали на месте том, и Божьим даром получали приходившие к нему с верой, и постоянно все радовались здесь, и разнеслась слава по всей Македонии и Фессалии о чудесах, творимых святым мучеником.

Когда же изгнана была ложная вера в кумиры и просияла непорочная и православная христианская вера, Леонт, некий славный муж, управлявший иллирийской епархией, отправился в Дакию, и тяжело заболел, и на носилках был принесен в Селунский град своими рабами, и положен на том честном месте, где под землей покоилось тело святого; и положен как раз над целящим гробом святого. И тотчас выздоровел, так что удивился и сам он и приближенные его скорому пришествию мученика, и воздали хвалу Богу и преславному мученику Димитрию. И тогда <Леонт>, разрушив печи и разломав бассейны для горячей воды, и стены, с бывшими возле городскими воротами, создал между общественной баней и театром всечестный храм во славу великого мученика Христова, всячески его украсив.

Собравшись возвращаться в Иллирию, пожелал он взять что-либо от мощей святого, чтобы и там церковь создать в его имя, но преславный страстотерпец Христов Димитрий явился ночью ему, и запретил это делать. Тогда взял он хламиду, обгавленную святой кровью его, и часть орария его, и изготовил ковчег серебряный и положил <все это> в него. Когда же отправился Леонт в путь, стояла зима, и разлилась река Дунай, так что нельзя было переправиться через нее на лодке, и так как несколько дней не спадала вода и препятствовала дальнейшему пути, в печали пребывал епарх.

И увидел во сне славного мученика, возвестившего ему: «Всю печаль и сомнения свои отринь и возьми то, что несешь, и без помехи перейдешь реку». Наутро же <Леонт> сел на коня своего, держа в руках честной ковчег, и без помех переправился через реку. И так, придя в Сермий, положил здесь честной ковчег со святыми реликвиями, находившимися в нем, и возвел здесь честную церковь во имя преславленного Христова мученика Димитрия подле честной церкви святой мученицы Анастасии. Многие же чудеса и исцеления Господь

животнаа почиваху,* благодатью и щедротами и челоуѣколюбьемъ единороднаго Сына Божия, с нимъже Отцю слава съ Святымъ духомъ, и нынѣ, присно, въ вѣки.

ЧЮДО СВЯТАГО ДМИТРИЯ, ЕЖЕ ВИДѢ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДША К НЕМУ АНГЕЛА

Свитающю убо третьему дни тоя войны, во нъже дерзновенье от Бога гражаномъ бысть, якоже преже указахомъ,* мужъ же нѣкий, добродородень сущий и славень житьемъ, кротокъ же сердцемъ сын, славень бѣ, нарицаемъ *илистрие*,* и саномъ почтенъ, о немъже и писано есть: «Незлюбиви и правии прилѣпляхуся мнѣ»,* видѣ, якоже рече, во снѣ, якоже истие приснымъ глаголаше, и въ ужасѣ бывъ, видѣ себе стояща предъ запониемъ святыя церкви славнаго мученика Дмитрея. «И се — рече — два лѣпа высока мужа явиста ми ся и въшедша извону въ томъ трезапонѣ, яже мнѣхъ посланика суща царева еста. Единъ же от нихъ возпи гласомъ: „Кдѣ есть господинъ дому сего?“» Яви же ся ... въ среднихъ дверехъ церковныхъ единъ от слугъ его и *отвѣща*, глаголя: «Что требуета его?»

Она же реста: «Владыка наю посла повѣдати ему слово». Он же повѣда има святыи кивотъ церковный, глаголя: «Здѣ есть». Мужа же сия, имуща видѣния подобно яко ангела Божия, и приближистася к мѣсту, реста къ слугѣ: «Шедъ, повѣжь наю ему». Азъ же ужасенъ быхъ и въслѣдъ ихъ идохъ от трезапоннаго и стахъ у единого столпа святаго киворѣ,* хотѣхъ увѣдѣти, что хошють повѣдати от царя къ святому. Слуга же толкнувъ двери кивотныя, и абие отверзе изутрѣду славный мученикъ Христовъ и ста близъ дверей, яко и мнѣ недостойному видѣти его. Азъ же падохъ ниць, не могый зрѣти ангелообразнаго лица его, бѣ бо зракомъ по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ, обличье же лица его сияючи, яко солнечная луча пушааше лучю. И ниць възлежахъ и посвѣтѣся лице мое от свѣта его. И, лежащи ми ниць, прилѣжно слушахъ, что имуть межю собою глаголати, и услышах, яко цѣловаста любезно святаго сия мужа.

Он же рече к нимъ: «Благодать с вами! Что дѣлма трудистася до мене?» Глаголаста ему мужа: «Владыка ны послалъ есть къ святыни твоей и сиче глаголетъ ти: „Скоро изыди и гряди ко мнѣ: градъ бо врагомъ преданъ бываетъ“». Азъ же услышахъ, и възмутихся и печалью одержимъ быхъ, *въсклонихъ* ся мало и узрѣхъ челоуѣколюбное и милостивое то лице сущаго поистинѣ щедрого и градолюбца мученика, съдручена печалью и дряхла, и на землю ничаша. Велику же часу минувшую и премногу молчанию бывшую, видѣхъ слезы его по богозрачнама ланитама текущи, якоже реши слугѣ к мужема: «Почто тако господина моего оскорбиста? Поистинѣ, аще быхъ первые разумѣлъ глаголь

сотворил там, где останавливались на пути колесницы и кони, благодатью и щедротами и человеколюбием едиnorodного Сына Божьего, с ним же Отцу слава со Святым Духом и ныне, всегда и в века!

ЧУДО СВЯТОГО ДИМИТРИЯ, КАК ВИДЕЛ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДШЕГО К НЕМУ АНГЕЛА

На рассвете третьего дня той войны, в который снизошла на горожан от Бога отвага, как об этом говорилось прежде, некий муж, знатный родом, известный жизнью своей, смиренный сердцем, славный и отмеченный саном иллистрия, о таких сказано в Писании: «Беззлобные и прямодушные пойдут за мной», увидел, как говорил он — во сне (о чем доподлинно рассказывал своим близким), и ужаснулся, видя, что стоит он перед притвором святой церкви славного мученика Димитрия. «И вот, — рассказывал, — два красивых высоких мужа явились передо мной и вошли снаружи в притвор, так что я принял их за посланцев императора. Один же из них громко возгласил: „Где господин дома этого?“» Появился в средних дверях церковных один из слуг и сказал в ответ: «Зачем нужен он вам?»

Они же сказали: «Владыка наш послал сообщить ему нечто». Слуга же тот показал им на святую раку церковную, говоря: «Здесь он». Мужи же те, видом подобные ангелам Божиим, подошли к тому месту и сказали слуге: «Иди, возвести ему о нас». Я же, одержим страхом, пойдя следом за ними из притвора, встал у одной из колонн возле святой раки, желая узнать, что хотят поведать от царя святому. Слуга же постучал в дверцы раки, и тотчас же открыл их изнутри славный мученик Христов и встал у дверей, так что и мне, недостойному, было видно его. Я же пал ниц не в силах зреть ангелоподобный лик его: был он видом похож на изображение на древних иконах, а лицо его сияло, словно испускало солнечные лучи. И лежал я ничком, и озарилось мое лицо излучаемым им светом. И так, лежа, внимательно слушал я, о чем будут они говорить между собой, и услышал, как целовали сердечно святого эти мужи.

Он же сказал им: «Благодать с вами! Во имя чего потрудились прийти ко мне?» Отвечали ему мужи: «Владыка наш послал нас к святости твоей и так говорит тебе: „Скорее изыди и шествуй ко мне, ибо город будет предан врагам“». Я же, услышав это, пришел в смятение, и охватила меня печаль; приподнявшись немного, увидел я человеколюбное и ласковое лицо мученика, поистине мило-сердного и градолюбца, удрученное печалью, и грустное и к земле склоненное. Прошло немало времени в молчании долгом, и видел я, как слезы текли по богоподобным щекам, так что слуга сказал мужам: «Зачем так опечалили господина моего? Поистине, если бы раньше знал о словах ваших, не сказал

ваю, не быхъ ваю повѣдалъ господину моему». Тогда богословесная уста своя отверзъ святой и рече къ слугѣ: «Не дѣй ею, клеветы ми еста, и еже повелѣно имъ есть, то же и глаголетъ».

Рече же к нима: «Поистинѣ такую ли ми вѣсть пусти Владыка мой? Тако ли изволился державѣ его, да толикъ градъ въ толикъ родъ потомъ его и кровью честныхъ ребръ его утвержень вѣроу, нынѣ сверѣпыми сими звѣрми расторгень будетъ? То ли хотѣние бысть челоуколюбыю его?» Отвѣща свѣтлая мужа: «Аще то ему годъ не было, не бы наю пустилъ къ благочестнѣй души твоей». И тогда велми печаленъ бысть и долго кивавъ главою, якоже се съвѣщевая съ многую печалью отвѣтъ створи. И много въздыхание, словесъ его измолкъ и глас языка являше, любовию по отечествѣ своемъ великую печаль имяше. Отвѣща же къ мужема: «Шедша, брата, рыцѣта благому моему Владыцѣ сице: Глаголетъ домашний присный рабъ твой Дмитрей: „Ты, Владыко, Господь еси мнѣ, и граду, и всему миру, и якоже имаши власть, повелѣлъ ми еси здѣ жити съ рабы твоими. Како убо могу оставити я въ толицъ бѣдѣ и нужи и отити? Или коимъ лицемъ узрю погубление отечества моего? Кая же жизнь гражаномъ моимъ гибнущимъ? Но обаче, якоже бѣхъ съ ними и духовнѣ радуяся, такоже и въ бѣду въпадающимъ имъ, не остану ихъ. Или спасутся — спасенъ буду, или погибающимъ — погибну и умру с ними. Ты бо самъ, Владыко, положилъ еси душу свою якоже пастырь добры за овца. Съвѣмъ поистинѣ, яко не предолѣють грьси наши милосердью твоему, яко милость твоя великая на нас и ярость твоя праведная нашего обращения требуетъ, а не пагубы. Владыкѣ съ всѣми, благый Владыко, еже велиши и сътвори о насъ. Азъ бо, якоже рѣхъ, аще спасающимся имъ, спасенъ буду, или погибающимъ имъ — умру с ними”».

Се милосердому мученику глаголавшу, отдохну мало оканная моя душа от одержавшая мя печали. Отвѣщавша же мужа рекоста къ святому: «Сице ли велиши нама глаголати къ Владыцѣ?» Рече святы: «Ей, молю ваю». Спросиста же она: «То почто не идеши с нама? Блюди, да не съжалитъси пославый наю, якоже ослушанъ бывъ!» Отвѣща святой: «Азъ вѣдѣ: яко присно гнѣва его варяетъ милосердье и благодать его». Таков же отвѣтъ створи, и се рекъ, свѣтлая мужа цѣлова, и сребренныя двери затвори, въ нихъже стояше, вѣнцъ оста, не отшедъ от насъ благодатью Христовою. И абие, — рече, — азъ очютихъ, грѣшный, *в себѣ бывъ, не спяхъ*».

Се видѣ добрый тѣ мужъ и боголюбецъ абие же по граду всему текъ, поучеваше гражаны и се точю глаголя имъ: «Дерзайте, братие, святой страстотерпецъ с нами есть помощю Христовою, и не прикоснется намъ злое». Оттолъ же, якоже писано есть, и въ дерзновение облекошася гражане и на врагы подѣскааху, не могуще первѣе ни понѣ глас испустити великаго ради страха.

бы о вас моему господину». Тогда отверз святой свои богословесные уста и сказал слуге: «Не трогай их, они — друзья мои, и что приказано им, то мне и говорят».

И сказал им: «Действительно ли такую весть прислал мне Владыка мой? Так ли изволило владычество его, что такой город, уже столькими поколениями во имя пота его и крови, истекавшей из его честных ребер, утвердившийся в вере, ныне будет растерзан свирепыми этими зверями? Таково ли желание человеколюбия его?» Отвечали светлые мужи: «Если бы не угодно ему было, не отправил бы нас к благочестивой душе твоей». И тогда опечалился очень *Димитрий*, и долго покачивал головой, и, пораздумав, с великой печалью изрек ответ. И непрестанные вздохи его, и слова, и тихий голос свидетельствовали, что в великой скорби он из-за любви к своему отечеству. Ответил же он мужам: «Идите, братья, скажите благому моему Владыке так: говорит твой истинный раб *Димитрий*: „Ты, Владыка, господин и мне, и городу, и всему миру, и как властитель повелел мне здесь пребывать с рабами твоими. Как же могу я их оставить в такой беде и нужде и уйти? И с каким лицом увижу я гибель отечества своего? Какая будет жизнь горожанам моим гибнущим? Но напротив — как пребывал я с ними и душой радовался, так и теперь их, в беде оказавшихся, не оставлю. Или спасутся они — и я спасен буду, или погибнут — погибну и умру с ними. Ты ведь сам, Владыка, положил душу свою — словно хороший пастух — за овец своих. Поистине знаю я, что не превозмогли грехи наши милосердия твоего, ибо милость твоя к нам велика, и ярость твоя праведная требует нашего обращения, а не гибели. Владей всеми, благой Владыка, и что повелишь, то и сделай нам. Я же, как сказал: если спасутся они — спасен буду, если погибнут — умру с ними”».

Когда сказал так милосердный мученик, душа моя отчаявшаяся немного воспрянула от охватившей ее печали. Отвечали же мужи, говоря святому: «Это ли велишь нам сказать Владыке?» Отвечал святой: «Да, молю вас». Спросили же они: «Так почему же не идешь с нами? Берегись, а вдруг не смилуется пославший нас, раз ты его послушался». Отвечал святой: «Я знаю: всегда гнев его предваряют милосердие и благодать его». Таков ответ дал и, сказав так, поцеловал он светлых мужей и, серебряные двери затворив, в которых стоял, остался внутри, не ушел от нас благодатью Христовой. И тут — сказал *иллюстрий* — я, грешный, почувствовал, что пришел в себя и не сплю».

Увидев же все это, тот добродетельный и боголюбивый муж тотчас же побежал по городу, убеждая горожан и только одно им говоря: «Наберитесь мужества, братья, святой страстотерпец с нами помощью Христовой, и не коснется нас зло». С того момента, как было написано, в доблесть облеклись горожане и на врагов стали нападать и те, кто не решались прежде и голоса подать из-за великого страха.

Послѣдъ же приснымъ исповѣда особъ предъреченое видѣние. И тако, понуженъ бывъ, истую же намъ вину *исповѣда*, что ради по граднѣй странѣ ходя о спасении града всѣмъ глаголаше. Се показавшю намъ славьному мученику Дмитрию и събытию вещи истиньно видѣние сътворшю, кою хвалу или славословие о немъ Богови въздамы? Кое же *честь* и благодарение славьному мученику принесѣмъ точно милосерднѣй воли его, иже премногами щедротами своими подража Господа Бога Спаса *нашего* и душу свою положи за ны, недостойныя, грѣшныя, и не точью господьскаго повелѣния, въ Божие чловѣколюбие възирая, послушася, но и умерети с нами, многомилосердый, общася. Оле, душа святая и градолюбивая и щедрa! Оле, мудрость богоданая и свѣтъ богоугоденъ и строение боголѣпное!

Понеже бо свѣдѣяше Бога всѣхъ, не губяща праведнаго съ нечѣстивыми, ни оставляюща жезла грѣшника на жребии праведнаго, зряше бо и наша грѣхи, всяку *силу* преходяща, и възбоявся, якоже мню, еда како за ны моля, послушанъ будетъ сию богоданную волю, свѣщава же и съдѣя: пребы в дому своемъ и не отшедъ от града, да ни самъ никоегоже зла не подыметъ, ни градъ от *поганыхъ*. Но якоже вѣнецъ нечистомъ златомъ скованъ, имѣя единъ точью камыкъ честенъ, преже хотящю домовьскому строителю пожещи огнемъ на очищение сквернаваго злата, господинъ не дасть, да нѣкако, очищая огнь злато, свѣтлость камыка погубить. Также и тогда тьмами смерти достойномъ сущемъ намъ, многихъ дѣла нашихъ прегрѣшенихъ, не погуби града Господь, да нѣчто не будетъ страстотерпцю, живушю с нами, недостойными.

Но прилѣжно вси помолимся, възлюблени, и шествия наша на благоужожение направимъ, до конца удержимся жити молитвами и дѣлы мученика. Тому бо нами исправляему и Божию милость бе-сумнѣнья приемъ, спасающю ны и хранящю, *от* умныхъ преже ратныхъ, избавляющю ны от вѣчныя муки и исходатающая намъ царствие небесное. Молю же, братия, вашего събора от всея душа силою възпити къ щедрому Богу и о богохранимѣмъ градѣ нашемъ и за вся крестьяны, и за мя, и за мою худость, якоже о извержении твою ми благодать въздаваше, занеже гражданина и помощника и съ Богомъ владыки нашего преславнаго мученика Дмитрия добро чюдотворения, понѣ в малѣ обаче поистинѣ съписавшу (...) любезно слуху вашему о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, истиннѣмъ Бозѣ, с нимже всецарюющему Богу и Отцю съ животворящимъ его Духомъ. Слава и честь и поклонание от всея твари всылаются искони, и нынѣ, и присно, вѣки вѣком. Аминь.

Впоследствии (иллюстрий) близким своим поведал особо о рассказанном ранее видении. И так, побуждаемый нами, поведал истинную причину того, почему ходил он по городским улицам, убеждая всех, что спасен будет город. Так показал нам славный мученик Димитрий и сотворил, что видение сбылось в действительности, так какую же хвалу и славословие ему перед Богом воздадим? Какие почести и благодарение принесем славному мученику, сравнимые с милосердным его решением, когда он премногими своими щедротами уподобился Господу Богу Спасу нашему и душу свою положил за нас, недостойных, грешных, и не только послушался повеления Божьего, надеясь на Божье человеколюбие, но и умереть с нами, многомилосердный, обещал. О душа святая, и градолюбивая, и щедрая! О мудрость богоданная и совет богоугодный, деяние боголепное!

Так как постиг ты Бога всех, что не губит он праведника с нечестивыми, не оставляет жезла грешника на жребии праведника, то, видя наши грехи, все превосходящие по силе своей, и хотя побоялся, как думаю, что за нас моля, послушаешься богоданной воли, все же, поразмыслив, совершил: остался в дому своем и не покинул город, чтобы ни самому не испытать никакого зла, ни городу — напасти от поганных. Вот так же, если венец, скованный из нечистого золота, но украшенный только одним драгоценным камнем, захочет переплавить управитель дома, чтобы очистить загрязненное золото, то не даст того совершить господин, ибо, очищая золото, сверкание камня погубит. Вот так и тогда: хотя многократно мы были смерти достойны из-за наших многочисленных прегрешений, не погубил города Господь, чтобы не случилось чего-либо со страстотерпцем, пребывающим с нами, недостойными.

Так помолимся же все истово, возлюбленные, и путь наш на благие дела направим, молитвами и деяниями удержим мученика навсегда остаться с нами. Всем этим и Божью милость без сомнения обретем, ибо (Димитрий) спасает нас и хранит от первого из умозрительных врагов (— дьявола), избавляет нас от вечной муки и ходатайствует за нас о царстве небесном. Молю же, братья, всем собором вашим, всей силой души возопить к щедрому Богу о богохранимом городе нашем, и о всех христианах, и обо мне, и о ничтожестве моем, как о недоноске, о ниспослании мне благодати, ибо гражданина и помощника и в Боге владыки нашего преславного мученика Димитрия благо чудотворения я описал, хоть кратко, но истинно, и приятно слуху вашему, Христа ради Иисуса, Господа нашего, истинного Бога, с ним же царствует над всеми Бог Отец с животворящим его Духом. Слава и честь и поклонение от всех сотворенных им возносятся искони, и ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

МѢСЯЦА АПРИЛЯ ВЪ 1.
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫЯ МАТЕРИ НАШЕЙ
МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ,
СПИСАНО СОФРОНИЕМЪ,
АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву добро есть хранити, а дѣла Божиа проповѣдати преславно есть». * Тако бо рече ангелъ к Товиту по славнемъ его прозрѣнни ослѣпленю очию. Еже не хранити царевы тайны — пагубно есть и блазнено, а еже молчати дѣла Божиа преславнаа — бѣду души наносить. Тѣмъже и азъ боюся молчати дѣла Божиа, воспоминаа муку раба оного, приемшаго господень талантъ и в земли съкрывшаго, а прикупа *имъ* не створившаго. * Повѣсть святу слышах азъ и никакоже могу ея утаити. И никтоже ми да не невѣруеть от вас, слышавъ написаниа сиа, ни мните же мене гордящася о словеси сем, дивяся о чюдеси семъ велицемъ. Не буди бо ми лгати на святыа. Аще ли суть етери, чтуще книги сиа и высотъ словеси дивящеся, и не хотяще вѣровати, буди им милость Господня: ти бо, немощъ чловѣчьску помышляюще, неприатна творят нами глаголемаа о чловѣцѣх. То уже подобает ми начати повѣсть и вещь предивну, бывшу в родѣ нашем.

Бысть старецъ во едином палестиньских монастырь, житием и словом украшенъ, от самых пеленъ възрастъ *чернечьским* обычаем и вещьми, и священством обложенъ. Зосима же бѣ имя тому старцу. Никтоже мни, яко онъ есть Зосима-еретикъ: сей убо Зосима праведный, всякыа образы пощения и дѣла творяще, и вся предания храняще. Николиже от учения святыхъ словес не ослабѣ, но, вѣстаа и возложася, руками дрѣжаще дѣло и пищу вкушаше, аще достоинт пищу нареши, еяже вкушаше, едино убо дѣло имяше немолчно — еже пѣти присно. *

От самого бо младенства вданъ бысть в монастырь и 50 лѣт створи в нем. Также ему живушу в монастыри, помысли убо в себѣ, глаголя: «Есть ли убо мних на земли, иже ми покажетъ образ житиа сего, егоже не сѣтворих? Можеть ли муж обрѣстися в пустыни лучши мене?» Си же помышляющи старцу, явися к нему ангелъ Господень и рече ему: «О Зосима! Добрь убо яко

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 1 ДЕНЬ.
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ,
НАПИСАННОЕ СОФРОНИЕМ,
АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву следует хранить, а дела Божии возвещать — это славы достойно». Вот так сказал ангел Товиту после славного прозрения ослепших очей его. Не хранить тайн царевых — пагубно и коварно, а умалчивать о преславных делах Божьих — значит беду приносить душе. Поэтому и я боюсь умолчать о делах Божьих, помня о муках раба того, который получил от господина талант и в землю его зарыл, а дохода от него не получил. Святой рассказ этот слышал я и никак не могу его скрыть. И пусть никто из вас не станет мне не верить, услышав написанное здесь, не подумает, что я возгордился словами этими, поражаясь чуду этому великому. Не стану же я лгать о святых. Если же найдутся такие, кто прочтет эти книги и, возвышенным словам их удивляясь, не захочет им поверить, то пусть смилуется над такими Господь: таковые ведь, думая, что немощен человек, неправдоподобным считают то, что говорим мы о людях. Но уже пора мне начать повествование о вещи предивной, случившейся во времена наши.

Был старец в одном из палестинских монастырей, житием своим и речами украшен и с самого раннего возраста — монашескими обычаями и деяниями и священным саном облечен. Зосимой именовался тот старец. И пусть не подумает кто-либо, что то был Зосима-еретик: этот Зосима был правоверный, всякий пост соблюдал и благие дела творил, и все заповеданное хранил. Никогда не отступал от того, чему учили святые слова, и вставая и ложась, занимаясь каким-либо делом, и пишу вкушая, если можно назвать пищей то, чем он питался, одно лишь дело творил не умолкая — постоянно пел 〈псалмы〉.

С младенческих лет отдан он был в монастырь и 50 лет пробыл в нем. Вот так живя в монастыре, помыслил он, говоря сам себе: «Есть ли монах на свете, могущий явить мне образец жития, которого я не достиг? Может ли муж отыскаться в пустыне лучше меня?» И когда размышлял так старец, предстал перед ним ангел Господень и сказал ему: «О Зосима! Велико подвижничество

человѣкъ подвигнулся еси, но никтоже съвершенъ есть. Но да разумѣши, колико инѣхъ есть образъ спасенна. Изыди отъ земля, якоже Авраамъ изъ дому отца *своего*,* и *иди* въ монастырь, сущий при Иерданѣ».

Абие же старецъ изыде изъ монастыря своего, иде въслѣдъ глаголющаго. Прииде, *волею* Божиею водимъ, въ Иерданскій монастырь. Толкнувъ въ врата, повѣдано бысть игумену. Влѣзъ же Зосима, поклонися по обычаю чрънеческому. Въспроси же его игумень: «Откуда еси, брате, и что ради къ нищимъ намъ прииде?». Отвѣща же Зосима: «Откуда приидохъ, не въпрошай мене, ползы бо ради приидохъ. Слышахъ бо велико ваше дѣло достохвалное, могущее душа приводити къ Христу, Богу нашему». Рече ему игумень: «Богъ единъ, брате, исцѣляетъ человѣчскій родъ. Той да научитъ тебе и насъ воли своею и наставитъ тебе творити полезнаа». И се рекшу игумену къ Зосиму, Зосима же поклонися и, створивъ молитву, и рече: «Аминь». И пребысть въ монастыри.

Видѣвъ же старецъ Зосима дѣянія же и дѣлы сияюща, пѣнне же ихъ непрестанно и стояние всенощное, и въ рукахъ присно *дѣло* ихъ, и псалмы въ устѣхъ ихъ, словеса же праздна не быша въ нихъ, тѣшание имѣти въ себѣ имѣти себе *мрътва* тѣломъ. Пища же ихъ бѣ — словеса Божия, питаху же тѣло хлѣбомъ и водою. Се видѣвъ, Зосима дивися и подвижашеся на подлежащее течение.

Днемъ же мнозѣмъ минувшимъ, приближися время святаго поста. И вратомъ монастырскимъ затворенномъ сущимъ, не отвръзающимся николиже: пусто бо мѣсто и непроходимо, и не знаемо простою чадью. Сичевъ же бѣ чинъ въ монастыри томъ преданъ, егоже ради и Богъ Зосиму приведе ту. Въ 1-ю убо недѣлю *поста* ... творяше прозвутерь литургию святую, и вси причастники бываху святыхъ тайнъ пречистаго тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа, и мало брашна вкушаху. Потомъ же собирающеся въ церковь, молитву створше и колѣнное поклонение, цѣловаху другъ друга и игумена и, молитву взявше, отвръзаху врата монастырскаа, поюще съгласно псаломъ: «Господь — просвѣщение мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь — защититель животу моему, отъ кого ся устрашу?»* и прочее псалма того поющи, исхожаху вси, единого или два брата оставльше, да хранятъ монастырь. Не бо въ немъ ничтоже татѣми крадомо, но церкви безъ службы да не станеть. Коиждо же ихъ ношаше пищу себѣ, якоже хотяше: овъ убо мало хлѣба, овъ же — мало смоквы, инъ же — финики, друзии же — сочиво, моченое въ водѣ, а друзии же — ничтоже, точю тѣло свое и рубища, яже ношаху. И егда тѣло ихъ нужаше, былемъ и травкою питахуся пустынною. И прехожаху Иерданъ и разлучахуся далече отъ себе и не вѣдыаху другъ друга, како поститься или како подвижашеся. И аще кто узритъ друга своего, идуща къ собѣ, и абие уклоняшеся на иную страну и о собѣ живяше, Богу поя присно.

Сиче убо весь скончавають постъ, възвращають же ся въ монастырь въ недѣлю, яже есть преже въскресенна Христова, въ нюже празднество *цвѣтное*

твое среди людей, но никто же не совершенен. Так узнай же, сколько есть иных способов спасения. Выйди из земли (этой), как Авраам из дома отца своего, и пойди в монастырь, расположенный на Иордане».

Старец же тотчас покинул монастырь свой и пошел вслед возвестившему. Пришел он, ведомый волей Божьей, в Иорданский монастырь. Постучал в ворота, и поведали игумену. И, войдя, поклонился Зосима по обычаю монашескому. Спросил его игумен: «Откуда ты, брат, и зачем к нам, нищим, пришел?» Отвечал же Зосима: «Откуда пришел — не спрашивай меня, ибо пришел я пользы ради. Слышал я о деяниях ваших великих и достохвальных, способных приводить души к Христу, Богу нашему». Сказал ему игумен: «Один Бог, брат мой, исцеляет человеческий род. Пусть он научит и тебя и нас и наставит тебя на полезные дела». И когда сказал так игумен Зосиме, поклонился Зосима и, помолившись, произнес: «Аминь!» И остался в монастыре.

Видел Зосима старцев, деяниями и делами сияющих, пение их было непрестанно, и все ночи простаивали они на молитве, и в руках их всегда было дело, и псалмы в устах их, а пустых разговоров у них не бывало, заботились же они о том, чтобы мертва была плоть их. Пищей же им служили слова божественные, тело же питали хлебом и водою. Видя это, удивлялся Зосима и следовал им в подвижничестве.

Когда прошло немало времени, приблизились дни святого поста. Ворота монастыря были затворены и не отворялись никогда: безлюдно было то место и труднодоступно и неизвестно простым людям. Был же такой обычай принят в монастыре, ради которого Бог и привел сюда Зосиму. В первую неделю поста служил священник святую литургию, и все причащались святых тайн пречистого тела и крови Господа нашего Иисуса Христа и еды мало вкушали. Потом же, собравшись в церкви, вознося молитвы и преклонив колени, целовали друг друга и игумена и после молитвы открывали ворота монастырские, стройно распевая псалом: «Господь — свет мой и спаситель мой, кого мне бояться? Господь — защитник жизни моей, кого устрашусь?», и далее псалом тот распевая, выходили все, одного или двух братьев оставив, чтобы охраняли они монастырь. Не было в нем ничего, на что покусились бы воры, но не должна церковь оставаться без службы. Каждый из них брал с собою пищу, какую хотел: один — немного хлеба, другой же — немного инжира, иной же — финики, другие же — чечевицу, размоченную в воде, а другие — вообще ничего не несли, только тело свое и рубище, на нем одетое. И когда тело их требовало, то питались былием и травой, росшей в пустыне. И переходили они Иордан и расходились в разные стороны, и не знали друг о друге, как кто из них постится и как подвизается. И если кто видел друга своего, к нему направляющегося, то сворачивал в сторону, и каждый пребывал сам по себе, беспрестанно славословя Богу.

Так проводили они весь пост, в монастырь же возвращались в воскресение, предшествовавшее воскресению Христову, в день, в который празднество

пришло есть церкви.* Възвращахуся, имѣа коиждо плоды своа и съвѣсть вѣдуша свою, якоже коиждо сдѣлалъ есть. И никтоже никогоже не въспрашаше, како ся потруди. Таковъ бѣяше уставъ монастыря того.

Тогда убо Зосима по обычаю монастырьску прииде на Иорданъ, мало пища съ собою нося, требованиа ради телеснаго, и пресвятый ношаше преданный образъ служебный творяше, сквозѣ пустыню проходя. И вкушаше, егда тѣло требоваше, нужда ради, поспаше мало, на земли возлежа. Зѣло же рано паки вѣсташе и свое течение сътворяше, възжелѣвъше въ пустыню внити, негли бы обрелъ поне единого отца, живуша в ней, постящася.

И приложися желание ему к желанию. Шед же осми дней, ста мало от пути въ время 6-го часа, и обратився на вѣстокъ, творяше обычную молитву. Престояше мало от пути и почиваше во время коегождо часа, поя и кланяся. И егда *стояше* и пояше и видѣ одесную яко сѣнь, аky челоувѣчьска телеси. Исперва убояся, мняше привидѣние бѣсовское суще. И трепетень бывъ и знаменася знаменiemъ крестнымъ, и страх отложивъ всъ, пребысть без боязни. Уже бо бѣ кончаа молитву и, обратився, възрѣ горѣ очима на полудне и видѣ нѣкоего ходяща, нага тѣломъ и чръна видѣниемъ от солнечнаго горѣния, власы же имѣяше на главѣ бѣлы, аky волну, и краткы, яко точью до выа досягающа. Се убо Зосима видѣвъ и рад бывъ о преславномъ томъ видѣнии и нача теши на ту страну, на ней же *видимое* идяше, и радовашеся радостию великою, не бѣ бо видѣлъ в ты дни видиниа челоувѣчьска, ни птичьа, ни звѣрина, ни гада.

Егда же и та видѣ издалеча Зосиму и нача теши и бѣжати в нутрьнюю пустыню. Зосима же, яко забывъ свою старость и *трудъ путный*, быстро течаше, хотя постигнути бѣжащее. Сей убо бѣжаше, а онъ женяше. Быстро бо течение Зосимово, быстрие бѣжащаго. И егда приближися, яко мощи уже глас слышати, и нача вопити Зосима, сицевыми глаголы глаголя съ слезами: «Что мене бѣжиши, старца грѣшна, рабе истиннаго Бога, егоже ради в пустыни сей живеши? Пожди мене грѣшнаго и недостойнаго и немощнаго. Подаждь ми, старцю, твою молитву и благословение, тако ти Бога не отめщася никогоже николиже». Зосиму же съ слезами глаголющу сице, и быста на единомъ мѣстѣ, текуща и глаголюща, яко потокъ сухъ, и не мноу, течаше потокъ коли.

Егда же прииде на мѣсто бѣжащее и сниде абие на другую страну, Зосима же, *утрудився* и не могый теши, уже ста на друзѣ странѣ потока и приложи къ слезамъ слезы и к воплю вопль. Тогда тѣло бѣжащее возпи гласомъ *сицевъ* к нему и рече: «Авва Зосиме, не могу, обратившись, явитися лицу твоему: жена бо есмь нага и боса, якоже мя видѣши, студ телесный непокровень имущи. Но всяко, якоже хочещи женѣ грѣшнѣ *молитву* ... даровати, то поврзи ми портище, еже носиши, да покрыю си немощъ женьскую, да *обращуся* к тобѣ и молитву прииму от тебе». Тогда устрашися

Цветное наступает в церкви. Возвращались с плодами подвига своего и осознавая каждый, что совершил он. И никто никого не расспрашивал, как он потрудился. Так было уставлено в монастыре том.

Тогда и Зосима по обычаю монастырскому пришел на Иордан, взяв с собою немного пищи для удовлетворения нужды телесной, и установленную службу совершал, бредя через пустыню. И ел по необходимости, когда тело того требовало, и спал мало, лежа на земле. Чуть свет снова вставал и продолжал свой путь, надеясь, углубившись в пустыню, обрести там хотя бы одного *〈святого〉* отца, живущего в ней и постящегося.

И все усиливалось его желание. Когда пробродил он уже восемь дней, остановился он как-то в шестом часу дня и, обратившись на восток, творил обычную молитву. Ежечасно прерывая свой путь ненадолго и отдыхая, пел он *〈псалмы〉* и клал поклоны. И когда так стоял и пел, увидел справа от себя словно бы тень, напоминающую человека. Сперва Зосима испугался, думая, что это видение бесовское. И затрепетал, и осенил себя крестным знамением, и, преодолев страх, перестал бояться. Уже кончал он свою молитву, когда, обратившись лицом на юг, поднял взор и увидел, что идет кто-то, нагой и черный с виду от солнечного загара, волосы же на голове его были белы, словно шерсть, и коротки, так что едва достигали шеи. Увидев это, Зосима обрадовался дивному тому видению и направился в ту сторону, где двигалось виденное им, и радовался радостью великой, ибо не видел во все те дни ни человека, ни птицы, ни зверя, ни гада.

Когда же и тот увидел издали Зосиму, то пустился бежать, удаляясь в глубь пустыни. Зосима же, словно забыв свою старость и усталость от пути, поспешал, желая догнать убегающее. Тот же убегал, а этот преследовал. Быстро шел Зосима, но еще быстрее убегавший. И когда приблизился к нему Зосима настолько, что можно уже было расслышать голос, то начал кричать, со слезами обращая к нему такие слова: «Зачем от меня, старца грешного, убегаешь, раб истинного Бога, ради которого в пустыне этой живешь? Подожди меня, грешного, и недостойного, и немощного. Даруй мне, старцу, твою молитву и благословение, как и я, ради Бога, не отторгаю от себя никого и никогда». В то время, когда Зосима говорил так со слезами, идя и говоря при этом, оказались они у русла сухого потока, — не знаю, тек ли поток тот когда-либо.

Когда же дошел до того места убегавший, то поспешно спустился до противоположного склона *〈русла〉*, Зосима же, устав, не в силах был больше идти и остановился на другой стороне ложбины и смешал со слезами слезы и рыдание с рыданием. Тогда тело убегавшее возопило громко и сказало ему: «Авва Зосима, не могу, обернувшись, предстать перед лицом твоим: ибо я женщина, нагая и босая, как видишь, и срам тела моего не покрыт. Но все же, если хочешь одарить жену грешную молитвой, то брось мне одеяние, которое носишь, чтобы прикрыла я свою немощ женскую, и тогда обернусь к тебе и

тѣлом Зосима, ужасеся умом, слышавъ именемъ себѣ зовуща, и рече в себѣ: «Яко не бы именемъ звала мене, аще не бы прозорлива была». И створи въскорѣ реченое ему, и снем ризу ветхую и раздраную, юже носаше, и верже ю к ней, и обратися лицемъ от нея. Она же, взявши ю, препоясая и прикры обѣ странѣ телеси, еже достояше прикрыти паче инѣхъ частей тѣла.

Обратися к Зосиму и рече ему: «Что ти мнится, авва Зосиме, грѣшную жену, что хотя видѣти у нея или навикнути, толика труда не обликнися створити?» Он же, на землю поклонивъ колѣни свои, просяще благословения по обычаю. Также и она поклонися, и лежаста оба на земли, просяще благословения другъ от друга. И ничтоже не бѣ слышати от нею глаголема, но точию: «Благослови мя». И егда мину многоъ час, рече же она к Зосиму, яко «тебѣ подобаетъ паче молитву творити. Ты бо прозвутерскою честию почтенъ еси, ты бо олтарю Божию въ мнозѣхъ лѣтахъ предстоиши и многожды святыя дары Господу приносиши». Си же словеса в болий страх Зосиму вложиша, и трепетенъ бывъ старецъ, потяшеся и стоняше, и глас его крашашеся. Рече же к ней кроткимъ измолкшимъ гортанемъ: «О мати духовнаа! Яко ты Богу паче приблизилася еси и множайшею частию от мира умертвилася еси, являеть же ти ся данный даръ, еже мя именемъ зовещи и прозвутера нарицаещи, егоже николиже видѣ. Тѣмъ же паче сама благослови мя Господа ради и подай же молитву требующему твоего свершения».

Ослабѣвшу же прилѣжанію, она рече старцу: «Благословенъ Богъ, человѣчскаго рода хотя спасенію». Зосиму же рекшу: «Аминь». И вѣстаста оба от земля. Она же рече къ старцу: «Что ради ко мнѣ, грѣшницѣ, пришелъ еси, о человѣче Божій? Что ради въсхотѣлъ еси видѣти жену нагу, всякоа добродѣтели не имущи? Обаче благодать Святаго Духа наставила тя есть, да едину службу скончаваеши ми, тѣлу моему на потребу. Рци же ми, отче, како крестьяне живутъ нынѣ? Како ли цари? Како ли церкви?» Зосима же отвѣща, глаголя: «Молитвами вашими святыми миръ свершенный даровалъ есть Богъ. И прииди на молбу, старице, и помолися за весь миръ Господа ради и за мене грѣшнаго, да не будетъ ми бесплодно пустынное хождение». Она же отвѣща к нему: «Тобѣ достойно, авва Зосима, священный имѣюще чинъ, за миръ и за вся молитися, на то бо порученъ еси. Обаче повелѣно ны есть послушати, и повелѣное тобою *да сътворю*».

И се рекши, обратися на вѣстокъ и очи возведши на небо и руцѣ воздвигши и нача шептати. Рѣчи же ея не бѣ разумѣти. Тѣмъже Зосима, ничтоже тоя молитвы не разумѣваше, стоящи, якоже глагола, трепетенъ, долу зря, и ничтоже не глагола. Кленяшеся Богомъ, глаголя, яко «егда видѣхъ ю, творящу молитву и медлящу, и, мало въсклонихся от ничанія своего, видѣхъ ю стоящу на воздусѣ от земля яко лакти одинаго». Тогда видевъ ю, Зосима в

молитву приму от тебя». Тогда затрепетал телом Зосима и ужаснулся разумом, услышав, что назвали его по имени, и сказал сам себе: «Она меня по имени не назвала бы, если бы не была прозорлива». И сделал тотчас же, о чем просила его, сняв ризу ветхую и драную, что носил на себе, бросил ей и отвернул лицо свое от нее. Она же, взяв ризу, обернула ею тело и прикрыла с обеих сторон то, что подобало скрыть более, чем другие части тела.

Повернувшись она к Зосиме и сказала ему: «Что тебе вздумалось, авва Зосима, повидать грешную жену и чему хочешь у нее научиться, что не поленился такие трудности перенести?» Он же, преклонив колени свои, просил, как подобает, благословения. Так же и она поклонилась ему, и лежали оба на земле, прося благословения друг у друга. И ничего не было слышно произносимого ими, кроме: «Благослови меня». И когда так прошло немало времени, сказала она Зосиме: «Тебе более, чем мне, подобает молитву творить. Ты ведь священническим саном почтен, ты ведь алтарю Божьему многие годы предстоишь и многократно святые дары Господу приносишь». Эти слова привели Зосиму в еще больший страх, и вострепетал старец и покрылся потом, и застонал, и голос его стал прерываться. Обратился он к ней едва слышным голосом: «О мать духовная! Так как ты к Богу более меня приблизилась и в большей мере умертвила себя для всего мирского, то и проявляется тебе дарованный дар: меня по имени зовешь и священником называешь, хотя никогда не видела. Поэтому лучше ты сама благослови меня Господа ради и даруй молитву мне, нуждающемуся в твоей помощи».

Уступив просьбе его, отвечала она старцу: «Благословен Бог, желающий спасения рода человеческого». Зосима же отвечствовал: «Аминь». И поднялись оба с земли. Она же спросила старца: «Чего ради ко мне, грешнице, пришел ты, человек Божий? Почему захотел увидеть женщину нагую, всякой добродетели лишенную? Однако благодать Святого Духа наставила тебя, чтобы оказал ты мне одну услугу, на пользу телу моему. Скажи же мне, отче, как христиане живут теперь? Как цари? Как церковь?» Зосима же отвечал, говоря: «Молитвами вашими святыми мир совершенный даровал Бог. И приступи к молитве, старица, и помолись за весь мир Господа ради и за меня грешного, да не останется бесплодным мое хождение по пустыне». Она же ответила ему: «Тебе достойно, авва Зосима, имеющему священнический чин, за мир и за всех молиться, ибо это и поручено тебе. Однако велено нам других слушаться, и сотворю то, что велишь ты».

И сказав так, повернувшись она к востоку и, глаза возведя к небу и руки воздев, начала шептать. Слов ее нельзя было разобрать. Поэтому Зосима ничего из той молитвы не уразумел, стоял, как сказал я, трепеща и в землю глядя и ни слова не произнося. Клялся Богом, говоря: «Когда наблюдал я за ней, творящей долгую молитву, то, немного приподнявшись от поклона своего, увидел, что стоит она на воздухе приблизительно на локоть от земли». Тогда же, видев это,

большой страх впаде и повржесе на земли и потяся зѣло и ничтоже не глагола, но точю: «Господи, помилуй!» На земли лежа, старецъ блазняшесе мыслию: «Егда како привидѣние естъ и молитвою блазнит мя?» И обратившися жена и въздвигну старца и рекши: «Почто, авва Зосиме, помышления смущаютъ тя, яко привидѣние есмь? Ей, молю тя, блажене, извѣстно ти буди, человекче, яко жена грѣшна есмь и крещениемъ ограждена, а привидѣние нѣсмь, но земля и прахъ и попель, все же *от* плоти, николиже духовнѣ помысливши». И се рекши, знаменася знаменіемъ крестнымъ чело, и очи, и уста, и перси, глаголюще сие: «Авва Зосима! Богъ да избавитъ ны отъ діавола, отъ лаанія его, яко многа ны брань».

Си же слышавъ и видѣвъ, старецъ паде предъ ногама ея, со слезами глаголя: «Заклинаю тя Христомъ Богомъ нашимъ, родившимся отъ Дѣвы, егоже ради наготу сию носиши. Не утай мене житія своего, но все повѣжь ми, да величїе Божїе явѣ створиши всѣмъ. Рци ми все Бога ради! Не хвалы бо ради изречеши, но да извѣстиши ми, грѣшнику и недостойну. Вѣрую бо Богу моему, емуже живещи, яко сего ради наставленъ есмь въ пустыню сию, да твоя Богъ вся явѣ створитъ. И нѣсть како немощи нашей сваритися съ судьбами Божїими. Аще бо бы Христосъ нашъ не хотѣлъ, дабы ты *увѣда*-на была и подвижаніе твое, и тебе не бы явилъ, и мене бы на толикъ путь не бы укрѣпилъ, николиже хотѣвша, не могуща изыти отъ келїа своеа».

Сие много ино изрекшу Зосиму, и воздвиже жена речь ему: «Срамляюся, отче, студнаа моя дѣла изрещи. Но понеже тѣла моего наготу видѣ, обнажаю ти и дѣла моя, да разумѣеши, колика студа наполнихся, и срамоты полна естъ душа моя. Не хваления ради, якоже рече, но и не хотя своего житія исповѣдаю ти. Сосуд избранъ діаволу бывшу ми. *Вѣдѣ* же, яко аще начну повѣдати житіе свое, бѣжати имаши отъ мене, якоже кто отъ змія, не трѣпѣть слышати ушима, якоже не достойная сѣтвори. Обаче глаголю не молчаши ничтоже, заклинаящи тя прѣвїе непрестанно молитися за мя, яко да обрящу милость въ день Судный».* Старцу же нудящу ю и непрестанно плачущу, она же начатъ повѣстовати, глаголюще сие.

«Азъ, господи, рожена быхъ въ Египтъ, и еще сущима родителема моима живома и бывшу ми 12 лѣтъ, отврѣгшу ми ся отъ любви ею и изыдохъ азъ во Александрию. И егда прѣвїе дѣвѣство свое осквернихъ, тогда неудержанно и насытно творяхъ любодѣаніе. Стыжу же ся *помыслити сие безцїстїе и глаголати*, но понеже въскорѣ реку ти, да разумѣеши неудержаніе плоти моеа. 17 лѣтъ и боле створихъ, всѣмъ невозбранно плоть свою даючи и мзды не емлющи. Тако ми правда истинна. И хотящимъ *ми* даяти мзды, возбраняхъ. Се же умыслихъ, да множество сѣтворихъ приходити ко мнѣ даромъ и скончати желаніе и хотѣніе мое. Не мни же мене, яко богата сущи, не взимахъ, въ нищетѣ бо живяхъ, аще и

Зосима еще более испугался и пал на землю, и покрылся испариной, и ничего не говорил, кроме как: «Господи, помилуй!» Лежа на земле, старец терзаем был сомнением: «А что если приведение это и молитвой искушает меня?» И обернулась к нему женщина, и подняла его с земли и сказала: «Почему, авва Зосима, сомнения одолевают тебя — не привидение ли я? Нет молю тебя, блаженный, пусть будет, человек, известно тебе, что я женщина грешная и крещением ограждена, а не привидение, и есть я земля, и пыль, и прах, все во мне плотское, никогда не мыслю о духовном». И сказав это, осенила крестным знаменiem и лоб, и глаза, и уста, и грудь, говоря так: «Авва Зосима! Да избавит нас Бог от дьявола, от поношений его, ибо постоянно боремся мы с ним».

Слыша это и видя, упал старец к ногам ее, говоря со слезами: «Заклинаю тебя Христом Богом нашим, родившимся от Девы, во имя которого наготу эту переносишь. Не скрой от меня жития своего, но обо всем поведай мне, чтобы всем стало явным величие Бога. Расскажи мне обо всем, Бога ради. Не похвалбы ради Расскажи, а чтобы поведать мне, грешному и недостойному. Верую я Богу моему, с именем которого живешь ты, что того ради и надоумил меня прийти в пустыню эту, чтобы было явлено все о тебе. И нет никакой возможности нашей немощи спорить с предначертаниями Божьими. Если бы Христос наш не пожелал, чтобы узнали о тебе и о подвиге твоём, то и тебя бы не показал и меня не подвигнул бы на такой путь, никогда не хотевшего и не могшего выйти из кельи своей».

И многое другое говорил Зосима, и ответила женщина ему: «Стыжусь я, отец, о постыдных делах моих рассказать. Но раз уже ты наготу тела моего видел, то обнажу перед тобой и дела мои, чтобы ты понял, какой стыд я испытываю и какого срама исполнена душа моя. Не похвалбы ради, как сказал ты, но и сама того не желая, расскажу я о своей жизни. Была я сосудом, избранным дьяволом. Знай же, если я начну рассказывать тебе о жизни своей, то захочешь ты бежать от меня, как бегут от гадюки, ибо невозможно слышать ушам, какое непотребство я творила. Однако говорю, ни о чем не умалчивая, заклиная тебя прежде всего непрестанно молиться за меня, чтобы обрела я милость в день Судный». Когда же старец стал настойчиво со слезами упрашивать ее, начала она рассказ, так говоря.

«Я, господин, рождена была в Египте, и когда были еще живы мои родители и было мне 12 лет, то пренебрегла я их любовью и ушла от них в Александрию. И с тех пор как девичество свое осквернила, стала я безудержно и ненасытно предаваться любодеянию. Стыдно мне вспоминать об этом бесчестии и рассказывать, но так как сейчас поведаю тебе, узнаешь ты о невоздержанности плоти моей. 17 лет и более я так поступала, всем безотказно тело свое предлагая и платы за это не беря. Такова истинная правда. А хотевшим меня одарить — возбраняла. Так придумала я поступать, чтобы многие приходили ко мне задаром и удовлетворяли похоть и вожделение мое. Не подумай,

много изгребий приях, неудръжанно рачение всегда в тимении валяхуся, то *мнях* жизнь, еже всегда творях хотѣние телесное.

Тако ми живуши, видѣхъ во время жатвы народа много муж — ливiane и египтяне — идуша на море. Въспросих же единого срѣтших мя, рекох к нему: „Камо идут мужи си текущен?“ Он же рече: „Въ Иерусалимъ на Воздвижение святаго честнаго креста,* еже скоро будет“. Рекох же к нему: „Поимут ли мене, убо аще пойду с ними?“ Он же рече: „Аще имаши наемъ и брашно, то никтоже ти не възбранить“. Ркох же к нему: „Воистину, брате, ни наима, ни брашна не имам, но иду и влѣзу с ними в корабль, и питати мя имут не хотяща: тѣло бо мое — то дамъ им за наемъ“. Сего ради хотях, отче, ити *наипаче*, да приобретаю множайшаа рачителя тѣлу моему. Рекох же ти, отче Зосиме, не нуди мене изрещи студа моего: вѣсть бо Господь Богъ, яко ужасаюся, *оскверняяще тебе и воздух словесы своими*».

Зосима же, слезами умакаа землю, отвѣща к ней: «Глаголи, Господа ради, мати моа, глаголи и не престани от полезныа повѣсти». Она же абие к первой повѣсти сия приложи. «Тотъ же убо уноша, бестудие моих словес слышавъ, восмѣявся, отиде. Аз же пряслицу повръгши, юже рѣтко ношах, текох на море, аможе и уноша тече. И видѣхъ при морѣ стояща яко 10 муж или боле телесы юны. Аз же возрадовался, видящи я буя образом и бесѣдою, яко доволни суще похоти моей. Бѣша же друзии в корабль вошли. И по обычаю *моему* въскочих в ня, рекох имъ: „Поимите мя, аможе и вы идете. Не имам бо вамъ обрѣстися неугодна“; и ина же словеса изрекох, множайша сих, створих же всѣмъ восмѣяться. Они же, бестудие мое видѣвше, поимше мя, введоша меня в корабль свой, и оттуду начахом плыти.

Како же ти прочее повѣдаю, отче? Кый язык изречет или кый слух вонметъ бывша дѣла моа злаа на пути и в корабли: яже, тѣмъ не хотящим, нуждах творити им бестудный образ любодѣяния, изрицаемый же и неизрицаемый, емуже бых оканным тѣлом учитель. И нынѣ ими ми вѣру, отче, дивлюся, како стерпѣ море любодѣяние мое, како ли не раздвиже земля устъ своих и живы не сведе мене въ ад, душъ прельстившиа *толико* {...}. Но мню, яко покаания моего искаше Богъ, не хочет бо смерти грѣшником, но ожидает долготрѣпниемъ обращения моего.*

Сице убо с тацѣмъ тщаниемъ вздыхом во Иерусалимъ. И елико же дней *створих* прежде праздника, то же дѣло створих, паче и горѣ того. И не доволни быша бывшии съ мною в корабли и на пути, но ины многы оскверних, гражаны же и странники збирах на то.

что я была богатой и потому не брала платы: жила я в нищете, хотя немало льна пряла, и была неудержима в своем желании всегда пребывать в грязи и считала жизнью то, что постоянно ублажала вожделение телесное.

Так я и жила и увидела как-то в пору жатвы множество мужчин — ливийцев и египтян, — направляющихся к морю. Спросила я одного из встретившихся мне и сказала ему: „Куда так спешат эти люди идущие?“ Он же ответил: „В Иерусалим, на <праздник> Воздвижения святого честного креста, который скоро настанет“. Сказала я ему: „Возьмут ли меня с собою, если вдруг я поеду с ними?“ Он же отвечал: „Если есть у тебя деньги на проезд и еда, то никто тебе не воспрепятствует“. Я же сказала ему: „По правде говоря, брат мой, ни денег, ни еды не имею, однако пойду и взойду с ними на корабль, и будут кормить меня, сами того не желая, ибо тело свое отдам им в уплату“. Захотела я, отче, поехать более всего потому, что рассчитывала найти многих усладителей телу моему. Сказала же тебе, отче Зосима, не принуждай меня рассказывать о позоре моем: ведь знает Господь, что сама ужасаюсь, оскверняя тебя и воздух своими словами».

Зосима же, слезами орошая землю, отвечал ей: «Говори, Господа ради, мать моя, говори и не прерывай свой полезный рассказ». Она же к сказанному ранее добавила следующее. «Тот же юноша, услышав бесстыжие слова мои, засмеялся и отошел. Я же, бросив прялку, которую изредка носила с собой, поспешила к морю, куда шел и юноша. И увидела стоящих на берегу моря десять или более молодых мужчин. Я же обрадовалась, увидев, что они развязны с виду и речами и подойдут для удовлетворения моей похоти. Другие же уже на корабль взошли. И по своему обычаю я, подбежав к ним, сказала: „Возьмите меня с собой туда, куда вы идете. Не окажусь я вам бесполезной“, и еще многие слова им сказала, так что всех заставила рассмеяться. Они же, видя мое бесстыдство, взяли меня с собой, ввели на свой корабль, и оттуда начали мы плавание.

Как же я тебе, отче, остальное расскажу? Какой язык произнесет или какое ухо способно слышать о творимых мною грязных делах в пути и на корабле: даже когда и не хотели они, заставляла я их предаваться бесстыдным делам любострастным, о которых и можно и нельзя говорить, в которых была я наставница окаянными своим телом. И теперь — поверь мне, отче, — удивляюсь, как стерпело море любодеяние мое, как не разверзла земля пасть свою и живой не свела меня в ад, меня, совратившую столько душ. Но думаю, что на покаяние мое надеялся Бог, не желает ведь он смерти грешникам, но долго и терпеливо ожидает моего обращения к себе.

Так вот с усердием добрались мы до Иерусалима. И сколько дней оставалось до праздника, столько дней я творила свои дела, и еще того хуже. И оказалось мне недостаточно бывших со мной на корабле и в пути, но и других многих горожан и приезжих привлекла к себе и осквернила.

Егда же приближися святыи праздникъ Воздвижение честнаго креста, азъ же убо *акы* преже обхожах, душа уных улавляющи. И видѣх зѣло рано вся въ церковь идуша. Идох же азъ, текущи с текущими. И придох же с ними и внидох въ церковный притворъ. И егда бысть часъ святаго воздвижения, рекох же в собѣ: „Аще мя и отрюють, то понуждуся, негли вниду с народом”. Дошедши же и мнѣ до дверей церковных, в нейже животворящее древо лежить, с трудом и скорбию доити нуждахуся, окааннаа. Егда же *воступих* на порогъ церковных дверей, вси бо безъ возбранения внидоша, мене же возбрани нѣкаа Божия сила, не дадуши ми внити, и паки покусихся внити, и далече отринухся от дверей. Едина же въ притворѣ стояща, мнях, женского немощью сие ми бысть. И паки инѣх примѣсихся, нуждахся, локотѣми отрѣющи. И трудихся без ума, и паки, *егда* убогаа нога моа порозѣ ся косну, вся приа церковь, никомуже не възбраняющи, мене же не принимаше. Но яко множество воин учинено вход затворити, тако и мнѣ возбрани нѣкаа сила Божия, и паки обрѣтохся во притворѣ.

Сиче трижды и четирижды пострадавши и трудившися, уже и к тому не *могущи* отрягтися, уже ни рѣема быти, отидох и стах въ углѣ паперта церковнаго. И егда нѣкогда чювьство бысть ми возбранению видѣние животворящаго креста, косну бо ся сонѣ очию сердца моего, показаа ми, яко тимѣние дѣлѣ моих възбраняеть ми входа. И начах плакати и рыдати и в перси бити, и въздыхати из глубины сердца, износящи слезы. Плачущися на мѣсти, на немъже стояхъ, возрѣвши пред ся и видѣх икону пречистыа Богородица стояшу и рекох к ней: „Дѣво Владычице, родившиа плотию Бога Слова, *вѣдѣ* бо, яко нѣсть лѣпо, ни угодно мнѣ, скверници и блудници, на *честную* икону твою, Приснодѣвѣа, зрѣти, имѣюшу ми душу и тѣло нечисто и скверно. Праведно бо есть мнѣ, блудници, ненавидими быти и мръзити ми чистою твоею *иконою* ... Но обаче, понеже слышах, яко сего ради Богъ человекъ бысть, и его же ради „да призывает грѣшники в покаяние”,* помози ми единой, не имѣю бо никакояже помощи, *повели*, да ослаблено будетъ ми вхождение церковное, не възбрани ми видѣти древо, на немъже распятыа плотью Богъ, „егоже ради кровь свою за мое избавление *дасть*”.* Повели ми, Владычице, да ми отвързутся двери святаго поклоняния крестнаго. И ты ми буди поручница доволна к роженному ис тебе, яко уже плоти сея моя не имам к тому осквернити никоеюже скверною *плотскою*. Но егда узрю древо креста Сына твоего, мира сего отрекуся, абие же тогда изыду, аможе наставиши мя, поручница ми еси”.

И се рекши ми, яко едино извѣщение приемши ражѣждениа вѣры, и милосердой Богородици надѣявшися, двигнухся с мѣста того, на немъже *стоях*, молитву дѣяхъ. И придох, паки со влазящими примѣсихся, и не бѣ уже отриющаго мене, никогоже възбраняющаго мене нѣсть въ церковь внити. Приять же мя трепетъ и ужасъ, и, възклонся, стряхохся. Потомъ же дошедши

Когда же приблизился светлый праздник Воздвижения честного креста, я, как и прежде, шлялась, уловляя души юных. И увидела рано утром, что все идут в церковь. Пошла и я вместе с идущими. И пришла с ними и вошла в церковный притвор. И когда настал час святого воздвижения <креста>, сказала я сама себе: „Если меня и оттолкнут, то постараюсь — а ну как войду с народом”. Когда же подошла я к дверям церкви, в которой покоится животворящее древо, то с усилием и в отчаянии попыталась я, окаянная, войти в нее. Но едва вступила я на порог дверей церковных, как все беспрепятственно входили внутрь, меня же останавливала некая Божия сила, не давая мне войти: и снова попыталась войти и была далеко отринута от дверей. Одна осталась я стоять в притворе, думая, что все это из-за моей женской слабости. И снова, смешавшись с другими, пробивалась я, работая локтями. Но бесплодно было мое старание: снова, когда несчастная моя нога коснулась порога, всех приняла церковь, никому вход не возбраняя, меня же не приняла. Словно множество воинов было приставлено вход собой заслонить, так и мне препятствовала некая сила Божия, и снова очутилась я в притворе.

Вот так трижды или четырежды мучилась я и старалась, и поэтому, не в силах ни пробиться, ни сносить толчки, отошла и стала в углу паперти церковной. И когда поняла я, что мешает мне увидеть животворящий крест, сновидение снизошло на очи сердца моего, показывая мне, что грязь поступков моих препятствует мне войти. И начала я плакать, и рыдать, и бить себя в грудь, и вздыхать из глубины сердца, проливая слезы. Плача на том месте, где стояла, взглянула я перед собой и увидела икону пречистой Богородицы, и обратилась к ней: „Дева Владычица, родившая во плоти Бога Слова, знаю я, что не подобает и непристойно мне, скверной и блуднице, взирать на честную икону твою, Приснодевы, ибо душа и тело мое нечистые и скверные. И по заслугам мне, блуднице, быть ненавидимой и мерзкой перед честной твоей иконой. Но, однако (так как слышала я, что Бог принял облик человеческий того ради, чтобы «призвать грешников к покаянию»), помоги мне одинокой, не имеющей никакой помощи: повели, чтобы было мне разрешено войти в церковь, не запрети мне увидеть древо, на котором был распят во плоти Бог, „отдавший кровь свою за мое избавление”. Сделай так, Владычица, чтобы открылись передо мной двери для поклонения святому кресту. И будь ты за меня надежной поручительницей перед рожденным из тебя в том, что уже никогда плоти моей не оскверню плотской скверной. Но когда увижу древо креста Сына твоего, отрекусь от мира этого и тотчас уйду, куда наставишь меня пойти, став поручительницей моей”.

И когда сказала я это, то, словно бы некую весть получив, ощутила, как разгорается во мне вера, и с надеждой на милосердную Богородицу шагнула с места того, на котором стояла, молясь. И направилась снова в церковь, смешавшись с входящими, и уже не было никого, кто оттолкнул бы меня, никого, кто бы помешал мне войти в церковь. Охватил меня трепет и ужас, и поклонилась я, вся

ми дверей, затвореных прежде, и бес труда внидох внутрь. Сподоблена же бых видѣниа честнаго и животворящаго креста, и видѣх тайны Божиа, и како готовъ есть приимати кающаася, падши же на земли и святое древо цѣловавши, изыдох, текущи, хотящи быти у поручници моей.

Придох же на мѣсто, *на немже обручение* исписано бысть рукописание,* и колѣни поклонивши пред иконою пресвятыа Богородица дѣвы, сими словесы начах глаголати сиче: „Ты убо Богородице Владычице, благословеннаа госпоже! Твое на мнѣ челоуѣколюбие, тебе не омръзити мое моление, недостойныа. Видѣх славу, юже въ правду, не презри мя, блудници. Слава Богу, приемлющему *тобою* покаание грѣшных. Что бо имам боле помыслити ли вѣщати, грѣшница сущи? Время есть уже, Владычице, свершения обѣщаниа, и поручение поручих. И нынѣ, амо же велиши, настави мя. Нынѣ паче ми буди учитель ко спасению, водящи на путь спасения”. Си словеса *глаголющи* ми, абие же слышах глас, глаголющ ми издалежа: „Иерданъ аще преидеши, добръ покой обрящеши”. *Азъ же глас той слышах* и емши вѣру, яко мене ради бысть глас сий, плачущи, въскричах и к Богородице възопих: „Госпоже Богородице, не остави мене!”

И сиче вопиущи, изыдох ис притвора церковнаго и быстро идох. Видѣвъ же мя единъ *идущу* и три мѣдници далъ ми, рекъ: „Возми, мати моа!” Аз же, возьмъ, купих 3 хлѣбы, въспросих же продающаго хлѣбы: „Челоуѣче, куды есть путь на Иерданъ?” Увѣдавши путь на ту страну, изыдохъ, текущи, и идох по пути, плачущи и путь свершаючи, день кончах. Бѣ бо 2-й час дни, егда крестъ видих и, заходящу солнцу, доидох церкви святаго Иоанна Крестителя, бывшую близъ Иердана. И церкви поклонившися, снидох на Иерданъ, и лице и руци умывши от святаы воды и пречастихся пречистых тайнъ и животворящих во церкви Предт(е)чевъ, и полъ хлѣба единого снѣдох, и от воды Иерданскыа пивши, и на земли той ноши поспях. Наутриа же обрѣтох корабль, приѣхавъ на ону страну Иердана, и паки молихся Богородице наставници: „Настави мя, Госпоже, яко самой ти угодно есть”. Поидохъ же в сию пустыню. И оттоле и до днешнего дне „удалихся бѣгаючи, в сей пустыни вѣдворяюшися, чаахъ Бога, спасающаго мя от премоганиа душа и буря”,* обращаючи ми ся к нему».

Рече же Зосима к ней: «Колико лѣтъ есть, отнелъже в пустыню сию вѣдворися?» Она же рече: «Мню, яко 40 и 7 лѣтъ есть, отнелъже изыдох от Святаго града». Рече же Зосима к ней: «Что обрѣте или что обрѣтаеши пищу себѣ, о госпоже моа?» Она же рече: «Полъ третиа хлѣба принесох от Иердана, иже помалѣ окамениша, *иссохше*, и мало ядохъ от нихъ, многа лѣта пребывах о нихъ». Рече же Зосима: «Како ли же без *болѣзни* пребысть толика лѣта, никакоже пакости приемлющи от незапнаго прѣложениа?» Рече же она: «Мене нынѣ въспросилъ еси, авва Зосима, аще убо въспоману вся тѣ напасти, яже претрадах, и помышления, яко сѣтвориша ми ся пакости, боюся, егда паки

дрожа. Потом дошла я до дверей, прежде для меня закрытых, и без труда вошла внутрь. И сподобилась увидеть честной животворящий крест и познала тайну Божию и то, как готов Он принять кающегося, упала на землю и поцеловала святое древо, и вышла, ибо хотела быть подле поручительницы моей.

Пришла я на то место, на котором клятва моя как бы была запечатлена, и, колени преклонив перед иконой пресвятой Богородицы девы, обратилась к ней с такими словами: „Ты, Богородица Владычица, благословенная госпожа моя! Твое ко мне человеколюбие в том, что не показались тебе отвратительными мольбы мои, недостойной. Увидела я воистину твою славу, не презрела меня, блудницу. Слава Богу, через тебя принимающего покаяние грешных! О чем еще могу я, грешница, подумать, о чем сказать? Настало уже время, Владычица, свершить мне обещанное и поручение твое принять. И теперь повели мне и напутствуй меня. С этих пор будь мне наставницей к спасению, ведя на путь спасения”. Едва произнесла я эти слова, как услышала голос, доносящийся издали: „Если Иордан перейдешь, то обретешь полный покой”. Я же, тот глас услышав и поверив, что ко мне обращен был тот глас, заплакала, запричитала и возопила к Богородице: „Госпожа Богородица, не оставь меня!”

И так, рыдая, вышла из притвора церковного и быстро пошла. Увидел меня, идущую, некто и подал мне три медяка, сказав: „Возьми, мать моя!” Я же, взяв их, купила три хлеба и спросила продававшего хлеб: „Человек, скажи, где дорога на Иордан?” Узнав дорогу в ту сторону, вышла (из города) и быстро пошла по дороге, плача, и в пути провела весь день. Был уже второй час дня, когда увидела крест и уже на заходе солнца дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. И поклонившись церкви, спустилась к Иордану и, омыв лицо и руки святой водой, причастилась пречистых и животворящих тайн в церкви Предтечи, и съела половинку хлеба, и испила воды из Иордана, и ту ночь проспала на земле. Наутра же, найдя ладью, переехала на другой берег Иордана и снова помолилась Богородице-наставнице: „Научи меня, Госпожа, как тебе самой будет угодно”. И пошла в эту пустыню. И с тех пор и до сегодняшнего дня „удалилась, скитаясь в этой пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от волнений душевных и бурь, меня, обратившуюся к нему”.

Сказал же ей Зосима: «Сколько же лет прошло с тех пор, как ты в пустыню эту пришла?» Она же отвечала: «Думаю, что 47 лет минуло, как вышла я из Святого города». Спросил Зосима ее: «Что же нашла и что находишь в пищу себе, о госпожа моя?» Она же отвечала: «Два с половиной хлеба принесла я с той стороны Иордана, которые понемногу зачерствели и высохли, и понемногу вкушала от них, находясь здесь многие годы». Сказал же Зосима: «Как же не болея пробыла ты столько лет, никаких невзгод не испытал от внезапной перемены жизни своей?» Она же отвечала: «Меня теперь спрашиваешь ты, отче Зосима, но если я вспомню о всех тех напастьях, которые перенесла, и мыслях,

тѣми же осквернена буду». Рече Зосима: «Госпоже моа! Ничтоже не остави, молю ти ся, егоже не исповѣси ми, и единою начала еси, тѣмъ все изглаголи».

Она же рече ему: «Вѣру ими ми, авва Зосиме, 16 лѣт створих в пустыни сей, аки съ звѣрми лютыми, с своими помышленьми боряся. Егда начах пищу сию примати, абие хотяше ми ся мясом и рыбам, яже бѣ иже въ Египтѣ. Хотяше ми ся вино, любимому мною, много бо вина пиях, егда бѣх в миру. Здѣ же ни воды имѣюще вкусити, и лютѣ распаляхся, бѣды не трпях. Бывше ми желание любодѣянных пѣсней лютѣ, яко възмущающися на пѣсни бѣсовьскыя, яже навыхох в мирѣ. Абие же прослезаящися и вѣроу в перси своа биючи, воспоминаючи завѣты, яже створих, в пустыню сию влазящи, и мысль, юже имѣх ко иконѣ святыа Богородица, поручници моея. И у ней плакахся и молихся отгнати ми помышления, тающи оканную ми душу. Егда же ся доволно бых наплакался и в перси умилено билася, тогда свѣтъ видях, всюду облистаючи мя, и тишина велиа в бурения мѣсто бываше ми. И помышления, рѣющаа мя на *любодѣяние* (...) како ти, авва, исповѣм? Огнь въ окаяннем ми разжигашеся сердци и *всю распаляше на желание* прилѣпа поостряше. Абие же, егда таковии въ помышление прихожаше ми, помѣтахся на земли и слезы проливах, мнящи, яко сама поручница ми стоит и истязает мя, яко преступльши завѣты, и муку за преступление даючи. Не бых встала от земнаго поверженна, аще бысть ключило день и ночь, дондеже сладкый онѣ свѣтъ осиялъ бы и пакости отгналъ. То *уже* (...) съвѣсть мою к поручници непрестанно возводях, просящи у нея помощи, приемлющи ми бѣду. Бысть же ми помощница и покаанию поспѣшница. И тако кончавъ 16 лѣтъ, бѣды тмами приемлющи. Оттолѣ до днешняго дне помощница та всегда помогаетъ ми».

Рече же Зосима к ней: «Да не потребовала ли еси уже пища и одежда?» Она же отвѣща: «Хлѣбы убо оны скончавши въ 16 лѣт, якоже рѣх ти, и питана бых зелиемъ и *былиемъ* и прочим, сущим в пустыни сей. Ризы же, в нихже бѣ прешла Иерданѣ, раздравшеся и распадошася. Многу же бѣду от зимы и от зноя пострадах, солнцемъ *горящи* и мразомъ омерзаючи и трясущися. Тѣмъже множицею, падши на земли, лежахъ бездушна и недвижима, множицею съ различными напастыми и бѣдами и мыслями боряхся. И оттолѣ и до днешняго дне сила Божиа многообразнаа грѣшную мою душу и тѣло мое съблуде. Помышляючи бо токмо, от толика зла избави мя Господь, пищу неизѣдаемую имам, упование спасения моего, питаюся и покрываюся глаголомъ Божиимъ, съдрѣжащимъ всячьскаа, „не о хлѣбѣ бо единомъ живѣть чловѣкъ”,* „зане не имяху покрова, то каменiemъ ся *облекоша*”,* елико их съвлечеся грѣхъныя ризы».

Слышавъ же Зосима, яко словеса книжнаа помяну от Моисея и от Иева и от псалмовъ,* рече к ней: «Неси ли ся учила, госпоже моа, книгамъ».

которые ввергали меня в соблазны, то боюсь, что снова ими же осквернена буду». Сказал Зосима: «Госпожа моя! Ничего не утай, молю тебя, ничего не скрой от меня, и раз уж начала, то обо всем и поведай».

Она же сказала ему: «Поверь мне, авва Зосима, 16 лет пробыла я в этой пустыне, словно со зверями лютыми борясь со своими помыслами. Когда стала эту пищу употреблять, то хотелось мне мяса и рыбы, как бывало в Египте. Хотелось мне вина, любимого мною, много ведь пила вина, когда жила в миру. Здесь же и воды не могла напиться и приходила в ярость, не в силах терпеть лишения. Одолевали меня страстные желания петь разгульные песни — влекло меня к песням бесовским, к которым привыкла в миру. Но затем, прослезившись, в порыве благочестия била себя в грудь и вспоминала обеты, которые дала, входя в эту пустыню, и мысли, с которыми обращалась к иконе святой Богородицы, поручительницы моей. И жаловалась ей и молила ее отогнать от меня помыслы, иссушившие окаянную мою душу. Когда же я долго плакала и в рвении била себя в грудь, тогда вдруг виделся мне повсюду свет, меня озаряющий, и бурю сменяла тишина великая. И как тебе, авва, расскажу о помышлениях моих, побуждавших меня к любодееанию? Огонь разгорался в моем окаянном сердце и всю меня распалал и порождал во мне плотские желания. Но едва такие мысли приходили ко мне, тут же бросалась я на землю и заливалась слезами, думая, что сама поручительница моя стоит рядом и истязает меня за то, что преступила я обеты, и за проступок этот обрекает на страдания. И не вставала бы я с земли, если бы пришлось, и день и ночь, пока не озарял меня блаженный свет и отгонял все мерзости. И постоянно душу свою перед поручительницей моей очищала, прося у нее помощи в постигшей меня беде. Была же она моей помощницей и побуждала меня к покаянию. И так провела я 16 лет, претерпевая бесчисленные беды. С тех пор и доныне помощница та всегда помогает мне».

Сказал же ей Зосима: «А не нуждалась ли ты в пище и одежде?» Она же отвечала: «Когда хлебцы те кончились за 16 лет, как уже говорила я тебе, питалась я растениями и травами, и прочим, что находила в пустыне этой. Одевания мои, в которых я перешла Иордан, изодрались и истлели. Многие тяготы претерпела я от холода и от зноя, солнцем опаляема и в морозы замерзая и дрожа. Поэтому не раз, упав на землю, лежала я, бесчувственная и неподвижная, многократно борясь с различными напастями, бедами и помыслами. И с тех пор и до нынешнего дня сила Божья разными путями хранила грешную душу мою и мое тело. И только думаю я: от какого зла избавил меня Господь, ибо имею я пищу неистощимую, надежду на спасение мое, питаюсь и одеваюсь словом Божиим, все в себе содержащим, ибо „не хлебом же единым жив будет человек“, и „если не имею покрова, то камнем оденусь“, ибо совлекла с себя греховные одежды».

Услышав, что употребляет она слова книжные — от Моисея, от Иова и от псалмов, — спросил ее Зосима: «Не училась ли ты, госпожа моя, грамоте

и псалмомъ?» Она же, слышавши, осклабися и рече к нему: «Ими ми вѣру, отче, не видѣх иного челоуѣка отнелѣже Иерданъ преидох, токмо твое лице днесь, ни звѣрина, ни иного животнаго. Книгам же николиже учихся, ни поющаго николи же слышах, ни чтущаго. Но слово Божие живущее, то учить разуму челоуѣка. До здѣ конецъ моеа повѣсти. И нынѣ заклиная тя въплощениемъ словеси Божия, моли за мя, блудницу, Господа ради».

Сие же рекши той и словеса dokonчавши, хотѣ паки *поклонитися* старцу, старецъ же съ слезами възъпивъ: «Благословенъ Богъ, творяи велиа страшна и дивна, славна же и неизреченна, имѣже нѣсть числа! Благословенъ Богъ, показавый ми, елико даруетъ боящимся его! Воистину убо не оставилъ есть боящихся тебе, Господи!» И хотѣ паки поклонитися ей. Она же, емши старца, не дасть ему поклонитися и рече к нему: «Вся, еже слышашъ еси, отче, заклиная тя Иисус Христомъ, Богомъ нашим, никомуже изглаголати, дондеже Богъ возмет мя отъ земли. Нынѣ же иди с миром, и паки же въ преидушее лѣто узриши мя. Сътвори же Господа ради, еже ти заповѣдаю: въ пост придушлаго лѣта не преходи Иердана, якоже обычай имате въ монастыри». Дивляше же ся Зосима, слышавъ, яко и чинъ монастырьскій возвѣсти ему, ничтоже ино не глаголаше, нѣ точию: «Слава Богу, дающему велиа любящим его». Она же рече: «Пребуди убо, яко рекох ти, авва Зосиме, въ монастыри. И хотящу ти изыти, не лѣтъ те будет. Въ святой же Великий четверток, тайныя вечера, вложи въ сосуд святой от животворящаго тѣла и крови Христа Бога нашего и принеси ми. И пожди мене на томъ полу Иердана, сущимъ близъ вселенныа, да, пришедши, причасуся святыхъ тайнъ. Отнелѣ же бо причастихся ихъ въ церкви Предтечевъ и Ерданъ преидох, то не прияхъ и доселѣ священства того и нынѣ желаю причаститися имъ. Тѣмъ же молю те ся, не ослушайся моего гласа, но принеси Божия животворяща тайны, въ онъ же часъ *Господь* ученицы Божия вечера причастники створи. Игумену же Иоанну монастыря, въ немъ же живещи, рци: „Внимай себѣ и стаду своему”,* едина бо суть та и творимаа дѣла *требующа* исправления. Но не хочу, да речеши ему се нынѣ, но егда Господь повелитъ те». Ся глаголавши, старцу рекши: «Моли за мя», паки въ нутрьнюю пустыню иде. Зосима же, поклонився и цѣловавъ мѣсто, на немъ же нози ея стояста, давъ хвалу и славу Богу, возвратися, хваля и славя Христа, Бога нашего. Прешедъ же пустыню, прииде въ монастырь, въ немъ же и друзии мниси возвращахуся.

В то же лѣто умолча, не смѣа никомуже изрещи, аже видѣ, въ себѣ Бога моляше показати ему желаемое видѣние. Скорбяше же, *помышляя* долготу лѣта, хотя, дабы единѣмъ днемъ минуло все лѣто. Егда же приближися время святаго поста 1-я недѣля, по обычю *монастырьскому* (...) прочии изыдоша мниси, поюще, сего же недугъ ятъ огненный, и оста в

и псалмам?» Она же, услышав это, улыбнулась и отвечала ему: «Поверь мне, отче, не видела я ни одного человека, с тех пор как перешла Иордан, только твое лицо вижу сегодня, не видела ни зверя, ни какого-либо живого существа. Грамоте же никогда я не училась, и не слышала никогда ни поющего, ни читающего. Но слово Божье живое наставляет человека уму-разуму. На этом я и окончу свой рассказ. И теперь заклинаю тебя воплощением слова Божьего: молись за меня, блудницу, Господа ради».

Когда сказала она так и речь свою закончила, хотела снова поклониться старцу, но старец со слезами возопил: «Благословен Бог, творящий великое, и страшное, и дивное, славное и несказуемое, чему нет числа! Благословен Бог, показавший мне, сколько дарует он боящимся его! Поистине, Господи, не оставляешь ты, боящихся тебя!» И хотел снова ей поклониться. Она же, ухватив старца, не дала ему поклониться и сказала: «Все, о чем слышал ты, отче, заклинаю тебя Иисусом Христом, Богом нашим, никому не рассказывать до тех пор, пока Бог не возьмет меня от земли. Ныне же иди с миром и на следующий год снова увидишь меня. Сделай же, Господа ради, то, о чем тебя попрошу: в пост будущего года не переходи через Иордан, как это в обычае вашего монастыря». Удивился Зосима, что сказала она ему об уставлении монастырском, но ничего другого не произнес, только: «Слава Богу, многое дающему любящим его». Она же продолжала: «Оставайся же, как сказала я тебе, отец Зосима, в монастыре. И когда захочешь ты из него выйти, то не сможешь этого сделать. В святой же Великий четверг, в день тайной вечери, вложи в святой сосуд от животворящего тела и крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. И подожди меня на том берегу Иордана, который ближе к селениям, чтобы могла я прийти и причаститься святых таинств. С тех пор как причастилась в церкви Предтечи и перешла Иордан, доселе я не приобщалась и теперь хочу причаститься. Поэтому прошу тебя, не ослушайся слов моих, а принеси от Божьей животворящей тайны в тот час, когда Господь учеников Божьих на вечере причастниками сотворил. Иоанну же, игумену монастыря, в котором ты подвизаешься, скажи: „Следи за собой и стадом своим”: в совершаемых вами делах есть и такие, что требуют исправления. Но не хочу, чтобы ты сказал ему об этом сейчас, но лишь когда повелит Господь». Сказав это, старцу промолвив: «Молись за меня», она снова удалилась в глубь пустыни. Зосима поклонился и поцеловал то место, на котором стояли ноги ее, воздал хвалу и славу Богу и возвратился, хваля и прославляя Христа, Бога нашего. Пройдя через пустыню, пришел он в монастырь в тот же день, когда возвращались и другие монахи.

В этом году он обо всем умолчал, не смея никому рассказать о том, что видел, и в душе молил Бога еще раз показать ему желанное. Печалился он и тяготился продолжительностью года, желая, чтобы минул он как один день. Когда же настало время первой недели Великого поста и по обычаю монастырскому все прочие монахи вышли (из монастыря) с песнопениями, слег Зосима

монастыри, Помяну же Зосимъ реченое ему преподобною, яко «хотяшу ти изыти и не лѣтъ ти будет». И не по мнозѣхъ днехъ *исцѣлѣ* от недуга. И пребысть в монастыри.

Егда же возвратишася мниси, приближи же ся вечеръ тайныя вечера, створи же повелѣное ему и вложи в малу чашицу от святаго тѣла и крови Христа Бога нашего. Възложи же на блюдо мало смоквий и сущии от финикъ и мало ляща мочены. И иде вечеръ зѣло и седѣ на брезѣ Иердана, ждѣи преподобныа. Медлящи святѣй, Зосима же воздрѣмася, но прилѣжно зря в пустыню, хотя видѣти желание свое. И глаголаше в себѣ старецъ: «Егда убо недостояние мое възбрани ей приити, еда ли, пришедши ей убо и не обрѣтши мене, возвратися». Сиче же глаголя, воздохнувъ, прослезися и очи свои возвед на небо, моляше Бога, глаголя: «Не лиши мене, Владыко, паки видѣти еа, да не отиду тошѣ, своа грѣхи нося на обличение мое». Сиче же съ слезами молився, во иную мысль впаде, рекъ: «Что убо будетъ, аще приидеть, а корабля нѣсть, да како Иерданъ преидет и ко мнѣ, недостойному, приити? Увы мнѣ, кто мя в правду лишилъ такового добра?»

Сиче же помышляющу старцу, и се преподобнаа жена приде, об онѣ полѣ Иердана ста, отнюду же идяше. Зосима же, вѣставъ, радуяся и веселяся, славя Бога, и еще же бѣ в нем мысль, яко не можетъ Иерданъ преити. И, възрѣвъ же, видѣ ю (пресвѣтла бо бѣ нощь луною), знаменіемъ крестнымъ Иерданъ знаменоваши, и верху воды легко ходящу и к нему идущу. Оному же хотящу поклонитися ей, и възбрани ему, *вопиюще*, еще на водѣ *ходящи*: «Что твориши, авва, иерѣй сы, нося тайны Божіа». Слѣзши же ей с воды, рече старцю: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвѣща ей с трепетомъ, и ужасъ бо его приать о предивнемъ его видѣнии. И рече: «Воистину не ложь есть Богъ рекыи: „Подобитесь Богу,* якоже възможно есть очищающися“». И рече: «Слава тебѣ, Христе Боже, показавый ми *рабою своею*, колико убо есмь далече от свершения». И се рекшу ему, повелѣ ему жена глаголати: «Вѣрую въ единого Бога» и «Отче нашъ». И кончани бывши молитвѣ, цѣлова ю старецъ въ уста. Причастивъ же ся святыхъ тайнъ, на небо руцѣ воздѣвши, въздохнувъ, прослезися и рече: «Нынѣ отпускаеши рабу свою, Владыко, по глаголу твоему с миромъ, яко видѣсте очи мои спасение твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ *всѣхъ людей*».*

И паки рече къ старцу: «Еще, авва Зосиме, и другое мое желание скончай. И иди нынѣ в монастырь свой, миромъ Божиимъ хранимъ, и въ приидущее лѣто прииди в потокъ, идеже прѣвѣе бесѣдовахове, прииди убо, Господа ради, прииди, и паки же узрѣши мя, якоже хошетъ Господь». Он же отвѣща к ней: «Аще бы ми възможно въслѣдъ тебе ходити и зрѣти присно честнаго ти лица». Паки же рече к ней: «Послушай же единого моления

в горячке и остался в монастыре. Вспомнил он, что сказала ему преподобная: «Захочешь ты выйти и невозможно тебе будет». И через несколько дней выздоровел от недуга. И пребывал в монастыре.

Когда же возвратились монахи, и настал день тайной вечера, сделал Зосима, что было повелено ему — положил в небольшую чашку святого тела и крови Христа, Бога нашего. Положил на блюдо немного инжира и фиников и немного чечевицы моченой. И поздним вечером пошел и уселся на берегу Иордана, ожидая преподобную. Но святой все не было; Зосима же подремывал, однако пристально вглядывался в сторону пустыни, мечтая увидеть желаемое. И сказал сам себе старец: «А что если прегрешения мои препятствуют ей прийти, или же пришла она и, меня не найдя, возвратилась?» Говорил он так, вздыхая, и прослезился, и, глаза свои возведя на небо, молил Бога со словами: «Не лиши меня, Владыка, (возможности) снова увидеть ее, чтобы не ушел я отсюда ни с чем, укоряя себя за свои прегрешения». Пока он так молился со слезами, другая мысль пришла ему на ум, и сказал он себе: «Что же будет, если придет она, а ладьи не окажется, чтобы переплыть Иордан и прийти ко мне, недостойному? Увы мне, кто же меня и вправду лишил такого блага?»

Так размышлял старец, но вот преподобная жена пришла и остановилась на том берегу Иордана, откуда пришла. Зосима же встал, радуясь, и веселясь, и славя Бога, но его не оставляла мысль, что не сможет она Иордан перейти. И, взглянув, увидел (была очень светлая лунная ночь), что она, осенив Иордан крестным знамением, легко пошла по верху воды и приблизилась к нему. Когда же Зосима собрался поклониться ей, запретила ему, еще когда шла по воде, воскликнув: «Что творишь, авва, ведь ты иерей, носящий святыне дары!» Сойдя с воды, сказала она старцу: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвечал ей с трепетом, и ужас охватил его от увиденного им чуда. И сказал он: «Поистине правду возвестил Бог, говоря: „Уподобитесь Богу, очищаясь (от греха) как только возможно“». И добавил: «Слава тебе, Христе Боже, показавшему мне на примере своей рабы, насколько я далек от совершенства». И когда сказал он так, велела женщина ему читать «Верую в единого Бога...» и «Отче наш». И после молитвы, поцеловал ее старец в уста. Причастившись святых тайн и к небу руки воздев, вздохнула она и сказала: «Ныне отпускаешь рабу свою, Владыка, по словам своим с миром, ибо видели глаза мои спасение твое, которое ты уготовал пред лицом всех людей».

И снова обратилась к старцу: «Еще, авва Зосима, и другое мое желание исполни. Иди сейчас в монастырь свой с миром, Богом хранимый, а на следующий год приходи на тот поток, где прежде с тобой беседовали, приди же, Господа ради, приди и снова увидишь меня, как хочет того Господь». Он же отвечал ей: «Если было бы возможно мне вслед за тобой ходить и постоянно видеть честное твое лицо!» И снова обратился к ней: «Исполни одну просьбу старца и вкуси немного пищи, которую я принес тебе». И, сказав это, показал

старца и мало от пища, юже принесохъ ти, вкуси». И егда се изрекъ, показа ей блюдо, еже ношаше. Она же концемъ пръста прикоснуса, три зерна взявши. И рекши: «Доволѣеть се благодати духовнѣй, хранящи естество душа нескверно». И паки рече къ старцу: «Моли, Господа ради, моли, и мое окаание поминай всегда». И онъ поклонися предъ ногама ея. И повелѣ ей молитву творити о церкви, и о цари и себе ради. Молився съ слезами, въспяты возвратися. Старець же, стена и рыдаа, не смѣяше бо удержати неудръжаема. Она же, паки знаменавши Иерданъ, преиде връху воды, якоже рече. Старець же возвратися с радостию и страхомъ одръжим, зазираа себе, скорбя же и о семъ, яко имени преподобныя не увѣдал, обаче надѣяшеся получитьи въ преидушее лѣто.

Лѣту же минувшю, прииде Зосима паки в пустыню по обычаю, течаше на предивное видѣние. Ходивъ же по пустыни и дошед знамениа единого ищемаго мѣста, и глядаше на десно и на шюе, яко ловецъ хитрый узрѣл, гдѣ бѣ сладкый ловъ. Егда же ниоткуда ничтоже не увидѣ, нача въпити и плакаться, и очи возвед на небо, моляшеся съ слезами, глаголя: «Покажи ми, Владыко, скровище некрадомое, еже в пустыни сей скрылъ еси, Господи. Покажи ми, молюся, плотнаго ангела, емуже не бѣ достоинъ весь миръ». И сие плача, моляся, доиде мѣста поточнаго и, ставъ на брезѣ, видѣвъ на вѣсточнѣй странѣ преподобную мертву, и руцѣ, яко подобаше, связанѣ, на вѣстокъ лицомъ зрящу. Он же, текъ, слезами божествѣней нозѣ ея умы, не смѣаше телеси ея прикоснутися.

Плакав же ся долго и псалмы испѣвъ, подобныа времени тому, и створи молитву погребалную. И рече к собѣ: «Подобает ли убо тѣло сея преподобныа погresti, егда убо се не угодно ей будетъ?». И сие глаголя, видѣвъ возглавие ея написано на земли сие: «Погреби, авва Зосиме, тѣло убогиа Мариа на сем мѣстѣ, вдаи же прѣсть персти, за мя же Господа ради молися. — Умерши же ей мѣсяца марта по-египетскы, римски же апрѣль въ 1,* в самую ту ношь спасеныа муки, причащениа Божиа тайны вечера». Сия убо писаниа прочетъ старецъ, первие убо помышляше, кто есть писавый се. Она бо рече, яко не вѣдаше книгъ. Обаче радъ бысть, яко имя преподобныа увѣдавъ. Разумъ бо, яко егда на Иерданѣ пречистыхъ тайнъ причастися, единомъ часомъ претече толикъ путь, абие къ Господу отиде.

Славяше Бога старецъ и омочаа слезами землю же и тѣло и рече: «Убогый Зосиме! Время есть уже повелѣное скончати, но како створиши копаніе, в руцѣ не имѣа ничтоже». И се рекъ и видѣ древце мало, близъ повержено. И возьмъ е, нача копати им. Суха же бывши земля, не слушаше старца, трудящася и копаше потяся, не могый что створити. Въздохнувъ велми от сердца и возрѣвъ, видѣ лва велика, предстояща близъ телеси преподобныа Мариа и нозѣ ея лижуша. И трепетенъ бысть Зосима, бояся

ей принесенное блюдо. Она же концом пальца прикоснулась и взяла три зерна (чечевицы). И сказала: «Достаточно этого для благодати духовной, которая хранит чистое естество души». И снова сказала старцу: «Молись за меня, Господа ради, молись и всегда вспоминай о греховности моей». Он же поклонился ей до земли. И попросил ее помолиться о церкви, и о царе, и о себе самом. Помолившись со слезами, она возвратилась назад. Старец же стонал и рыдал, но не смел удерживать неудержимую. Она же, снова осенив знамением Иордан, перешла его по верху воды, как уже говорилось. Старец же возвратился с радостью и страхом одержим, коря себя и печалась о том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать его на следующий год.

Когда же минул год, пришел Зосима снова в пустыню, как было в обычае, и поспешил увидеть предивное. Бродя по пустыне, увидел он приметы того самого разыскиваемого им места, и стал озираться направо и налево, словно искусный охотник, ищущий, где бы уловить желаемую добычу. Когда же нигде ничего не увидел, то начал причитать и плакать, и глаза возвел к небу, молясь со слезами и говоря: «Покажи мне, Владыка, сокровище некрадмое, которое скрыл ты, Господи, в пустыне этой. Покажи, молю тебя, ангела во плоти, которого не достоин весь мир». И так плача и молясь, дошел до того потока и стал на берегу. И увидел на восточной его стороне преподобную, лежащую мертвой, и руки ее связаны были, как подобает, и к востоку обращено было лицо. Он же, подбежав, слезами умыл божественные ее ноги, не смея и прикоснуться к ее телу.

Долго плакал он и пел псалмы, подобающие этому случаю, и сотворил молитву погребальную. И сказал сам себе: «Подобает ли тело преподобной предать погребению, вдруг как это неудобно ей будет?» И пока он так размышлял, обнаружил, что в изголовье ее было начертано на земле: «Погреби, авва Зосима, тело убогой Марии на этом месте, верни прах праху, а за меня Господа ради молись. — Умерла же она месяца марта по-египетски, а по-римски — первого апреля, в самую ночь муки Спасителя после причащения от Божьей тайной вечери». Прочитав эту запись, старец прежде всего задумался: кто же написал это? Она же говорила, что не знала грамоты. Однако обрадовался он, что узнал имя преподобной. Понял он также, что когда на Иордане причастилась она пречистых тайн, то за один час преодолела весь путь и отошла к Господу.

Прославил Бога старец и, орошая слезами землю и тело, говорил: «Несчастный Зосима! Уже настало время свершить, что повелено, но как тебе копать, не имея ничего в руках?» Сказав это, заметил он небольшой обломок дерева, валявшийся неподалеку. И, взяв его, начал копать. Но сухая земля не поддавалась трудившемуся старцу, он вспотел, копая, но ничего не мог сделать. Глубоко вздохнул он и, оглянувшись, увидел огромного льва, стоящего над телом преподобной Марии и лижущего ее ноги. Затрепетал Зосима, испугавшись зверя. Затем, однако, успокоился, вспомнив, как говорила ему преподобная, что никогда не видела ни единого зверя. Осенив себя крестным знамением, Зосима обрел

звѣри. Паче же укрѣпися, помянувъ рекшу преподобную, яко николиже звѣри видила есмь. Знамениемъ крестнымъ знаменася Зосима, вѣру ятъ, яко невредимъ будетъ отъ него силою лежащая. Левъ же начатъ радоватися старцу, точию образомъ не целуя старца. Зосима же рече ко лву: «О звѣрю! Понеже великаа сия повелѣ ми погresti тѣло свое, азъ бо старъ есмь, не могу копати, не имамъ бо мотыкы, и зѣло далече есть и не могу обратитися по ню, но створи ты копаніе нокты своими, и дадѣвъ земли тѣло преподобнаа». Абие же левъ, слово слышавъ, преднима ногама ископа ровъ, елико довольно тѣло преподобнаа покрыти.

Погребе же ю старецъ, слезами омочивъ тѣло ея и много молився ей за вся молитися, и покры тѣло ея землею, наго суще, ничтоже иного имуща, но точию ону ризу раздраную, юже поврьже Зосима. И тогда отидоста оба: левъ же убо в пустыню, яко овча, идяше, Зосима же в манастирь възвратися, благословя и хваля Христа, Бога нашего. И, пришед в манастирь, всѣмъ мнихомъ исповѣда, яже видѣ и яже слыша отъ нея, и ничтоже отъ нихъ не утаи. Дивиша же ся мниси, слышаще величія Божія и съ страхомъ и любовію творяще память преподобнаа Маріа. Иоанъ же игумень обрете в манастири *едина* дѣла, требующи исправленія, яже бѣ рекла преподобнаа. Умре же Зосима в томъ манастири мало не ста лѣтъ.

Осташа же мниси на томъ мѣстѣ, безъ сего же писанія, сна словеса глаголюща ползы ради слышашимъ. Азъ же безъ писанія пріяхъ и написавъ предахъ, и недовѣдый, аще инѣи написали суть житіе преподобнаа и выше мене вѣдуше, яже о таковыхъ, на умъ мой приидоша, обаче якоже възмогахъ, тако и написавъ. Богъ, творяи велиа чюдеса и дая великіа дары прибѣгающимъ къ нему, да дасть мзду чтущимъ а и послушающимъ, и повелѣвшему написати повѣсть сию, да сподобитъ я части достойнаа сея блаженнаа Маріа, о нейже повѣсть си есть, съ всѣми угодившими ему отъ вѣка видѣніемъ и дѣлы. Дадимъ же убо и мы славу Богу, царю вѣчному, да и насъ сподобитъ милость обрѣсти в день Судный. О Христѣ и Спасѣ, о Господѣ нашемъ, емуже подобаетъ всяка слава, честь и поклонянье.

надежду, что благодаря силам, исходящим от лежащей, останется он невредим. Лев же изъявлял приязнь к старцу, только что не целуя его. Зосима тогда сказал леву: «О зверь! Так как великая эта жена велела мне похоронить тело свое, а я стар и не могу копать, ибо нет у меня мотыги и очень далеко мне за ней идти, но покопай ты когтями своими, и предадим земле тело преподобной». Лев же, услышав эти слова, передними лапами выкопал ровик, достаточный, чтобы можно было прикрыть землей тело преподобной.

Похоронил ее старец, слезами омочив тело ее, и много просил ее, чтобы она за всех молилась, и засыпал землею тело ее нагое, ничем другим не прикрытое, кроме той ризы разодранной, которую когда-то бросил ей Зосима. И тогда разошлись оба: лев в пустыню побрел словно овца, Зосима же возвратился в монастырь, славя и хваля Христа, Бога нашего. И, придя в монастырь, рассказал всей братии, что видел и что услышал от нее, ничего от них не утаив. Удивлялись монахи, слыша о величии Божьем, и со страхом и любовью поминали преподобную Марию. Иоанн же игумен обнаружил в монастыре то, что требовало исправления, как сказала преподобная. Умер же Зосима в том монастыре едва ли не ста лет.

Оставшиеся же там монахи без записанного предания рассказывали обо всем на пользу слушающим. Я же, устный рассказ этот услышав, передал его письму и не ведаю, чтобы кто-то другой написал житие преподобной лучше, чем я, — о таковых мне не приходит на ум — однако я как смог, так и написал. Бог, творящий великие чудеса и даруя великие дары приходящим к нему, пусть ниспошлет благодеяние читающим его и слушающим и повелевшему записать повесть эту, чтобы сподобиться хотя бы части достоинств этой блаженной Марии, о которой рассказ этот, со всеми угождавшими Богу во все времена видом своим и делами. Воздадим же и мы славу Богу, царю вечному, чтобы и нас сподобил милость обрести в день судный. Христу и Спасу нашему, Господу нашему подобает вся слава, честь и поклонение.

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

МѢСЯЦА ДЕКАМБРЯ ВЪ 6 ДНѢ.
ЧЮДЕСА СВЯТАГО АРХИИЕРѢА ХРИСТОВЫ НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Бысть въ врѣмена Костянтина Великааго* цѣсаря мятежь въ Фригии* от даифаль.* И възвѣщено бысть Костянтину цѣсарю о нихъ. И посла 3 воеводы съ своими вои: Непотияна, и Урса, и Еронлиона, тако нарицаеме. Си отвезъшеся от славнааго града Костянтина,* присташа въ Ликийстѣй* епархи,* въ мѣстѣ, нарицаемѣмъ Андриакии;* сущю пристанищю Мирьсцѣй,* митрополии, от трии поприщъ.*

И изидоша поглумиться, не сущю имъ подобѣну плаванію. Изидоша же от воинъ етери, хотяще трѣбования брашню обрѣсти. Обидяху же воины; и тяжа бысть въ нарицаемѣмъ Плакомата, яко и мѣлѣ быти безчисльнѣй.

Слышавъ же си святой Божий Никола, епископъ и пастырь църквы Божии, сущая ту люди убо умолю укроти, да ничѣтоже зѣла, ни обидѣ *створятъ*. Абие же приде въ Андриаки. И поклонишася ему вси. И увѣдѣвъше воеводы пришествіе святаго, и ти поклонишася ему. Въпрошении же бывъше от него, рѣша: «Мирьници есмъ и яко на брань грядемъ». И умоли я прити въ градъ и прияти от него благословление. И повелѣша воеводы всѣмъ мирнымъ быти и неединого обидѣти.

Придоша же етери от града и поклонишася, рѣша святому: «Господи, аще бы въ градъ былъ, не быша такъ: три сѣмрти без вины были. Князь бо, мзду възъмъ, тремъ мужемъ повелѣ мечемъ умрети. И весь градъ немало плакася, имже не бѣ ту». И абие умоли святой воеводы и съ ними иде въ градъ.

И бывъшю ему въ нарицаемѣмъ Леонтѣ, въпраша сущихъ ту о примѣшнихъ осужение. И рѣша, яко ведоша я путемъ, нарицаемѣмъ Диоскорѣ. Въшѣдъ же въ църковь Крискентия и Диоскорида, пакы въпроси, и увѣдѣвъ, яко враты хотятъ изити. И бывъшю ему въ вратѣхъ, въпроси о нихъ. И рѣша ему, яко идуть въ нарицаемый Виранъ, бѣ бо мѣсто то мучимымъ.* И пришедъ, обрѣтъ народъ многъ и държаща спекулатора мечъ и жидуша

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

МЕСЯЦА ДЕКАБРЯ В 6-Й ДЕНЬ. ЧУДЕСА СВЯТОГО АРХИЕРЕЯ ХРИСТОВА НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Был во времена цесаря Константина Великого мятеж даифал(ов) во Фригии. И возвешено было о них цесарю Константину. И послал он трех воевод с воинами своими: Непотиана, и Урса, и Еронлиона, — так их звали. И они, отплыв от славного града Константина, пристали в Ликийской епархии, в месте, называемом Андриакия, — гавани, находившейся в трех поприщах от столичного города Миры.

И сошли они (на берег) прогуляться, ибо плавание не было для них благоприятным. Некоторые же из воинов пошли, чтобы раздобыть необходимую провизию. И обидели воины (кого-то), и столкновение было в Плакомате, и шум был большой (из-за этого).

Услышав об этом, Божий святой Никола, епископ и пастырь церкви Божией, умолив, успокоил находившихся там людей, дабы не сотворили они никакого зла и обиды. Вскоре же пришел он в Андриакию, и поклонились ему все. И узнали воеводы о пришествии святого и тоже поклонились ему. А когда он спросил их, сказали: «Мы миролюбивые люди, хотя и на войну идем». И умолил он их прийти в город и принять от него благословение. И приказали воеводы всем мирными быть и ни единого не обидеть.

Между тем пришли некие (люди) из города и, поклонившись, сказали святому: «Господин, если бы ты был в городе, не случилось бы такого: три смертных приговора вынесены невинным. Ведь князь, взяв мзду, приказал убить мечом трех мужей. И весь город немало горевал, что тебя там не было». И тотчас святой умолил воевод и вместе с ними вошел в город.

И когда был в Леонте, спросил он находившихся там о принявших осуждение. И сказали они, что вели их дорогой, называемой Диоскор. Войдя же в церковь Крискентия и Диоскорида, снова спросил он и узнал, что будут выходить через городские ворота. И когда был у ворот, (вновь) спросил о них. И ответили ему, что идут в Виран, ибо это было место казни. И, придя, обнаружил он много народа и палача, держащего меч и ждущего пришествия

пришьствия святому. И пришьдъ на мѣсто, обрѣте три мужа; лица имъ убростьмъ завязана, и поклоньша колѣна, и простърша выя, и жидуша своя съмърти. Святый же Никола, примъ мечъ от спекулятора, повърже ѥ на земли. Онѣхъ же, раздрѣшь от узъ, приведе въ градъ. И пришьдъ въ княжъ дворъ, разби врата.

Абие же слышавъ от спекулятора, Еустафий князь, текъ, изиде поклониться ему. Тоже святый Никола отврати лице свое, глаголя: «Прѣступниче Божий и кръвопиинче! Какъ дързнулъ еси на мое лице прити, таково и толико створи! Не имамъ тебе пощаждѣти. Се бо възвѣщю цѣсарю Костянтину о нихъже, еси створилъ и како строиши епархию». Князь же Еустафий, поклонъ колѣнъ свои, и рече: «Никакоже не прогнѣвайся на мя, господи, нъ увѣжъ истину, яко азъ нѣсмъ повиньнъ, нъ старѣишинѣ града Евдокий и Симонидъ». Увѣдѣвъ же, яко двѣ сътъ литръ* злата възять да ѥ погубить, и умоленъ бывъ святый от воеводъ отдасть ему грѣхъ, невѣрно сътвори еже о нихъ лъжею съдѣяния.

Воеводы же, съ святымъ *обѣдовавшие*, молиша ѥ да имъ молитву створить. И примѣше благословление, отвезошася отъуду.

И присташа въ Фругии, и умириша вся мѣста противная. И миръ многъ створише, придоша въ славный Костянтинъ градъ. И велие сърѣтение бысть имъ от живущихъ ту воеводъ, от цѣсаря и от князь, яко побѣду створышемъ. И бѣша въ полатѣ цѣсаревѣ вельми похвалени.

Завида же имъ бысть от живущихъ ту воеводъ. И намълвиша епарха Авлавия яко да убють, давѣше ему тысящю и боле седмъ сътъ литръ злата да ѥ погубить.

Сии тако обѣщавъ имъ, Авлавий епархъ въниде къ цѣсареву и глагола ему: «Владыко самодържче! Ковъ бываетъ твоей държавѣ *от* хождѣиныхъ въ Фругию. Увѣдѣхъ бо въ истину, яко ти убо съвѣщаша вѣстати на държаву твою, обѣщавѣше посъланнымъ съ ними кѣняжия, и дары, и большая чѣсти.** Азъ же увидѣхъ и не могахъ молчати,** яко есть таковая неправда. Тѣмъже, еже воля държавѣ твоей, то сътвори». Цѣсарь же прогнѣвавъся, яко о животѣ своемъ увѣдѣвъ; абие, не истязавъ ихъ, повелѣ вести ѥ въ тѣмьницу.

Лѣту же минувъшю, враждующе и намълвиша епарха Авлавия, глаголюще ему: «Почѣто ѥ вѣврже въ тѣмьницу и остави имъ чивотъ? Вънутрь бо суще, имуть възмощи и себѣ помощь створити». Слышавъ же епархъ, яко и вънутрь сущъ себѣ помагаютъ, абие възвѣсти цѣсарю си. Цѣсарь же услышавъ, яко и вънутрь сущъ на нъ ковъ творять, повелѣ въ нощи мечемъ ускнути я. Епархъ же слышавъ, посла къ приставънику тѣмьници Илариану, глаголя яко: «Три мужа воеводы, яже имаши въ тѣмьници, уготови умърети въ нощъ сию».

Капикларини же Иларионъ, слышавъ си, съ слъзами рече трѣмъ мужемъ: «Страхъ мя одържитъ велии, и боюся, и трепещу, яко благо бы ми да

святого. И придя на место (казни), обнаружил он трех мужей; лица их были завязаны платками, они преклонили колени, и вытянули шеи, и ждали своей смерти. Святой же Никола, взяв меч у палача, бросил его на землю. А тех (мужей), освободив от уз, привел в город. И придя во двор князя, разбил ворота.

Тотчас же услышав (об этом) от палача, князь Евстафий поспешно вышел поклониться ему. Тогда святой Никола отвернулся от него, говоря: «Преступник перед Богом и кровопийца! Как дерзнул ты показаться мне на глаза, столько и такого натворив! Не пощажу тебя. Возвещу цесарю Константину о том, что ты совершил и как управляешь епархией». Князь же Евстафий, преклонив колени свои, сказал: «Ничуть не прогневайся на меня, господин, но узнай правду, ибо не я виновен, а старейшины града, Евдокий и Симонид». Узнав же, что взял он двести литр злата, дабы их погубить, и умолен будучи воеводами, святой простил ему вину, объявив несправедливыми решения о них, которые (были вынесены) ложно.

Воеводы же, трапезничая со святым, молили его, да сотворит о них молитву. И, приняв благословение, отплыли оттуда.

И пристали во Фригии, и умилили они все мятежные поселения. И, установив прочный мир, пришли в славный Константин-град. И торжественная встреча была им (устроена) живущими тут воеводами, цесарем и князьями, как одержавшим победу. И были они в палате цесаревой весьма прославлены.

Но возникла зависть к ним у живущих тут воевод. И подговорили они старшего городского судью Авлавия (устроить так), чтобы их убили, дав ему более 1700 литр злата, чтобы их погубить.

Пообещав им это, судья Авлавий вошел к цесарю и сказал ему: «Владыка самодержец! Злой умысел есть против Величества твоего от ходивших во Фригию. Узнал я доподлинно, что они сговорились выступить против Величества твоего, обещав посланным с ними княжеские владения, и дары, и большей чести. Я же узнал и не смог молчать, что есть такой обман. Так что, какова воля Величества твоего, то сотвори». Цесарь же разгневался, когда узнал об (угрозе) жизни своей, и тотчас, не допросив, повелел вести их в темницу.

По прошествии некоторого времени недруги (воевод) упрекнули судью Авлавия, сказав ему: «Почему ты бросил их в темницу и сохранил им жизнь? Ведь будучи заточенными, смогут они помочь себе». Судья, услышав, что и заточенными будучи, себе помогают, тотчас возвестил об этом цесарю. Цесарь же, узнав, что они и заточенными будучи, против него заговор замышляют, повелел отсечь им ночью головы мечом. Судья же, выслушав, послал к начальнику темницы Илариону, говоря: «Трех мужей, воевод, которых содержишь в темнице, приготовь этой ночью умереть».

Начальник же темницы Иларион, услышав это, со слезами сказал трем мужам: «Страх великий меня охватывает, и боюсь, и трепещу, так что лучше

быхъ васъ не видѣлъ. Ныне же глаголю и слышу съ вами, утрѣ же от себе разлучимся, понеже повелѣно бысть умерети вамъ. Нѣ еже вы есть въ имѣнии ли злато, ли сребро, ли ино что, — емуже что хотите оставити,* яко въ сию ночь повелѣно вы умерети бысть».

Слышавъше же се, мужи абие растързаша ризы своя и власы своя обрѣваша, и пѣрстию посыпавъше, възъпиша, плачуще и жалостно рыдающе, глаголаху: «Что бо не оправдахомъ, да тако погубнемъ?» Непотиянъ же въ память пришьдъ, яже створи святой Никола трѣмъ мужемъ, иже въ Ликий, рече плачася: «Господи Боже святаго Николы, помилуй ны! Якоже створилъ еси трѣмъ мужемъ, иже въ Ликий, неправдою осуженомъ, и съпаслъ я еси от смърти, и ныне ны съпаси, святой Николае, Христовъ рабе; аще и далече еси, нѣ близъ да будетъ ти молитва наша, и къ Богу възъпи о насъ да съпасени бывъше подобни будемъ поклонитися твоей святыни». И си рекъшю Непотияну, тожде и трие мужи, яко единѣми усты, тако възъпиша.

Святой же Николае видимо явися цѣсарю Костянтину и рече ему: «Въстани и отпусти три мужа воеводы, яже имаши въ тѣмъници, яко оклеветани быша. Аще ли ослушаешися мене, брань створю ти въ Дѣрачи, и плѣть твою птицамъ прѣдамъ, и молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу». И рече цѣсарь: «Кто убо ты еси и како въ мою полату въниде?» И рече святой: «Азъ есмь Николае грѣшный, сый въ Ликий и въ Мурѣхъ митрополить». И се рекъ, отиде.

И то же глаголя, явися Авлавию епарху: «Авлавие, враже несмысленый* умъмъ, въстани и пусти три мужа, яже имаши въ тѣмъници. Аще ли ослушаешися мене, молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу, и въ недугъ въпадеши, и чрвъмъ будеши въ снѣдѣние, и въсь домъ твой погубнѣть зълъ». И рече ему Авлавие епархъ: «Ты убо кто еси, таковая глаголеши?» То же святой рече: «Азъ есмь Николае, грѣшный рабъ Божий, сый въ Ликий и въ Мирѣхъ митрополить». И си рекъ, отиде.

Въспрянувъ же, цѣсарь възъва протокурисара своего и рече ему: «Възвѣсти епарху, яже видѣхъ». Также и епархъ посла курсора своего, тако же съказавъ. И повелѣ цѣсарь прѣдъстати воеводамъ от тѣмънице прѣдъ лицемъ его.

И шьдъшемъ же мужемъ от тѣмънице, рече имъ: «Кыми кореньми творяще, таковы сны намъ посласте?» Они же мълчааху. Вѣторицею же въпрошени бывъше, Непотияномъ отвѣщану бывъшю: «Владыко самодържче! Мы корения не вѣмъ, ни таковыхъ сътворихомъ на твою държаву. Аще ли есмъ таци, въ горьшая муки да прѣдани будемъ».

Цѣсарь же рече имъ: «Вѣсте ли етера Николу, тако нарицаема?» Они же, слышавъше имя святаго Николы, яко единѣми усты, тако възъпиша, съ слъзами глаголюще: «Господи Боже святаго Николы, послушай насъ! И якоже съпаслъ еси три мужа, иже въ Ликий осуженыя бес правды, и ны съпаси,

бы я вас не видел. Ведь ныне говорю с вами и слушаю вас, а утром мы разлучимся, потому что назначено вам умереть. А то, что есть у вас в собственности: золото ли, или серебро, или что другое — кому что хотите оставить — *⟨оставляйте⟩*, потому что этой ночью назначено вам умереть».

Услышав это, мужи тут же растерзали свои одежды, и рвали на себе волосы и, посыпав их земным прахом, возопили, плача и жалостно рыдая, и говорили: «В чем мы не оправдались, чтобы так погибнуть?» Непотиан же, вспомнив, что сделал святой Никола для трех мужей в Ликии, сказал, плача: «Господи Боже святого Николы, помилуй нас! Как помог ты трем мужам, которые в Ликии, несправедливо осужденным, и спас их от смерти, так и нас ныне спаси, святой Никола, Христов раб; хоть и далеко ты, но близка да будет тебе молитва наша, и к Богу возопи о нас; да спасены будучи, сподобимся мы поклониться твоей святости». И когда сказал это Непотиан, также и трое мужей словно едиными устами так возопили.

Святой же Никола явился зримо цесарю Константину и сказал ему: «Встань и отпусти трех мужей воевод, которых содержишь в темнице, ибо оклеветаны они были. Если же ослушаешься меня, устрою тебе войну в Драчи, и тело твое птицам отдам, и обращусь с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу». И спросил цесарь: «Кто ты есть и как в мою палату вошел?» И сказал святой: «Я Никола грешный, в Ликии и в Мирах митрополит». И сказав так, ушел.

И то же *⟨самое⟩* сказал, явившись судье Авлавию: «Авлавий, злодей, недалекий умом, встань и отпусти трех мужей, которых содержишь в темнице. Если же ослушаешься меня, обращусь я с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу, и впадешь в недуг, и станешь пищей червей, и весь род твой погибнет зло». И сказал ему судья Авлавий: «Ты кто есть, что такое говоришь?» То же *⟨самое⟩* святой сказал: «Я Никола, грешный раб Божий, в Ликии и в Мирах митрополит». И сказав это, ушел.

Очнувшись, цесарь призвал своего управляющего и сказал ему: «Возвести судье, что я видел». Так же и судья послал управляющего своего, то же *⟨самое⟩* сказав. И повелел цесарь предстать перед ним воеводам из темницы.

И когда пришли воеводы из темницы, сказал он им: «Какими корнями действуя, послали вы нам такие сны?» Они же молчали. А когда второй раз их спросил, Непотиан ответил: «Владыка самодержец! Мы корения не знаем и ничего такого не совершили против твоего Величества. Если же мы такие, на горшие муки да преданы будем».

Тогда цесарь сказал им: «Знаете ли вы некоего Николу?» Они же, услышав имя святого Николы, словно едиными устами так воскликнули, говоря со слезами: «Господи Боже святого Николы, послушай нас! И как спас ты трех мужей, которые в Ликии осуждены были несправедливо, так и нас спаси, осуж-

умирающа бес правды, святой Николае!» Цѣсарь же рече имъ: «Рыцѣте ми, кѣто съ есть Николае». Нипотиянъ же рече ему вся, елико сътвори святой Николае, и тако съпасе хотящая умрети бес правды.

Тоже цѣсарь рече имъ: «Не азъ даю вамъ животъ, нъ егоже вы призывасте святаго Николы. У негоже, шьдъше, постризѣте главы своя». И дасть имъ съсуды църкѣвныя и Евангелие злато съ каменiemъ драгымъ украшено, и посла я въ Ликию.

И постригоша главы своя, дающе нищимъ злато много въ нарочита врѣмена. По многа же лѣта се творяху, славяще Бога, творящааго велия и дивная чюдеса, якоже есть писано, яко «Дивнъ Богъ въ святыихъ своихъ».* Тому слава и държава съ иночадымъ Сынѣмъ его и Прѣсвятымъ и Животворящимъ Духѣмъ ныне и присно и въ бесконьчныя вѣки вѣкомъ. Аминь.

Чюдо 2 святаго и великаго отьца и архиерѣя Божия и чюдотворьца Николы, бывъшаго въ Мирѣхъ Ликинѣ.

Господи, благослови!

Добро есть намъ Божие писание къ вамъ проповѣдати, вѣрнии, въспоманувъше пророчскый онъ глас, глаголющъ: «Въ истину чюднъ Богъ и милость его въ святыихъ его, волю его въсѣмъ створи»;* яко и ныне въ чловѣцѣхъ быша чюдотворьца Николы, бывшемъ въ нашихъ лѣтѣхъ.

Чловѣкъ нѣкто, живой въ Костянтини градѣ, именемъ Дьмитрий, имѣяи вѣру и надѣжду велику къ святому Николѣ. И възъмъ на прѣчистое и прѣславное праздньство свѣща и масло и вся, яже на потрѣбу празднику суть святому Николѣ, пошьдшемъ же имъ въ кораблици от славнааго града Костянтиня къ иному граду именемъ Анфурату,* бо бѣ святаго църкы въ томъ градѣ. Да тамо по вся лѣта исхожаше съ мужъ вѣрный къ святому Николѣ, творяше память святому.

Идущемъ же имъ томъ дьне *от славнаго града Костянтиня*, бѣ же томъ дьне тихо море. И кде бысть къ полунощи, идущемъ имъ посредѣ моря, възнезапу бѣ вѣтръ великъ вѣста, и съвѣрху туча велика и бѣда великая, кои прѣ раздѣра наполю и вѣврже въ море.

И хотяху къ крави плути, и вълны силны пришьдъше избиша имъ весла изд руку. И тому единому Дьмитрию държащю весло; и пришьдъши вълна и тому издрази и вѣврже въ море весло. И ту тако опроврати кораблицъ. И ино не изиде из устѣ его развѣ се: «Святой Николае, помози ми!» И тако иде на дьно моря и сѣде на днь.

О велие чюдо! Страхъ бо мя великъ одържитъ, братие, о семь, еже вы хощю съказати о семь чюдесе.

Вънезапу бо ту тако обрѣтесе святой Николае и, възъмъ ѣ въ тѣ часъ на руку своею, изиде из моря. И посади и въ хлѣвинъ своей посредѣ, заключенѣ

денных несправедливо, святой Никола!» Цесарь же сказал им: «Поведайте мне, кто этот Никола». И Непотиан рассказал ему обо всем, что сотворил святой Никола и так спас готовившихся умереть безвинно.

И тогда цесарь сказал им: «Не я сохраняю вам жизнь, а святой Никола, которого вы призывали. Идите и постригитесь у него». И дал он им сосуды церковные, и Евангелие, украшенное золотом и драгоценными камнями, и послал их в Ликию.

И постриглись они там, и давали нищим много золота в памятные дни. И совершали они это многие годы, славя Бога, творящего великие и дивные чудеса, как и писано: «Дивен Бог во святых своих». Слава ему и власть с едиnorodным его Сыном и Пресвятым и Животворящим Духом ныне и всегда и в бесконечные веки веков. Аминь.

Чудо второе святого и великого отца и архиеерея Божия чудотворца Николы, жившего в Мирах Ликийских.

Господи, благослови!

Подобает нам Божие писание вам проповедовать, благоверные, вспомнив тот пророческий голос, изрекший: «Воистину чуден Бог, и милость его — в святых его, волю свою всем явил», — как и ныне людям были (явлены чудеса) чудотворца Николы, жившего в наше время.

Человек некий, именем Дмитрий, живший в Константине граде, имел веру в святого Николу и большую надежду на него. И взяв для пречистого и преславного праздника святого Николы свечи, масло и все, что необходимо для праздника, поплыл он вместе с другими на небольшом корабле от славного града Константина к иному граду, именуемому Анфурат, ибо была в том граде церковь святого. Каждый год ходил туда этот благоверный муж к святому Николе, праздновал память святому.

Когда плыли они в тот день от славного града Константина, было в тот день море тихим. Но около полуночи, когда они были уже в открытом море, внезапно поднялся сильный ветер, а сверху — дождь сильный и беда великая, которая разорвала надвое паруса и бросила их в море.

И хотели они плыть к берегу, но сильные волны, набежав, выбили у них весла из рук. И только один тот Дмитрий удержал весло; но, набежав, волна и у него тоже вырвала весло и бросила в море. И так тогда опрокинула корабль. И ничто не вышло из уст его, кроме сего: «Святой Никола, помоги мне!» И так пошел ко дну и сел на дне моря.

О великое чудо! Сильный страх охватывает меня, братья, от того, что я хочу рассказать вам об этом чуде.

И внезапно оказался там тогда святой Никола и, тотчас взяв его на свои руки, вышел из моря. И посадил его посреди дома его, который был

суши. И онъ мняшеся на днѣ моря сѣдя, и великъмъ гласѣмъ въпияше беспрѣстани: «Святой Николае, помози ми!»

И тѣмъ гласъ слышаше, сусѣди чюдяхуся, глаголюще къ себѣ: «Акъ гласъ есть нашего сусѣда Дмитрія, нѣ тѣмъ вѣчера бѣ отшлѣ. Да како е скоро пришлѣ? Како ли е въ градѣ вѣшлѣ ношю, а заключенъ бысть? Поидѣмъ и видимъ въ хлѣвинѣ». И възъгъше свѣща, видѣша хлѣвину заключену; а гласъ единаче исхожаше сице: «Святой Николае, помози ми!» И рекоша: «Разбиемъ ключъ да видимъ, или татие или кто». И възъгъше свѣща *многы*, разбиша ключа и вѣлѣзоша въ клѣтъ съ свѣщами. Мнози не познаша его; приступиша же къ нему близъ и познаша и; и видѣша нагу главу и воду, текущую съ главы слану отъ моря, и отъ пѣрть яко рѣка течааше. И рекоша ему: «Како еси вѣлѣзлѣ въ хлѣвину заключену? Куду ли, чѣто ли тако скоро вѣзвратилъ еси, вѣчера отшдѣ, а ночью вѣзвратилъ еси? И чѣто ли еси вѣсь мокръ?» Онъ же вѣся та съпослушавъ, акы отъ сына възбънувъ, рече къ нимъ: «Да кѣде се есмь? И вы кѣто есте, оже мя вѣпрашаете?» И они отвѣшаша ему: «Мы сусѣди есмы твои, и се въ хлѣвинѣ своен сѣдя бесѣдуеша. Да чѣто се тебе дошлѣ?» И отвѣшавъ къ нимъ, рече: «Се тѣкъмо вѣдѣ: идущемъ намъ по морю, вѣнезапу туча и вѣтрѣ великъ приде и обрати корабль на нице, и идохъ на дѣно моря. И се нынѣ кѣде есмь, сѣде ся обрѣлѣ — не вѣдѣ». И свѣтяще свѣщю близъ его, зряху, како течае вода морская съ главы ему и съ пѣрть акы рѣка. Тѣгда страхъ великъ прии и ужасъ вѣся позорующа ту.

И бывшю дѣни, ту въ градѣ дальнии сусѣди слышавъше, и вѣсь градъ течаху на позоръ чюда того. И видяще, дивляхуся и славляху *Бога*, пѣснь приносяще Спасу Богу нашему и избѣранику его, творящему издрядна и дивна чюдеса.

Чюдо 3. Сумеонъ именемъ нѣкъто, Божий чловѣкъ, исповѣдникъ чистъ въ чѣрньцѣствѣ сы прѣбывая и присно моляся Богу, яко и *въ* чюдесѣхъ прѣбывая, якоже и отъ Десяти градъ* прозвася.

Имяше же въ тѣ дѣни слугу именемъ Николу, и тѣмъ ему работаше вѣсю работу. И тѣмъ посла и на страну Катавольску* на работу въ корабли. Бѣ бо море тихо вельми и бѣло. Ти же плываху тихо и скоро, гребуше съ усѣрдиемъ и съ радостію; якоже и на кѣрмѣ убо стоя, радоваашеся и играше. Идущемъ же имъ на полудни, вѣнезапу въ единомъ чѣстѣ мѣрче, и бысть ношъ, и не вѣдяху, камо ити. И потомъ вѣста вѣтрѣ великъ угъ съ тучею великою и съ громѣмъ, и вѣлны быша выше корабля. И бы бѣда велика, якоже и весла издрази и вѣвѣрже въ море, и вѣтрило наполю раздѣра. И отъ страха велика падоша ници въ корабли, и уже бо ся бяху отчаяли живота. А корабль горѣ хожаше на вѣлнахъ, и они ници лежаще, кричаху и молящеся, сице глаголюще: «Святой Николае, помози ны и избави ны!»

заперт. А он представлял себя на дне моря и громким голосом вопил беспрестанно: «Святой Никола, помоги мне!»

И слышав тот голос, соседи дивились, говоря между собой: «Голос как будто нашего соседа Дмитрия, но он вчера отплыл. И как он так скоро вернулся? И как он в город вошел ночью, ведь он заперт был? Пойдем и посмотрим в доме». И когда они зажгли свечи, увидели, что дом заперт; а голос по-прежнему слышался из него, говоря так: «Святой Никола, помоги мне!» И сказали они: «Разобьем замок и посмотрим, *кто там*: или вор, или кто *другой*». И зажгли много свечей, разбили замок и вошли в комнату со свечами. Многие не узнали его; а подошли к нему ближе и узнали его; и видели непокрытую голову и текущую с нее соленую морскую воду, и от одежды его словно река текла. И сказали ему: «Как ты вошел в запертый дом? Где? И почему так скоро возвратился: вчера отплыв, а этой ночью вернулся? И почему ты весь мокрый?» Он же, все это выслушав и словно пробудившись от сна, сказал им: «Где я нахожусь? И кто вы, что спрашиваете меня?» И они ответили ему: «Мы соседи твои, и это ты, сидя в своем доме, разговариваешь. Но что с тобой случилось?» И отвечая им, он сказал: «Вот что я только знаю: когда шли мы по морю, внезапно *начался* дождь, и поднялся сильный ветер и перевернул корабль, и пошел я ко дну. А где ныне я и как здесь оказался — не знаю». И *соседи*, поднеся к нему свечу, смотрели, как текла морская вода с головы его и с одежды, словно река. Тогда страх великий и ужас охватил там всех смотрящих.

И когда настал день, услышали здесь, в городе, дальние соседи *о случившемся*), и весь город стекался видеть это чудо. И видев, дивились и славили Бога, воспевая Спаса Бога нашего и избранника его, творящего необычайные и дивные чудеса.

Чудо третье. Некто именем Симеон, Божий человек, чистый исповедник, монашествовал и постоянно молился Богу и даже чудеса творил, так что и в Десятиградии был известен.

Был у него в то время слуга по имени Никола, и тот выполнял для него всю работу. И послал он его на работу в страну Катавовльскую на корабле. Так как море было совершенно спокойно и светло, то плыли спокойно и быстро, гребя с усердием и радостью; так что и он, стоя на корме, радовался и развлекался. Когда же они плыли на юг, внезапно в один час смерклось, и стало темно, и не знали они, куда плыть. А потом поднялся сильный южный ветер с дождем и грозой, и волны были выше корабля. И была большая беда, так что и весла вырвала из рук и ввергла в море, и паруса разорвала надвое. И от великого страха упали все ниц на корабле и уже не чаяли остаться в живых. Корабль высоко ходил по волнам, а они, лежа ничком, громко плакали и молились, говоря так: «Святой Никола, помоги нам и избавь нас!»

И клячащемъ имъ въ корабли молящемся, и Николае калогеръ въсклонися, видѣти хотя моря. И узърѣ чловѣка въ бѣлахъ ризахъ ходяща. Оле, чудо, уллучиша надѣжю и не погрѣшиша! Зѣряше же Никола чѣрноризыць близъ къ кораблю идуща святаго Николу великааго чудотворьца, по морю идуща, яко по суху, очима своима явѣ, бесѣдующа сице къ *нему*, и въ корабль вѣлѣзуща съ радостію и глаголюща: «Въстани, брате, ничѣтоже бояся, не лѣнися, ни дрѣмли, нѣ иди на свою работу, имѣя радость; отселѣ съ тобою бо есмь, егоже от сѣрдьца призываеши, Николы от Миры суща, да се ныне слави *Бога*». И то ему рекъшю, ищезе от очю его. И от того *часа* бы *тихо* море въ мгновении очю, ста и туча, и вѣтръ, и бы тишина *велика*. И кѣдеже имъ бѣше ити, то тамо вѣтръ тихъ потязаше. И еже бѣше дѣвѣма недѣляма прѣити, то единомъ не реку дѣни быша, нѣ *единомъ* часѣ прѣидоша. И тако прославиша Бога, и тако пояху: «Чюднѣ Богъ въ святыихъ своихъ».

Чюдо 4. Агрикъ*, нѣкъто именемъ, живый въ странѣ *Антиохиистѣй* близъ срачинъ*, богатъ сы вельми и любяше вельми святаго Николы, имѣя единого сына и творя по вся лѣта память святому Николѣ, канонъ и утрнью и литургию; и ставяше дѣвѣ трапезѣ: пѣрвую братии Божии убогимъ, а по литургии — сѣрдоболямъ и другомъ, сусѣдомъ и инѣмъ.

Бѣ же цѣркы святаго от града пять попѣрищъ вѣдале на чистѣ поли. И тамо на *вся лѣта* събирахуса людие — мужи, и жены, и дѣти — на память святаго Николы.

Въ едино же лѣто на прѣславную его память и вѣсѣмъ людѣмъ идущемъ на святой тѣ съборъ, онъ же благовѣрный мужъ, приготовавъ свѣща, и масло, и тѣмянѣ, и еже на потрѣбу на канонъ и на утрнью, таже пусти сына своего единачадаго именемъ Василия съ отроки и рече: «Иди, чадо мое, къ святому и великому господину нашему и теплому заступнику, и сѣтвори службу, и канонъ, и утрнью, и литургию. Таже придеши на обѣдъ; азъ и мати ти, сѣде оставѣша да учинивѣ, еже на потрѣбу братии Божии, гостѣмъ и вся, яже суть на пользу». И то слышавъ, Василий радъ бѣвъ и веселъ, и поклонивъся отцю и матери, отиде къ святому Николѣ.

И дошѣдъшю ему къ святому, и вечеръ и канонъ пѣвъшю, и утрнью поюще наполю, рано вѣнезапу придоша срачини и стаха около цѣркѣве и пояша вся люди, и оного сына Василия благовѣрнааго оного мужа именемъ Агрика. И ведоша и въ срачины, и ту приведеше я въ островъ Критскій. Сына же Агрикова Василия избѣравѣше, понеже бѣше добръ и лѣпъ, даша ѣ кѣнязу сорочиньскому Амирѣ.* Видѣвъ же ѣ Амира вельми красѣна, вѣздрадовася и рече: «Съ уноша рода велика естъ бѣлъ. Достойнѣ естъ да бѣдетъ прѣдъ лицѣмъ моимъ». А другыя продаша, а другыя же въ тѣмьници затвориша.

Родителя же Василиева, отцю и мати, слышавѣша бѣду бѣвъшую и великую печаль, многъ плачь бы и велико рыдание въ дому ихъ. И въ

И когда они в корабле молились, стоя на коленях, монах Николай поднялся, чтобы взглянуть на море. И увидел человека, в белых одеждах ходящего. О чудо! Обрели они надежду и не ошиблись! Увидел монах Николай ясно своими глазами подходящего к кораблю святого Николу, великого чудотворца, по морю идущего, словно посуху, обращающегося к нему, поднимающегося с радостью на корабль и так говорящего: «Встань, брат; ничего не бойся, не ленись, не дремли, но иди на свою работу с радостью, ибо отныне с тобою я, кого призываешь ты всем сердцем, Никола из Мир; славь же ныне Бога». И сказав ему это, скрылся из виду. И с того часа море было тихим, в мгновение ока прекратился и дождь, и ветер, и установилась полная тишина. А туда, куда пролегал их путь, подгонял их тихий ветер. И то, что должны были пройти за две недели, прошли — не скажу за один день, — за один час. И прославили за это Бога, так певши: «Дивен Бог во святых своих».

Чудо четвертое. Некто по имени Агрик, живший в земле Антиохийской недалеко от сарацин, был очень богат и сильно любил святого Николу, имея единственного сына и творя каждый год память святому Николе: канон, утреню, и литургию; и ставил две трапезы: первую — братии Божией, убогим, а после литургии — родственникам, друзьям, соседям и иным.

Церковь святого стояла в пяти поприщах от города, в чистом поле. И каждый год собирались там люди — мужчины, и женщины, и дети — на память святого Николы.

В один год, на преславную его память, когда шли все люди на святое то собрание, тот благоверный муж, приготовив свечи, масло, фимиам и (все другое), необходимое для канона и утрени, послал затем с отроками своего единственного сына Василия и сказал ему: «Иди, чадо мое, к святому и великому господину нашему и теплому заступнику и сотвори службу, и канон, и утреню, и литургию. После этого придешь на обед; я и мать твою, оставшись здесь, устроим все, что надобно братии Божией, гостям, и все, что во благо». И слыша это, Василий рад был и весел и, поклонившись отцу и матери, пошел к святому Николе.

И когда пришел он к святому, и спели уже вечерню и канон, и уже наполовину спели утреню, на рассвете внезапно появились сарацины, окружили церковь и пленили всех людей, и (с ними) того Василия, сына того благочестивого мужа по имени Агрик. И повели его в (землю) сарацин, и привели их на остров Критский. Сына же Агрикова, Василия, избрав, потому что был хорош собой и красив, отдали князю сарацинскому Амуре. Князь Амира, видя его, очень красивого, обрадовался и сказал: «Этот юноша знатного рода был. Достоин он прислуживать мне». Других же продали, а иных в темницу заключили.

Родители же Василия, отец и мать, узнали о случившейся беде и великом горе, и был у них в доме сильный плач и великое рыдание. И в печали

печали за дѣвѣ лѣтъ святому Николѣ не сътвориста памяти, ни свѣщъ, ни масла пустиста; нѣ паче *егда* память святому придыше, то поминающа чадо свое, въ свѣщъ мѣсто и масла слъзы многы, и рыдание, и кричание пущаста.

Чѣто ли реку, любѣвѣнниці? Кѣто ли можетъ та вѣся исповѣдати, или кѣто я можетъ утѣшити? Или кѣто можетъ стенания или въздыхания матерѣня издрещи, яже стенаше и въздыхаше отъ сѣрдьца, или огньныхъ слъзъ отъчь, тѣрзание же власъ матерѣ, тако бѣше положила на земли, якоже и на мнозѣ вѣлнѣ сѣдѣше, а глаголющи: «Сыну мой драгый иночадый, да бѣхъ тебе не породила, ни познала! Како тебе не узѣру съ дѣтьми, иже ти суть были съвѣрстѣнниці? Како ли тебе не прихващю рукама своима или усты своима цѣлюю или по пути или по двору ходѣща тя? Добрѣе ми бы да ты бѣхъ видѣла на одрѣ лежаща въ болѣзни, да ты бѣхъ подвѣгнула, и положила, и послужила, неже бы да вѣпаль въ сквѣрнѣни руцѣ. Или отъ Бога да *пришелъ* ангелъ, таже душу твою приялъ, то съ радостию ти бѣхъ тѣло твое съкутала, а моя чрѣсла и сѣрдьце не бы ся рѣвало, — абы въ чюжую землю не заведенъ!»

Събираху же ся къ нима отъ инѣхъ градъ и отъ вѣсии ближикы и друзи, и увѣщавахуся, и чюдяхуся вѣнезапу бѣвѣщую полону. И бѣвѣше въ радости мѣсто плачь, и въ пѣнии мѣсто на святаго Николы дѣнь рыдание въ нихъ и сѣтование. И тако я утѣшающе, глаголааху: «Чѣто естъ чюдѣнѣ святаго Николы или сильнѣе? Разумѣйте въ чюдесѣхъ его, колико створи: изъ дѣна моря чловѣкъ избавивъ, и отъ меча избави, и ис тѣмьниці, и егда хотяше посѣщи три оны мужа безъ грѣха. И съ вечера нощию цѣсарь Костѣянтинъ възѣва епарха и рече: „Утро изведи три муже ты ис тѣмьницѣ посѣщи“. Тѣгда слышавъ епархъ отъ цѣсаря, пусти къ мужемъ тѣмъ тако и рече: „Покайтеся ношъ су да будете готови; утро бо, ми реклъ цѣсарь, еже усвѣнеть, тоже вы хошю посѣщи“. И то слышавѣше, ти мужи начаша плакати, глаголюще и Бога моляще: „Святый Николае, помози ны, избави ны горькыя сея сѣмьрти!“ И той нощи полунощи явися святый Николае цѣсарю Костѣянтину въ полатѣ и глагола: „Аще не пустиши мужъ тѣхъ, то пожьгу домъ твой и тебе“. И то слышавъ цѣсарь и рече къ епарху: „Приведи мужа ты“. И приведоша я, и рече имъ: „Знаете ли Николу отъ Миры?“ Они же рекоша: „Знаемъ, господинъ бо то нашъ и митрополитъ“. И рече имъ цѣсарь: „Идѣте, Богъ вы и святый Николае прощаеъ“. И одаривъ я, пусти домови. И вѣставѣше, идоша съ великою радостию домови, хваляще и славяще Бога и святаго Николу, избавльшаго я отъ горькыя сѣмьрти».

Та же вѣся слышавъ Агрикъ отъ сусѣдъ и отъ другъ своихъ, утѣшися и, вѣставъ, иде къ женѣ своей и рече: «Воле ты жено, е ли ныне нама польза, оже вѣ се плачевѣ дѣнь и ношъ третѣе лѣто, и святаго забыховѣ, и не идоховѣ къ нему. Нѣ ныне уже, жено, послушай мене, и съ великою вѣрою поидивѣ къ святому и да ся помоливѣ; и вѣдѣ, яко велико утѣшение прияти имавѣ, и съ

два года не праздновали они память святого Николы и не посылали ни свечей, ни масла; и больше того, когда наступал праздник святого, то они, вспоминая чадое свое, вместо свечей и масла испускали обильные слезы, и рыдание, и громкий плач.

Что же скажу, возлюбленные? Может ли кто рассказать обо всем этом, и может ли кто их утешить? И может ли кто передать стенания и воздыхания матери, которая стенала и воздыхала всем сердцем, или горючие слезы отца, или как мать рвала на себе волосы и так покрыла ими землю, что словно на большом руне сидела и причитала: «Сыночек мой дорогой, единственный, лучше бы я не родила и не узнала тебя! Неужели не увижу тебя с детьми, которые были твоими сверстниками? Неужели не ухвачу тебя руками своими, идущего по дороге или по двору, и не поцелую губами своими? Лучше бы мне видеть тебя на постели, в болезни лежащего; я бы тебя и подняла, и положила, и ухаживала бы за тобой, и не оказался бы ты в скверных руках. Или придет пусть от Бога ангел и примет твою душу; то с радостью бы тело твоё обрядила, и не надрывалось бы мое сердце и утроба; лишь бы не был ты уведен в чужую землю!»

Приходили к ним из других городов и сел родственники и друзья, и увещевали их, и удивлялись внезапному пленению. И вместо радости был плач, а вместо пения на день святого Николы — рыдание их и печаль. И так, утешая их, говорили: «Есть ли кто чудодейственнее святого Николы или сильнее? Вспомните о чудесах его, сколько он их сотворил: со дна моря человека спас, и от меча избавил, и из темницы, и когда хотели казнить тех трех мужей невинных. Призвал тогда цесарь Константин поздно вечером судью и сказал: „Утром выведи тех трех мужей из темницы и убей“. Тогда судья, услышав это от цесаря, послал к мужам тем так сказать: „Покайтесь этой ночью, чтобы вы были готовы, потому что утром, как приказал мне цесарь, когда рассветет, тогда я должен вас убить“. Услышав это, мужи те начали плакать, причитая и моля Бога: „Святой Никола, помоги нам, избавь нас от горькой этой смерти!“ И той же ночью, в полночь, явился святой Никола цесарю Константину в палате и сказал: „Если не отпустишь тех мужей, то сожгу твой дом и тебя“. И услышав это, цесарь сказал судье: „Приведи тех мужей“. И привели их, и спросил он: „Знаете ли Николу из Мир?“ Они же ответили: „Знаем, ведь это господин наш и митрополит“. И сказал им цесарь: „Идите, Бог и святой Никола прощают вас“. И одарив их, отпустил домой. И встав, пошли они с огромной радостью домой, хваля и славя Бога и святого Николу, избавившего их от горькой смерти».

Услышав все это от соседей и друзей своих, Агрик утешился и, встав, пошел к жене своей и сказал: «О жена, что пользы нам в том, что плачем мы день и ночь третий год, и святого забыли, и не ходили к нему. Но ныне, жена, послушайся меня, и с великой верой пойдем к святому и помолимся; и знай, что получим великое утешение и возвратимся с большой и доброй

надѣжею доброю и великою възвратитися; и тако имавѣ уллучити, яко въ наю руцѣ вѣдати иматъ святой наю чадѣ или проявити нама иматъ: живо ли будетъ тамо, въ работѣ ли, или мѣртвъ». И та вся слышавѣши отъ мужа своего, рада бывѣши, рече къ мужевѣ своему: «Да възъмѣша свѣща и масла доидивѣ». Бѣ бо приспѣлъ праздникъ святаго Николы. И пакы рече къ мужевѣ своему: «Господи мой, поидивѣ къ святому. Ныне бо ми душа радуется, ныне бо ангели съ земьными чловѣкъ радуются».

И вѣставѣша идоста, и инѣхъ людѣи мѣножьство. И створиша вечеръ канонъ святому, пѣснь мѣногу пѣвѣше, възвратишася домовѣи. И *пояша* сусѣды и сѣрдобола на вечеру, и сѣдоша на тряпезѣ. *Начаша* ясти и пити, славяще Бога и святаго Николу и поминающе дѣтища своего и святаго чюдеса.

И *начаша* пѣси *лаяти*; бяху бо пѣси мнози у него, и заячѣи, и овѣчѣи. *Начаша* прилѣжно пѣси лаяти, и рече господарь къ отрокомъ: «Видите, чѣто притужаютъ пѣси, или звѣрие пришьли?» Рѣша отроци: «Нѣсть ничѣтоже». Пѣси же боле того притужати *начаша* ему. И ту рече господарь къ гостѣмъ: «Поидѣмъ *да видимъ* съ свѣщами, звѣрь ли е вѣлѣзълъ въ дворъ». И поидоша съ свѣщами многими, и видѣша чловѣка, посредѣ двора стояща въ свѣтахъ срачиньскаахъ и въ ушѣвѣ, и ужасошася. И пакы приступиша ближе къ нему съ свѣщами, зѣряху отрока уна стояща и въ руцѣ дѣржаща стѣкляницу пълну вина.

О страшно и дивно чюдо! От безбожьныхъ срачинъ единомъ часѣ примѣченъ бысть и поставлено на дворѣ отъчи посредѣ.

Отъць же его зѣря стояше. Онъ же стояше, акы бѣлванъ, дѣржа стѣкляницу съ винѣмъ и ничѣтоже бѣсѣдоваше. Отъць же много зѣрѣвъ и чюдивѣся, и хотя познати ѣ, страхѣмъ и радостию обѣдѣржимъ, и рече великѣмъ гласѣмъ сице: «Чадѣ Василю, се ныне на тя зѣрю, въ истину ты ли еси, сладѣкий мой сынъ? Или стѣнь ми ся нына кажетъ тобою?» И дѣтищъ скоро отвѣща: «Азъ есмь единачадый твой сынъ Василь, егоже безбожьнии срачини полониша и ведоша въ Критъ, от твоею пазуху и от матеру оттѣргѣше». И та вся послушавъ, отъць простѣръ руцѣ свои, нача ѣ цѣловати по очима, по главѣ и по ушима, по руцѣ и въсуду, а въпраша: «Рѣци ми, драгое мое чадѣ, како еси от безбожьныхъ рукъ убѣжалъ, или съ кымъ, чадѣ мое, или съ дружиною съвѣщавѣся еси прибѣглъ? Не мози, чадѣ мое, утаити мене, нѣ повѣжь родителю *своему* бывѣшая си». И сынъ нача отъцю отвѣщати: «О вѣсемъ семь, еже мя въпрашаеши, не вѣдѣ ничѣсоже. Нѣ се ныне въ Критъ на вечери прѣстоялъ есмь князу срачиньскому, — якоже мя полониша въ Критъ, и тако мя даша князу своему, да от того дѣне князь пристави мя себе чѣрпати, — да ныне рече ми князь и господинъ мой: „Чѣпли“. И чѣрпавъ, и хотѣхъ ему дати въ руку стѣкляницу сию. Не вѣдѣ, кѣто мя сильнѣ вѣнезапу похыти и стѣкляницу пълну сию, якоже се и еще дѣржу, и постави мя сѣде. И не вѣдяхъ, яко на земли ли стою. Тако бо мѣняхъся, яко бо вѣтрѣмъ носимъ бѣхъ. И ту ми приде глас, глаголя ми:

надеждой; может так случиться, что святой прямо в наши руки передаст нам нашего сына, либо откроет нам: жив ли он там, в рабстве ли он, или умер». И она, услышав это все от мужа своего, обрадовавшись, сказала мужу своему: «Возьмем свечей и масла и пойдем». Настал же праздник святого Николы — и вновь обратилась она к мужу своему: «Господин мой, пойдем к святому. Ныне ведь душа моя радуется, ныне ведь ангелы с земными людьми радуются».

И встав, пошли они; и много других людей *⟨шло⟩*. И сотворили на вечерней канон святому, и, спев много песнопений, возвратились домой. И собрали соседей и родственников на ужин, и сели за трапезу. И начали есть и пить, славя Бога и святого Николу, вспоминая сына своего и чудеса святого.

И начали псы лаять; их было много у него, и для охоты на зайцев, и для пастьбы овец. Начали усердно псы лаять, и хозяин сказал слугам: «Посмотрите, почему беспокоятся псы, может, волки пришли?» Ответили слуги: «Никого нет». Псы же еще сильнее начали беспокоить его. И тогда хозяин сказал гостям: «Пойдем и посмотрим со свечами, не волк ли влез во двор?» И пошли они со многими свечами, и увидели человека, стоящего посреди двора в сарацинской одежде с покрывалом на голове, и ужаснулись. И еще ближе подошли к нему со свечами и увидели стоящего юного отрока, держащего в руке чашу, полную вина.

О страшное и дивное чудо! От безбожных сарацин в один час был он принесен и поставлен посреди отчего двора.

Отец его стоял и смотрел. А он стоял, как идол, держа чашу с вином, и ничего не говорил. Отец же долго смотрел и дивился, желая узнать его, охваченный страхом и радостью, и громко воскликнул: «Чадο *⟨мое⟩* Василий, на тебя ли я сейчас смотрю, на самом ли деле это ты, сладкий мой сын? Или призрак мне ныне представляется тобою?» И сын тотчас ответил: «Я это, единственный сын твой Василь, которого безбожные сарацины пленили и увели на Крит, оторвав от твоей и материнской груди». И отец, услышав все это, протянул к нему руки, начал целовать его в глаза, в голову, в уши, в руки и всюду и спрашивал: «Скажи мне, дорогое мое чадο, как убежал ты от рук безбожников, с кем, чадο мое? Со спутниками своими сговорившись, прибежал? Не утан от меня, чадο мое, поведай родителю своему, как это было?» И стал сын отвечать отцу: «Обο всем том, о чем ты меня спрашиваешь, я ничего не знаю. Но ныне на Крите прислуживал я за ужином сарацинскому князю — ведь когда привели меня в плен на Крит, то отдали их князю, и с того дня приставил он меня к себе виночерпием — и вот ныне говорит мне князь и господин мой: „Черпай“; и я, зачерпнув, хотел дать ему в руки вот эту чашу. И не знаю я, кто, сильный, внезапно похитил меня с этой чашей полной, которую и сейчас еще держу, и поставил меня здесь. И не понимал я, на земле ли стою. Ведь мне казалось, что ветром меня носило. И тут я услышал глас, говорящий мне:

„Видиши ли чѣто?“ И азъ въ ужастѣ велицѣ бывъ, видѣхъ поставляюща мя великааго Божия Николу».

То слышавъ, отъць радости великы напѣлнивъся о велицѣмъ томъ чудѣ, и приимъ за руку сына съ великою и славною радостію възведе ѥ горѣ, и прѣда ѥ матери, и рече: «Жено, вижъ наю заступника, коль велика слава его и сила? Вижъ, како на скоро услыша на помощь наю и утѣши на, яко помолиховъся. Онъ же скоро поможе *нама*, теплый заступникъ. Вижъ, жено, наю спасения скоро!»

То же глаголющу Агрику къ женѣ своей, мати прѣхватыши ѥ руками своима, облобызавъши все тѣло его, глаголющи: «Уже тя имамъ въ руку своею, чадо мое драгое! Съ Божіею помощію имамъ тя, единочадый сыну мой, утѣху души моей! Имамъ тя въ дръжю ты въ руку своею ныне, егоже азъ мнѣхъ въ поганьскахъ странахъ умърша».

Тако и инако много глаголющи матери къ сыну, събърашася сусѣди и сѣрдоболя, и бы радость велика, и праздъникъ святаго дѣвоици створиша къ святѣи църкѣви его. И течаху вси чловѣци на чудо видѣть отрока. И зряше его, чюдяхуса и славляху Бога и святаго Николу, избраника Божия и заступника теплаго.

Чюдо 5. Другое да вы сѣкажю чюдо.

Уноша бѣ нѣкъто именемъ Никола, дѣмоньскѣмъ *мучениемъ* обѣдържимъ, лежаше мѣсяць шесть, огньмъ великѣмъ обѣдържимъ. И не та едина бѣше ему бѣда, нѣ и нозѣ ему бѣшета сѣ сѣкрчилѣ, яко нимало не можаше ходити, ни простерети, нѣ пѣлзаше на лѣдвяхъ. Просто же да реку, яко всѣми сѣставы не можаше гѣбати. Огнь бо тѣ великый *жыгыи* и удѣ, глѣбѣше сѣрдѣце ему, и от пламене огньна тѣло бѣше ему все распалено. Неже то едино, нѣ вси уди исѣхли ему бѣху. И врачеве же, приходяще, не можаху никоеяже пользы створити. И тако пришьдѣ въ велику бѣду, яко ни врачемъ имѣше чѣто дати, ни самому о чѣмъ прѣбывати.

И видѣ чловѣкы си на святаго Николы праздъньство *идуща* многы съ свѣщами въ църкѣвъ къ святому Николѣ на канонѣ. Да и онъ купи свѣщю противу убожѣству своему, бѣ бо убогъ вельми, и нача ползати по земли, ити къ святому. Идущю же ему, явися прѣсвятый и великый помощникъ Никола на пути и рече: «Кѣто ты еси? И откуда идеши, и къ кому идеши? Чѣто ли трѣбуеши или чѣто ти бѣды естѣ? И чѣто ради нынѣ сицѣ трудъ приемлѣши?» Онъ же, обѣдържимъ страхѣмъ великѣмъ и отъ труда велика многапутьнаго сѣдѣ на единомъ мѣстѣ, исповѣда ему всю бѣду свою и болѣзнь. И ту рече ему явивыйся: «Аще хошеши цѣль быти, поиди въ слѣдъ мене». И приведе ѥ святой до святѣя църкѣве своя, и ту ишезе. И онъ иного не видѣ, развѣ еже поидоша чловѣци съ свѣщами въ църкѣвъ на литургию. Да и оно видѣвъ въждѣгъ свѣщю свою, ту же пѣлзати нача.

„Видишь ли ты что-нибудь?“ И я, охваченный ужасом великим, увидел ставившего меня *⟨на землю⟩* великого Божьего Николу».

Услышав это, отец преисполнился огромной радостью от великого этого чуда и, взяв сына за руку, с великой и благодарной радостью поднялся с ним наверх, и передал его матери, и сказал: «Жена, зри нашего заступника, как велика слава его и сила. Смотри, как быстро пришел он нам на помощь и утешил нас. Как только мы помолились — он тут же помог нам, теплый заступник. Смотри, жена, как скоро пришло нам спасение!»

И когда сказал Агрик это своей жене, мать обхватила сына руками своими и, облобызав все его тело, проговорила: «Наконец-то я держу тебя в руках своих, чадо мое дорогое! С Божьей помощью обрела я тебя, сын мой единственный, утеха души моей! Обрела тебя, и держу ныне в руках своих тебя, которого считала умершим в землях неверных».

⟨В то время как⟩ это, так и многое другое говорила мать сыну, собрались соседи и родственники, и радость их была огромной, и второй раз отслужили праздничную службу святому в святой церкви его. И стекались все люди на чудо: видеть отрока. И видя его, удивлялись и славили Бога и святого Николу, избранника Божия и заступника теплого.

Чудо пятое. Поведаю вам еще одно чудо.

Был некий юноша, по имени Никола, демонским мучением одержим; лежал он месяцев шесть, огнем сильным одержимый. И не одна эта была у него беда, еще и ноги у него были скрючены, так что совсем не мог он ни вытянуть их, ни ходить, а ползал на ягодицах. Или проще скажу: не сгибались у него все суставы. Огонь тот сильный, жгущий его члены, терзал ему сердце, и от жара огненного все тело у него было распалено. Мало того, и все члены его иссохли. И врачи, приходя, ничем не могли ему помочь. И так попал он в большую беду, потому что уже не имел ни врачам что дать, ни самому на что жить.

И увидел он людей многих, идущих со свечами на праздник святого Николы в церковь святого Николы на канон. И он тоже купил свечу, несмотря на свою бедность, а был он очень беден, и начал по земле ползти, идти к святому. И когда он шел, явился ему на пути пресвятой и великий помощник Никола и сказал: «Кто ты? И откуда идешь и к кому идешь? Или в чем нуждаешься, или какая беда у тебя? И чего ради ныне этот труд совершаешь?» Он же, охваченный страхом великим, и от долгого трудного пути сидя *⟨неподвижно⟩* на одном месте, поведал ему всю беду свою и болезнь. И тогда сказал ему явившийся: «Если хочешь здоровым быть, иди вслед за мной». И привел его святой к святой церкви своей и исчез. И он *⟨ничего⟩* другого не видел, только то, что пошли люди со свечами в церковь на литургию. И он, видя это, зажег свечу свою и туда же начал ползти.

И паки съ ними възвратися къ святуму, и ту видѣ икону. И припѣлза, въсѣде у нея; и ту видѣвъ образъ на иконѣ святѣй святаго Николы, позна ѿ, яко бѣ явилсяъ ему на пути, и възъпи великъмъ гласѣмъ, глаголя: «Святѣй Николае, якоже ми ся еси обѣщалъ на пути и рече ми: „Аще хоцеша цѣль быти, поиди въ църкъвь мою“, и доселѣ самъ мя еси привелѣ. И ныне помилуй мя, дължнѣ бо ми еси, ицѣли мя и отдай дългъ свой мнѣ ныне».

И та глаголавъ вся, възвѣрѣвъ на икону святаго и видѣ паки явѣ святаго Николу, якоже и на пути. И въскрича великъмъ гласѣмъ и рече: «Двигнѣте мя!» И ту стоящии двогоша ѿ. И обѣмъ икону святаго Николу обѣма рукама своима, и лобызая глаголаше: «Теплый заступниче, помилуй мя!» Начаша же ему жилы простирати и кости, и ста простъ на земли, и прѣкрѣсти рукама своима тѣло свое тришѣды, и помаза ся святыимъ маслѣмъ от святаго Николы кандила. И излѣзе иж него дѣмонъ; и исцѣлѣ, и стояше простъ. И потомъ паки примѣ святую икону, цѣловаше святаго. И бывъ съдравъ Божиею радостію и святаго Николы. И видѣвъше вси дивное чюдо милосѣрда и чловѣколюбца Бога, дающаго благая рабомъ своимъ молитвами святаго Николы. Славу и пѣснь да въсѣлемъ.

Чюдо 6. Азъ же вамъ другое чюдо да повѣдѣ, да не мозѣте лѣнитися, нѣ ясно послушайте.

Попъ нѣкъто именемъ Хрѣстофоръ от града Тухина* тако имаше обычай по вся лѣта ходити на праздѣникъ святаго Николы въ градъ Муры, кѣде лежить святѣй Николае. И ту покланявѣся, приходяше домови. И от святаго тѣла его миро въземля, приносяше въ домъ свой на освящение всему дому своему.

Въ едино же лѣто приговориса ити съ дружиною къ святуму. Идущемъ имъ къ святуму близъ, и ту я сѣрѣтоша аравити и, поимѣше я, ведоша на свою землю. Бѣ же ихъ въсѣхъ полонено тридесѣе мужъ. И ведоша я домови, поставиша я натрое: едину часть подъ мечъ, а другую продати, а третію въ тѣмьници затвориша. Попа же Хрѣстофора на посѣчение отълучиша. И приведѣше я на мѣсто, начаша сѣчи по единому. И доиде до попа. И ту стоя, попъ Христофоръ призываше святаго Николу, глаголя: «Избави мя от меча сего и помози ми, теплый помощниче!»

И ту абие ста святѣй Николае, аки на дѣсцѣ писанъ въ ризахъ прѣдъ нимъ, и рече ему: «Не бойся, брате, азъ бо есмь съ тобою».

И ту пришедъ мечѣникъ, и поя попа да ѿ посѣчетъ. И святѣй въ слѣдъ идяшетъ. И кѣде ѿ доведоша до мѣста, кѣде сѣчаху, рече мечѣникъ попу: «Поклони главу». И поклони ту. И рече святѣй Никола къ нему: «Не бойся». И яко хотѣ посѣщи, и ту тако святѣй изъ руки изъ ему мечъ. И ста мечѣникъ, забывѣся, и рече къ попу: «Кѣде мой мечъ?» Рече попъ: «Никола ти възъ». Мечѣникъ рече: «Да кѣде е?» Попъ рече: «Отъстои у тебе». И рече мечѣникъ: «Пожида ту».

И опять с ними возвратился к святому и увидел там икону. И подползши, сел около нее; и увидел там на святой иконе образ святого Николы, узнал его, что это он явился ему в пути, и громким голосом завопил, говоря: «Святой Никола, коли уж ты обещал мне в пути и сказал: „Если хочешь здоровым быть, иди в церковь мою“, и сам меня сюда привел, — то помилуй же меня ныне, ведь должен ты мне, исцели меня и отдай мне ныне свой долг».

И сказав все это, посмотрел он на икону святого и опять увидел явно святого Николу, как и в пути. И вскричал он громким голосом, и сказал: «Подвиньте меня!» И стоявшие там пододвинули его. И обнял он обеими своими руками икону святого Николы, и, целуя, сказал: «Усердный заступник, помилуй меня!» И начали расправляться у него жилы и кости, и он встал, выпрямившись, на земле, и трижды перекрестил руками своими тело свое, и помазал себя святым маслом от лампы святого Николы. И вышел из него демон; и исцелился он и стоял прямо. И потом опять, взяв святую икону, целовал святого. И был здоров благодатью Бога и святого Николы. И видели все дивное это чудо милосердца и человеколюбца Бога, дающего благо рабам своим молитвами святого Николы. Станем же воссылать ему славу и песнь.

Чудо шестое. Поведаю я вам еще одно чудо, вы же не ленитесь, а внимательно послушайте.

Поп некий, именем Христофор, из города Тухина также имел обычай каждый год ходить на праздник святого Николы в город Миры, где лежит святой Никола. И поклонившись ему там, возвращался домой. И от святого тела его взявши миро, приносил в дом свой на освящение всего дома.

В один год приготовился он идти со спутниками к святому. И когда они были уже недалеко от святого, встретили их тут арабы и, пленив, повели в свою землю. Всего же было их пленено тридцать мужей. И привели они их (к себе) домой, разделили их натрое: одну часть — под меч, другую — продать, а третью заключили в темницу. Попа же Христофора на посещение (мечом) отделили. И приведя их к месту (казни), начали казнить по одному. И дошли до попа. И стоя там, поп Христофор призывал святого Николу, говоря: «Избавь меня от меча сего и помоги мне, усердный помощник!»

И тут вдруг предстал перед ним святой Никола в том же облачении, в котором на иконе писан, и сказал ему: «Не бойся, брат, ибо я с тобой».

И тут пришел палач и взял попа, чтобы его казнить. А святой шел за ним следом. И когда довели его до места, где казнили, палач сказал попу: «Склони голову». И он тотчас склонил. И сказал ему святой Никола: «Не бойся». И когда палач собрался отсечь ему голову, тогда святой выхватил у него меч из рук. И стал палач, недоумевая, и обратился к попу: «Где мой меч?» Поп ответил: «Никола то взял». Палач спросил: «А где он?» Поп ответил: «Далеко от тебя». И сказал палач: «Подожди здесь».

Попъ же стояше съвязанъ опаки. Святы же Никола рече къ попу: «Не бойся». Шьдъ, мечъникъ принесе другой мечъ и рече попу: «Поклони главу». И хотъ ударити. И ту простъръ руку святой Никола, изъ мечъ. И ражнѣвася *аравитъ* на попа и рече: «Вълхѣвъ ли еси? Къде мечъ?» Рече попъ: «Никола възъ». И онъ паки третій възъ. И сърѣте ѿ святой, исхити изъ руки. И приде къ попу тѣщъ, и рече: «Повѣжъ ми, кый то Никола». И рече попъ: «Иже въ Мурѣхъ Ликионѣ». Рече аравитъ: «Аще то естъ, тѣ великъ тѣ мужъ и добръ. Много бо есмь то слышалъ, еже твори добра чловѣкомъ». И раздрѣши попа и ины три мужа, имѣже постѣченомъ быти съ попѣмъ.

И приведе я всѣхъ четири и прѣдъ поставль, въпрашаше попа о святѣмъ, како ѿ видѣлъ. И попъ съказаше ему всѣхъ та по ряду: и како ся ему являлъ, и како ему изималъ изъ руки мечъ. И слышавъ то аравитинъ отъ попа, велми почюдивъся, рече: «Великъ Богъ кръстьяньскъ». И рече къ мужемъ: «Азъ васъ даю тому Николѣ дньшньи днь». И поимъ я, изведе и-своя земля. И настави я на путь, рекъ имъ: «Идѣте къ святому Николѣ»; бѣ бо оттуда близъ. И аравитинъ възвратися въ домъ свой, а си славяще хваляху Бога, поюще, и святого Николы, иже я избави отъ горкаго меча и лютыя смърти.

(...)

Чюдо святого Николы. Петръ рекомый, *въ* благыхъ памятьнъ чърньцъ, отъ воинскаго бывъ участия, ту бо бѣше учетанъ *въ* *пятѣмъ* *полцѣ* *старѣйшина*.* Съ вой пустиша ѿ срацинь воевать. Сълучися, якоже и многашды *бываесть* въ чловѣцѣхъ, побѣжену *быти* отъ поганъ; и избѣеномъ бывшемъ, а другимъ изманомъ. Также и того Петра яша. И приведеша я къ князю срациньску, показаша. И повелъ князь пустити я въ градъ Самарѣискъ* предати я старѣишинѣ, иже ту въ градѣ. Того же Петра повелъ въ твърду тѣмницю въсадити ѿ, и нозѣ оковати двоиими оковы, и уже на шию възложити, понеже бѣ воемъ староста. И бы тако повелѣние.

И ту сѣдя въ узахъ, помышляше своя прегрѣшения, еже въ житии сътвори. И рече: «Съ грѣхъ бы на мнѣ достойно и правдѣно, якоже и горѣ сего достойнъ есмь, понеже сългахъ Богу първое. Въ бѣдѣ бо быхъ велицъ и молихъся святому Николѣ, и потомъ общахъся, сие рекый: „Избави мя, святой Николае, да ся постригу отъ жены и отъ дѣтии къ апостолу Петру въ Римъ”.* Къде мя избави святой Николае, ту же азъ забыхъ и не сътворихъ, еже ся бяхъ общалъ святому. Да достойнъ есмь и горышю сего бѣду прияти. Хвалю тя, Владыко мой, и святого Николу, аще и въ тѣмници есмь ли въ оковѣхъ сѣдяи. И сътворихъ лѣто все ту, и паки рѣхъ въ собѣ: „Азъ съвѣдѣ, святой Божий Николае, нѣсмь достойнъ николиже съпасения. Да тѣмъ уже не смѣю милости просити о избавлении. Ты же, якоже имаши обычай отъ печальныхъ все давай* и молитвы своя простирай, къ тебе бо простираю

Поп стоял, связанный сзади. Святой же Никола (опять) сказал попу: «Не бойся». Придя, палач принес другой меч и сказал попу: «Склони голову». И собирався ударить. И тут святой Никола протянул руку и взял меч. И рассердился араб на попа и спросил: «Не волхв ли ты? Где меч?» Сказал поп: «Никола взял». И он снова, третий (меч) взял. И встретил его святой, выхватил (меч) из рук. И пришел палач к попу с пустыми руками и сказал: «Поведай мне, кто этот Никола?» И сказал поп: «Который в Мирах Ликийских». Сказал араб: «Если так, то велик этот муж и добр. Ибо много я слышал о том, что творит он добро людям». И развязал попа и других трех мужей, которых должны были казнить вместе с попом.

И приведя их всех четверых и поставив пред собой, стал он расспрашивать попа о святом, — как он его видел. И поп рассказал ему все то по порядку: и как ему являлся, и как у него выхватывал из рук меч. И слыша это от попа, араб сильно удивился и сказал: «Велик Бог христианский». И обратился к мужам: «Вручаю я вас сегодня тому Николе». И взяв их с собой, вывел из своей земли. И указал им путь, сказав им: «Идите к святому Николе»; было же это недалеко оттуда. И араб возвратился в дом свой, а они, славя, восхваляли в песнопениях Бога и святого Николу, который избавил их от горького меча и лютой смерти. {...}

Чудо святого Николы. Петр, доброй памяти монах, был некогда на воинской службе и там числился старейшиной пятого полка. Отправили его с воинами воевать против сарацин. И случилось (им), как это часто бывает среди людей, потерпеть поражение от неверных; и (одни) убиты были, а другие пленены. Также и того Петра взяли. И приведя их к сарацинскому князю, показали (ему). И повелел князь отправить их в город Самарию, передать старейшине этого города. Того же Петра повелел посадить в крепкую темницу, и сковать ноги ему двойными оковами, и вериги на шею возложить, ибо был он старейшиной воинов. И было исполнено повеление.

И там, сидя в оковах, (Петр) размышлял о своих прегрешениях, которые он совершил в жизни. И сказал: «Это наказание заслужено мной и справедливо, и даже горшего я достоин, потому что в прошлом солгал Богу. В беде был я большой и молился святому Николе, и потом дал обет, так сказав: „Избавь меня, святой Никола, и я постригусь, (уйдя) от жены и детей, в (церкви) апостола Петра в Риме“. Но когда избавил меня святой Никола, тогда забыл я (свой обет) и не сделал того, что обещал святому. Поэтому достоин я и горшую беду претерпеть. Славлю, Владыка мой, тебя и святого Николу, хотя и в темнице я, и в оковах сижу. И (вот) просидел я целый год здесь и опять говорю про себя: „Я знаю, святой Божий Никола, что я совсем не достоин спасения. И поэтому уже не смею просить милости об избавлении. Ты же, поскольку имеешь обычай от горюющих все (тяготы) брать и молитвы

и молюся, и проповѣдника къ Нему наричу да мя избавиши от узъ сихъ, да отселѣ въ мирѣ не обращаюся, ни въ домъ свой, ни къ женѣ своей, ни къ дѣтѣмъ своимъ, нѣ да иду въ Римъ къ святому Петру и да ся постригу. И ту лѣта своя и животъ свой съкончаю до смѣрти въ чѣрнѣчствѣ. Да елико имаши дѣрзновение къ Владыцѣ, моли за мя". Тако ино много бесѣдовавъ мужъ съ. И яся алчбѣ и молитвѣ; и сътвори недѣлю всю, не вѣкуся чтоже.

И кончавъ недѣлю, явися ему теплый заступникъ и великий Николае и рече къ нему: «Молитву твою, Петре брате, услышахъ и стенание сѣрдѣца твоего разумѣхъ. И чловѣколюбца Бога за тя умолихъ о избавлении. Обаче егда тѣ самъ реклъ: „Просите — и примете, и дасться вамъ; тѣлцѣте и отвѣрзутся вамъ",* — да ся не отлучаемъ чловѣколюбия его, и еже на пользу намъ подати имать». Та же вѣся рекъ, святой Николае повелѣ вѣкусити ему брашна, рекъ: «Въздай молитвы къ Богу». И отъиде.

И паки явися ему вѣторое святой Николае, весело глядая и рече къ нему: «Азъ, брате, вѣру ими ми, яко нѣсмъ почилъ, о тебе моляся благому Богу. Нѣ не вѣмъ, чѣто мыслить милосѣрдый Богъ сътворити. Азъ ти покажу молитвѣника достойна и помощника. Да вѣдѣ, иже помолится къ Богу о тебе, тѣ да сътворитъ хотѣния наю». И глагола ему *Петръ*: «Да кто есть, святой отче, паче тебе молящася къ Владыцѣ, яко и вѣсь миръ призываетъ тя на помощь, и ты спасаеши вѣсь миръ?» Отвѣща къ нему великий Николае, и рече: «Вѣси ли Семеона Правѣднаго,* иже на руку своею Христа *приятъ*, четырьмидесяты дѣнии вѣнесе на руку въ цѣрквѣ?» — «Вѣдѣ, святыче Божий, тѣчью не знаю чловѣка, развѣ еже есмъ слышалъ въ святыхъ Евангелиихъ». Ту же чловѣколюбѣцъ Николае рече: «Да того оба моливѣ непрестанно; мощнѣ бо есть и стоитъ у престола Владыки и съ Крѣстительмъ Иоанмъ и святою Богородицею. Да иже тѣ ся помолитъ, то ту тако хотѣние наю дасть». То же рекъ, святой Николае отъиде от него.

Вѣспрянувъ же ся, чловѣкъ съ нача молитися въ алчбѣ къ святому Николѣ, а святой Николае моляше святаго Сумеона.

И поимъ правѣдный Сумеонъ святаго Николу, идоста къ мужу утѣшити ѥ и избавити ѥ от узъ и от бѣды тоя. И рече Сумеонъ: «Мужайся, брате, и вѣспряни». Онъ же, очима прозѣрѣвъ, видѣ великаго Семеона стояща, палицю имѣя злату и дѣржа ѥ въ руку, въ бѣлахъ ризахъ и съ святымъ Николою. И рече ему святой Семеонъ: «Ты ли еси, иже призываше дѣнь и ношь?» Онъ же, одѣва уста своя отвѣрзе, рече: «Ей, азъ есмъ оканѣнный и грѣшный, святыче Божий, съгрѣшивъ мѣного». И рече: «Да съхраниши ли, еже еси обѣщаль ся пострѣщи въ чѣрнѣчство?» Рече мужъ: «Ей, господи». И рече святой: «Не мози сълѣгати мѣнѣ, яко и Николѣ». Рече мужъ: «Ни, господи». Рече святой Семеонъ: «Ельма ся поручиши, излѣзи, пакости не

свои (за них) возносить, — к тебе ведь я обращаюсь и молюсь, и заступником перед Богом тебя называю, — избавь меня от этих уз, да отныне не вернусь я в мир, ни в дом свой, ни к жене своей, ни к детям своим, но да пойду в Рим к святому Петру и постригусь. И там годы свои и жизнь свою проведу в монашестве до самой смерти. И если имеешь дерзновение к Владыке, молись за меня». Это и многое другое говорил сей муж. И пребывал в посте и молитве; и так провел всю неделю, ничего не вкусив.

И через неделю явился ему усердный и великий заступник Никола и сказал ему: «Услышал я молитву твою, брат Петр, и понял скорбь сердца твоего. И человеколюбца Бога умолил за тебя, о (твоем) избавлении. Ведь коли он сам сказал: „Просите — и дастся вам; стучите — и откроются вам“, — так не отлучены будем и мы человеколюбия его и того, что на пользу нам подаст». Изрекши все это, святой Никола велел ему поесть и сказал: «Вознеси молитвы к Богу». И ушел.

И опять, во второй раз явился ему святой Никола, весело глядя и говоря ему: «Я брат, — верь мне, — не передохнул, молясь о тебе благому Богу. Но не знаю, что милосердный Бог думает совершить. Я тебе покажу молитвенника достойного и помощника. И знай, если помолится он Богу за тебя, тот исполнит наши желания». И сказал ему Петр: «Но кто есть, святой отец, усерднее тебя молящийся Владыке, если и весь мир тебя призывает на помощь, и ты спасаешь весь мир?» Отвечая ему, великий Никола сказал: «Ведаешь ли ты Симеона Праведного, который на руки свои принял Христа на сороковой день и внес его на руках в церковь?» — «Ведаю, святой Божий, только не человека знаю, а лишь то, что слышал о нем из святых Евангелий». Тогда человеколюбец Никола сказал: «Да будем оба молить его непрестанно, ибо силен он, и стоит у престола Владыки вместе с Иоанном Крестителем и святою Богородицею. И если тот помолится, то тогда тем самым наши желания исполнит». Сказав это, святой Никола отошел от него.

И придя в себя, человек этот начал, постясь, молиться святому Николе, а святой Никола молил святого Симеона.

И взял праведный Симеон с собой святого Николу, и пошли они к этому человеку утешить его и избавить от оков и от беды той. И сказал Симеон: «Мужайся, брат, и проснись!» Он же, открыв глаза, увидел великого Симеона, стоящего в белых одеждах рядом со святым Николою и держащего в руке золотую палицу. И спросил его святой Симеон: «Ты ли это, который призывал меня день и ночь?» Он же, едва раскрыв уста свои, ответил: «Да, святой Божий, я это, окаянный и грешный, много согрешивший». И спросил: «Исполнишь ли ты свое обещание постричься в монахи?» Ответил муж: «Да, господин». И сказал святой: «Не солги же мне, как Николе». Ответил муж: «Нет, господин». Сказал святой Симеон: «Если обещаешь, то выходи, не имея никакого препятствия. Иди отсюда, куда хочешь, никого не бойся». И сказал человек: «Господин,

имѣя никакоже. Аможе хошеши иди отселѣ, не бойся никогоже». Рече чловѣкъ: «Господи, како хошю ити, а нозѣ ми окованѣ и веригы на выи». И подвиже святыи Семеонъ жьзльмъ златымъ онѣмъ, удари въ оковы и въ веригы, и сътрошася, яко и прахъ. И излѣзъ ис тъмьница святыи Семеонъ, преда ѿ Николѣ и отъиде.

И приимъ святыи Николае, поимъ, веде ѿ по пути. И рече святыи Николае: «Имаши ли брашно, еже ти идуши довѣлно будеть?» Тъ же мужъ яко не мняше, яко на явѣ есть, и рече къ святому Николѣ: «Не имамъ брашна, ни иного ничьсоже». Рече же святыи Николае къ мужу: «Се, брате, огради овоща все пълни. Вѣлѣзъ, напълни довѣль свой и иди по пути. Не бойся: якоже и мене не можеть видѣти (...) никтоже, такоже и тебе». Тако послушавъ мужъ и вѣлѣзъ, набра овоща, ели хотяше, и излѣзъ, поиде по пути и съ святымъ Николоу.

И тако доправи мужа сего святыи до Рима. И рече ему ночью святыи Николае: «Брате, осе еси пришълъ въ Римъ. Да не мози *солгати*, нъ утро рано вѣлѣзи въ църкъвь святаго и върховняго Петра. И ту ты узрѣши Папа и възоветь тя. Ты же, пришѣдъ къ нему, поклонися и поклони главу свою да ты пострижеть. Аще ли того не сътвориши, то паки будеши въспять шълъ въ Самару и, въ тъмьници сѣдя, тую же бѣду примеша. Не мози же преступити моя заповѣди, нъ паче угодие сътвори святууму Семеону и святому Николѣ. Не помышляй же ни на домъ, ни къ женѣ, ни на дѣти, развѣ къ Богу».

Та же вся рекъ, святыи Николае иде къ кѣде съпяхе Папа и рече ему: «Възбѣни и вижь!» Яко явѣ глядаше Папа святаго Николу, за руцѣ държаша мужа и глаголюща сице: «Прими чловѣка сего. Избавилъ ѿ есмь ис тъмьница отъ Самара и отъ узъ великъ. Дай ему молитву и постризи ѿ; а имя ти ему есть върховняго апостола Петра. Да тако ему сътвори». И тако рекъ, святыи Николае ишезе отъ него.

И въспрянувъ, Папа повелѣ клепати утрью, бѣ бо томъ дни недѣля. И шѣдъ Папа въ църкъвь, и нача глядати по всѣмъ чловѣкомъ мужа сего, егоже ему бяхе проявилъ святыи Николае да бы ѿ позналъ. И тако зря по чловѣкомъ, узрѣ чловѣка того стояща посередъ людий въ църкви. И призва ѿ къ себѣ и рече: «Петре, нѣси ли ты отъ земля Грьчьскы, бывъ въ срацинѣхъ въ тъмьници въ Самарии, избавленъ отъ святаго Николы?» Онъ же поклонися до земля Папѣ, и обличи и рече: «Ей, владыко, азъ есмь». И рече Папа: «Не мози, брате, почюдитися мене, еже ты възвахъ именемъ твоимъ, егоже николиже слышалъ есмь, ни видѣлъ, брате, ни ты мене, ни азъ тебе. Нъ святыи и великий Николае ночью престою и повѣдая ми, како ты ис тъмьнице изведъ и желѣза разбивъ, и привелъ ты сѣмо, и повелѣлъ ми ты острѣши въ имя Божие». И тако рекъ Папа, Божию молитву въ имя Господне вѣдавъ, остриже ѿ.

как я пойду? Ведь ноги мои в оковах, и вериги на шее». Тогда поднял святой Симеон свой золотой жезл и ударил им по оковам и веригам, и рассыпались они, словно прах. И вышел из темницы святой Симеон, передал его Николе и удалился.

И принял его святой Никола, взял с собой и повел его по дороге. И сказал святой Никола: «Есть ли у тебя еда, которой тебе в пути достаточно будет?» И муж тот, даже не понимая, что это наяву, ответил святому Николе: «Нет у меня ни еды, ни чего-либо другого». И сказал святой Никола мужу тому: «Вот брат, все (эти) сады полны плодов. Войди, возьми, сколько нужно, и иди в путь. Не бойся: как меня никто не может видеть, так и тебя». Тогда, послушавшись, вошел муж (в сад), набрал плодов, сколько хотел, и, выйдя, пошел по дороге со святым Николою.

И так довел святой мужа того до Рима. И сказал ему ночью святой Никола: «Брат, вот и пришел ты в Рим. Смотри, не солги, но рано утром войди в церковь святого и верховного (апостола) Петра. И там увидит тебя Папа и позовет тебя. Ты же, подходя к нему, поклонись и преклони главу свою, пусть он пострижет тебя. Если же ты не сделаешь этого, то пойдешь обратно в Самарию и (там), в темнице сидя, окажешься в той же беде. Не нарушь же мою заповедь, но большее угождение сделай святому Симеону и святому Николе. И не помышляй ни о доме, ни о жене, ни о детях, а только о Боге».

Сказав все это, святой Никола пришел туда, где спал Папа, и сказал ему: «Проснись и смотри!» Как наяву смотрел Папа на святого Николу, держащего за руку мужа и говорящего так: «Прими человека этого. Я освободил его из темницы в Самарии, от тяжких оков. Помолись о нем и постриги его; имя же ему дай верховного апостола Петра. Сделай же так». И сказав это, святой Никола исчез.

Придя в себя, Папа повелел звонить в колокола к заутрени, ибо был воскресный день. Придя же в церковь, Папа начал высматривать среди людей того мужа, которого ему явил святой Никола, чтобы узнать его. И так, оглядывая людей, увидел человека того, стоящего посреди людей в церкви. И призвал он его к себе и сказал: «Петр, не ты ли из земли греческой, (и не ты ли), будучи у сарацин в темнице в Самарии, избавлен святым Николою?» Он же поклонился Папе до земли, и открылся, и сказал: «Да, владыка, это я». И Папа сказал: «Не удивляйся, брат, что позвал я тебя твоим именем, которого никогда не слышал; и не видел, брат, ни ты меня, ни я тебя. Но святой и великий Никола, явившись мне этой ночью и рассказав, как, выведя тебя из темницы и разбив оковы, привел тебя сюда, повелел мне постричь тебя во имя Божье». И сказав это, Папа дал ему Божью молитву во имя Господа и постриг его.

Тако святой Николае чудотворьць намъ добрая та показа, тако, моля Владыку, съвършаетъ чудеса. И показая вьсему миру знаменія, акы отьць чада приемля: съ плавающими плаваетъ, по пути ходящимъ помощникъ, въ бѣдахъ утѣшьникъ, въ тьмьницахъ присѣтьникъ, вѣдовиця милуя, сирыя накърмляя, плѣньники избавляя, больныя ицѣляя.

От святаго Николы благости и дай ны Богъ молитвами его спастися, да сию жизнь добръ проводяще, и будущаго вѣка молитвами его благая улучимъ о Христе Иисусе, Господи нашемъ. Емуже слава и държава съ Отьцьмъ и Святымъ Духъмъ нынѣ, и присно, и въ вѣкы.

Вот так святой чудотворец Никола явил нам свою доброту, так, моля Владыку, совершает он чудеса. И являя всему миру знамения, как отец чад принимает: с плавающими плавает, путем ходящим — помощник, в бедах — утешитель, в темницах — посетитель, вдов милует, сирот кормит, пленников избавляет, больных исцеляет.

Дай Бог и нам милостью святого Николы спастись, его молитвами, чтобы, прожив достойно эту жизнь, и в будущем веке спасение получить от Иисуса Христа, Господа нашего. И да славится он и властвует с Отцом и Святым Духом и ныне, и присно, и в веках.

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

МѢСЯЦА МАРѢТА ВЪ 17 ДЕНЬ ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВѢКА БОЖИЯ

Бѣ нѣкто челоуѣкъ благоуѣренъ в Римѣ градѣ именем Евфиміанъ, славенъ бывъ у Ануриа и Аркадія,* у царю римскую. Богатъ сый зѣло, имѣаше же рабѣ-домочадецъ 300 в *свилнах* ризах и в златых поясъх, не имѣаше же чада, зане подружие его неплодно бѣ.

Благоуѣренъ же сый, заповѣди Божиа *творяше*, пощаше же ся по вся дньи до 9-го часа, поставляше три трапезы въ своем дому: едину — сиротам и *вдовицам*, другую — нищимъ и *недужным*, третью — странным и мимоходящим. Сам же въ девятый час вкушааше хлѣба своего с черноризсѣмъ и мимоходьми нищими. Егда же идя *в полату*, милостыню пред собою слаше, глаголя, яко нѣсмь достоинъ по земли Божии ходити. Жена же его именем Агласна, жена же вѣрна и боящися Бога, заповѣди творяше, молящися Богу и глаголющи: «*Поменя* мя, Господи, недостойную рабу твою, и дай же ми плод чреву, да будеть ми вождь старостѣ и на утѣху душа моя!»

И помяну ю Богъ по добродѣланію ея, и зачат и роди сынъ. И възвеселися жена и мужъ ея о Бозѣ. Егда же бысть время отрочате учитися, вѣласти ѣ на первое учение грамотѣ, и навыче *всей граматикы*, и церковную строю, и от риторикіа мало, и бысть отроча премудро зѣло. Егда же бысть женити год, рече Ефиміанъ женѣ своей: «Сътвори вѣ бракъ сыну своему». И възвеселися жена о словесѣ мужа своего, паде на ногу его, глаголющи: «Да уставит Богъ слово твое, еже глагола, да *сътвори вѣ* бракъ сыну наю възлюбленному, — и да възрадуется душа моя!»

И обручиша ему нѣвесту царьскаго роду и сътвориша ему бракъ, увязыше чертогъ, вѣнчаше а святыми священники въ церкви Святаго Внифанта.* И введше я в *чертогъ*, веселишася до ноши весь день тии.

Влѣз же в чертогъ, сѣде на престолѣ златѣ, и взем перьстень злат, и лѣз* обить *коприною*, и дасть обручницѣ своей, и рече: «Възми и съхрани, и буди Богъ межи тобою и мною, дондеже Господь изволит». И *ныне* тайныи

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

МЕСЯЦА МАРТА В 17 ДЕНЬ ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТОГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

В граде Риме жил один благоверный человек по имени Евфимиан, бывший в почете у римских цесарей Гонория и Аркадия. Богат он был очень, имел триста рабов-домочадцев в шелковых одеждах с золотыми поясами, но не имел наследника, ибо супруга его была бесплодна.

Как человек благоверный, он следовал заповедям Божиим, постился каждый день до девятого часа, устраивал в своем доме три трапезы: одну — для сирот и вдовиц, другую — нищим и недужным, третью — для странников и паломников. Сам же в девятом часу вкушал свой хлеб с чернецами и нищими. А когда шел в палаты, посылал впереди себя милостыню, говоря, что недостойн ходить по Божьей земле. И жена его именем Агласия, благоверная и богобоязненная, тоже соблюдала заповеди, молясь Богу и говоря: «Помяни меня, Господи, недостойную рабу твою, и дай плод чреву моему, да будет мне поводом к старости и утешением души моей!»

И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына. И возблагодарили Бога жена и муж. Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторiku, и был отрок очень умным. А когда настало время его женить, Евфимиан сказал своей жене: «Свершим брак сыну своему». И возрадовалась жена словам мужа своего, пала ему в ноги, говоря: «Да утвердит Бог слова, сказанные тобой, свершим брак сына нашего возлюбленного — и да возрадуется душа моя!»

И обручили его с невестой царского рода, свершили его брак, женили его, и венчали их праведные священники в церкви Святого Вонифатия, а, отведя его в брачную спальню, все веселились весь тот день до ночи.

А он, войдя в спальню, сел на золотой свадебный трон, и снял золотое кольцо, и, завернув в персидский шелк, отдал своей обрученной, сказав: «Возьми и сохрани, и да будет Бог меж тобою и мною до той поры, пока Господь

извѣща к ней. Излѣзъ ис чертога, иде в ризницу и взем от богатства своего и изыде ношью отай из Рима. Шед же и из Капетулѣи,* обрѣте карабль, в рѣцѣ стоящъ, и влѣз в онъ, доплы града Лаодикия,* рекомаго *Магнарѣя*. Излѣзъ же ис корабля, помолися Богу, глаголя: «Боже, сотворивый небо и землю и спасе мя из чрева матере моея, спаси мя и нынѣ от суетнаго сего жития и сподоби мя деснаго стояния,* яко ты еси Богъ милостивъ и спасаай, тебѣ славу възсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

И вѣставъ, в той час срѣте оселники и иде с ними, дондеже доиде Едесы сирьския, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего* Исуса Христа, иже дасть Авгарю сый.* Влѣз же въ град, продасть все, еже имѣ, и дасть нищим, и облечеся въ *худыя* ризы, и сѣдѣше яко проситель в папертѣ *въ церкви* владычица наша *Пресвятая* Богородица, пошашеся от недили до недили, причащаяся святых таинъ и ядѣше двѣ уки хлѣба и двѣ уки пиаще воды, *без сна пребываше* вся нощи. А еже ему *дааху милостыню*, то все даѣше нищимъ.

Искаху же его въ градѣ Римстѣ и не обрѣтоша его. И посла отецъ его отроки искати его, и не обрѣтоша его. Пришедше въ Едесъ град Месопотамию и даша ему отроки свои милостыню и не познаша его. Видѣвъ же ѿ, он позна ѿ и прослави Бога и рече: «*Благодарю тя, Господи*, яко сподобил мя еси прияти милостыню от своих домочадецъ имени твоего ради». И обратишася отроцѣ его в Рим и възвѣстиша господину своему, яко не обрѣтохом его.

Мати же его, от того часа брачнаго, егда *искааху его и не обрѣтоша, вшедши в ложницу* свою и отврѣзши оконце възглавии своем и пославши вретѣще, попелом посыпа, молящеся Богу, глаголющи: «Не имам вѣстати отсюду, дондеже *увѣмъ* о сыну своем единочадѣм, камо ся дѣ». А отецъ его, отнелъ же родися сынъ его, не прилѣпися женѣ своей, глаголя к ней: «Моливъ Бога, да пошадит отроча, еже нама дасть».

Сътворшу же отрочатѣ 17 лѣтъ въ *папѣртѣ* Святыа Богородица и угоди Господеви своему: явися во снѣ понамаревъ святая Богородица, глаголющи: «*Въведи челоувѣка Божиа въ церковь мою*, яко достоинъ естъ царства небеснаго, яко миро бо добровоня молитва его естъ и якоже вѣнецъ на главѣ цесареви, тако почиваетъ Духъ Святый на немъ. И яко же солнце сияетъ въ весь миръ, тако просияетъ житие его прѣдъ ангелы Божиими». *Пономарь* же ища того челоувѣка, и не обрѣте, и обратися моляся Богородицы, да явить ему челоувѣка того. Глаголя же паки къ нему Богородица вѣторое: «Убогый сѣдѣ прѣдъ двѣрьми църковными, тѣ естъ челоувѣкъ Божий». Изиде же паки въ папѣртѣ и обрѣте ѿ, имы ѿ за руку, въведе ѿ въ църковь, и оттолѣ служаше ему вельми.

И прослу слово то челоувѣка Божия въ всемъ градѣ томъ. Видѣвъ же, яко познаша ѿ вси, отбѣжа от града того и пришьдъ въ Лаодикию, влѣзе въ корабль и хотя преехати въ Тарьсъ Киликию,* зане ту не знаяхуть его. Волею

изволит». И иное тайное поведал ей. Выйдя из спальни, пошел он в сокровищницу и, взяв часть своего богатства, покинул Рим тайно ночью. Спустившись с Капитолия, увидел он корабль, стоящий на реке, и, взойдя на него, доплыл до града Лаодикии, называемого Магнарея. Сойдя с корабля, помолился он Богу так: «Боже, сотворивший небо и землю, вызволивший меня из чрева матери моей, спаси меня и ныне от этой суетной жизни и сподобь меня десного предстояния возле тебя, ибо ты Бог милостивый и Спаситель. Славу возносим тебе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

Помолившись, тотчас же встретил он погонщиков ослов и отправился с ними, пока не дошли до Эдессы сирийской, где лежит образ Господа нашего Иисуса Христа, который некогда сам дал Авгарю. Войдя в город, продал он все, что имел, и роздал нищим, облекся в бедные одежды и как нищий проситель сидел на паперти церкви владычицы нашей Пресвятой Богородицы, постясь от воскресения до воскресения, причащаясь святых тайн, съедая лишь два куска хлеба и выпивая два глотка воды, пребывая без сна все ночи. А если ему подавали милостыню, он все отдавал нищим.

Искали его в городе Риме, но не нашли. И отец послал слуг разыскивать его, но и они не нашли его. Когда слуги пришли в Месопотамию, в город Эдессу, то, не узнав его, подали ему милостыню. Он же, увидев, узнал их и возблагодарил Бога, сказав: «Благодарю тебя, Господи, что сподобил меня принять милостыню от своих домочадцев имени твоего ради». И вернулись его слуги в Рим, сказав своему господину, что не нашли его.

Мать же с того свадебного часа, когда искали его и не нашли, вошла в свою спальню, открыла оконце возле своего изголовья и, постлав мешковину, посыпала пеплом и стала молиться Богу, приговаривая: «Не выйду отсюда, пока не узнаю о сыне своем единственном, куда делся». И отец, с тех пор как родился сын его, не прикасался к жене своей, сказал ей: «Помолим Бога, да пощадит дитя, которого нам дал».

Семнадцать лет провел юноша на паперти церкви Святой Богородицы и угодил Господу своему: явилась во сне пономарю святая Богородица со словами: «Введи в церковь мою человека Божия: достоин он царства небесного, ибо молитва его, как миро благоуханное, и, как цесарев венец на голове, почивает на нем Дух Святой. И как солнце сияет для всего мира, так просияет житие его пред ангелами Божьими». Пономарь же, поискав того человека и не найдя, обратился с молитвой к Богородице, чтоб явила ему человека того. И Богородица вновь сказала ему, вторично: «Убогий, сидящий у дверей церковных, это и есть человек Божий». И снова вышел он на паперть, нашел его и, взяв его за руку, ввел в церковь и с той поры служил ему исправно.

И разнеслась слава о человеке Божием по всему городу. А когда он понял, что все его узнали, то бежал из этого города, и, прийдя в Лаодикию, сел на корабль, и хотел уехать в Киликию, в Тарс, потому что там не знали его.

же Божиеу прегънанъ бысть корабль вѣтрѣмъ бурѣмъ и приде въ Римъ. Излѣзъ же ис корабля, рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не буду тяжкъ никому же иному: въ домъ отца моего да иду, яко и ту незнаемъ есмь». Ида же, сѣрѣте отца своего, идуша от полаты въ вѣрѣмъ обѣда, и поклонися ему, глаголя: «Рабе Божий, помилуй мя, убогаго странѣна, и не дѣи мене въ дворъ своемъ, да ся насыщаю и азъ съ рабы твоими „от крупиць, падающе съ трапезы“»* твоея. Богъ же да благословитъ лѣта твоя и да ти подасть царство небесное, и яже имаши на странѣнѣи земли да благословитъ и да тя насытитъ упѣванія своего». Слышавъ же отецъ его, паче о странѣныхъ тѣшѣнѣи бысть вѣвести въ домъ свой, и рече къ отрокомъ своимъ: «Кѣторый от васъ служити ему хошетъ? Да аще угодитъ ему, живъ Господь, яко свободѣнъ будетъ и участие имать възяти въ дому моемъ. Нѣ въ папѣртѣ вѣхода моего сѣтворите ему хыжищу, да вѣлазя и излазя, зѣру его. Давайте же ему от моя яди и трапезы». — И бѣ ему суровъ приснѣ.

Мати же его имущи сѣтование и печаль и не исхожаше из ложницы своя, а снѣха, оставѣши, рече ей: «Не отиду отсуду до смѣрти моя, нѣ гѣрлицы ся уподоблю, пустынелюбичи и единомужици. И азъ сѣтрѣплю и пожду, донѣдеже увѣдѣ о женисѣ моемъ, чѣто ему бысть».

Отроки же по всѣя вечера пакости ему дѣяху, ругающеся: они же пѣхаютъ его ногами, друзии же заушаютъ, инии же паки, опанище омывающе, възливаху на нѣ помоя. Видѣвъ же человекъ Божий, яко дивявѣльмъ научениемъ то ему бываетъ, съ радостию, и веселиемъ, и тѣрпѣниемъ всѣя принимаше, тѣрпя.

Сѣконѣчавъшю же въ дому отчи 17 лѣт незнаемъ, кѣто бѣ, егдаже изволися Господеву възати предание от него; рече къ отроку, служащему ему: «Брате, принеси ми харѣтию* и чѣрnilo». *И принесе ему.* И възъмъ, написа тайны, яже имаше съ отцѣмъ си, и съ матерію, и еже глагола къ обрученици своей въ чѣртозѣ, како ей дасть пѣрстенъ и лѣзъ. И всѣе житие свое написа, да познають ѣ, яко тѣ есть сынъ ею.

Бысть же въ единъ дѣнь недѣля *сущи*, по конѣчании свѣтѣя литургия, и еше сушу Маркиану архиепископу въ церкѣви и благовѣрѣнымъ цесарема и всѣмъ людѣмъ, гласъ услышыша невидимъ за олтарѣмъ глаголя: «Придѣте вси тружачиисѣи и обрѣмѣнении грѣхы, и азъ вы покою!»* Дивиша же ся и ужасошасѣа вси и падоша ници вѣпиюще: «Господи, помилуй!» Тѣгда же паки вторый гласъ услышаша: «Поищѣте человекъ Божия, да помолитѣся за миръ. Свѣтающе же пѣтѣку, исходитъ от телесе своего».

Въ четвѣртѣкъ же вечеръ сѣбѣрашасѣа вси въ церкѣвъ Свѣтаго *апостола* Петра молящесѣа Богу, да явитъ имъ человекъ Божия. И бысть гласъ, глаголя: «Въ дому Еуфимияни, ту есть тѣло его». Обращѣша же ся оба цесарѣа, рѣста къ Еуфимияну: «Въ дому своемъ таку благодать имѣя, почто нама нѣси повѣдалъ?» Еуфимиянъ же рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не сѣвѣдѣ». *И призва же стрѣйшаго рабъ своихъ и рече: «Сѣвѣси ли кого в клеветех моихъ такого суца?» Он же рече ему: «Живъ Господь Богъ мой, яко не сѣвѣмъ: вси*

Но, волею Божьей, корабль был подхвачен сильным ветром и пришел в Рим. Сойдя с корабля, он сказал: «Благословен Господь Бог мой! Не буду в тягость никому: войду в дом отца моего, как будто я там неизвестен». Подходя, встретил он отца своего, идущего из дома в обеденное время, и поклонился ему, сказав: «Раб Божий, помилуй меня, убогого странника, и пусти меня во двор свой, дабы и я насыщался с рабами твоими „крохами, падающими со стола“ твоего. Бог же да благословит лета жизни твоей и даст тебе царствие небесное, и странник, которого примешь, благословит и утешит тебя верованием своим». Когда отец его услышал о странниках, которых весьма привечал в своем доме, то сказал своим слугам: «Кто из вас хочет служить ему? Если же угодит ему, да видит Господь, тот будет свободным и получит часть моего имущества. А при входе в мой дом постройте ему хижину, чтобы, входя и выходя, я видел его. Давайте же ему еду с моего стола». Но был он с ним всегда суров.

А мать его, сетуя и печалась, не выходила из своей спальни, а сноха, оставшаяся с ней, говорила: «Не уйду отсюда до смерти моей, а уподоблюсь горлице, пустынножительнице и единомужнице. И я буду терпеть и ждать до тех пор, пока не узнаю о женихе моем, что с ним».

Слуги же каждый вечер мучили его, глумясь над ним: одни пинали его ногами, другие давали оплеухи, а иные же, моя посуду, выливали на него помои. А человек Божий, видя, что это свершается с ним по дьявольскому наущению, принимал все терпеливо, с радостью и стойкостью.

Когда же прошло семнадцать лет его пребывания в отчем доме неузнанным, тогда Господь изволил взять у него исповедание о себе; человек Божий сказал отроку, который ему служил: «Брат, принеси мне пергамен и чернила». И тот принес ему. Он взял и написал о тайном, что было у него с отцом и матерью, и о том, что говорил повенчанной с ним в своем брачном чертоге, когда дал ей кольцо и шелк. И всю жизнь свою описал, чтобы узнали его, что это — их сын.

В один из воскресных дней по окончании святой литургии, когда архиепископ Маркиан был еще в церкви, благоверные цесари и все люди услышали неведомый глас из алтаря, изрекший: «Придите все отягощенные и обремененные грехами, и я вас упокою!» Удивились и ужаснулись все и пали ниц, возопив: «Господи, помилуй!» И тогда вновь, вторично, услышали глас: «Поищите человека Божия, да помолится за мир. На рассвете в пятницу покинет он тело свое».

А в четверг вечером все собрались в церкви Святого апостола Петра, моля Бога, чтобы явил им человека Божия. И раздался глас, изрекший: «В доме Евфимиана тело его». И обратились оба цесаря к Евфимиану, сказав: «Имея в доме своем такую благодать, почему ты нам не сказал?» А Евфимиан ответил: «Видит Господь Бог мой! Не знал». И призвал он старейшину рабов своих и сказал: «Не знаешь ли среди моих рабов такого?» И тот ответил: «Видит Господь Бог мой, не знаю: все они — ничтожные люди». Тогда цесари велели идти в

бо пустошници суть». Тъгда повелѣста цесаря ити въ домъ Еуфимиянъ, да поищють челоуѣка Божия. Тъгда повелѣ Еуфимиянъ рабомъ своимъ столы и престоы поставити съ свѣщами и съ тмьянъмъ срѣсти я. И придоста цесаря и архиепископъ, и вси цесареви мужи, и бысть гълчание въ дому.

Мати же его завѣсила была окъныце завѣсъмъ, да не видить ея никъ-тоже, и рече: «Что се естъ мълва и мятежъ, и почъто суть пришъли?» А сънха въсѣхъ зряше съ полаты. Слуга же челоуѣка Божия *рече* къ господину своему: «Господи, еда съ естъ челоуѣкъ Божий, нищий съ, егоже ми бѣ поручилъ, велика бо знамения и дивъна видѣхъ у него. От недѣля до недѣль причащающася святыхъ таинъ и 2 укъни хлѣба и 2 укъни воды пияше, въся недѣля не ядыи, а въ нощи бе съна пребываше. Нъ етери от клеврѣтъ моихъ пакости ему творяху: ови пѣхаютъ, а друзии ругающася, инии же помоями обливаху, онъ же съ радостию все принимаше».

Еуфимиянъ же слышавъ се, тече къ челоуѣку Божию и, пришѣдъ, глагола къ нему, и не бѣ гласа от него уже, и открывъ лице его, видѣ свѣтящася, яко ангелу, и държаща харѣтию въ руцѣ. Еуфимиянъ же хотѣ възъмъ харѣтию видѣти, чъто естъ написано въ неи, онъ же не пусти ея. Еуфимиянъ же обращъся и шѣдъ, рече къ цесарема, яко егоже ищемъ, обрѣтохомъ, и исповѣда има, яко прѣже 17 лѣтъ приде къ мнѣ, и — все по ряду, како житие его, еще же и харѣтию държитъ въ руцѣ и не дасть ми ея.

Тъгда повелѣста цесаря одрѣ настѣлати и положити на немъ святаго. Въставша же цесаря, и архиепископъ, и вси цесареви мужи, сташа прѣдъ одрѣмъ глаголюще: «Рабе Божии, и вѣ, аще грѣшна есвѣ, то — цесаря есвѣ, а съ — отецъ всея въселеная.* Въдажъ намъ харѣтию, да видимъ, чъто ты еси и чъто естъ писано въ неи». Тъгда въдасть имъ харѣтию, и възъмъша въдаста ю дияку церковьному. Съдъшема же цесарема, и архиепископу, и Еуфимияну, начать харѣтию чисти халтоларь.*

Егда слыша отецъ чѣтения харѣтия, въскочи съ прѣстола скоро, и растърза ризы своя, и сѣдины тързаше, текии надъ тѣло его, въргъ же себе на пърси его. Любъзна цѣловаше его глаголя: «Увы мнѣ, чадо мое! Почто ми сицѣ сътворилъ еси, почто ми нанесе сице въздыхание? Колико лѣтъ пусть бѣхъ, чая слышати гласъ твой, ли бесѣду твою, и не явилъ ми ся еси. Увы мнѣ, вожение старости моя! Камо имамъ дѣти сѣтование сѣрдца моего? Отселъ уже достоинъ ми плакаться острупленъ си душа».

Слышавъши же мати его, яко сынъ ея естъ, раздѣра окъныце свое и ризы своя, и растърза главу свою, жалостно глядаше на сына своего и молящи народы, сущии на полатѣ, молящи я, глаголаше: «Увы мнѣ, мужи, дадите ми мѣсто, да възърю си жалостно възлюбленаго своего чада. Увы мнѣ, братия моя, да узърю си единочадаго сына моего, агньца душа моя, пѣтънъца гнѣзда моего и въздоение съсѣцю моею, надъжа мышъцю моею». Любъзно же лобызаящи, въпияше глаголющи: «Увы мнѣ, чадо моя утробы! Почто ми сице

дом Евфимиана поискать там человека Божия. Для их встречи Евфимиан велел рабам своим поставить столы со свечами и фимиамом и сидения. И пришли цесари, архиепископ и все именитые цесаревы мужи, и в доме стало шумно.

Мать же, у которой завешано было оконце занавесью, чтобы ее никто не мог видеть, сказала: «Что это за разговор и шум, и зачем все пришли?» А сноха всех видела из комнаты. И слуга человека Божия сказал своему господину: «Господин, не человек ли Божий тот нищий, которого ты мне поручил, ибо великие и дивные чудеса замечал я за ним. С воскресения до воскресения причащался он святых тайн и, кроме двух кусков хлеба и двух глотков воды, не пил и не ел все воскресения, а ночами не спал. И некоторые из рабов моих мучали его: одни пинали, а другие глумились над ним, иные же обливали помоями, а он принимал все с радостью».

Евфимиан, услышав это, устремился к человеку Божию и, войдя, заговорил с ним, но тот уже был безгласен, а открыв лицо его, увидел, что оно сияет, как у ангела, и держит он в руке пергамен. Евфимиан хотел взять пергамен, чтобы увидеть, что написано на нем, но тот не выпустил его из руки. И Евфимиан возвратился, чтобы сказать цесарям, что он нашел того, кого они ищут, и поведал им, как семнадцать лет назад пришел он к нему, и далее — все по порядку о его житии, а еще о том, что он держит в руке пергамен, но не отдал ему.

Тогда цесари велели соорудить ложе и положить на него святого. И поднялись цесари, архиепископ и все цесаревы мужи, и встали у одра со словами: «Раб Божий, ведомо тебе, что мы, грешные, — цесари, а вот — отец вселенский. Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту.

Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места, растерзал одежды свои, стал рвать седины, устремился к телу его и бросился ему на грудь. Любовно целовал он его, говоря: «Горе мне, чадо мое! Почто так поступил со мной, за что нанес мне такое огорчение? Сколько лет понапрасну надеялся я услышать либо голос твой, либо речи твои, но ты не открылся мне. Горе мне, поводырь старости моей! Куда мне деться от сердечной скорби моей? Отныне суждено мне лишь оплакивать свою израненную душу».

Когда же его мать услышала, что он сын ее, разодрала она завесу на окне и одежды свои, растерзала свои волосы, горестно глядя на сына своего и прося людей, находящихся в палатах, с мольбой им говорила: «Горе мне, почтенные люди, дайте мне место, да взгляну горестно на чадо свое возлюбленное. Горе мне, братия мои, да узнаю сына моего единственного, агнца души моей, птенца гнезда моего, вскормленного грудью моей, опору жизни моей». И с любовью целуя его, рыдала со словами: «Горе мне, чадо утробы моей! Зачем

сътворилъ еси? Толико лѣтъ пустъ еси былъ въ дому отца своего и не явился еси мнѣ».

Снѣха же текъши, въ сквърнахъ ризахъ сущи, плакашеся, глаголющи: «Увы мнѣ, пустынелюбная гърлице моя! Колико лѣтъ пуста быхъ слышати гласъ твой, ли слухъ твой. Камо ся дѣлъ еси и не явил ся мнѣ, иже дньсь есмь въдовицею. И нѣсть ми уже на кого възирати, нѣ отселѣ въсплачу ся острупленаго сърдца». Людие же дивящеся вси слзамъ ихъ, плакахуся.

Тѣгда повелѣста цесаря и архиепископъ нести одръ и поставити посредѣ града. Слышавъше же, гражане вси ся сътекоша надъ нь. Елико бо недужникъ приступи къ нему, вси исцѣлѣша: нѣмнии проглаголаша, слѣпнии прозѣрѣша, бѣсънии исцѣлѣша. Цесаря же видѣвъша си чудеса, сама възъмъша одръ, понесоста съ архиепископъмъ, да освятятся прикосновениемъ тѣла чловѣка Божия. А отъць его държася за руку его, колѣбляся, и стена, и бия пѣрси своя. Мати же его тако же власы своя простѣръши на нь, въпияше. Снаха же, пакы сѣтующи и рыдаючи, въ слѣдъ одра идяше, плачючи. Людие же гнѣтахуться о одрѣ и не можахуть ити, държаше ѿ.

Тѣгда повелѣста цесаря злато съ сръбръмъ сыпати людѣмъ, обращъшемъ ся на не, възмогутъ понести чловѣка Божия. Нѣ не обратися никтоже на не, паче любяще тѣло святаго. Многу же труду бывъшу поздѣ, нѣколи донесоша въ церковь Святаго Вонифанта.

Благовѣрная же цесаря повелѣста сътворити ковчегъ златъ и украсити ѿ каменiemъ драгымъ и бисѣрѣмъ, и сътворише, и възложиша въ нь тѣло чловѣка Божия Алексия месяца июля въ 17. И праздньствоваша 7 дньний, отцю и матери и снѣсъ ту прѣбывающемъ.

Божиею благодѣтию искипѣ ис ковчега ему миро благыя воня. И сему чудеси бывъшу, вси недужнии събѣрашася, и, възимающе, мазахуся, и исцѣлеваху, славяще и хваляще Отца, и Сына, и Святаго Духа, единого Бога истиннаго, емуже слава ныня, и присно, и въ вѣкы. *Аминь.*

так поступил со мной? Столько лет попусту провел ты в доме отца твоего, и не открылся мне».

Сноха же, вбежавшая в бедных одеждах, оплакивала его, причитая: «Горе мне, горлице, возлюбившей уединение свое! Сколько лет лишена я была возможности слышать голос твой, либо вести о тебе. Куда делся ты и зачем не открылся мне, ставшей с этого дня вдовицей. И не на кого уже мне взирать, и отныне восплачу израненным сердцем». Люди же дивились их плачу и со слезами молились.

Тогда цесари и архиепископ велели нести одр и поставить посреди града. Горожане же, услышав об этом, все собрались над ним. Сколько бы недужных ни приходило к нему, — все исцелялись: немые заговорили, слепые прозрели, бесноватые выздоровели. А цесари с архиепископом, видевшие эти чудеса, сами взяли носилки с телом и понесли их, дабы освятиться прикосновением к телу человека Божия. Отец же его держался за его руку, шатаясь и стения и бия себя в грудь. И мать его тоже рыдала, покрыв его своими волосами. И сноха, также скорбя и рыдая, шла за одром с плачем. Люди же теснились возле одра и, задерживая его, не могли двигаться дальше.

Тогда цесари велели бросать людям золото и серебро, чтобы, когда они устремятся к деньгам, можно было понести тело человека Божия. Но никто на это не позарился, ибо тело святого было им дороже. Много затруднений было и потом, прежде чем донесли они тело в церковь Святого Вонифатия.

Благодарные цесари повелели создать золотую раку и украсить ее драгоценными камнями и бисером, а сделав, положили в нее тело человека Божия Алексия месяца июля в 17 день. И совершали поминание семь дней, а отец, мать и сноха там пребывали.

Божьей благодатью, излилось из раки его миро благовонное. И когда это чудо свершилось, собрались все болящие и, набирая его, мазались им и исцелялись, славя и восхваляя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога истинного, ему же слава ныне, и присно, и во веки. Аминь.

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Како Отапать взять бысть

Уеспасианъ* же *се* съ своимъ сыномъ Титомъ* и въ Птолѣмадѣ* пребываа, искушаше вои и писаше, кождо какъ ихъ есть. И Плакида же, иже бысть посланъ на воевание галилѣйско, хотя славу взяти, и устрѣмися на Иотопать,* иже есть стлѣный градъ галилѣйскый и твержий. Но не улучи упования. Граждане же очютивше пришествие ихъ, сташа прѣдъ градомъ испльчившеся, и снемшеся съ римскими плѣкы, скоро побѣдиша ихъ, и язвивше много ихъ, и убивше 7 мужъ. Зане не обычай имъ есть обратити плещи, когда побѣжени будутъ, но тихо отступаютъ, яко не знати бѣгания ихъ.

И абие Еуспасианъ *погна* от Птоломаиды и на Галилѣю, и повелѣ воемъ ходити яко обычай есть римляномъ: стрѣльцемъ *и легкооружником* напередѣ, да блюдутъ внезапнаго приезда противныхъ *и* испытають, егда когда будутъ съкрыти вои по лѣсомъ; и по нихъ ити *бронистыцемъ*, едина чясть конникъ, а другаа пешець; и по нихъ путедѣлци, идеже тѣсно и люто, сѣкуще и равнающе, да не трудятся лютымъ путемъ; и по нихъ *игемонъ* товаръ и воеводстий *и* конници на съблюденіе его; и потомъ съ избранными *сам* конники и пешци; и по немъ осли и мскы, несущѣ съсуды, имиже грады възимаху; и по тѣхъ начялници *спирамѣ** *и* воеводы, окрестъ же ихъ избранныи вои; и потомъ хоругви наричемыи орелъ, зане се есть цѣсарь всѣмъ птицамъ и крѣпльи всѣхъ, и устрѣтеніе его побѣды являетъ. И тѣмъ въслѣдоваху трубници, и по нихъ плѣкъ, расширився на 6 частѣй; и по нихъ сотникъ *призирая* чины; и по нихъ стражие конници и пешци съ оружіемъ, стрегущѣ зада.

И видѣвше ихъ галилѣяне ужасошася вси, и мнози начяша раскаиватися. Иже окрестъ Иосифа, прежде видѣнныя *разбѣгошася* съ Иосифомъ къ Тивериадѣ.*

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Как была взята Иотапата

А Веспасиан со своим сыном Титом, пребывая в Птолемаиде, испытывал воинов и писал, каков каждый из них. Платид же, который был послан вести войну в Галилее, желая добиться славы, устремился на Иотапату, столичный город Галилеи, укрепленный лучше других. Но не достиг того, на что надеялся. Ибо горожане, узнав об их наступлении, стали перед городом, изготовившись к бою, и, схватившись с римскими полками, скоро победили их, многих ранив и убив семь человек. Ведь не в обычае у них обращать спину, когда они терпят поражение, но отступают понемногу, так что бегство их оказывается незаметным.

Веспасиан же сразу двинулся от Птолемаиды на Галилею и приказал воинам выступать, как это заведено у римлян: впереди стрелки и легковооруженные, которые должны вести наблюдение на случай внезапного приближения противника и разведывать, не спрятаны ли отряды по лесам; за ними следуют латники, частью — всадники, частью — пехотинцы; и вслед за ними — путе-проходчики, которые рубят лес и разравнивают дорогу в тесных и труднопроходимых местах, чтобы <воины> не уставали от тяжелого пути; за ними — обоз полководца и военачальников и всадники для его охраны; потом сам <полководец> с отборными <частями> конницы и пехоты, и за ним — ослы и мулы, везущие приспособления, при помощи которых они брали города; а за ними — предводители спир и военачальники, и при них — отборные воины; потом — значки, которые называют «орел», потому что это царь над всеми птицами, — он сильнее всех, и встреча с ним предвещает победу. И за ними следовали трубачи, затем — войско, разделяющееся на шесть частей, и далее — сотник, надзирающий за строем, и за ними — сторожевой отряд из всадников и пехотинцев с оружием, охраняющих задние ряды.

И все галилеяне, увидев их, ужаснулись, и многие начали раскисаться. Те, что были при Иосифе, еще прежде, чем увидели, бежали с Иосифом к Тибериаде.

Исплѣнишася страха вси тивириане, разумѣюще, яко не бѣжалъ бы и Иосифъ, аще бы ся не отчаялъ. То смотряше, како конецъ будетъ иудѣомъ, и вѣдаше, яко нѣсть имъ спасения, аще не покаются, а самъ чаяше прощения от римлянъ. Но обаче съ людьми изволи умрѣти, негли предати отечество и власть, преданную ему. И написа къ властелемъ иерусалимъскимъ о всемъ съ истинною, да или миръ изволятъ, или прислють ему помощь.

Еусписиан же взя Гадарю* и окрѣстняя веси, не пощаждѣ от стара и до младенецъ, но вся ножу предасть. И потомъ иде на Етапату. И слыша Иосифъ, пришедъ тамо от Тивириады, и укрѣпи мышцы иудѣйскы. И некоему *благовѣстовавшу* къ Еуспасиану Иосифово пришествие, и абие той тосняся, мня всю Иудѣю взяти, аще Иосифа имуть, посла Плакиду съ тысящею конникъ, да обѣступятъ градъ, да бы не выбежалъ Иосифъ. Самъ же по единомъ дни поемъ всю силу, иде на Етапату *до* полудне, и *двѣма* плѣкома пещецъ обѣступи градъ, а конники за тѣми постави, загражаа имъ вся пути.

Июдеи же, вышедъ прѣд врата, сташа. Еуспасианъ пусти на ня стрѣлци, и пристави праща* и вся далѣ пушаемаа. Сам же съ пешци на пригорняя мѣста *иде*, идеже мощно раскопати стѣны. И убоявся Иосифъ *выскочи*, и с нимъ вси иудѣи, и сняшася с римляны и отгнаша а. И сѣкшеся весь день, на ночь разидошася. И тогда от римлянъ мнози быша язвени, три убитии, от жидовъ же язвени 600 и 17 и падоша же.

Наутрия вышедъше *нападоша* на римляны велми крѣпле. Обрѣтоша же ся противнии крѣплѣше ихъ. До пятого дне бишася, и бысть видѣти ломъ копийный, и скрежтание мечное, и щити *искѣпани*, и мужи носими, и землю напоиша кровий. А ни иудѣи римлянъ не устрашивахуся, ни римляне трудяхутся, зряще твердости града.

Сей бо градъ весь стоитъ над пропастию, яко не мощно очима челоуѣческыма дозрѣти глубины, токмо от севера приступъ малъ, зане къ дебри кончяшася стѣны. Еуспасианъ же, противляся утверждению града и крѣпости иудѣйской, и призва властелины своя, и повелѣ воемъ носити прѣсть, и хворостъ, и камене, и абие расшедъшеся понесоша. И устроивше желѣвы,* да быша не пакостили из града, и наплѣниша пропасти. Иудѣи же камене велико пушаху на ня, но не успѣша ничтоже.

Усписианъ же постави окрестъ града *стѣнобиичныя* съсуды; бѣше ихъ 60, и *трекапный** камень метяху порочами, и сулицы* из лукъ пушаемы *шумяху*, и стрѣлы помрачиша свѣтъ. И тѣмъ не смѣша жидове лѣсти на стѣны, възбраняеми суще от вышняя мсти. Выристаху же яко разбойници изъ вратъ, внезапу желевъ отторгаху, и под нею стоящихъ сѣяху.

Еуспасианъ же повелѣ покровъ сътворити от конецъ до конецъ града и *приспу* выше града. Иосифъ же, видѣвъ, съвокупилъ дѣлатели, да быша выше въздѣлали *стѣны*. Онем же не могущимъ от каменя и стрѣлъ, и сей покровъ

И преисполнились страха все тибериане, понимая, что не бежал бы Иосиф, если бы не потерял надежду. А он размышлял, каков будет конец иудеям, и знал, что нет им спасения, если не покаются, а сам надеялся на прощение от римлян. Но однако предпочел умереть вместе с людьми, чем предать отечество и данную ему власть. И он написал иерусалимским властителям правдиво обо всем, чтобы они либо предпочли мир, либо прислали ему помощь.

Веспасиан же взял Гадару и окрестные села, не пощадил ни стара, ни мала, но всех предал мечу. И потом пошел на Иотапату. И услышал (об этом) Иосиф, придя туда из Тибериады, и укрепил силы иудеян. Кто-то сообщил Веспасиану о прибытии Иосифа, и он сразу, думая, что возьмет всю Иудею, если поймут Иосифа, поспешил послать Плацида с тысячей всадников окружить город, чтобы Иосиф не мог бежать. Сам же днем позже, собрав всю силу, пошел до полудня на Иотапату и с двумя полками пехотинцев окружил город, а всадников поставил за ними, преграждая им все пути.

Иудеяне же, выйдя, стали перед воротами. Веспасиан послал на них стрелков и установил пращи и все метательные орудия. Сам же с пехотинцами направился на высокое место, откуда можно было разрушить стены. Испугавшись, Иосиф сделал вылазку и с ним все иудеяне, и схватились с римлянами, и отогнали их. И рубились весь день, а к ночи разошлись. Тогда многие у римлян были ранены, трое убиты, а у евреев ранены шестьсот, а семнадцать пали.

Наутро, выйдя, напали на римлян с гораздо большей силой. Противник же оказался сильнее их. Пять дней они бились, и можно было видеть, как ломались копья, и скрежетали мечи, и разбивались щиты, и выносили мужей, и землю напоили кровью. Однако ни иудеяне не проникались страхом перед римлянами, ни римляне не падали духом, видя, как твердо укреплен город.

Ведь этот город весь стоит над пропастью, так что невозможно глазам человеческим измерить глубину; только с северной стороны небольшой приступ, потому что стены кончались, сходя к ущелью. Веспасиан же на преодоление твердыни города и силы иудейской призвал своих военачальников и приказал воинам носить землю, хворост и камни, и они сразу, разойдясь, принялись носить. И, устроив черепаху, чтобы им не причиняли вреда из города, наполнили пропасть. Иудеяне же бросали на них множество камней, но ничего не добились.

Веспасиан поставил вокруг города стенобитные орудия — их было шестьдесят, — и они пращами метали камни весом в три капи; и сулицы, пускаемые из лука, свистели, и стрелы затмили свет. И из-за этого иудеяне не посмели выходить на стены — им мешал верхний защитный обстрел. Они, как разбойники, выбегали из ворот, стремительно оттаскивали черепаху и секли стоящих под ней.

Тогда Веспасиан приказал сделать покрытие от одного конца города до другого и насыпь выше города. Иосиф же, видев это, собрал строителей, чтобы они надстроили стены. А когда они не смогли из-за камней и стрел, он устроил

имъ устрои новодраными кожами волуями. И тако дѣлающе за ночь и день *въздаша* 20 лакоть възвыше стѣны, имже велика бысть печаль Еуспасиану, зане не помысли, что сътворити высотѣ той противу. И отозва воя и сѣде около града думаа, да гладом възмѣтъ я.

Онем же обилие бысть всякого брашна, оскуде же в нихъ соль и вода, зане не бысть источника, ни кладязя внутрь града. Еуспасианъ же... яко жаждею *предадятся* ему. Иосифъ же, хотя преломити упование его, повелѣ измочити много ризъ и повесити на стѣнахъ, да *каплетъ* из нихъ, имже печаль и ужасъ приа римляны. И гемонъ, отчаався гладное взятие, *възвратися* паки на оружие и на нужю, егоже жадаху иудѣи: отчаявъше бо себе и градъ, изволиша умрѣти от рати, негли от глада и жажда. И по вся дни жидовое *биующеся вси* побниени быша, и мало ихъ остася. Рассмотрѣвъ Иосифъ, яко нѣсть уже спасения, думаше побѣгнути изъ града. И разумѣвъше народи, *обиступлеше* и моляхуся ему, да не презрит их в той бѣдѣ, въздвигающе упование свое на нь на единого: «Аще бо и еще пребудеши с нами, то вси на рати бодрі будем тебе ради; аще ли отидеши, то мы пленени будем». Он же, промышляя о своей главѣ, глаголаше им, яко: «Вас дѣля выхожу, да събравъ воя внезапно нападу на супостаты. Ти бо, оже слышат мя вышедша от вас, град оставлеше, и по мнѣ женут». Таковая рекшу ему, не послушаша людие, но и дѣти, и старии, и жены съ младенци, болма *разгорѣвшися любовію к нему*, припадаху к ногама его, молящесе, да не отступитъ от нихъ. И сей, видя вопль и *рыдание* ихъ, *осклабься* рече: «Нынѣ врѣмя, о друзи, обрѣсти *славу* некончаную и сътворити что мужеское на память послѣднимъ».

И събравъ крѣплышихъ, иде на стражи и разгна их, и сѣчяше я до обрытия, и желевь *раздруши* и покровъ ихъ, и приспу раскопа, и дѣла ихъ зажже; и по три дни и по три нощи не опочиваа то творя. Еуспасианъ же *то* видя воя своя недомышляюща противу ристанию иудѣйску, и повелѣ не сниматися съ челоувѣкы, жаждующихъ смрѣти: нѣсть бо *крепле* ничтоже отчаявшихъся *крѣпле* и неволею биующихся. И повелѣ *аравскиимъ* стрѣлцемъ и сурьскимъ *порочникомъ*, да *борются* съ иудѣи. Си же идуще и тѣла не щадяще, нападаху на римляны лютии, *поминующе* стрѣлци.

И паки Еуспасианъ исплѣчи воя якоже прѣжде, и стрѣлци застави, и въздѣлаша приспу. И поставиша овенъ, *еже* есть дрѣво велико и тлѣсто, подобно шеглѣ корабельной, а в конецъ же его всажено желѣзо велико рогато, имже и *овенъ* наречется. И *врывше* двѣ дрѣве яко рососе, и между има положыше и *оборсавше* ужи множество людей и влекуще биаху. И стрѣлцемъ *стрѣляющимъ*, и суличникомъ сулицами сующимъ, и порочникомъ камене пушающимъ, и не смѣюще иудѣи стати на забралѣхъ.* Потомъ же безъ страха биаху стѣны овномъ, и множеству на единомъ мѣсте биующимъ, и трясахуся стѣны. Иосифъ же наплѣни мѣхы половы, *събра* и повеси, и идеже *влечаху* овна, то на то мѣсто влечаху мѣхы, и не бысть пакости стѣнамъ,

им навес из свежесодранных воловьих шкур. И так работая, за ночь и день они надстроили стены на двадцать локтей в высоту, к великой досаде Веспасиана, поскольку он не мог придумать, что предпринять против такой высоты. И отозвал воинов и осадил город, думая взять их голодом.

У них же было обилие всякой снеди, но недоставало соли и воды, потому что не было ни источника, ни колодца внутри города. Веспасиан (надеялся), что они сдадутся из-за жажды. Но Иосиф, желая отнять у него надежду на это, приказал намочить многочисленные одежды и повесить на стенах, чтобы с них капало, отчего римлян охватило уныние и ужас. Полководец, отчаявшись взять город голодом, снова обратился к оружию и насилию, а этого и хотели иудеяне: потеряв надежду спасти жизнь и город, они предпочитали умереть в битве, чем от голода и жажды. И евреи, сражаясь все каждый день, терпели поражение, и их осталось мало. Иосиф, рассудив, что нет уже спасения, думал бежать из города. И узнав об этом, люди обступили его и умоляли не бросать их в этой беде, возлагая надежды на него одного: «Если ты останешься с нами, то все, не зная усталости, будем биться за тебя; если же ты уйдешь, то мы попадем в плен». Он же, думая, как спасти свою голову, говорил им, что: «Ради вас я уйду, чтобы, собрав воинов, внезапно напасть на врагов. Ведь они, как только услышат, что я ушел от вас, оставят город и погонятся за мной». Этих слов не послушали люди, но и дети, и старики, и женщины с младенцами, восплавав большой любовью к нему, припадали к его ногам, умоляя не уходить от них. И он, видя их вопль и рыдание, уступил и сказал: «Ныне время, о други, обрести славу вечную и сотворить нечто достойное мужей на память грядущим поколениям».

И собрав сильнейших, пошел на сторожевой отряд и разогнал его, и сек их до лагеря, и разрушил их черепаху и навес и насыпь раскопал, и сооружения их поджег; и три дня и три ночи делал то же без отдыха. Веспасиан же, видя, что его воины не могут противостоять вылазкам иудеян, приказал не вступать в бой с людьми, жаждущими смерти: ведь нет ничего сильнее отчаявшихся и сражающихся потому, что нет другого выхода. И приказал арабским стрелкам и сирийским пращникам биться с иудеянами. А те шли и не щадя головы яростно нападали на римлян, минуя стрелков.

И снова Веспасиан изготовил воинов к бою, как прежде, и поставил впереди стрелков, и восстановили насыпь. И поставили баран: это большое толстое бревно, похожее на корабельную мачту, а на конце его насажены рога большие из железа — поэтому оно и называется баран. И врыв два бревна наподобие развилины и поместив его между ними и обвязав веревками, множество людей, оттягивая, наносили удары. И в это время стрелки пускали стрелы, суличники метали сулицы, а пращники бросали камни, так что иудеяне не смели подняться на забрала. И потом они, не опасаясь, били стены бараном, и когда множество (людей) било в одном месте, стены сотрясались. Иосиф же наполнил мешки, набрав половы, и повесил, и куда тащили баран, на то место

възбраняючи овну мѣхы. Римляне же, привязывающе сръпы къ стружиемъ, отрѣзываху мѣхы. Иудѣи же отчаявшесе въземше лючь, и тростие, и хворостъ сухъ, и смолу и серу, и тремя мѣсты *вытекше* подождоша приспу, и дѣла, и пороки, и овенъ. Римляне же ужасошася от шатания ихъ, разбѣгошася; и пламени обступившу ихъ, и не могуще утеша, сами ся рѣзаху.

Тогда мужъ нѣкто иудѣянинъ дѣло сътвори подобно памяти. Елеазаръ сей бысть Соммѣинъ сынъ, отечество же его весь галилѣйская. И сей подъемъ камень великъ зѣло, и пусти на овенъ, и отшибѣ главу его, и скочи съ забралъ и взя главу его сръди римлянъ, и възвращься ста надъ градомъ, да будетъ всѣмъ явленно и славно, *и* дрѣжа овню главу. И прелѣтѣвше 5 стрѣль от заднихъ стрѣлецъ и удариша *и*, *и* уязвенъ свалися съ града съ овномъ.

И по семь храбра явистася Нѣтиръ и Филипъ из града Рума: нападоша бо на десятый плѣкъ с такимъ шумомъ и с такою крѣпостию и скоростию, яко раздрушаста плѣкъ велий, *разгнаста* и побѣдиста, *и* не трѣпаше мужества ею, на *няже устремляшася*. Иосифъ *вышед* съ людьми, *разгна* пятый плѣкъ и вся оставшаа пожже, а основания приспы размѣта.

И утру же бывшую, Еуспасианъ, събравъ разбѣгшихся, поносяше имъ, занеже бѣжаша не прѣдъ воины, но прѣдъ разбойники, не стыдящесе ни воинскаго закона, ни отечьскыя похвалы. И вси единоплеменныи третью приспу въздѣлаша, и овенъ въздѣлаша, и бяху *идѣже преже* пошибоша.

И ту нѣкто *из града* застрѣли Еуспасиана въ плесно, нѣ съверху: удаление бо мѣста изя силу стрѣльную. И великъ мятежъ бысть римляномъ: окрестнии бо его, видѣвше кровь, възвѣстиша всѣмъ о язвѣ гемонстѣй. И страхъ велий на всѣхъ нападе, и охабышеся градъвзятія, течяху скоро къ гемону. Прѣжде всѣхъ Титъ убояся о отци. Но скоро престаха от мятежа, гемонъ же обѣзавъ ногу и погна сквозѣ плѣкы своя, да быша узрѣли *и*, *и* ти видѣвше и обрадовашася и другъ друга пострѣкаша, на стѣны устремляющеся, мѣщающе своего гемона. И бысть видѣти падающа жида акы снопы съ *забралъ*, но обаче *не слазяху* съ стѣнъ, но смръть прѣдъ очима видяще висяхуся и огонь, и желѣза и камене пушаху на подстоящихъ. Но не успѣша ничтоже.

Но и нощи приспѣвши не опочиваху, стрѣлы же и сулицы пушаемы множество убиваху, паче же всѣхъ порочна сила, иже и забрала отшибаху, и углы съкрушаху. Единому же от мужъ срази главу, и съскочи глава до трей врѣстѣ. И жена непраздна вышедши из дому, яко удари въ чрево ея, и вышебѣ младенецъ до врѣсты. Лють же вопль от *женъ* изъутра вѣста, плачь же и внешнихъ, и стенание до небеси идяше. Кровь зѣ забралъ течяше яко рѣкы, и моглъ бы кто по трупиа вѣлести въ градъ, яко по степенемъ. Мнози же *иоттапатианъ* тогда добръ страдаше падоша, мнози же язвени быша. Стѣна

тащили мешки, и стенам не было вреда, потому что барану мешали мешки. Но римляне, привязывая серпы к копьям, отрезали мешки. И иудеяне в отчаянии, взяв факел, сучья и сухой хворост, смолу и серу, выскочив в трех местах, подожгли насыпь, и сооружения, и метательные орудия, и баран. Римляне, в ужасе от их дерзости, разбежались; пламя окружило их, и, не имея возможности бежать, они резали сами себя.

Тогда один из мужей, иудеянин, совершил поступок, достойный памяти. Это был Елеазар, сын Самия, родом из галилейского села. И он, подняв огромный камень, бросил на баран и отшиб ему голову, затем соскочил с забрал и схватил его голову прямо среди римлян и, возвратившись, встал над крепостной стеной, чтобы все видели и знали, держа голову барана. И пять стрел, прилетев от задних стрелков, поразили его, и, раненый, он упал со стены вместе с бараном.

А после него храбрецами явили себя Нетир и Филипп из города Румы, которые напали на десятый полк с таким шумом, с такою силой и скоростью, что разбили большой полк, разогнали его и победили: не в силах были устоять перед их мужеством те, на кого они устремлялись. Иосиф же, выйдя с людьми, разогнал пятый полк и пожег все оставшиеся (орудия), а основания насыпи раскидал.

И когда наступило утро, Веспасиан собрал разбежавшихся и поносил их за то, что они бежали не перед воинами, но перед разбойниками, не стыдясь ни воинского закона, ни славы отцов. И все, в единодушном устремлении, надстроили третью насыпь и восстановили баран, и били там, где уже раньше произвели разрушения.

И тут кто-то из города ранил Веспасиана в ступню, но неглубоко: большое расстояние ослабило силу стрелы. И у римлян началось великое смятение: стоявшие вокруг него видели кровь и оповестили всех о ране полководца. И великий страх напал на всех, и, оставив битву за город, они быстро побежали к полководцу. Прежде всех Тит испугался за отца. Но скоро волнение улеглось, и полководец, обвязав ногу, поскакал через свои полки, чтобы они увидели его, и те, видя его, обрадовались и, подгоняя друг друга, устремлялись на стены, мстя за своего полководца. И можно было видеть, как евреи падали, будто снопы, с забрал, но, однако, не сходили со стен и, видя смерть перед глазами, свешивались и бросали на стоящих внизу камни, железо и огонь. Но ничего не достигли.

Но и с наступлением ночи они не дали себе отдыха, но пущенные стрелы и сулицы убивали множество людей, а особенно — метательные орудия, из которых и забрала отшибали, и углы сокрушали. Одному из мужей оторвало голову, и отскочила голова на три версты. И беременная женщина, вышедшая из дома, — как ударило в чрево ее и вышибло младенца на версту! И страшный вопль вырвался у женщин внутри (города) и плач у тех, кто стоял снаружи, и стенание поднялось до неба. Кровь с забрал текла рекою, и можно было по трупам войти в город как по ступеням. Многие из иотопатриан, тогда славно подвизавшись, пали, и многие были

же *всею* нощию биема овномъ съкрушися и паде. Жидове же облъкшеса въ оружие, падшаа мѣста твердыху.

И утру бывшую Еуспасиянъ покои воя от ношнаго труда мало, и потомъ иде на възимание града. И повелъ конникомъ крѣпльшимъ, да съсѣдъ с *конь*, поидуть на падшаа мѣста, и по тѣхъ *пѣщцем* храбрѣйшимъ, а прокъ конникъ постави по пригорию, да не *утечет* из града никтоже гражданъ. Стрѣлца же и порочники застави назадъ, да не дадять гражданомъ выникнути и-забралъ. И на мѣста, идеже стѣны цѣлы быша, ту принесше лествица, да гражданомъ падшихъ мѣстъ блюдушимъ, си безъ страха влѣзуть. Увѣдѣвъ же Иосифъ, повелъ олово кипящее лѣяти на ня, имже иждежени своливахутся, и много ихъ иждежено бысть. И паки Еуспасиянъ повелъ три сыны на приспѣ съдѣлати, по 50 лакоть възвыше, и поковаша а желѣзомъ, да не прикоснется ихъ огонь, и тверди будутъ тягостию. И възведъ на ня лучьшии стрѣлци, и суличники, и праки легкиа, и биахуть и яко из неба. Гражане же исподнии не могуще с вышними битися и видимии с невидимыми усклабишася, но противляхутся, дондеже изнѣмогоса.

И потомъ выбѣже нѣкто из града и насочи къ Еуспасиану, яко: «Уже изнемогоса гражане бдѣниемъ и утружениемъ бесчисленнымъ бес престани. Но обаче можеши въ заутреню стражу* взяти град, отаи пришедъ: тружачущимся бо день и ночь, а в зорѣ одолѣеть имъ сонъ, яко в той часъ отчающимся рати, и вси стрегущей спать». Онъ же не я вѣры сочившему, вѣдаа твердость иудѣйску и увѣрениа другъ къ другу. И прѣд тѣмъ ятъ нѣкоего иотапатанина и мучи и всѣми муками, и огнемъ, и желѣзомъ, да бы что повѣдалъ о внутренихъ. Ничтоже рекшу ему распя и, и умре смѣяся. И о семъ же чюяше, яко *не velmi далеко* рѣчи его от истинны суть, и предасть и на съблюденіе. Сам же в насоченый часъ прииде съ вои къ граду съ млѣчяниемъ. И прѣвое възлѣзе на стѣны Титъ съ *Савиномъ* тысячьскимъ и по *нею Секостъ* и Плакида съ своими вои, избиша стража и внидоша въ градъ млѣчяще, и посредѣ града *ходящим* плѣнѣнии не очютиша: раздруши бо *силу* их трудный сонъ. Аще же кто въставъ, мъглою не можаху видѣти, послучившися ей тогда над градомъ, дондеже свѣту бывшую, и внидоша вси вои, поминающе злаа, яже прияша от нихъ, не щадяху от стара и до младенца. И друзии, видяще кончину, сами ся зарѣзаху, а друзии по пещерамъ разбѣгошася... и Антониа сотника да вдасть ему руку да не убьетъ его; и оному же безъ злобы простершу руку и безъ соблюдения, и той прободе ребра его копиемъ и уби и, прежде его *варивъ*. И въ той день вси видимии убинени быша числомъ 60 тысящъ, плѣнныхъ же пять тысящъ, и градъ раздрушиша, и сыны ижжегоша. Иотопать же тако взять бысть, мѣсяца панема,* еже *есть* иуль, въ третье на десять лѣто кесарства Неронова.*

ранены. А стена, которую били всю ночь бараном, сломалась и обрушилась. И евреи, вооружившись, укрепляли обрушившиеся места.

Когда же наступило утро, Веспасиан дал воинам немного отдохнуть от ночных трудов, а потом пошел на взятие города. И приказал самым сильным из всадников, сойдя с коней, идти на обрушившиеся места, и за ними — храбрейшим из пехотинцев, а остальных всадников поставил по пригорю, чтобы не убежал из города никто из горожан. Стрелков же и прашников поставил назад, чтобы они не давали горожанам высунуться из-за забрал. И на места, где стены были целы, принесли лестницы, чтобы, пока горожане охраняют обрушившиеся места, они сами влезли без опаски. И узнав это, Иосиф приказал лить на них кипящее олово, и они, обожженные им, скатывались вниз, и много их было обожжено. И снова Веспасиан приказал сделать на насыпи три башни по пятьдесят локтей в высоту, и оковали их железом, чтобы не вредил им огонь и чтобы они были крепки своею тяжестью. И поставил на них лучших стрелков и суличников и легкие метательные орудия, и они стреляли как будто с неба. Горожане же, оказавшись внизу и не имея возможности биться с теми, кто выше, к тому же видимые с невидимыми, отступили, но продолжали сопротивляться, пока не обессилели.

И после этого выбежал кто-то из города и донес Веспасиану, что: «Уже изнемогли горожане от бессонных ночей и бесконечного постоянного напряжения. А ты можешь в утреннюю стражу взять город, подойдя тайно, потому что они в трудах день и ночь, а на заре одолевает их сон — ведь в этот час они не ожидают нападения и вся стража спит». Однако он не поверил доносчику, зная твердость иудеев и верность друг другу. Ведь до этого он уже взял одного иотопатианина и пытал его всеми пытками, огнем и железом, чтобы тот рассказал что-нибудь о делах в городе. Когда же тот ничего не сказал, он распял его, и тот умер смеясь. И с этим (перебежчиком) — он чувствовал, что не очень далеки от истины его речи, и отдал его под стражу. Сам же в указанный доносчиком час подошел с войском к городу в полной тишине. И первым влез на стены Тит с трибуном Сабином, а за ними — Секст и Плацид со своими воинами, убили стражу и вошли в город бесшумно, и взятые в плен не услышали, как они ходили посреди города: ведь все силы у них отнял тяжелый сон. Если же кто и вставал, то не мог видеть из-за тумана, приключившегося тогда над городом, — пока к рассвету не вошли уже все воины и, поминая все зло, которое претерпели от них, не щадили (никого), от стариков до младенцев. И одни, видя смерть, закалывались сами, а другие разбежались по пещерам. (Один из иудеев попросил) Антония-сотника дать ему руку в знак того, что тот не убьет его; и когда тот без задней мысли и без опаски протянул руку, он проткнул его ребра копьем и, опередив, убил его. И в тот день были убиты все, кто не скрылся, — шестьдесят тысяч, пленных же взяли пять тысяч и город разорили, а башни сожгли. Так была взята Иотапата в месяце панеме, то есть июле, в тринадцатый год правления Нерона.

Римляне же искаху Иосифа, гнѣвающеся на нь, и хотяше угодити гемону своему; въ трупѣ искаху и въ тайныхъ мѣстехъ градныхъ.

Како Иосифъ вѣскочи въ яму

Онъ же егда вѣзимаху градъ, Богу поспѣшествующю ему, украдесе средѣ вой, и вѣскочи въ яму глубоку, от неяже бѣ путь невидимъ къ пещере, и ту обрѣте 40 мужъ лучшихъ таящихся, и всяка пристроя ту бысть, яже на потребу тѣлу. Стражие бо сѣдаху около града, и не мощно бысть убѣжати. И по два дни таяшесе. Въ третій же день, нѣкую жену емше стражие мучяху, и та мучима, исповѣда на того и яже с нимъ. Абие Еуспасианъ посла два тысячьскаа съ тшаниемъ, Павлина и Галикана, *вывабити* Иосифа и вдати ему руку. И та шедша молястася ему, на спасение десницу даяста, но сей не послуша бояся мучения, зане зла много створилъ имъ при брани. И гемонъ же и третиаго тысячьскаго посла къ нему знаемаго друга, именемъ *Никанора*. И сей пришедъ почиташе ему римскую кротость и милосердіа плѣннымъ, и приложи, яко храбрѣства его дѣля и мудрости не възненавидятъ, но паче дивятся. «Гемонъ же теснѣтся вывести тя къ собѣ не на муку, но хранити тя хотя. Аще бы хотѣлъ на зло тя вабити, то не послалъ бы мене, друга твоего, ни азъ быхъ послушалъ его на прелестъ тобѣ».

Иосифу же двоумующу, вои хотяху съ гнѣвомъ закурити пещеру. И сей *увѣдѣвъ* грозу ихъ, *въспомяну* сны нощныя, имже Богъ показа ему будущаа на иудѣя бѣды. Бысть же на разрѣшение сномъ хитръ и мога разумѣти, яже Богъ кажетъ с покровомъ, и священныхъ книгъ пророческихъ не утаилося от него, зане иерѣй бысть и от иерѣйскаго племени родися. И въ той часъ духа исплѣннися, и рассуди страшнаа видѣнія соннаа, и принесе къ Богу тайную молитву глаголя: «Понеже иудѣйскъ родъ, зиждителю, ослаблено ми ся мнить прѣдъ твоима всевидящими очима и всю вазнь преводилъ еси на римляны и поручилъ еси имъ свою крѣпость, и мою душу избавилъ еси проповѣдати будущаа, и се твоимъ святымъ повелѣниемъ даю руцѣ римлянѣ волею, и кленуся святымъ твоимъ именемъ, яко не живота дѣля вѣсхожю, ни предати хотя отечество, но послужити твоей славѣ и силе, и проявити ми яже показа».

И тако рекъ, *простре руку к Никонору*. Иудѣи же *иже* с нимъ, очютивше его хотяща вылести, и обступивше вѣпняху, яко велми постенеть отеческій законъ, и дряхль будеть Богъ, иже създа иудѣомъ душа обидящаа смрѣти и непокориви. «Животъ ли *любиши*, Иосифе? Трѣпиши ли видѣти свѣтъ работный? Велми ускоришь еси на забыть, колики научилъ еси умирати за свободу. А лжу славу приялъ еси о мужествѣ, и всуе еси былъ мудръ, оже

Римляне же искали Иосифа, гневаясь на него и желая угодить своему полководцу; искали его среди трупов и в потаенных местах города.

Как Иосиф прыгнул в яму

А он, когда брали город, с Божьей помощью, спрятался среди воинов и прыгнул в глубокую яму, из которой шел невидимый путь к пещере, и обнаружил, что в ней скрываются сорок лучших мужей, и тут были всякие припасы на потребу телу. Ведь вокруг города находилась стража, и невозможно было убежать. И два дня он скрывался. На третий день стража схватила одну женщину и пытала, и та под пыткой указала на него и тех, кто был с ним. И сразу Веспасиан послал двух трибунов с поспешностью — Павлина и Галликана, выманить Иосифа и обещать ему безопасность. И эти двое, отправившись, просили его и в знак безопасности давали правую руку, но тот не послушал, боясь мести, потому что много зла сотворил им на войне. Полководец же третьего трибуна послал к нему, о котором знали, что он был его другом, именем Никанора. И тот, явившись, говорил ему о доброте римлян и их милосердии к пленным и добавил, что благодаря своей храбрости и уму он вызовет у них не ненависть, но скорее восхищение. «Полководец же старается вывести тебя к себе не на пытку, но желая спасти тебя. Если бы он хотел выманить тебя, чтобы причинить зло, то не послал бы меня, твоего друга, да и я не послушал бы его, если бы нужно было обманывать тебя».

И поскольку Иосиф колебался, воины хотели в гневе поджечь пещеру. И он, узнав об этой угрозе, вспомнил ночные сны, в которых Бог показал ему несчастья, которые обрушатся на иудеян. Он же хорошо толковал сны и умел понимать то, что Бог показывал прикровенно, и ничто из священных пророческих книг не было для него тайной — ведь он был священник и происходил из рода священников. И в тот час преисполнился духа и растолковал страшные сонные видения и вознес к Богу тайную молитву, говоря: «Поскольку род иудейский, о творец, кажется мне лишившимся силы пред твоими всевидящими очами и всю удачу ты перенес на римлян и наделил их своею мощью, а мою душу спас, чтобы я возвещал о будущем, — и вот, по твоему святому повелению, я добровольно даю руку римлянам и клянусь твоим святым именем, что выхожу не ради спасения жизни и не желая предать отечество, но послужить твоей славе и силе, чтобы сделать явным то, что ты мне показал».

И сказав так, протянул руку Никанору. А иудеяне, которые были с ним, узнав, что он хочет выйти, окружили его, крича, что сильно восстенает отеческий закон и опечалится Бог, который сотворил иудеянам души непокорные и презирающие смерть. «Или ты любишь жизнь, Иосиф? Но потерпишь ли ты видеть свет рабства? Ты слишком быстро забыл, скольких сам научил умирать за свободу! А лжива слава о твоём мужестве, и всеу был ты мудр, если

уповаеши *от* них спастися, ихъже сердце раскровави. Но аще ты ума своего забылъ еси, но намъ подобаеъ промыслити о отечьскомъ законѣ. Се ти мечъ: аще *въгрузиши* въ свою утробу волю, то будеши вѣчный воевода иудѣйскъ; аще ли не хоцеши, умреши от нашихъ рукъ, акы прѣдатель». Тако глаголюща обнажиша мечъ на нь, аще дасться римляномъ.

Иосифъ же убояся насилства их, и мня обиду Божественую, аще прежде повелѣния Божия умереть, начя мудрити къ нимъ яже при нужи, и рече: «Въскую на ся смърти ищемъ? Въскую възлюбленнаа разлучаемъ — душу и тѣло? Мните ли мене измѣнившася? Но не измѣнихся. Лѣпо при брани убиену быти от ратныхъ рукъ. Аще бо римскаго мечя боюся и крыюся, то достоинъ есмь въ истинну своею рукою и своимъ мечемъ умерети. Аще ли щадять насъ плѣнныхъ, то како намъ не достоинъ ли помиловати себе? Добро ли свободы ради умрѣти, то мнѣ любо прѣд полкомъ. Нынѣ кде плѣкъ? Кто с нами биется? Страшивъ же естъ вкупѣ иже не умираеть, егда достойно, *и* иже умираеть, егда не достойно. Что же боящеся не внидемъ к римляномъ? Смърти ли? Да въскую егоже ся боимъ *чаемо* от врагъ, сами на ся влечемъ *нуждею*? Работу ли кто поносить? Нынѣ же та велми *есмы свободни*. Храборъ ли мнится вамъ еже ся рѣзать? *Ни*, нь слабейши всѣхъ человекъ, якоже крѣмникъ волнь убояся, прежде бури потопаи корабль. Саморѣзание же кромѣ естества естъ, и вдано *никоторому* животну, ни можетъ обрѣсти ниединого собою умирающаго. Естественый бо законъ крѣпокъ въ всѣхъ животу хотѣти. Того ради и отымающихъ от насъ животъ врагъ мнимъ, и Бога прогнѣваетъ человекъ, егда ся дару его *поругаетъ*, и беззаконствуеъ прѣд очима его. Всяка плоть смъртна естъ и от тлѣнна естества създанна, душа же безсмъртна выину, и Божественымъ подобиемъ въ телеси *пребываетъ*. Аще ли кто погубитъ *чюжь кровь*, вданое ему на съхранение, то наречется *лукавъ* и невѣренъ, и всѣмъ непотребенъ. Аще же кто разлучитъ *кровь Божий* от своего тѣла, какъ можетъ утаитися от *обидимаго*? Аще работень убѣжитъ от господина, аще *и* лукавъ *есть*, достоинъ естъ муцѣ. Сами же прекраснаго владыки и предобраго, Бога бѣгающе, не будемъ ли нечтивы? Не вѣсте ли, яко выходятъ от сего жития по естественому закону, взятый от Бога длгъ отплативше, егда хоцетъ взяти? То тѣмъ слава вѣчнаа, и доми тверди, и роди памятни, а душа ихъ чисты и непорочны пребываютъ у святаго небеснаго мѣста и чають оттуду въспять вселитися имъ въ своя телеса, егда възвратятся вѣци. И паки, иже на ся възложивше руки, то душа ихъ адъ темный приемлетъ, Отець же и Богъ и до правнукъ мучитъ ихъ. Тѣмъ възненавидѣно се прѣд Богомъ, и законодавецъ нашъ повелѣ до запада солнечнаго лежати безъ погребения тѣлесомъ самоубийць; по инѣм же землямъ и десница мрътвыхъ отрѣзають. Достойны есмы, о друзи, съ правдою ходити, а не приложити къ напастемъ челоѡческимъ гнѣва зиждителява. Се моя рѣчи конецъ. Не могу предатель собѣ быти. Иноплеменници зовутъ на

надеешься спастись от тех, чье сердце раскровавил! Но если ты позабыл свой ум, то нам подобает позаботиться о законе отцов. Вот тебе меч: если вонзишь в свою утробу своею волей, то будешь вечно воеводой иудеян, если же не хочешь — умрешь от наших рук как предатель». С этими словами они обнажили на него меч (опасаясь, что) он предаст себя римлянам.

Иосиф же испугался, что они будут действовать силой, и считая пренебрежением по отношению к Богу, если он умрет прежде Божия повеления, начал хитрить с ними, потому что положение было безвыходное, и сказал: «Почему мы ищем себе смерти? Почему мы разлучаем возлюбленных — душу и тело? Вы считаете, что я изменился? Но я не изменился! Хорошо умереть в битве от рук врага. Если я боюсь римского меча и укрываюсь, то в самом деле я достоин умереть от своей руки и своего меча. Но если нас щадят, взяв в плен, то разве нам не должно помиловать себя самих? А что прекрасно умереть за свободу — то мне это любо перед войском. А сейчас — где войско? Кто с нами бьется? Равно труслив тот, кто не умирает, когда подобает, и кто умирает, когда не подобает. Так чего же мы боимся, что не выходим к римлянам? Смерти? Но почему то, чего мы боимся, ожидая этого от врагов, мы сами на себя навлекаем насильно? Если же кто поносит рабство, то теперь мы очень свободны?! Или же вам кажется храбрым тот, кто сам себя убивает? Напротив, это — слабейший из всех людей, подобный кормчему, который, испугавшись волн, прежде бури потопил корабль. Самоубийство же противоестественно и не дано ни одному животному — ведь ни одно из них себя не убивает. Во всех силен естественный закон — хотеть жить. Поэтому отнимающих у нас жизнь мы считаем врагами, и прогневает Бога человек, если дар его отдает на поругание, и творит беззаконие пред очами его. Всякая плоть смертна и создана из тленного естества, душа же вечно бессмертна и пребывает в теле по Божественному подобию. Если кто-нибудь погубит чужой залог, данный ему на сохранение, то его назовут коварным и вероломным, с которым никому нельзя иметь дело. Если же кто разлучит Божий залог от своего тела, то как может он укрыться от того, кому нанес обиду? Если раб убежит от господина, даже плохого, то он достоин кары. Но убегая сами от прекрасного и предоброго владыки — от Бога, не окажемся ли мы нечестивцами? Разве вы не знаете, что из этой жизни уходят по естественному закону, отплатив взятый у Бога долг, когда он захочет взять? И таким — слава вечная и дома крепкие и потомки не забывающие, а души их, чистые и непорочные, пребывают в месте святом и небесном и ждут, когда вернуться обратно и вселятся в свои тела после того, как обратятся века. Но те, кто на себя налагает руки, — их души темный ад принимает, а Отец и Бог мучит их до правнуков их. Потому ненавистно это пред Богом, и законодатель наш установил, чтобы до захода солнца тела самоубийц лежали без погребения; в других же странах и правую руку у мертвых отрезают. Мы достойны, о други, ходить с правдой, а не добавлять к человеческим бедам гнева творца! На этом

спасение — азъ ли хошю на мечъ налечи? Не буди ми се. Аше же и по вдании руки убиють мя, то яко вѣнцемъ побѣднымъ вѣнчанъ отъиду, имѣя невѣрство ихъ луче цѣсарства».

Таковаа многа глагола Иосифъ к нимъ, браня имъ от саморѣзаниа. Они же заградивше уши отчаяниемъ, обступиша и, убити хотяща, поругающе и хуляще на слабость. Онъ же ового именемъ нарицаа, на другаго же съ грозою зря, ового же за руку *попадаа*, различными рѣчми отрешаше от себе. И тии еще стыдящеся от своего воеводы акы при плѣку и срамляющеся, никтоже възложи руки на него.

И сей, поручивъ спасение свое Богу строителю, рече: «Понеже благоволил Богъ умрѣти намъ, числомъ да убиени будемъ: на негоже конецъ числа будетъ, да той будетъ убиень от втораго». Тако рекъ, *почте* числа мудростию, и тѣмъ пребляди вся, и убиени быша вси другъ от друга, развѣи единого. И *тѣснася*, да не осквернить десница кровию сродническою, помолися тому, и оба *вынидоста* жива. И поведоша а къ Еуспасиану, а римляне вси течаху на позоръ, и бысть кличъ разноличень, овѣмъ радующимся о Осифовѣ плѣнении, овѣмъ грозящимся, овѣмъ же велящимъ мучити и убити врага, овѣмъ же дивящимся премѣнению житийскому. Еуспасианъ же повелѣ утвердити и, да послеть и къ Нерону.

О градъ Иерусалимъ и о церкви и о катапѣтазмъ
Како бѣ град Иерусалимъ

Град же бѣ ограженъ трѣми стѣнами, идеже не заидоша глубоки пропасти, въ тѣхъ *бо* мѣстехъ едино огражение бысть. Самъ же градъ създанъ бысть на двою гору, а между горама дебрь есть, в неиже чѣстии храми стояху. И от тою гору едина бысть вышъши и длѣжши, на неиже стоитъ Горнии градъ, наречень *Давидомъ** цѣсаремъ Хранитель,* зане бысть утвержденъ, иже бысть отецъ Соломоновъ,* создавшаго церкви прѣвѣе. Втораа же нарицается Край,* на неиже създанъ градъ Длѣнный на дву горбу, пред нею дебрь глубока. Потомъ же в лѣта, в няже *цѣсарствоваша* Асамонѣи,* дебрь ту исплѣниша, хотяща сравнати градъ церкви, а иную высоту желѣзы сѣкуще сътвориша ниже, да явится выше и церковный врѣхъ. Сыротворенаа же дебрь,* юже рекохомъ межди градома, доидеть до Силуана,* идѣже бѣше кладязъ сладокъ и множаася. И окрестъ гору обыдоша пропасти страшны, имиже неприступно ниоткудаже.

От трий же стѣнъ прѣваа създана бысть Давидомъ и Соломономъ твердо *велми* и неприступно, и починается от Коннаго сына* и кончается до Соломоновы купѣли* и до *Офласа*.* Втораа же починается от вратъ Генафъ* и обиходить до Антония* и кончается. Третьяя же идеть от Коннаго сына и до Мусиинаго* и кончается до Елѣнинъ гробъ* и до Цѣсарьскихъ пещеръ,* идеже гробъ Син-

свое слово кончаю. Не могу быть предателем самому себе. Иноплеменники зовут нас на спасение — и я ли захочу броситься на меч? Да не будет этого! Если же после того, как я дам им руку, они убьют меня, то я паду, как бы увенчанный победным венцом, предпочитая их вероломство царству».

Много подобных слов говорил к ним Иосиф, удерживая их от самоубийства. Они же, заградив уши отчаянием, обступили его, собираясь убить, понося и хуля за слабость. А он, одного называя по имени, на другого глядя с угрозой, третьего хватая за руку, разными речами отталкивал их от себя. А их, еще сохранявших уважение к своему военачальнику, как в строю, удерживал стыд, и никто не поднял на него руку.

И он, предоставив спасение свое Богу-промыслителю, сказал: «Поскольку благая воля Бога — нам погибнуть, умрем по счету: на ком закончится счет, пусть будет убит следующим». И сказав так, рассчитал числа с хитростью, и тем обманул всех, и все были убиты друг другом, кроме одного. И он, стремясь не осквернить руки родственной кровью, упросил того, и оба вышли живыми. И повели их к Веспасиану, а римляне все устремились на зрелище, и поднялся разноголосый крик: одни радовались, что Иосифа взяли в плен, другие выкрикивали угрозы, третьи требовали пытать и убить врага, а иные дивились превратности жизни. Веспасиан же приказал взять его под стражу, чтобы послать к Нерону.

О городе Иерусалиме, и о храме, и о завесе
Каким был город Иерусалим

Город был огражден тремя стенами там, куда не вдавались глубокие пропасти, а в этих местах было одно ограждение. Сам же город был построен на двух горах, а между этими горами — долина, в которой стояли теснящиеся друг к другу дома. Из этих двух гор одна была выше и длиннее — на ней стоит Верхний город, названный царем Давидом «Хранитель» за то, что был укреплен; этот царь был отцом Соломона, осуществившего первоначальную постройку храма. А вторая называется «Вершина»; на ней построен Нижний город на двух холмах, а перед ней — глубокое ущелье. Потом в годы, когда царствовали Хасмонеи, это ущелье засыпали, чтобы сравнять город с храмом, а другую вершину, иссекая железом, сделали ниже, чтобы выше казался верх храма. А Долина сыроделов между двумя городами, о которой мы сказали, доходит до Силоама, где был сладкий и обильный источник. А вокруг двух гор пролегли пропасти страшные, через которые нет приступа ни с какой стороны.

Из трех же стен первая была построена Давидом и Соломоном очень крепкой и неприступной; она начинается от Конной башни и кончается у Соломоновой купели и Офела. Вторая начинается от Геннафских ворот, идет кругом до Антониевой крепости и там кончается. Третья идет от Конной башни до Мозаичной и кончается у Елениной гробницы и Царских пещер, где могила

ничь.* Агрипа* же придѣлалъ бѣше къ *острогу* новы стѣны и нарече я Везефа,* наречемыи Новый градъ, но не кончя дѣла убоявся Клавдѣя,* да не мнить велика дѣла *на разрачениа* дѣлана. Не могли быша взяти града сего, аще бы Агрипа скончялъ стѣны акы почялъ: созда бо каменiemъ по два десяти локоть тлѣстоты, а по десяти широта, ни желѣзы мощно сѣчи их, ни овны подвигаемо. Агрипѣ же *прѣставшу* от дѣла, якоже рекохомъ, страха дѣля, иудѣи же възвысиша до полутретиа десяти лакоть.

Церкви* же създана бысть на горѣ висоцѣ на верху равнѣ, окрестъ же ея пропасти великы. Цѣсарю же Соломону стѣны создавшю на вѣсточную страну и приспу, сътвори на ней комары, по инѣм же странамъ гола бысть церкви. И въ послѣдняя времена людемъ выину присыпающимъ, *сравнаша* гору и разшириша, и простѣкше полуденныя стѣны, оттуда обѣградиша окрѣстняя церкви. И оградивше около горы и трудившеся паче силы, съвершиша дѣло славно, на немже длѣгы вѣкы скончяшася и священное сѣкровище исключися, и посылаемо от всея вселенныа на честь Богови. А идеже *глубока* мѣста бѣше, 300 лакоть въздаяху каменiemъ и по 40 лакоть въ тлѣцѣ. Множество бѣ имѣния и людско *поспешение* паче ума и слова съвершаше строение, и скончяша еже видящимъ вѣрно, а слышащимъ невѣрно.

Верху же сугубы комары създаша, стлѣпи же камени в нихъ по полутретью десяти въ высоту лакоть, изъ единого мрамора, бѣли учинени; покровъ же бысть кедреными дсками, добрѣ тесаными. И многоукрашенно естествомъ, имже видѣць не можаше скоро отнести очи свои от видѣния; рукописаннаго же строения не бысть в немъ, ни рукодѣлания. Кругло же стѣнно бысть 6 врѣсть, и дворъ же не покрытъ, украшенъ бѣ различными камении въздаеми и помощенъ. Оттудуже възходъ бысть на вторую церковь, прѣд неюже прѣдграднии камене трилокотное высокою, а видѣниемъ весело зѣло; в нѣмъ же стояху стлѣпи равни, и на нихъ титлы грамотами еллинскими и римскими и жидовскими, проповѣдующе законъ чистотѣ и да не приидеть внутрь иноплеменникъ. То бо нарикаху святое, 14 степени проходимо, и на четьри углы създанъ верхъ. И над тѣми титлами четвертаа титла висяше, тѣми грамотами показаа Исуса, цѣсаря не цѣсарствовавша, распятаго от иудѣй, зане *проповѣдаше* разорѣние града и опустѣние церкви.*

И на вѣсточную страну врата быша и мѣсто отдано женамъ на службу и на молитву; инѣми бо дверми недостойно бѣ женамъ внити, ни въ своя двери прелазити ограждения. Въ западнѣи же странѣ не бысть вратъ, но от краа и до краа загражено же бысть стѣнами. Комары же, иже межи враты быша, зряще внутрь от стѣнъ прѣд газофилакиемъ, над великими стлѣпы мраморными стояху.

Красильщика сукон. Агриппа пристроил к ограде новые стены и назвал их «Везефа», что значит «Новый город», но не завершил постройки, из-за страха перед Клавдием, как бы тот не заподозрил, что огромная постройка предпринята для (подготовки) мятежа. Этот город не смогли бы взять, если бы Агриппа закончил стены, как начал: ведь он строил из камней в двадцать локтей толщиной и в десять шириной — их нельзя было ни прорубить железом, ни поколебать бараном. После того, как Агриппа прекратил строительство — как мы сказали, из-за страха, — иудеяне достроили (стены) до двадцати пяти локтей в высоту.

Храм же был создан на высокой горе, на вершине, на ровной площадке, а вокруг него — огромные пропасти. Царь Соломон построил стены с восточной стороны и сделал насыпь, а на ней — крытую галерею; с другой же стороны храм был неогорожен. И люди, в последующее время постоянно возвышая насыпь, сравнивали гору и расширили ее и, прорубив южные стены, огородили с этой стороны место вокруг храма. И, сделав ограду вокруг горы и трудясь свыше сил, завершили знаменитое сооружение — на это ушли долгие века и было истрачено священное сокровище, присылаемое со всей вселенной на почитание Бога. А где места были низкие, надстраивали на триста локтей камнями по сорок локтей толщиной. Множество средств и старание людей создавали строение превыше слова и ума и довершили то, в чем видящие могли удостоверить и чему слышащие не могли поверить.

А наверху они построили двойные крытые галереи, и колонны в них были каменные, по двадцать пять локтей в высоту, сделанные из цельного мрамора, белые; покрытие же было из кедровых досок, хорошо отесанных. И храм был великолепен благодаря естественной красоте, так что зритель не скоро мог отвести глаза свои от (этого) зрелища; росписи же и ничего сделанного руками не было в нем. Кругом была стена на шесть верст, а двор не был покрыт, но украшен и вымощен различными встроенными камнями. И оттуда была устроена лестница ко второму храму, а перед ним — перегородка из камней высотой в три локтя, очень приятная на вид; и за ней стояли одинаковые столбы с надписями греческими, латинскими и еврейскими буквами, возвещающие закон (соблюдения) чистоты и запрет иноплеменникам входить внутрь. Они называли это «святое»; в него проходили по 14 ступеням, и верх был сделан четырехугольным. А над теми надписями висела четвертая надпись, теми же буквами, возвещающая об Иисусе, царе не царствовавшем, распятом иудеями за то, что он предсказывал разорение города и запустение храма.

А на восточной стороне были ворота и место, отведенное женщинам для службы и молитвы, ибо через другие двери женщинам входить не подобало, так же как и переходить за ограду через свои двери. С западной же стороны не было ворот, но от края и до края было загорожено стенами. Крытые же галереи, которые были между воротами, обращенные внутрь от стен перед сокровищницей, стояли на больших мраморных колоннах.

От вратъ же 9 златом и сребромъ покованы быша, и с верями и съ *одверием*, едина же внѣшняя коренфийскою мѣдию окована бяху, свѣтлѣйши и честнѣйши сребреныхъ и позлащенныхъ. По всѣмъ же вратомъ по двоя двери быша, кояждо же дверь имяше въ высоту 30 лакоть, а в широту 15, от вратъ и до вратъ 30 лакоть. Оград мраморянь образомъ сынномъ, высота же его *болѣ* 40 лакоть. И по два стлѣпа мраморяна по коемждо оградѣ стояху, и величество всѣхъ бысть равно. Вѣсточнаа врата коренфинскаа 50 лакоть быша възвыше, а двери 40 лакоть, на нихъже тлѣстота злата и сребра бѣ паче. Всѣхъ *бо* инѣхъ 9 Александръ* покова, Тивериевъ* отецъ. Степеней же 15 до великихъ вратъ от женскаго мѣста быша.

Сама же церкви среди стояше, святое *священное*, двѣма на десять степенема *непроходимо*;* высота же ея прѣдняя 100 лакоть възвыше, а вшире такожде, задняя же ея 40 лакоть ужше. Прѣваа же врата имяху въ высоту 70 лакоть, а вшире полутретиа десят локоть, дверей же не имѣяше по подобию невидѣнна небеснаго. Позлащена быша чела вся, и приклонившимся к нимъ видѣнъ бысть внутрений весь домъ, *сияемъ* златомъ. Си же церкви *есть* покрыта бысть сугубъ, а прѣвый храмъ прѣдстояше, въздвиженъ великою высотой 90 лакоть, а ширина до 50, а продлѣжено *до* 20. Висяхуть же над тѣми враты лозы златы, а от нихъ грезни злати, възвыше мужеска възраста. Внутрь же и двери быша сухаго злата, 50 и 5 локоть възвыше, а вширь 16. Прѣд тѣми же висяше катапетазма,* равна широтою и долготою, яже бѣ паволока вавилонскаа, *устроена* уакинфомъ, и виссомъ, и кокомъ, и перфиромъ, чюдно видѣниемъ, но не безъ мудрости видѣние имущи, но на *ображение* всѣмъ. *Прообразовашет* бо кокъ огонь, а усь землю, а уакинфъ аиера, а порфиръ море: кокъ бо и уакинфъ подобитася прѣдреченнымъ образомъ, усь же и перфира ражаниемъ приближается оно къ земли, оно къ морю. Написано же бѣ на той катапетазмѣ всяко небесное видѣние и мудрость, развѣ двоя на десять поясъ небесныхъ.*

Си же катапетазма прѣд симъ родомъ бысть цѣла, зане благочестиви быша людие; нынѣ же жалостно бысть зрѣти на ню: раздра бо ся внезапу от верху и до долу, егда добродѣйца мужа, и не мужа дѣломъ, прѣдаша на убой мздою. И ина знаменія многа *страшна кажут* бывша тогда. И того убиена и по погребении не обрѣтома въ гробѣ глаголаху — ови бо творяху въставша его, ови же украденна его своими друзья. Не вѣмъ же, котории правѣйше глаголють: въстати бо мрѣтвый собою не можеть, но молитвою иного праведника поспѣшаемъ, развѣ аще аггелъ будеть или инѣ от небесныхъ силъ, или самъ Богъ *явится* яко чловѣкъ и сѣтворить елико хоцеть, и ходить съ людьми, и падеть и ляжеть и въстанеть, яко есть ему воля. Ови же рекоша, якоже *немоцно* есть украсти его, понеже окрестъ его гроба посадиша стражи — 1000 римлянъ, а

Из ворот девять были окованы золотом и серебром, с косяками и притолоками, а одни, внешние, окованные коринфской медью, были еще прекраснее и драгоценнее, чем серебряные и позолоченные. Во всех воротах было по две двери; каждая дверь имела в высоту тридцать локтей, а в ширину пятнадцать; от ворот и до ворот — тридцать локтей. Ограда — мраморная, башнеобразная, высота ее более сорока локтей; и у каждой ограды стояли по две мраморные колонны, и величина всех была одинакова. Восточные ворота — коринфские — были пятьдесят локтей высотой, а двери — сорок локтей, и толщина золота и серебра на них была больше. Все остальные девять поковал Александр, отец Тиберия. Ступеней же было пятнадцать до больших ворот от места для женщин.

Сам же храм стоял посередине, священное святилище, имевшее двадцать две ступени, в которое нельзя было входить; высота его впереди сто локтей, а в ширину столько же; задняя его сторона на сорок локтей уже. Первые ворота имели в высоту семьдесят локтей, а в ширину двадцать пять локтей, дверей же они не имели — по подобию неба, недоступного взору. Все лицевые стороны были позолочены, и, приникнув к ним, можно было увидеть все внутреннее строение, сияющее золотом. Этот храм был перекрыт дважды, а первый храм стоял впереди, воздвигнутый на огромную высоту — девяносто локтей, а ширина — до пятидесяти, а в длину — до двадцати. Над этими воротами висели золотые лозы, а на них — золотые грозди, больше человеческого роста. Внутренняя отделка и двери были из чистого золота, пятьдесят пять локтей в высоту, а в ширину — шестнадцать. Перед ними висела завеса, равной ширины и длины; это была вавилонская пелена, сделанная из синей ткани и виссона, червленицы и багряницы — чудная видом, и вид ее был не без смысла, но заключал в себе образ всех вещей: ведь червленица служила образом огня, виссон — земли, синяя ткань — воздуха, а багряница — моря. Ведь червленица и синяя ткань видом подобны названным «стихиям», виссон же и багряница по рождению близки один к земле, другая — к морю. Изображено же было на той завесе все, что видно на небе, согласно науке, кроме двенадцати небесных поясов.

Эта завеса до нашего поколения была цела, потому что люди были благочестивы, а теперь — жалко было смотреть на нее: ведь она внезапно разорвалась сверху донизу, когда творившего добро человека — и не человека деяниями — предали на убийство за мзду. И рассказывают о многих других страшных знамениях, случившихся тогда. Говорили, что он был убит и после погребения не найден во гробе — одни утверждали, что он воскрес, а другие — что был украден своими друзьями. Не знаю, кто из них ближе к правде: ведь мертвый не может сам собою воскреснуть, но лишь с помощью молитвы другого праведника, если только это не будет ангел или кто-нибудь иной из небесных сил, или сам Бог явится в образе человека и сотворит все, что хочет, и ходит среди людей, и погибнет, и почует, и воскреснет по своей воле. Другие же

1000 июдѣй. Таковаа о той катапетазмѣ глаголемаа суть, и противу вину раздрание ея есть.*

Пришедъши внутрь приимаше *равность* церковънаа, егоже высота 60 локоть. Мѣсто же *се шестьдесятное дѣлится* надвое: *первое* же 40 локоть, в немже быша три дѣла пречюднаа и преславнаа всѣмъ челоукомъ: свѣтилникъ и трапеза и кадилница.* На свѣтилницѣ же бысть 7 свѣщникъ, по подобію 7 звѣздъ небесныхъ, нареченныя планитъ.* На трапезѣ быша 12 хлѣба, по подобію числу поясомъ небеснымъ и по образу лѣтъ. На кадилници же быша 13 темиана, събираеми от всѣхъ морь, и от всея вселенныя, и от всѣхъ пустынь, назнаменающа, яко вся от Бога и къ Богу. Внутрьѣ же мѣсто 20 лакоть невидимо есть катапетазмоу другою, и ничтоже в немъ не стояше, ни лежаше, и непроходимо бысть и *несквѣрно* и невидимо всѣми, нареченнаа святаа святыхъ. И подлѣ ребра долнѣе цркви учястишася и умножишася храми треврѣхнии, на висоцѣй же странѣ не таци быша храми, зане бѣ тесно.

На внѣшнее же лице церкви зряще ужасаются очима и душами: златыми дсками тлѣстыми оковано бѣ всюду, противу же солнечному сиянію огнень взоръ *пуцаше*. Яко на чисто солнце нелзѣ възрѣти, но мжитъ всякъ, тако и очи *не* хотящихъ зрѣти на ню помижается. Мимоходящим же на ню зрящимъ являшеся яко гора исплѣнена снѣга: на нихже бо мѣстех не ковано бѣ златом, бѣлешеть бо ся зѣло. На врѣху же всажени быша златы гвозды и велици и длѣзи, и *части*, яко стрѣлы и остры, да никоторыйже птичь сѣдъ осквернить верха. Камене имже създано бысть, быша по полупяту десяту локоть въ долготу, а възвыше по пяти, а вшире по 6. Прѣд тою же бысть жрѣтвеникъ,* высотой 15 лакоть, а вшире 8 лакоть, и въ долготу такожде, на четири углы създанъ, выходя от единого угла, образомъ акы рогъ, и въсходъ же на нь от полудня. Създано же бысть безъ желѣза, и николиже не прикоснется ему желѣзо. Окрестъ же церкви и жрѣтвеника обыиде акы вѣнецъ, заграда *камена* прекрасна, лакте възвыше, бранящи народ и от иерѣй. Прокаженным же и трудоватымъ ни въ градъ *да* не дадыхуть входить, женам же браняху прѣити заграды тоя чистымъ и нечистымъ. И мужемъ не очистившимся възбраняху от внутреняго двора, такоже иерѣомъ.

Иже родѣнии иерѣи быша, не мощно служити слѣпотою или хромотою или рукою, идяху внутрь съ здоровыми и цѣлыми иерѣи, и чясть емлюще с тѣми равно, а въ священныя ризы не облачяхуся. На жрѣтовникъ бо и на церковь въсхожаху иерѣи непорочнии, и облекшеся въ усь, и паче говѣюще от вина, страшашеси, да ничтоже не *прѣступят* въ службѣ. И архиерѣй въсхожаше с ними не по вся дни, но въ суботы и в новыя мѣсяця и въ отечьскыя праздники великыя. Егда служаше, ризы* его быша кромѣ от

говорили, что украсть его невозможно, потому что вокруг его гроба посадили стражу: тысячу римлян и тысячу иудеев. Вот что рассказывают об этой завесе, и по этой причине разорвалась она.

Входившие внутрь попадали в нижний ярус храма, высота которого шестьдесят локтей. Место же это в шестьдесят локтей разделяется на две части: первая — в сорок локтей, в которой находились три вещи, изумительные, слава о которых распространилась повсюду, — светильник, стол и кадильница. На светильнике было семь лампад, по подобию семи звезд небесных, называемых планетами. На столе было двенадцать хлебов, подобно числу поясов небесных и по образу лет. На кадильнице же было тринадцать тимьянов, собираемых со всех морей, и со всей обитаемой земли, и со всех пустынь, означающих, что все от Бога и к Богу. Внутреннее же место — двадцать локтей, невидимое за другой завесой, и ничего в нем не стояло и не лежало, и оно было недоступно для входа и скверны и невидимо для всех, называемое «святая святых». И вдоль боковой стороны нижнего храма вплотную друг к другу стояло множество строений с тремя крышами, на высокой же стороне строения были не такие из-за тесноты.

Лицевая сторона храма, обращенная наружу, поражала глаза и души смотрящих: везде она была окована толстыми золотыми пластинами и при солнечном сиянии казалась пылающей огнем. Как на чистое солнце нельзя взглянуть, но жмурится всякий, так и глаза против воли смотрящих на него зажимуривались. Когда же смотрели на него, проходя мимо, он казался горой, покрытой снегом: в тех местах, где не было оковано золотом, он ярко сверкал белизной. Наверху же были всажены золотые острия — большие, длинные, частые и острые, как стрелы, чтобы никакая птица, сев, не осквернила верха. Камни, из которых он был построен, были по сорок пять локтей длиной, по пять высотой и шириной по шесть. Впереди был жертвенник высотой пятнадцать локтей, а в ширину восемь локтей и столько же в длину, сделанный четырехугольным, выступающий с одного угла наподобие рога; восходят же на него с южной стороны. Он был сделан без железа, и никогда не прикоснется к нему железо. Вокруг же храма и жертвенника обходит, как венец, красивейшая каменная ограда, в локоть высотой, отгораживающая народ от священников. Прокаженным же и больным даже в город не позволяли входить, а женщинам запрещали переходить ту ограду, что между чистыми и нечистыми. И мужчин не очистившихся не допускали во внутренний двор, так же и священников.

Те из рода священников, кому нельзя было служить из-за слепоты, или хромоты, или (увечной) руки, входили внутрь со здоровыми и неувечными священниками, получая ту же часть, что и они, но в священные ризы не облачались. На жертвенник же и в храм входили священники непорочные, облекшиеся в виссон и воздерживающиеся в особенности от вина, опасаящиеся малейшего нарушения в службе. И первосвященник входил с ними не во все дни, но в субботы и первые дни месяца, а также в большие праздники,

иерѣй. Покрывае бо прѣд до голений и прѣпоясникомъ, а исподъ полотномъ, врѣху же облачашеся въ ризу круглу до ногъ, уакинфомъ устроена. И около ея висять колоколи злати и роидя также; *клаколи же прообразуютъ громъ, а родиа* мльнию. И вѣнецъ прилѣпливаше ризу къ персемъ, пятью же поясъ обиаъ от злата и от прѣфира, и от кока, и от уса, и от уакинфа, имже и катапетазма устроена бе — вины ради, еяже рекохомъ. И надъ тѣмъ висяшеся емофоръ, златомъ кованъ, образъ имущъ бронный. Подлѣ же его два щита, златомъ кованы, и в нею насрѣди сардоникы, велици и прекрасни, в нихже *написано начяльници* колѣна иудѣйска. На друзѣй же странѣ висяху 12 камени на 4 чясти раздѣлени: на прѣвой сарди, и *топазъ*, изморагдъ, а на вторѣй анфраксъ, иаспи и самфиръ, и на третей *ахати*, *амефисъ*, *лигури*, и на четвертой *ониксъ*, вирилъ, хрусолифъ. Главу же покрываше вѣнцемъ вусинскомъ, покрытъ уакинфомъ, а над нимъ инъ златъ вѣнецъ, на немже написана быша крестомъ священныи грамоты и *четворица*.* Въ сию же ризу не облачашется въ ино врѣмя, развѣ егда служаше в непроходимѣй единою лѣта, егда обычай вѣмъ говѣти Бога.* Въ ины же праздники въ простѣйшаа ризы облачашеся.

О градѣ, о церкви, о дворѣ

О градѣ же и о церкви и обычаи пакы изречемъ, яже оставихомъ.

Сынъ же нарекомый Антоний създанъ бысть межѣ двѣма комарама церковныма, над высокымъ каменiemъ 50 лакотъ възвыше. Строение же бѣ Ирода цѣсаря, иже камень сей покры дсками мраморяными от корене до верху, красоты дѣля и плѣзости дѣля, да невѣзможно будетъ внити и изыти. И прѣд сыномъ създа стѣну трий лакотъ възвыше, и потомъ сынъ *създа* възвыше 40 лакотъ. Внутреннее же его мѣсто цѣсарьскый дворъ бѣ: храми прекрасни и потребни, и комары, и бани великы, и воинскыи двory широки. Зане вся потребнаа имяше, подобяшеся граду силному, *егда* зане вся быша в немъ прекраснаа и различнаа, бысть же жилище цѣсарьское. И образомъ сынъ сей на углы четырма сынъ обиаъ бысть, три възвыше быша по пятидесять лакотъ, четвертый же на вѣсточнѣй странѣ 70 лакотъ, яко видѣти от него церковь, идѣже сѣдяще стражие римстии съ оружиемъ при праздницѣ блюдааху, да не разратятся людие. Церковный бо градъ бысть граду самому акы дѣтинець,* сынъ же Антоний вышнѣй и твержѣй црковнаго града. Вышнѣй же градъ имяше оприснѣ дѣтинець — Иродовы полаты.* Везефа же разлучится от Антония и от полунощия призрѣти на церковь. О градѣ же и о стѣнахъ, елико ми мощно, измолвихъ.

установленные предками. Когда он служил, ризы его отличались от священнических. Ибо перед он закрывал до голеней опоясывающей тканью, а низ — полотном; сверху он облачался в круглую ризу, доходящую до ног, сделанную из синей ткани. И кругом на ней висят золотые колокольчики и яблоки: колокольчики служат образом грома, а яблоки — молнии. И повязка прикрепляла ризу к груди, вокруг нее — пять поясов из золота, багряницы, червленицы, виссона и синей ткани, из которых была сделана и завеса, — почему, мы уже сказали. А над ней свисал омофор, сделанный из золота, имеющий вид брони. Внизу его — два щита, кованные из золота, и в середине у них — большие и прекрасные сардониксы, на которых написаны родоначальники колен иудейских. На другой стороне были прикреплены двенадцать камней, разделенных на четыре части: в первой сердолик, топаз, изумруд, во второй карбункул, яшма и сапфир, в третьей агат, аметист, лигурий, а в четвертой оникс, берилл, хризолит. Голову же он покрывал повязкой из виссона, сверху — синей тканью, а поверх — еще одним золотым венцом, на котором были написаны крестом священные буквы, составляющие четверицу. В эту ризу он не облачался в другое время, но только когда служил в (святилище), куда никому нельзя было входить, — один раз в год, когда все по обычаю говеют Богу. В другие же праздники он облачался в более простые ризы.

О городе, о храме, о дворе

О городе, о храме и об обычаях мы еще скажем, что опустили.

Крепость же, называемая Антониевой, была построена между двумя крытыми галереями храма, на высоком камне в 50 локтей высотой. Это было сооружение царя Ирода, который покрыл этот камень мраморными плитами от основания до верха — для красоты и ради пользы, чтобы невозможно было ни войти, ни выйти. И перед крепостью он построил стену в три локтя высотой и потом построил крепость 40 локтей в высоту. Ее внутреннее пространство было царским дворцом: прекрасные и удобные дома, крытые галереи, большие бани и широкие дворы для воинов. Поскольку там было все необходимое, она была похожа на сильный город; поскольку все в ней было прекрасно и разнообразно — на царское жилище. Имея вид башни, она по четырем углам была окружена башнями, три были в высоту по пятьдесят локтей, а четвертая на восточной стороне — семьдесят локтей, так что с нее можно было видеть храм, и на ней сидела римская стража с оружием, наблюдая во время праздников, чтобы народ не поднял мятеж. Таким образом, кремль вокруг храма был по отношению к городу как детинец, а Антониева крепость — еще более укрепленной, чем храмовый кремль. Верхний же город имел свой особый детинец — Иродовы палаты. Везефа же отделяется от Антониевой крепости и с северной стороны смотрит на храм. О городе и о стенах, насколько мог, я рассказал.

Мятежници* же от цркъве по вся дни биуюшеся съ дѣлающими приспу, и въ 27 день преждедеченнаго мѣсяца* таку лесть сѣтвориша: заднюю комару между соломенемъ и врѣхомъ исплѣниша хвороста съ смолоу и съ сѣроу, потомъ же творяхутся акы бѣгающе. И к тому мнози от несмотрящихъ устремльшеся нападоша на отступльшаа, и поставиша лествица и възлѣзоша горѣ на комары. И абие иудѣи пожгоша, и располѣвшюся огню, всюда обступи вся, и не можахуть како промыслити и метажутся *назадъ* въ пропасти, инии же къ супостатомъ искрушажутся, а инии изгорѣшася, а инии изрѣзашася. Кесарь же гнѣвашеся на погыбшаа, зане безъ повелѣния *възлѣзоша*, но обаче съжалиси о нихъ. И не могущу никомуже помощи имъ, се бысть утѣха истляющимся, понеже *видяше* кесарь, за негоже *каждо* ихъ душоу полагаше, кличюще бо и поскачюще и молящеся другъ другу, да въспомогуть, имже лѣзѣ, и гласы свѣтлы пушающе, с похвалами и с веселиемъ умираху. Инии же къ *комарнѣй* стѣнѣ прибѣгше, широцѣ суши, и от огня избавишася. Обступльше же ихъ иудѣи биующа я, падоша вси.

Единъ же от нихъ уноша, именемъ Логинъ, дѣло сѣтвори достойно памяти. Иудѣи бо не могуще убити, даяхуть ему руку, молящеся да слѣзеть къ нимъ. Братъ же его Корнилий, противу ему стоя, въпияше къ нему, да не посрамить своего рода, ни укорить вой римскихъ. И сей, послушавъ его, и извлекъ мечъ, всѣмъ на нь зрящимъ въгрузи в ся. Токмо же *Арторий* лестию от огня изы: *тѣй бо* призва *своего* Лукья, своего товариника, и рече к нему великимъ гласомъ: «Тебе оставлю наслѣдника моему стяжанию, аще приступль ухитиши мя». Оному же бодро притекшю, съвержеся на нь и живъ бысть; *Лукий* же от тяжасти зараженъ бысть, и падъ ницъ на камени умре.

Си лесть печаль възложи на римляны за мало время, потомъ же научишася блюсти от лъсти иудѣйскы, имже многажды спакоистишаси, не вѣдуше градныхъ мѣсть и нрава мужъ. И пожжены быша комары до Иоаннова сына, егоже създа, егда биашеся съ Симономъ.* Утру же бывшую, римляне съсѣверныя комары иждегоша.

Иже истляхуть от *града* въ градъ, падахуть яки листовие и яко пѣсокъ, и страсть ихъ неизъглаголема бысть. По всѣмъ храмомъ, аще и крупъ стѣнъ явился бы, то рать бысть, и руками биахуса любимии сродници, *выдавливающе* изъ гортани скверное извлечение душевное. Не имѣяхуть вѣры ни умирающимъ, но издыхающихъ разбойници испытаяху, аще кто пищу въ надрѣхъ нося, творится лжа умираа. И зияюще, акы бѣснии пси, не улучаху въ двери, поревающеся и уклоняющеся, аможе не хотяху, акы пиании. И не могуще никдѣже обрѣсти что снѣдно, въ едину храмину и трижды, и 4-жды влазяху въ единъ час. И вся обрѣтаемаа в зубы вношаше нужда. Яже непотребна быша сквернымъ безсловеснымъ животинамъ, то сами выбирающе ради ядаху, и на конци ни поясъ, ни сапогъ гнушахуса, ни кожъ щитныхъ, но раздирающе я ради

О взятии Иерусалима

Мятежники, все дни ведя из храма бой с теми, кто делал насыпь, в 26-й день указанного месяца устроили такую хитрость: заднюю крытую галерею между верхней перекладиной и крышей наполнили хворостом со смолой и серой, а потом притворились, что убегают. И тогда многие, неосмотрительно бросившись, напали на отступивших, поставили лестницы и влезли вверх на галерею. И сразу же иудеяне подожгли (их), и огонь, разгоревшись, окружил всех отовсюду, и они, бессильные что-либо предпринять, бросались назад в пропасть или падали к противникам; некоторые сгорели, а иные погибли от меча. Цезарь же разгневался было на погибших за то, что они влезли без приказа, но, однако, проникся к ним жалостью. И поскольку никто не мог им помочь, утешением для горящих было то, что их видел цезарь, за которого каждый из них полагал душу; крича, прыгая, умоляя друг друга помочь, если кто может, и испуская радостные возгласы, они умирали с похвалою и весельем. А некоторые, прибежав к широкой стене галереи, спаслись от огня. Обступившие их иудеяне рубились с ними, и они все погибли.

Один же из них, юноша по имени Логин, совершил поступок, достойный памяти. Иудеяне не могли его убить и давали руку, упрашивая, чтобы он слез к ним. Но его брат Корнелий, стоя напротив него, кричал ему, чтобы он не посрамил своего рода и не навлек позора на римских воинов. И тот, послушав его, извлек меч на глазах у всех и вонзил в себя. Только Арторий хитростью спасся от огня: он позвал своего товарища Луция и громко сказал ему: «Тебя оставляю наследником своего имущества, если ты подойдешь и поймашь меня». И когда тот быстро подбежал, он рухнул на него и остался жив; Луций же был повален тяжестью и, упав лицом на камень, умер.

Эта хитрость на некоторое время повергла в уныние римлян, но потом они научились остерегаться хитрости иудеян, потому что им часто вредило незнание местности, где стоял город, и нрава его жителей. И сожжены были галереи до башни Иоанна, которую тот построил, когда воевал с Симоном. На следующее утро римляне сожгли северные галереи.

А в городе угасающие от голода падали как листья и как песок, и страдания их были неописуемы. Во всех домах, если появлялась хотя бы тень крошки, то начиналось побоище, и любимые родственники дрались врукопашную, выдавливая из горла скверное извержение души. Не верили даже умирающим: разбойники обыскивали испускающих душу, проверяя, не притворяется ли человек умирающим, скрывая пищу за пазухой. И с раскрытым ртом, как бешеные псы, толкаясь в двери, они не попадали в них и уклонялись туда, куда не хотели, будто пьяные. И, поскольку не могли нигде найти ничего съестного, входили в один и тот же дом по три и четыре раза за один час. И все, что находили, нужда заставляла тащить в рот. И что непотребно скверным бессловесным животным, то сами, выбирая, поедали с радостью и под конец не

ядяху. Аще же согнившее сѣно или солому кто обрѣташе, то бяше имъ пища акы съ *благоуханнымъ* зѣлиемъ устроена. Инии же тонко сѣно събирающе, продаяху полъ гривны* вѣса на четырехъ златницѣхъ атитьскихъ, яже суть 8 златникъ *погоручихъ*. И вѣскую потолику *исповѣдаю* нужду гладную? Иду же на показание *дѣла*, иже ни въ еллинѣхъ, ни въ варварѣхъ написано бысть, страшно глаголющимъ и невѣрно слышащимъ. Азъ же молился быхъ послѣднимъ челоукомъ, да быша не мнѣли мене лжуша, и съ сладостию быхъ преступилъ злобное слово се, аще быша не были послуши и видоци бесчислении; обаче же суетну благодать сътворю отечеству моему, аще потаю страсть, юже прияша.

Жена бо нѣкаа, живуши об онъ полъ Иердана, именемъ Марія, дщи Елеазарова, от веси Вафехоръ, еже сказается домъ усоповъ, родом же и богатством нарочита сущи, и съ прочими людьми въ Иерусалимъ прибѣгши. Еяже стяжание мучители расхищше, елико бо пристроивши принесе от оногo полу Иордана, не оставиша ничтоже и-сѣсудъ драгихъ, и всяку промысленую пищу, приходяще по вся дни, отимаху. Лють же гнѣвъ вниде въ жену сию, и лаючи и кленуши въсхитающаа, *на ся* поостриваше я, да бы ю кто убилъ. Потом же видящи, яко никтоже брежетъ убити ея, ни *гнѣвающюся* на ню, ни *жалующу по ней*, тружашеся ходящи къ инѣмъ, да бы ю обрѣла что снѣдно. И не могуши обрѣсти никдѣже, гладу ходящу сквозѣ утробу и мозгы, и приемши съдумника нужду, на свое естество устрѣмися. Бѣ же у нея отроча у сесца, и приемши и в руцѣ и рече къ нему: «Младенче милый! Се обидоша *на* насъ рать, и гладъ, и мятежъ. Кому ты храню? Аще римляне възмутъ нас, тамо работа тяжка и нестерѣпима; аще же они не приспѣютъ, *то* *гладъ* нас въсхитить; мятежници же лютейши обою. Гряди, чядо, откуда еси вышелъ, и буди ми пища, и мятежникомъ клятва, и вѣку притчя, яже дойде иудѣйскаа жития!» И тако рекши, закла сына своего, и испѣкши и раздѣли и надвое наполи, и полъ предасть утробѣ, а полъ же его покрывши схрани. И абие мятежници приступивше по обычаю, скверный смрадъ обухавше, запрещахуть убити ю, аще не явить пристроенаго. *Она же рече* яко: «И добру чясть оставила есмь вамъ», — и откры имъ остаток чяда. Онѣх же узрѣвшихъ обя ихъ страхъ и трепетъ и ужась, и противу видѣнню окаменишася. Она же рече: «Се чядо мое от мене рожденно, а дѣло мое. Снѣжьте, ибо и азъ ела есмь. И не будѣте мякчейше жены, ни *милостиви* паче матере. Аще же вы есте благочестиви и мое зачатие отмѣтаете, но азъ *снѣхъ*, и прокъ мнѣ оставите». По том же они трепещуще изидоша, тѣмъ единѣмъ *устрашешеся*, и одва сея пища отступиша матере. И абие извѣщено бысть по вѣсѣ граду си скверность, и кождо прѣд своимъ очима положи страсть сую, яко самъ творивъ *трепеташе*. Гладнии же тесняхуться къ смрѣти и ублажахуть прежде умрѣшаа, *прежде даже* не видѣша таковогo зла.

гнушались ни поясов, ни сапог, ни кож со щитов, но раздирая их, ели с удовольствием. Если же кто находил сгнившее сено или солому, то это была для них как будто пища, приправленная благоуханными травами. А некоторые, собирая сухие стебельки, продавали полгивны веса за четыре аттических золотых, что равно восьми золотым червонного золота. Но зачем я так много говорю о голодной нужде? Перехожу к рассказу о происшествии, подобное которому не было описано ни у эллинов, ни у варваров, о котором страшно рассказывать и, слушая, невозможно поверить. Я же прошу потомков не думать, что я лгу; я с радостью опустил бы этот страшный рассказ, если бы не было бесчисленных свидетелей и очевидцев; да и плохую службу сослужу я моему отечеству, если скрою страдания, которые претерпели *⟨люди⟩*.

Одна женщина, живущая по ту сторону Иордана, по имени Мария, дочь Елеазара, из села Батехор, что значит «дом иссопа», известная своею знатностью и богатством, прибежала среди прочих в Иерусалим. Ее имущество — то, что она сберегла и принесла с того берега Иордана, — разграбили мучители и не оставили ничего из дорогой утвари, а всю пищу, которую удавалось раздобыть, отнимали, являясь каждый день. И лютый гнев охватил эту женщину, и, браня и кляня расхитителей, она стала подстрекать их, чтобы кто-нибудь убил ее. Потом, видя, что никто не думает убивать ее ни из гнева, ни из жалости, она мучилась в поисках съестного, ходя к другим. И поскольку не могла найти ничего, а голод пронизывал утробу и мозг, взяв в советчики нужду, устремилась на свое естество. Был у нее грудной младенец; и, взяв его на руки, сказала она ему: «Милый малютка! Вокруг нас война, голод и мятеж. Для кого мне тебя хранить? Если римляне нас возьмут, там тяжкое и нестерпимое рабство; если же они не успеют, тогда нас сразит голод; а мятежники страшнее и того, и другого. Ступай же, дитя, туда, откуда вышел, и будь мне пища, а мятежникам проклятие, и веку притча о том, до чего дошла жизнь иудеян!» И сказав так, заколола своего сына и испекла, потом разделила его на две половины и одну съела, а другую, накрыв, оставила. И тут же мятежники, явившись, по обыкновению, и учуяв скверный смрад, приступили, угрожая убить ее, если она не покажет, что припасла. А она ответила: «Добрую часть я оставила вам!» — и открыла им, что осталось от ребенка. Когда же они увидели, их охватил страх, трепет и ужас, и они окаменели перед этим зрелищем. Она же сказала: «Вот дитя мое, мною рожденное, и дело — моих рук. Съешьте, ведь и я ела. И не будьте мягче женщины и жалостливее матери. Если же вы благочестивы и отвергаете мое заклятие, то я уже ела, и остальное оставьте мне». После этого они, трепеща, вышли: только этого они устрашили и насилу эту пищу отказались взять у матери. И сразу по всему городу прошла весть об этой скверне, и каждый воочию представил себе это ужасное деяние и содрогнулся, как если бы сам его сотворил. Голодные жаждали быстрее умереть и считали счастливыми тех, кто умер прежде, чем увидел такое зло.

Скоро же и къ римляномъ принесоша вѣсть о сей страсти, от нихъ же ови не яша вѣры, ови же съжалишася о нихъ, ови же гнушахуся о нихъ болма. Кесарь* же отвѣщеваше о томъ к Богу глаголя, яко: «Азъ иудѣомъ миръ и волную жизнь подаваю, и не въспоманулъ быхъ шатания ихъ, ни всяческаго зла, яже сътвориша. Си же за единоумие мятежъ изволиша, а за миръ рать, а за сытость и обилие — и страсть и гладъ. И нынѣ своими руками начяша зажигати святое, егоже азъ съблюдохъ доселѣ. Тѣмже и достойно имъ таку пищу приимати и покрыти скверность *чядоядениа* падениемъ *града*, да не останутся по вселеннѣй живи, ни видить солнце града, в немъже матери чяда своя ядятъ. Егоже было отцемъ сътворити прѣд матерми, зане такое страсти зряще, и еще въ оружии пребываютъ». И тако рекъ помышляше, како отчаяшася мужи ти и не въсхотятъ покаяться, ни приемлють цѣломудрия.

И двѣма плѣкома скончавшими приспу въ осмый день мѣсяца лоя, иже есть август, повелѣ поставити *овны* на западнѣмъ мѣсте внутреняя цркви. Прѣд тѣм же по шесть день бия безъ престани Побѣдникъ стѣны, иже есть болий всѣхъ овенъ, не възможе ничтоже разбити. Под сѣверными же враты подкопаша ини *сзданаа* основания, и зѣло трудившеся, одва вывалиша преднии камени три, но не порушишася стѣны, но *стояша* крѣпко. Римляне же, ни овны, ни желѣзы могуще разбити я, ни инѣмъ ничимъже, лѣствица приставиша къ камарамъ. Иудѣи же не вариша бранити имъ възлѣзти горѣ, но послѣди притекше сняшася съ възлѣзшими, крѣпко бишася. И овы мѣтаху долу, овы же въ пропасти врѣжаху, овы же бодяху, инѣх же топрѣво възлѣзшихъ, и еще не dospѣвшимъ възняти шить, варяущися сѣчяху, инѣх же, лѣствицъ укланяюще я, мѣтаху доловъ. Римляне же въ иномъ мѣсте възнесоша хоругви кесаревскыя. Иудѣи же потекше люту сѣчу съставиша, тоснуеще отяти я. Они же, срамоту безславную мняще отимания ихъ, не осклабишася биюще, дондеже вси погибоша. Иудѣи же хоругви отъемше и *възлѣзших избивше*, хупяхуся яко самого кесаря бивше или плѣнивше. От римлянъ же никтоже безо мести погыбѣ, но убивъ прежде, тожде убиенъ есть. Титъ же видя, яко на пакость воиномъ его шадѣние *црковное*, и повелѣ да зажгутъ врата.

И тогда прибѣгоста къ нему *Анан*, иже от *Амауса*, и Архилай Магудатинъ сынъ, уповающе проститися от него, зане одолѣвшимъ иудѣомъ прибѣгоста. Титъ же мняше, яко лестию приидоша, и слышавъ жестосердие иудѣйско, повелѣ убити глаголя, яко: «Нуждею приидоста, а не волею, и ни еста достойна спасению, зане прискочиста, видяща запаляемо отечество». Но обаче вѣры ради въздержа гнѣвъ и пусти я, но не бы има чясти равны, якоже инѣмъ.

Воиномъ же възложившимъ огонь на врата сребренаа, сребру же растекающюся, и яся пламень дскамъ, и оттуду внезапу поиде пламень по камарамъ.

Вскоре и к римлянам принесли весть об этом ужасном событии, и некоторые из них не поверили, другие преисполнились к ним жалости, а иные — глубокого омерзения. А цезарь оправдывался в этом перед Богом, говоря, что: «Я даю иудеям мир и свободную жизнь и не вспомнил бы их непокорства и всего зла, которое они сотворили. Они же предпочли согласию мятеж, миру войну, а сытости и изобилию — страдания и голод. И теперь своими руками начали поджигать святилище, которое я берег до сих пор. А потому они достойны принимать такую пищу и поплатиться за мерзость чадоядения падением города, чтобы не остались они живы во вселенной, да не смотрит солнце на город, в котором матери едят своих детей. Раньше матерей это следовало бы сделать отцам за то, что, видя такой ужас, они до сих пор не складывают оружия». И сказав так, он задумался о том, насколько отчаялись эти люди, что не хотят раскаяться и не приемлют здравомыслия.

И когда два полка закончили насыпь в восьмой день месяца лоя, то есть августа, он приказал поставить бараны с западной стороны внутреннего храма. Перед этим Победитель — самый большой баран — в течение шести дней без перерыва наносил удары, но не смог ничего разбить. Другие же подкопали под северными воротами построенное основание и с большим трудом насилу вывалили три передних камня, однако стены не обрушились, но стояли крепко. И римляне, не в силах сокрушить их ни баранами, ни железом, ни чем-либо еще, приставили лестницы к галереям. Иудеяне же не успели воспрепятствовать им влезть наверх, но затем, прибежав, схватились с взобравшимися и крепко бились. И одних сбрасывали вниз, других низвергали в пропасть, третьих закалывали, а тех, кто только что влез и еще не успел взять щит, опережая, зарубали, иных же, сталкивая с лестниц, сбрасывали вниз. А римляне в другом месте подняли значки цезаря. Иудеяне же, сбежавшись, учинили лютую сечу, пытаясь отнять их. А те, считая, что лишиться их — значит навлечь на себя бесславный позор, бились не уступая, пока все не погибли. А иудеяне, отняв значки и перебив влезших (на галереи), похвалялись так, будто убили или взяли в плен самого цезаря. Из римлян же никто не погиб, не отомстив, но каждый был убит, убив прежде сам. И Тит, видя, что шадит храм во вред (своим) воинам, приказал поджечь ворота.

И тогда прибежали к нему Анан из Еммауса и Архелай, сын Магадаты, надеясь получить от него прощение, потому что прибежали после победы иудеян. Но Тит думал, что они пришли с хитростью, и, наслышанный о непреклонности иудеян, велел убить их, говоря, что: «Вынужденно вы пришли, а не по своей воле, и не достойны спасения, потому что прибежали, видя, что уже горит отечество». Но, однако, не желая поступить вероломно, укротил (свой) гнев и отпустил их, но участь им была уготована не та же, что другим.

А воины подожгли серебряные ворота, и когда серебро начало плавиться, от пламени занялись доски, и оттуда внезапно пламя перекинулось на

Иудѣом же видящимъ пламень окръсть себе, телеса и душа ихъ раслабѣшася, и ужасомъ никтоже не подвизашеся на угашение, но въ единомъ мѣстѣ стояху зряще. Потомъ же *стужившеси* зѣло, прияша умъ, но не цѣль, и възъяришася на римляны болма. Въ той же день и ночь огонь запалаше по храмомъ и по каморамъ.

Утру же бывшую Титъ посла угасити огонь и раскопати ожженаа и расширити путь плѣкомъ. И призва шесть отъ вѣрховныхъ гемонъ: Тиверия и Александра, и Секста и Керейля, и Ларкия Лепида, и Тита Фругия, и Фронтоня Етерина, и Марка Антония Иулиана, иудѣйскаго властелина, думаше с ними о цркви. И отъ нихъ же ови рекоша, да ратный законъ на ней съвершати: не престануть бо иудѣи мятушеся, дондеже црковь стоитъ, в нюже отвсюду събираются. Ови же рекоша: «Аще оставятъ иудѣи и не въздвизаютъ оружия в ней, то достойно ю съхранити; аще ли же бѣются ту, то зажеши ю: наречеть бо ся сынъ бойный, а не цркви. Безаконие же не от насъ, но отъ понудившихъ ны». Титъ рече: «Аще среди ея стояще иудѣи бѣются, то николиже не погублю бездушныя в нихъ мѣсто, ни пожгу такого и толика дѣла. Аще бо погибнетъ, то римлянѣмъ пакость, аще ли стоитъ, то красота будетъ нашей власти». Къ тому же слову приложистася Фронтонъ и Александръ. И тогда распусти думца и повелѣ гемонѣмъ, да починуть съ вои, да крѣпче исплѣчются.

Въ тойже день трудъ и ужасъ удрѣжа устремление иудѣйско. Наутрѣи же събравше всю силу съ упованиемъ, *вытекоша* въ второй часъ дне* вѣсточными враты и нападоша на *стража* вѣшняя. И си крѣпко сътрѣпѣша устремление ихъ, и въоружившеся стаха противу яко стѣна, исплѣчившеся чясто, но ярость и ристание иудѣйско одолѣваше имъ. И поразумѣ *Титъ* уклонение ихъ, видяше бо отъ Антония, и прииде съ избранными вои на помощь. Иудѣи же не стрѣпѣша пришествия его, но прѣднимъ падшимъ, а прочии разбѣгошася. Егда же отступаху римляне, си възвращающеся нападаху на ня, онѣмъ же възвращающимся, *си* бѣгаху. То же бысть до пятого часа дне, дондеже бѣжавше затворишася въ внутренѣй цркви.

Како цркви зажжена бысть, и о знамѣннихъ прежде погибели Иерусалиму, и како Симонъ и Иоанъ призваста Тита на повѣсть, Титъ же повелѣ противу речи ею отвѣщевати; они же не покарахуся, Титъ же не повелѣ оттолѣ ихъ щадѣти.

Титъ же отступи къ Антонии и наряди воя, да утро приступятъ вси около цркви. Богъ же инако промысли и древле осуди ю огнемъ скончатися. И приспѣ судный день на скончание лѣта, въ десятый день мѣсяца лоя, в онже древле вавилонскимъ цѣсаремъ иждежена бысть. Пламени же начатие

галереи. Когда иудеяне увидели пламя вокруг себя, тела и души их обессилели, и от ужаса никто не двигался тушить, но все стояли на одном месте и смотрели. Потом к ним, сильно удрученным, вернулся разум, но не здоровый, и они страшно разъярились на римлян. В тот день и ночь огонь палил по пристройкам и галереям.

Когда же наступило утро, Тит послал погасить огонь, разобрать то, что сгорело, и расширить путь для полков. И призвал шестерых верховных военачальников: Тиберия Александра, Секста Цереалия, Ларция Лепида, Тита Фригийского, Фронтон Этернина, Марка Антония Юлиана, наместника Иудеи, и держал с ними совет о храме. Одни из них сказали, что с ним нужно поступить по закону войны, потому что иудеяне не прекратят мятеж, пока стоит храм, в который они собираются отовсюду. Другие же сказали: «Если иудеяне оставят <храм> и не будут браться в нем за оружие, то его следует сохранить; если же будут оттуда биться, то поджечь его: ведь тогда его нужно назвать боевой крепостью, а не храмом. Беззаконие же <исходит> не от нас, но от вынудивших нас <это сделать>». А Тит сказал: «Если даже иудеяне будут сражаться, находясь в нем, я все равно никогда не погублю вместо них неживое и не сожгу такое огромное и прекрасное сооружение. Ведь если <храм> погибнет, это будет во вред римлянам, если же сохранится, то будет украшением нашей власти». К этому мнению присоединились Фронтон и Александр. И тогда он распустил совет и велел военачальникам отдохнуть вместе с воинами, чтобы наутро с новыми силами изготавиться к бою.

В тот день усталость и ужас сдержали устремление иудеян. Наутро же, собрав все силы и надежду, они выбежали во втором часу дня через восточные ворота и напали на стражу снаружи <храма>. Те стойко выдержали их нападение: вооружившись, стали против них как стена, изготовившись тесным строем, но яростные набеги иудеян одолевали их. Тит заметил, что они отступают, — он видел все с Антониевой крепости — и пришел с избранными воинами на помощь. Иудеяне не выдержали его прихода, но, после того как передние пали, остальные разбежались. Когда же римляне начинали отступать, они возвращались и нападали на них, когда же те возвращались, они убегали. Так продолжалось до пятого часа дня, пока, бежав, они не затворились во внутреннем храме.

Как подожжен был храм, и о знамениях перед гибелью Иерусалима, и как Симон и Иоанн призвали Тита на беседу, Тит же повелел возразить на их речи; они же не покорялись, и Тит приказал больше их не щадить.

Тит отступил к Антониевой крепости и изготовил воинов, чтобы наутро они все, подойдя, окружили храм. Бог же судил иначе и давно положил ему погибнуть от огня. И приспел судный день в конце года, в десятый день месяца лоя, в который он в давние времена был сожжен вавилонским царем. Огонь

бысть от своихъ. Отступившу бо Титу, и мало врѣмя почивше иудѣи пакы на римляны *вытекоша*, и си побѣждыше иудѣя, гнаша по нихъ и до црѣкве, и сами внидоша. Идѣже нѣкто воинъ ни казанія кесарева пождавъ, ни убоися о толице почятѣи дѣмонскомъ, суровствомъ въсхити огнь изовну и на дружне рамо вступи, досяже до златаго оконца и до дверей, имиже възможно бысть възлзати къ *храмом* оцрѣковнымъ. Пламени полящю, иудѣи възопиша и възкликаша по достоянню страсти, на възбранение и на мечь потекоша, ни живота щадяще, ни себе блюдуше, ни опасающесе.

И нѣкто притекъ възвѣсти Титови. Сей же въ шатрѣ почиваше *от* брани. И абие възсхплъся, течяше къ црѣкви, да угасить огнь. И по немъ поидоша гемони вси, и възслѣдъ ихъ идяху плѣци убожавшесе, и бысть вопль и мятежь великъ, толикой силѣ бесъ чину подвигшися. Кесарь же гласомъ и рукою казаши воемъ угасити огнь. Они же ни кличюша слушаху, зане уши ихъ не слышаху отъ ратнаго кличяниа, ни ручнаго махания внимаху.

Ови бо на супостаты зряху, кто кого убить, ови же гнѣвомъ затвориша уши, плѣкомъ же текущимъ, ни казаніе, *ни* запрещеніе, ни мльба можаше удрѣжати устремленія ихъ, но ярость воеводяше прѣдъ всѣми и гнѣвъ объа вса. И въ теснотѣ съгнѣтающесе, мнози потоптани быша другъ отъ друга, мнози же на горящее каменіе и на попель вѣступающе, не могуше вылѣзти изгараху. А иже близъ црѣкве стояша, не творяхуся слышаше кесарева повелѣнія, но кождо ихъ ближнему веляше зажещи болма. Мятежники же метяхутся, не могуше что промыслити, и бысть вездѣ бой и *кровь и бѣжаніе*. Народъ же, людие суще немощнии *и* безъ оружія, идѣже кто постиженъ, *ту* убиень бысть. У жрѣтвеника събрашася множество мрѣтвецъ, кровь же течяше акы рѣка, и струя кровнаа влечяше *трупие*.

Кесарь же разумѣвъ, яко не можетъ устремленія удрѣжати войскаго, и огнь одолѣваше, вниде съ *гѣмоны* внутрь и видѣ святое црѣковное, егоже жадаше, и вса яже въ немъ преславна, не токмо *у* своихъ людей, но и *у* иноплеменникъ, чюдна и преславна и прекрасна. Пламени же и еще не *прошедшу* внутрь, но окрестнаа храмы обходящю, мня Титъ, яко възможно есть и еще отъяти дѣло огня, прискочи *и* начя самъ гасити огнь, и воины понуждаше. И *Ливераря* пристави сотника бити непослушающаа, да възбраняетъ пламени. Гнѣвъ же ихъ *и* ненависть иудѣйска одалаше чести кесаревѣ и страху, и устремленія ратнаа полаху паче пламене. Мнози же въсхищенія надѣющесе болма зажигаху, мняще, яко вса исплѣнена внутреняа богатства, зане видѣша окрѣстнаа златомъ покрыта. Вышедшю же кесарю на възбранение вой, нѣкто вложи огнь въ темныя двери внутренни,* и внезапно извънутрь явившюся пламени, отступиша игемони съ кесаремъ, и оттолѣ не

начался от своих. Ибо когда Тит отступил, иудеяне, передохнув немного, снова устремились на римлян, и те, одолев иудеян, преследовали их до самого храма и сами вошли (за ними). И тут один из воинов, не дождавшись приказа цезаря и не убоявшись демоном внушенного начинания, в ярости выхватил огонь изнутри и, встав на плечо товарища, достал до золотого оконца и до дверей, через которые можно было добраться до строений, окружавших храм. Огонь стал разгораться, и иудеяне, с таким криком и воплем, которого заслуживало это страшное дело, побежали, дабы воспрепятствовать (римлянам) и отомстить, не щадя жизни, не помышляя о спасении и забыв об осторожности.

И кто-то, прибежав, возвестил Титу. Он же в шатре отдыхал от брани. И немедленно, вскочив, побежал к храму, чтобы погасить огонь. И за ним направились все военачальники, а вслед им шли полки в страхе, и стоял крик и большое смятение, когда такая огромная сила пришла в движение без порядка. А цезарь голосом и рукой приказывал воинам погасить огонь. Они же не слушали даже его крика, — потому что уши их не слышали из-за ратного шума, — и не замечали знаков, которые он делал рукой.

Одни смотрели на врагов, кто кого убьет, другим гнев затворил уши, и когда полки бежали, ни приказ, или запрет, ни просьба не могли удержать их устремления, но ярость предводительствовала всеми и гнев охватил всех. И, давясь в тесноте, многие были затоптаны своими, а многие, наступая на горящие камни и на пепел и не сумев выбраться, сгорели. А те, что стояли возле церкви, притворялись, будто не слышат приказов цезаря, но каждый из них велел стоящему рядом поджигать еще больше. Мятежники же метались, не зная, что предпринять; и повсюду шел бой, текла кровь и бежали воины. А народ — людей беспомощных и безоружных — убивали там, где кого настигали. У жертвенника скопилось множество мертвых, а кровь текла как река, и поток крови увлекал трупы.

Цезарь, увидев, что не может удержать устремления воинов и что огонь одолевает, вошел с военачальниками внутрь и увидел святилище храма, который он жаждал (увидеть), и все, что было в нем, о чем шла слава не только среди своих людей, но и иноплеменников, — чудное, достойное славы и прекрасное. Поскольку пламя еще не проникло внутрь, но распространялось по окрестным строениям, Тит, думая, что еще возможно спасти здание от огня, подскочил и начал сам гасить огонь и заставлял воинов. Он приставил сотника Либералия бить неповинующихся, чтобы воспрепятствовать огню. Но, охваченные гневом и ненавистью к иудеянам, они уже перестали почитать и бояться цезаря, и ратное рвение пылало сильнее пламени. А многие, надеясь пограбить, поджигали еще больше, думая, что внутри все наполнено богатствами, потому что видели, что кругом было золотое убранство. Когда же цезарь вышел, чтобы остановить воинов, кто-то бросил огонь в темные внутренние двери — и внезапно изнутри

възбраниша никомуже. И цркви же такоже зажжена бысть, не хотящу кесарю.

Дѣло велика рыдания достойно, прѣдивнейши всѣхъ, елико слышахомъ и видѣхомъ и създаниемъ, и величествомъ, и красотою, и устроениемъ, и славою от святаа. Велико же утѣшение приметь кто зря на суд Божий, егоже не възможно утечи ни съдушнымъ, ни бездушнымъ, ни дѣломъ, ни мѣстомъ. Удивить же ся кто времѣнному кругу: судъ бо *и* съблюдѣ и того мѣсяца, и того же дне, якоже рекохомъ, *в онже* древле вавилоняне пожгоша ту црковь.* И от перваго же създаниа ея, еже нача Соломанъ цѣсарь, до нынѣшня разорениа, еже бысть въ двѣ лѣте кесарства Еуспасианова, считается *лѣт* 1000 и 100 и 30, и 7 мѣсяць, днєвъ 15, от послѣдняго же създаниа, еже сътвори Аггѣй* во 2 лѣто цѣсарства Кирова, до сего плѣнениа съчитается лѣтъ 600 и 30 и 9, и мѣсяць одинъ и 15 днєвъ.

Съгараючи же цркви вся обретаемая въ гробѣжъ и въ расхыщение быша, и вси постигаемии желѣзомъ *скончашася*, и не бысть милости никоторомуже върасту, ни стыдѣннѣ на благообразныхъ, но и дѣти, и старии, и сквернии, *и* иерѣи равно смрть прияша: рать бо обья всякъ род бьющихся и молящихся. И пламени же бучащу, и вопль падающих и стонание громъ *въспущаше*. Высоты ж ради горнѣ и величества дѣля съгарающую дѣлу, рекль бы кто издаlechя зря, яко весь градъ горить. И невѣзможно помыслити что лютѣйша и страшнѣйша тогдашняго вопля: римстии плѣци бо мятушеся кликаху, мятежници же обступлени огнемъ и оружиємъ въпияху, иже останася людий бѣжаху съ ужасомъ кличуще, противу страсти плачуще; мнози же от глада иссохше и мжаще, видѣвше *црковный* огонь, възмогаша паки кликати и плакати. И противу кличу възгласяху горы окрестнаа и лѣси. И всюда бысть мятежъ и *страсть люта*, и мнѣли бо црковную гору ис корения скачущю, зане исплѣнися всюда *пламене*. Кровь же бысть обилнейши огня, и убиваемии болѣ убивающихъ, и не бысть лѣтъ видѣти земля, зане вся покрыта бысть трупиемъ. Воини же и на стоги мрѣтвецъ вѣступающе на бѣгающаа течяху. Мятежници же одва *проборовшеся* къ внѣшнѣй цркви *въстекоша*, и оттуду къ граду, останокъ же народа *вбѣже* въ внешнюю комару. Иерѣи же прѣвѣе вертелища* желѣзнаа истлѣчными ногами метяху на римляны; потомъ же яко дойде ихъ огонь, поступиша къ стѣне широцѣ суши 8 лакоть. Два же от нарочитыхъ въвергостася въ огонь и сожжена *быста* съ црковью — Мииръ, сынъ Вельговъ, *и* Иосифъ Далѣвъ.

Римляне же мняще восуе щадѣти окрестнаа, цркви же пожжени суши, *зажгоша* комары и двери и врата, развѣ двоихъ — вѣсточныа и полуденныа, послѣдъ же раскоявшеся, и ты раскопаша и пожгоша и газофилакию, яже быша хранилища стяжания многа: лежаше же в нихъ ризы и паволокы, и съсуды бесчисленныа, и отинудъ рѣщи все богатство иудѣйско ту бѣ събранно и вси домовѣ богатыхъ. Приидоша же и на прочную комару внешнюю, в нуже при-

показалось пламя; тогда отступили военачальники с цезарем и больше уже никого не останавливали. Так был подожжен храм, против воли цезаря.

Творение, достойное великого плача, самое удивительное из всех, сколько мы слышали и видели, и строением, и величием, и красотою, и убранством, и славою своих святынь. Но глубоко утешится тот, кто подумает о суде Божьем, которого не может избежать ни обладающее душой, ни то, что души не имеет, ни дело, ни место. И подивится кто-нибудь кругу времен: судьба соблюла и тот же месяц, и тот же день, в который, как мы сказали, в давние времена вавилоняне сожгли этот храм. От первоначальной постройки его, начатой царем Соломоном, до нынешнего разрушения, которое случилось в два года правления цезаря Веспасиана, насчитывается 1130 лет, 7 месяцев и 15 дней, а от последней постройки, которую предпринял Аггей во 2-й год царствования Кира, до этого пленения насчитывается 639 лет, один месяц и 15 дней.

Пока храм горел, было разграблено и расхищено все, что удавалось найти; и все, кого настигало железо, погибли, и не было пощады никакому возрасту, ни уважения к благообразию, но и дети, и старцы, и нечистые, и священники — все равно приняли смерть, ибо война захватила всех сражающихся и молящихся. И в то время как выло пламя, гремели вопли и стоны погибающих. Из-за высоты горы и огромных размеров горящего сооружения глядящий издали казался бы, что горит весь город. И невозможно вообразить ничего более жуткого и страшного, чем тогдашний вопль: ибо и римские полки кричали, мечась, и мятежники, окруженные огнем и битвой, выпускали вопли, и те, кто уцелел, бежали в ужасе, крича и плача при виде бедствия; и ко многим иссохшим от голода и видевшим смежающимися глазами огонь в храме, вернулись силы кричать и плакать. И на крик отзывались окрестные горы и леса. И повсюду было смятение и лютый ужас, и казалось, что гора, на которой стоял храм, выпрыгивает из основания, потому что вся она покрылась пламенем. Но кровь была обильнее огня, и убиваемых было больше, чем убивающих, и земли не было видно, потому что вся она была покрыта трупами. Но воины гнались за убегающими даже попирая груды мертвецов. Мятежники же, едва пробившись, сбежались к внешнему храму и оттуда — к городу, а остальной народ вбежал во внешнюю галерею. Священники поначалу кидали в римлян железные вертела, выламывая у них основания; потом, когда до них дошел огонь, отступили к стене шириной в 8 локтей. А двое из именитых (граждан) бросились в огонь и сгорели вместе с храмом — Миир, сын Вельги, и Иосиф, сын Далея.

Римляне, полагая, что ни к чему щадить окрестные (строения), когда храм сожжен, подожгли галереи, двери и ворота, кроме двоих — восточных и южных, а потом, пожалев об этом, и те разрушили; сожгли и сокровищницу, где хранилось большое богатство: там лежали и ризы, и покрывала, и бесчисленные сосуды, — одним словом, все богатство иудеев было здесь собрано и все домашнее имущество богатых. Они пришли и в уцелевшую внешнюю

бѣгоша жены и дѣти и ина чядь смешенаа 6000. И прежде даже не повелѣ кесарь ни гемони, *и*и гнѣва исплѣнившеся вои подождоша и истлѣша вси, и не избы от нихъ никтоже, овѣмъ въ пламень вмѣтавшимся, овѣмъ ту изгорѣвшимъ.

О знаменнихъ прежде погибели Иерусалиму

Погибѣлъ же си людемъ сътвори нѣкто лжій пророкъ, иже въ ты дни проповѣдаше гражданомъ, яко: «Богъ велить вамъ внити въ црковь и *приати* знамение избавленію». Тѣхъ же лживыхъ пророкъ Иоаннъ съ Симономъ пустиста къ людемъ, заповѣдающа людемъ ждати Божия помощи, да быша не бѣжали к римлянѣмъ. Обычай же есть всякому въ бѣдахъ сущю, възвѣстити ему кто избавление от зла, то имѣтъ вѣру. Аще же льститъ кто *и* лжетъ добраа *млѣва*, то вѣрно ему, и все упование на того възложить.

Тѣмже и се многострастный народъ лестыцемъ и лжущимъ на Бога внимаше, глаголющимъ же право и проповѣдающимъ хотящую быти пустоту *и* знаменіемъ и явлѣніемъ не внимааше, ни вѣроваше, но якоже шибении, ни души имущи, ни очью, ни послушаша Божествѣныя проповѣди. Ни разумѣша, егда ста звѣзда над градомъ, подобна копия, и пребы лѣто все, ейже имя комитись наречемаа, вся власятаа. И паки, прежде заротѣнія съвокупляющимъ людемъ къ опресночному празднику, въ 8 день мѣсяца ксанфика, иже есть априль, въ девятый часъ нощи, толикъ свѣтъ въсія на жртвеницѣ и на цркви, яко мнѣти дни быти свѣтлу, и продлжися до получаса. Иже неразумнии мнѣша благо знамение, священнии же грамотеи тако судиша, якоже и скончяся. В той же праздникъ корова нѣкимъ приведена бысть на заколение, и посреди цркви стоящи роди агнца. Въсточнаа же врата внутреняя, мѣднаа и тлѣста, одва въздвизаема 20-ю мужъ на затворение, имѣже быша верея желѣзны и *завора*, подбой глубоко и длѣгымъ каменіемъ устроено, явишяся въ 6 часъ нощи сама отворена. Притекше же стражие црковьнии повѣдаша властелину, и сей съ многими людьми пришедъ, едва поможе затворити я. Се же знамение судиша на благое: мнѣша бо, яко Богъ отврѣзетъ имъ двери благыя. Книжници же разумѣша, яко утврѣженія црковнаа сама *разорятся*, и туне отверзется ратникомъ, и опустѣетъ святое. По малѣ же днѣвъ от праздника, въ 21 день мѣсяца артемисія, иже есть май, видѣние нѣкое дѣмонское явися паче вѣры. Иже слышать, мнѣли быша рѣчь сю басни и чяродѣянныя, аще не мнози быша видѣли и повѣдали, и страсть въслѣдоваше подобна видѣнію. Преже бо слѣнечнаго захожденья явишася по аеру и по небу по всей иудѣйстей земли колесници и полци съ оружіемъ, скачюще сквозѣ облакъ и обступающе грады. Въ праздникъ же нареченный Пянтикостий, нощію иерѣи влѣзше въ внутренюю црковь по обычаю на службу, прѣвое очютиша подвизаніе *и* громъ, потомъ же и глас внезапу слышаша глаголющъ: «Отступимъ отсюду». Иже страшнѣйши сихъ.

галерею, в которую сбежались жены и дети и прочий люд всякого рода, числом 6000. И не дожидаясь приказа цезаря или военачальников, преисполнившись гнева войны подожгли *⟨их⟩*, и все погибли, и никто от них не спасся — одни бросались в огонь, а другие сгорели на месте.

О знамениях перед гибелью Иерусалима

А виновником этой гибели людей был один лжепророк, который в те дни возвещал горожанам, что: «Бог велит вам войти в храм и принять знамение спасения». Этих лжепророков Иоанн с Симоном послали к людям с заповедью — ждать Божьей помощи, чтобы они не бежали к римлянам. А в беде — так обычно бывает — всякий верит любому, кто возвестит ему избавление от несчастий. И если кто-то обманывает и говорит приятную ложь, то ему верят и на него возлагают всю надежду.

Вот почему и этот многострадальный народ внимал обманщикам и лгунам о Боге, а говорящим правду и предвещающим грядущее опустошение знамениям и явлениям не внимал и не верил; и как безумные, не имеющие ни глаз, ни души, не послушали они Божественного предупреждения. И не уразумели, когда над городом встала звезда, подобная копью, и стояла целый год — она называется комета, *⟨потому что⟩* вся волосатая. И кроме того, перед началом войны, когда народ собирался к празднику опресноков в 8-й день месяца ксанфика, то есть апреля, в девятый час ночи такой свет воссиял на жертвеннике и на храме, как будто был ясный день, и это продолжалось с полчаса. Неразумные считали, что это благое знамение, но сведущие в священных книгах рассудили в соответствии с исходом. В тот же праздник кем-то была приведена корова на заклание, и, стоя посреди храма, она родила ягненка. А восточные внутренние ворота, медные и толстые, которые с трудом задвигали 20 человек, с железными петлями и запорами и глубоким косяком, сделанным из длинного камня, — оказались в 6-й час ночи отворившимися сами собой. Прибежавшие сторожа храма оповестили начальника, и тот, явившись с немалым числом людей, едва смог их закрыть. И это знамение сочли за благое: думали, что Бог отворит им двери благие. Но книжники поняли, что крепость храма разрушится сама собой и без труда откроется перед врагами, и опустеет святилище. А спустя немного дней после праздника, в 21-й день месяца артемисия, то есть мая, явилось какое-то невероятное демонское видение. Услышавший об этом решил бы, что это басни и чародейство, если бы не видели и не рассказали многие, и страшные несчастья последовали под стать видению. Так вот, перед заходом солнца по воздуху и по небу явились по всей иудейской земле колесницы и полки с оружием, скачущие сквозь облака и окружающие города. В праздник же, называемый пятидесятница, священники, войдя, как обычно, ночью во внутренний храм на службу, сначала почувствовали сотрясение и гром, а потом внезапно услышали голос, который сказал: «Уйдем отсюда!» А вот что было страшнее всего остального.

А Иисусъ Анановъ сыну, о шести глас

Иисусъ нѣкто Анановъ сынъ, от простыхъ, не книжникъ, прежде четыре лѣтъ рати, граду еще мирну сущю и изобилну, пришедъ на праздникъ, егда вси празднуютъ скинопигью по обычаю, въ цркви стоя, начя внезапу въпити: «Глас от вѣстока, глас от запада, глас *от* 4 вѣтръ, глас на Иерусалимъ и на црковь, глас на женихы и на невѣсты, глас на всѣхъ *людѣй*». Се глаголя, по вся дни и нощи въпияше, обходя по *стѣнамъ*. Некоторые же от нарочитыхъ разгнѣва-шася на нь, злорѣчия его ради, и емше многими ранами мучиша и. Сей же ни ранъ мняше, ни о собѣ моляшеся, ни къ мучающему и отвѣщеваше, но токмо въпияше, яже прежде. Власти же иерусалимьстии, мняще сего вышнюю силою нѣкоею подвизаема на вопль той, и приведоша и къ римскому властелю, идеже биемъ прутиемъ и мангловиемъ даже и до костей, ни поболъ, ни прослези, но блѣма чресъ силу кликаше гласомъ жалостнымъ тѣмъ: «Люте, люте Иерусалиму!» Алвину же прошающъ его, — той бо бѣ властелинъ тогда от Рима, — «Кто еси? Откуда? И въскую таковаа *въпиеши*?», сей же не отвѣща ничтоже противу рѣчемъ его и не преста плета рыдание градное, дондеже Алвинъ безумна творя отпусти и. Се же оттолъ не прииде ни к *кому же*, ни явися, дондеже прииде рать. И потомъ по вся дни акы молитвѣ *изучься*, рыдаа въпияше: «Лютѣ, лютѣ Иерусалиму!», а ни къ биющимъ его *отвѣщаваше*, ни лающимъ его кленяше, ни подавающихъ ему пищу благословяше. Единъ же отвѣтъ се дряхлѣ бысть къ всѣмъ по 7 лѣтъ и по 5 мѣсяцъ, и ни глас его измлъче, ни утрудися, дондеже видѣ дѣла ратнаа, яже *проповѣдаше*, и потомъ почи смрътию. Ходя по забраломъ, паки въпияше: «Увы, увы граду и людемъ и цркви!», наконецъ же приложи: «Увы, увы мнѣ!» И абие камень прилѣтевъ от порочя удари и и уби и, и испустити душу, и еще глаголющу проповѣдание се.

И аще кто добрѣ разумѣть, то обрящеть Бога промышляюща за челоуѣка и всѣмъ нравомъ *проявляюща* роду нашему яже на спасение; мы же несмыслиемъ и злодѣйствомъ самовольнымъ погибаемъ. Богъ знаменія гнѣвнаа показаа, да быша разумѣли людие Божий гнѣвъ, и престануть от своя злобы, и тѣмъ умолять Бога. Сущю же въ иудѣихъ пророчеству, яко четвероуглнымъ образомъ опустѣть градъ и цркви, то сами начяша кресты дѣлати на распятие, еже есть, якоже рекохомъ четверообразны.* И по разорении Антонія црковь четвероугльную сътвориша. На рать же подвиже я проповѣдания *дворазумнаа* въ святыхъ книгахъ *обрѣтаемая*, глаголюще, яко в та времена нѣкто от иудѣйския земля будетъ цѣсарствуя над всею вселенною. Имже разноличнаа сказанія суть: ови бо мнѣша Ирода, ови же распятаго чюдотворца Иисуса,* ови же Уесписиана. Но обаче невѣзможно *челоуѣком* суда убѣжати, аще *и* промышлять. Иудѣи же знаменія судиша, якоже хотѣша, вратяще я на свою сладость, другаа же похулиша, дондеже погубивше себе и отечество, обличишася и постыдѣшася и явишася безумни.

Об Иисусе, сыне Анана, о шести голосах

Некто Иус, сын Анана, из простых, не книжник, за четыре года до войны, когда в городе еще был мир и изобилие, придя на праздник, во время которого все по обычаю отмечают установление куш, стоя в храме, начал внезапно вопить: «Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос на Иерусалим и на храм, голос на женихов и невест, голос на весь народ». Он повторял это, вопия все дни и ночи, обходя по стогнам. И некоторые из знатных (горожан) разгневались на него за его дурные речи и, схватив, много и сильно били. А он, не ставя побои ни во что, не просил о себе и не отвечал своему мучителю, но только вопиял то же, что и прежде. Власти же иерусалимские, думая, что некая высшая сила подвигает его на этот вопль, привели его к римскому наместнику, где его били прутьями и бичами до костей, а он, не ведая ни боли, ни слез, еще больше, через силу, кричал тем же скорбным голосом: «Горе, горе Иерусалиму!» И когда Альбин — он был тогда римским наместником — спрашивал его: «Кто ты? Откуда? И почему так кричишь?», — он не отвечал ничего на его речи и не переставал сплетать плач по городу, пока Альбин не отпустил его, сочтя безумным. А он после этого ни к кому не пришел и не объявился, пока не началась война. И потом все дни, как будто выучив молитву, вопил, рыдая: «Горе, горе Иерусалиму!», не отвечая бьющим его, не кляня поносивших его, не благословляя подававших ему пищу. И один только этот печальный ответ был ко всем 7 лет и 5 месяцев, и голос его не умолк, и он не знал усталости, пока не увидел войну, которую предсказывал, и после этого почил смертью. Ходя по забралам, он снова кричал: «Увы, увь городу, и людям, и храму!», и под конец добавил: «Увы, увь мне!» И тут же камень, прилетевший из порока, поразил его насмерть, и он испустил дух, еще произнося свое предсказание.

И если кто наделен добрым разумом, он увидит, что Бог промыслит за человека и всеми способами являет роду нашему, что для нас во спасение; мы же погибаем из-за неразумия и из-за того, что творим зло по своей воле. Бог являет знамения гнева, чтобы люди уразумели Божий гнев, оставили творить зло и тем умиливали Бога. Но хотя иудеянам было пророчество, что из-за четырехугольной формы опустеет город и храм, они сами начали делать кресты для распятий — четырехугольные, как мы сказали. И после разрушения Антониевой башни построили четырехугольный храм. На войну же их подвигли двусмысленные предсказания, которые находятся в священных книгах; в них говорится, что некто из иудейской земли будет царствовать над всей вселенной. Их толковали по-разному: одни считали, что это об Ироде, другие — о распятом чудотворце Иисусе, а третьи — о Веспасиане. Однако невозможно людям уйти от судьбы, даже если они и предвидят (грядущее). Иудеяне же толковали знамения, как хотели, извращая их себе в угоду, а всех остальных поносили, пока не погубили себя и отечество, сами себя обличили и посрамили и показали свое безумие.

ПАТЕРИКИ

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о рассмотрении

⟨...⟩ Поведаше авва* Данил, яко егда бѣ въ Скитѣ* авва Арсений,* и бѣ единъ мнихъ ту, крады ссуды старчемъ. И авва Арсений поятъ его в хыжю свою, хотяй научити и старча покоити, и глагола ему: «Емуже хочещи, дам ти азъ, токмо и не кради». И дасть ему чату* злату, и ризу, и всю потребу. Шед же, паки крадяше. Отцы же, то видевши, яко не престаяше, изгнаша я, глаголаше, яко: «Аще обрящется братъ, имѣя нравъ золь, подобаетъ терпѣти его. Аще ли крадеть и, учимъ, не останеть того, ижжените и, яко свою душу погубить и вся сущая на мѣстѣ томъ възмущаетъ».

О творящих знаменья святых старецъ

⟨...⟩ Взиде иногда тойже авва Макарий* от Скита в Терьнуть* и вниде въ гробища спатъ. Бѣ же ту кости елиньски многы сухы. И възмъ от нихъ едину, положи ю подъ главою си, яко дохторъ. Видив же дѣмони дерзновение его,* ревновавша и хотѣша пострашити и, вопияху, яко женьско имя глаголаше: «О, она, поиди с нами в баню мыться». Отъзважеса другии дѣмонъ от мертвыя кости, глаголя: «Страньна имамъ верху себе и не могу прити». Старечъ же не убояся, но дерзая бьяше трупа, глаголя: «Въстани, иди, аще можещи». И се слышавше дѣмони, възпиша велиимъ гласомъ, глаголюще: «Побѣдилъ ны еси». И бѣжаша посрамлени.

⟨...⟩ Глаголаше авва Сисой:* «Егда ядахомъ въ Скитѣ со отцемъ Макариемъ, взидохомъ пожати, с нимъ 7 мужъ; и се едина вдовица, класы събирающи бѣ за нама, и не престаше плачущися. Возва же старѣшину вси тоя и рече ему: „Что имать старица си, яко въсегда плачется?“ И глагола ему, яко: „Мужъ ея възять залогъ у единого и умре напрасно, и не повѣдъ, кде положи. И хочеть же господинъ за залогъ пояти ю и дѣти ея въ рабъ мѣсто“. Глагола ему старецъ: „Рци ей, да придетъ к намъ, идеже почиваемъ полудень“. И пришедши ей, рече ей старецъ: „Что еда плачещися тако?“ И

ПАТЕРИКИ

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о премудрости

⟨...⟩ Рассказал авва Данил, что когда был в Ските авва Арсений, был там один монах, похищавший сосуды у старцев. И авва Арсений привел его в келью свою, желая наставить и успокоить старца, и сказал ему: «Если ты ⟨что-то⟩ хочешь, я тебе дам, только не кради». И дал ему цату золотую, и одежду, и все необходимое. Тот ушел, но снова стал красть. Увидев, что он не перестает, отцы прогнали его, говоря: «Если окажется брат злого нрава, необходимо терпеть его. А если крадет и, наставляемый, не перестает ⟨делать это⟩, изгоните его, потому что и свою душу погубит и всех находящихся на месте том возмутит».

О творящих чудеса святых старцах

⟨...⟩ Отправился однажды тот же авва Макарий из Скита в Тернуф и заночевал в гробнице. Было там много высохших костей умерших эллинов. И, взяв одну из них, он положил ее под голову как подушку. Демоны, видя такую его дерзость, решили его испугать и закричали, называя как будто женское имя: «Эй, такая-то, пойдем с нами в баню мыться». Отозвался другой демон из сухой кости, говоря: «Странник сверху меня ⟨лежит⟩, поэтому не могу прийти». Старец же не испугался, а смело стал избивать останки, говоря: «Встань, иди, если можешь». Услышав это, демоны страшно вскричали, говоря: «Ты нас победил». И бежали, посрамленные.

⟨...⟩ Рассказывал авва Сысой: «Когда после трапезы в Ските мы с отцом Макарием отправились на жатву, с нами были еще 7 человек; и вот одна вдова собирала за нами колосья и не переставая плакала. Он позвал старейшину того села и спросил его: „Что случилось у этой старой женщины, что она всегда плачет?“ Тот ответил ему: „Ее муж, взяв залог у одного человека, внезапно умер и не сказал, куда положил. И хозяин хочет вместо залога взять ее и ее детей в рабство“. Сказал ему старец: „Передай ей, чтобы пришла к нам туда, где отдыхаем в полдень“. Когда она пришла, спросил ее старец: „Почему ты так плачешь?“

рече: „Мужь ми умре, вземъ залогъ отъ единого, и не повѣдѣ, умирая, кде положи ѣ”. Рече старецъ: „Приди, покажи намъ, кде и еси положила”. И поимъ братью с собою и изиде с нею, и, пришедъшемъ на мѣстѣ, рече старецъ: „Отъиди въ домъ свои”. И помолившемся имъ, възва старецъ мертвеца, глаголя онъ именемъ рекъ: „Кдѣ еси положилъ заимъ чюжь?” Онъ же отвѣщавъ рече: „В дому моемъ естъ сокровено под ногу одру”. И рече ему старецъ: „Спи паки до дне възскресеня”.

Видѣвъше же братья, от страха падоша на ногу его, и рече имъ старецъ: „Не мене дѣля бысть се, ничтоже бо есмь азъ, но вдовицѣ дѣля и сиротѣ ея створи Богъ створи вещь сию. Се же естъ велико, яко безгрѣшнѣ хошетъ души Богъ, и егоже аще просить и прииметъ”. Пришедъ же, възвѣсти вдовицѣ, кде положи залогъ. Она же вземъши, дасть господину его, и свободи чада ея. Слышавъше же, прославиша Бога».

Покаяниема обема

(...) Глаголаше старецъ от Тиваидскихъ старецъ,* яко: «Азъ бѣхъ сынъ иерея идольскаго. Малъ же сы убо, сѣдѣхъ въ церкви и видивъ отца своего множицею входяща жертву створити идолу. И единою отаи внидохъ въслѣдъ его и видихъ Сотону сѣдяща, и вся воя его престоюща ему. И се единъ князь его пришедъ, кланяшеся ему. Отвѣщавъ же дьяволъ, рече ему: „Откуда ты приде?” Он же отвѣщавъ, рече: „На сей странѣ бѣхъ и въздвигохъ брань и много мятежъ, и пролитье крови створихъ, и придохъ възвѣстити ти”. И рече ему: „Колицѣмъ лѣтъ се створи?” Он же рече: „30-ми день”. Он же повелѣ бити его толицѣмъ день се творша. И се инъ, пришедъ, кланяшеся ему. И рече ему: „Откуда ты еси пришелъ?” Отвѣщавъ дѣмонъ, рече: „Въ морѣ бѣхъ и въздвигохъ трусы и потопихъ корабли, и многы мужа убивъ, придохъ възвѣстити тебѣ”. Он же рече ему: „В колико дний и се створи?” Дѣмонъ же рече: „Есть дни 20”. Повѣлъ же и того бити почто в толико дний се едино створилъ. И се третій, приступль, кланяшеся ему. И рече ему: „Откуда ты приде?” Он же, отвѣщавъ, рече: „В семь градѣ брачѣ быша, и въздвигохъ брань, и много пролитье крови створихъ, с женихомъ и с невѣстою, и придохъ възвѣстити тѣбѣ”. Он же рече: „В колико дний и се створи?” Он же рече: „В 10 дний”. Повеле яко медлившаго бити и сего. Приде же другый, поклонится ему. Рече тому: „И ты откуда приде?” Он же рече: „В пустыни бѣхъ 40 лѣтъ, боряся съ единѣмъ мнихомъ, и в сию нощь низложихъ и в любодѣяние”. Он же се слышавъ, вставъ, облобыза ѣ и вземъ вѣнечъ, еже ношаше, възложи ему на главу и посади ѣ на престолѣ съ собою. Глагола, яко: „Велику вещь сию възможе побѣдити”».

Рече старче: «Се азъ видивъ, глаголахъ: „Такое естъ великъ чинъ мнишьскый”. Богу благоволившу спасение, изидохъ и быхъ мнихъ».

Она ответила: „Мой муж умер, взяв залог у одного человека, и не сказал, умирая, куда положил его”. Сказал старец: „Пойдем, покажешь нам, где ты его похоронила”. Взяв братию с собой, он пошел с ней и, когда они пришли на место, старец сказал: „Иди в свой дом”. После того как они помолились, старец позвал мертвеца и, называя его по имени, спросил: „Куда ты положил чужой заем?” И тот сказал в ответ: „Спрятано в моем доме в подножии моего ложа”. Сказал тогда ему старец: „Спи опять до дня воскресения”.

Братья, увидев (это), от страха упали к его ногам, а старец сказал им: „Не ради меня это было, ибо я ничто, но ради вдовы и сирот ее Бог совершил это дело. Великое в том, что Бог покровительствует безгрешной душе и, о чем бы она ни попросила, то получит”. Пришел он и сообщил вдове, где положил (муж ее) залог. Взявши его, она отдала его хозяину, и тот освободил ее детей. Слышавшие это прославили Бога».

О двух покаяниях

(...) Рассказал один из Фиваидских старцев: «Я был сыном жреца языческого. Когда был ребенком, сидел (часто) в церкви и видел своего отца, часто приходившего принести жертву идолу. И однажды тайно я пошел за ним и увидел Сатану, сидящего, и все воинство его, стоящее перед ним. И вот подошел один из его князей и поклонился ему. Отвечая, дьявол спросил его: „Откуда ты прибыл?” Тот же, отвечая, сказал: „В этой стране был, и устроил раздор и великую смуту, и кровопролитие сотворил, и пришел известить тебя”. И спросил его (Сатана): „За какое время ты это сделал?” И тот ответил: „За тридцать дней”. Тогда (Сатана) приказал избить его за то, что столь (много) дней это делал. И вот другой пришел, кланяясь ему. Спросил его (Сатана): „Откуда ты пришел?” Отвечая, демон сказал: „В море был, и устроил бури, и потопил корабли, и много людей убил, пришел доложить тебе”. Тот же спросил его: „За сколько дней сделал это?” Демон ответил: „За двадцать дней”. Приказал (Сатана) и того бить: почему за столько дней лишь это сделал? И вот третий подошел, кланяясь ему. И он спросил его: „А ты откуда пришел?” Тот, отвечая, сказал: „В этом городе была свадьба, устроил я ссору жениха и невесты и великое кровопролитие устроил, явился тебя известить”. Тот же спросил: „За сколько дней сделал это?” Он ответил: „За десять дней”. Приказал (Сатана) бить и этого неуправляемого. Пришел и другой, поклонился ему. Спросил (Сатана) у него: „А ты откуда пришел?” Тот ответил: „Сорок лет был я в пустыне, борясь с одним монахом, а в эту ночь поверг его в любодеяние”. Услышав это, (Сатана) встал, поцеловал его и, взяв венец, который сам носил, возложил его ему на голову и посадил на трон рядом с собою. Произнес: „Ты смог одержать великую победу!”»

Сказал старец: «Увидев это, я проговорил: „Так велик чин монашеский”. С Божьего соизволения к спасению, ушел я и стал монахом».

Слово о блаженѣмъ послушании

⟨...⟩ Два брата присная придоста жить въ монастырь. Единъ же бѣ от нею постникъ, а други имѣя послушанье велико. Глаголаше же ему старецъ: «Створи се», — и творяше, яже изъ утра и ядыше, и славу принимаше послушанье въ монастыри.

Устрѣленъ же бысть о немъ братъ его постыникъ. И рече въ себѣ: «Да искушу сего, аще имать послушанье». Приступль, рече отцю: «Посли со мною брата моего, да идевъ нѣкамо». И отпустити ѣ отецъ. Поятъ же и постникъ, хотя ѣ искусити. Приде на рѣку, имѣяше же много множество коркодилъ. И рече ему: «Влѣзи в рѣку и прѣиди». Яко влѣзе, придоша коркодили и лъзаху тѣло его, и не вредиша его. Видѣвъ же постыникъ, рече ему: «Излѣзи из рѣки».

Идуша же, обрѣтоста тѣло повержено на пути. И рече постникъ: «Аще быховѣ имѣла ветошь, възложила быховѣ на тѣло». И рече, имѣяй послушанье: «Паче молитву створивѣ, не коли встанеть». И стаа помолитися. Помоливъшема тема же ся има, вѣста мертвецъ.

Яви же Богъ си отцю въ монастырю, и како искуси брата свѣго в коркодилѣхъ, како вѣста мертвецъ. Приде въ монастырь, и глагола отецъ постнику: «Что тако створилъ еси брату своему? И се за послушанье вѣста мертвецъ».

О житии добръ различно къ старцемъ

Повѣдаша о единомъ ошельницѣ, яко отъиде в пустыню имы левытона* токмо, и похожъ три дни, възиде на камень и видѣ под нимо злакъ, и человекъ пасома, акы звѣрь. И сълѣзе тамо и удержа ѣ. Старецъ же бѣ нагъ, пренемогъ, и не смогыи понести воля человекъскы и, възмогъ же от него и побѣже. И погна братъ вѣслѣдъ его, вопия: «Бога дѣля жену ты, пожди мене». И обратися, рече ему: «И азъ Бога дѣля бѣжю тебе». Послѣдъ же яко отверже от себе ризу, пожда его. И яко приближися ему, рече: «Егда отвержеть имѣнье от себе свѣта сего, и азъ пождахъ тебе». И моляше и глаголя: «Отче, рци ми слово, како съпасуся?» Онъ же рече ему: «Бѣгай человекъ и молчи, и спасешися».

⟨...⟩ Повѣда, рече, ошелникъ братии, сущий въ Раидѣ,* идеже есть 70 стеблъ фюникъ, идеже ополчися Моисий съ людьми, егда изиде от Земля егупетскы.* И глаголаше сице: «Помыслихъ иногда в пустыню, еда како обрящу далече мене живуша и работающю Владыцѣ Богу. И шедъ же 40 дний и 40 ноший и обрѣтохъ пещь; и приближивъся къ ней, и зрѣхъ же въ ню. И видѣхъ человекъ сѣдяща, и толкнухъ по обычаю мнишьскому, яко да излѣзеть целовать мене, онъ же не подвигнуся, бѣ бо умерлъ. Азъ бо небрегохъ ничтоже, влѣзъ и яхъ ѣ за руку его, и абѣ растаяся, и бысть

О смиренном послушании

⟨...⟩ Двое родных братьев пришли жить в монастырь. Один из них был постником, а другой имел послушание великое. Скажет ему старец: «Сделай это», — и делает с утра, а ⟨потом⟩ ел, и прославился послушанием в монастыре.

Поражен был этим брат его постник. И подумал он: «Испытаю его, имеет ли он послушание». Подошел, сказал отцу: «Пошли со мной брата моего, чтобы пойти нам в одно место». И отпустил его отец. Взял его постник, собираясь его искусить. Пришли на реку, в которой водилось многое множество крокодилов. И сказал ему ⟨постник⟩: «Войди в реку и перейди ⟨ее⟩». Как только тот вошел, приплыли крокодилы и стали лизать тело его, и не повредили его. Увидел ⟨это⟩ постник, сказал ему: «Выйди из реки».

Идя ⟨обратно⟩, нашли они тело, брошенное на дороге. И сказал постник: «Если бы у нас была тряпица, покрыли бы ею тело». И сказал послушник: «Помолимся, может, встанет». И встали они на молитву. Когда же они помолились, встал мертвец.

Показал Бог все это отцу в монастыре: и как испытывал ⟨брат⟩ брата своего с крокодилами, как встал мертвец. Когда ⟨постник⟩ пришел в монастырь, сказал отец постнику: «Почему ты так поступил с братом своим? Это ⟨в награду⟩ за послушание ⟨его⟩ встал мертвец».

О различном достойном житии старцев

Рассказывали об одном отшельнике, который отправился в пустыню, одетый только в левитон, и, пройдя три дня, поднялся на скалу и увидел под ней траву и человека, пасущегося, словно зверь. И сошел он вниз и задержал его. Старец же был нагой, изможденный и, испугавшись человека, вырвался от него и побежал. И погнался брат вслед за ним, выкрикивая: «Бога ради бегу за тобой, подожди меня». И тот, обернувшись, ответил ему: «И я Бога ради бегу от тебя». Потом же, когда он снял с себя одежду, подождал его. И когда он приблизился, сказал ⟨ему⟩: «Когда ты отказался от мирского имущества, я подождал тебя». Тот, взмолившись, проговорил: «Отец, скажи, как мне спастись?» А он ответил ему: «Избегай людей, безмолвствуй, и спасешься».

⟨...⟩ Говорили о том, что один отшельник рассказал братьям из Раифы, где растут 70 финиковых пальм и где Моисей вооружился вместе с народом, когда они вышли из Земли египетской. А говорил вот о чем: «Задумал я как-то ⟨отправиться⟩ в пустыню, чтобы найти вдали от меня живущих и трудящихся для Владыки Бога. И шел 40 дней и 40 ночей, и нашел пещеру, и подошел к ней, и заглянул в нее. И увидел ⟨там⟩ человека сидящего, и постучал по монашескому обычаю, чтобы он вышел приветствовать меня, но тот не пошевелился, потому что был мертв. Я же, ничуть не обратив на это внимания, вошел и взял его за его

персть. И видѣхъ еще ризу висящую, егда же и сию яхъ, растаяся и бысть ни въ чтоже. Якоже въ нечаянии быхъ, и изидохъ оттуду и пойдохъ в пустыню, и обрѣтохъ ину пещь и стопы мужьскы. Радъ же бывъ, приближися къ пещи, и яко толкнухъ и не озвася никтоже. Вълѣзъ же, никогоже не обрѣтохъ. Ставъ же вънѣуду пещи, глаголахъ въ себѣ, яко подобаетъ рабу Божию прити, идеже аще есть, якоже убо день мимоидяше. И видѣхъ вельблуды идуща и раба Божия нага, власы своими оболчена срамныя уды тѣла. Егдаже приближися ко мнѣ, мнѣвъ мя духа суша, ста на молитвѣ, бѣ бо, якоже послѣди глаголаше, многы напасти приялъ есть духы. Азъ же, разумѣвъ се, глаголахъ ему: „Человѣкъ есмь”. И егда рече: „Аминь”. Видѣвъ мя, утѣшися, и поймъ мя, и веде мя в пещь и въпрашаше, како сѣмо приде. Азъ же рекохъ: „Взискать рабъ Божий придохъ в пустыню сию. И не лишилъ есть Богъ хотѣния нашего”. И азъ въпрашахъ ѱ, глаголя: „Сѣмо убо како самъ прииде и како питаешися, и како, нагъ сый, не требуеши ризы?” Онъ же рече: „Азъ въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ,* дѣло имый токалия. Вниде же в мя мысль, глаголющи: «Изиди и живи единъ, и можеши безымлвствовати и мзду болшую стяжати от плода дѣла своего». Якоже обѣщахъся мысли и дѣло скончати, создавъ бо монастырь, имѣхъ повелѣвающая. Много же раздавая събираемая, подвизахъся нищимъ и страннымъ раздаяти. Тоже врагъ нашъ дьяволъ въздревновавъ яко присно, и тогда хотящу възданью быти, о нихже тѣсая труды мои Господеви въздаяти. Видѣвъ едину черноризицю, повелѣвшю ми единою, и сѣтворшю ми се, и давшю нудитися и паки нудитися, и паки повелѣвати ино; и якоже обычай бысть и дерзновение болше, кончина — и осязанье руцѣ, и смѣхъ, и сужитие; и страдавша родиховѣ безаконье. Яко пребыха с нею 6 месяц в падании, помыслихъ, яко Илии: «Днесъ или утрѣ или по мнозѣхъ лѣтѣхъ сѣмерть подѣмю, и пряти имамъ мучение вѣчное. Аще бо кто жену мужату посмрадитъ, мученью вѣчному повиненъ будетъ».* Посмражи Христову невѣсту, и тако в пустыню сию таи избѣгохъ, оставивъ вся женѣ. И пришедъ, обрѣтохъ пѣщью, источникъ съ и фюникъ, приносящъ ми 12 меча* фюникъ. На месяц же приносить мечъ единъ, еже ми годѣ есть на 10 дний, и посемь сѣзрѣваетъ другыи. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ въздрастоша ми власи, и ризамъ ми истѣлѣвшамъ, тѣми закрываю юже подобаетъ, телесе срамоту”. Якоже паки въпрашахъ ѱ, „аще въ начатыцѣхъ сѣтужаше си ту?” „В начатцѣхъ оскърбляхъся зѣло, якоже на земли падати от ятръ, и не мощъ ми стоящу службы тѣворити, но лежашъ ми на земли, вопияхъ къ Вышнему. Сушю же ми в пещи въ тузѣ мнозѣ и страсти, якоже дуже не можахъ исходити вонъ, видѣхъ мужа вълѣзша и глаголюща: «Чимъ болиши?» Азъ же малы възмогъ рещи: «Ятра мя болятъ». И рече ми: «Кде болиши?» И яко показахъ ему, персты руки своя управле сочтавъ, прорѣза мѣсто, яки ножемъ, и истергъ ятръ, показа ми струпы, и рукою *истогравъ*, въ платѣ струпы положи, рукою пожа за мѣсто, рече ми:

руку, и он тотчас же растаял и сделался прахом. И увидел я еще висящую (в воздухе) одежду, но когда дотронулся и до нее, она (тоже) растаяла и исчезла. В смятении я вышел оттуда, и пошел по пустыни, и нашел другую пещеру и следы мужских ног. С радостью приблизился я к пещере, постучал, и никто не отозвался. Когда же я вошел (туда), то никого (в ней) не нашел. Стоя у пещеры, я подумал, что раб Божий должен вернуться, если он здесь живет, поскольку день близился к концу. И увидел я движущихся верблюдов и обнаженного раба Божьего, волосами своими прикрывающего срамные части тела. Когда он приблизился ко мне, то, приняв меня за духа, стал на молитву, ибо, как он потом говорил, много бед принял он от духов. И я, поняв это, сказал ему: „Я — человек”. И тогда сказал он: „Аминь”. Видя меня, он успокоился, взял меня (за руку) и повел в пещеру и спрашивал, зачем я сюда пришел. Я же ответил: „В поисках рабов Божиих пришел я в эту пустыню. И не отказал нам Бог в этом желании”. И я, спрашивая его, сказал: „Сюда как сам ты пришел и чем питаешься, и почему тебе, нагому, не требуется одежда?” И он ответил: „Я в монастыре был в Фиваиде, занимался ткачеством. И возник во мне помысл, говорящий: «Уйди и живи один, имеешь силы безмолвствовать и получишь большую награду от плодов своего труда». Как только я пообещал (это) помыслу, то (решил) работу (свою) закончить, поскольку имел приказание оставить монастырь. Многие раздавая доходы, старался нищим и странникам (их) раздавать. Тогда враг наш дьявол, позавидовав, как всегда, захотел воздать (мне) за ревностные труды мои к Господу. Встретил я одну монахиню, приказавшую мне однажды и, когда я это сделал, ставшую принуждать, и еще принуждать, и еще приказывать (делать) другое; и так стало это обычаем, и смелости стало больше, а кончилось прикосновением рук, и смехом и сожитием; и делая это, породили мы беззаконие. Пребывал я с нею шесть месяцев в падении и вспомнил (слова) Илии: «Сегодня или завтра или через много лет смерть получу и приму вечные муки. Ибо, если кто мужнюю жену опорочит, вечным мукам предан будет». Я осквернил Христову невесту, и поэтому в эту пустыню тайно бежал, оставив все женщине. И, придя, я нашел пещеру, источник этот и финиковую пальму, приносящую мне 12 мечей фиников. В месяц она дает один меч, которого хватает мне на 10 дней, а потом созревает и другой. Через много лет отросли мои волосы; когда одежды истлели, ими прикрываю, как положено, постыдные места на теле”. Поскольку я еще расспрашивал его, — „не было ли тебе сначала здесь трудно?” (Он продолжил): „Сначала я страдал очень, так что и на землю падал от болей в почках, и не мог совершать службу стоя, а лишь лежащим на земле, я призывал Всевышнего. Когда я лежал в пещере в сильной тоске и страдании из-за того, что совершенно не мог выходить наружу, увидел я человека, который вошел и спросил: «Чем ты болеешь?» Я же едва смог вымолвить: «Почки у меня болят». Он спросил меня: «Где болит?» И когда я показал ему, пальцами руки своей, соединив как должно, прорезал место, как ножом, вынул почки, показал мне струпья и, рукою выдернув, в лоскут струпья

«Се съдравъ бысть, служи Владыцѣ Христу якоже подобаетъ». И оттолѣ быхъ сдравъ, и тако бо състрада сде живу. Мъного же и молихъ, да быхъ жилъ в первѣи пещерѣ, и рече: «Не мощи, начнеши терпѣти напастии демоньскѣ»».

Азъ же истое се расмотре, молихъся ему, да помолъся, отпустить мя. Си же повѣдахъ вамъ ползы дѣля».

О смѣренѣи мудрости

⟨...⟩ Братъ скорбѣ имѣаше на брата. Слышавъ же то, приде покаяться ему. Онъ же не отъверзе ему дверей. И иде къ единому старцю и повѣда ему вещь ту. И отвѣща ему старецъ, рекыи: «Блюди еда оправданье имаши въ сердци своемъ, яко зазря братъ своемъ, яко то есть повиненъ, себе же не оправдаеши. И сего дѣля не извѣстися ему отвѣсти, обаче се есть, глаголю ти, аще же и тѣ согрѣшилъ есть къ тебѣ, иди, положи въ сердци своемъ, яко ты согрѣшилъ еси к тому, и брата своего оправдан, и тогда Бог извѣсти ему смиритися с тобою». — И проповѣда ему притчу сицю, глаголя: «Два бѣста проста людина говѣина, и свѣщавъша, изидоста и быста мниха. И ревнующа по еангѣльску гласу, не вѣдяща же, скопистася, рекъше — Царствия ради Небеснаго. Слышавъ же архиепискѣпъ, отлучи я от церкви. Она же, мнящеся, яко добро створиста, роптаста на нь, глаголюще: „Вѣ скопиховѣся иза Царствие Божие, и се отлучи на есть, но идѣвѣ, да повѣвѣ на нь, ко архиепископу Ерусалимскому”. Шедъша же, повѣдаста ему. И рече има архиепископ: „И азъ отлучаю ва”. И от сего пакы печаль примѣша, идоста во Анѣтиохию ко архиепископу, и рекоста ему яже о себѣ. И тѣ отлучи я. И глагола къ себѣ: „Пойдевѣ въ Римъ к патриарху, и тѣ мьститъ наю отъ всѣхъ сихъ”. Шедъша же къ великому архиепископу Римскому, възвѣстиста ему, яже створиша има архиепископи. „Придоховѣ къ тебѣ, — рѣста, — яко ты еси глава всѣмъ”. Рече же има и тѣ: „И азъ ва отлучаю, и отлучена еста”. Тогда стязаящася къ себѣ, рекоста: „Си по себѣ суть единъ по единомъ, зане во сонмѣхъ суть собирающеся, но идевѣ къ святому Епифанью, архиепископу Купрьску,* възвѣстистъ ему, яко пророкъ есть и не обинуеть ся челоуѣку”. Егдаже приближистася къ граду его, и явися ему от нею, и пустиста въ сретение ему, он же рече: „Ни въ градъ съ вѣлазита”. Тогда бывъша въ себѣ рѣста: „Воистину вѣ согрѣшиховѣ. Что убо себе оправдаювѣ? Буди яко они бес правды не отлучиша, еда убо и съ пророкъ, се бо Бог яви ему тайная”. И зазрѣста себе о грѣсѣ, яже створиста. Тогда видѣвѣ сердцеуѣдецъ Богъ, яко воистину зазрѣста себѣ, и сказа о нею отцю Епифанью. Пустивъ же, приведе я и утѣши и приять я въ причастье, и написа архиепископу Александрьску, глаголя: „Прими чадѣ твои, покаяста бо ся воистину”».

И рече старецъ: «Се есть исцѣленье челоуѣку, и сему хошетъ Богъ, да челоуѣкъ изложитъ соблазнъ свои предъ Бога». Слышавъ же братъ, створи по

положил, рукою сдвигал (больное) место, сказал мне: «Теперь ты здоров, служи Владыке Христу как следует». С тех пор я здоров и так, работая, живу здесь. Много (раз) я просил (его о том), чтобы (позволено было) мне жить в прежней пещере, но он отвечал: «Не смей, иначе пострадаешь от козней демонских»».

Я же о сути этого (рассказа) рассудил, попросил его, чтобы, помолившись, он отпустил меня. А рассказал вам это пользы ради вашей».

О смирении

⟨...⟩ Брат обиделся на брата. Тот, узнав об этом, пришел покаяться перед ним. Он же не открыл ему дверь. И пошел тот к некоему старцу и рассказал ему об этом. И ответил ему старец, говоря: «Остерегайся оправдать себя в сердце своем, ибо осуждая брата своего, что тот виновен, ты не оправдаешь себя. Из-за этого он не был извещен (свыше), чтобы открыть (тебе дверь), но, говорю тебе, если он и виновен перед тобой, иди, положи на сердце своем, что ты виновен перед ним, а брата своего оправдай, и тогда Бог известит его помириться с тобой». — И рассказал ему такую притчу, говоря: «⟨Жили⟩ двое простых людей-постников, и, посоветовавшись, ушли (из мира) и стали монахами. И, следуя евангельской заповеди, но не понимая ее, оскостили себя, говоря — ради Царства Небесного. Архиепископ, узнав об этом, отлучил их от церкви. Они же, думая, что добро сделали, роптали на него, говоря: „Мы оскостили себя ради Царства Божьего, а он отлучил нас, но пойдем да пожалуемся на него архиепископу Иерусалимскому“. Пошли и рассказали ему. И сказал им архиепископ: „И я отлучаю вас“. И опечалившись от этого еще больше, они отправились в Антиохию к архиепископу и рассказали ему о себе. И тот (тоже) отлучил их. И сказали они друг другу: „Пойдем в Рим к патриарху, и он отомстит за нас всем им“. Придя к великому архиепископу Римскому, известили они его о том, что сделали им архиепископы. „Мы пришли к тебе, — сказали они, — потому что ты — самый главный“. Но сказал им и тот: „И я вас отлучаю, вы отлучены“. Тогда, обращаясь друг к другу, они сказали: „Все они друг за друга, потому что на соборах встречаются, но пойдем к святому Епифанию, архиепископу Кипрскому, и известим его, ведь он пророк и не станет лицемерить перед человеком“. Когда они приблизились к городу, где он жил, объявили ему о себе и пошли к нему навстречу, он сказал (им): „Не входите в этот город“. Тогда они подумали: „Мы действительно согрешили. Чем себя оправдаем? Если бы те несправедливо нас отлучили, тогда этот пророк (был бы извещен), ибо это Бог показал ему сокровенное“. И осудили себя за грех, который сделали. Тогда увидел всезнающий Бог, что они действительно осудили себя, и сказал о них отцу Епифанию. Тот, впусив их, привел их (к себе), и утешил, и принял их в общение, и написал архиепископу: „Прими детей своих, потому что они действительно покаются“».

И сказал старец: «Исцеление человека, которого хочет Бог, в том, чтобы человек рассказал об искушении своем перед Богом». Выслушав, брат сделал

словеси старцю, и шедъ, толкнувъ въ двери братьня. Онъ же, яко токмо очюти утръ, преже его покаяся, и отъверзе ему, лобзастася отъ душа, и бы обѣма миръ великъ.

О прозорливых

⟨...⟩ Рече авва Данилъ, ученикъ отца Антонья,* яко: «Повѣда намъ старць Антоний, акы о иномъ единомъ глаголя, обаче самъ себѣ, яко: „Сѣдящю от старецъ в келии своеи, приде гласъ, глася: «Приди, да покажу ти дѣла человечьска». И вѣставъ, изиде, и веде ѿ на едино мѣсто, и показа ему мюрина, сѣкуща дрова и сѣтвориша бремя велико. Покушашеся же ся понести ей, не можаше, и, еже бы уяти от него, шедъ паки сѣчаше дрова и прилагаше къ бремени, се же многажды творяше. И пришедъ мало, показа ему паки челоуѣка стояща на кладязи и чреплюща въ сусѣкъ утель и ту же воду пушающа въ кладязь. Глагола же паки: «Приди, да покажу ти иного». И се видехъ церковь и два мужа, сѣдяща на коню и носяща въ преки древо единъ единому. Хотѣста же пренти сквозѣ врата и не можаста, зане бѣ дрѣво въ преки. Не сѣмириста же себе, единому управити древо въ правость, и сего дѣла остае вне вратъ».

Си же суть носящеи, — яко правдѣ его с гордынею, и не сѣмиришася исправити себе и ходити со смѣренъемъ в путехъ Христовѣхъ, тѣмъ же и стають вѣнѣюду Царствия Божия. Сѣкыи же дрова челоуекъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ естъ, и в покаяньи мѣсто ина безаконье, прилагаетъ верху безаконий своихъ, а чреплай воду добра дѣла творя, но понеже имѣяше въ нихъ зла смиренъи, о семъ губить добрая своя дѣла».

Достоить убо всякому челоуѣку бодру быти въ дѣлѣхъ своихъ, да не въ грѣхъ трудиться.

⟨...⟩ Повѣдаше единъ от старецъ, глаголя, яко: «Ошелникъ в пустыни Нильскаго града, и служаше ему простъ людинъ вѣренъ. Бѣ же и въ градѣ челоуѣкъ богатъ и нечѣстивъ. Прилучися ему умрети, и проважаху тѣи вси гражане и епископъ съ свѣщамы. Изиде же служай ошелнику по обычаю нести ему хлѣбы, и обрѣте ѿ извѣдена уеною, и паде ниць предъ Богомъ, глаголя: „Не вѣстану, дондѣже извѣстиши ми, что се естъ, — яко онъ нечѣстивый толико имѣ провоженъе, се же, работая ти день и ношь, како умре?” И приде ангелъ и рече ему: „Онъ же нечѣстивый имѣяше мало добро дѣло и приять сде, да тамо ни единого покоя приметь. Се же ошелникъ, понеже бѣ челоуѣкъ устроень всякою благодатью, имѣяше и тѣ яко челоуѣкъ мало соблазнъ, вѣсприять же сде, тамо обрящеться чистъ предъ Богомъ”. И вѣста си извѣщениемъ, славя Бога, яко истови суть».

так, как сказал старец: пошел, постучал в дверь брата. Тот же, как только услышал (это) внутри (келии), раньше его покаялся и открыл ему, поцеловались они от души и помирились.

О провидцах

⟨...⟩ Сказал авва Даниил, ученик отца Антония: «Рассказывал нам старец Антоний, говоря о каком-то другом брате, в действительности же сам о себе: „Когда старец сидел в своей келье, явился голос, произнесший: «Выйди, и я покажу тебе человеческие дела». И, встав, он вышел, а тот привел его на одно место и показал ему мурина, который рубил дрова и сделал большую охапку. Попробовал он поднять ее, но не смог и, вместо того, чтобы убавить, пошел и еще нарубил дров и прибавил их к охапке, и делал так много раз. И пройдя немного, показал (он) ему еще человека, стоящего у колодца и вычерпывающего (воду) в дырявую емкость и ту же воду выливающего в колодец. Сказал еще (голос): «Пойдем, и (я) покажу тебе другое». И вот увидел я церковь и двух людей, сидящих (верхом) на конях и держащих с двух концов поперек бревно. Хотели они пройти в ворота, да не могли, потому что (держали) поперек бревно. Не договорились между собой, чтобы один повернул дерево правильно, и поэтому они остались за воротами”.

Те, что несли дерево, — это правда с гордостью; не пожелали они смириться друг с другом и ходить со смирением по пути Христа, поэтому и останутся за пределами Царства Божьего. Тот, кто рубит дрова, — это человек, который имеет много грехов и, вместо покаяния, другое беззаконие прибавляет сверху беззаконий своих. А черпающий воду — это тот, кто творит добрые дела, но, поскольку не противится злу, тем самым губит свои добрые дела».

Следует любому человеку быть осмотрительным в своих поступках, чтобы не во грех трудиться.

⟨...⟩ Рассказывал один старец, говоря: «(Жил) в пустыни отшельник около города вблизи реки Нил, и прислуживал ему один преданный мирянин. А в городе жил один богатый и бесчестный человек. Случилось так, что он умер, и провожали его все горожане и епископ со свечами. Отправился, как обычно, тот, кто служил отшельнику, отнести ему хлеб, и нашел его изъеденным гиеной, и упал он ниц, взывая к Богу: „Я не поднимусь до тех пор, пока Ты не объяснишь мне, почему это так, — что тот нечестивец имел такие проводы, а этот, который служил тебе день и ночь, так умер?” И пришел ангел и сказал ему: „Тот нечестивец сделал мало добрых дел, но принял здесь (покой), чтобы не иметь там никакого покоя. Этот же отшельник, поскольку был человеком, исполненным всяческой благодати и имел (в этом мире) мало соблазнов, получив (это) здесь, там будет чист перед Богом”. И встал (слуга), просвещенный, прославляя Бога, потому что истина есть».

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне*

Есть, рече, в пустыни сеи братъ нашъ Иоаннъ, юнъ же тѣломъ, всѣхъ же нынѣшнихъ черноризецъ добротами преходя. Его же никтоже въскорѣ обрѣсти можеть, понеже преходить присно отъ мѣста до мѣста въ пустыняхъ. Тѣи заперва стоялъ на камени по три лѣта, вѣину молитву творя пребываше, никакоже сѣдъ, ни спавъ елико стоя, сна мало взимаше. В недѣлю точию комkanie взимая, прозвутеру ему приносящу, иного же ничсо не ядыше.

Въ единъ же отъ дний преобразився сатона въ прозвутера, рано к нему прииде, хотя ему комkanie дати. Познав же его, блаженный Иоанъ рече к нему: «О, всему лукавству и всеи прелести отецъ, враже всей правдѣ! Не останеша ли ся прелстѣя челоуѣча христьяньския душа, но дрѣзаеши и к самому прѣчис-тому комkанию!» Онъ же к нему отвѣща: «Мало тебе не низложихъ, приобрѣтъ ты, тако бо и другаго отъ твоея братия прельстѣихъ, и безъ ума и сѣтворишъ, и бѣсенъ бысть. За него же мнози святѣи молитву сѣтвориша и одва възмогаша его умна сѣтворити». И се рекъ, бѣсъ отъиде отъ него.

Рассѣдшемася его ногамъ отъ многого стояния, и гною текущу отъ нихъ, пришедъ ангелъ, присягну ко устомъ его, глаголя: «Христосъ будетъ ти истинная ядь, и Дух Святый — истинное питие, и довольно да ти будетъ духовная пища, да не, насытився, изблюеши». И исцѣливъ его, прѣстави ѣ отъ того мѣста.

Живяше же, по пустыни ходя, яды былия, в недѣлю же на томъ мѣстѣ ся обрѣтааше, комkanie възимаа. Фуничное же листвѣе мало отъ прозвутера испросивъ, попругы плетяше. Хотящу же приити к нему хромцю нѣкоему исцѣления ради, и всяде тѣчию на осля, тѣгда же и ногама присягъ къ попругу, иже бѣше плетень отъ святаго мужа, абие исцѣлъ. Иногда же благословление къ болемъ пославъ, абие избыша недуга.

Яви же ся ему иногда о своихъ монастырехъ, яко нѣции отъ нихъ неправедно житѣе имуть. Пишетъ ко всѣмъ послание прозвутеромъ, яко некторѣи лѣнятся, друзѣи же подвижаются на добродѣяние, и обрѣтѣся истина, тако ищуще. Пишетъ же и ко отцемъ, яко отци отъ нихъ лѣнятся о спасении братѣи, и друзѣи же довольно я молять. И обоимъ честь и муки исповѣдаше. И паки инѣхъ ко свершенному устроению призывая, воспоминаше отъ видимыя на невидимыя отътити. «Время бо уже житѣя того показати, не бо дѣти, — рече, — или младенцы всегда хоцѣма пребывати, но паки къ свершеннымъ разумомъ преити и къ великимъ дѣломъ наступити».

Се и ина намъ и множайшая отецъ о святѣмъ мужѣ исповѣда, яже множества ихъ ради чудесъ всѣхъ не писахомъ, не яко не суть не истинна, но инѣхъ ради невѣрства. Мы же извѣсто вѣмъ, многи бо велиции мужѣи то же сповѣдаша, та же яже и очима видѣша.

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне

Есть, говорят, в этой пустыни брат наш Иоанн, юный телом, всех нынешних черноризцев добродетелями превосходящий. Его никто быстро найти не может, поскольку он всегда ходит с места на место в пустынях. Сначала он стоял на скале три года, постоянно пребывая в молитве, никогда не садился и спал даже стоя, да и то немного. В воскресенье только принимал Святые Дары, которые приносил ему пресвитер, а другого ничего не ел.

Однажды преобразился сатана в пресвитера, придя к нему утром, хотел причастить его. Распознав его, блаженный Иоанн обратился к нему: «О отец всякого лукавства и всяческой лжи, враг всяческой истины! *⟨Ты⟩* не прекращаешь совращать христианские души людей, но ты дерзаешь *⟨покушаться⟩* на самое пречистое причастие». Тот же ему отвечал: «Чуть было я тебя не уловил, ну так я обманул другого из твоей братии и лишил его рассудка, и он стал бесноватым. И многие святые за него молились, но едва смогли возратить ему рассудок». И, сказав это, бес отошел от него.

Когда ноги его потрескались от долгого стояния, и из них потек гной, явился ангел, прикоснулся к его устам, говоря: «Христос будет тебе истинной пищей, а Дух Святой — истинным питьем, и да будет тебе достаточно духовной пищи, чтобы ты не изверг ее *⟨никогда⟩*, насытившись». И, исцелив его, он перенес его с того места.

Так он жил, по пустыни ходя, ел траву, но в воскресенье на то же место возвращался и принимал причастие. Попросив у пресвитера немного пальмовых листьев, плел он подпруги. Когда один хромой захотел придти к нему, чтобы исцелиться, то как только сел он на осла и ногами коснулся подпруги, которая была сплетена святым человеком, сразу выздоровел.

Ему открылось некогда, что в его монастырях некоторые живут несправедно. Пишет он ко всем пресвитерам послание о том, что одни ленятся, другие же стремятся *⟨совершать⟩* добрые дела и так обретают истину, которую ищут. Пишет он и к отцам, что некоторые из них ленятся *⟨заботиться⟩* о спасении братии, а другие же много о нем молятся. И тем и другим честь и муки предсказывал. И еще, иных к совершенству духовному призывая, убеждал, чтобы возвысились они от видимых предметов к невидимым. «Пора показать при жизни, что мы — не детьми, — говорил, — или младенцами хотим оставаться, но к более высокой степени разума перейти и к великим делам приступить».

Так и другое нам и многое отец о святом муже рассказывал, но мы из-за большого числа чудес обо всех их не писали, не потому, что они не правдивы, а потому, что некоторые не поверили бы. Мы же твердо знаем *⟨об этом⟩*, ибо многие великие подвижники то же рассказывали, все то, что своими глазами они видели.

О черноризцѣ Пафнотѣ

Видѣхомъ и мѣсто Пафнотово, мужа велика и добра дѣла исполненъ, иже преже малымъ временемъ скончася въ странахъ Ираклиовахъ Фиваиды. О нем же мнози многа сповѣдаху.

И по многихъ трудѣхъ моляше Бога: «кихъ святыхъ подобенъ есмь». Аньгил же явився ему, рече: «Подобенъ еси того свирца, иже во градѣ живеть». Он же съ тыщаниемъ устремився к нему, вопрошаше от него жизни его и дѣла ему испыташе. Он же рече к нему, еже и бѣаше истинна, грѣшника и пьяницу и блудника сам ся повѣдаше, но зѣло давно от разбойничества на се пришедше. Пытающу же от него, что доброе си когда управиль, рече к нему: «Ничтоже добра себѣ свѣдѣ. Развѣ, яко иногда в разбойничествѣмъ дѣлѣ сыи, дѣву Христову хотящемъ разбойникомъ оплазити, отъях и нощию до веси проводих. Иногда же паки жену обрѣтох зело лѣпу, блудящу по пустыни, гониму от княжѣ мужѣ долга ради мужа своего. И плачущуся обрѣтъ, вопрошах от неа плачю тому вины. Она же рече: „Ничтоже мене ни въпрашаи, владыко, не пытаи мене, окаану, но аки рабу свою поим, аможе хоцещи, веде. Мужу моему многажды биену бывшую по двѣ лѣтъ времени долга ради златникъ 300 и в темници затворену, и любяя моя дѣти тремъ проданомъ бывшемъ, азъ воставши бѣжахъ, мѣсто отъ мѣста преходяще. Нынѣ же по пустыни плаваю, многажды бо обрѣтена бывши и часто биена бывши, и 3 днии имамъ в пустыни не ядущи пребываю“. Азъ же миловавъ ю, веде в пещеру, давъ ей 300 златникъ, до града проводихъ, свободивъ с дѣтми мужа ей».

К тому отвѣща Пафнотъ: «Аз же себе не свѣдѣ ничтоже от сихъ управиша, нѣ о трудѣхъ черноризскихъ, обаче слышалъ мя еси славна суща, не бо лѣностию свою жизнь проводихомъ. Мне убо о тебѣ Богъ откры, яко ничимъ же хуже еси мене о управлениихъ. И аще убо немало слово, брате, о тебе Божеству бываетъ, не преобиди душа своя».

Он же повергъ абие свирѣли и, пѣсни свирѣльныя на духовныя пѣсни преложивъ, въ слѣдъ его в пустыню поиде. Три же лѣта бывъ, трудився, и въ пѣсняхъ и въ молитвахъ свою жизнь скончавъ. К небесному житию слашеся, святыхъ ликъ и чиновъ праведныхъ вѣчтенъ бывъ, почи.

Да яко убо оногo трудившася добръ къ Богу препроводи, преложе себѣ болша жития, паче первыхъ. И вопрошаше Бога паки явити ему, кихъ святыхъ естъ подобенъ. И паки гласъ Божий бысть к нему, глаголя: «Подобенъ еси ближняя веси старѣйшине». Он же вскорѣ к нему прииде и абие ударившу ему во врата, изиде онъ, по обычаю своему странныя приемля. Измыв же нозѣ ему и поставивъ трапезу, повелѣ ему вкусити. Въпрашающу же дѣла ему и глаголющу: «Человѣче, свою жизнь исповежь ми, много бо черноризецъ, якоже ми обличилъ Богъ, прѣходиши». Он же глаголаше грѣшныя себе суща, не достойна имене черноризскоу. Да якоже

О черноризце Пафнутии

Видели мы и (монастырь) Пафнутия, человека великого и добродетельного, который недавно скончался в окрестности Гераклеополя в Фиваиде. О нем многие много рассказывали.

После многих трудов он попросил Бога (указать): «кому из святых я подобен». Ангел явился ему и сказал: «Подобен ты тому свирельнику, который в городе живет». Поспешно он отправился к нему, расспрашивал его о его жизни и какие он сделал дела. Тот же сказал ему, что и было правдой, что он грешник, пьяница и блудник, — так о себе рассказывал, — не так давно пришел на это из разбойничества. На расспросы о том, сделал ли он когда что-нибудь доброе, он ответил ему: «Никакого добра за собой не знаю. Кроме как, когда я был разбойником, тогда монахиню хотели разбойники оскорбить, я отнял (ее) и ночью до села проводил. Однажды еще женщину встретил очень красивую, бродившую по пустыни, преследуемую людьми сановника из-за долга мужа своего. Найдя ее в слезах, спросил я у нее о причине тех слез. И она ответила: „Не расспрашивай ни о чем меня, господин, не спрашивай, окаянную, но, как рабу свою возьми и куда хочешь уведи. После того как мужа моего много били в течение двух лет из-за долга в триста златников и посадили в тюрьму, а любимых моих троих детей продали в рабство, я встала и убежала, скитаясь с места на место. Теперь по пустыни брожу, много раз я была схвачена, часто меня били, а (последние) три дня хожу по пустыни голодная“. Я пожалел ее, привел в пещеру, дав ей триста златников, до города проводил, освободив мужа с детьми ее».

Ему отвечал Пафнутий: «Я за собой не знаю ничего, что было бы подобно (этим делам), но в трудах черноризческих, — полагаю, ты слышал как славно мое имя, — ибо не в лени жизнь свою проводим. Однако Бог открыл мне о тебе, что ты ничем не хуже меня по (своим) заслугам. И, если великое слово за тебя, брат, сказано Богом, не забывай о душе своей».

Тот же бросил тотчас свирель и, песни свирельные на духовные заменив, вслед за ним в пустыню отправился. В течение трех лет трудился и в песнопениях и молитвах закончил свою жизнь. К небесному житию отправленный, он почил и был причтен к сонму святых и чинам праведных.

После того как (Пафнутий) этого достойно трудившегося к Богу проводил, он предался еще большим подвигам, чем прежде. И снова спросил он Бога явить ему, кому из святых он подобен. И опять голос Божий был к нему, произнесший: «Подобен ты старейшине ближайшего селения». Он же сразу пришел к нему и, как только постучал в ворота, вышел тот, чтобы по своему обыкновению принять странников. Омыв ноги ему и поставив (перед ним) трапезу, предложил он ему попробовать. Когда (Пафнутий) стал расспрашивать о его делах, говоря: «Человек, расскажи о своей мне жизни, ибо ты многих черноризцев, как мне открыл Бог, превосходишь». Он же назвал себя грешни-

пребываше онъ вопрошая, отвѣща чловѣкъ, глаголя: «Азъ же не имѣхъ нужею своя дѣло исповѣдати, елмаже от Бога глаголеши пришедшу ти, еже при мнѣ исповѣдаю ти.

Мнѣ же уже тридесате си есть лѣто, отколѣ сам ся от подружия отлучих. Четыри точию лѣта с нею живѣ и три от нея сыны сътворивѣ иже на потребу мою служить ми. Не престах любя странники до днешняго. Не имать похвалитися кто, токмо самъ преже мене, странники примѣ тѣама рукама из моего двора. Не презрѣхъ убога отпадша, не подавъ ему доволна утѣшения. Не лицемѣрь бых чаду своему в судѣ. Не влѣзоша в домъ мои плоди туждии. Не бысть сваръ, егоже не умирихъ. Не похули ничтоже презрѣ дѣлѣ дѣтей моих. Не прикоснушася туждихъ плодовъ моя стада. Не осяхъ преже своих нивъ, но вѣмъ я обща положих останки осяхъ. Не дахъ силному нища обидѣти. Ни опечалих никогоже въ жизни своей, ни суть кривины на когождо когда изнесох. Сия Богу хотящу, се вѣдѣ себе сътворена».

Слышавъ же Пафнотъ мужа сего добродѣяние, главу лобызааше, глаголя ему: «Благовѣститъ тя Господь от Сиона и удивиша благая Иерусалима.* Добръ бо се управи, едина ти недостала есть добрыхъ дѣлесъ главизна — премудры о Бозѣ разум. Егоже не имаши мощи без болѣзни стяжати, аще не себе с миромъ отмѣта вся, вземъ крестъ, вѣслѣдъ Спасителя поидеши». Он же се яко услыша, абие ни къ своимъ ся съвѣща, идяше вѣслѣдъ мужа под гору.

ком, недостойным имени черноризца. Но, поскольку тот продолжал расспрашивать, человек ответил: «Я бы не хотел о себе рассказывать, но, если, как ты говоришь, пришел (по велению) Бога, я тебе расскажу о себе.

Вот уже тридцать лет, как я сам отказался от жены, четыре только года с нею прожив и поимев от нее троих сыновей, которые по необходимости помогают мне. Не переставал любить странников и до сегодняшнего дня. Никто не похвалится, что только он (и) раньше меня странников принимал заботливыми руками из моего двора. Я не отверг падшего убогого, не подав ему необходимого утешения. Не взирая на лицо, не нарушал правосудия (даже) ради сына своего. Не проникали в мой дом плоды чужих трудов. Не было ссоры, которую бы я ни усмирил. Никто не бранил (или) презирал труды детей моих. Не прикоснулись к чужим посевам мои стада. Не заседал я свои поля прежде, чем другие, но заседал оставшиеся земли. Не давал обидеть сильному бедного. Никого не огорчил в жизни своей, никогда не возводил неправду на кого-либо. Коли Бог этого хочет, рассказал я (тебе), что я это делал».

Услышав о добрых делах этого человека, Пафнутий поцеловал его в голову, говоря ему: «Благовестит о тебе Господь с Сиона и узришь благое Иерусалима. Ибо ты хорошо все это делал, но тебе недостает одной от хороших дел части — глубокого познания Бога. Этого не сможешь безболезненно достигнуть, если не отметишь от себя все мирское и, взяв крест, не пойдешь вслед за Спасителем». Тот, как это услышал, сразу, не посоветовавшись с близкими, ушел за (Пафнутием) под гору.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Единъ отъць повѣда шьдъшемъ намъ въ Фиваиду,* яко старьць сѣдѣше вънѣ града Антинъ Великий, сътворивъ въ клѣтъцѣ своей лѣтъ 60. И имѣше же ученикъ 10 и единого же имѣше зѣло лѣнящася. Старьць же многашьды учае и, глаголя и моляше и: «Брате, съмотри своей души, умерети имѣши и въ муку ити!» Братъ же въину прѣслушаше старьца, не приемля глаголемыхъ от него. Прилучи же ся нѣ по комъ лѣтъ умерети брату. Многo же печалова о немъ старьць, *вѣдѣше* бо, яко въ мнозѣ унынии и лѣности изиде отъ мира сего. И нача старьць молити и глаголати: «Господи Исусе Христе, истинный Боже нашъ! Яви ми яже о души братъни». И се узрѣ въ мьчѣтъ и яко въ вѣстързѣ бывъ, видѣ рѣку огню и множество въ томъ огни, и посредѣ брата, погружена до выѣ. Тогда глагола ему старьць: «Не сея ли муки дѣля моляхъ тя, да посмотриши своей души, чадо?» Отъвѣща братъ и рече старьцю: «Благодарствую Бога, отче, яко понѣ глава ми отъраду имѣтъ: тако ми молитвы твоя на врьсѣ епискупу стою!»

Слово 98

И се съказа нѣ тѣ же Паладий глаголя, яко: Слышахъ повѣдающую нѣкому кораблю старѣйшинѣ таково, яко «единою пловущю мнѣ, имѣхъ въсядьники мужа и жены. И пришьдѣше на пучину, — и въсѣмъ добрѣ пловущемъ: овѣмъ въ Костянтинѣ градѣ, овѣмъ въ Александрию,* другимъ же другоямо, вѣтру же не напокосъ сущю имъ плути. И прѣбыхомъ дѣний пять, не поступающе отъ мѣста идеже бѣхомъ. Бѣхомъ же въ мнозѣ сътужении и недомышлении: чѣто се убо естъ. Азъ же, яко *въ снѣ*, навѣклирѣ, имы печаль о корабли, и иже суть въ немъ вси, начяхъ ся молити Богу о томъ. И единою приде ми гласъ невидимо глаголя: „Съврѣзи Марию долу, да и стройно ти ся поплövetь!” Азъ же помышляхъ, реки: „Чѣто се си убо будетъ? Кто естъ Мария?” Ти, якоже себе недомысляхъ о семъ, паки приде ми гласъ, реки: „Глаголахъ ти, съврѣзи Марию долу, и гонезнете!” Тогда азъ умыслихъ сице и възвахъ напрасно, вельми реки: „Мария!” Она же възлежаше на постели своей, да и озѣва ся рекущи: „Чѣто велиши, господи?” Тогда рѣхъ ей: „Сътвори любовь, доиди съде”. Она же въставѣши приде, и яко приде, поимъ ю и отведохъ одну и рѣхъ ей: „Видиши ли, сестро Марие, каки грѣхы имамъ азъ, и мене ради вси имате погыбнути”. Она же, вельми въздѣхнувши, рече: „По истинѣ, господи науклире, азъ есмь грѣшница”. Паки же азъ къ ней рѣхъ: „Жено, кыя грѣхы имѣши?” Она же рече: „Лютѣ мнѣ, яко нѣстъ грѣха, егоже нѣсмь не сътворила; и моихъ ради грѣхъ вси имате погыбнути”. Таче по томъ рече, съповѣда ми жена, сице рекущи: „По истинѣ, господи науклире, азъ оканна и зѣлогрѣшна! Мужа имѣхъ и дѣва дѣтища, пѣрвый девяти лѣтъ, а други — пятию. Таче по

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Когда мы шли в Фиваиду, один святой отец рассказал нам о старце Антине Великом, который, сделав маленькую келью, жил в ней за городом шестьдесят лет. Было у него десять учеников, а один из них — очень ленивый. Много раз старец выговаривал ему, и поучал его, и умолял: «Брат, позаботься о своей душе, ведь умрешь — и на мучение идти!» Брат же всегда ослушивался старца, не принимая сказанного им. Случилось же в каком-то году умереть брату. Много печалился о нем старец, зная, что в великой беспечности и лености ушел тот из мира сего. И начал старец молиться и просить: «Господи, Иисус Христос, истинный Бог наш! Дай мне увидеть душу брата». И вот взглянул в воображении, как будто в забытии будучи, и увидел реку огненную, и много в ней пламени, а посредине брата, погруженного по шею. Тогда сказал ему старец: «Не этой ли муки ради молил я тебя позаботиться о душе своей, чадо?» Отвечал брат, сказав старцу: «Слава Богу, отче, что, по крайней мере, голова моя в покое находится: так по молитвам твоим на голове епископа стою!»

Слово 98

И вот рассказал нам тот же Палладий, говоря: Слышал я, как поведал начальник одного корабля следующее: «Когда плыл я однажды, были со мною спутники, мужчины и женщины. Как вышли в открытое море — все благополучно плыли: те в Константинополь, те в Александрию, другие же в иное место, хотя ветер и не был им благоприятен. Мы же простояли дней пять, не сходя с места, где были. Впали мы в большую скорбь и в недоумение: что же это такое? Я же, начальник, как в сновидении, озабоченный кораблем и теми, кто на нем, начал молиться Богу об этом. И однажды раздался голос, невидимо говорящий: „Сбрось Марию в море, и свободно тебе поплывется!“ Я же поразмыслил, сказав: „Так что же это будет? Кто такая Мария?“ И, так как я не понял этого, снова раздался голос, говоривший: „Сказал я тебе: сбрось Марию в море, и спасетесь!“ Тогда понял я наконец и воскликнул внезапно, громко сказав: „Мария!“ Она же лежала на постели своей, да и откликнулась, говоря: „Что хочешь, господин?“ Тогда сказал я ей: „Сделай милость, подойди сюда“. Она же, встав, подошла, а как подошла, взял ее, и отвел одну в сторону, и сказал ей: „Видишь ли, сестра Мария, какие на мне грехи, из-за меня и все можете погибнуть“. Она же, сильно вздохнув, сказала: „Действительно, господин кормчий, я грешница“. И снова я ей сказал: „Женщина, какие на тебе грехи?“ Она же ответила: „Горе мне, ибо нет греха, которого я бы не сотворила; и моих ради грехов все вы погибнете“. И после этого раскрыла и поведала мне женщина, так говоря: „Действительно, господин кормчий, я несчастная и злострашная! Был у меня муж и двое детей, первый девяти лет, а второй — около

томъ умьре мужъ мой. Живяше же въскрай мене воинъ, да хотѣхъ да бы мя поялъ женѣ, и посълахъ къ нему нѣкого. Воинъ же рече: «Не поиму жены, имуща дѣтий отъ иного мужа!» Тогда азъ яко то слышахъ, яко не хочеть меня пояти дѣтий дѣля, къ тому же и любящи и, заклахъ дѣтища своя оба, оканная, и вѣсть ему посълахъ рекущи: «Не имамъ уже дѣтища, ни единого». Яко то слыша воинъ тѣ, о дѣтищю тою, еже есмь сѣтворила, рече: «Живѣ Господь, живый на небеси! — яко не поиму ея». Да тѣмъ убоявъшися, еда се увѣдятъ и уморять мя, да тѣмъ бѣжахъ». Се слышавъ азъ отъ жены тоя, и тако не рачихъ ея вѣврещи въ пучину морьскую, нѣ сице умыслихъ рече и рѣхъ ей: „Се азъ прѣбываю въ корабли, да вѣси убо жено: аще не поидеть корабль, — то мои грѣси дръжать корабль”, — таче възъвахъ корабльнигы утрѣнии корабль. Яко же сѣнидохъ въ кораблицѣ, то не бы ничьсоже не поступи, ни великый корабль не поступи. Тогда вѣлѣзъ въ великый корабль, глаголахъ женѣ: „Сѣниди ты въ кораблицѣ”, она же сѣниде.

И егда же тѣчию сѣниде та, абие кораблицѣ нѣ до пятишьды обрѣтѣвъ ся, стрѣмо дѣну иде и погрязе; великый же корабль поплу стройно, и трѣми дѣньми по немъ прѣидохомъ пловуще, еже быхомъ прѣшли и 15 дѣний».

Слово 99

Азъ же и господь мой Софроний* идоховъ въ домъ философа Стефана да прѣбудемъ: бѣ же пладѣнуя. Живяше же идуще къ Святѣй Богородици, юже сѣзѣда блажены папа Еулогий* на вѣстоки великаго Тетрафола.* Якоже възклепаховъ въ домъ философа, приниче дѣвица, глаголющи нама: «Възлѣжить, нѣ мало потѣрпита». Тогда глаголахъ господи моему Софронию: «Поидивъ къ Тетрафолу, да ту прѣбудевъ». Есть же мѣсто Тетрафола зѣло чѣстимо отъ александрѣнъ, глаголють бо, яко мощи пророка Иеремия* отъ Егупта възъмъ, Александръ зиждитель*, ту я положи. Якоже идоховъ къ Тетрафолу, не обрѣтоховъ никогоже, тѣкмо три слѣпца; полудне бо бѣ. Идоховъ же близъ слѣпца, и сѣ безмлъвиемъ и сѣ млѣчаньемъ сѣдоховъ, имуща кѣнигы наю. Глаголаху бо слѣпцы много, и глагола другъ къ другу: «Воле, ты како бы слѣпъ?» Отвѣща, глаголя: «Корабльникъ бѣхъ, и якоже бѣхъ унѣ, и отъ Африкия пловяхомъ на пучинѣ призрѣхъ ся, и не имы како ся быхъ уцѣлилъ. Бѣлма начяхъ имѣти въ очию моею». Глаголяхъ же и другому слѣпцу: «Ты како же ослѣпе?» Отвѣща и онѣ, глаголя: «Сѣкляничную хытрость бѣхъ имы, и отъ огня истечение ми бысть обѣма очима моима, и ослѣпохъ». Глаголаста же ему и она: «Ты же како бысть слѣпъ?» Отвѣща: «Сушу ми азъ вама глаголю. Егда же бѣхъ унѣ, възненавидѣхъ дѣлати зѣло, быхъ же и не спасенъ. И не имѣхъ, откуда ясти — абие же крадахъ. Въ единъ же отъ дѣнии по сѣтворении моемъ много зѣла, стоящю ми на мѣстѣ, идеже мучать, и видѣхъ мѣртывѣцъ износимъ, добромъ покрѣвена. Идохъ же въ слѣдъ носимааго, да быхъ видѣлъ, кѣде и хотя погрести. Си же доидоша зади святого Иоана Великааго и положиша и въ гробъ

пяти. А потом умер муж мой. Жил же по соседству со мною воин, и захотела я, чтобы взял он меня в жены, и послала к нему кое-кого. Воин же сказал: «Не возьму женщину, у которой дети от другого мужа!» Тогда я как услышала, что не хочет меня брать из-за детей, да к тому же и любя его, убила детей своих обоих, несчастная, и сообщила ему, говоря: «Нет у меня больше ребенка, ни единого». Как услышал то солдат, о детях-то, что я наделала, воскликнул: «Жив Господь, живущий в небесах! — ибо не возьму ее». Потому испугалась я, что узнают и умертвят меня, да так и убежала". Такое услышав от женщины той, не решился я ввергнуть ее в пучину морскую, но так надумал и сказал ей: „Вот я спускаюсь в лодку, так знай же, женщина: если не тронется корабль, значит — не мои грехи держат его", то же сказал и корабельщикам на корабле. Когда же сошел я в лодку, ничего не случилось, корабль не тронулся с места. Поднялся я тогда на корабль, сказал женщине: „Спустись и ты в лодку", и она спустилась.

И как только она спустилась, тотчас лодка, раз пять перевернувшись, стремительно пошла ко дну и затонула, корабль же поплыл быстро, и за три дня пришли мы, плывя на нем, куда нужно было бы плыть пятнадцать дней!»

Слово 99

Я же и господин мой Софроний пошли в дом мудреца Стефана, чтобы побыть там: был уже полдень. Жил же он по дороге к церкви Святой Богородицы, которую создал блаженный папа Евлогий на восток от большого Тетрафола. Когда же постучались мы в дом мудреца, выглянула служанка, говоря нам: «Он еще лежит, немного подождите». Тогда сказал я господину моему Софронию: «Пойдем к Тетрафолу да там и побудем». Тетрафол — место, очень чтимое александрийцами, говорят даже, что мощи пророка Иеремии, в Египте взяв, Александр, основатель города, тут положил. Пока шли мы к Тетрафолу, не встретили никого, только трех слепцов, ибо был полдень. Прошли мы вблизи слепцов и в безмолвии и в молчании сели, раскрыв наши книги. Слепцы же много говорили и расспрашивали друг друга: «Ну-ка, как ты ослеп?» Отвечал один, говоря: «Я был моряком, и, когда был молод, плыли мы от Африки морем, занедужил глазами и не знал, как исцелиться. Бельма появились в глазах моих». И спросил другого слепца: «А ты как ослеп?» Отвечал и тот, говоря: «Был я стеклодувом, и вытекли от огня оба моих глаза, и ослеп я». Спросили они и третьего: «Ты же как ослеп?» Отвечал он: «Раз уж я здесь, то расскажу вам. Будучи юным, очень презирал я работу, потому и не спасся от беды. Не знал я, где достать еды — тотчас же крал. В один из дней, уже наделав много зла, когда стоял я на месте, где казнят, увидел, как выносят мертвеца, богато накрытого. Пошел я вслед покойному, чтоб посмотреть, где его погребут. Итак, зашли они за церковь святого Иоанна Великого, и положили его в склепе, и отошли. Я же, как

и отидоша. Азъ же, яко видѣхъ отшѣдъшея, вълѣзохъ въ гробъ и съвлѣкохъ ии, въ неже бѣ одѣнъ, оставивъ на немъ одну тѣчию поняву. Хотящу же ми излѣсти из гроба, възъмъ много зѣло, зѣлое мое зѣдание глагола ми: „Възьми и поняву его, яко красна есть”. Обратихъ ся, лишеникъ, яко же съвлѣкохъ поневу съ него, да и быхъ нага оставилъ, въздвигъ ся сѣде прѣдъ мною мъртвьць, и, простѣръ обѣ руцѣ свои на мя, пѣрсты своими одѣра лице мое и изятъ обѣ очи мои. Тогда азъ, лишеникъ, оставивъ всѣя, съ многою бѣдою и скръбью изидохъ отъ гроба. Се повѣдахъ вамъ и азъ, какъ быхъ слѣпъ». Се слышавъшема нама, поману ми Софроний и отидоховъ отъ нихъ, и глагола ми: «Воле, господи и авва Иоаний, не съдѣивъ дньсь зѣла, вельми бо пользу обрѣтоховъ», пользу же примѣша, напѣсаховъ, да и вы пользу примете, яко никътоже творя зѣло утантъ ся Бога.

Слово 119

Тъ же отъць нашъ Георгий архимандритъ повѣдаше намъ о аввѣ Иулианѣ, глаголя: бывъшимъ епискупъ Вострѣнемъ.* Яко егда ити ему отъ монастыря и быти епискупу въ Вьстрѣнѣхъ, нѣкыя богатины того же града, ненавистьници, въсхотѣша отравами погубити и. И прѣглаголаша чъваньчию его, имѣние даюшу, и даша ему съмъртно, да чъванующу митрополиту, вължеть отраву въ чашю его. Отрокъ же яко наученъ бысть, тако сътвори, и, придавъ чашю, отрокъ божьствъному Иулиану отраву възять. И отъ Бога разумѣвъ свѣту, иже сътвориша, възъмъ чашю, постави ю предъ собою, ничѣсже рѣхъ бѣхъма отрочищу и, пустивъ, призва богатины, въ ни же бѣша и иже на нь свѣтъ сътвориша. Божьствъный же Иулианъ, не хотя обличити сътворѣшихъ, кроткѣ глагола въсѣмъ: «Аще мнѣните съмѣренаго Иулиана отравлениемъ уморити, се предъ всѣми вами испиваю». И знаменавъ тришѣды чашю прѣсты своими и, рекъ: «Въ имя Отца и Сына и Святого Духа испиваю сию чашю», и предъ всѣми испивъ ю, — безъ врѣждения пребысть. И, видѣвъше, поклонѣша ся ему до земли.

Слово 134

Яко отъ единого попьрища* святого Иердана рѣкы лавра есть, авва Герасима нарицаема.* Въ ту лаврю прѣходящемъ намъ повѣдаша сѣдящи ту старьци о аввѣ Герасимѣ, яко ходя единою по блату святого Иердана, усърѣте и львъ, зѣло рыдая отъ ноги своея; имяше бо трѣстяну трѣску, унѣзъшу ему. Яко отъ сего отечи ему нозѣ и плѣнъ гноя быти. Якоже узърѣ львъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвѣна отъ унѣзъшая порѣзи, плача ся яко и нѣчсо и моля ся ему, исцѣленъ отъ него быти. Якоже видѣ и старьць въ такой бѣдѣ, сѣдъ и имъ и за ногу и роздвигъ мѣсто, изъя трѣсть съ многомъ гномъ. И, добрѣ очистивъ струпъ и обвязавъ платомъ, пусти и. Львъ же ицѣленъ по семь не оста старьца, нѣ яко свой ученикъ, яможе идяше ему, яко чюдѣтися

увидел ушедших, влез в гробницу и снял одежду, в которую был тот одет, оставив на нем одно лишь покрывало. Когда же хотел я покинуть склеп, взяв уже очень много, злое мое естество подсказало мне: „Возьми и покрывало его, уж очень красиво”. Повернулся я, несчастный, и лишь только снял с него погребальное покрывало, оставляя его нагим, как, поднявшись, сел предо мною мертвец и простер обе руки свои ко мне, пальцами оцарапал мне лицо и выдрал оба глаза мои. Тогда я, несчастный, оставив все, в великой беде и печали вышел из склепа. Вот рассказал я вам, как и я ослеп». Когда мы услышали это, поманил меня Софроний, и отошли мы от них, и сказал мне: «Ну-ка, господин и отец Иоанн, не совершим же сегодня недоброго, ибо большое благо сыскали»; пользу же получив, записали, чтобы и вы это восприняли: никто из творящих зло не утаится от Бога.

Слово 119

Тот же отец наш, Георгий-архимандрит, поведал нам об отце Юлиане, рассказав, как был он епископом в Востренах. Когда пришлось идти ему из монастыря, чтобы стать епископом в Востренах, некие вельможи этого города, недоброжелатели, захотели отравой погубить его. И подговорили виночерпия его, посулив мзду, и дали тому яд, чтобы, прислуживая митрополиту, всыпал отраву в чашу его. Слуга, как научен был, так и сделал, и, положив в чашу, слуга божественному Юлиану отраву поднес. Но от Бога постигнув заговор, который содеяли, взяв чашу, поставил Юлиан ее пред собою, совершенно ничего не сказал слуге и, послав, призвал он вельмож, среди них и тех, которые на него устроили заговор. Божественный Юлиан, не желая обличать заговорщиков, кротко сказал всем: «Коли надеетесь смиренного Юлиана уничтожить отравой, вот перед всеми вами и пью». И перекрестив трижды чашу перстами своими, и сказав: «Во имя Отца и Сына и Духа Святого пью эту чашу», и выпив ее перед всеми, — остался он невредим. И видевшие это поклонились ему до земли.

Слово 134

В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана, и встретил его лев, громко ревавший из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел лев старца, показал ему лапу, пораненную вонзившейся занозой, плача и как бы умоляя его исцелить. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился

старьцю, толику разуму звѣри, и прочее. Оттолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбъ и мочена сочива. Имяше же та лавра одинъ осьль, на немъже приношааше воду въ потрѣбу отъцемъ святого Иердана, отнюдуже пиють воду; отстоять же от лавры рѣка попьрище едино. Обычай же имяху старьци даяти льву, да ходитъ и пасеть и по краю святого Иердана. Одиною же пасомъ осьль отъ льва, отиде отъ него не маломъ отшъствиємъ. И се мужъ съ вельблуды отъ Аравия идыи обрѣтъ и поятъ и въ своя си. Львъ же, погубивъ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхлѣ къ авва Герасиму. Мъняше же авва Герасимъ, яко изѣлъ есть осьла львъ, глаголя ему: «Кѣде есть осьль?» Съ же, яко чловѣкъ, стояше млъчя и долу зѣря. Глаголя ему старьць: «Изѣлъ ли и еси? Благословенъ Господь, еже творяше осьль, отселѣ тебѣ есть творити». Отътолѣ же мльвльшю старьцю ношаше канпилий комърогы имущъ четьри и приношаше воды. Приде же одиною воинъ молитвы дѣля къ старьцю и, видѣвъ льва, носяща воду и увѣдѣвъ вину, помилова ѿ, и, вынѣмъ три златѣники, дасть старьцемъ, да купятъ осьль въ потрѣбу себѣ и свободятъ отъ таковыя работы льва. Вельблудникъ же, иже бѣ осьла поялъ, идяше паки пышениця продаять въ святой градъ, имы осьль съ собою. И прѣшдѣ святого Иердана, усърѣте ся по сълучаю съ львомъ, и видѣвъ и, оставивъ вельблуды, бѣжа. Львъ же, познавъ осьль, тече к нему и усты имъ и, якоже бѣ обыклъ, ведяше и съ трѣми вельблуды, радуя ся въкупѣ и зовы, яко осьла, егоже погуби, обрѣтъ, приведе и къ старьцю. Старьць бо мъняше, яко львъ изѣлъ осьла. Тогда старьць, увѣдѣвъ, яко облъганъ бысть львъ, положи же имя льву Иерданъ. Сътвори же въ лаврѣ львъ вяше пяти лѣтъ, не отлучая ся отъ него присно. Егда же къ Господу приде авва Герасимъ и отъци погребены бысть, по съмотрению Божию львъ не обрѣте ся въ лаврѣ. По семь же мало приде львъ въ лавру и искаше старьца своего. Авва же Севатий киликъ,* ученикъ авва Герасима, видѣвъ и, глаголаше ему: «Иердане, старьць нашъ остави насъ, сиры, и къ Господу изиде, — нѣ възми ѣждѣ». Львъ же ѣсти не хотяше и начать стоя очима своимъ сѣмо и онамо чясто възирати, ища старьца своего, рикая вельми и не трпя отъчаяти ся. Авва же Севатий и прочии старьци, глядяше и по хрѣбту, глаголаху: «Отиде старьць къ Господу, оставивъ ны». Ни тако имъ глаголюще къ нему, не можяху его отъ въпля и от рыдания устави. Нѣ елико же мъняху его словомъ утѣшити и прѣмѣняти, толико же онъ паче рыдаше и въпля больша двизаше, и рыданию притваряше, показая гласы и измѣнѹя гласы, — и лицѣмъ, и очима печаль, юже имяше, не видя старьца. Тогда глаголя ему авва Севатий: «Поиди съ мною, понеже не имеши намъ вѣры, и покажю ти, кѣде лежить нашъ старьць». И поимъ веде и, идеже бѣша погребли его. Отстояше же отъ церкви полъ попьрища. Ставъ же авва Севатий врѣху гроба авва Герасима, глаголя льву: «Се старьць нашъ съде погребенъ бысть». И прѣклони колѣнъ авва Саватий врѣху гроба старьча. Якоже слыша львъ и видѣ, како поклони ся авва Саватий врѣху гроба и плакаше ся, поклони ся и съ, и, ударяя главою о землю зѣло и ревы. И тако абие скоро

старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его ты? Благословен Господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду. Пришел же однажды воин к старцу молиться и увидел льва, носящего воду, а узнав причину, сжалился над ним и, вынув три золотых, дал старцам, чтобы купили осла для своих надобностей и освободили бы от такой работы льва. Владелец же верблюдов, который похитил осла, вновь возвращался, чтобы продать пшеницу в святом граде, и осел был при нем. Перейдя святой Иордан, случайно тот встретился с львом: увидел его и, оставив верблюдов, бежал. Лев, признавши осла, помчался к нему и, взяв его пастью за холку, как делал обычно, привел — с тремя верблюдами, одновременно и радуясь, и возглаголющая, что осла, которого потерял, отыскав, привел к старцу. Старец же думал, что лев съел осла. Тогда старец, узнав, что оболган был лев, дал имя льву Иордан. Находился же в лавре лев свыше пяти лет, не отлучаясь из нее никогда. Когда же к Богу отправился отец Герасим и погребен был отцами, по Божьему усмотрению не было в лавре льва. Немного спустя вернулся он в лавру и искал старца своего. Отец Севатий, ученик отца Герасима, киликиец, увидя его, сказал: «Иордане! Старец наш оставил нас, сирот, и отправился к Господу, — но возьми и поешь!» Лев же есть не хотел и начал, стоя, глазами своими туда и сюда часто поводить, ища старца своего, громко рыча, но не теряя надежды. Отец же Севатий и прочие старцы, глядя его по спине, говорили: «Отошел старец к Господу, оставив нас». Но хотя ему так они говорили, не могли его от воплей и рыдания отвратить. Только думали его словом утешить и успокоить, как он лишь пуще рыдал, и вопли сильнее выпускал, и стоны издавал, перемежая их криками, — и мордой, и глазами выражая печаль, какую испытывал, не видя старца. Тогда сказал ему отец Севатий: «Пойди со мною, потому что не веришь нам, и покажу тебе, где лежит наш старец». И взяв, повел его туда, где того погребли. Находилось это от церкви за полпоприща. Став над могилой отца Герасима, отец Севатий сказал льву: «Вот, старец наш здесь погребен был». И преклонил колени отец Севатий над гробом старца. Лишь услышал лев и увидел, как склонился отец Севатий над гробом, оплакивая, наклонился и он, сильно ударяя головою о землю и ревя. И так очень скоро умер над гробом. Все это было с бессловесной душой, как

умреть врѣху гроба. Се же все бысть не яко душу словесьну имѣюща, нѣ яко Богу хотящу славящимъ его прославити не тъкмо въ житии семь, нѣ и по съмрѣти, и показати намъ, како повинование имяху звѣрие къ Адаму прѣжде ослушания его заповѣди и еже въ породѣ пища.

Слово 148

Повѣда намъ авва Данилъ старьць отъ Егупта, глаголя, яко възиде старьць одиною въ Терфинѣ рукодѣлания своего продаять. Уноша же нѣкъто моляше старьца, глаголя: «Бога дѣля, калогере, поиде въ домъ мой и сътвори надъ женою моею молитву, зане неплоды естъ». Старьць же, понуженъ отъ уноша, иде въ домъ его, и сътвори молитву женѣ его. И Богу въсхотѣвъшу имяше жена въ чревѣ. Нѣции же мужи, не бояще ся Бога, начяша облъгати старьца, и глаголати, яко уноша бещаднѣ естъ, нѣ отъ авва Данила брежа естъ жена. Приде же слухъ къ старьцю и възвѣсти старьць мужю жены: «Яко егда родить жена твоя, възвѣсти ми». Егда же роди жена, възвѣсти ему уноша въ skutъ реки: «Бога дѣля и молитвъ твоихъ, отъче, дѣтищъ ны ся роди». Тогда авва Данилъ глаголаше къ уноши: «Сътвори бракъ крещению и призови родъ твой и другы твоя». И якоже обѣдоваху, възъмъ старьць дѣтищъ въ руцѣ свои предъ всѣми, глагола отрочяти: «Кѣто естъ отъць твой, дѣтищю?» Глагола дѣтищъ тако, показа прѣстомъ ручьнымъ уношю. Бѣ же дѣтищъ дѣни 12.

Слово 234

Глаголаше Саватий реки, яко: «Сѣдохъ въ лаврѣ отъца Фирьмина,* приде разбойникъ къ отъцю Зосимѣ и моляше старьца, реки: „Сътвори любовь Бога ради, имъ же многа убийства сътворилъ, да мя бы чрьноризьца сътворилъ и умлѣкъ быхъ, и осталъ ся своего зѣла”. Старьць же, наказавъ и, сътвори чрьноризьца, давъ ему и образъ. Потомъ же скоро рече старьць: „Ими ми вѣру, чядо, яко съде прѣбывати не можеши, аще бо ты услышитъ кый кѣнязь, то иметь ты и глаголющен на ты побьютъ ты. Нѣ послушай мене и веду ты въ манастирь подалъ отсуду”. И веде и въ Дорофеевъ манастирь въскрай Газы.* И сътвори ту 9 лѣтъ, и навиче Пьсалтырь и весь строй чрьньчьскыи, и паки възиде къ старьцю въ Фирмине мѣсто и рече ему: „Господи, отъче, сътвори въ милость и дажь ми ризы моя мирьскыя, и възьми си чрьноризьчьскыя”. Старьць же съжали си, рече къ нему: „Чѣсо ради, чядо?” Отвѣща ему братъ, реки: „Се, яже вѣси, отъче, 9 лѣтъ имамъ въ манастири, и, елико же моги, алькахъ и въздрѣжахъ ся, и съ вѣсѣмъ млѣчаниемъ и страхомъ Божиимъ жихъ, повиную ся. И вѣдѣ же, яко благыни Его приять мя многымъ моимъ зѣломъ. Обаче вижю присно въ сѣнѣ, въ цркви и яко поиду комѣкати, и въ обѣдници — дѣтищъ глаголющъ ми: „Почто мя еси убилъ?” И ни въ единъ часъ не попуститъ ми. Сего ради убо хощу ити, отъче, да дѣтища ради умьру, безъ ума бо и убихъ”. И, възъмъ ризы, облъкохъ ся въ ня, изиде изъ лавры, и, яко приде къ Диополу граду,* другый дѣнь яша и убиша и».

если бы Бог желал прославить его почитающих не только в сей жизни, но и после смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до послушания им божеской заповеди и до лишения блаженства в раю.

Слово 148

Поведал нам отец Данил, старец из Египта, рассказав, как вышел однажды старец в Терфин, чтобы продать плоды своих трудов. А некий юноша умолял старца, говоря: «Ради Бога, отец, пойдй ко мне в дом, помолись над моею женою, так как бесплодна она». Понуждаемый юношей, старец пошел в его дом, сотворив жене его молитву. И когда Бог пожелал, женщина зачала. Некие же люди, не боясь Бога, начали клеветать на старца и говорить, что юноша бездетен, и от отца Данила беременна его жена. Дошел слух до старца, и попросил старец мужа женщины: «Когда родит твоя жена, сообщи мне». Когда же родила женщина, дал знать ему юноша тайно, говоря: «Благодаря Богу и молитвам твоим, отче, младенец родился у нас». Тогда отец Данил попросил юношу: «Устрой пир в честь крещения, созови твоих родственников и друзей». И во время обеда перед всеми взял старец младенца на руки, спросив его: «Кто здесь отец твой, младенец?» И ответил младенец этот, пальцем руки указав на юношу. Было же ему всего двенадцать дней.

Слово 234

Рассказывал Савватий, говоря: «Был я в лавре отца Фирмина, пришел разбойник к отцу Зосиме и умолял старца, говоря: „Сделай милость Бога ради! Совершил я множество убийств, позволь мне быть монахом, и прекратил бы я, и отстал бы я от своего зла“. Старец же, прочтя ему наставление, поставил его черноризцем, подавая ему пример во всем. Но вскоре же сказал старец: „Верь мне, чадо, что здесь ты оставаться не можешь, ибо если услышит о тебе какой-нибудь правитель, то схватит тебя, и обвиняющие тебя убьют. Но послушай меня: отведу тебя в монастырь, подальше отсюда“. И отвел его в Дорофеев монастырь возле Газы. И провел он тут девять лет, изучил Псалтырь и всю монашескую службу, и снова вернулся к старцу в фирминскую лавру, и сказал ему: „Господи, отче, сделай милость и верни мне одежды мои мирские, возьми себе монашеские“. Старец же опечалился и молвил ему: „Зачем, чадо?“ Отвечал ему брат, говоря: „Вот, как ты знаешь, отче, девять лет я в монастыре, и, насколько мог, я постился и воздерживался, и в полном молчании и в страхе Божьем жил, повинаясь. И познал я, что благодать Его меня приняла со всем моим злом. Однако вижу всегда — и во сне, и в церкви, и как пойду причащаться, и за едой — младенца, спрашивающего меня: «За что ты меня убил?» И ни на один час не отпускает меня. Вот почему и хочу я, отче, идти, чтоб умереть за младенца, ведь я и убил-то его бессмысленно“. И, взяв одежды, облекся в них и покинул лавру, а как пришел в город Диапол, на другой день схватили и убили его».

Слово 258

Глаголаше намъ и се о томъ же *тѣ же* Дионисий прозвутерь, яко одиною хожаше старьць въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села,* еже ему бѣ и пещера. И ходя велика льва узрѣ противу идуща. И идяше путьмъ тѣснѣмъ зѣло межю двѣма ограждениема, якоже е обычай дѣлателемъ огражавати нивы своя, търновъная дрѣва садяще. И толику тѣсноту путь имѣ, яко единому комуждо пѣшему ничѣсо же носящю одѣва проити; понеже отсудѣ тръние бѣ ся сърасло, и неудобь яко хотяше путьмъ минути мимо ходящю ему. Якоже другъ друзѣ приближиста ся старьць же и лвъ, старьць ся увративъ въ распутіе уступити лву: ни за тѣсноту пути лвъ можаше съвратити ся, ни минути ся има бѣ лвъ. Видѣвъ же лвъ, божия угодыника проити хотяща и никакоже обратити ся хотяща, на заднѣю ногу ставъ простѣ ошюю старьца и граждения, и тяжѣствомъ и силою тѣлесною мало пространство сѣтворивъ, бес пакости правѣдному путь сѣтвори. И тако мину старьць, заднѣихъ прикася ся лву, и по миновении его вѣставъ лвъ отъ граждения *своимъ* путьмъ отиде.

Слово 266

Въ самомъ островѣ* повѣда намъ боголюбивая и нищелюбивая Мария, мати Павля канѣдита,* глаголющи, яко: «Егда бѣхъ въ градѣ Нисиви,* бѣ ту жена крѣстьяна, имущи мужа елина. Бѣста же убога, имѣста же сребрѣнницъ великихъ 50. Одиною же рече мужъ женѣ своей, яко: „Дадивъ сребрѣнники сѣя въ заимъ, да понѣ малу утѣху имавъ отъ нихъ. Аще ли по единой изѣмъ я, и не будетъ ихъ“. Отвѣщавъши же жена та добрая, глагола ему: „Аще велиши дати я въ заимъ, прѣдажъ я въ заимъ Богу крѣстьянъску“. Глагола ей мужъ: „То кѣде е Богъ крѣстьянъскъ, да ему давъ въ заимъ?“ Глагола ему жена: „Азъ тобѣ и покажю, аще бо сему даси въ заимъ, не тѣчию не погубиши ихъ, нѣ и лихвы тебѣ подасть, и главѣства усугубитъ“. Онъ же рече ей: „Пойди покажи ми, и дамъ ему въ заимъ“. Она же, поимъши мужа своего, веде и въ цркъвь святую. Имать же цркъ Нисийская* пятера врата великая: якоже въведе и въ врата цркъвьная, иде же сущѣ великыя двѣри, показа ему нищѣя рекъши ему: „Симъ аще подаси, Богъ крѣстьянъ се въземлетъ, всѣ бо сѣ того сущѣ“. Онъ же абие съ радостию подасть *три десяти* сребрѣнницъ убогымъ, и идоста въ домъ свой. По трѣхъ же мѣсяцѣхъ оскудѣвъшема пищама, глагола мужъ женѣ: „Сестро, не хоче ли Богъ крѣстьянъскъ подати нама ничѣсоже отъ длѣга оного?“ Отвѣщавъши же, жена рече ему: „Ей, иди идеже еси положилъ и подасть ти съ всею волею“. Онъ же, теки, иде въ святую цркъвь и бывъ на мѣстѣ, идеже сребрѣнницѣ дасть *убогымъ*; и, похотивъ цркъвь вѣсу, сумняся видѣти, не видѣ никого же, хотяща ему чѣто подати, нѣ тѣчию едины убогыя сѣдяща. Паки мыслящю ему въ себѣ: „Кому рещи? кого истяжетъ?“ — видѣ прѣдъ ногама своимѣ на морморѣ одну сребрѣнницѣ велику лежащю, отъ нихъже бѣ раздавалъ братии. Прѣклонивъ ся, възъмъ ю, иде въ домъ свой и глагола женѣ

Слово 258

Рассказывал нам о том же и тот же Дионисий-пресвитер, как однажды ходил старец по полю Сохусты, где и была его пещера. И, двигаясь, увидел огромного льва, навстречу идущего. А шел он очень узкой дорогой между двумя изгородями, ибо принято было у земледельцев огораживать свои поля, терновые кусты насаживая. Дорожка была настолько узкой, что лишь одному пешему, ничего не несущему, едва пройти, поскольку терновник сильно разросся и нельзя было разминуться при встрече, если кто-то проходил мимо. Когда же сблизились друг с другом старец и лев, старец отклонился на перекрестке, чтобы уступить льву: из-за узости дороги ни лев не мог пройти, ни разминуться им нельзя было. Увидев, что божий угодник хочет пройти и никак не желает возвращаться, лев, доверчиво на задние лапы став слева от старца и изгороди, тяжестью тела и силой образовал небольшой проход, безвредно праведному проделал дорогу. И так прошел старец, к задним ногам прикасаясь льва, а потом и лев, отойдя от изгороди, своим путем пошел.

Слово 266

На острове Самосе поведала нам боголюбивая и нищелюбивая Мария, мать кандидата Павла, говоря: «Когда была я в городе Ниесевии, жила там женщина-христианка, имевшая мужа язычника. Жили же они бедно, но было у них пятьдесят больших сребреников. Однажды сказал муж жене своей: „Отдадим сребреники эти взаймы, по крайней мере какую-то пользу получим от них. А если по одному их истратим, то не станет их вовсе“. Отвечая, та добрая женщина сказала ему: „Если велишь отдать их взаймы, передай их взаймы Богу христианскому“. Сказал ей муж: „Где же тот Бог христианский, чтобы дать ему взаймы?“ Ответила ему жена: „Я тебе покажу его; если же этому дашь ты взаймы, не только не потеряешь деньги, но с процентами тебе их вернет и капитал приумножит“. Он же попросил ее: „Пойди, покажи мне, и дам ему взаймы“. И она, взяв мужа своего, повела его в святую церковь. Есть же в церкви Ниесевийской пять огромных притворов; и как ввела его в притворы церковные, где огромные двери, показала ему нищих, промолвив: „Если этим отдашь, Бог христианский возьмет сие, ибо все они — божьи слуги“. И он тотчас с радостью подал пятьдесят сребреников убогим, и вернулись оба домой. Но через три месяца, как кончилась у них еда, сказал муж жене: „Сестра! Не желает ли Бог христианский вернуть нам что-нибудь из того долга?“ Отвечая, жена сказала ему: „Да! иди туда, где положил, и подаст он тебе с полным желанием“. Он же, торопясь, пришел в святую церковь и стал на месте, где отдал нищим сребреники; и, обойдя всю церковь, усомнился, не видя никого, кто хотел бы подать что-нибудь, одних лишь сидящих нищих. Но лишь снова подумал он про себя: „Кому сказать? с кого требовать?“, как увидел под ногами своими на мраморе один большой сребреник, из тех, что он роздал нищим. Наклонившись и взяв его, вернулся домой и

своей: „Ходихъ въ црькѣвъ вашу, вѣру же ми ими, жено, не видѣхъ, якоже ты ми рече, Богъ крестьяньска, и никтоже ми дасть ничѣтоже, тѣчию сию сребръницу обрѣтохъ, лежащую ту, идеже азъ дахъ 50 сребръникъ”. Тогда рече ему чюдная та жена: „Тѣ есть, иже невидимо тебѣ подасть, невидимъ бо есть и невидимою силою и рукою миръ строить. Нѣ иди, господи мой, купи намъ нѣчто, да ѣмы дньсь, и тѣ паки дасть тебѣ”. Онъ же шѣдъ купи *имѣ* хлѣбы и вина и рыбы и принеся дасть женѣ своей. Она же възъмъши рыбу, начятъ ю омывати и, распоръши ю, обрѣте утрѣ въ ней камыкъ зѣло чюднѣ. Яко женѣ почюдити ся ему, тѣчию не вѣдающе, что есть, обаче съхрани и. Пришѣдъшю же мужю ея, ядущемъ имѣ, показа камыкъ, егоже обрѣте, глаголющи: „Се съ камень обрѣтохъ въ рыбѣ”. Онъ же, видѣвъ, чюди ся добротѣ его, не вѣда же, что есть. Глагола ей *ядѣшемъ* имѣ: „Дажь ми, да продамъ и шѣдъ, аще бо обрящу на немъ что възяти”. Не вѣдаше бо, якоже рѣхъ, что е невѣжа сы. Возъмъ же камыкъ, иде къ трапезьнику, еже есть сребропродавчи: „Хощеш ли купити камыкъ съ?” Видѣвъ же и сребропродавчи, глагола ему: „Что хощеш на немъ възяти?” Глагола ему продай: „Дажь, еже хощеш”. Глагола ему онъ: „Возьми пять сребръникъ”. Продай же, мнѣвъ, яко играетъ ему, глагола ему то: „Даси ли селико на немъ?” Сребропродавчий же сребро, мнѣвъ яко ругаетъся, тако отвѣщавъ, глагола ему: „То възьми 10 сребръницъ”. Продай же мнѣвъ, паки имѣ луковати, умлѣча. Глагола сребродавчи: „Возьми 20 сребръникъ на немъ”; онъ же млѣчаше, ничѣсоже отвѣщавая, яко и до 30 и до четырьдесятъ и до 50 сребръникъ възиде сребропродавчий. Сии хотя дати, клянѣше ся въ истину. Тогда продай, пришѣдъ въ ся, помысливъ, яко аще бы сему не бы велика цѣна была, пятидесятъ сребръникъ не бы далъ на немъ. Начя же паче тяжьчити е, помалу же сребропродавчий възнося дасть ему до три сътъ сребръникъ великъ. И се възъмъ и камень давъ, приде къ женѣ, радуя ся. Она же, видѣвъши, рече ему: „На колицѣ прода?” — мнѣвъши, яко или на пяти, или на 10 мѣдъницъ продасть и. Онъ же изнесъ три съта сребръникъ великъ, дасть ей, рекы: „На толицѣ продано бысть”. Она же челоуѣколюбивуму Богу чюдивъши ся благи, глагола къ нему: „Вижь, мужю, Богъ кръстьяньскъ коль есть благъ, и благоразумливъ, и богатъ. Видиши ли, яко не тѣчию 50 сребръникъ, нѣ и лихву тебѣ далъ есть, въ заимъ ему давъшю, нѣ въ мало днь шестерицю тебѣ дасть. Вѣжь же, яко нѣсть Бога иного на земли и небеси, нѣ тѣ единъ”. Вѣру же имѣ, симъ чюдесемъ и искушениемъ навѣкъ истинѣ бысть кръстьянинъ абие и прослави Христа Бога нашего съ Отьцѣмъ и Святымъ Духомъ, много хвала съмысльство своя жены, ею же бысть ему дано въ истину Бога познати».

Слово 270

Идохомъ въ Аскалонъ,* въ гостиницю отьць, и повѣда намъ авва Евъсевий прозвутерь, яко купецъ града сего, плувъ и погубивъ своя и чюжая,

сказал жене своей: „Ходил я в вашу церковь, поверь мне, жена, не видел я Бога христианского, как ты обещала, и никто мне не дал ничего, только этот сребреник нашел я лежащим там, где сам я роздал пятьдесят сребреников”. Тогда сказала ему та удивительная женщина: „Он есть тот, кто невидимо подал тебе, ибо невидим он и незримою силою и рукою мир созидает. А теперь иди, господин мой, купи нам что-нибудь, чтобы поесть сегодня; он же снова подаст тебе”. Тот же, пойдя, купил хлеба, и вина, и рыбы и, вернувшись, дал жене своей. А она, взяв рыбу, начала ее мыть и, вспоровши ее, нашла внутри рыбы камень, весьма удивительный. Жена лишь подивилась ему, не зная, что это, но сохранила его. Когда же вернулся ее муж, за едой показала она камень, который нашла, говоря: „Вот этот камень нашла я в рыбе”. И он, посмотрев, дивился его красоте, также не зная, что это. После того, как они поели, сказал он: „Дай мне, пойду продам его, может быть, и дадут за него что-нибудь”. Ибо не ведал, как я сказал, этот невежда, что это такое. Взяв камень, пошел он к меняле, который торговал и серебром: „Хочешь ли купить камень этот?” Увидев камень, торговец серебром сказал ему: „Что хочешь за него взять?” Ответил ему продающий: „Дай сколько хочешь”, и ответил ему меняла: „Возьми пять сребреников”. Продающий же, думая, что шутит он над ним, спросил: „Да дашь ли столько за камень?” Торговец же серебром, полагая, что тот так негодует, отвечая, сказал: „Ну, возьми десять сребреников”. Продающий же, решив, что снова над ним смеются, промолчал. Сказал торговец: „Возьми двадцать сребреников за него”; тот снова молчал, ничего не отвечая, пока и до тридцати, и до сорока, и до пятидесяти сребреников не поднял цену торговец серебром. Клялся он, что взаправду хочет так дать. Тогда продающий, придя в себя, подумал, что, если бы камню не была велика цена, пятидесяти сребреников за него бы не дали. Начал он снова наценивать камень и, постепенно цену все увеличивая, дал ему торговец триста больших сребреников. Взяв их и камень отдав, пришел тот к жене своей, радуясь. Она же, увидев это, спросила: „За сколько продал?” — думая, что или за пять, или за десять медных монет продал его. Он же вынул триста больших сребреников, отдал ей, сказав: „За столько продано было”. Та же, человеколюбивого Бога дивясь благости, сказала мужу: „Видишь, муж, Бог христианский сколь благ, и благоразумен, и богат. Видишь ли, что не только пятьдесят сребреников, но с процентами дал тебе, взаймы ему давшему, в малый срок в шесть раз тебе воздал. Знай же, что нет Бога иного на небесах и на земле, но только этот один”. И принял он веру, этим чудом и опытом наученный истине, стал христианином тотчас же и прославил Христа Бога нашего с Отцом и Святым Духом, много похваляя мудрость своей жены, ибо благодаря ей дано было ему воистину Бога познать».

Слово 270

Пришли мы в Аскалон, в гостиницу при лавре, и поведал нам отец Евсевий, священник, как купец из этого города, плывя, потерял и свое, и чужое,

самъ тѣчию спасенъ бысть. Пришьдъ же сѣмо, ятъ бысть отъ давшихъ въ заимъ ему, въсаженъ бысть въ тъмницу и разграбиша домъ ему. И въ нихъ же хожаше жена ему, она же отъ многа сътужения тѣснотою заповѣдь възимааше, да понѣ хлѣбомъ питаетъ мужа. Сѣдящи же ей единою и ѣдуши съ мужьмъ въ тъмници, вѣниде великъ чьстьнъ мужъ — дати хотя благотворьство въсаженнымъ, и, узрѣвъ свободну жену, съ своимъ мужьмъ сѣдящу, упаде ся на ню, бѣ бо красъна зѣло. И възвѣсти ей тъмничьникомъ. Она же съ радостию приде, мѣнящи любвь възяти, и поимъ ю одну, рече ей: «Чѣто ти е и почѣто еси съде?» И повѣда ему все. Глагола ей: «Аще искуплю вы длѣгу, ляжеши ли съ мною въ сию нощь?» Въ истину красъна и сѣмыслъная глагола ему: «Слышахъ, владыко, апостола, глаголюща, яко жена не владеть своимъ тѣлѣмъ, нѣ мужъ. Пожида же, владыко, да въпрошу мужа моего, и, яко же рече, сѣтворю». И пришьдши, повѣда мужю все. Онъ же, плѣнъ сы разума и сѣмотрения своей женѣ не вѣстьща ся, да бы избылъ тъмница, нѣ въздѣхнувъ, съ слъзами рече женѣ своей: «Иди, сестро, отрѣци ся челоуѣкови, и надѣвѣ ся Господи нашемъ Исусѣ Христѣ, яко не оставитъ насъ до коньчины». И вѣставъши отпусти челоуѣка рекъши: «Рѣхъ мужю моему, то не рачи». Въ то же врѣмя бѣ земьникъ въ ту же тъмницу и прѣже *даи*а купчя. И всея сѣблюдаше и слышаше жены и мужа, и въздѣхну, въ себѣ глагола: «Виждь, въ какой напасти сѣ еста, и свободы своея не продаста имѣния дѣля възяти и пушенома быти, нѣ сѣмысльство паче богатства избѣраста и о сѣй жизни не родиста. То чѣто сѣтворю азъ, страстьны, иже николи же въ разумѣ своемъ помянувъ, яко аще Богъ, сего дѣля и разбою быхъ достоинъ». И призывавъ къ себѣ двѣрцами клѣтъца, идеже бѣ въсаженъ, глагола имъ: «Азъ разбойникъ есмь и разбою виньнъ, и въ нѣ же часъ придетъ игемон, умерети имамъ, яко убийца. Видѣвъ же сѣмысльство ваю, сѣмѣрихъ ся. Нѣ идѣта на се мѣсто стѣны градъскыя и, копавъша, възъмѣта имѣние, еже обрящета. Имата и по искупленіи, и ино многаго благословение, и молита за мя, да обрящу и азъ милость». И по дньхъ пришьдъ игемонъ, повелѣ разбойника извести и заповѣда юсѣкнѣти его. И по единомъ дни глагола жена мужю: «Велиши ли, господи мой, да иду, яможе рече разбойникъ? Аще буде истиньствоваль?» Онъ же рече: «Яко ти годѣ». Она же, възъмѣши малу мотычицу вечеръ и, ставъши на мѣстѣ и копавъши, обрѣте грѣньць открьвенъ, и, възъмѣши, иде. И мудростию начѣньши помалу, малы дающи, яко отъ сего и отъ иного приемлуши, искупи ся и изведе мужа своего. И глаголаша повѣдавъ: «Виждь, якоже съхраниста сѣ заповѣдь Господа нашего Исуса Христа, — тако и съ увеличи милость свою на нею».

Слово 271

Повѣдаше намъ Афанасій, иже въ Зимархѣ антиохѣнинъ, глагола о аввѣ Врохатѣ егуптѣнинѣ, яко пришьдъшу ему отъ Егупта въ Селеукия, близъ Антиохія,* обрѣте вѣнъ града мѣсто пусто, искаше себѣ сѣтворити малу

сам лишь спасен был. Вернувшись сюда, схвачен был займодавцами, посажен в темницу, а дом его был разграблен. И в темнице посещала его жена, которая, придя в большую печаль от нужды, испросила разрешения хотя бы хлебом кормить мужа. Сидела она однажды и ела с мужем в темнице, как вошел знатный вельможа, желавший оказать милости узникам, и, увидев свободную женщину, рядом с мужем сидящую, ею увлекся, ибо была она очень красива. И позвал ее через тюремщика. Она же с радостью пришла, думая получить милость, но, оставив ее одну, сказал ей вельможа: «Кто ты и почему здесь?» И поведала ему все. Он предложил: «Если выкуплю ваш долг, ляжешь ли со мною в эту ночь?» Воистину красивая и мудрая ответила ему: «Слышала я, господин, апостол говорил, что жена не владеет своим телом, но муж. Подожди здесь, господин, спрошу я мужа своего и, как он скажет, сделаю». И, вернувшись, рассказала все мужу. Он же, полный рассудительности и заботы о своей жене, не заторопился, чтобы покинуть темницу, но, вздохнув, сказал жене своей: «Иди, сестра, откажи человеку, будем надеяться на Господа нашего Иисуса Христа, не оставит нас до конца». И, вернувшись, отпустила она человека, сказав: «Говорила я это мужу моему, но не согласился он». Тогда же посажен был в ту же темницу разбойник, еще до ареста купца. И все наблюдал он, и слышал жену и мужа, и вздохнул про себя, говоря: «Смотри, в какой беде эти двое, но и свободы своей не отдадут за богатство, чтобы, взяв его, откупиться, предпочитая благоразумие, и за жизнь свою не тревожатся. Что же сделаю я, несчастный, никогда и не вспомнивший, что существует Бог — почему и разбойником стал?!» И подозвал их к себе, позванивая дверцами решетки, за которую посажен был, и сказал им обоим: «Я разбойник и виновен в разбое; сейчас придет начальник, и умру я как убийца. Увидев же благоразумие ваше, смирился я. Так идите на эту сторону городской стены и, выкопав, возьмите сокровище, какое найдете. Хватит и на выкуп, и на другое доброе дело, молитесь и за меня, пусть и я получу прощение». Через несколько дней пришел начальник, велел разбойника вывести и приказал отрубить ему голову. Еще через день сказала жена мужу: «Прикажешь ли, господин мой, идти, куда указал разбойник? Может быть, он и правду сказал». Тот же ответил: «Если тебе угодно». Она же, вечером взяв небольшую мотыгу и став на указанном месте, копая, отыскала спрятанный горшок и, взявши, ушла. Хитроумно начав с малого, давая понемногу, как будто получала от того и иного, выкупила и освободила мужа своего. И добавил рассказчик: «Видишь: сохранили те двое заповедь Господа нашего Иисуса Христа — и преумножил он милость свою на них».

Слово 271

Поведал нам Афанасий, по рождению антиохиянин, говоря об отце Врохате, египтянине, что, когда пришел тот из Египта в Селевкию близ Антиохии, нашел вне города место пустынное и хотел себе построить маленькую

клѣтьцю. И създавъ, не имяше чимъ покрыти ея. И вълѣзъ единоу въ градъ, обрѣте Анатолия, ему же имя грѣбаваго дѣлателя суша, селеуки и антиохи, вѣнѣ дому своего сѣдяща. И пришѣдъ къ нему, глагола ему: «Сътвори любѣвь, владыко, дажь ми мало дръвце, да покрюю клѣтьцю мою». Онъ же вельми съгнѣва ся, глагола ему: «Се дръво, възьми — и иди», — показавъ ему велико древо, еже имѣ прѣдъ домоу своимъ лежаще, еже творяше кораблю на потрѣбу пяти тѣмъ. Глагола ему авва: «Благослови и *възъму* же». Глагола ему Анатолий паки, кручиньствуя: «Благословенъ Бог». Онъ же, възъмъ дръво и възложивъ на плещи свои, иде въ клѣтьцю свою. И чюдивъ ся о прѣславнѣмъ чюдеси Анатолий, дарова ему толико дръво въ потрѣбу, емуже и хотяше. Отъ него же не тѣчию реченую клѣтьцю покрь, но ина мѣногая же въ манастири сътвори отъ него дѣла.

Слово 284

Повѣдаше нѣкто отъ отьць, яко нѣкогда каменѣникъ, егоже наричють кавидаріонъ, имы камень мѣногоцѣннѣ и бисѣръ, възиде въ корабль съ отроки своими, хотя ити на куплю. Прилучи же ся по съмотренію възлюбити отрока нѣкого корабльника, иже творяше ему службу и почиваше. И съ отъ него яды, отъ нихъже ѣдѣше. Въ единъ же дѣнь слышитъ отроки шѣпѣюща, утвѣрдивъшемъ се, да врьгуть кавидара въ море камения дѣля мѣногоцѣннаго. Абие же отроку съ мѣногомъ уныніемъ по обычаю сътворити ему службу, глагола ему: «Чѣто унылъ еси дѣньсь, дѣтищю?» Онъ же потай реки: «Ничѣтоже». Паки же въпрашаше его, глаголя: «Въ истину рѣци ми, чѣто ти есть?» Тѣгда ражѣе ся плачѣмъ и глагола ему, яко: «Тако съвѣтъ сътвориша корабльници на тя». Глагола ему, опасно отѣвѣща *ему* тако: «Утвѣрдиша ся о тебѣ». Тогда призѣва отроки своя и рече имъ: «Еже вы реку сътворите безъ лѣности и безъ размышления нѣкого». Тогда простѣреть поняву и начатъ глаголати имъ: «Принесѣте музикия», — и принесоша. И отвѣръзъ, начя распростирати камения, и егда положиша всѣя, начя тако глаголати: «Се ли е животъ? сихъ ли дѣля бѣду приемлю въ мори и стражю, и по семь умираю, ничѣсоже възъмъ съ собою отъ мира сего?» И глагола отрокомъ своимъ: «Исыплѣте всѣя въ море». И чюдиша ся корабльници, и разиде ся съвѣтъ ихъ.

келью. Построив же, не знал, чем покрыть ее. Однажды вошел он в город и встретил Анатолия, так звали севкийца и антиохийца, гробовщика, который сидел возле дома своего. И, подойдя к нему, сказал: «Сделай милость, господин, дай мне маленькое деревце, чтобы покрыть мою келью». Тот же очень разгневался и крикнул: «Вот дерево, бери — и иди», указав на огромное дерево, перед домом его лежащее, достаточное, чтобы построить корабль для пятидесяти тысяч. Ответил ему святой отец: «Благослови, и возьму». Снова крикнул ему Анатолий язвительно: «Благословен Бог!» Тот же, взяв дерево и возложив на плечи свои, пошел к себе в келью. И дивился преславному чуду Анатолий, подарил ему то дерево на нужды, какие были. Он тем деревом не только помянутую келью покрыл, но и многое другое для монастыря устроил таким поступком.

Слово 284

Поведал некий святой отец, как некогда каменщик, называемый гранильщиком, с драгоценным камнем и бисером взошел на корабль с помощниками своими, собираясь торговать. Случилось же, по предначертанию, что сдружился он с неким слугой корабельщика, который прислуживал ему и отдыхал с ним. И от гранильщика тот кормился, от того, что он ел *(сам)*. Однажды слышит слуга, как шепчутся помощники корабельщика, решившие сбросить гранильщика в море из-за драгоценных камней. И так как в тот день, как обычно исполняя свои обязанности, слуга выглядел очень унылым, то спросил его гранильщик: «Что ты печален сегодня, сын мой?» Тот же тихонько ответил: «Ничего». Снова спросил гранильщик, говоря: «Правду скажи мне, что с тобой?» Тогда разразился он плачем и сказал ему: «Такой заговор устроили корабельщики на тебя». Когда переспросил гранильщик, осторожно ответил ему: «Так решились поступить с тобою». Тогда призвал гранильщик слуг своих и сказал им: «Что скажу вам, исполните быстро и без рассуждения всякого». Расстелил он полотно и приказал им: «Принесите ларцы», — и принесли. И, раскрыв их, начал раскладывать камения, а разложив все, произнес: «Это ли — жизнь? их ли ради несчастье приму я в море и пострадаю, а потом и умру, ничего не взяв с собою из этого мира?» И сказал своим слугам: «Высыпьте все в море!» И дивились корабельщики, и разрушился заговор их.

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

СИА КНИГА ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО И
БЛАЖЕНЬНАГО ОТЦА НАШЕГО АНДРѢА УРОДИВАГО
ХРИСТА РАДИ И ИЖЕ ВЪ СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ЕПИФАНИЯ ПАТРИАРХА КОСТЯНТИНА ГРАДА

Слово пръвое. Како сътворися ему уродъство

Жизнь Богу угодну и житие непорочно мужа добронрава, о возлюблени, хотящю ми исповѣдати, приклоните себе, молюся вамъ, на послушание сихъ. Есть бо си повѣсть якоже *медвену нѣкаку воню* каплющи, масть сладку и велми дивну. Тѣмже уготовитесь всею душею на се насыщение, да болми и азъ самъ подвигнуся на начатъе повѣсти сея и положю пред вами духовныя доблести сего мужа. Есть же слово сего начатъя сие.

При цсарьствѣ христолюбца цсаря Лва Великого* бѣ нѣкто мужъ в Костянтини градѣ именемъ Феогность, иже бѣ протоспафаревымъ саномъ* почтенъ от благовѣрнаго цсаря, егоже по семь воеводу створи на вѣсточныхъ странахъ.*

Се же мужъ многу челядь бѣ имѣя, послѣди же купи и ины многы, в нихже бѣаше и съ, иже ныня поминаемъ бываетъ нашимъ смиренъемъ. Бѣаше же родомъ словѣннинъ.*

Егдаже господинъ его купи сего и съ прочими, се бѣаше младѣи всѣхъ плотнымъ взоромъ и красенъ велми, яко смилитися ему у господина своего велми и прѣд нимъ ему служити орудъя требльшая. Абие же вда его, да ся научить святымъ книгамъ, еще грѣчкы молвити не разумѣющю.

Трѣзвъ же сыи отрокъ умоу своимъ, въскорѣ изучися Псалтыри и числомъ и всему, еликоже учитель его веляше ему, якоже дивитися учителю его скорому его ученью. Не мнящю никомуже, якоже словѣннинъ есть личнаго взора дѣля и душевнаго разума, и плотныя дѣля силы, и доброты дѣля писания его.

Сего дѣля и господин его в нотареву мѣсто нача его водити на всяку потребну службу. Съ всимъ прилежаниемъ и тщаниемъ кончава я, яко милу ему быти господину своему и госпожи своей и от всихъ сущихъ в дому ихъ.

Многы же чти творяше ему Феогность и *даяше ему* от портъ своихъ, в нихже самъ хожаше, видя его всимъ сердцемъ прилежаста на имѣние его, яко видяше его молѣвляху, яко: «Рабъ в лѣпшихъ портѣхъ господина своего ходить».

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

ЭТА КНИГА — О ЖИТИИ И ЖИЗНИ СВЯТОГО И БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО, И СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИЯ, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Слово первое. Как он стал юродивым

О жизни богоугодной и непорочном житии добронравного мужа, дорогие мои, хочу я вам поведать, и потому прошу вас выслушать мой рассказ со вниманием. Ибо повесть эта как бы источает медвяное благоухание, сладкий и дивный елей. Поэтому приготовьтесь всей душой насладиться ею, и это еще более подвигнет меня приступить к началу этой повести и открыть перед вами духовное величие этого мужа. Вот начало рассказа о нем.

В царствование христолюбивого императора Льва Великого жил в Константинополе некий муж по имени Феогност, которому благоверный император пожаловал титул протоспафария и назначил предводителем восточных областей.

Муж сей, имевший многочисленную челядь, купил после этого еще много новых рабов, среди которых был и тот, о ком мы теперь смиренно ведем рассказ. Был он родом славянин.

Когда господин купил его вместе с остальными, он был по виду моложе всех и весьма красив, поэтому господин пожалел его и решил взять его в личное услужение. Тотчас отдал он его, не умевшего еще говорить по-гречески, учиться Святому писанию.

Благодаря ясному уму отрок вскоре обучился Псалтири и счету и всему, чему учил его учитель, так что учитель дивился скорости его успехов. Никто не предполагал в нем славянина, ибо был он пригож лицом, наделен духовным разумом, физической силой и умел красиво писать.

Поэтому господин стал поручать ему выполнение секретарских обязанностей. Он выполнял эту работу со всем прилежанием и тщательностью, за что был любим господином и госпожой и всеми домочадцами.

Феогност оказывал ему большую честь и одаривал своими одеждами, ибо видел, как усердно тот заботится о его имени, так что видевшие его говаривали: «Раб одет лучше своего господина».

Часто же хожаше по церквамъ и любляше прочитати богодуховнѣныя книги, боле же святыхъ мучения и жизни святыхъ отецъ, яко горѣти сердцю его на тѣхъ упованье, на подобие ихъ въставлятися. Особѣ бо вложи собѣ начало добраго житя. Тацѣмъ образомъ Богу нача работати.

Въ едину бо ношъ вѣставъ одра своего, да ся помолить, по подобью рекшому: «Полунощи вѣстаяхъ исповѣдаться Тебѣ».* Завидив же неприязни-выи дѣмонъ добрууму начатю его, пришедъ, нача бити въ двери храмины тоя, в неже уныи прибываше. Оужасъ же ся от страха, остана молитвы и скоро на одрѣ възлегъ, покрыся козичиною своею.* Се же видивъ Сотона, рад бысть и рече, яко к нѣкому подобну себѣ: «Видиши ли сего? Доселѣ тоштетину ялъ,* а уже строиться и съ на ны». И се рекъ, ищезе.

От страха же того усну *твердо блаженни*. Види въ снѣ, яко бѣаше нѣгдѣ на позорищи.* Да бѣше на единой странѣ множество ефиопъ много,* а на друзѣи странѣ множество в бѣлахъ ризахъ и инѣхъ святыхъ мужъ. Бѣаше же межю обою страну рѣць нѣкака о уристанѣи и о борении. Ефиопи бо, черна нѣкого велми велика имѣюще, прошаху у сбора бѣлоризецъ,* нѣ ли никогоже, иже ся бы уристалъ любо брался с чернымъ *симѣ*. Никтоже бо, глаголаху, нигдѣже не може ся ему противити, борѣющюся ему съ многими. Бѣаше бо тысящникъ несятаго легеона Сотонина.

Да якоже онѣ началъ бѣаху хвалитися тако, и блаженому ту стоящю и послушающю, а бѣлоризцемъ не умѣющемъ что отвѣщати, единъ нѣкто уноша велми красенъ слѣзе от горних, в руцѣ держа 3 вѣнца. Да единъ бѣаше украшенъ златомъ чистомъ и каменемъ чѣстнымъ, а вторыи жемцюгомъ великымъ драгымъ блискающимся, а 3-и велми болѣи обою от всякого цвѣта чървьлена и бѣла и от вѣтвия Божия рая исплетена, неувядаемъ николиже. Таку же воню имѣаху, якоже умъ чловецѣскъ не можетъ нарещи.

Се же види Андрѣи, тужаше и торзашеся, кацѣмъ образомъ бы възмогълъ взяти понѣ единъ от вѣнецъ тѣхъ. И приступивъ к тому, иже то бѣаше видиниемъ уноша, рече ему: «Тако ти Христа. Продаеши ли я? Аче бо любо не могу купити ихъ, но аче мало пождеши мене, шедъ, повѣдъ господину своему, да вдасть ти злата, елико хоцещи».

Рече ему уноша, улыскаяся лицемъ: «Ими ми вѣру, възлюблене, яко аще ми принесеши любо и всего сего мира злато, не вдам ти от сего цвѣта ни единого, ни тебе, ни иному никомуже, ни мнимому твоему господину. Не бо суть суетнаго сего мира, якоже ты *мниши*, нѣ си суть от скровищъ прѣнебесныхъ вѣнци Христови, имиже ся вѣнчавають иже черныя оны избивають. Аще ли хоцещи не единого токмо взяти, нѣ и вся три, да шедъ борися съ ефиопомъ онѣмъ чернымъ. Да аще ему удовлѣеши, не едины си, нѣ ины, елико хоцещи, крашѣшя сихъ възмещи у мене».

Он часто ходил по церквам и любил читать священные книги, особенно мучения святых и жития святых отцов, и сердце его горело желанием уподобиться им. И в душе он решил начать праведную жизнь. Таким образом стал служить Богу.

Однажды ночью он встал с постели помолиться, следуя сказавшему: «В полночь встал я исповедаться Тебе». Ненавидя его доброе побуждение, злобный Дьявол, придя, начал громко стучать в двери дома, где находился юноша. Сильно испугавшись, юноша прервал молитву и поспешно лег в постель и укрылся своей козичиной. Увидев это, Сатана возрадовался и сказал как бы своему собрату: «Посмотри на этого. Недавно еще тощую похлебку ел, а туда же готовится бороться с нами». И сказав это, исчез.

После такого испуга блаженный крепко уснул. Во сне он увидел, будто находится словно в каком-то театре. И на одной стороне было огромное множество эфиопов, а на другой стороне — множество белоризцев и других святых мужей. И между обеими сторонами идет спор о состязании в беге и борьбе. Эфиопы, имея на своей стороне некоего черного великана, вопрошают у собравшихся белоризцев, нет ли среди них такого, который состязался бы в беге или вступил в единоборство с этим черным. Ибо, говорили они, он со многими боролся и никто и нигде не может ему противостоять. Ибо это был тысяцкий несытого сатанинского легиона.

И пока они так похвалялись, и блаженный там стоял и слушал, а белоризцы не знали, что отвечать, спустился с высоты прекрасный юноша, держа в руке три венца. Один из них был украшен чистым золотом и драгоценными камнями, а второй сиял крупным дорогим жемчугом, а третий, самый большой, был сплетен из всевозможных красных и белых цветов и неувядающих ветвей Божьего рая. Они испускали такое благоухание, что ум человеческий не в состоянии выразить.

Видя это, Андрей стал тужить и терзаться, как бы ему заполучить хотя бы один из этих венцов. И, подойдя к тому, который был в обличье юноши, сказал ему: «Христа ради, продаешь ли их? Если я не смогу их купить, подожди немного, я схожу к моему господину, и он даст тебе столько золота, сколько пожелаешь».

Юноша ответил ему с улыбкой: «Поверь мне, дорогой мой, что если даже ты принесешь мне золото всего мира, я не отдам тебе ни единого из этих цветков — ни тебе, ни кому другому, ни твоему мнимому господину. Ибо эти венцы не принадлежат этому суетному миру, как тебе кажется, это венцы Христовы из небесных сокровищниц, которыми венчаются те, кто побеждает этих черных. И если ты хочешь получить не один только, но все три, то иди и борись с этим черным эфиопом. И если победишь его, то не только эти, но и другие, лучше этих, какие только пожелаешь, получишь от меня».

Се слышавъ Андрѣи, о словесѣ семь дерзновение взя и рече ему: «Вѣру ими ми, яко створю, елико ми еси реклъ. Толико научи мя клюкамъ его».

И рече к нему уноша: «А ты не вѣси ли клюкъ его? Не ефиопъ ли суть, грознѣ и страшивѣ, немощни? Да не плашися страшнаго его величества и взора. Яко же бо зелье гнило, тако и тои есть изъгниль и немощень».

Сими же словесы укрѣпивъ унаго, примъ его красныи онъ уноша, яко творяся братися с нимъ хотя, учаше его, како ся бы ему противити ефиопу. И рече ему въ ухо: «Егда ты возмет и начнет вертѣти тобою, се бо вѣдъ азъ, нѣ ты не мози ся ужаснути, нѣ запни ему и узриши славу Божию».

И изииде же абѣ блаженни, да ся бореть, и рече великимъ гласомъ: «Иди сѣмо, учѣрнене,* да ся боревѣ оба». Пришед же ефиопъ, дыша и грозяся, *въсхыти* Андрѣа, и нача имъ вѣртѣти на многы часы. И начаша ефиопи плескати, а бѣлоризци поблѣдѣша, мняху бо яко ударить имъ черныи о землю, да ему и оци искочита. Вертим же около Андрѣи, и стрясеся, запя ему ногою. И летящю таковому дѣмону, улучися лбу его на камени и абие нача въпити.

Радость же велика и плесканье велико нача быти бѣлоризцемъ. И въсхытиша праведника на высоту руками своими, възнака начаша его лобызати, мажуще муромъ духовнымъ. Тогда же чернѣи онъ разидошася вси с великомъ студомъ. А красныи онъ уноша вда ему чѣстныя вѣнца и лобзавъ его рече: «Иди с добромъ. Отселъ уже нашъ еси другъ и брат. Теци уже добрыи подвигъ, нагъ буди и похабъ мене дѣля и многа добра причастникъ будеши въ день цѣсарства моего».

Си слышавъ, блаженни от великого того сна убудися и нача дивитися о бывшихъ ему, мнози сущи вонѣ въ устѣхъ его; воняше и лице его яко Божия воня невидимо.

Заутра же приде ко мнѣ недостойному и, дерзнувъ, исповѣда ми бывшее видинье свое. Да подивихся, слышавъ, видинью его. Свѣщახовѣ же ся оба и судиховѣ, да ся прѣтворитъ нынѣ вмѣсто яко бѣшенъ есть, неистовъ ся дѣеть рекшаго дѣля к нему: «Буди похабъ мене дѣля и многа добра причастника ты сѣтворю въ день цѣсарства моего».

Инако бо не можаше улѣсти плотнаго своего господина, якоже неудобъ есть никомуже пустити хлапа своего, да будетъ свободень, паче же на Божие дѣло, дьяволу възъбраняющю завистью сему.*

Въ другую же ночь полунощи вѣставъ, помолися и кончавъ молитву, возьмъ ножъ, иде къ кладязю, иже бѣаше близъ ложница господина своего. И съвлекъ со себе ризу, в неиже самъ хожаше, нача ю дробити на платы. И якоже бѣшенъ ся дѣя, словеса нѣкая мутна нача молвити съ *гласомъ* беставномъ, якоже неистовѣи дѣють.

Убудив же ся господинъ его, дивитися нача бывшему, паче же полунощи. Розмысли же в себе, яко духъ кладязьный пришедъ, надохнулъ есть, егоже обрѣтъ прѣдъ собою, да обрѣлъ есть сего. Умолча же до заутрѣя.

Услышав это, Андрей воодушевился и сказал ему: «Поверь мне, что я сделаю, как ты сказал. Только научи меня его уловкам».

И говорит ему юноша: «А ты разве не знаком с его уловками? Ведь грозные и страшные эфиопы немощны. Не бойся же его огромного роста и страшного вида. Он, как гнилое растение, гнил и немощен».

Укрепив такими словами молодца, прекрасный юноша обхватил его, как бы намереваясь бороться с ним, и стал учить, как ему противостоять эфиопу. И сказал ему на ухо: «Когда он схватит тебя и начнет тебя кружить — ибо я знаю это — ты не бойся, а зацепи его ногу — и узришь славу Божию».

И тотчас вышел блаженный на борьбу и крикнул громким голосом: «Иди сюда, черномазый, поборемся с тобой!» Эфиоп подошел, грозно сопя и хрипя, схватил Андрея и начал его кружить и кружил долго. И стали эфиопы хлопать в ладоши, а белоризцы побледнели, думая, что сейчас ударит его черный о землю, так что у него глаза выскочат. Андрей же, кружась вокруг эфиопа, изловчившись, зацепил его ногу. И демон, падая, ударился лбом о камень и стал вопить.

Обрадовались и захопали в ладоши белоризцы. И, подняв праведника на руки, стали целовать его лицо, умащая его духовным елеем. Тогда все черные разошлись посрамленные. А прекрасный юноша отдал ему честные венцы и, поцеловав его, сказал: «Иди с добром. Отныне ты наш друг и брат. Устремись на добрый подвиг, наг будь и юродив меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Услышав это, блаженный пробудился от глубокого этого сна и подивился случившемуся с ним, потому что на губах своих он ощущал благовония; и лицо его благоухало как бы божественным благоуханием, (источник которого был) невидим.

Наутро он пришел ко мне недостойному и, решившись, рассказал мне о бывшем ему видении. И, выслушав его, я подивился его видению. Посовещавшись, мы решили, что ему нужно отныне преобразиться и представиться умалишенным и бесноватым ради того, который сказал ему: «Будь юродивым меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Иначе он не мог бы уйти от своего земного господина, ибо никому не хочется отпускать своего холопа на волю, тем более на Божье дело, ибо дьявол ревностно старается помешать этому.

На другую ночь, поднявшись в полночь, Андрей помолился и, окончив молитву, взял нож и пошел к колодцу, который был возле спальни его хозяина. И сняв с себя одежду, которая была на нем, начал ее резать на куски. И притворяясь бесноватым, стал произносить бессвязные речи и бессмысленно бормотать, как делают умалишенные.

Хозяин его, проснувшись, подивился всему этому, тем более, что была полночь. Но поразмыслив, решил что это колодезный дух вылез из колодца идохнул на первого встречного, и им оказался Андрей. И он промолчал до утра.

И противу свѣту иде поваръ почреть воды и видивъ бывшее Андриови, удивися. Остав же ся водоноса, шедъ, повѣда господину своему, поющую заутренюю. Се же слышавъ господинъ его, дивляшеся, яко Андрѣи, рече, неистов ся дѣя, сѣдитъ на устьи кладязя, порты своя роздравъ. Сниде же съ женою своею и со всимъ домою своимъ и видивше его несмысляща, плакашася немало и бишася, мняще, яко право демонъ се ему есть створилъ, да несмыслить. Господинъ же его велми печаленъ бывъ о напасти сеи и ничтоже не могъ ему помочи, повелъ вести его въ церковь святыя мученица Анастасия,* юже есть създалъ благовѣрный Левъ Мясникъ,* и ужи желѣзны привязати его тамо, пославъ и сребреникъ голѣмо служъ церковному на сего потребу и угодие.

Чресъ день же весь праведникъ творяся несмысленъ, словеса глаголаше, якоже похабъ. В ту же ночь плакатися нача на сердци своемъ, кланяся, моляся мученици Христовѣ, дабы ся ему явила, а аче есть достоинъ, дабы его утѣшила, аще угодно есть начатъе, еже есть почаль.

Вмалъ же тому плачу и молитвѣ преставшю, види и се: 5 женъ очивѣсть придоша ту, и единъ нѣкто старецъ славою многою славимъ прѣдъ тѣми хожаше. Ходяще же хожашу по болямъ, лежащих ту единого по единому посячающе. Минувше же прочая, придоша и к тому, да прѣже старецъ ста, а от него святыя оны жены. Зряше на нь старѣць онъ беспрестани оцима, сладко нѣчто улыснуса к нему, нѣчто добро о немъ промышляя. Рече же к женѣ пятѣи къ свѣтлѣишии, играя: «Госпоже Анастасье, не лѣкуеши ли ничтоже сдѣ?»

Рече ему она: «Господи учителю, инъ есть лѣковаль, да нѣ ему надоби никтоже. Иже бо ему есть реклъ се, яко: „Да будеши похабъ мене дѣля и многа добра владыка будеши въ день цѣсарства моего“. Да то есть лѣковаль, да нѣ ему трѣбѣ ищиленье. Уже бо реместву емуже ся есть научилъ и не остася его до послѣдняго своего дыханья, и будетъ Богу съсудъ избранъ, избранъ и святъ и възлюбленъ Духомъ».

Рече старецъ: «И азъ, госпоже, вѣдѣлъ есмь, нѣ играя к тебе молвилъ есмь тако».

Се же глаголаше, зрящю Андрѣю, вдавши ему миръ, дну въ церковь внидоша кланяния дѣля. Оттолъ же никогоже от тѣхъ не види ни вышедша, ни вшедша, даже нача клепати в било слуга. Оудивив же ся преподобникъ видинимъ от его, прослави Бога и святую мученицу похвали, яже ускори на моление его.

Сѣдѣвъ же день тои весь въ ужи, не вкуси ничегоже, нѣ блядивая словеса молѣвляше сѣдя. Нощи же наставши, уже оному бдящю до полунощи и по обычаю молитвы и моленья отаи в таинѣмъ храмѣ сердца своего Богу и святѣи мученици приносящю, приде к нему очивѣсть дьяволъ съ многы бѣсы, держай секиру, а они друзѣи ножи, друзѣи дрѣво и колье и меца и копья, друзѣи же ношаху ужа. Тысящникъ бо бѣаше дѣмоня полку, да сего дѣля мнози бѣси бѣаху пришли по немъ, да побияють блаженаго.

На рассвете повар пошел набрать воды и, увидев случившееся с Андреем, удивился. Оставив ведро, он пошел и рассказал хозяину, певшему на заутрени. Услышав это, хозяин удивился, что Андрей, как сказал (повар), впал в безумие и, разодрав одежды, сидит на колодезном устье. Он вышел с женой и всеми домочадцами, и, увидев его в безумии, они горько плакали и сокрушались, думая, что он вправду стал жертвой нечистого духа. Господин его был весьма опечален этой напастью и, не зная, чем ему помочь, велел отвести его в церковь святой мученицы Анастасии, которую построил благоверный Лев Мясник, и там посадить его в оковы, и послал много сребреников церковному служителю на его содержание и кормление.

Весь день напролет праведник представлялся безумным и разговаривал, как юродивый. А ночью он заплакал от всего сердца, кланяясь и молясь мученице Христовой, чтобы она явилась ему и, если он достоин, чтобы сказала ему, угоден ли начатый им подвиг.

Когда он перестал плакать и молиться, он вскоре увидел, как в видимом образе пришли пять жен и с ними впереди почтенный старец. Они стали обходить лежавших там больных, посещая одного за другим. Пройдя всех, подошли и к Андрею, сначала остановился старец, а рядом с ним святые жены. Пристально глядя на него, старец ласково улыбнулся ему, что-то доброе замышляя. И сказал, как бы в шутку, обращаясь к пятой жене, которая сияла ярче всех: «Госпожа Анастасия, что же ты здесь не врачуешь?»

Она отвечала ему: «Господин учитель, здесь другой врачевал, и никто больше ему не нужен. Ибо тот сказал ему: „Будь юродивым меня ради и много добра стяжаешь в день царствия моего“. И после такого врача он не нуждается в исцелении. Он уже научился этому ремеслу и не оставит его до последнего своего дыхания, и будет сосуд богонзбранный, святой и возлюбленный Духом».

Старец произнес: «Я знал это, госпожа, и лишь шутя спросил тебя».

Так они говорили в присутствии Андрея, потом, оставив его с миром, они вошли внутрь церкви поклониться. И после этого он не видел никого из них ни выходящими, ни входящими, пока не застучал в било служитель. Пораженный увиденным, преподобный восславил Бога и поблагодарил святую мученицу за то, что она поспешила на его молитву.

Целый день он просидел в оковах, не принимая пищи и произнося непотребные слова. Когда же настала ночь и он, дождавшись полуночи, по обыкновению, стал молиться в тайном храме своего сердца, вознося молитвы и мольбы Богу и святой мученице, пришел к нему во плоти дьявол со множеством бесов, держа секиру, а бесы несли ножи, дубины, колья, мечи, копья и цепи. Это был тысяцкий демонского войска, и потому многие бесы пришли с ним, чтобы погубить блаженного.

Рикати же нача издалеча изъгнѣли старецъ, тѣмъ бо образомъ ся *бѣше* явилъ, якоже старыи синець, и потече на святаго, хотя убити его секирою, яже ношаше в руку. И вси дѣмонѣ сушеи с нимъ потекоша, зарѣзати его хотяще. Он же съ слезами руцѣ въздѣвъ, къ Господу въпияше, глаголя: «Не предаи же звѣремъ душа моя исповѣдающюся тебе!» И се рекъ: «Святыи Иоанне апостоле Богослове, помози ми!»

И абие громъ бысть, яко свыше, и голка людѣи много. И се старецъ нѣкто великама очима, *въсклоненъ мало, лице имѣя* солнца свѣтлѣе, и множество много с нимъ. И рече к сущимъ со собою съ яростию: «Затворите врата, да не убѣжитъ никтоже». Си же болѣ онѣхъ суще, се твориша въскорѣ. Да якоже изымани быша вси тѣ, рече единъ от черныхъ къ другу своему отаи: «Горе часу сему, в онже мы ся прельстихомъ. Иоаннъ бо лють есть, да злѣ ны хочеть мучити».

Повелѣ же честныи онъ старецъ своимъ, да сняша желѣзное уже съ шия Андрѣовы. И ста внѣ вратъ и рече къ своимъ: «Ведите ми я по единому». Приведоша же и ростягоша по земли. И вземъ апостолъ уже желѣзное, прѣгну натрои, вда ему ранъ 100. И вопияше же яко человекъ: «Помилиу мя!»

По семь паки протягоша другаго дѣмона, и бѣенъ бы и тѣ тако же.

Слыша же блаженныи Андрѣи, еже въпияху «Помилиу насъ!», хотя любо не хотя нача ся смѣяти. Мняше бо ся Андреови, яко же и человекъ, ефиопи изымани быша, да тепуть я явѣ. Протягоша же и третьяго, да и тѣ толико же притерпѣ. Богъ бо бѣяше нелжею ранами, имиже родъ тѣхъ оскорбляется. По ряду же бивше всихъ, биюще, повѣдаху биенымъ и пущенымъ: «Шедше, покажите себе отцю своему Сотонѣ, любо ли ему се будетъ».

Да якоже разидоша, вси бѣлоризыци они ищезнуша. Красныи же онъ старецъ приде къ рабу Божию и, възложивъ уже на выю его, рече к нему играя: «Видиши ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велми бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, повелѣвъ ми, да промышляю, яже ты на спасение твое приводятъ удобная, пекуися всегда и подая тебе. Да притерпи, да будеши о всемъ искушенъ. Недалече бо ти будетъ, и пущенъ будеши и ходити начнеши по своей воли, кдѣ же будетъ годъ очима твоима».

Рече Андрѣи: «Господи мои, а ты кто еси? Не вѣдъ бо, кто ты еси».

Он же рече: «Азъ есмь иже възлеже на честныи и животворящая пѣрси Господа нашего Исуса Христа». * И се рекъ, якоже въ молнию себе прѣтворивъ, из очю его отиде.

Блаженныи же Андрѣи дивляшеся и велми Божию милость славляше, *яко* тако по всему словеси и орудью помощникъ ему бысть и како его избави от темныхъ духъ, встающихъ на него. И молѣвляше в тайнѣ: «Господи Исусе Христе, велика и неизвѣдома есть сила твоя и боле естества суть милосердия твоя, яко мене смиреннаго милуеши и печешися мною, да мнѣ ся дивно творить

И еще издалека зарычал гнилой старец (ибо он явился в образе старого черта) и бросился на святого, намереваясь убить его секирой, которую держал в руках. И все демоны, которые были с ним, бросились на него, желая его зарезать. Он же воздел руки и со слезами возопил к Господу: «Не предай зверям душу мою, верующую в тебя!» И еще сказал: «Святой апостол Иоанн Богослов, помоги мне!»

И тотчас раздался гром, словно в небесах, и крики многих людей. И явился старец с большими глазами, слегка возлысый, с лицом, сияющим светлее солнца, и с ним многочисленная свита. И грозно сказал он пришедшим с ним: «Затворите врата, чтобы никто не убежал». И те, которых было больше, чем бесов, немедленно исполнили это. И когда все бесы были пойманы, один из них тайком сказал другому: «Будь проклят тот час, когда мы соблазнились на это дело. Ибо Иоанн суров и намерен тяжело покарать нас».

Честной старец приказал своим спутникам снять железную цепь с шеи Андрея. И, выйдя за церковные врата, произнес: «Ведите мне их по одному». И привели первого и распростерли на земле. И апостол, взяв железную цепь, сложил ее втрое и ударил его раз сто. И вопил бес, словно человек: «Помилуй меня!»

Потом распростерли на земле другого демона, и тот был так же бит.

Слыша, как они вопят «Помилуй нас!», Андрей невольно начал смеяться. Ему казалось, что эфиопы, как люди, пойманы и их по-настоящему избивают. Распростерли и третьего, и тот столько же претерпел. Ибо Бог наносил им нешуточные удары, чувствительные для их естества. Избивая их всех по очереди, бьющие говорили избитым и отпущенным: «Идите и покажитесь отцу своему Сатане, любо ли ему это будет?»

И когда те разошлись, исчезли и все белоризцы. Благообразный же старец пришел к рабу Божию и, возложив оковы на его шею, сказал, шутя: «Видишь, как я поспешил к тебе на помощь. Ибо я весьма пекусь о тебе, потому что Бог повелел мне опекать тебя и заботиться о том, что более всего служит твоему спасению. Претерпи это, и будешь во всем искушен. Ибо вскоре наступит час, когда ты будешь отпущен и сможешь ходить свободно, где тебе заблагорассудится».

Андрей спросил: «Кто ты, мой господин? Я тебе не знаю».

Старец ответил: «Я тот, кто возлежал на честной и животворящей перси Господа нашего Иисуса Христа». И сказав это, исчез из виду, словно превратившись в молнию.

Дивился блаженный Андрей и горячо прославлял милость Бога, помогающего ему в словах и делах, избавившего его от нечистой силы, ополчившейся против него. И молвил про себя: «Господи Иисусе Христе, велика и непостижима сила твоя и безгранично милосердие твое, коль ты ко мне смиренному благоволишь и заботишься обо мне, являя мне дивное чудо. Сохрани и далее меня

и велми чюдно. Да и еще съхрани мя по истѣнѣ твоеи и створи мя достойна обрѣсти благодѣть у тебе. Вышнѣи, великая сила, страшныи, не оставляи насъ».

Се же ему молящюся, наста ночь, и мало поспавъ, види въ снѣ, яко бѣаше в полатахъ цсаревахъ. Сущю же ему тамо, призва его цсарь полать тѣхъ к себе. Пришедшю же ему и ставшю пред нимъ, и рече к нему цсарь: «Хощеши ли ми работати всею душею и створю тя, да будеши ты единъ от славныхъ в полатѣ моеи?» Рече Андрѣи: «Кто ся можетъ отрицати добраго? Азъ бо и велми хотѣлъ быхъ орудью сему».

Рече цсарь: «Да аще хощеши, да прими моя работы снѣдъ». Да словомъ вда ему нѣчто, яко и снѣгъ. И се возьмъ, снѣде. Бѣаше же сладко, якоже сласти умъ чловѣць приложити не можетъ ни к чему же. Нѣ бѣаше его мало, и се снѣдъ, нача ся молити в себе, да быша далъ ему и еще от того же. Молвляше бо, яко «егда се ядыхъ, мнѣхъ, яко въ муро Божие приложилася есть сласть си».

И паки вда ему, якоже се есть *кидонатъ** кусъ малъ. И рече к нему: «Възми и яжъ». И возьмъ, снѣ. Бѣаше люто и горко, велми боле пелына, да яко гнуситися нача ему и она сладкая добрая снѣдъ.

Видив же цсарь съгнушившася его тако, рече к нему: «Видѣ ли, како не може притищати горкаго вкушения того свершеннаго моего служения разумѣти? Снѣдъ вдох ти, та бо есть узкыи и оскорбленыи путь, водяи хотящая внити въ врата цсарства моего».

Рече блаженныи: «Горко есть орудье се, владыко. Да кто се можетъ ясти, а тобѣ работая?»

Рече цсарь: «Да горкое разумѣлъ еси, а *сладкому нѣси ли разумѣлъ?* Нѣсмъ ли ти вдаль и първое сладкое и потомъ горкое?»

Рече онъ: «Тако, владыко. *Но о горцѣмъ единемъ реклъ еси рабу своему, яко се есть скорбѣнаго пути образъ*».

Рече цсарь: «Ни, нѣ посредѣ сладкаго и горкаго есть путь. Да в горцѣмъ показано ти есть вкушенье страстемъ и болѣзнемъ, яже ти есть пряти мене дѣля, а въ сладцѣмъ и добрѣишимъ бываетъ хладъ и покои и утѣшенье стражующимъ мене дѣля. Отъ моя благодѣти да нѣ горкое едино присно, ни сладкое по единому образу, нѣ другици се, а другици оно, другъ друга прогоняща. Да аче хощеши, вѣвѣчай ми ся, да быхъ вѣдѣлъ».

Рече Андрѣи: «Дан ми паки ясти того же, да видивъ, повѣдѣ ти». Он же паки вда ему горкое, потомъ сладкое. Степе же ся болми горкымъ тѣмъ вкушеньемъ, рече: «Не могу азъ работати тебе сиче ядыи. Орудье бо се горко есть и тяжко».

Цсарь же улыснувся, выня ис пазухы своя *нѣчто узрачье*, еже бѣаше видиниимъ, яко огонь, и вельми добрѣ воня и цвѣтомъ одѣно образомъ. И рече ему: «Възьми и яжъ, да забудеши все, елико еси видилъ и слышалъ». Онъ же возьмъ, снѣ да на многы часы от сласти тоя и от великыя радости и от многыя

на пути истины твоей и сделай меня достойным обрести твою благодать. Вышний, великая сила, грозный, не оставляй нас».

Пока он молился, настала ночь, и задремав, увидел он себя во сне в царских палатах. Когда он там находился, позвал его царь к себе. И когда он пришел и стал перед ним, спросил его царь: «Хочешь ли ты всей душой работать для меня, и я сделаю тебя одним из почитаемых в моих палатах?» Андрей ответил: «Кто же отказывается от блага? Я бы очень хотел этого».

Сказал царь: «Если хочешь, прими пищу моего служения». И с этими словами он подал ему нечто похожее на снег. Взяв, Андрей съел ее. Было так сладко, что подобной сласти ум человеческий не в состоянии сравнить ни с чем. Но ее было мало, и съев, Андрей стал про себя молить, чтобы ему дали еще того же. «Ибо, — говорил он, — когда я ел, мне казалось, что с миром Божиим сравнима эта сласть».

И опять дал ему небольшой кусок чего-то, похожего на кидонат. И сказал ему: «Возьми и съешь». Андрей, взяв, съел. Это было жгучее и горькое, горьче полыни, так что ему стала противна и предыдущая сладкая добрая снедь.

Царь, видя его отвращение, сказал ему: «Видишь, как не смог ты воспринять этого горького вкушения, означающего служение мне? Пища, которую я тебе дал, — это узкий и скорбный путь, ведущий тех, кто хочет войти во врата царства моего».

Блаженный сказал: «Горька эта пища, владыка. Кто же способен вкушать ее и служить тебе?»

Отвечал царь: «Смысл горького ты понял, а сладкого понял ли? Не дал ли я тебе сначала сладкое, и потом горькое?»

Сказал он: «Да, владыка. Но только о горьком сказал ты рабу твоему, что это образ скорбного пути».

Сказал царь: «Нет, путь лежит посередине между сладким и горьким. И в горьком воплощено вкушение мучений и страданий, которые тебе предстоит принять ради меня, а в сладком и лучшем обретается прохлада, покой и утешение страждущим меня ради. От моей благодати не исходит одно только горькое или одно только сладкое, но порой одно, порой другое, перемежаясь и чередуясь. И если ты желаешь трудиться для меня, скажи мне, чтобы я знал».

Сказал Андрей: «Дай мне еще раз отведать того же, я попробую и скажу». И он опять дал ему горькое, а потом сладкое. Страдая от горечи, Андрей сказал: «Не могу я служить тебе, питаюсь этим. Пища эта горька и тяжела».

Царь улыбнулся и вынул из пазухи своей нечто другое, с виду словно огонь, источающее благоухание и украшенное цветами. И сказал ему: «Возьми, съешь и забудешь все, что видел и слышал». Он же, взяв, вкусил и простоял долго в забытии от этой сладости и от огромной радости и от великого

воня и славы стояше забывся. На свои же умъ паки нашедъ, паде на ногу великаго цсаря того и моляшеся ему, глаголя: «Помилуй мя, владыко добрый, и не отрини мене отсель от работы твоея. Яко разумѣхъ поистинѣ, яко велми сладокъ есть путь службы твоея, да кромѣ тоя не поклоню шия своя никомуже».

Рече ему онъ: «Сему ли вкушению ся еси удивилъ? Вѣру ми ими, яко в добрыхъ, сущихъ у мене, се есть хуже всего. Нѣ аще мене покоиши, все мое твое будетъ и створю тя друга собѣ и причастишися святаго цсарства моего и наслѣдникъ мой будеши». Се рекъ к нему, яко се его послалъ бѣаше нѣгдѣ на орудье. И абие убудися.

Се же все блаженный съблюдаше въ сердци своемъ и дивляшеся, глаголя: «Что се хочеть быти?»

Пребывшю же ему въ церкви святаыя Анастасия до 4-и мѣсяць, видивши церковныя слугы, яко не можеть ицилѣти, нѣ пуше ся ему дѣть, и възвѣстиша о немъ къ господину его. Слышав же се Феогность, остався его, яко безумна и бѣшена, и повелѣ отрѣшивше пустити его, да сидеть. Отрѣшивше же его церковници, пустиша. Видивъ же блаженный, яко все, еже на сердцѣ имѣаше, сбывается ему, прослави Бога, створившаго, да ся сбудеть воля его.

Начало жития его

Ристати же оттолѣ нача и играти по улицамъ по образу дрѣвле бывшю похабу Смеона* оного дивнаго (...) и прѣхожаше день весь ни ѣдъ, ни посѣдѣвъ нигдѣже. Вечеру же наставшю, егда ему бѣаше любо, не спавше, нѣ хожаше по улицамъ граднымъ, молитвы дѣя на сердцѣ, всю ночь бдя пребываше, а заутра почиваше; егда же ли ся ему не хотяше ходити в нощи, да съглядаше по улицамъ мѣста, кдѣ же пси лежать, да тамо шедъ, единого от нихъ прогнавъ, лежаше, яко на одрѣ почивая, нагъ, лишень, неимовитъ, ни рогозины имѣя, ни сукна, ни власяницъ или платъ понѣ малъ отруянъ. Се едино суконце, еже прежде реченое, в немже хожаше, то имяше за все.

Заутра же паки вѣстая, на сердцѣ своемъ к себѣ тако глаголаше: «Се, лишена боголиши Андрею, всю ночь пьсь съ пси наспалься еси по простору. Да идемъ паки дѣлать, яко приближается смерть. И никтоже бо тебе да не прельститъ, яко въ тѣ час можеть ти помощи кто любо. Всякъ бо человекъ *трудъ плода* своего снѣсть въ время исхода жизни сея. Да уже потечемъ, лишене, съ трудомъ, укаряемъ от человекъ в мирѣ семь, да хвалу и славу приемемъ от небеснаго цсаря и Бога».

Се глаголя, тшашеся честный человекъ, по велицѣмъ апостолѣ Павлѣ, на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати.* Зряще на нь человекъ глаголаху: «Се нова бѣшенина». Друзѣи же глаголаху, яко: «Земля си николиже бесъ салоса нѣсть». Да друзѣи пхашу его и по шии бяхуть его и слинами лице его кропляху, гнушающеся.

благоухания и славы. А придя в себя, упал в ноги великому царю тому и взмолился со словами: «Помилуй меня, владыка добрый, и не отвергни отныне меня от служения тебе. Ибо уразумел я воистину, что весьма сладок путь твоего служения, и вне его не поклоню своей головы ни перед кем».

И тот ответил ему: «Это ли вкушение тебя удивило? Поверь мне, что среди моего добра это наименьшее. Но если ты меня успокоишь, все мое твое будет и ты будешь мне другом и причастишься святого царства моего и наследник мой будешь». И сказав это, словно на подвиг его послал. И тотчас Андрей пробудился.

Все это блаженный сохранил в своем сердце и дивился, говоря: «Что бы это могло быть?»

По истечении четырех месяцев его пребывания в церкви святой Анастасии, церковные слуги, видя, что он не выздоравливает, но, напротив, ему становится хуже, сообщили о нем его господину. Услышав это, Феогност отказался от него, как от безумного и бесноватого, и велел, сняв с него оковы, отпустить на свободу. И сняв с него оковы, церковные служители отпустили его. Видя, что задуманное им сбывается, Андрей прославил Бога, устроившего так, чтобы сбылась воля его.

Начало жития его

С того времени он начал бегать и резвиться на улицах, следуя примеру своего предшественника Симеона Юродивого (...) и бродил целый день без еды и без отдыха. Когда же наступал вечер, он либо не спал, если ему было не угодно спать, а ходил по городским улицам и в душе молился и так всю ночь бодрствовал, а наутро почивал; либо, когда ему не было угодно ходить в ночи, искал на улице место, где лежат собаки, и прогнав пса, ложился на его место и почивал, словно на постели, — наг, убог, нищ, не имея ни рогожи, ни платья, ни власяницы или хотя бы куска материи. Вместо всего этого имел он на себе, как прежде было сказано, единственное суконце, в нем и ходил.

Вставая утром, он говорил себе: «Ну вот, презренный юродивый Андрей, наспался пес с псами всю ночь на приволье. Пойдем дальше работать, ибо приближается смерть. И пусть никто не соблазнит тебя, ибо в час смерти никто тебе не поможет. Ибо каждый человек плод своего труда принимает в час исхода этой жизни. Пойдем же поскорее, несчастный, поругаемый людьми в этом мире, и удостоимся похвалы и славы у небесного Царя и Бога».

Говоря это, стремился честный человек, по слову великого апостола Павла, простираться вперед, забывая заднее. Смотря на него, люди говорили: «Вот новый бесноватый». Другие говорили: «Не стоит земля без юродивого». А иные толкали его и в шею били, и с презрением плевали в лицо.

Терпя же все се, алченъ, жада я пити, зимою умирая, зноемъ угараемъ и все зло терпя, пребываше непобѣдимъ. Молитву же толку приялъ бѣаше в таинѣмъ храмѣ сердца своего, якоже шепту устенъ его далече и-звѣнѣти. Яко же бо котель безмѣрнымъ кипѣньемъ възмутився, пару *густу* износить, тако и тому исхожаше из устъ пара Святого Духа, якоже зряще на него друзѣи глаголаху, яко: «Дѣмонъ, иже в немъ живеть, от того пара си износится». А друзѣи глаголаху: «Ни, нѣ сердце его нетища неприязниваго духа, тако дышетъ». Нѣ се не тако бѣаше, нѣ молитва бѣаше бес прѣстанка богоугодна, яже си являше. Тѣмже невѣгласии, якоже древле прѣмѣнение языкъ пьянствомъ мнѣху, тако и сдѣ о славнѣмъ семъ помышляху.

О блудницах

Въ едину же близъ блудныхъ храмъ* мимоидяше играя. Едина от блудницъ, яко се боголишь видивши, я его за skutъ лихого сукна, в немже хожаше, и въвлече его дну. Истиньнии же посмихатель сотонинъ, ослабивъ, вниде с нею. И якоже вниде въ храмину, събрашася о немъ и прочая блудница и смѣющася ему, въпрашаху его: «Како ся створило естъ тебе се?» Праведникъ же толико усмихашеся, не отвѣщая ничегоже. Пихающе его, веляху ему нудма скверненное дѣло блудное створити, таинья его уды гнетуще. Другья же лобызающе цѣломудраго, искушаху, на срамъ зовуще. Другья глаголаху: «Бляди с нами, похабе, и насыти духовъную си похоть».

Чюдо бо дивно бѣаше видити, еже о немъ. В толици скоктанѣи, елико ему створиша, никакоже подвигнути или въсхотѣти смердящему недугу тому не могоша его навести.

Приложивъ же ся, тако глаголаху: «Любо мертвъ естъ, любо ли дрѣво естъ, да не чюется, любо ли камень неподвижимъ. Колико бо его нудихомъ на похоть и не могохомъ ничтоже сътворити ему».

Рече едина от нихъ: «Дивлюся безумью вашему, яко клюдите тако. Боголишь бо и бѣшенъ, алченъ и зименъ, не имѣя главы подѣклонити, чимъ хоцетъ имѣти таку похоть? Да останитеся его, да шедъ, творить безумье».

Видяше же праведникъ блуднаго дѣмона ту стояща посреде блудницъ. Бѣаше видинимъ, яко синецъ, уснатъ, власа не имѣя на главѣ, нѣ гнои конескъ, смѣшенъ с пепеломъ. А оци его бѣсте, якоже и лисици, и лиха прота платъ лежаше на плещю его. Смарадъ же исхожаше из него изъгнила гноя, якоже от горка смрада его нетища блаженни нача плевати часто и портомъ своимъ заносъ свои.

Видя же его скарѣды онъ дѣмонъ отгрѣбающаяся блуда, ненстовъ ся дѣяше и глас испусти тако: «Мене, рече, человекъи имѣють, якоже сладокъ медъ на сердци своемъ, а сеи, иже ся ругаетъ ходя всему миру, брѣзгая мною, плюетъ на мя. Да ты добра дѣля не створилъ еси похабомъ, но любо ли отлѣсти хотя симъ образомъ плотныя работы».

Терпеливо снося все это, голодный, жаждущий, умирая от холода, опаляемый зноем и терпя обиды, он оставался неуязвимым. И такую молитву носил он в тайном храме сердца своего, что, когда он шептал ее, она была далеко слышна. И как из бурлящего котла при бурном кипении исходит густой пар, так и из его уст исходил пар Святого Духа, так что некоторые видевшие его говорили: «Это сидящий в нем демон, это он извергает этот пар». А другие говорили: «Нет, это сердце его, гневаясь от присутствия бесовского духа, так дышит». Но это было не так, это являла себя непрестанная богоугодная молитва. Так что, как раньше несведующие считали пьяным всякого говорящего на другом языке, так и здесь об этом славном думали.

О блудницах

Однажды он проходил, играя, мимо блудилища. Одна из блудниц, видя юродивого, схватила его за край ветхой одежды, которая была на нем, и втащила его внутрь. Истинный насмешник над Сатаной уступил и вошел вместе с ней. И когда вошел в блудилище, вокруг него собрались и другие блудницы и, потешаясь над ним, спрашивали: «Как это тебя угораздило?» Праведник же только усмехался, ничего не отвечая. Толкая его, они пытались заставить его сотворить скверный блуд, лаская тайные его уды. Иные, лобзая, искушали целомудренного, стремясь склонить к сраму. Другие говорили: «Соблуди с нами, юродивый, и насыти свою духовную похоть».

Но дивное чудо явил он. Ввергая его в столь сильный соблазн, они нисколько не смогли подвинуть его к желанию смердящего этого недуга.

Тогда они оставили свои намерения со словами: «Либо он мертвец, либо бревно бесчувственное, либо камень лежащий: сколько ни распаляем мы его на похоть, ничего у нас не выходит».

Одна из них сказала: «Удивляюсь я вашему неразумию и возмущению. Он ведь юродив и бесноват, голоден и холоден, и негде ему голову приклонить — откуда взяться у него похоти? Оставьте его, пусть себе безумствует».

Праведник же увидел блудного беса, стоящего среди блудниц, внешне он был похож на эфиопа, губаст, на голове вместо волос конский навоз, смешанный с золой. А глаза его были словно лисьи; ветхое тряпье покрывало его плечи. И исходил от него такой зловонный запах нечистот, что, не выдержав этого тяжкого смрада, блаженный начал часто плевать и закрыл одеждой свой нос.

Видя, что Андрей гнушается блуда, разъярился блудный бес и завопил: «Люди меня лелеют, словно мед сладкий, на сердце своем, а этот глумится над всем миром, брезгуя мною, плюет на меня. Да сам ты благой ли цели ради стал юродивым, а не для того ли, чтобы таким образом уклониться от земных трудов?»

Блаженни же видяше его явѣ, блудница же глас его слышаху, а не видяху никогоже. Съдя же средѣ ихъ, смияшеся смраду его и нелѣпотѣ его. Видяше же оны смѣхъ его, глаголаху: «Видите ли, како ся смѣть с демономъ своимъ?» Едина же от нихъ рече: «Добра есть одежда его. Да вземше у него, продадимъ, да ны будетъ пити днесъ». Абие же вѣставша, съвлекоша его и поставиша его нага, а одежду продаша на сребреници и роздѣлше по двѣма чатамъ.

Рече старѣишия другимъ: «Не пустимъ его нага, нѣ владимъ ему понѣ рогозину ветху». Принесоша же рогозину и прорѣзавше средю ея, възложиша на шью его въ мѣсто одежда и тако его изгнаша изъ храма.

И шедъ же на улицу вне и нача ристати играя. Зрящеи же глаголаху, смѣюшеся ему: «Добрѣ подѣкладъ лежитъ на твоємъ ослѣ, похабе». Он же глаголаше: «Право, похабе, в добрѣ рюи хожю. Патрика* бо мя есть створилъ Владыка».

Нѣцѣи же *христіолюбци* даяху чаты по волѣ, а не по прошенію. Христосъ бо печашеся имъ. И елико же ему кто вдаяше, примаше. Другоици бо и двадесять чатъ днемъ взимаше, любо 3-десять и боле. Нѣ углядаше мѣсто тайно, кдѣ же будяше сборъ нищихъ, да идяше к нимъ, носяи чаты в руцѣхъ, творяся играяи, да быша не разумѣлѣ дѣла его, съдѣ, начняше играти чатами. Да егда кто от нищихъ, дерзнувъ, всхыщаше у него, пхняше его пястью. Се же видивше прочѣи нишии мѣстити хотяще друга своего, поидяху на нѣ с батоги. Вину же обрѣтъ бѣганье, повѣргъ же чатѣ, побѣгнаше от нихъ. Они же к тому начняху грабити чаты его.

Видиніе богатаго умерша

Паки же ходящю ему на духовное свое дѣло и мало нѣколико прѣиде, да узри издалеча мертвеца несомъ противу себѣ. Бѣаше же мужъ добръ, велми богатъ.

Множество же много идяше по немъ. Глас же бѣаше слышати велми великъ поющихъ съ многими свѣщами и кадиломъ. Голка же и вѣплъ великъ исхожаше от своихъ ему.

Видив же святець, что ся дѣяше надъ мертвымъ, да ста и нечюти себе нача на многы часы. Узри и се, прѣдъ свѣщами множество ефіопъ дѣмонъ* идяше, болми пѣвецъ вѣпюще: «Горе ему, горе ему». Все же, еже тамо кажаху, яко мотыла смердаху, и якоже мѣхы держаше в руку, известъ и попелъ сыпаху по единому. Идущю множеству тому пляшущемъ и смѣющимся бе-студа, якоже бестудныя блудница, да другиоици лаяху, якоже пси, а другиоици вѣпияху, якоже свинья. Да бѣаше имъ мерѣтвецъ онъ веселье и радость. Да друзѣи около одра его идяху, гноимъ и скалушьною водою лице мертваго кропяще, а друзии по вѣтри лѣтающе, около одра лѣтаху.

Блаженный видел его наяву, блудницы же только голос беса слышали, но никого не видели. Сидя среди них, блаженный смеялся над зловонным и безобразным бесом. Увидев, что он смеется, они сказали: «Поглядите, как он со своим демоном смеется». А одна из них сказала: «У него хорошая одежда. Давайте возьмем ее и продадим, и у нас будет сегодня питье». Быстро поднявшись, они раздели его, оставив нагим, а одежду продали за сребреники и разделили, каждой досталось по два медяка.

Старшая сказала остальным: «Давайте не отпустим его нагим, а дадим ему хотя бы ветхую рогожу». Принесли рогожу и, сделав прорезь в середине ее, возложили на шею его вместо одежды и прогнали его из дома.

И выйдя на улицу, он начал бегать, юродствуя. Видевшие его, смеясь над ним, говорили: «Хорошая попона лежит на твоём осле, юродивый». Он же отвечал: «Воистину это вы юродивые, я ношу добрую одежду. Ибо Господин мой сделал меня патриkiem».

Некоторые христолюбцы сами давали ему медяки, хотя он не просил. Ибо Христос заботился о нем. И сколько бы ему ни давали, он принимал. Иногда приходилось до двадцати, иной раз тридцать и более медяков в день. И высматривал укромное место, где собирались нищие, и шел к ним с медяками в руках, притворяясь блаженным, чтобы они не разгадали его замысла, и, присев, начинал играть медяками. И когда кто-нибудь из нищих пытался отнять их у него, он давал ему затрещину. Видя это, остальные нищие шли на него с палками, желая отомстить за товарища. Используя это как повод для бегства, бросив медяки, он убегал от них. Тогда они присваивали себе его медяки.

Видение богатого покойника

Однажды, когда Андрей шел на духовное свое дело, отойдя немного, он увидел вдалеке, как навстречу ему несут покойника. Это был знатный, очень богатый человек.

Великое множество народа шло за гробом. Слышалось громкое пение идущих со многими свечами и кадильницами. Стенания и громкие вопли выпускали его близкие.

Видя, что происходит над покойником, святой остановился и на долгое время впал в забытие. И увидел: перед свечами идет множество черных демонов, кричащих, заглушая певцов: «Горе ему! Горе ему!» И все, что они кадили, смердело нечистотами, и они несли какие-то мешки и рассыпали попеременно пепел и золу. И все это множество, приплясывая на ходу и нагло смеясь, подобно бесстыжим блудницам, то лаяло по-собачьи, то по-свински визжало. И был для них мертвец предметом веселья и радости. И одни из них шли рядом с телом, кропя лицо покойника нечистотами и навозной жижей, а другие, летая по воздуху, вились около одра.

Великъ же смрадъ исхожаше изо одра того и ис тѣла того грѣшнаго, якоже се кыдающе и скалушу и мотыла истлѣвша и смердяща кромѣ кыдають. Да друзѣи пѣсѣя мотыла и масло морьскаго пса и съ инѣми смрады кладяху на лице его, друзѣи же въслѣдъ идуще плясаху, плещюще рукама, а ногама тѣпѣтъ великъ творяще, смѣющеся и ругающеся невидимо поющимъ и глаголюще: «Не даи вы Богъ видити ни единому васъ свѣта, лишенѣи хрестѣяни, поюще надъ псомъ „съ святыми си покои душу его“, нѣ и раба Божия наричающе его, сушаго повинѣна всему дѣлу злему».

И есть страшное видинѣе святаго. Възрѣ, и се: князь нечистыхъ дѣмонъ, имѣя оци, яко диковы, и страхъ творяща зрящему на него, держаше же и огнь в руцѣ своеи и сѣру, и смолу и идяше къ гробу лишеннаго оного, охриту створити тѣло его и огнемъ съжещи, еже и по погребенью створися.

Паки же минувшю мерѣтвецю, смотри, видивъ и се: въслѣдъ идяше нѣкыи уноша красенъ плачася, печалью одержимъ. Плакашеся плачемъ великомъ, мимо же идѣи близъ бысть святаго.

Он же мнѣвъ, яко по праву уноша есть нѣкыи и близокъ есть умершаго, да сего дѣла плачется, да яко забывъ по Бозѣ тайнаго дѣла, простеръ руку свою, имѣ плачущагося уношу, моляся, рече ему: «Такъ ти Бога небеси и землѣ, кая ти вина есть, еяже дѣла слезы такы тоциши, плачася? Нѣсмь бо видилъ николиже никогоже тако ся плачуща о мертвѣцѣ, да повѣжъ ми, молю ти ся, почто се тако твориши?»

Рече к нему ангелъ: «Моего плача вина си есть, яко оного, егоже оно несутъ, егоже еси видилъ, взялъ его есть дьяволъ себѣ. То есть вина моего плача и печали, да погубивъ его, плачюся».

Рече к нему святыи: «Повѣжъ ми, друже мои милыи, разумѣхъ бо, кто ты еси, что суть былѣ грѣси его?»

Рече к нему ангелъ: «Понеже еси, Анѣдрѣа, и ты самъ избранныи Божии, разумѣхъ, да понеже достоинъ ти увѣдити, внимаи и да услышиши. Нынѣ бо твоя доброта красныя твоя душа чиста и лыщиться, да якоже злато чисто узрѣвъ, понѣ мало утѣшихся от печали моея. Се же великъ мужъ бѣаше у цѣсаря, бѣаше же грѣшенъ человекъ и лють велми въ своемъ житѣи. По всему бѣаше же блудникъ и прѣлюбодѣи и съ отроцы лѣгаше, лествивъ и немилосердъ, буи и гордъ и сребролюбецъ, и лживъ и человеконенавистникъ, памятивъ злу и мздоимецъ, и ротникъ, убогую свою челядь моря голодомъ и ранами, и наготою, бес портъ и безъ обуви оставляя ихъ въ дни зимныя, многы жъ обоимъ убивъ и подъ коньскыи помость покопалъ. Такъ же бѣаше на скарѣе и огнемъ пожжено мужелѣганье отроцие и скопче и Богомъ ненавиdimу похоть, яко осквернилъ есть до триста душъ мерзкымъ симъ и скарѣдымъ грѣхымъ. Да уже, друже мои о Господи, приде на него жатва, да пришедши смерть, обрѣте его не покаывшася, неизглаголаны и многы грѣхы имѣюща, а скверненное его тѣло

Нестерпимый смрад исходил из одра и от тела того грешника, как бывает, когда выгребают отхожие места и расплескивают вокруг навозную жижу и раскидывают смрадные нечистоты. И иные клали на его лицо собачий кал и жир морского пса и прочие зловония, другие же, идя следом, плясали, хлопая в ладоши и ужасно топая ногами, смеясь и издеваясь невидимо над поющими, и приговаривая: «Не дай Бог и никому из вас видеть свет, жалкие христиане, поющие над псом „со святыми упокой душу его” и называющие рабом Божиим того, который чинил всякое зло».

И вот страшное видение святого. Взглянул он и видит: князь нечистых бесов с разъяренным взглядом, наводящим ужас на смотрящих, держа в руках своих огонь, серу и смолу, идет к гробу того несчастного, чтобы опозорить его тело и сжечь огнем, что и произошло по погребении.

И когда покойника проносили мимо, взглянул Андрей и увидел: вослед идет красивый юноша и плачет, одержимый печалью. И рыдая, проходит мимо святого.

Полагая, что он и вправду юноша и (один) из родственников умершего, потому и плачет так, и словно забыв про тайные дела Господа, он протянул свою руку и, коснувшись плачущего юноши, обратился к нему со словами: «Заклинаю тебя Богом неба и земли, в чем причина твоего плача и почему ты такие слезы льешь? Никогда мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так плакал по мертвецу; скажи мне, пожалуйста, почему ты это делаешь?»

Отвечал ему ангел: «Причина моего плача в том, что того, кого сейчас хоронят, кого ты видел, дьявол взял себе. Он и есть причина моего плача и печали, и потеряв его, плачу».

Сказал ему святой: «Скажи мне, друг мой милый — ибо я понял, кто ты — каковы были его грехи?»

И ответил ему ангел: «Поскольку ты, Андрей, и сам Божий избранник и поскольку тебе позволено это знать, внимли и услышь. Ибо ныне твоя прекрасная душа чиста и светла, и я, словно чистое золото увидев, немного утешился в своей печали. Это был знатный муж у императора, но был он при жизни грешник и очень злой человек. Во всем он был блудник и прелюбодей и мужеложец, коварен и немилосерден, кичлив и гордец, и сребролюбец, и лжив, и человеконенавистлив, злопамятен и мздоимец, и клятвопреступник, бедных своих слуг морил голодом, и побоями, и наготой, оставляя их без одежды и без обуви в холодные дни; многих же, палкой забив, закопал в конюшне. И так распаялся он гнусной и богопротивной похотью к отрокам и скопцам, что осквернил до трехсот душ этим мерзким и отвратительным грехом. Но вот, друг мой в Господе, пришла на него жатва, и смерть, придя, застала его без покаяния, погрязшего во многих неопикуемых грехах, а скверное его тело, ты сам видел, с каким бесчестьем несут к могиле. И потому, о святая душа, и я тужу и в

самъ еси видилъ, кацѣмъ бесчестиемъ несомъ есть къ гробу. Да сего дѣля, о святая душе, и азъ самъ тужю и печалью великою одержимъ, плачюся, понеже, возлюблене мои, дѣмономъ есмь смѣхъ, смраду скарѣду храмина».

О повѣсти ангеловъ

Се Божию ангелу глаголющу, рече к нему святый: «Молю ти ся, друже, да приимеши добру утѣху. Понеже неприязнену кончину приялъ есть, да якоже ся есть потщаль на лихая, такоже да ся ихъ насытитъ. Ты же, пламянообразне, вели похоти исполнене, и о имени Господа Саваофа вседержителя будеши одержимъ в добрая отсель и въ вѣкы».

В такои же бесѣдѣ отиде от него ангелъ невидимо. Идущю же по улице, на неже съ аныгѣломъ повѣсти дѣяше святый, и видяше единого стояще и повѣсти дѣюща, ангела бо не видяху, недостойни суще, да глаголаху къ себѣ сами: «Зрите на боголишъ ону, како ся глумить, къ стѣнѣ повѣсти дѣя, несмысля». Ринувше же его и отгоняше, глаголаху: «Что то есть, похабе, надшене, еже стоя бесѣды дѣяше къ стѣнѣ?»

Святый же си словеса слышавъ, еже ти блядаху, помродавъ и молча. И посмивавъся невѣдѣнью ихъ, отиде от нихъ и шедъ на покровно мѣсто, умолча.

Молитва святого за умершаго

И помянувъ лишена оного, егоже бѣ видилъ несомъ къ гробу, и плакася горко, донелѣже немощи нача, якоже от многа плача опухлѣ ему бѣаста и оцѣ. Глаголаше же сию молитву къ Господу, плачася: «Неизвѣдомыи и покровными и страшень Богъ Отець, творецъ и Господь, свѣршитель бесконѣчныхъ вѣкъ и изобрѣтель *всякои* премудрости и художеству. Нерасудимое рождение, влелѣлѣи святыхъ славы, подобныи и единочестьными Отцю и *възлюбленому твоему и вседержителю Духу*, родивыися исперва от великаго ума, всегда бывая на лонѣ родившюму тя, единыи неприкосновенѣи Троицѣ и по вочеловѣченіи твоємъ. Молю ти ся, избави оного лишенаго тѣло от поругания смолнаго и сѣры, приклони утробу свою святую къ молитвѣ худого твоего раба. Понеже скверная его душа избавленья не имѣеть, смерть бо уже заградила есть еже о немъ, да молю ти ся прося понѣ тѣло его дабы ся избавило от стыда того, дабы не отинудъ веселитися наченъ о немъ, глубныи змѣи* проклятыи пожерлѣ душу его и с тѣломъ и оскорбится святое твое имя».

Се святому молившюся, Божие просвѣщение бысть о немъ. Въ ужаси бывъ, себе види пришедша на гробъ лишена того. И се, сниде ангелъ Господень, яко скоро молния, держа палицю пламяну в руцѣ свои и прогоняше нечистыя духы, сущая тамо. И ижезоша, и прѣста от трыжнення тѣло, да не згорить смолю и сѣрою.

Се видивъ святый, благодѣть възда Богу, ускорившему на молитву его.

великой печали плачу, ибо, возлюбленный мой, я стал посмешищем демонам и вместилищем гнусного смрада».

О рассказе ангела

Когда ангел закончил, святой сказал ему: «Прошу тебя, друг мой, успокойся. Он заслужил скверную кончину: он стремился ко злу и теперь насытился им. Ты же, огнеподобный, исполненный улады, во имя Господа Саваофа вседержителя будешь пребывать во благе отныне и во веки».

После этих слов ангел невидимо улетел. Прохожие, шедшие по улице, на которой святой разговаривал с ангелом, и видя, что он стоит и разговаривает сам с собой — ибо ангела они не видели, будучи недостойны — говорили друг другу: «Взгляните на этого юродивого, как он дурачится, бессмысленно разговаривая со стеной». И толкая его и отгоняя, говорили: «Что это ты вздумал, дурак, бесноватый, стоишь и со стеной разговариваешь?»

Святой же, слыша, что они болтают, улыбнулся и ничего не сказал. И посмеявшись их неведению, отошел от них и, придя в укомное место, предался молчанию.

Молитва святого за умершего

И вспомнив о том несчастном, которого несли к могиле, стал горько плакать, пока не изнемог и глаза у него не опухли от долгого плача. И в слезах он произносил такую молитву к Господу: «Неисповедимый и невидимый и страшный Бог Отец, творец и владыка, создатель бесконечных веков и начало всякой мудрости и знания! Непостижимое рождение, великолепие святой славы, подобный и равночтимый с Отцом и возлюбленным твоим и вседержителем Духом, родившийся искони от великого ума, всегда оставаясь в лоне родившего тебя, один из нераздельной Троицы и по твоём вочеловечении! Прошу тебя, избави тело того несчастного от поругания смолой и серой, приклони утробу свою святую к молитве ничтожного твоего раба. Поскольку оскверненной его душе нет избавления, ибо смерть закрыла для него все, прошу тебя и молю, чтобы хотя бы тело его избавилось от такого позора, чтобы не до конца порадовался добыче проклятый глубинный змей и не поглотил душу его вместе с телом, оскорбляя святое твое имя».

И пока святой молился, на него снизошло озарение. И впад в экстаз, увидел себя пришедшим на могилу того несчастного. И вот спустился с небес ангел Господний, словно быстрая молния, держа в руке огненный жезл и прогоняя находившихся там нечистых духов. И они исчезли, и было прекращено поругание тела сожжением в смоле и сере.

Видя это, святой вознес благодарность Богу, исполнившему его молитву.

О тати гробномъ

По нѣколико же днии прѣставися дщи нѣкого болярина. Бѣаше же дѣвою, живши житѣе свое чисто. Закля же отца своего, прѣдъ градомъ сущю селу ихъ, да въ церкви сущѣи въ виноградѣ, ту да погребуть.

Да яко же успе, взявше, понесоша ю на то мѣсто, *гдѣ же бѣ заклала* отца своего.

В то же время бѣ нѣкто гробныи тать, иже отгрѣбая мертвеца, совлачаше с нихъ порты. Да стоя на пути, зряше, кдѣ ю хотя нести и погresti. И увѣдѣвъ, гдѣ есть погребена дѣвица, умысли и на тои то же створити.

Пригоди же ся мимоити тудѣ святому, Господа дѣля творящю ему обычаи свои. Да якоже прозря сердецъными оцима, разумѣ духомъ тщивую мысль лукаваго того. И хотя възбранити его от сего дѣяния, видяше бо, кака пагуба хоцетъ ему быти, да изувири възрѣвъ ему на лице, рече к нему, яко се гнѣваяся: «Тако глаголетъ Духъ, судныи ядущему* порты лежащихъ въ гробѣхъ: „Уже ти есть не видити солнца, уже ти есть не видити дни, уже ти есть не видити образа челоуѣцъска. Затворятъ бо ся врата дому твоего и боле того не отворятся. И померкнетъ день и не просвѣтитъ въ вѣкъ”».

Он же се слышавъ, не разумѣ, что се глаголетъ святыи, и небрѣгъ ни о коже, поиде.

Святыи же, възрѣвъ рече к нему: «Иди, иди, лишене, *укради*. Тако ми Исуса, аще створиши, нѣсть ти видити солнца».

Он же разумѣвъ гораздно, что ему есть реклъ, хвалити его нача, праведника его наричая: * «Право боголиши бѣшена, и ты глаголеши безвѣстная и тайна от смущения дѣмоньска. Язъ тамо хоцю ити, да вижду, что успѣють твоя словеса». Святыи же играя, мимоиде.

Вечеру же наставшю, обрѣте годину лишеникъ и шедъ, отвали камень от гроба и вниде во нь. Да и пѣрвое взя саванъ и амафоръ,* добра суца и честна велми. Да егда се взя, въсхотѣ отити.

Ненавистник же челоуѣцъскому роду дѣмонъ научи его сняти и срацицю и оставити тѣло наго, еже и створи. Да егда взя и срацицю, повелѣньемъ Божиимъ, яко дивна есть *повѣсть* си, десную свою руку въздвигши мертвая дѣвица, удари его за скрань. И абие ослепосте оци его. И ужасъся, нача трепетати, яко от страха того начаша скрушатися челюсти его и съ зубы и колѣнѣ его такоже.

Отверъзши же уста своя мертвая дѣвица, тако ему отвѣща: «Оканье и лишене буди, яко Бога ся еси не боялъ, ни ангелъ его. Да понѣ, яко и ты челоуѣкъ еси, да стыдитися бы было тобѣ видити женское тѣло обнажено, то ти бы было досити, еже еси преже взялъ, а срацьку вдаль бы лишеному моему тѣлу. Нѣ немилостивъ челоуѣкъ и лють на мнѣ ся еси явилъ, да умыслилъ еси створити мя смѣху въ второе пришествие всимъ святымъ дѣвамъ. Да се нынѣ

О могильном воре

Спустя несколько дней преставилась дочь одного вельможи. А была она девицей, жившей жизнь свою в чистоте. Умирая, она просила своего отца, чтобы ее похоронили в их загородном имении в часовне посреди сада.

И когда она скончалась, ее понесли хоронить на то место, которое она при жизни указала своему отцу.

В то время был один могильный вор, который, разрывая могилы, снимал с мертвецов одежды. И стоя на пути, он наблюдал, куда ее собираются нести и хоронить. И узнав, где она похоронена, задумал и с ней сотворить то же.

Случилось же проходить мимо святому, совершавшему Христа ради свои дела. И словно провидев сердечным взором, он постиг духом подлый умысел этого нечестивца. И желая отвратить его от этого деяния, ибо он знал, какое наказание тому уготовано, и грозно посмотрев ему в лицо, сказал ему с гневом: «Так говорит Дух, судящий похитителей одежд лежащих в гробах: „Не видеть тебе больше солнца, не видеть больше дня, не видеть больше человеческого лица. Ибо затворятся врата дома твоего и более никогда не откроются. И померкнет день и вовеки не рассветет“».

Тот же, услышав это, не понял, о чем говорит святой и, ни о чем не беспокоясь, отошел прочь.

Святой же, посмотрев на него, сказал: «Иди, иди, кради, безумец. Клянусь Иисусом, если сотворишь это, не видеть тебе солнца».

Тот же, вполне уразумев, что сказал ему (Андрей), стал хвалить его, называя праведником (и говоря): «Право, несчастный бесноватый, и ты по дьявольскому наущению говоришь о неизвестном и тайном. Я (нарочно) пойду туда, чтобы увидеть, исполнятся ли твои слова». Святой же, юродствуя, продолжил свой путь.

Когда настал вечер, безумец выбрал час и, придя к могиле, отвалил камень и вошел внутрь. И сначала взял саван и накидку, которые были красивы и драгоценны. И взяв это, хотел уйти.

Но ненавистник человеческого рода демон подсказал ему снять и сорочку и оставить тело нагим, что он и сотворил. И когда он взял сорочку, по воле Божьей — ибо удивительна повесть эта — мертвая девица, подняв свою правую руку, ударила его по щеке. И тотчас его глаза ослепли. И ужаснувшись, он затрепетал так, что от страха стали стучать его челюсти и колени.

И отверзнув свои уста, мертвая девица так сказала ему: «Будь несчастен и убог за то, что не побоялся ни Бога, ни ангелов его. И хотя бы ты, как человек, постыдился видеть женское тело обнаженным и удовольствовался бы тем, что ты взял сначала, а сорочку оставил бы моему несчастному телу. Но ты поступил бесчеловечно и жестоко и задумал сделать меня посмешищем перед всеми святыми девами в день второго пришествия. Но нынче я тебя проучу, чтобы ты

азъ ты устрою, да будеши к тому не краль николиже и да увѣси, яко есть Богъ живый Христосъ и яко судъ есть и възданье и по смерти животь, и весели будуть любящей Господа».

Се рекши дѣвица вѣста и въземши срацицу, облачеся и саваномъ огнуса, и мафориемъ, и паки леже с миромъ вкупѣ усну, се рекши, яко: «Ты, Господи, единого на упованье вселил мя еси».

Лишении же онъ одва възможе налѣсти стѣну виноградную и тако изиде. И близъ сущю людскому пути, пытая рукама стѣну до стѣны, и приде въ вратомъ граднымъ. И вопрошающимъ вину ослѣпленья его и како ся ему се есть створило, да тогда инако повѣдаше, а не яко ся есть створило. Послѣди же утѣшився, исповѣда все по праву к *некому* приязни своему. И оттолѣ нача просити и тако ся нача кормити.

Да другоици сѣдя и ко жрелу своему глаголаше, сваряся: «Проклять да будеши, несытныи гортане, яко тебе дѣля и чрева моего слѣпоту сию приаль есмь». И паки глаголаше: «Иже есть кормитель чреву своему, а не дѣлая, да тои крадетъ и добывается сего».

Поминая же святого, дивляшеся, яко прорече ему все, ели ся ему хотяше створити.

Мнозѣ же в ту годину се чюдо слышавше, отвѣргошася сотонина дѣла и быша добрии нравомъ и дѣломъ.

О князи, ему же мерзаше святець

Иногда паки играющю блажену по обычаю своему на иподромии и нѣчто лихо дѣющю ему, да людие зряще его, друзии тужаху, а друзии брѣзгующе проклинаху его, якоже люта бѣса имѣюща, един же нѣкто великих боляръ мимонидыи и видивъ его, съгнуся ему и плюну на нь.

Угодникъ же Христовъ долго зрѣвъ на нь и разумѣвъ житье его, рече к нему: «Лукавыи блудниче, церковныи поругателю, не ты ли, творяся, яко „Въ церковь иду на заутреню“, а *идеши Сотонѣ на заутреню*, безакониче, полунощи вѣстая. Нѣ се уже приспѣла есть руга твоя, да примеши, якоже еси и дѣяль, утаитися мня страшному оку, пытающему все».

Се же онъ слышавъ, ударивъ конь, отиде, да ся бы не срамилъ. Хартулаи бо бѣаше плоимомъ.*

По дни же нѣколько недугъмъ зломъ разболѣвся и нача помалу сушитися. И начаша его носити от *божьницы къ божьници* и от лѣчьца къ лѣчьцю, и не бѣаше ему пользя. По малу бо лишении поиде въ вѣчную муку.

Нѣколи бо нощи сущи, види святець близъ двора его аггела Господня пришедша от запада, иже бѣаше пламень, лютѣ очи имѣя и держаше палицу велику пламянну. И приде в домъ лишенаго того, грозяся и гнѣваяся, раскопати хотяи домъ его. Да егдаже к болному приде, услыша глас свыше глаголюще

никогда больше не крал и чтобы ты понял, что Христос — живой Бог, и что будет суд и воздаяние и жизнь после смерти, и веселы будут любящие Господа».

Сказав это, девица встала и, взяв сорочку, облачилась и завернулась в саван и накидку, и вновь легла и уснула с миром, сказав: «На тебя единственного, Господи, мое упование».

Несчастный же тот едва сумел найти садовую стену и так вышел. И поскольку поблизости была дорога, он, идя наощупь от стены до стены, пришел так к городским вратам. И спрашивавшим о причине его слепоты и о том, как это с ним произошло, он сначала сказал нечто другое, а не то, как было на самом деле. Но потом, успокоившись, рассказал всю правду своему другу. И с тех пор начал просить милостыню и тем стал кормиться.

И порой, сидя и обращаясь к своей глотке, ругался: «Будь ты проклята, несытая гортань за то, что из-за тебя и чрева моего я принял слепоту». И еще говорил: «Тот, кто чревоугодничают и не работает, тот крадет и получает по заслугам».

Вспоминая же святого, дивился, как тот ему предсказал все, что с ним должно было произойти.

Многие же в то время, слыша об этом чуде, отвергались сатанинских дел и были добры нравом и делом.

О вельможе, которому был противен святой

Когда блаженный время от времени глумился по своему обыкновению на ипподроме и творил нечто непотребное, и люди, видевшие его, одни скорбели, другие же, брезгая, проклинали его, как одержимого злым бесом, один из вельмож, проезжая мимо, увидев его, в отвращении на него плюнул.

Угодник же Христов, посмотрев на него долгим взглядом и прозрев его жизнь, сказал ему: «Лукавый блудник, насмешник над церковью, не ты ли, вставая ночью и прикидываясь, что направляешься в церковь к заутрени, ходишь, нечестивец, к Сатане на заутреню. Но вот уже пришло возмездие тебе, и получишь по делам твоим, которые ты совершал, надеясь укрыться от страшного всевидящего ока».

Услышав это, вельможа ударил коня и ускакал, чтобы не срамиться. Ибо он был морской хартуларий.

Спустя несколько дней он разболелся тяжелым недугом и постепенно начал чахнуть. И стали его носить из церкви к церкви, от врача к врачу, и не было ему облегчения. И вскоре он отправился на вечную муку.

Однажды ночью святой увидел у двора этого вельможи огнеподобного ангела Господня, прилетевшего с запада, который смотрел грозным взглядом и держал в руках большой огненный жезл. И он вошел в дом того несчастного, грозясь и гневаясь и намереваясь разрушить дом его до основания. И когда вошел

такое: «*Бие*те поругателя того и содомлянина и блудника и нечестиваго. Бия же его, глаголи ему тако: „Или еще блясти начнеши или с мужьскомъ поломъ или с цюжими женами, или на заутренюю поидеши къ Дьяволу?“»

Нача же его бити и глаголати к нему. Да глас бѣаше слышати клюдящаго и палицныи бои, а биющаго не видити.

Мучим же лишеныи, *нача* повѣдати хотя и не хотя, не стыдися, яко: «Уже не бляду николиже. Да помилуйте мене».

Такое же мучимъ три дни и 3 ноши и глаголя, яко «не бляду еще», душа своя не испустилъ бѣаше.

Се же, дружино моя, написахъ, слышалъ у блаженаго Андреа, на ползу и боязнь душамъ нашимъ, да быхомъ ся блюли, како ходяще на семъ свѣтѣ. Ничтоже бо не может ся Бога утаити, ни святымъ его.

Въспросих же святаго: «Како или кымъ образомъ творяше грѣхъ?»

Да отвѣща ми, рече, яко: «Имѣлъ естъ скопца два, с нима же и блядяше. Ти бо ходяще, купляху ему обѣдъ, ходяще и сѣмо и онамо, искаху ему ово дѣвица, ово мужатица и нечестивыя жены. Да к тому вся печаль ему бѣаше о тѣхъ, прѣже бо куръ вѣстая, хожаше к нимъ».

Множицею въпрашаше его своя жена, кдѣ ходитъ в такую годину. Он же глаголаше, яко: „Въ церковь хожу“.

Ходя же, и первое творяше дьяволе дѣло, потом же осквернився, смрадомъ воняя, хожаше въ церковь.

Мнози же видяше его вѣстающа рано, глаголаху, яко: „Святъ челоувѣкъ сеи естъ“. А онъ бѣаше потаенъ дьяволъ. Тѣмъже и Богови велми мерзятъ творящей тако же. Не гонать бо ему, еже естъ грѣшникъ, нѣ и славу собѣ святыа творить».

О видинѣи святаыя Богородици Вѣлахернахъ

Неусыпающи службѣ бывающи въ святѣи церкви сущии Влахернахъ,* иде блаженныи Андреи тамо же, обычая дѣя своя. Бѣаше же Епифанъ и отрокъ его единъ с нимъ. Да стояху другици до полунощи, а другици до свѣта.

Часу же ношному сущю 4-му,* узри блаженныи Андреи святую Богородицу очивѣсть, вельми сущю високу, пришедшую цѣсарьскими враты, страшными слугами, в нихже бѣаше честныи Предтеча* и Громныи Сынъ,* обаполу держащю ю. И инѣи святци мнозѣ в бѣлахъ ризахъ идяху предъ нею, а друзѣи по неи с пѣсними духовными.

Да егдаже приде близъ амбона, приде святець къ Епифанови и рече: «Видиши ли Госпожю всего мира и цѣсарицю?»

Он же рече: «Вижду, отче мой».

И сима зрящими, приклоньши колѣни, на многы часы молитися нача, слезами кропящи боговидное свое лице. По молитвѣ приде къ олтарю, молящися о стоящихъ людѣи тамо.

к больному, свыше раздался голос, говорящий: «Бей этого хулителя, содомлянина, блудника и нечестивца. И, бия, наказывай ему: „Будешь еще блудить с мужским полом и с чужими женами? Будешь ходить на заутреню к Дьяволу?“»

И стал (ангел) бить его и наказывать ему. И был слышен голос ангела и звуки ударов, а бьющего не видно.

В мучениях несчастный волей-неволей, не стыдясь, взмолился: «Больше никогда не буду блудить! Помилуйте меня!»

Так мучимый три дня и три ночи и повторяя: «Больше не буду блудить!», — он испустил дух.

Это, друзья мои, я слышал от блаженного Андрея и записал для пользы и в назидание душам нашим, чтобы соблюдали себя в чистоте, ходя по этому свету. Ибо ничто не может утаиться от Бога и его святых.

И спросил я святого: «Как и каким образом несчастный грешил?»

И, отвечая мне, он сказал: «У него было два скопца, с которыми он и блудил. И они покупали ему обед и, расхаживая по городу, подыскивали ему то девиц, то замужних женщин, то блудниц. И все мысли его были заняты этим, и вставая до петухов, ходил к ним.

Жена его часто спрашивала, куда он ходит в такой час. Он же отвечал: „В церковь хожу“.

И уходя, он сначала занимался дьявольскими делами, а потом, осквернившись, смрадно воняя, шел в церковь.

Многие же, видя, как рано он встает, говорили: „Это святой человек“. А он был тайный дьявол. Поэтому Богу противны поступающие так. Не довольно ему, что он грешник, но еще создает себе славу святого».

О видении святой Богородицы во Влахернах

Когда бывало всенощное бдение в святой церкви во Влахернах, блаженный Андрей шел туда, совершая свои обычные дела. Епифаний с одним из своих слуг тоже бывал с ним. И стояли иной раз до полуночи, а иногда до рассвета.

В четвертом часу ночи блаженный Андрей увидел наяву святую Богородицу, вошедшую через Императорские врата — очень высокую, в сопровождении грозных слуг, среди которых были честной Предтеча и Сын Грома, поддерживавшие ее с обеих сторон. И множество других святых в белых ризах шли перед нею и за ней с духовными песнями.

И когда она приблизилась к амвону, святой подошел к Епифанию и спросил: «Видишь Владычицу и Царицу мира?»

Тот ответил: «Вижу, отец мой».

И на их глазах она преклонила колени и долго молилась, орошая слезами богоподобное свое лицо. Окончив молитву, она подошла к алтарю и молилась за стоящих там людей.

Да егда ся отмоли, мафоръ* ея, яко молниино видиние имѣя, еже на пречистѣмъ ея вѣрстѣ лежаще, отвивши от себе и пречистыма своима рукама вземъши, страшно же и велико суще, вѣрху всѣхъ людѣи простре стоящихъ ту. Еже на многы часы видисте святца вѣрху люди прострето суще и сияя, яко же иликтрь,* славу Божию. Да донелѣже бѣаше тамо святая Богородица, видисте и та, а понелѣже отиде, боле того не видисте, взяла бо будетъ со собою, а благодѣть оставила естъ сущимъ тамо.*

И помолившись, она сняла с себя сияющий, словно молния, мафорий, который покрывал ее пречистую голову и плечи, и, взяв в свои пречистые руки, — был он велик и страшен — распростерла над стоящими там людьми. Долгое время видели его святые распростертым над людьми и излучающим, словно электр, славу Божью. И пока святая Богородица находилась там, они видели и покров, а когда она удалилась, они его больше не видели, ибо она взяла его, очевидно, с собой, а благодать оставила тем, кто был там.

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

КНИГЫ ВАРЛАМ.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ИЗ УТРЕННЯЯ
ЕФИОПЬСКИЯ СТРАНЫ, ГЛАГОЛЕМЫЯ ИНДЕЙСКИЯ
СТРАНЫ,* ВЪ СВЯТЫЙ ГРАД* ПРИНЕСЕНО ИОАНОМЪ
МНИХОМЪ И МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМЪ И
ДОБРОДѢТЕЛНЫМЪ СУЩАГО ОТ МАНАСТЫРЯ
СВЯТОГО САВЫ

⟨...⟩ Инъдейскаа глаголемаа страна далече бо прилежить Егупта, велика бо суши и многочисловечна. ⟨...⟩ Въста нѣкий царь в той странѣ именемъ Авенирь вели бо бысть богатствомъ и силою ⟨...⟩ зѣло о бесовьстѣй прелести* прилежа ⟨...⟩ Родися ему отроча отнуд красно ⟨...⟩ Иоасафъ нарече ему имя ⟨...⟩ Въ той же праздникъ рождение отрочяте придоша къ царевѣ изборнии мужи яко до пятидесять и пять, от халдѣян* наученѣ мудростию о звѣздныхъ течений ⟨...⟩ Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мудрѣй рече: «Яко научаютъ мя звѣздная течениа, о царю, поспѣшение ⟨...⟩ нынѣ родившюся отрочяте твоему не въ твоє царство будетъ, нѣ въ ино въ лучше ⟨...⟩ Мню же и тобою гонимѣй крестьяньстѣй вѣрѣ прияти его...»

Царь же, яко услышавъ сиа, печаль бысть ему въ веселиа мѣсто. Въ градѣ Домостъ* полату създавъ осьбѣ красну ⟨...⟩ ту отроча всели по скончании перваго въздраста, не исществовану ему быти ничегоже повелѣ, пѣстунѣя же и слугы пристави юны въздрастомъ и образомъ красны, запретивъ имъ ничесоже житиа сего явите ему, ни скорбна сътворити ⟨...⟩, да ⟨...⟩ отнуд ни худымъ глаголомъ о Христосѣ и учении его и о законѣ да услышитъ ⟨...⟩

Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественныхъ, житиемъ и словомъ украшенъ ⟨...⟩ Варламъ бѣ имя сему старцю. Се убо откровениемъ некоторымъ от Бога бысть ему увѣдити о сынѣ царевѣ. Изышедшю ему ис пустыни, ⟨...⟩ в ризы же мирьскыя облекся и в лодию всѣдъ, прииде въ царствие Инъдиское и створився купцемъ, в град той приде, идеже царевъ сынъ полату имяше ⟨...⟩ Пришедъ особѣ, глагола ⟨...⟩: «⟨...⟩ Купецъ есмь азъ ⟨...⟩ имамъ камыкъ честныи, емуже подобие нигдѣже не обретесе, ⟨...⟩ можетъ слѣпя сердцемъ свѣтъ даровати премудрый и глухимъ уши отверзати и нѣмымъ гласъ дасть ⟨...⟩»

Глагола Иасафъ к старцю: «Покажи ми многоцѣннаго камыка ⟨...⟩ Ищю слова слышати нова и блага ⟨...⟩»

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

КНИГИ, НАЗЫВАЕМЫЕ ВАРЛААМ,
ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ,
ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЭФИОПСКОЙ СТРАНЫ,
НАЗЫВАЕМОЙ ИНДИЕЙ, В СВЯТОЙ ГРАД
ИЕРУСАЛИМ ПРИНЕСЕННАЯ ИОАННОМ, МОНАХОМ,
МУЖЕМ ЧЕСТНЫМ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ,
ИЗ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВВЫ

⟨...⟩ Страна, называемая Индийской, лежит далеко от Египта, велика и многонаселенна. ⟨...⟩ Правил в той стране некий царь по имени Авенир, великий богатством и могуществом ⟨...⟩ весьма привержен он был бесовской прелести. ⟨...⟩ Родился у него прекрасный сын ⟨...⟩ Иоасафом назвал его царь ⟨...⟩ В самый праздник рождения отрока пришли к царю пятьдесят пять избранных мужей, наученных халдейской мудрости звездочетства ⟨...⟩ Один из этих звездочетов, самый старый и мудрый, сказал: «Как говорят мне движения звезд, о царь, преуспевание ⟨...⟩ ныне родившегося сына твоего не в твоём царстве будет, но в ином, в лучшем ⟨...⟩ Думаю я, что примет он гонимую тобою христианскую веру...»

Царь, услышав об этом, впал в печаль вместо радости. Выстроив в городе Домосе уединенный прекрасный дворец, он поместил туда сына, как только тот вышел из детского возраста; и повелел, чтобы царевич не выходил никуда, и приставил к нему воспитателями и слугами молодых и самых красивых людей, запретив им рассказывать ему о жизни, о горестях ее ⟨...⟩, чтобы ⟨...⟩ не услышал он ни одного слова о Христе, учении его и законе ⟨...⟩

Был в то время некий монах, умудренный божественным учением, украшенный святой жизнью и красноречием ⟨...⟩ Варлаам было имя тому старцу. Божественным откровением дано было ему узнать о царском сыне. Покинув пустыню, ⟨...⟩ оделся он в мирскую одежду и, сев на корабль, прибыл в Индийское царство, прикинулся купцом и пришел в тот город, где жил во дворце царевич ⟨...⟩ Придя однажды, Варлаам сказал ⟨...⟩: «Я купец ⟨...⟩ есть у меня драгоценный камень, подобного которому нет нигде; ⟨...⟩ может он тем, кто слеп сердцем, даровать свет мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос ⟨...⟩»

Сказал Иоасаф старцу: «Покажи мне драгоценный камень ⟨...⟩ Хочу услышать слово новое и доброе ⟨...⟩»

И Варлам вѣща: «(...) Бѣ бо нѣкий царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣхъ позлащенъ и окрестъ его оруженници, якоже подобаетъ царемъ; усрести два мужа растерзаными ризами и скверными оболчена суша, худа же лицемъ и зѣло поблѣдѣвша. Бѣ же царь сею зная, телеснымъ си томлениемъ и постнымъ трудомъ и потомъ тѣлу изѣдаему. Якоже узри я, съскочи абие с колесница и падъ при землѣ, поклонися има и, вставъ, объять я с любовью и лобызаа ею. Велможе его и князь негодоваша о семъ, яко недостойно царьскыя славы се створити доумевающимъ. Не дерзающе же предъ лицемъ обличити, искренному брату его глаголаша, да глаголетъ къ царевѣ да не досажати высоту и славу царьскаго вѣнца. Сему же си къ брату глаголющую, негодующую ему тщеславия его худаго, дасть ему отвѣтъ царь, егоже брат не разумѣ.

Обычай же бѣ тому царю, егда отвѣтъ смертный которому даяше, проповедники къ вратомъ его посылаше, въ трубе смертнѣй увѣдати глаголемое, и гласомъ трубнымъ разумаху вси, яко виновать смерти тѣ есть. Вечеру убо наставшю, посла царь трубу смертную въструбити при дверехъ дому брата своего. Якоже услыша онъ трубу смертную, недоумѣваше о своемъ животѣ и размышляше о себѣ всю ночь. Утру же наставшю, оболкъся в худыя и в плачаныя одежда, купно с женою и с чады иде къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачяся и рыдая.

Введе же его царь к себѣ и тако видивъ и рыдая, глагола к нему: „О неразумне и безумне, яко ты тако устрашися преподобника* подобноrozena ти и подобночестна своего брата, к нему никакоже весма себѣ съгрѣшивша вѣдая, како на мя зазрѣние наведе, въ смиреннии цѣловавшю ми и проповидника Бога моего гласнѣе трубы наречествовавшю ми смерть и страшнаго усрѣтениа Владыкы моего, яко многа и велия в себѣ грѣхы свѣдая. Се убо нынѣ твоего обличия неразумна, таковымъ образомъ замыслихъ, такоже с тобою свѣщавшимъ еже о мне зазора, скоро наявѣ обличю“. И тако угодивъ брату своему и показавъ, пусти в свой домъ.

Повелѣ же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златомъ и костѣ мертвыя смердяща вложить в ня, златыми же гвозды загвозди а. Другою же двою помазавъ смолою и попеломъ и наполни а камыкъ честныхъ и бисеръ многоцѣнныхъ, всѣхъ вонь благоуханныхъ исполнивъ. Власяными ужи обвязая и призвавъ вельможи, зазрѣвшимъ царя от двою оною мужю смиренною сретшею, и постави предъ ними четыре ковчеги, да судятъ, колику достойна еста златаа, колику же осмолена. Онѣ же двою златою осудиша я къ множеству цѣны достойна еста, мняхуть бо, яко царьстии вѣнци и поясы вложенѣ в ня. Смолою же помазаная и попеломъ малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: „Видяхъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственнымима очима чювьственный образъ разумеете, еще же не тако подобаетъ творити, нѣ утренима очима внутрь лежащее подобаетъ видѣти, ли честь, ли бесщестие“.

И Варлаам отвечал: «(...) Был некий царь великий и славный, ехал он однажды на золотой колеснице и в окружении стражи, как и подобает царям; встретились ему два человека, одетые в рваные и грязные одежды, с изможденными и бледными лицами. Знал царь их, истощивших свою плоть телесным изнурением, трудом и потом поста. Как только увидел он их, сошел тотчас с колесницы и, пав на землю, поклонился им; поднявшись, обнял их с любовью и облобызал их. Вельможи его и князья вознегодовали на это, полагая, что сделал он это недостойно царского величия. Не смея обличить его прямо, уговорили они брата его родного сказать царю, чтобы тот не оскорблял величия и славы царского венца. Когда брат сказал об этом царю, негодуя на неуместное его унижение, дал ему ответ царь, которого брат не уразумел.

А у того царя был обычай: когда он выносил кому-либо смертный приговор, то посылал к дверям этого человека глашатая с трубой смерти возвестить приговор, и по звуку трубы узнавали все, что тот осужден на смерть. И когда настал вечер, послал царь трубу смерти трубить у дверей дома брата его. Когда же услышал тот трубу смерти, то отчаялся в своем спасении и всю ночь провел в мыслях о себе. Когда настало утро, то, одевшись в жалкие и траурные одежды, вместе с женой и детьми отправился он к царскому дворцу и встал у дверей, плача и рыдая.

Ввел его царь к себе и, видя его рыдающим, сказал ему: „О глупый и безумный, если ты так утрастился глашатая единоутробного и равного тебе чество брата, перед каковым не знаешь никакой своей вины, то как же мог ты укорять меня за то, что я смиренно приветствовал глашатаев Бога моего, громче трубы возвещающих мне смерть и страшное предстание перед Владыкой моим, перед которым сознаю в себе многие и тяжкие грехи. Таким образом и задумал я поступить с тобой, чтобы ныне обличить твое неразумие, а также заодно с тобой советовавших укорить меня скоро открыто обличу”. И так вразумив брата своего, отпустил его в дом его.

И повелел царь сделать четыре ковчега из дерева, два позолотить и вложить в них смердящие кости мертвецов, забив золотыми гвоздями; два же других, обмазав смолой и дегтем, наполнить драгоценными камнями, дорогим жемчугом, умастив их всякими благовониями. Обвязав ковчеги волосяными веревками, призвал царь вельмож, осуждавших его за смиренное приветствие тех двух мужей, и поставил перед ними четыре ковчега, чтобы оценили они достоинства позолоченных и осмоленных ковчегів. Они же оценили два позолоченных как достойные самой высокой цены, ибо полагали, что в них вложены царские венцы и пояса. О ковчегях же, обмазанных смолой и дегтем, сказали, что они достойны малой и ничтожной цены. Тогда царь сказал им: „Знал я, что так скажете, ибо, поверхностное имея зрение, воспринимаете вы лишь внешний образ; но не так следует поступать, а внутренним зрением подобает видеть сокрытое внутри — ценное оно или не имеющее цены”.

И повелѣ царь отвѣсти златаа ковчега. Отверзенома же ковчегема, злый смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна бысть видѣ. Рече убо царь: „Се образъ есть въ светлыя и славныя оболченымъ, много славою и силою гордящимся, и вънутрь суть мертве смердѣщаа кости и злыхъ дель исполнь”. Таче повелѣ отверсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверзенома сущимъ ту вся възвеселиста о лежащихъ в нею свѣтлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: „Весте ли, кому подобна еста ковчега си? Подобна еста смиренныма онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъже въ внешний образъ видяще, досаждение въменисте лица ею мое поклоняние до земля. Азъ же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, чюдився ею прикосание, лучше вѣнца и лучше царскаго обдѣ честнейшая вменихъ”. Тако осрами велможа своа и научи я о видимыхъ не блазнитися, нъ и разумныхъ вниматися» (...)

Иоасафъ же к нему отвѣща: «Велия и дивныя вещи глаголеши ми, о человеце (...) Что подобаесть сътворити намъ да избѣгнута уготованныхъ мукъ грѣшникомъ и сподобитися радости праведникъ?» (...)

Варламъ же купно отвѣщаваше: «(...) Сущему бо въ неразумении Божии тма есть и смерть душевная или работати идоломъ на погыбеліе естественое (...) Кому уподоблю и како ти образъ неразумѣющихъ предпоставлю, нъ притчу ти приложу, нѣкорымъ мужемъ премудрымъ изглаголако ко мнѣ. Глаголаше бо, яко подобнѣ суть идоломъ кланяющіися человеку липителю, иже устройвъ лѣпа, ятъ единъ от малыхъ птицъ, соловей сию наричють. Прием же нож, закалаеъ ю на ядъ, дасться соловьевѣ глас язычный, и глагола к лѣпителю: „Кая ти полза, человеце, о моемъ заколении? Не возможеши бо мною наполнити своего чрева, нъ еще от сихъ узъ свободиши мя, дам ти заповѣди три. Еще храниши, то велика полза ти будетъ паче живота своего”. Онъ же чюдився о глаголанію птицы, воскорѣ свободитъ ю от узъ. Възвративъ же ся, соловей глагола человеку: „Никогдаже ничтоже от неприиманныхъ начни приимати, начнеши яти, и не буди каеся о вещи мимоходящи, и невѣрну слову никогда ими вѣру. Си убо три заповѣди храни, и добро ти будетъ”.

Радуюся мужъ о добрѣ видении и о разумнемъ глаголаніи, разрешивъ от уз, на аеръ пусти. Соловѣй же убо, хотя увѣдити, аще разумѣ мужъ глаголаныхъ ему силу глаголѣ и аще ли наплодися кою любо ползу от нихъ, глагола к нему парящи птица на аерѣ: „Въздокни о своемъ несвѣщани, человеце, каково бо днесъ съкровище погуби. Есть бо внутреннихъ бисеръ преимѣя величествомъ струфокамиловыхъ яицъ”.

Якоже услыша си лѣпителъ, печаленъ бысть, каеся, како избѣжа соловей тѣ из руку его, и хотя абие яти ю, рече: „Прии в домъ мой, и друга створившему тя добрѣ с честию отпущю”. Соловѣй же рече к нему: „Нынѣ убо крѣпко не разумѣ. Приемъ бо глаголанное к тебѣ с любовію и съ сладостию послуша, ни единая же от нихъ ползы стяжа си. Рекохъ ти — не кайся о вещи

И велел царь открыть позолоченные ковчеги. Как только раскрыли ковчеги, страшный смрад повеял оттуда и безобразное открылось взорам. И сказал царь: „Это подобие тех, кто облечен в сверкающие и дорогие одежды и горд своей славой и могуществом, внутри же полон мертвых и смердящих костей и злых дел”. Затем повелел открыть ковчеги, покрытые смолою и дегтем. И когда их раскрыли, все поразились прекрасным видом лежащего в них, и благоухание исходило из них. И сказал царь вельможам: „Знаете ли, кому подобны эти ковчеги? Подобны они тем двоим смиренным и в жалкие одежды облеченным; вы же, видя их наружный образ, поносили меня за то, что я до земли поклонился перед лицом их. Я же, разумными очами познав благородство их и красоту душевную, почел за честь для себя прикоснуться к ним, считая их дороже царского венца и лучше царской одежды”. Так устыдил царь своих вельмож и научил их не обманываться видимым, а внимать разумному» (<...>)

Иоасаф же ему отвечал: «Великие и дивные слова говоришь ты, человек. (<...> Что же должны делать мы, чтобы избежать мук, уготованных грешникам, и удостоиться радости праведников?» (<...>)

Варлаам вновь отвечал: «(<...> Тот, кто не ведает Бога, пребывает во тьме и смерти душевной и в порабощении идолам на погибель всей природы. (<...> Чтобы уподобить и выразить неведение таких людей, поведаю тебе притчу, рассказанную мне одним мудрейшим человеком. Он говорил, что поклоняющиеся идолам подобны птицелову, который, устроив силки, поймал однажды малую птицу, называемую соловей. Взяв нож, собрался он уже заколоть ее, чтобы съесть, как вдруг соловей заговорил человеческим голосом и сказал птицелову: „Какая тебе польза, человеке, если убьешь меня? Ведь не сможешь даже наполнить мною свой желудок, но если из силков освободишь меня, то дам тебе три заповеди. Соблюдая их, великую пользу приобретешь себе во всю твою жизнь”. Подивился птицелов речи соловья и обещал, что освободит его от уз. Обернувшись, соловей сказал человеку: „Никогда не стремись достичь невозможного, не жалея о том, что прошло мимо, и не верь никогда сомнительному слову. Храни эти три заповеди и будешь благоденствовать”.

Обрадовался птицелов удачной встрече и разумным словам и, освободив птицу из силков, выпустил ее на воздух. Соловей же захотел проверить, уразумел ли человек смысл сказанных ему слов и получил ли какую-нибудь пользу от них, и сказала ему птица, паря в воздухе: „Пожалей о своем неразумии, человеке, ведь какое сокровище упустил ты ныне. Есть внутри у меня жемчуг, превосходящий величиною страусово яйцо”.

Услышав это, опечалился птицелов, сожалея, что упустил соловья из рук, и, желая снова поймать его, сказал: „Приди в дом мой, и, приняв тебя как друга, с честью отпущу”. И ответил ему соловей: „Ныне оказался ты весьма неразумным. Ведь приняв сказанное тебе с любовью и охотно выслушав, никакой пользы не получил ты от этого. Сказал я тебе — не жалея о том, что

мимоидуши, и бысть ти печаль, яко от руку твоею избѣгохъ, каюся о вещи мимошедши. Глаголахъ ти — не начни от неприатыхъ примати, и хочети яти мя, не могый примати моего шествиа. К симъже и невѣрна глагола не ими вѣры, глаголахъ ти, нъ се веру ять, яко есть вънутренихъ моиъ бисеръ паче възраста моего, и недомыслися разумѣти, яко весь азъ не могу прияти в себѣ толико великихъ яиць струфокамиловыхъ и како бисера толика вмѣстити имамъ в себѣ". Тако убо не разумѣють надѣющихся на идолы своя <...>

Иоасафъ рече: «<...>Хотяхъ путь обрести хранити истинно и повѣлѣния Божиа и не уклонитися от нихъ...»

Варлам же глагола: «...Связанъ житейскими вещьми и своихъ прилежа печалий и мятежа и въ пищи живя... подобнѣ суть мужю, бѣгающю от лица бѣсующомуся инорогу, яко не терпящу гласа въпля его и рютиа его страшнаго, нъ крѣпко отбѣгъ, да не будетъ ему ядь. Текущую же ему борзо, в великъ ровъ въпаде. Впадающую же ему, руцѣ простеръ, за древо твердо ятъся, держащую же ся ему крѣпко, яко на степенѣ нозѣ утвердивъ, мняше миръ уже есть и твердынѣ. Възрѣвъ же убо, видѣ двѣ мышѣ, *едину белу, а другую черну*, ядуша беспрестанѣ корень древа, идѣже бѣ держася, и елма же приближающихся да погрызета древо. Възревъ въ глубину рва и змѣя види страшна образомъ и огнемъ дышуща и горко взирающа, усты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща. Възрѣвъ же абие на степенъ онъ, идеже нозѣ его утверженѣ бѣста, четыре главы види аспидовы, из стѣны исходяща, идеже бѣ утвердился. Възрѣвъ очима, видѣ из вѣтвий древа того мало медъ. Оставивъ убо рассмотреть одержавшихъ его напастей, яко внѣуду бо инорогъ злѣ бѣсуюся искаше его на ядь, долѣ же злый змий зѣяя да пожреть его, древо же, о немъже ятъся, уже пастися хотяше, нозѣ же на колзание и нетвердо степенѣ утверженѣ, толики убо и таковыхъ злыхъ забывъ, потща себе на сладость горкаго оногo меду.

Се подобие въ прелести сущимъ сего жития створившемъ. Сию истину изглаголю ти мира сего прелщающихся, егоже сказание ныне реку ти. Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняй выину и яти послѣдствуетъ Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, от двою мышю беспрестанѣ грызаемо, ихже створихомъ путь есть, яко жившю комуждо ядомыи гибляяи час радѣ дневныхъ и ношныхъ и уськновение коренное приближается. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенныхъ и безмѣстныхъ стухый* и съставлено человеческое тѣло съставляется, имиже бещиинствуящемъ и мятущемъ телесный раздрушается съставъ. К симъже огненный онъ и немилостивый змий страшное изобразуетъ адово чрево, зѣвающую приати же сущихъ красоть паче будущихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляеть всего мира сладкихъ, имже онъ прелща злѣ своя другы и оставляеть я прилежания творити о спасении своемъ <...>

прошло мимо, а ты печалишься, что выпустил меня из рук, жалея об упущенном. Сказал тебе — не стремись достичь невозможного, а ты хочешь поймать меня, не будучи в силах догнать. К этому же сказал я тебе — не верь невероятному, но ты поверил, что внутри меня есть жемчуг больше меня самого, и не сообразил ты, что весь я не могу вместить в себе такое большое страусово яйцо; как же может быть внутри меня жемчуг такой величины?” Таковы неразумием и те, кто надеется на идолов своих {...}»

И сказал Иоасаф: «{...} Я желал бы обрести путь, чтобы хранить в чистоте заповеди Божии и не уклоняться от них...»

Варлаам же отвечал: «...Те, что связаны житейскими делами, и заняты своими заботами и волнениями, и живут в наслаждениях... подобны человеку, убегающему от разъяренного единорога: не в силах вынести звука рева его и рычания его страшного, человек быстро мчался, чтобы не быть съеденным. А так как он бежал быстро, то упал в глубокий ров. Падая, простер он руки и ухватился за дерево, и, крепко держась, оперевшись ногами на выступ, считал он себя уже в покое и безопасности. Взглянув вниз, увидел он двух мышей, одну белую, а другую черную, грызущих непрерывно корень дерева, за которое он держался, и уже почти сгрызших корень до конца. Взглянув в глубину рва, увидел он дракона, страшного видом и дышащего огнем, свирепо глядящего, страшно разевающего пасть и готового проглотить его. Посмотрев же на выступ, в который уперся ногами, увидел он четыре змеиных головы, выходящих из стены, о которую он опирался. Подняв глаза, увидел человек, что из ветвей дерева понемногу капает мед. Забыв и думать об окружающих его опасностях: о том, что снаружи единорог, свирепо беснуясь, стремится растерзать его; внизу злой дракон с разинутой пастью готов проглотить его; дерево, за которое он держится, готово упасть, а ноги стоят на скользком и непрочном основании, — забыв об этих столь великих напастях, предался он наслаждению этим горьким медом.

Это подобие тех людей, которые поддались обману земной жизни. Эту истину о прельщающихся этим миром изложу тебе, смысл этого подобию сейчас расскажу тебе. Ибо единорог — это образ смерти, вечно преследующей род Адама и наконец пожирающей его. Ров же — это весь мир, полный всяких злых и смертоносных сетей. Дерево, непрерывно подгрызаемое двумя мышами, — это путь, который совершаем, ибо пока каждый живет, поглощается и гибнет сменой часов дня и ночи, и усекновение корня приближается. Четыре же змеиных головы — это ничтожные и непрочные стихии, из которых составлено человеческое тело; если они приходят в беспорядок и расстройство, то разрушается телесный состав. А огнедышащий и беспощадный дракон изображает страшное адово чрево, готовое пожрать тех, кто предпочитает наслаждения сегодняшней жизни благам будущей. Капля меда изображает сладость удовольствий этого мира, которыми он зло прельщает любящих его, и они перестают заботиться о спасении своем {...}

Абие подобнѣ суть възлюбившеи всего мира красоту и сладости его насладившеся, паче же будущихъ и недвижимыхъ мимотекущая и немощна пречестнаа изволѣша человеку, три другы имущю, в нихъ бо двою с любовию чтяше и зѣло любовию възприимаше, даже и до смерти ихъ подвизаяся и ею радѣ бѣды терплю глаголаше, на третьемъ же много небрежение имяше, ни чти, ни яко достояше его сподобити когда любо чти и любве, мало нѣкое и ничесо же рещи на нь творяше дружбу.

Въ единѣ от дний дойдуть к нему страшнѣи нѣции и грознии воинници, тѣшася скоростию велѣю сего вести къ царю, слово да дасть, имѣже есть долженѣ тмою талантѣ. Унывшю же бывшю ему, искаше помощника, да заступитъ его къ страшному цареву отвѣту, текъ же убо къ первому своему и всѣхъ искренѣйша друга, глагола: „Свѣдаеши, о друже, яко выину полагахъ душу свою тебе ради. Нынѣ же требую помощи въ день сей от одержашаа мя радѣ бѣды и нужда. Тако убо исповѣжъ, заступиши ли мя ныня и каа от тебе будетъ ми надежа, о друже възлюбленне”. Отвѣщавъ убо, онѣ глагола: „Нѣсмь тебѣ другъ, человеце, ни свѣдаю, кто ты еси, ины бо имамъ другы, с ними же ми днесъ веселитися и другыя на прочее створити. Се дамъ ти сукняницъ двѣ, да имаеши на путѣ, аможе шествуеши, от нею же ти будетъ никакаяже полза, иная же ни единая не чай от мене надежа”.

Сня услышавъ онѣ и недоумѣваяся о отвѣтѣ семъ, еяже помощъ надѣяшася от него, и тече къ етерому другу и глагола к нему: „Помниши, о друже, колико от мене приа честь и добрыхъ ученѣй. Днесъ же и въ печаль впадъ и въ напасть великую, требую съпоспѣшителемъ. Како убо можеши со мною потрудитися, и сихъ да разумѣю”. Другъ же отвѣща: „Се празденъ днесъ с тобою потружатися, въ печаль бо и азъ и въ напастехъ впадъ, въ скорби есмь. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе зде, своими печальми пекуйся”.

Тѣшама же рукама оттуду възвратився человекъ той и о всѣхъ недоумѣвая, рыдаа себѣ о суетнѣй надеже неразумныхъ своихъ другъ и непромысленъ страды своя, ихъже онѣхъ ради любве потерпи, таже иде къ третьему своему другу, емуже никогдаже створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицемъ и долу зря: „Не имамъ устѣ развести к тебѣ, свѣдаа истинною, яко не помниши мене никогдаже добро створшю ти, аще и дружбу приложихъ к тебѣ. То зане напасть ятъ мя лютая. Никакоже весма от другъ моихъ обретохъ надежю о спасении моемъ, придохъ к тебѣ, моляся, аще есть ти възможно малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрицайся, помня моего неразумиа”. Онѣже рече тихимъ лицомъ и с радостію: „Подобаеть друга своего искренняго глаголю тя суца и малое помню твое оно добродѣяние, съ прилежаниемъ днесъ въздаваю ти, изъумолю о тебе царя. Не бойся убо, ни устрашайся, азъ бо преже тебе дойду къ царю и не предамъ тебе в руки врагъ твоихъ. Дерзай убо, възлюбленне друже, и не буди въ скорбѣ и

Возлюбившие же удовольствия этой жизни и наслаждающиеся ее сладостями, те, кто предпочитает быстропроходящее и непрочное будущему и надежному, подобны человеку, имевшему трех друзей; из них двух он весьма почитал и очень любил, говорил, что готов принять смерть и вынести любые испытания ради них; третьим же весьма пренебрегал, не уважал и никогда не удостоил его оказать ему честь и любовь, проявлял совсем малую дружбу, если не сказать — никакую вообще.

Однажды пришли к этому человеку страшные и грозные воины, чтобы немедленно отвести его к царю отвечать за долг в десять тысяч талантов. Опечалившись, стал он искать заступника, чтобы помог ему ответить перед царем, и пошел к своему первому и самому близкому другу, говоря ему: „Ты знаешь, друг, что всегда готов был я душу положить за тебя. Ныне же и сам я нуждаюсь в помощи в постигших меня горе и нужде. Так скажи, сможешь ли ты мне теперь и на что я могу надеяться от тебя, любезный друг?” Тот же ему сказал в ответ: „Я не друг тебе, человек, и не знаю, кто ты; есть у меня иные друзья, с ними буду я сегодня веселиться и сделаю их друзьями и впредь. Тебе же дам два рубища, чтобы имел их в пути, которым пойдешь, но не будет тебе от них никакой пользы, а иной никакой не жди от меня помощи”.

Услышав это и отчаявшись в ответе того, на чью помощь он надеялся, отправился человек ко второму другу и сказал ему: „Помнишь ли, друг, сколько видел от меня чести и добрых советов? Ныне же и я в печали и в напасти великой и нуждаюсь в помощнике. Как можешь разделить со мною мои трудности, хочу знать”. Друг же ответил: „Нет у меня времени сегодня делить с тобой трудности, ибо я сам в печали и напастях, одолевших меня, и в скорби. Впрочем, немного пройду с тобой, и если не смогу помочь тебе, то сразу вернусь от тебя сюда, свои имея заботы”.

Возвратившись и от второго друга с пустыми руками, тот человек и совсем отчаялся, оплакивая пустую надежду на помощь от своих неблагодарных друзей и бессмысленные труды, которые претерпел прежде ради любви к ним; и пошел он к третьему своему другу, которому он никогда не услужил, не приглашал, и обратился к нему со смущенным лицом и глядя вниз: „Не смею и раскрыть уст перед тобой, зная истинно, что не вспомнишь ты, чтобы я когда-нибудь сделал тебе добро или проявил дружбу. Теперь же напала на меня беда злая. Не получив совсем никакой надежды на спасение от моих друзей, я пришел к тебе и молю, если только можешь, помоги мне хоть немного, не откажи мне, памятуя о моем неразумии”. Тот же отвечал с ласковым и радостным лицом: „Я считаю тебя ближайшим моим другом и, помня небольшое твое ко мне благодеяние, сторицею сегодня воздам тебе, попрошу за тебя царя. Не бойся и не страшись, ибо я пойду вперед тебя к царю и не предам тебя в руки врагов твоих. Мужайся, любезный друг, и не будь в скорби и в печали”. Тогда,

печаль". Тогда умилился онъ глаголаше съ слезами: „Увы ми, како прежде поплачюся о любвѣ, юже на непамятивую и неблагодарственную и лживу дружбу оною ли вредоумную поплачу недоумѣвание, еже нѣ и истиннаго сего искренняго показа друга”».

Иоасафъ же, и сего слова примъ, чюдися, извѣтования искаше, и глагола Варламъ: «Первый убо другъ есть богатое имѣние, еже и златолюбезно желание, егоже радѣ многыя человеки впадаютъ в бѣды и многыя терпятъ страды. Пришедши же послѣднѣй смертнѣй коньчинѣ ничтоже от всѣхъ тѣхъ со събою възметъ, токмо еже на провожение безуспѣшныхъ другъ. Второй же другъ нареченъ бысть жена и чада и прочаа ужикы и свои, тѣхже любвѣ прилѣпнѣ есмь, злѣ отринутися имамъ самой души и тѣлу любвѣ ихъ радѣ призираемому. Каа же есть нѣкая от нихъ добродѣтельствуесть в час смертнѣй, нѣ токмо еже и до гроба провожаютъ, абие же обращается, своихъ имуть печаль и напасть, не имея забыти память ли тѣло, некогда възлюбленаго погребше въ гробѣ. Третѣй же другъ есть мимотекий временнѣй неприкосновеннѣй, нѣизбежнѣй и якоже от побѣды, иже добрыми дѣлы ликъ пребываетъ, еже есть вѣра, надежа, любы, милостынѣ, человеколюбие и прочихъ добродѣтельныхъ полкъ, могый предъ нами шевствовати, егдаже исходимъ от тѣла, нас радѣ помолитися къ Богу и от врагъ нашихъ насъ избавити, от злыхъ истязатель словодатие намъ горко есть на аерѣ движущемся и яти горко искуще. Се есть доблоразумнѣй другъ и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою намъ вся отдаваа».

Абие убо Иоасафъ вѣща: «(...) Убо еще изобразуй ми образъ суетнаго сего мира, како убо кто с миромъ и твердынею сего придеть».

Въспримъ же слово Варламъ глагола: «Послушай убо и сей притчи подобие. Градъ некый великий слышахъ, егоже граждане тако обычай имяху от древнихъ примати чюжа нѣкоего мужа, ни разумѣющю о законѣ града того, ни обычая ихъ весма разумѣющю, и сего царемъ поставиша у себе и всю власть примашю и свою волю невѣзбранимо держа, дондеже скончася едино лѣто. Таче внезапу в тыя дни сущю ему бес печаль, питающю же ся ему обило беспрестанѣ, мнящю же ему царствие в вѣки пребывати, вѣсташа на нь и царьскую одежу снемше с него, нага поругаша по всему граду, на озимьствование послаша его далече в великий нѣкый островъ пустой, в немже ни пища имея, ни одежда, злѣ стража, не надѣющю же ся ему пища и веселиа, абие въ скорбѣ ни чаяния, ни надежа послано.

Полѣдствующе же убо обычай гражданъ тѣхъ поставленъ бысть нѣкый мужъ въ царствие тоже, разума много и промышления имы в себѣ, да такоже не восхищенъ будетъ, еже внезапу бывшю ему обилие ни иже прежде его царьствовавшимъ и злѣ изгнаномъ, не печалования, възъревновавъ печаль имяше душею подвижение. Тако убо о себе добрѣ исправить, частого же совета

раскаившись, сказал тот человек со слезами: „Увы мне, о чем прежде плакать мне — о любви ли, что была у меня к той забывчивой, неблагодарной и лживой дружбе, или оплачу сводящее с ума отчаяние, которое, однако, показало этого истинного и близкого друга?“»

Иоасаф, выслушав и эту притчу, удивился и попросил разъяснения, и сказал Варлаам: «Первый друг — это богатство и стремление к накоплению золота, из-за чего многие люди впадают в беды и многие терпят несчастья. Когда же приходит смертная кончина, то ничего из всего богатства не возьмет с собой человек, только на проводы напрасных друзей. Второй же друг — это жена и дети и другие родственники и домашние, к чьей любви привержены мы и ради любви к которым готовы отречься от собственных души и тела. Никакой нет от них пользы в час смертный, но до могилы только проводят, а затем сразу возвращаются, имея свои заботы и печали, похоронив память в забвении, как тело некогда любимого погребли в могиле. Третий же друг, мимо которого проходим, считаем временным, пренебрегаем им, избегаем его и которым в конце концов достигаем победы, — это лик добрых дел, а именно: вера, надежда, любовь, милосердие, человеколюбие и остальной строй добродетелей, которые могут идти впереди нас при исходе души из тела, помолиться за нас к Богу и избавить нас от врагов наших, от злых истязателей, которые движутся в воздухе, требуя безжалостно отчета от нас и непреклонно стремясь завладеть нами. Это благоразумный и добрый друг, который, помня и малое наше благотворение, воздает нам с лихвою».

Тогда Иоасаф сказал: «⟨...⟩ Еще покажи мне образ этого суетного мира и как мирно и безопасно пройти эту жизнь».

Вняв ему, Варлаам сказал: «Выслушай пример и этой притчи. Слышал я про некий великий город, жители которого издавна имели обычай выбирать царем какого-нибудь чужестранца, не знакомого ни с законом того города, не знающего ничего об обычаях жителей, и ставили они его у себя царем, и принимал он всю власть и беспрепятственно выполнял свою волю до истечения одного года. Тогда неожиданно в те самые дни, когда он жил без печали, в непрестанной обильной роскоши и думал, что царствование его будет вечно, они нападали на него и, сорвав царские одежды, нагого водили с позором по всему городу, изгоняли его и отправляли его в изгнание далеко на некий большой пустынный остров, на котором, не имея ни еды, ни одежды, горько страдал он, не надеясь уже на роскошь и веселье, но в скорби не было ему ни чаяния, ни надежды.

И вот по обычаю тех горожан был поставлен царем некий человек, весьма разумный и заботящийся о том, чтобы не быть ему таким же образом лишенным царства, чтобы внезапно выпавшее ему богатство, как и у царствовавших прежде него и безжалостно изгнанных, не сменилось на печаль; и, опечалившись, возревновал он об этом. Чтобы обезопасить себя, часто совето-

истова увѣда нѣкимъ премудрымъ съветникомъ обычай гражданъ тѣхъ и мѣсто озимьствованое, якоже подобаетъ ему твердо бес прелсти увѣдати. Якоже убо сиа увидѣ,* яко коли любо в томъже островѣ быти ему, сущю же ему чюжю царьства, отврѣзъ сокровища своа, ихже еще въ областѣ имяше и невѣзбраньно требование, вземъ на требование злато и сребро и камыкъ честныхъ и веленхъ множество, вернымъ своимъ рабомъ дасть, во онъ островъ посла, идеже ему послану быти.

Скончавшюся реченому лѣту вставше граждане, якоже и на перваго царя, нага на озимьствование послаша. Прочии бо неразумнии цареви злѣ въ гладѣ пребываху, се же богатства оногo прежде пославый въ обилии выну живяше и пищу неизѣдому имяше, страха всего отвергъ невѣрныхъ гражданъ онѣхъ, мудрою ихъ хваляше добраго съвѣта.

Град убо разумѣй суетнаго сего мира. Гражданѣ же начялствие и властѣ бѣсовъ миродержца тмѣ вѣка сего,* лстящемъ насъ сладкимъ исправлениемъ, яко нетлѣнное вкладающемъ размышляти намъ тлѣнныхъ и мимотекущихъ, якоже въ вѣкы пребывати с нами и бесмертна всѣмъ пребывающимъ въ радости. Тако убо отложившемъ намъ и никакоже о великихъ онѣхъ и вѣчныхъ свѣтовавше напрасно придеть на ны погыбеліе смерти. Тогда бо, тогда нагяя насъ отсюду злѣ и горции поимше граждане тмѣ, яко онѣ все время свое пребыша, водять „в землю тмы вѣчныя, идеже нѣсть свѣтъ, ни видити житиа человечьскаго”,* ни свѣтника блага, истовыхъ всѣхъ показашему и спасенаа научивше *начинания* к мудрому царю, мояя приймай малыя низости, яко благый путь и несоблазненный показати ти приидохъ въ вѣчныхъ же и бесконечныхъ вѣводя {...}

Притча о иномъ царѣ и о убагомъ. Слышахъ бо царя нѣкоего бывша, зѣло добръ сматрюща своего царьства, кротокъ же и милостивъ под нимъ сущемъ людемъ. Симъ бо единымъ блазнимся, якоже не имать богоразумнаго просвѣщения, нѣ блазнию идольскою диржимъ бѣше. Имяше же нѣкоего свѣтника блага и всякимъ украшена еже к Богу благочестіе и прочее всею добродетѣльною премудростію, печалуюся и скорбя о прелщении царевѣ и хотя его о семъ обличити. Удержашеться от таковыа вещи бояся да не злу съходатай себѣ же и своей дружинѣ будетъ и бываемѣй имъ многымъ на ползу усѣкнеть, обаче же искаше время доброудное да привлечеть его на благое.

Вѣща убо единою въ днѣхъ царь ношю к нему: „Приди да изыдевъ и походимъ по граду, егда что на ползу узрѣмъ”. Ходящема же имя по граду видиста свѣтлу зарю от оконца сияющю и к тому оконцю очи преложивша, узрѣста под землею мѣсто, яко вертепъ жилище, в немъже сѣдяще мужъ въ послѣднѣй нищетѣ живяху и худыми рубами оболчена. Предстояшетъ же ему жена его, вино черплющи ему. Мужю же чашю примѣшю сладкою пѣснь поющи, веселіе ему творяше, пляшущи и мужевѣ похвалами хвалящи. Окрестъ

вался он и истинно узнал от одного премудрого советника об обычае тех горожан и о месте изгнания, как и подобало ему без заблуждения знать. И когда он узнал, что ему на том острове предстоит быть, когда он будет лишен царства, открыл он свои сокровища, которые имел в своем распоряжении невозбранно, и, взяв сколько нужно золота, серебра и драгоценных камней, велел множество их отдать верным своим рабам, послав их на тот остров, куда ему предстояло отправиться.

По окончании года горожане подняли мятеж и, как и прежних царей, послали его нагим в изгнание. Прежние неразумные цари тяжело страдали от голода; этот же, послав заранее богатые запасы, жил в изобилии, имея нескончаемую роскошь, отбросив всякий страх перед теми коварными горожанами, и радовался своему мудрому и правильному решению.

Так вот, под городом разумеи этот суетный мир. Горожане — это власть и господство бесов, владетелей тьмы этого мира, обольщающих нас покоем удовольствий и внушающих нам, чтобы тленное и преходящее мы принимали бы за вечно пребывающее с нами и считали бы, что все пребывающие в сладости бессмертны. И вот нас, живущих в заблуждении и никак не думающих об этом великом и вечном, внезапно постигает погибель смертная. Вот тогда-то злые и жестокие горожане тьмы, все свое время пребывавшие с нами, взявши нас, нагими отведут отсюда „в страну вечного мрака, где нет света, не видно жилья человеческого”, нет советника доброго, открывшего все истинное и научившего спасению мудрого царя, — под советником этим понимай мое ничтожество, ибо пришел к тебе, чтобы указать истинный путь, ведущий к вечным и бесконечным благам (...)

Притча о другом царе и о нищем. Слышал я о некоем царе, мудро правившем своим царством; был он кроток и милостив к своему народу. В одном только заблуждался он, ибо не имел света истинного богопознания, но одержим был заблуждением идолопоклонства. Был у него советник добрый и украшенный всяким благочестием к Богу и всей остальной добродетельной премудростью, который печалился и скорбел о заблуждении царя и желал обличить его в этом. Но медлил с этим, боясь повредить себе и своим близким и лишиться приносимой им для многих пользы, и искал он благоприятного времени, чтобы привлечь царя к истинному благу.

И сказал ему однажды ночью царь: „Давай выйдем и походим по городу, не увидим ли что-нибудь полезное”. Идя по городу, увидели они луч света, исходящий из небольшого оконца, и, заглянув в это оконце, увидели они жилище под землею вроде пещеры, в котором сидел человек, живущий в крайней нищете и одетый в убогое рубище. Перед ним стояла жена его, наливая вино в чашу. И когда муж принимал от нее чашу, она пела, увеселяя его, и плясала, и ублажала мужа похвалами. Все, кто были вокруг царя, слыша это,

же царя сущи в часъ велий сиа слышащемъ чюдишася, яко в такой тяжьций нищетъ сущема, яко ни дому имѣюща, ни ризъ, такимъ веселомъ житиемъ пребывашета.

И глагола царь к первому совѣтнику своему: „Оле чудо, друже, яко мнѣ и тебѣ никогда наше житие тако изволѣ в такой славѣ и пищи сиающема, яко худое се каинное житие таковых и неразумныхъ насладити и веселить тихимъ и веселѣ острый сей ненавидимаа жизнь является”. Удобный же часъ примѣ, первосвѣтникъ глагола: «А тебѣ, царю, како таковыхъ является житие?» Рече царь: „Всѣхъ, елико когда видѣхъ, нелѣпын и тяжкыи насмисана же и безнравна”. Тогда глагола к нему первопрвосвѣтникъ: „Тако убо добръ разумѣй, о царю, и болма разлѣмо есть наше житие учителей видящимъ* вѣчное оного житиа и славу всѣхъ убо превосходящихъ благъ, а иже долове блещашимъся златомъ и свѣта и одежа и прочаа пища житиа сего подзери еже и омрачения суть очима некрашѣе видѣвшимъ неизвѣщанныхъ добротъ сущихъ на небесе нерукодѣланныхъ кушъ и боготканна же одежа и нетлѣнный вѣнецъ” <...>

Слышахомъ убо, глагола Варламъ, сему царю благочтиво и вѣрно живша на прочее и без буря шествовавши и сущаго житиа прешедша, будущаго же житиа не уполучивша блаженства». <...>

<...> Иоасафъ глагола къ старцю: «<...> Поимъ же мя с собою и изыдевъ отсуду <...>»

Глагола же Варламъ к нему: «Младенецъ серний питаше нѣкый от богатыхъ. Възрастши же ей пустыни желаше видити, роднымъ обычаемъ влекома. Ишедши убо единою, обрете стадо сернь пасомо и держашеся ихъ, пребываше в пажитехъ селныхъ, вечеръ же обращаешеся в домъ, идеже бяше възпитана, купно же паки наутрѣ исходящи непризирианиемъ служаще о ней и с дивными въ стадѣ пребывающи. Стаду же далече пришедшю пасушеся послѣдова же и та с ними. Богатаго же слуги се ошютивше, въѣдавши на конѣ, погнаша въследъ ихъ, свою бо уловивше, възвратишася, оттолѣ не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же злѣ разгнаша, уязвивше. Симже образомъ боюся, да не будетъ на насъ, аще съ мною послѣдствовать имати, да не излѣшен буду твоего сужительства и многомъ зломъ ходатай буду другомъ моимъ <...>»

<...> По отшествии Варламовъ <...> Арахия <...> яко второй от царя <...> саномъ, вѣща: <...> «Азъ старца свѣдаю единого пустынника, Нахоръ нарицаемъ, подобникъ Варламу всимъ... нашея веры <...> и учителя моего въ учении бывша <...> Сего поставимъ яко Варламъ именовати его <...> Таче многимъ со прѣниемъ побѣжаемъ весма побѣженъ будетъ. И сиа видя царевъ сынъ, яко Варламъ побѣжѣнъ бысть, <...> прелстивша его истовѣствуетъ <...>».

<...> Тогда бо повелѣ царь всѣмъ собратися идолослужителемъ и христианомъ... Въведенъ же убо бысть Нахоръ въ Варлама мѣсто отвѣщавати <...>

дивились тем, кто среди столь тяжелой нищеты, не имея ни дома, ни одежды, пребывает в такой веселой жизни.

И сказал царь первому советнику своему: „О чудо, друг, ведь ни мне, ни тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была столь мила, как ничтожная и жалкая жизнь этих неразумных людей наслаждает их и тихо веселит, и радостной кажется эта злая и незавидная жизнь”. Воспользовавшись удобным случаем, советник сказал: „А какою кажется тебе, царь, жизнь этих людей?” Ответил царь: „Из всех жизней, какие мне пришлось видеть, это самая тяжелая, нелепая, поруганная и безобразная”. Тогда сказал ему советник: „Так знай же, царь, что наша жизнь гораздо хуже жизни тех, у кого мы должны учиться, кто видит истину вечной жизни и славу превосходящих все благ; дома же, сверкающие золотом и светом, одежда и прочая роскошь этой жизни неприемлемы, мрачны и некрасивы для глаз тех, кто видел несказанные красоты небесных нерукотворных жилищ, боготканых одежд и нетленных венцов” <...>

Слышал я, — сказал Варлаам, — что этот царь жил далее в истинной вере и благочестии, и спокойно прожил, и окончил свою жизнь, достигнув блаженства будущей жизни». <...>

<...> Сказал Иоасаф старцу: «<...> Возьми меня с собой и уйдем отсюда <...>».

Ответил ему Варлаам: «Один богатый человек вскормил молодую серну. Когда она подросла, то затосковала по свободе, влекомая природным стремлением. Выйдя однажды, увидела она стадо пасущихся серн и пристала к ним; бродила она с ними по полям, а вечером возвращалась в дом, в котором была вскормлена, утром снова выходя, по недосмотру слуг, чтобы снова пастись со стадом диких серн. Когда однажды стадо отошло далеко, последовала и она за ним. Слуги богатого человека, увидев это, сели на коней и погнались за стадом; поймав свою серну, они вернули ее домой и заперли, чтобы не смогла выйти; из остального же стада они кого убили, кого разогнали, поранив. Боюсь, чтобы не было таким же образом и с нами, если ты последуешь за мной, чтобы не лишиться мне твоего сожительства и не причинить многих бед товарищам моим <...>»

<...> После того, как ушел Варлаам <...> Арахия <...> второй после царя <...> саном, сказал <царю>: «<...>Знаю я одного старца-пустынника по имени Нахор, который весьма похож на Варлаама... Он нашей веры <...> и мой учитель. <...> Представим Нахора за Варлаама. <...> В состязании с нашими мудрецами о вере он окажется побежденным. Царевич же, увидев это — поражение Варлаама, поймет, что тот ввел его в заблуждение».

<...> Тогда повелел царь собраться всем, и идолопоклонникам, и христианам... И приведен был Нахор, мнимый Варлаам, для спора <...> И сказал царь

Глагола царь к вѣтиамъ своимъ и премудрымъ: «⟨...⟩ Се бо подвигъ предълежитъ ⟨...⟩ подобаетъ бо которому быти днесь в нас или наша утвердити, блазнитися Варламомъ и иже с нимъ. Аще же обличите я, то ⟨...⟩ вѣнци побѣдными вѣнчаномъ быти. Аще ли побѣженъ будете, ⟨...⟩ злою смертию умретъ».

⟨...⟩ Сынъ его ...явлениемъ ему от Бога сномъ... превращение разумѣвъ... глагола къ Нахору: «⟨...⟩ Аще ли побѣженъ будеши ⟨...⟩ руками своими сердце твое и языкъ твой искоренивъ, псомъ на снѣдъ сия съ прочимъ тѣломъ твоимъ дам, да устрашятся вси тобою не прелшати сыны царевы». Сия глаголы услышавъ, Нахоръ унылъ бысть зѣло и осрамлен, видя себе впадша в ровъ, иже створи... Размысливъ убо себе приложитися паче к цареву сыну и его вѣру утвердить ⟨...⟩ отверзъ уста своа, якоже Валамль осель* яже непреложнаа реши та изглагола, и глагола къ царю:

«Азъ, царю, прилежаниемъ Божиємъ приидохъ в миръ и видивъ небо и землю и море, солнце и луну и прочая, чюдихся красоту сихъ. Видивъ же всего мира и сущая вся в немъ, яко нужею и движема суть, разумѣхъ движашему и одержашю я есть Богъ. Все бо подвижаа крѣпкое есть движемаго и одержителнаго крѣплѣе держимо есть. Тому убо глаголю Богъ есть вѣставившему вся и одержашему, безначална и вѣчна, бесмертна и не требуя ничтоже, вышъ всѣхъ грѣховъ и прегрѣшений, гнѣва же и забвение и творимая недоумѣвание и прочаа. Всяческая имъ составлена быша. Не требуетъ ни жертвы, ни требища, ни всихъ видимыхъ, *вси* же его требуютъ.

Сия тако глаголана о бозѣ, якоже во мне вмѣсти о немъ глаголати, придемъ же от человеческого рода яко да видимъ, которѣи их держать истинну и которѣи соблазнъ. Явѣ бо есть нам, о царю, яко три родѣ суть человечестии в семь мирѣ, в нихже суть поклонители вама глаголемыхъ богъ, иудеяне, християне. *Тѣ же* паки, иже многыа чтяще богы, на три роды раздѣляются, на халдѣяны и на еллина и на егуптяны, си бо быша начальници и учителя и прочимъ языкомъ, многоименныхъ богъ служители. Видимъ убо, которѣи ихъ держатъ истинны и которѣи прелсти.

Ибо халдѣяне, иже не вѣдающе бога, прелщенъ быша послѣдовати стихий и начаша честити тварь паче створившаго ихъ,* ихъже образъ нѣкоторыхъ створше, нарекоша от изображения* небеснаго и зѣмьнаго, и морю, солнцю же и луне и прочимъ стухиамъ и звѣздамъ и поставивше я в капищехъ, кланяются, богы наричюще, ихъже и стрегутъ с твердию да не унырими будутъ от разбойникъ, и не разумѣша, яко стрѣгий вяще стрегомаго есть и творяй творимаго есть, ибо аще невозможенъ бозѣ ихъ о своемъ спасении, како инѣмъ спасение даровати имуть. Блазнию бо великою соблазнишася халдѣяне, чтяще кумиры мертвеца и не позна я. И дивовати ми ся хошетъ, о царю, тако глаголемии премудрии ихъ не разумѣша, яко и та стухиа тлѣми суть бози, како кумиры, яже створена в честь ихъ, бози суть.

ораторам и мудрецам своим: «*⟨...⟩* Предстоит вам подвиг *⟨...⟩* подобает сегодня ему быть нашим и утвердить нашу веру, а Варлаам, и те, кто с ним, окажутся заблуждающимися. Если обличите его, то *⟨...⟩* будете увенчаны победными венцами. Если же будете побеждены, *⟨...⟩* умрете жестокой смертью».

⟨...⟩ Сын царя... узнав об обмане через посланный ему от Бога сон... сказал Нахору: «Если будешь побежден *⟨...⟩*, то своими руками вырву я сердце твое и язык и отдам на съедение псам вместе с остальным твоим телом, чтобы устрашились все твоим примером совращать царских сыновей». Услышав это, Нахор стал весьма уныл и пристыжен, видя, что упал в яму, которую сам вырыл... Размыслив, он решил стать на сторону царевича и утвердить его веру *⟨...⟩*; отверз он свои уста, как некогда Валаамова ослица, решив изречь непреложное, и сказал, обращаясь к царю:

«Я, о царь, по промыслу Божию пришел в мир и, увидев небо и землю, и море, солнце и луну, и все остальное, изумился красоте их. Увидев, что мир и все сущее в нем движутся по необходимости, уразумел я, что движущий и держащий все есть Бог. А все движущее сильнее движимого и держащее крепче держимого. Поэтому и утверждаю я, что Бог есть тот, кто создал все и устроил, он безначален и вечен, бессмертен и не зависит ни от чего, он выше всех грехов и прегрешений, гнева и забвения, того, что творит неведение, и всего остального. Все существует только через него. Он не нуждается ни в жертвах, ни в возлияниях, ни во всем остальном внешнем, но все нуждаются в нем.

После того, как я сказал о Боге то, что он удостоил меня сказать о нем, перейдем теперь к человеческому роду и увидим, кто обладает истиной, а кто пребывает в заблуждении. Известно нам, царь, что есть три рода людей в мире: почитатели ваших так называемых богов, иудеи и христиане. В свою очередь, те, кто почитает многих богов, разделяются на три рода: халдеи, эллины и египтяне; эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих многих богов. Посмотрим же теперь, кто постиг истину и кто заблуждается.

Халдеи, не знающие истинного бога, будучи введены в заблуждение из-за существующих стихий, начали почитать сотворенное более творца; сделав некоторые изображения, они назвали их подобиями неба и земли, и моря, и солнца, и луны, и остальных стихий и звезд, и, поставив их в храмах, поклоняются им, называя их богами, и охраняют их надежно, чтобы не украли их грабители; и не сообразили они, что стерегущий сильнее охраняемого и создавший выше созданного; если же не в силах их боги охранять самих себя, то как же могут даровать спасение другим? Итак, в великое заблуждение впали халдеи, почитающие мертвых и бесполезных идолов. И дивлюсь я, о царь, как те, кто называются у них мудрецами, не смогли понять, что если те стихии тленные не являются богами, то как же идолы, сделанные в их честь, могут быть богами?

Придемъ убо, царю, и на сиа стихиа, яко да явимъ о нихъ, яко не суть бози, но тлѣма, измѣняема, от небытия въ бытие створена повелениемъ истинным Богомъ, иже есть нетлѣмый, неизмѣнуемый и невидимъ, самъ же всяческаа видить и якоже хоцеть именуеть* и прелагает. Что убо глаголемъ о стихияхъ?

Мняще небо есть богъ блазнятся. Видимъ бо его прелагаема и нужею движема и многими уставлена, имже красота же строй есть нѣкоего художника, устроено же начало и конецъ имы есть. Небо движется нужею светилома своима, ибо звѣзды чиномъ и преступлениемъ водими суть, знамениа въ знамение, ови бо заходятъ, и друзии же восходятъ и по вся лѣта шествование творять да совершать жатву и зиму, якоже повелѣно имъ есть от Бога, и не преступають своихъ повелений по разрушению естествою нужею с небесною красотою. Тѣмъ явѣ есть, яко нѣсть небо богъ, но дѣло Божие.

Мнящеи же землю есть богъ либо богыню, и тии соблазнишася. Видимъ бо ю человеки досажаета и обладаема, и возмѣшаема, и копаема ими, и неключима бываема. Аще бо испечена будетъ, то мертва будетъ, ибо от скудѣли прозябаеть ничтоже. Еще же наипаче мочима будетъ, тлѣется и сама, и плодъ ея. Топчема же человеки и прочихъ скотинъ, кровию убиенныхъ оскверняется, рыема наполняется мертвыхъ телесъ ковчегъ бываеть. Симъ такомы сущемъ не подобаетъ земли богыни быти, но дѣло Божие на требование человекомъ.

Мнящеи же воду бога суша облазнишася. И та бо на требование человекомъ бысть и одалаема ими, оскверняется и тлеема есть, измѣняется варима и вапы же размесима, и студеньствомъ мразима, и кровию оскверняема и на нечистоту всякую на омывание и на опирание носима. Сего радѣ невозможно водѣ быти богомъ.

Огнь бо бысть на требование человекомъ и одалаеми, и мимоносимъ от мѣста на мѣсто на варитву и на печитву всякимъ мясомъ, еще же и мертвыми телесы. Тлѣемъ есть и многими образы от человекъ огашаеми есть. Сего ради не подобаетъ огню богомъ быти, нѣ дѣло Божие.

Мняще же человека суша бога блазнятся. Видимъ бо его движема нужею и питуема, и състарѣющася, и не хотящу ему. И когда бо радуется, когда же печалень будетъ, требуя пища и питиа и одежда. Сущу же ему гнѣвливу и невниму, небрегому и прѣгрѣшения многа имуща, гиблема же многими образы от стихий и животинами, и от подлежащаа смерти. Неподобаетъ убо человеку быти богомъ, но дѣло Божие. Блазнятся убо и прелестию велиею прелщени быша халдѣяне, послѣдующе желаниемъ своимъ. Вѣрують бо во тлимаа стухиа и мертвыхъ кумирь и не разумѣюще сиа боги творять.

Придемъ убо къ елиномъ, что ти домышляються о бозѣ. Убо еллини премудрии глаголюще сущи уродѣви быша, хужьше халдѣянъ, приводяще богомъ многомъ бывшемъ мужьскихъ полъ, другыя и женьскихъ полъ всяче-

Перейдем теперь, о царь, к самим стихиям, чтобы показать, что не боги они, но тленны и изменяемы, вызваны из небытия в бытие повелением истинного Бога, который нетленен, непреложен и невидим, сам же все видит и как хочет именуется и изменяет. Что же скажу о стихиях?

Считающие небо богом заблуждаются. Ибо видим мы, что оно изменяется и движется по необходимости и состоит из многих частей, а красота есть устройство некоего искусного мастера; все устроенное имеет начало и конец. Движется же небесный свод по необходимости со своими светилами; звезды же подвижны по порядку и пути своему, от созвездия к созвездию, одни заходят, другие восходят, и во все времена года совершают они свой путь, меняя лето и зиму, как повелено им Богом, и не преступают своих пределов, не нарушают естественного течения в соответствии с небесным порядком. Откуда явствует, что небо не бог, но творение Божие.

Считающие землю богом или богиней также заблуждаются. Ибо видим мы, что она оскверняется людьми, находится во владении у них, они размещивают и копают ее, и становится она непригодной. Если ее жечь, то делается мертвой; так, из черепицы ничто не произрастает. Если же, в особенности, намокает, истлевают сама и плод ее. Топчут ее и люди, и животные, оскверняют кровью убитых, роют ее, и становится она ковчегом мертвых тел. И поскольку так обстоит все это, то невозможно, чтобы земля была богом, но она есть творение Божие на пользу людям.

Считающие воду богом заблуждаются. Ведь и она также существует на пользу людям; они распоряжаются ею, она оскверняется и уничтожается ими и изменяется; ее кипятят и меняют цвет ее красками, и твердеет она от холода, и оскверняется кровью, и употребляется для мытья всего нечистого, и носят ее для стирки. Поэтому невозможно воде быть богом.

Огонь также создан на пользу людям, они распоряжаются им и переносят его с места на место для жарения и варения всякого мяса, а также для сожжения мертвых тел. Он уничтожаем, и многими способами люди погашают его. Поэтому не подобает огню быть богом, он лишь творение Божие.

Считающие человека богом заблуждаются. Ибо видим, что и он подчиняется необходимости, и употребляет пищу, и стареет против своей воли. Он то радуется, то печалится, нуждаясь в пище, питье и одежде. При этом он бывает гневен, ревнив, бывает в пренебрежении, имеет многие недостатки; он уничтожим разными способами, от стихий и животных и от предстоящей ему смерти. Поэтому нельзя считать человека богом, но лишь творением Божиим. Итак, в великое заблуждение впали халдеи, следуя своим выдумкам. Ведь почитают они тленные стихии и мертвых идолов и не понимают, что сами творят из них богов.

Перейдем теперь к эллинам, что же они думают о Боге. Эллина, считающие себя премудрыми, еще более оглупели, чем халдеи, утверждая, что существуют многие боги, одни мужского пола, другие женского, являющиеся

скими грѣхи и всякы дѣлы незаконными. Тѣмъ смѣшенныхъ и уродивыхъ и нечестивыхъ глаголь въведоша елини, о царю, не сущихъ богъ нарекоша богы по желанию своему злomu, да суперники сиа имуть от злыхъ дѣяний и о злобѣ, прелюбы творят, въсхыщаютъ, прелюбодѣяние съ убийствомъ купно творять. Ибо бози ихъ таковаа створиша. От таковыхъ убо начинаниа прелестныхъ ключися человекомъ брань имѣти и крамоль частыхъ и закалание, и убийство, и пленение горкое. Нѣ и по единому богомъ ихъ узриши безмѣстие и сквернаа дѣла ихъ, яже быша ими.

Преже всѣхъ богъ бысть им Кронъ, и сему жертву творять своа чада, иже имѣаше детищъ много от Рее жены, и възбесився изыядая чяда своя. Глаголють же урѣзати истеса своя* и въврещи в море, тѣмъ Афродѣи бысть лжа. Связавъ убо своего отца, Зеусъ вложи его въ тимение.* Видиши прелесть и блазнь, и скверное зазрѣние ихъ, и блудъ, егоже вводятъ на богъ свой? Подобаеть ли и богу связаному быти истесомъ урѣзана? Оле неразумие разума имѣющимъ сиа имаеть изглаголати.

Вторый же въводимъ есть Зеусъ, емуже глаголють царствовавши богомъ ихъ и преображатися во животины, яко да прелюбы творить с мертвыми* женами. Въводятъ сего преобразившюся въ юнецъ къ Европии,* а въ золото къ Данаинѣ, или коствованикомъ къ Антиопии, и въ градъ къ Емелини. Таче быти от тѣхъ женъ чада многа, Диониса, и Зифона и Афиона, Ираклина и Аполлона, и Артемина и Персѣяна, Кастера же и Елина, Поледевки и Миноя, и Радаманфина, и Сарпидона, и девять дщерий, ихъже нарекоша богынѣ.* По семьже вводятъ яже о Ганимидинѣ. О царю, человекомъ подоблятися сиимъ всимъ и быти прелюбодѣйцемъ, и ко мужескому полу бѣсование, и иныхъ злыхъ дѣлъ дѣлательемъ по подобьствию бога ихъ. Како убо довлити богу быти прелюбодѣяннику и къ мужескому полу похотника ли отцубийца?

Съ сими же Ифестона нѣкоего приводятъ бога, держаща млатъ и клѣщъ и кующу пищу радѣ. Убо требует ли богъ, иже не подобаеть богу си творити ли у человекъ просяща?

Таче Ермия въводятъ бога суща, желателя и тати, и хыщника, и вѣлѣхва, и сухорука, словесемъ толковати, еже не дозветъ богу быть таковымъ.

Асклипия же въводятъ бога суща и врача, и строителя былиемъ, и помазателя пищи ради, проситель бо бѣ, послѣдъ же поражену ему быти Диемъ Дара* ради Лакодемонова сына и умрети. Аще Асклипий богъ сый пораженъ не возможе себѣ помощи, како инѣмъ помощи можетъ?

Арѣй же въводится богъ сы воиникъ и ревнитель, и желатель скотинамъ и иному пленению, послѣди же ему прелюбодѣяние створившю съ Афродитиєю, связану ему были от дѣтищю Еротомъ и Ифестом. Како убо богъ бысть желатель и воиникъ, связанъ и прелюбодѣицъ?

творцами всяких грехов и незаконных дел. Поэтому смешные, глупые и нечестивые речи, о царь, говорят эллины, провозглашая несуществующих богов по своим собственным дурным страстям, чтобы, имея их защитниками злых деяний и злобы, могли бы они прелюбодействовать, красть, творить прелюбодеяния вместе с убийствами. Ибо боги их совершали таковые дела. Вот от этих-то заблуждений и начались у людей войны, и частые мятежи, и убийства, и тяжкие пленения. Но и по каждому из их богов увидишь бессмыслие и дурные дела, которые пошли от них.

Первый из всех богов у них Кронос, и ему приносят они в жертву детей своих; у него было много сыновей от жены Реи, но, впадая в безумие, съедал он детей своих. Говорят, что он отрезал свой детородный член и бросил в море, откуда, как рассказывают в баснях, и появилась Афродита. Связав своего отца, Зевс вверг его в тартар. Видишь теперь, как они заблуждаются и обманываются, приписывая распутство богам своим? Подобаает ли, чтобы бог был связан и лишен детородного члена? О неразумие, кто из имеющих разум может сказать такое?

Вторым почитается у них Зевс; о нем говорят, что он царствует над богами и превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. Рассказывают, что он превращался в быка ради Европы, в золото ради Даная, в сатира ради Антиопы и в молнию ради Семелы. От этих женщин родилось потом у Зевса много детей: Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор и Елена, Полидевк, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, которых называют богинями. Потом рассказывают они о Ганимеде. Так вот, царь, люди стали подражать всему этому и впали в разврат, и в преступную страсть к мальчикам, и в другие дурные дела, по подобию богов их. Как может быть богом прелюбодеец и мужеложник или отцеубийца?

Вместе с теми почитают они богом и некоего Гефеста, владеющего молотом и клещами и занимающегося кузнечным ремеслом ради пропитания. Разве требуется что-нибудь богу и может ли быть, чтобы бог занимался таковым делом и просил у людей пропитания?

Далее, почитают они богом Гермеса, лихоимца, вора, гадателя и увечного, истолкователя снов, но не подобает, чтобы таковым был бог.

Почитают они бога Асклепия, врача, составляющего лекарства и притирания пропитания ради, ибо и он в нужде, а потом Зевс поразил его насмерть из-за Тиндарея-лакедемонянина, и умер он. Если Асклепий, будучи богом, не смог помочь самому себе, пораженный громом, то как может он помочь другим?

Арес почитается ими как бог, воитель, завистник, жадный до стад и другого имущества; затем его, прелюбодействовавшего с Афродитой, связали Эрот и Гефест. Как же может быть богом алчный воитель, заключенный в оковы, и развратник?

Деониса же вводятъ бога суша, на ношныя празднигы вводя и учителя пианьствию, и исхытающа искреныхъ своихъ женъ, и бѣсующася, и бегающа. Послѣди же убиену быти отъ титанъ. Аще убо Дионисъ отъ убийства себѣ не возмогъ помощи, нѣ бѣсуюся бысть пианица и бѣгатель, како бысть богъ?

Ираклея же вводятъ бога суша. Упившюся ему бѣсоватися и чада своа закалати, таче огнемъ съжену быти и умрѣти. Кака убо богъ бысть пьяница и чадоубийцъ и съжень, како ли инѣмъ помощи хочеть, себѣ помощи не возможый?

Аполлона же вводятъ бога суша, ревнителя еще же и стрелца и тулъ держаща, овогдаже гудуща и пѣснотвора, и волхвующа человекомъ мзды ради. Убо проситель есть, якоже не подобаетъ богу просителю быти и ревнителю и гудцю.

Артемию же вводятъ, сестрѣ его суши, ловящи и лукъ имущи с туломъ, и сей ристати по горамъ единой со псы, яко да уловить елень ли инорогъ. Како убо есть богыни таковая жена и ловителница, рещиши со псы?

Афродитию же глаголють и си богыни суши, прелюбодейца, овогдаже имяше прелюбодѣйника Арина, овогдаже Анхисина, овогда же Аданина, егоже искаше, смерть плачущи рачителя своего, иже глаголють, и въ адъ съшедшю, яко да искупить Адонона отъ Персефонъ. Видѣ ли, о царю, вящща сего безумиа, богыни вводити убийци, прелюбодѣици, рыдающи и плачущи?

Адона же вводятъ бога суша, ловца и злою смертию умрѣти, уязвѣна отъ сына* и не могша помощи оканянствию своему. Како убо человекомъ прилѣжаніе сътворити можетъ прелюбодѣйникъ и ловець и злосмертный?

Сия вся и много таковыхъ, много множайша и сквернейша и злѣйша въведоша еллини, царю, отъ богъ своихъ, ихъже понстѣнѣ недостойтъ глаголати, ни въ память приносить. Тѣмъ приемше человеци таковыя вины отъ богъ своихъ творяху всякого безаконія и скверненное зазрѣніе и бесчестіе, оскверняяще землю и воздухъ злыми своими дѣяніи.

Егуптяне же безумнѣйше и неразумнѣйше сихъ, уродѣвѣйше суще языкъ всѣхъ облазнишася, ибо не доволнѣ быша халдѣисти и елиньстѣи вѣрѣ и поклонянію, нѣ еще и неразумныхъ скотинъ въведоша, богы наричаще, земныя бо и водныя, и древа, и зелиа, всякимъ бѣсовьствіемъ и сквернымъ зазрѣніемъ хужьше всѣхъ языкъ, сущихъ на земли. Изначала бо вѣроваху въ Исону, имущи мужа и брата Осерна именемъ, заколена братомъ своимъ Туфономъ, и сего ради бѣгаетъ Исида съ Оромъ сыномъ своимъ увидивъ* сурьстѣи, ищущи Осерида и горко рыдающи, дондеже възрасте Оръ и уби Туфона. Да не возможе Исида помощи брату своему ни мужю, ни Осирь убивемы Туфономъ възможе заступити его, Туфонъ же братоубийца, погубляемъ Оромъ и Исидою, не можетъ себе избавити отъ смерти. Таче таковымъ

Почитают бога Диониса, устроителя ночных празднеств, научившего пьянству, увлекающего за собой чужих жен, впадающего в безумие и беглеца. Убит он был потом титанами. Если же Дионис не мог себя спасти от убийства и был безумцем, и пьяницей, и беглецом, то как может он быть богом?

И Геракла почитают они как бога. Он же, опьянев, беснуется и убивает своих детей, а затем сгорел в огне и умер. Как же может быть богом пьяница и детоубийца, сгоревший в огне, как же может помочь другим тот, кто не смог защитить себя?

Считают они богом Аполлона, завистника, держащего лук и колчан, иногда играющего и сочиняющего песни, и гадающего людям за плату. Стало быть, он в нужде, но не подобает, чтобы богом был нуждающийся, и завистник, и играющий.

Почитают они Артемиду, сестру Аполлона, охотницу, обладательницу лука с колчаном, носящуюся по горам со сворой собак, чтобы выследить лань или вепря. Как же может быть богиней такая женщина и охотница, бегающая со сворой псов?

Об Афродите говорят, что и она богиня и прелюбодеица, ибо творит она прелюбодеяния то с Аресом, то с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает она в поисках своего возлюбленного; рассказывают, что и в ад спускалась она, чтобы выкупить Адониса у Персефоны. Видел ли ты, о царь, большее безумие, ведь вводят они в качестве богини убийцу, прелюбодеицу, рыдающую и плачущую.

Считают они богом Адониса, охотника, который погиб тяжелой смертью, убитый сыном, и не смог помочь несчастью своему. Как же может позаботиться о людях прелюбодей и охотник, погибший насильственной смертью?

Все это и много подобного и великое множество ужасного и дурного придумали эллины, о царь, о богах своих; о них поистине грешно и говорить, и держать их в памяти. А люди, беря такие примеры со своих богов, творят всякие беззакония, и скверные и злые дела, и бесчестие, оскверняя землю и воздух злыми своими деяниями.

Египтяне же еще более глупы и неразумны, впали в заблуждение хуже всех остальных народов, ибо они, не довольствуясь халдейской и эллинской верой и поклонением, стали поклоняться еще и лишенным разума животным, земным и водным, называя их богами, и деревьям, и травам; своим всяким безумием и скверными делами они хуже всех народов, сущих на земле. Сначала веровали они в Изиду, имеющую брата и мужа по имени Озирис, убитого братом своим Тифоном, и потому бегает Изида с сыном своим Ором по сирийской земле, ища Озириса и горько плача, пока не возрос Ор и не убил Тифона. И ни Изида не могла помочь своему брату и мужу, ни Озирис, убиваемый Тифоном, не мог противостоять ему; ни Тифон-братоубийца не смог избавить себя от смерти, погубляемый Ором и Изидой. И пребывающие в таковых несчастьях, были они

бытиемъ вѣдоми суще ти бози от неразумныхъ егуптянь вѣмѣними быша и не о сѣх еже доволнѣ быша ли прочихъ вѣрѣ язычныхъ и неразумныхъ скотинъ въведоша боги суща, нѣ неции от нихъ овцамъ, ини же козломъ, етерѣи же телцемъ и коркодилу, змии и псу, и влѣку, и курицы, и тряпяску, и аспиду, и лукуду, и плейму, и чесновитку,* и неразумеша, окаании, о всѣхъ сихъ, яко ничтоже могутъ.

*Приидемъ убо, о царю, и к иудеомъ, яко да видимъ, что мыслять о Бозѣ.** Си бо Аврамова ищадиа и Исакова и Яковля,* суть пришѣльствова въ Егупеть, оттудѣже изведе я Богъ „рукою крепкою и мышцею высокою“, Моисѣемъ законодавцемъ ихъ и чюдеса многими и знаменiemъ показана имъ свою силу, нѣ неразумнѣи явишася и непохвалнѣ, и многажды служиша языческу поклонянию и вѣрѣ, и посланнымъ къ нимъ пророки и праведники избиша. Таче яко изволѣ Сынъ Божий прити на землю, негодовавшие на нь, предаша и Пилату игѣмону римскому, и осудивше, распяша и, не постыдившѣмъся добродѣтельствия его и бесчисленныхъ чюдесъ, ихъ в нихъ сѣтвори. И погыбоша своимъ безакониемъ, вѣрующе бо и нынѣ Богу единому Вседержителю, нѣ не с разумомъ, Христа бо отмѣтаются Сына Божиа, и суть безаконици. Симъ бо егда како приближатися истѣнѣ мнѣть, от неяже удалишася. О иудѣехъ бо тако есть.

Крестияне же родословятъ поченѣше от господа Иисуса Христа. Сеже Сынъ Божий вышняго исповѣдаемъ есть, Духомъ Святымъ с небесе сшед спасения ради человечьскаго, от Девы святыя рождѣся без сѣмени же и без истлѣння плоть въсприим и явися человекъ, яко да от многобожныя прелести възвратити человеки, и кончавъ дивнаго своего смотраения и распятиемъ смерть вкуси волею своею смотрениемъ великимъ. По трехъ же днехъ възскресе и на небеса взиде. Егоже слава пришествия его от самехъ христіанъ нарицаемое евангельское Писание подобаетъ ти разумѣти, царю, аще бесѣдовати хоцещи разумети. Се Христось 12 имяше ученикъ, си по вознесении его еже на небеса изидоша в начальствие всея вселенныя и научиша величества его. Единъ же от нихъ приде в нашу страну повеление проповѣдаа истины. Тѣмъ еще на службу оправданиемъ проповѣданиемъ ихъ нарицаются крестияне, паче всѣхъ языкъ обретше истину. Свѣдають бо Бога творца и сѣдѣтеля, имѣже всяческаа быша Сыномъ единочядымъ и Духомъ Святымъ. Иного бога паче сего не чтятъ, ни кланяются, имѣють же заповѣди гопода Иисуса Христа въ сердци ихъ написана, тыя храняще, чяють възскресеи мертвымъ и жизнь будущаго вѣка. Не имуть прелюбодѣяти ни любодѣяти, не лжесвѣдительствоють, не вжелаютъ чюжаго, чтуть отца и мать и искренихъ другъ, праведно судя, елико не хотятъ себѣ имъ да будетъ, и иному не творятъ, обидящаа ихъ призываютъ тѣшаще и другы себѣ творятъ, на добродѣтельствия тѣшатся; кротци суть и милостиви; от всякаго счѣтания безаконна и от всея нечистоты въздержатся; вдовици не презрѣять, сиротамъ скорби не творятъ; имея неимеющему безъ зависти подава-

признаны богами неразумными египтянами; и египтяне, не довольствуясь этими или другими предметами поклонения язычников, также ввели в качестве богов и лишенных разума животных, ибо некоторые из них поклоняются овце, другие козлу, иные тельцу, другие крокодилу, змее, и собаке, и волку, и курице, и обезьяне, и аспиду, и луку, и терну, и чесноку, и не поняли, окаянные, что не могут они ничего.

Перейдем теперь, о царь, и к иудеям, и посмотрим, что они мыслят о Боге. Ибо они — потомки Авраама, Исаака и Иакова, пришли в Египет, откуда вывел их Бог рукою крепкою и мышцею высокою через Моисея, законодателя их, многими чудесами и знамениями показал им свою силу, но они оказались неразумными и неблагодарными и часто служили языческому поклонению и вере, а посланных к ним пророков и праведников убивали. После же того как Сын Божий соизволил прийти на землю, они, отвергнув его, предали его Пилату, начальнику римскому, и, осудив, распяли его, не устыдившись благодеяний его и бесчисленных чудес, которые он сотворил для них. И погибли они через беззаконие свое, хотя и веруют они ныне в единого Бога-Вседержителя, но не с разумом, ибо отвергают Христа, Сына Божия, будучи беззаконными. Ибо как же думают они, что близки к истине, на самом деле удалившись от нее? Вот это об иудеях.

Христиане же ведут свой род от Господа Иисуса Христа. Он исповедуем как сын Бога Всевышнего, через Духа Святого сшедший с небес ради спасения людей, рожден от Девы святой без зачатия и без истления, восприял плоть и стал человеком, чтобы вернуть людей от многобожного заблуждения к истине, и, совершив свой дивный промысел, принял смерть через распятие по своей воле, по великому предопределению. По истечении трех дней он воскрес и возшел на небеса. Славу же пришествия его подобает тебе знать, о царь, из книг, называемых самими христианами евангельским Писанием, если захочешь побеседовать об этом. Христос имел двенадцать учеников, которые, по вознесении его на небеса, разошлись по областям всей вселенной, чтобы учить о величии его. Один из них пришел и в нашу страну, проповедуя учение истины. Откуда и пошло, что те, кто служат учению проповеди их, называются христианами, более всех других народов обрели они истину. Познали ведь Бога, творца и создателя всего, через Сына едиnorodного и Духа Святого. Иного бога они не почитают и никому другому не поклоняются; заповеди же господина Иисуса Христа имеют записанными в своих сердцах и, сохраняя их, ожидают воскресения мертвых и жизни будущего века. Не прелюбодействуют они, не предаются блуду, не лжесвидетельствуют, не желают чужого, почитают отца и мать и близких друзей, судят по справедливости: то, чего себе не желают, того и другим не делают; обижающих их призывают, утешая, и делают их друзьями своими, стараются творить добро; кротки и милостивы, воздерживаются от всякого беззаконного сожительства и от всякой нечистоты; вдовиц не презирают, сирот

еть. Странна аще узрять, под кровь вводятъ и радуются о немъ яко о братѣ истѣннѣмъ, ибо не по плѣти ихъ братию нарицають, нъ сердцемъ и душею. Готовѣ суть Христа ради душа своя предложити; повеления же его твердо хранятъ, преподобно и праведно живуще, якоже Господь богъ имъ повелѣ, благодарствуяще его въ вся часы о всякой пищи и питии и прочихъ благъ. Поистинѣ убо тѣ есть истинный, еликоже ихъ шествуютъ по немъ, руководствуеъ въ вѣчное царствие, обѣтованую Христомъ в будущую жизнь.

И да вѣдай, царю, яко не о себѣ сиа глаголю, приклонився въ книги крестияньскы, обрящещи ничтоже, кромѣ истинно мя глаголюща. Добрѣ убо разумѣ и сынъ твой, поистинѣ научи служити истинному Богу и спастися в будущий вѣкъ шествующу ему. Яко велиа бо и чюдна хрестияны глаголемая и творима, ибо не человечьскыхъ глаголъ глаголють, нъ Божиа. Прочии же языцѣ блзняются и блзняютъ себе и слушающимъ ихъ, шествующе бо во тмѣ падутъ самѣ, яко пиани суще. Доселѣ к тебѣ мое слово, о царю.

Иже поистинѣ разумомъ моимъ изглаголана, сего ради да умолкнуть неразумнии твои премудрии, в пустошь бо глаголють на Господа. Подобаеъ бо Бога Творца чтуше и кланяющеся и нетлѣнныхъ его глаголъ внушити, да суда избѣгше и мукъ, жизни негыблющиа явитесь наслѣдници».

не обижают; имущий неимущему подает без сожаления. Если увидят странника, принимают под свой кров и радуются ему как родному брату, ибо не по плоти называют людей своими братьями, но сердцем и душой. Они готовы ради Христа души свои положить, твердо соблюдают его заповеди, живя благочестиво и праведно, как повелел им Господь Бог, благодаря его во всякое время за пищу и питье и прочие блага. Поистине это верный путь; всех, кто идет им, Христос ведет в вечное царство, в обещанную им будущую жизнь.

И знай, царь, что не от себя говорю это, то, посмотрев в книги христианские, не найдешь ты там ничего, кроме сказанной мною истины. Поэтому правильно уразумел сын твой и верно научился почитать истинного Бога, чтобы спастись в будущей жизни. Ибо велико и чудесно то, что говорят христиане и делают, ибо не человеческие слова говорят они, но Божии. Остальные же народы заблуждаются и вводят в заблуждение и себя, и тех, кто слушает их, ибо идут во тьме и падут сами, словно пьяные. Вот мое к тебе слово, царь.

Перед тем, что произнесено истиною через разум мой, пусть умолкнут неразумные твои мудрецы, ибо пустословят они, рассуждая о Боге. Ведь подобает, почитая Бога-творца и поклоняясь ему, вслушиваться в бессмертные его слова, чтобы, избегнув Страшного суда и вечных мук, стали бы вы наследниками негибнущей жизни».

ИЗ ПРОЛОГА

4 сѣнтѣбря. Страсть свѣтаго священномученика Вавулы,* въ Никомидии бывшую учителю, купно и иже с нимъ 80 и 4 мученикъ. Ти свѣтии мученици бѣша при Максимиянѣ цесари* от села, нарицаемаго Кандавлии, иже и яти бывше, и исповѣдаша имя Исуса Христа. И того ради обѣшени бывше, стрѣгани быша, дондеже явится костемъ ихъ. Посемъ въвергоша я въ баню ражѣжену крѣпко и назнамену перстнемъ цесаревомъ, да не изидуть, ангелъ же Господень възва я внѣ, и изидоша без вреда, затвореномъ дверемъ. Темъ ведоша я внѣ из града на пусто мѣсто, и испросивше час молитвѣ дати имъ, воиномъ попустиша; и ставше намнозѣ молишася и благодаривше, яко сподобишася по Владыцѣ Христѣ. Мучени быша тако: съсѣчени быша всѣми удесы, и голѣни ихъ скрушиша, и въврѣгоша въ огонь. И телеса ихъ изгорѣша, а блаженныя ихъ и свѣтыя душа възидоша на небо, радующеся и веселящеся.

25 сѣнтѣбря. Память прѣподобныя Еуфросинѣ Измарагда.* Та бѣ от Александрьскаго града,* дѣщи Пафнутія нѣкоего богата мужа, иже въсхотѣ дати ю въ бракъ. Нѣ она разумѣвши, притекши къ нѣкому от свѣтыхъ старѣцъ, бысть чѣрнорица. Посемъ обѣлкъшися въ мужьскыя ризы, преобразися въ мужъ, и убояшися, да не обрящетъ ея отецъ свои, отѣиде въ мужьскыи монастырь.

Внѣже имѣяше по обычаю ходити отецъ ея. И съ слезами повѣдая игумену бѣжаніе дѣщере; видяще ю въ монастыри, яко скѣрбяше о томъ съ прочими мнихи, не знаяше ея.

Створи же в монастыри 38 лѣтъ, разболѣся и, призвавши отца своего, и исповѣдавши и глаголющи: «Азѣ есмь дѣщи твоя, и не скѣрби». И тако умре, и чюдишася вси.

ИЗ ПРОЛОГА

4 сентября. Страсть святого священномученика Вавилы, учителя из Никомидии, и с ним вместе 84-х мучеников. Те святые мученики были при императоре Максимиане из села, называемого Кандавлии, которые были схвачены, и исповедовали имя Иисуса Христа. Из-за этого они были повешены, строганы до тех пор, пока не стали видны их кости. Потом их бросили в сильно растопленную баню, запечатанную перстнем императора, чтобы они не вышли, но ангел Господень позвал их снаружи, и вышли они невредимыми, хотя двери были заперты. Тогда повели их из города на пустырь; и попросили они дать им времени для молитвы, и позволили им (это) воины; и стали они (на молитву) и усердно молились и благодарили, что уподобились (пойти вслед за) Владыкой Христом. Мучены были так: отсечены у них были все члены, перебили им голени и бросили их в огонь. И тела их сгорели, а блаженные и святые их души вознеслись на небо, радуясь и веселясь.

25 сентября. Память преподобной Ефросиньи Измаграда. Она была из города Александрии, дочерью Пафнутия, одного богатого человека, который собирался отдать ее замуж. И, узнав об этом, она пришла к одному святому старцу и стала монахиней. Потом, надев мужскую одежду, преобразилась в мужчину и, опасаясь как бы отец ее не отыскал ее, ушла в мужской монастырь.

Туда имел обыкновение ходить ее отец. Он со слезами рассказал игумену о побеге дочери; видя ее в монастыре, что горевала она о том вместе с другими монахами, не узнавал он ее.

Она провела в монастыре 38 лет, заболела и, призвав отца своего и открыв правду, сказала: «Я — твоя дочь, не печалься». И потом умерла, и все удивились.

1 октября. Покрова святая Богородица.* О видѣнии святаго Андрѣя и Епифана. Страшное и чудное видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана,* како видѣста святую Богородицу на въздусе, пришьдшу въ Влахѣрную църквѣ* съ ангелы, и съ Предѣтечею,* и съ Богословъчемъ Иоаномъ* и съ иными святыми многими. Народу стоящу въ църкви, видѣста молящюся съ слъзами за весь миръ. И глагола Андрѣи къ Епифану: «Видиши ли цесарицу и госпожу всѣхъ, молящюся за миръ?» Он же рече: «Вижу, отче, и покрывъши вся святымъ своимъ амофоромъ, свѣтящимъ ся паче еликтора, люди сущая въ църкви».

Се убо егда слышавъ, помышляхъ: «Како страшное и милосѣрдное се видѣние, паче же, надѣяние и заступление наше бысть бесъ праздника!» Надѣя же ся, Владычице, на милосѣрдная твоя словеса, юже къ Сыну, сиречь: «Цесарю Небесный, прими всякого челоуѣка, славящаго тя и призывающаго имя твое, и всяко мѣсто, идеже бываетъ память имени моего; освяти мѣсто и прослави прославляющаго мя именемъ моимъ, приемля ихъ всяку молитву и обетъ».

Тѣмъ словесемъ надѣяся, въсхотѣхъ, да не безъ праздника останеть святой Покров твой, блаженная, нъ якоже ты украсити хоцещи честный праздникъ Покрова твоего, Всемилостивая, украси, да и прославляющии тя възвеселятся, видяще многоименный твой праздникъ сияюща. Якоже тамо народы сущая покры милостивно, тако и насъ грѣшныхъ рабъ твоихъ покрый кровомъ милости твоея, низлагаючи съвѣты и думы помышляючи на ны злая. Спаси по милости Сына твоего и твоей и въ съ вѣкъ и въ будущий и вся притекающая к тебе съ страхомъ и вѣрою, надѣющаяся на тя, скорое заступление и помощи.

Устави же ся таковой праздникъ праздновати месяца октября в 1 днь, на память святаго апостола Анание.

1 октября. Память прѣподобнаго Романа, творца кондака реу. Тъ святой Романъ бѣаше от Сурия, от Емесийскаго града, дияконъ бывъ въ Вуритѣ святая църква.* Дошьдъша же Костянтиня-града* въ лѣта Анастасия цесаря,* въшьдъ пребываше въ църкви Пресвятыя Богородица.* Въ благобознствѣ пребывая, и обношь пребывая въ ношнѣй службѣ, и паки възвращашеся, идеже и даръ сбора кондаки* и прия. Явльшися ему Пречистѣи Богородици въ снѣ и свитокъ харѣтиянь даючи, и повелѣвши сънѣсти, мняше бо отъврести уста и пожрети харѣтию.

Бѣ же и праздникъ Христова Рожества. И абие въспрянувъ от сна, възлѣзе на амбонъ, нача пѣти: «Дѣва дньсѣ Пребогатаго ражаетъ».* Створивъ и прочихъ праздникъ кондакъ, яко тысяще, ти тако с миромъ успе.

1 октября. Покров святой Богородицы. О видении святого Андрея и Епифания. Страшное и чудное видение честным святителям Андрею и Епифанию было, как видели они святую Богородицу в воздухе, явившуюся во Влахернскую церковь с ангелами, и с Предтечей, и с Иоанном Богословцем и другими многими святыми. Народ, стоящий в церкви, видел ее, молящуюся со слезами за весь мир. И сказал Андрей Епифанию: «Видишь ли царицу и госпожу всех, молящуюся за мир?» Тот ответил: «Вижу ее, отец, покрывшую святым своим покрывалом, светящимся ярче молнии, всех людей в церкви».

Когда же услышал я это, подумал: «Как же это такое страшное и милосердное видение, в особенности же надежда наша и заступничество за нас останется без праздника!» Надеюсь, Владычица, на милосердные твои слова к Сыну: «Царь Небесный, прими всякого человека, прославляющего тебя и призывающего имя твое, и всякое место, где бывает память имени моего; освяти место *〈то〉* и прославь прославляющего меня именем моим, принимая всякую молитву и обет их».

Надеясь на эти слова, захотел я, чтобы не остался без праздника Покров твой святой, блаженная, но если ты хочешь украсить честный праздник Покрова твоего, Всемиловитая, укрась *〈его〉*, чтобы прославляющие тебя возрадовались, видя сияющим твой многоименный праздник. Так же, как бывших там людей милостиво покрываешь ты, так и нас, грешных рабов твоих, покрой покровом милости твоей, ниспровергая заговоры и замыслы, затевающие злое против нас. Спаси милостью Сына твоего и своей и в этот век и в будущий всех приходящих к тебе со страхом и верой, надеющихся на тебя, на скорое заступничество твое и помощь.

Установлено было праздновать этот праздник в 1-й день месяца октября, на память святого апостола Анания.

1 октября. Память преподобного Романа, сочинителя кондаков. Тот святой Роман был из Сирии, из города Емеса, был дьяконом в святой церкви в Вирите. Дойдя до Константина-града, в годы *〈правления〉* императора Анастасия, вошел он в церковь Пресвятой Богородицы и остался там. В богобоязни находясь, и ночь проводил на всенощной службе, а когда возвратился, получил дар складывать кондаки. Во сне ему явилась Пречистая Богородица и, дав ему пергаменный свиток, приказала его съесть, то есть открыть рот и проглотить пергамен.

А был праздник Рождества Христова. И он внезапно проснулся, взошел на амвон и начал петь: «Дева днесь Пребогатого рождает». Сочинив и для других праздников около тысячи кондаков, вот так с миром отошел он к Богу.

3 октября. Память Амуна Египтянина. Прѣподобный отецъ нашъ Амунъ, богоносьць,* въ постыницѣхъ бысть дивнѣнъ, бысть отъ Египта, мнихолюбѣць сый отъ уности. Въ времена же Максимияна цесаря отъиде въ пустыню, и отшедь, единъ мълчаше. Въ единой ризѣ ходя ночь и день, и питаяся отъ възрастающихъ зелий. Пребысть же животъ его до подвиговъ великаго Антония,* отъ негоже и блаженѣй души Амону отъ телесенъ шьдѣши и на небо възносимъ бываючи.

Сѣдя святой Антоний, уча нѣкыя отъ братия душепользныя глаголы, видѣ душоу внезапно, вѣставъ, зряще ея ведомоу ангелы, и славляше Бога. Въпросивше же ѱ пришедшии, и, увѣдѣвъше вещь, испытывше днєвныи часъ. И шьдѣше въ Гегюпть дѣни, обрѣтоша, яко умре святой Амоунъ въ та часъ, вѣнѣже рече Антони.

15 октября. Страсть святаго мученика Лукиана,* превутера Великыя Антиохия.

Трепарь.* Море, приимъ святое тѣло чистителя и мученика, рыбоу на сушоу низложи, тѣмъ и мѣсто являетъ чудесъ дѣтель, бѣсѣмъ убо страшенъ, недужнымъ же врачъ, всѣмъ всѣ бысть. Господи, слава тебе.

Лукиан мученикъ бѣаше отъ Антиохия Сурьскыя въ царство Диоклитияне.* По смерти же родителю, давъ имѣние свое нищима, вѣнимаше чтению Божественныхъ писании и многы отъ елинѣ обращаше къ Богу. Оставль же Антиохию, доиде Никомидиѣ, идеже Диоклитиянъ крѣстьяны убиваше, и елма же многы обрѣте страха ради, хрѣстьянства хотящемъ отрещися, укрѣпивъ и увѣщавъ мучитися. Толми же бысть добродѣтелиу Богу подобнѣнъ, яко проходити градъ и отъ нихъже хотѣти видиму быти.

О семь увѣдѣвъ Диоклитиянъ и убоявъся на лице привести, да како отъ него обличенъ будетъ, повѣсивъ платно, бесѣдова с нимъ. И, видѣвъ разума его непреложное, осуди гладѣмъ уморити. И на многы же днѣи не приимъ пищи, въ тѣмнищи скончася, и вѣвѣрженъ бысть въ море.

21 октября. Память прѣподобнаго отца нашего Лариона Великаго, пустыни наставника. Прѣподобный Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ,* отъ града Газы Пеластиньскыя. Желая же учитися книгамъ, приде въ Альксандрию Егюптьскую, и Божию благодатию обоего приять — разумъ книжный же и еже къ Христови подобная. И по семь крестися. И слышавъ о житии Великаго Антония, иде къ нему и бысть его ученикъ, учася нѣколико время добродѣтели дѣла. Възвративъ же ся въ отчѣство, и родителя своя до си умьрша. Богатѣство свое раздая нищима, и обѣлкѣся въ ризу власяну и въ кожу овчю, постиже пустыню и добрѣ иночѣствова, многъ сподобися чудесъ, яко и будущая предъглаголати. Хотя же

3 октября. Память Аммона Египтянина. Преподобный отец наш Аммон, богоносец, был известным постником в Египте, с юности любил монашескую жизнь. Во время *⟨правления⟩* императора Максимиана ушел в пустыню, а когда ушел, стал отшельником. В одной и той же одежде ходил день и ночь, питаюсь молодыми побегами. Дожил он до подвигов великого Антония, при нем блаженная душа Аммона вышла из тела и вознеслась на небо.

Святой Антоний сидел и учил некоторых братьев душеполезным словам, внезапно увидел он душу и, встав, глядел, как вели ее ангелы, и славил Бога. Спросили его пришедшие, и, узнав о причине, спросили и час дня. Дойдя до Египта за *⟨несколько⟩* дней, обнаружили *⟨там⟩*, что святой Аммон умер именно в тот час, о котором говорил Антоний.

15 октября. Страсть святого мученика Лукиана, пресвитера Великой Антиохии.

Тропарь. Море, принимая святое тело священнослужителя и мученика, положило его рыбой на сушу, поэтому и место то являет чудотворение, ибо бесам он страшен, больным — врач, для всех был всем. Господи, слава тебе.

Мученик Лукиан был родом из города Антиохии в Сирии в царствование *⟨императора⟩* Диоклетиана. После смерти родителей, раздав имущество свое нищим, стал он внимать чтению Священного писания и многих язычников обращал к Богу. Оставив Антиохию, пришел он в Никомидию, где Диоклетиан убивал христиан, и поскольку он обнаружил, что многие от страха хотели отречься от христианства, укреплял их и убеждал предаться мучению. Настолько был он подобен Богу добродетелями, что мог ходить через *⟨весь⟩* город и быть доступным всем, кто хотел его видеть.

О нем узнал Диоклетиан, но побоялся личной встречи с ним, что тот его обличит, *⟨а потому⟩* разговаривал с ним через повешенное полотно. И, видя непреклонность его мыслей, повелел уморить его голодом. Много дней Лукиан не принимал пищи, скончался в тюрьме, и был брошен в море.

21 октября. Память преподобного отца нашего Илариона Великого, наставника пустынножителей. Преподобный Иларион жил при Константине Великом, *⟨родом был⟩* из города Газы в Палестине. Желая познать книжность, пришел в Александрию и по Божьей благодати овладел двумя вещами — премудростью книжной и тем, что есть Христос. После этого крестился. Наслышанный о жизни Великого Антония, пошел к нему и стал его учеником, обучаясь некоторое время добродетелям подвижничества. Вернувшись на родину, *⟨обнаружил⟩*, что родители его давно умерли. Раздав имущество нищим, он оделся во власяницу и в овечью шкуру, отправился в пустыню и был хорошим иноком, многих удостоился чудес, так что и

бѣжати чловѣкъ мълчания ради, от мѣста до мѣста течаше. Живѣ же лѣтъ 70, к Христу, егоже измлада възлюби, отъиде.

1 ноября. Успение святою безмезднику Козмы и Дамьяна, сыну святыя Феодотья. Козма и Дамьянъ,* святая бесрѣбръника, бѣста жены нѣкоей хръстіяны именемъ Феодотии, научышася от нея убо правѣи вѣрѣ и Священнымъ книгамъ, от Святаго же Духа врачеству и хытрости; не тѣкмо чловѣкы врачеваста, нѣ и скоты врачующа, ничтоже от кого приимаста.

Ицѣлиста же жену нѣкую именемъ Паладью, яже та притекъши къ святому Дамьяну, принесе ему три яйца и заклѣ ѣ именемъ Божиємъ възяти ѣ. Се слышавъ святой Козма, запрѣти не положити мощий Дамьяновъ на умъртии его с нимъ. Умре же пѣрвѣе святой Козма, и посемъ умършу святому Дамьяну; помышляху людѣе, кдѣ погresti. И вѣнезапу вельблудъ притекъ, разбѣеный дѣяволомъ и ицѣлѣвыи от святою, проглагола чловѣчьскомъ языкомъ положити моща съ святымъ Козмою, яко не мѣзды ради приялъ яйца, нѣ клятвы ради Божия. Ти тако положена быста оба.

11 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего Феодора, игумена Студийскаго.* Въ царство Костяньтине* тѣ бѣ въ Костянтини-градѣ рожься, всякъ же разумъ научения навѣкъ. Въ царство Ирины* блаженныя благочѣстивыя, двудесяте лѣту и дѣву сый, ошедъ въ Сакудиовъ манастирь,* от своего отца брата бысть мних, и от Тарасья патриарха* поставленъ бысть прозвютеромъ. Посемъ 30 лѣтъ сый бысть игумень сущаго ему своего манастиря. Изгнанъ же бысть въ Селунь,* заѣ не свѣщати ся любодѣйству цесареву,* нѣ възвращенъ бысть паки цесарицею Ириною,* и пришьствия ради срацинъ въ Цесарьградъ приде. И паки изгнанъ бысть Никифоромъ цесаремъ, убѣенымъ въ Българѣхъ,* такую же виною. Посемъ изгнанъ бысть святыхъ и ради иконъ при Львѣ иконоборци.* И много томленъ бывъ, по благочѣствию подвизавъся, и пѣснь о Бозѣ написавъ, въ глубоцѣ старости къ Господу отъиде.

12 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего патриарха Аляксандрѣскаго Иоана Милостиваго. Кюпрянинъ родѣмъ, съ бѣ сынъ Епифанія, тѣгда сущаго властелина того острова. Приблизъ же ся женѣ по хотѣнью отчю, и чядомъ отецъ бывъ, и имъже житие остави жена его и дѣтий, все хотѣние свое на вдание добродѣтелей, на Божие угодие прѣврати. Свѣтълости ради житія Араклиемъ цесаремъ* и испрошьмъ людѣмъ олександрѣскимъ патриархъ Аляксандрѣскый поставленъ бысть. По правилу поставление примъ, пособъствовавъ же лѣтъ многа въ свѣтительствѣ и бешисльна сѣтвори чюдеса, трѣбующимъ нескудно подавъ еже

будущее предсказывал. Чтобы не встречаться с людьми, ради безмолвия он переходил с места на место. Прожив 70 лет, к Христу, которого полюбил с юности, отошел.

1 ноября. Успение святых бессребреников Козьмы и Дамиана, сыновей святой Феодотьи. Козьма и Дамиан, святые бессребреники, были (сыновьями) одной христианки по имени Феодотья, от которой научились правой вере и Священным книгам, а от Святого Духа — лечению и умению; лечили не только людей, но и животных лечили, и ничего ни у кого не брали (за это).

Вылечили они одну женщину по имени Палладия, которая, придя к святому Дамиану, принесла ему три яйца и упросила его именем Божиим взять их. Услышав это, святой Козьма запретил класть мощи Дамиана рядом со своими после смерти. Первым умер святой Козьма, а потом умер святой Дамиан; и люди раздумывали, где похоронить его. Внезапно явился верблюд, истерзанный дьяволом и исцеленный святыми, проговорил он человеческим языком, чтобы положили мощи рядом со святым Козьмою, потому что не ради мзды взял он яйца, а ради имени Божьего. Так и положены были они.

11 ноября. Память преподобного отца нашего Феодора, игумена Студийского. В правление Константина он родился в Константинополе, изучив суть всякого учения. В царствование блаженной благочестивой Ирины, 22-х лет от роду, ушел в монастырь Саккудион, с помощью своего дяди постригся в монахи, и Тарасием патриархом был поставлен в пресвитеры. Потом в 30 лет стал игуменом того же монастыря. Изгнан был в Солунь, поскольку не одобрил любодения императора, но был возвращен снова императрицей Ириной и из-за нашествия сарацинов вернулся в Царьград. И снова был изгнан императором Никифором, убитым в Болгарии, по той же причине. Потом был изгнан из-за святых икон при Льве Иконоборце. Перенес много страданий, за благочестие подвизался и, написав песнопение с Божьей помощью, в глубокой старости к Господу отошел.

12 ноября. Память преподобного отца нашего патриарха Александрийского Иоанна Милостивого. Родом с Кипра, он был сыном Епифания, в то время правителя того острова. По желанию отца женился, имел детей, но поскольку жена и дети оставили жизнь, он все свои желания обратил к добродетельной и богоугодной жизни. За чистоту его жизни император Ираклий по просьбе народа александрийского поставил его патриархом Александрии. Законное приняв поставление, он был святителем много лет и бесчисленные сотворил чудеса, нуждающимся щедро подавая необходимое. И из-за многого милосердия назван был Милостивым, и

на потребу. И многыя ради милостыня Милостиваго ради наречения примѣ, и вѣмъ любѣзнъ бывъ, якоже о немъ книги въ широту являютъ, и многы невѣрныя обрати къ Господу. Въ старости глубокоу землю оставь, на небеса възыде, радуясь.

29 ноября. Память прѣподобнаго отца нашего Иоана Дамаскинскаго.* Тѣ бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его,* от града Дамаскинскаго, рода славна и свѣтла и вѣрна. Получи же добронраволюбива отца, и наказанъ бысть всяко наказание елиньско, нѣ и Божествено писание.

Вѣры же ради, иже въ Христа, отечское богатство оставь и бысть мнихъ* с Козмоу, егоже много слово въ святыя празднѣники творение пѣний и паче въ святую и великую недѣлю Святыхъ Пасхы. Прѣподобный же Иоанъ силоу словесъ и показаний от Писаний посрами иконоборѣцъ ересь,* тѣмъ и различно изгнанъ бывъ от еретическихъ цсарь. Въ старости глубокоу и чѣстнѣ и в добрѣ исповѣданіи скончася.

6 декабря. Память прѣподобнаго отца нашего Николы, епископа Мюрьскыя Лукия. Въ царство Великаго Костянтина бысть великій архіерѣй и чудотворецъ, епископъ въ Мюрьстѣи Лукии. И пѣрвѣе убо бывъ мнихъ, и много подвижавъ на добродѣтель, имже и епископомъ поставленъ бысть. Многа чюдеса створи; свободи же и три мужа от смърти: оклеветани бо бѣша и связани бо бѣаху, и хотяху усѣчени быти, нѣ самъ тече и ятъ за мечъ, и възъа от руки слугы и пусти я.*

Ингда паки оклеветани быша ини триє къ цесареви Костянтину епарѣхѣмъ Авлавиємъ, яко ковь творяще, и затворени быша в претворѣ. И егда хотяху тѣи усѣкнути, молиша святаго Николу, и приде въ Костянтинѣградъ въ снѣ и запрѣти цесареви и епарѣху, и отпусти я. И ина многа чюдеса створивъ, с миромъ скончася.

12 декабря. Память прѣподобнаго отца нашего Спиридона епископа Тримифинѣи Кюпрьска.

Трепарь, глас 4.* Въ нельстѣное Ияковле, въ Моисѣово кротѣе, въ Давыдово безлобие, священнолѣпно обѣлкъся, бысть и сѣсуда избѣраннаго* образъ, и еже къ вѣмъ любѣвь подобно имѣти богатое, отче прѣподобне, молишися Христови съпастися намъ.

Прѣподобный отецъ нашъ Спиридонъ бысть при Костянтинѣи цесари.* Образѣмъ простъ, сердѣцемъ смѣреномъ, пасяше же овѣця, и жену поимъ, и дѣщерь родивъ. Имже и жена умре, бысть епископъ. Бысть же и чудотворѣцъ, ибо и въ бездѣждіе помолися — и одѣжди, и от глада обилие створи; и змию прѣтвори на злато, и паки злато по вѣданію залога, и възайма дати нищеому и живу

со всеми был ласков, как о нем много и говорится в книгах, и многих неверных обратил к Господу. В глубокой старости оставил землю, на небеса восшел, радуясь.

29 ноября. Память преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. Он жил в царство Льва Исавра и Константина, его сына, был из города Дамаска, из рода славного и светлого и верного. Имел отца добродушного, и обучен он был всяким еллинским наукам, но и Священному писанию.

Ради христианской веры он оставил отеческое богатство и постригся в монахи вместе с Козьмой, который сочинил для святых праздников много песнопений, особенно — для святой и великой недели Святой Пасхи. Преподобный Иоанн силой слов и свидетельствами из Писания посрамил ересь иконоборцев, поэтому всячески преследовался императорами-еретиками. В глубокой и честной старости и в благоверии скончался.

6 декабря. Память преподобного отца нашего Николая, епископа Мир Ликийских. В царство Константина Великого он был известный архиерей и чудотворец, епископ (города) Миры в Ликии. Сначала он был монахом, много трудился ради добродетели и поэтому был поставлен епископом. Много чудес сотворил; спас трех человек от смерти: они были оклеветаны, их связали и хотели убить, но он сам пришел, схватился за меч, взял его из рук слуги и отпустил их.

Еще как-то оклеветаны были трое других перед императором Константином епархом Авлабием в том, что они — злоумышленники, и заключены они были в притворе. И, когда хотели их обезглавить, они помолились святому Николаю, и явился он в Константинополь во сне императору и епарху и запретил (это делать), и отпустил он их. И много других чудес сотворив, с миром скончался.

12 декабря. Память преподобного отца нашего Спиридона, епископа Тримифунта на Кипре.

Тропарь, глас 4. В правдивость Иакова, в Моисеево смирение, в Давидово беззлобие священнолепно оделся, стал и сосуда избранного образом, и, если ко всем любовь требуется щедрая, отец преподобный, ты молишься Христу о нашем спасении.

Преподобный отец наш Спиридон жил при императоре Константине. Обликом прост, сердцем смиренный, пас овец, взял жену и имел дочь. Когда его жена умерла, стал епископом. Был и чудотворцем, потому что в засуху помолился — и был дождь, а в голод изобилие сотворил и еще змею обратил в золото, чтобы потом, после внесения в залог золота взамен жизни нищего, снова обратить

быти, и паки прѣтвори на змию и пусти; и рѣку текущу устави. Приде же и на Никѣйскыи сборъ и посрами и еретики.

Жена же нѣкая дасть дѣщери его скръвище. Посемь умьре дѣщи его, и не обрѣтаему бывъшу положенному. Въпроси старьць мъртвую, и отвѣщавъши, рече: «На семь есть мѣстъ». И ина мѣного створивъ, с миромъ скончася.

14 декабря. Страсть святых мученикъ Филимона и Аполония и дружины их. Ти святии бѣша от Фивъ Еюпѣтскихъ при Диоклитьянѣ цесари. Беша же вси 36, и понеже яти бывъше, единъ от нихъ, нарицаемый Аполоний, причѣтникъ сый, дасть златыце стрѣгущему я Филимону гудьцу и помолися ему одѣтися в ризы своя и в себе мѣсто поклонитися и пожрѣти идоломъ. Филимонъ же одѣвъся въ ризы Аполония, егда идяше пожрѣти, исповѣда Христа. Игемонъ же, не сказавъ его, рече: «Призовѣте гудьця Филимона, да погудеть и пѣниемъ утолитъ хрьстьяны пожрѣти».

И тѣгда познанъ бысть Филимонъ, и мученъ бысть съ инѣми от гѣмона. Послѣдъ же игѣмонъ вѣрова и иже с нимъ.

И увѣдѣвъ си Диоклитиянъ, мучи ѥ съ Арианъмъ, богатымъ нѣкимъ мужемъ. Посемь связавъ вся и вмета въ вретѣща, въвѣрже въ море.

17 декабря. Страсть святаго мученика Вакѣха Новаго. От страны Палестиньскыя тѣ бѣ въ царство Ирины и Костянтина. Бѣста же родителя его от рода крьстьяна, нѣ отецъ его от бѣсовъ прѣльстися, на срачиньскую вѣру срамную прѣложися и опоганися. Сѣтвори дѣтий седmero и въспита въ той же злѣй вѣрѣ, и посемь умре, и остаха дѣти с матерью своею. От нихъ же единъ, Галасий нарицаемый, въ Иерусалимъ приде, и посемь отъиде въ лавру святаго Савы и бысть мнихъ, Вакѣхъ нареченъ, добрѣ же поживъ. И посланъ бѣ игуменѣмъ бѣжати, да не увѣдѣнъ будетъ, яко срацинина крьстиль бѣ. И пришѣдъ въсвояси, пять братий убо крьсти, единъ же не крьстивъся, оклевета Вакѣха къ старѣшинѣ мира, и усѣкну ѥ. Ти тако скончася.

11 января. Память прѣподобнаго отца нашего Феодосия, обѣщѣна отцѣмъ.

Трепарь, глас 8. Сльзъ твоихъ источникъ, исповѣдания поты смѣсилъ еси и купѣль мысленную съдѣлавъ, отче прѣподобне, омываеши въ ней творящихъ любовию память твою сквърну дѣяний. Моли Христа Бога спасти душа наша.

Феодосий, въ святыхъ отѣцъ нашихъ, нарицаемый общеновожилецъ,* бѣ от страны Кападокийскы, родителю добру. Бысть же мнихъ, и пѣрвѣе убо отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стѣлпнику,* и благословленъ бысть от него,

его в змею и отпустить; и реку текущую остановил. Пришел на Никейский собор и посрамил еретиков.

Одна женщина дала его дочери сокровище. Потом его дочь умерла, и неизвестно было, где оно положено. Спросил старец мертвую, и она ответила: «На этом месте». И другое многое сотворив, с миром скончался.

14 декабря. Страсть святых мучеников Филимона и Аполлония и дружины их. Эти святые были из Фив Египетских при императоре Диоклетиане. Всего было их 36 человек, и когда они были схвачены, один из них, по имени Аполлоний, причетник, дал золотую монету стерегущему их Филимону музыканту и упросил его одеться в свою одежду и вместо него поклониться и принести жертву идолам. Филимон, одевшись в одежду Аполлония, когда отправился приносить жертву, уверовал в Христа. Начальник же, не опознав его, сказал: «Позовите Филимона музыканта, пусть поиграет и пением убедит христиан принести жертву».

И тогда опознан был Филимон, и начальником предан был мучению вместе с другими. А потом и начальник сам уверовал, и те, что были с ним.

Узнал об этом Диоклетиан, предал их вместе с Арианом, неким богатым человеком, мучению. Потом их всех связали, побросали в мешки и бросили в море.

17 декабря. Страсть святого мученика Вакха Нового. Он был из Земли палестинской в царство Ирины и Константина. Родители его были из христиан, но отец его, прельщенный бесами, перешел в сарацинскую веру позорную и осквернился. Породил он семеро детей и воспитал их в той же злой вере, а потом умер, и остались дети со своей матерью. И один из них, по имени Геласий, пришел в Иерусалим, а потом отправился в лавру святого Саввы и стал монахом, нареченный Вакхом, и жил достойно. И отправлен был игуменом (из монастыря), чтобы никто не узнал (о том), что он крестил сарацина. Вернувшись домой, Вакх крестил пятерых братьев, но один не принял крещения, донес на Вакха старейшине селения, и тот его убил. Так он скончался.

11 января. Память преподобного отца нашего Феодосия, начальника отцов (пустыни).

Тропарь, глас 8. Слез твоих источник и исповедания пот смешал и сделал купель мысленную, отец преподобный, омываешь в ней творящих с любовью память о тебе скверну их дел. Моли Христа Бога спасти души наши.

Феодосий, святой отец наш, называемый новый общиножитель, был из земли Каппадокийской, из знатной семьи. Стал монахом, и сначала отправился в Антиохию к святому Симеону Столпнику, и был благословлен им, затем — в

посемь — въ Ерусалимъ, оттуду же дойде въ пустыню. Тридесате лѣтъ хлѣба не ядый, нѣ тѣчию смоквы и былие, тѣмъ многа чюдеса створи, и монастыря многы сътвори и бѣсы молитвою прогна.

Гладу же нѣкъгда бывъшу, и житъници монастырѣстѣй пшеница не имущи. Едино зърно обрѣтъ и благословивъ є, и от того зърна житъницу испълнивъ пшеница. Многихъ ради чюдесъ и цесаремъ знаемъ бѣ, и въ всемъ мирѣ добродѣтели ради славнѣ бысть. Ти тако въ глубокѣ старости къ Богу отъиде, егоже и възжела.

14 января. Страсть прѣподобныхъ отъцъ нашихъ, на Синайстѣи горѣ окончавъшихся.*

Трепарь, глас 4. Яко пришльци бывъше, и куща потѣкше, въ пустыняхъ явѣ постистесе, прѣподобнии, наготово украшъшесе, добродѣтели одѣниемъ съобразни бывъше Христовамъ страстемъ, тѣмъ и прѣтърпѣсте мучитель закление.

Изъ различныхъ мѣстъ и странъ святии ти суще, оставиша миръ, и ближники, и богатство, идоша в гору Синайскую и быша мниси, работающе единому Богу и питающиеся от зелия дивяго. Съ тѣми же святыми бысть святии Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-градѣ,* мужъ богатъ и благовѣрнъ, нѣ и тѣ Христа ради остави славу свою и богатство и бысть единъ от нищихъ мнихъ.

Нѣ и дияволъ, възавидѣвъ, въздвиже дивий языкъ Глазатыхъ* на святыхъ отца. Си же суть от Аравии до Еюпта, живущимъ на Чърмнѣмъ мори, и надѣющиеся обрѣсти богатство, придоша плѣнити мнихъ. Ти яко не обрѣтоша ничсоже, тѣчию рогозины, и святыхъ въ власяницахъ ходяща, прогнѣваша, низрѣзаша я, ничсоже зла створышемъ. Ти тако скончашася.

26 января. Память прѣподобнаго Ксенефонъта* и подружия его, Аркадия и Иоана. Ксенефонъ въ святыхъ отъцъ нашъ бѣ сунѣклитикъ въ Костянтини-градѣ, богочътивъ и правдѣнъ и милостивъ и всяку добродѣтель имѣя. Бѣ же и славнѣ и богатъ зѣло. Родивъ же два отрочати — Аркадии, Иоана — и възпитавъ я въ наказаньи и поучении Господни. Пославъ я въ Вурить градъ, да навѣкнѣта закономъ. Имѣяше же тѣгда таковъ градъ всѣхъ учени кѣнижъная хранилища. И понеже по морю ѣдуща истописта же ся сына его, — увѣдѣвъ се от нѣго раба своего, — и изиде съ женою своею на възискание ею, и обрѣтъ я въ Ерусалимѣ, из моря извържена, и мниха бывъша. И познавъ, одѣся самъ и жена его въ мнишьскый образъ и тольми прѣспѣста на добродѣтель, якоже и чюдеса творити сподобитися. Ти тако скончашася о Господѣ съ сынѣма своими.

27 января. Прѣнесение мощей въ святыхъ отца нашего Иоана Златоуста.* Изгнанъ бысть святой Иоанъ Златоустъ и отъиде въ Команъ* арменьскыя, идѣже лежать мощи святаго Василиска,* иже и

Иерусалим, а оттуда пришел в пустыню. Тридцать лет не ел он хлеба, а только смоквы и траву, много сотворил чудес, и много создал монастырей, и бесов молитвою прогнал.

Однажды был голод, и в житницах монастырских не было пшеницы. Он отыскал одно зерно и благословил его, и от этого зерна житница наполнилась пшеницей. Из-за многих чудес был известен и императору, а своими добродетелями прославился во всем мире. И так в глубокой старости он отошел к Богу, которого и желал *⟨видеть⟩*.

14 января. Страсть преподобных отцов наших, скончавшихся на Синайской горе.

Тропарь, глас 4. Быв пришельцами, оставив жилища, постились явно в пустыне, преподобные, украсившись наготой, одеждой добродетели вы уподобились Христовым страстям, оттого и претерпели смерть от мучителей.

Придя из различных мест и земель, те святые оставили мир, и близких, и богатство, пошли в гору Синайскую и стали монахами, работая лишь для Бога и питаясь дикой травой. Среди тех святых был святой Нил, бывший епарх в Константине-граде, человек богатый и благочестивый, но и тот ради Христа оставил славу свою и богатство и стал одним из нищих монахов.

Но дьявол, позавидовав, двинул дикий народ сарацинов на святых отцов. Были они из областей Аравии до Египта, жили у Красного моря и, надеясь обрести богатство, пришли, чтобы взять в плен монахов. Однако, поскольку они не нашли ничего, кроме рогожи и святых, ходящих во власяницах, то разгневались, зарезали их, не сделавших никакого зла. Так они скончались.

26 января. Память преподобного Ксенофонта и его супруги, Аркадия и Иоанна. Ксенофонт, святой отец наш, был сановником в Константине-граде, богочестивый, праведный и милостивый, любую добродетель имевший. Был он известен и очень богат. Имел двух сыновей — Аркадия, Иоанна, воспитал их в смирении и почитании Господа. Послал он их в город Вирит, чтобы изучили они законы. В то время в этом городе для всякого учения имелись библиотеки. Но, поскольку, плывя по морю, его сыновья тонули, — об этом он узнал от их слуги, — он со своей женой отправился на поиски их и нашел их в Иерусалиме, *⟨куда⟩* они были выброшены морем и *⟨где⟩* стали монахами. Узнав об этом, и он и его жена постриглись в монахи и так преуспели в добродетели, что удостоились дара чудотворения. Так они скончались в Господе со своими сыновьями.

27 января. Перенесение мощей святого отца нашего Иоанна Златоуста. Изгнан был святой Иоанн Златоустец и отправился в армянский *⟨город⟩* Коман, где лежат мощи святого Василиска, который

явился ему, глаголя: «Не бойся, брате Иоане, завтра бо купно будевъ». Яви бо ся и църквѣному служѣ, глаголя: «Уготовай мѣсто великому мученику, грѣдетъ бо».

Измѣнивъ убо бѣлы ризы и службу створи, и рекъ глаголь, иже всегда глаголаше: «Слава Богу всѣхъ ради!» И прѣдасть духъ, и положенъ бысть близ гроба святаго мученика Василиска.

По 33 лѣтѣхъ, въспоминания ради патриарха Прокла,* пославъ Феодосии цесарь* принести мощи, рацѣ неотвѣрзушися, печальнъ бысть. И пришедшимъ чьстнымъ мощемъ, прияты быша чьстнѣ от цесаря же и патриарха и отъ всѣхъ людий, и положены быша въ святыхъ Апостолѣхъ.*

1 апреля. Память прѣподобныхъ Марьи Егуптянынѣ.* Прѣподобная Марья бѣ от Егупта. Въ блужении же пожи, иже поживши за 31 лѣтъ, въ блуди поживши, послѣдъ дасться зѣло воздержанию и добродѣтели, и толми възнесеса бестрастиемъ, яко непреходимыя рѣки водныя преходити, и, вѣнегда помолитися, повѣшена бысть на воздусъ. Прешѣдши же Ерданъ, и бывши в пустыни за 47 летъ, подвизавшися без дому, бес покров, наго, ни единого имѣючи всевидяща, челоувѣческаго естества оступи. Послѣдѣже, по Божию промыслению, явился Зосимъ святому старцю, въ внутренняя пустыня вшедшу, и бесѣдовавши ему, и яже о собѣ повѣдавши. И в придущее лѣтъ Иерданъ бѣ прешедши и комкавши, посемъ на свое мѣсто възвратившися поточное, идеже Зосимъ бесѣдовавши, успе. И придущее летъ пришедъ Зосима и обрѣтъ мощи ея погребшу лъву звѣри, преднима ногама гробъ ископавшу промыслением Божиимъ.

15 июля. Святаго князя Володимира,* крестившаго всю Рускую землю. *Съ бысть сын Святославъ от племени варяжска, князь Володимир. Первое ко идоломъ много тѣшание творя по отцю преданию, да егда Бог възхотѣ собѣ люди новы избрати, вѣдѣхнувъ себе благодать Святаго Духа и възбнувъ, акы от сна, от лютаго идолослужения, и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ ихъ: како вѣрують. И увѣдѣвъ святую грѣхъскую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ, и рече въ себе: «Сиче створю: пойду въ землю их, и плѣню грады их, и обрщю учителя». Да еже умысли, то створи. Шед и взя Корсунъ и посла к цесарю грѣхъскому, глаголя: «Дай за мя сестру свою. Аще ли не даси, то створю граду твоему, якоже и сему створих». Он же отвѣща: «Нѣсть дѣ таковаго обычая крестьяномъ даяти за поганыхъ. Аще ли ся крестишь, то и се получишь, и вѣще сего — Царство Небесное». И рече Володимиръ: «Тако створю. Пришедше от тебе съ царицею, крести мя». И въ то время впалъ бяше Володимиръ в недугъ обѣма очима. И рече пославши цесарицу къ нему: «Аще не крестышься, не избудеши болезни сея». Он же рече: «Крестите мя, ибо на то вы есмь призвалъ». И егда крестиша, и створися чудо велье: вшедшу убо ему въ святую купѣль, и отверзостася ему очи, и бысть яко*

явился ему, говоря: «Не бойся, брат Иоанн, утром вместе будем». Явился он и к церковному служителю, говоря: «Приготовь место великому мученику, ибо он идет».

Надев белые одежды и отправив службу, Иоанн сказал в конце то, что говорил всегда: «Слава Богу за все!» И он испустил дух, и был положен рядом с гробом святого мученика Василиска.

Через 33 года, благодаря тому, что вспомнил патриарх Прокл, император Феодосий послал за мощами, но рака не открылась, что опечалило его. Когда же принесли святые мощи, они достойно были приняты императором и патриархом и всеми людьми, и положены в церкви святых Апостолов.

1 апреля. Память преподобной Марии Египетской. Преподобная Мария была из Египта. Она жила в блуде, и прожив больше 31 года в блуде, потом предалась суровому воздержанию и добродетели, и так возвысилась бесстрастием, что проходила через непроходимые реки и, когда молилась, парила в воздухе. Перейдя Иордан, она была в пустыне больше 47 лет, совершала подвиги, не имея жилища и покрова, нагая, никого не видя, изменила человеческое (свое) естество. Позднее, по Божьему промыслу, явилась святому старцу Зосиме, пришедшему в глубину пустыни, и, беседовав с ним, рассказала о себе. Через некоторое время она перешла через Иордан и, причастившись, вернулась на то место при потоке, где беседовала с Зосимой, и скончалась. Через некоторое время пришел Зосима и обнаружил, что ее мощи похоронил лев, выкопав передними лапами могилу по Божьему промыслу.

15 июля. Святого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю. Он был сыном (князя) Святослава из рода варяжского, князь Владимир. Сначала он был рьяным идолопоклонником по примеру своего отца, но когда Бог пожелал избрать себе новый народ, ощутил он в себе благодать Святого Духа и, очнувшись, как ото сна, от пагубного идолослужения, послал ко всем народам узнать об их законе: как веруют. И познав святую греческую веру, подобную свече на светильнике, сказал себе: «Сделаю так: пойду в их земли, возьму в плен их города, найду учителей». Что задумал, то и сделал. Пошел и взял Корсунь и послал к греческому императору со словами: «Отдай за меня свою сестру. Если не отдашь, то сделаю с твоим городом то же, что и с этим». Тот ответил: «Нет, дескать, такого обычая, чтобы христиане отдавали (женщин замуж) за язычников. Если крестишься, то получишь то, (что просишь), и больше того — Царство Небесное». И сказал Владимир: «Сделаю так. Пусть придут твои люди с царевной и окрестят меня». В то время у Владимира заболели оба глаза. Послав царевну, (император) передал князю: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни». И тот ответил: «Крестите меня, ведь для этого я и позвал вас». И когда крестили (его), совершилось

николиже имѣвъ недуга. Прозрѣвъ, похвали всѣхъ Бога, и просвѣщенъ бывъ, радовашеся душою и тѣломъ.

И пришедъ къ Киеву, изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажебога и Мокошь и прочая вся кумиры. Посемъ созва все множество людей и заповѣда имъ креститися, нарекъ имъ день, рекъ: «Аще кто не обрящется утро на рѣцѣ, тѣ будетъ противень мне». И сниде на Почайну-рѣку всѣ възрастъ: мужи и жены и младенцы свершени, иже стояху в водѣ ови до пояса, инии — до выа, а друзии бродяху; прозвутеры, по берегу стояще, молитвы глаголаху, яко над крестимыми. И оттолѣ наречеса мѣсто святое, идеже нынѣ церкви есть Петрова, и тѣ бысть 1-я ходатай нашему спасению. Володимѣръ же възрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: «Призри на новопросвѣщенные люди сия, и да же им, Господи, увѣдѣти тебе, истиннаго Бога, утверди в них правую вѣру; и мнѣ помози, Господи, на супротивныя враги, да надѣяся на твою державу, попру козни его».

Повелѣ же людемъ ставити църкви по всѣмъ градомъ, а самъ создал церковь Святую Богородицу, удививъ. Пребывъ же нѣколько лѣтъ и преставися к Богу в 15 месяца июля. Тѣло же его положиша у церкви Святыя Богородица, юже самъ създа, и плакася его все множество людей: бояре акы отца, людье акы заступника, сироты акы помощника, нищии и вдовицѣ яко печалника и кормителя.

Да како ты възможемъ по достоянию похвалити, створшаго дѣло *равно апостоломъ? Хвалить убо Римская земля Петра и Павла, Асыя — Богословца Иоанна, Египетская — Марка, Антиохийская — Лука, а Грѣчьская — Андрѣя, вся же Руская земля — тебе, Володимире;** яко Господня апостола, молебными песнями память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти, глаголюще: «Радуйся, Володимѣре, примый венецъ отъ Вседержителя Бога; радуйся, святая главо, вожю и учителю нашъ, имже избывше отъ тмы, а свѣтъ познавше; радуйся, честное древо самого рая, иже възрасти намъ святѣи лѣторасли — святая мученика Бориса и Глеба, отъ неюже нынѣ сынове русьстии насыщаются, приемлюще недугомъ ицѣление; радуйся, дѣлателью вѣры Христовы, растерзавъ льстное тернье и раздрушивъ, взоравъ крещениемъ всю землю и насѣявъ святыми книгами, от нихже жнють русьстии сынове пользныя рукояти покаянию. *И друзии уже ядятъ нескудную пищу въ Царствии Небеснѣмъ, еяже трапезы сподобимся и мы, недостойные, кающаеся о согрѣшении».*

великое чудо: только вошел он в святую купель, его глаза открылись, словно никогда и не было болезни. Прозрев, восхвалил он Бога и, просвещенный, радовался душой и телом.

И, придя в Киев, он разбил всех идолов: Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокошь и всех других идолов. Потом созвал весь народ и повелел им креститься, назначая им день, *⟨при этом⟩* сказал: «Если кто-нибудь не окажется утром на реке, тот — против меня». И пришли на Почайну-реку люди всех возрастов: мужчины и женщины и маленькие дети; одни из них стояли в воде до пояса, другие — до шеи, а иные бродили по воде; а пресвитеры, стоя на берегу, читали молитвы *⟨как полагается⟩* над крестимыми. С того времени называется это место святым — там, где ныне церковь стоит святого Петра, который был первым ходатаем за наше спасение. Владимир, взирая на небо, помолился за христиан, говоря: «Прими этих новообращенных людей и позволь им, Господи, познать тебя, истинного Бога, утверди в них правую веру; мне же помоги, Господи, одолеть врагов, и я, надеясь на твое могущество, разрушу его *⟨дьявольские⟩* козни».

И приказал он людям возводить церкви во всех городах, а сам построил церковь Святой Богородицы *⟨всем⟩* на удивление. Прожив несколько лет, он скончался 15 *⟨числа⟩* месяца июля. Тело его положили в церкви Святой Богородицы, которую *⟨он⟩* сам построил, и оплакивал его весь народ: бояре как отца, простые люди как заступника, сироты как помощника, нищие и вдовы как покровителя и кормильца.

Сможем ли мы оценить по достоинству тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Восхваляет Римская земля Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Египетская — Марка, Антиохийская — Луку, а Греческая — Андрея, вся же Русская земля — тебя, Владимир; подобно апостолу Господа, песнопениями память твою празднуя, достойную похвалы награду тебе приносим, говоря: «Радуйся, Владимир, принявший награду от Вседержителя Бога; радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с чьей помощью мы освободились от тьмы и узнали свет; радуйся, честное древо самого рая, которое вырастило нам святые побеги — святых мучеников Бориса и Глеба, от которых ныне питаются русские сыновья, принимая исцеление болезней; радуйся, трудящийся *⟨ради⟩* веры Христовой, ты уничтожил коварное терние и, разрушив, вспахал крещением всю землю, засеяв ее святыми книгами, от которых сыновья русские пожинают полезные снопы покаяния. А иные уже питаются обильной пищей в Царстве Небесном, этой трапезы удостоимся и мы, недостойные, каюсь в согрешениях».

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Слово нѣкоего *калугера* о чь(тении) книгъ*

Добро *есть*, братие, почитанье книжное, паче всякому хрьстяну, блаженей бо, рече: «Испытаюштии *сѣвѣдѣния* Его всѣмъ сьрдцьмъ възшютю Его». Чьто бо, рече, «испытאותей сѣвѣдѣния Его»? — Егда чьтеши книги, не тыштися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумѣй, чьто глаголють книги и словеса та, и тришды обраштяся о единой главизнѣ. Рече бо: «Въ сьрдьци моемъ ськрыхъ словеса твоя, да не сьгрѣшу тебѣ». Не рече «усты тьчью изглаголаахъ», нъ «и въ сьрдьци ськрыхъ, да не сьгрѣшу тебѣ», и поразумѣвая убо истиньнѣ писания, правимъ естъ ими. Реку же: «Узда коневѣ правитель естъ и въздържанье, правѣднику же книги я».

Не сѣставитъ бо ся корабль без гвоздий, ни правѣдникъ бес почитания книжнааго, и якоже *плѣньникомъ* умъ стоить у родитель своихъ, тако и правѣднику о почитаньи книжнѣмъ. Красота воину — оружие, и кораблю — вѣтрила, тако и правѣднику — почитание книжное. «Отъкрый бо, — рече, — очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона Твоего» — очи бо глаголетъ размыслъ сьрдьчный и прочее; «Не ськрый отъ мене заповѣдий твоихъ», — разумѣй, яко не отъ очию ськрый, нъ отъ разума и сьрдца. Тѣмъже и похули не поучаюштяся, глаголя: «Прокляти уклоняюштеися отъ заповѣдий Твоихъ». Тѣмъже и самъ ся похвали, глаголя: «Коль сладька словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, паче тысяшта злата и сребра». И възпѣтъ, глаголя: «Въздрадуюся азъ о *словесехъ* твоихъ, яко обрѣтая користь многу» — користь бо нарече словеса Божия, глаголя, яко: «Обрѣтохъ недостойнъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесьмъ твоимъ днь и ношть», — то мы, братия, поразумѣимъ и послушаймъ разумьными ушима и поразумѣимъ силу и поучение святыхъ книгъ.

Послушай ты житья святааго Василия и святааго Иоанна Златоустааго, и святааго Кирила Философа, и инѣхъ многъ святыхъ, како ти сьпърва повѣдають о нихъ рекуште: измлада прилежааху святыхъ книгъ, тоже и на

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Слово некоего старца о чтении книг

Полезно, братья, чтение книг каждому христианину, ибо сказал блаженный: «Хранящие откровения Его всем сердцем — взыщут Его». Что это — «хранящие откровение Его»? — Читая книги, не старайся быстро читать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги и слова их, трижды возвращаясь к каждой главе. Ибо сказано: «В сердце моем сокрыл Я слова твои, чтобы не согрешить пред тобою». Не сказано «устами лишь произнес», но — «в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою», — подразумевая глубины написанного, направляемый ими. Скажу и я: «Узда и правит конем, и сдерживает его, сущность же праведного — в книгах его».

Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника — без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника — чтение книг. Воину красота — оружие, а кораблю — паруса, так и праведнику — чтение книг. «Открой, — сказал, — очи мои, — и постигну чудо закона твоего», — ибо очами он называет воображение внутреннее, и так далее; «Не сокрой от меня заповедей твоих», — так понимай, что не от глаз скрывай, но от разума и от сердца. Потому и осудил уклоняющихся от ученья, говоря: «Прокляты избегающие заповедей Твоих...» Потому и сам себя похвалил, говоря: «Как сладки слова твои, слаще меда устам моим, дороже тысяч золота и серебра». И восхвалил, говоря: «Возрадуюсь я о словах твоих, обретая великую прибыль», прибылью называя слово Божье и говоря: «Обрел, недостойный, я дар поучаться словам Твоим день и ночь», — так и мы, братия, постигаем ушами разума услышанное и познаем силу и смысл святых книг.

Послушай же жития святого Василия и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирилла Философа, и многих других святых, как о них говорят впервые о них поведавшие: с детства предавались они святым книгам, а после и на

добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрымъ дѣломъ поучение святыхъ книгъ! Да тѣми, братия, и сими подвигнѣмся на путь жития ихъ и на дѣла ихъ, и поучаимъся вѣину книжнымъ словесъмъ, творяще волю ихъ, якоже велятъ, да и вѣчныя жизни достойни будемъ въ вѣки. Аминь.

Слово нѣкоего отъця къ сыну своему, словеса душепользная*

Господи, благослови!

Сыну мой и чадо, приклони ухо свое, послушай отъця своего, свѣту-юштааго ти спасная.

Чадо, приближи разумы сѣрдця своего и вѣнуши глаголы родивѣшааго ты, не суть бо на врѣдъ души своей, нѣ аште разумнѣя и имеши я, то къ цѣсарству небесному вожиди будутъ.

Простѣри сѣрдчныи сѣсудъ, да накаплють ти словеса слажѣше меду, могуштая оживити и бесѣмьртна явити тя.

Нѣ отъ чѣсо пѣрвое начѣну казати тя, сыну мой, чѣто ти пѣрвѣ явлю: мятежъ ли или зѣлобы свѣта сего — житие ли богоугодно и спасно?

Паче же бы нама лѣпоты мыслити, о чадо, отъ Адама, праотѣца нашего, до сего нашего вѣка: колико множество бысть чловѣкъ по земли, и вѣси бес памяти бышя, едини же памятьни бышя, и прослушя на небеси и на земли, иже по заповѣдъмъ Божиамъ вѣся дѣни своя пожиша и къ единому вышѣнему вѣзирааху; иже въ кротости пожиша и въ добрословѣи уста своя учиниша; иже малѣмъ свѣта сего причашааху ся, вѣсю же свою *мысль*, вѣсе свое хотѣние въ бесѣмьртное житие правляаху и о томъ единомъ вѣздыхааху и моляаху *бѣшью* Бога, яко достоинъмъ его явити ся.

Тѣмъ же, чядо мое, изволи си тѣхъ житие и тѣхъ норовы приими и порасудуй дѣломъ ихъ, вѣзишти кымъ путемъ идоша и коею стѣзѣю текоша.

<...>

Буди пониженъ главою, высокъ же умѣмъ, очи имѣя въ земли, умнѣи же въ небеси; уста сѣтиштена, а сѣрдчная вѣину къ Богу вѣпиюшта.

Нозѣ тихо ступаюшти, а умнѣи скоро текушти къ вратомъ небеснымъ; уши укланяя отъ зла слышания, умнымъ же вѣину прилѣтая къ шюмѣнию святыхъ словесъ, яже въ святыхъ кѣнигахъ писана суть.

Руцѣ сѣгъбенѣ имѣи на сѣбѣрание зѣлааго имѣния свѣта сего, простѣртѣ же на пріятие убогихъ.

Не стыдися вѣсякому сѣзѣданому въ образѣ *Божии* главы своя покланяти, старѣйшааго дѣньми почѣстити не лѣнися, и покоити старость его потѣщися.

Сѣвѣрстники своя миромъ сѣрѣтай, мѣнѣшая себе съ любовью приемли, чѣстнѣйшимъ себе не трудися стояти.

Чядо, не буди самохотѣю лишенъ вѣчнааго *жительства*, грѣха бѣжи яко ратника, губящааго душу твою.

добрые дела подвиглись. Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых! Так вот, примером этих святых и подвигнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научиться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни во веки. Аминь.

Слово некоего отца к сыну своему, слова душеполезные
Господи, благослови!

Сын мой и чадо, приклони ухо твое, внимая отцу своему, изрекающему тебе спасительное.

Чадо, приблизь разум сердца своего и внимай словам родившего тебя, ибо не во вред душе твоей, но ради укрепления разума. И к царству небесному поведут тебя.

Отвори сосуд сердца, и пусть стекают туда слова слаще меда, которые смогут и оживить, и бессмертным явить тебя.

Но с чего начну поученье мое, сын мой, что прежде всего явлю: метания и пороки света сего — или житие, богоугодное и спасительное?

Лучше всего нам, чадо, продумать жизнь от Адама, праотца нашего, до этого нашего века: как много людей прошло по земле, и все забыты, лишь единицы в памяти, прославившиеся на небесах и на земле, те, которые по заповедям Божиим все дни свои прожили, взирая лишь на Всевышнего; некоторые прожили кротко, только добрым словом уста свои утруждая; некоторые мало света сего касались, всю свою мысль, все желанья направив к бессмертной жизни и о ней единой вздыхая, Бога моля достойным Его явиться.

Поэтому, чадо, предпочти тех житие и тех в образец возьми, и тех последуй делам, и вникни, каким путем шли они и какую стезею пустились.

{...}

Голову понижь держи, ум же — высоко, очи потупя к земле, духовное зрение — к небу; сомкнуты уста, уста же сердца всегда вопиют к Богу.

Тихо ногами ступая, мысленными стопами стремись к небесным вратам; уши закрывай для дурных речей, мысленным слухом звуки лови святых слов, что записаны в книгах святых.

Ладони сожми на стяжанье греховных богатств сего света, но простири их на милость к убогим.

Не стыдись преклонить свою голову перед любым, кто создан по образу Божью, старшего годами почитать не ленись и упокоить старость его постарайся.

Равных тебе с миром встречай, меньших тебя с любовью прими, стань перед тем, кто честью выше тебя.

Чадо, не лишай добровольно себя вечной жизни, как от врага, убегай от греха, душу твою губящего.

Не въсхошти веселоваться въ мирѣ семь, все бо веселие свѣта сего съ плачѣмъ коньчавається. И се явѣ видѣти въ мирѣ семь въ дѣвоихъ сусѣдѣхъ: у сихъ сватьбу творять, а у другихъ мрътвѣца плачются. И тѣ же плачъ суетьны: дньсь плачются, а утро упиваются.

Тѣмъже разумѣй суету вѣка сего и скоропадающюю плѣть нашу: дньсь бо растемъ, а утро гниемъ.

Тѣмъже въ малѣмъ животѣ възишти вѣчныя жизни, идеже отъ сея жизни вѣсть ни скѣрби, ни въздыханія, ни плача, ни сѣтованія, нѣ радость и веселие, свѣтъ немѣрцая: слѣньце — самъ Господь.

Ту жизнь възлюби, къ той по вся дньи тѣшиться и о той вѣину помышляй; буди ти съпашту мысль възглавие помысль небесныя радости, вѣстающю же брашно память царства небеснааго.

Чядо, алчѣнааго накѣрми, якоже ти самъ Господь повелѣлъ, жадѣнааго напои, странѣна вѣведи, больна прѣсѣти, къ тѣмъници доиди, виждь бѣду ихъ и въздѣхни.

Буди ти въ скѣрбѣ твою прибѣжиште цѣркви, паче же и кромѣ скѣрбии по вся часы и дньи вѣшьдѣ, припади къ Вышнѣюму лицемъ си землю покрый, и принуди его поминати тя, не уклонить бо ся тебе душелюбѣцъ, чловѣколюбѣцъ, но приметь тя и утешить тя.

Цѣрковь же разумѣвай небо суште, олтарь же прѣстолъ Вышѣняаго, служителя же аггелы Божія. Тѣмъже въ цѣркѣви акы на небеси съ страхѣмъ стой, яко прѣдѣ очима самого Бога; исходя же не забывай, чѣто бѣ или чѣто слыша.

Сѣтвори си въ чловѣцѣхъ кротѣкыи, да небесѣный житель будеши;

Скѣрби о грѣсѣхъ, въздыхай о сѣблазнѣхъ, печалуй и о падении своемъ да очистишися, да на исходѣ душѣнѣмъ обряштешися бес порока;

Сѣмѣрть поминай вѣину, да та память научить тя паче вѣсѣхъ, како бо жити въ малѣмъ семь времени;

Буди сѣмѣслѣнъ, разумѣй, чѣто е воля Божія, чѣто трѣбует небесѣный царь отъ земѣльныхъ, чѣто просить отъ своея твари немалыя ли и удобѣ творимыя милостыни? Писано бо есть: «Помилуй и да помилованъ будеши!»

Чѣто трѣбуеть отъ насѣ Богъ, вѣсего блага испѣлненъ? Хвалы ли? но хвалять Его ангелы; поклонанія ли? но поклоняются ему небесѣныя силы.

Нѣ *то* Того просить, еже намѣ на пользу, на спасение: просить бо милостиня, желаетъ кротости, любить мирѣ. Тѣмъже ты, чадѣ, Оного волю сѣтвори въ малѣ, и Онѣ твою волю въ вѣкы: даруй малое — и възьми вѣчѣное, дажѣ едино — възьми сторицею; присвоися Бозѣ, да врагомѣ си видимымъ вѣсѣмъ и невидимымъ страшѣнъ будеши.

Вѣ влѣнахъ житийскахъ еси, въ бури ли морѣскѣй бѣду приемлещи, покажу ти, сыну мои, истинѣная пристанища: манастиря, дома святыхъ. Кѣ

Не стремись веселиться в мире сем, ибо все радости света сего плачем кончаются. И это ясно видно на двух соседях: у этих свадьбу гуляют, а у других мертвеца оплакивают. Да и сам этот плач так суетен: сегодня плачут, а завтра пируют.

Так что примечай суету века этого и преходящую плоть нашу: ибо сейчас расцветаем, а завтра вянем.

Поэтому в краткой сей жизни и взыщи жизни вечной, у которой, в отличие от этой, нет ни скорби, ни воздыхания, ни плача, ни сетования, но радость и веселие, свет немеркнущий: солнце — сам Господь.

Ту жизнь возлюби, к ней каждый день устремляйся, о той всегда помышляй; пусть тебе, спящему, будет в изголовии — мысль о небесной радости, а пищей встающему — память о царстве небесном.

Чадо, голодного накорми, как тебе сам Господь повелел, жаждущего напои, путника приветь, больного посети, к темнице дойди, — взгляни на беду их и вздохни.

Пусть в скорбях твоих будет тебе спасение церковь, но и, кроме печалей, всякий день и час в церковь войдя, к Всевышнему припади, лицом покрывая землю, и попроси Его поминать тебя — и не уклонится от тебя душелюбец человеколюбивый, но примет тебя и утешит.

Под церковью же разумей небо, под алтарем — престол Всевышнего, служители же — это ангелы Божии. Поэтому в церкви, как на небесах, со страхом стой, как пред очами самого Бога; выходя же не забывай, что было или что слышал.

Стань кротчайшим из людей — и будешь небесным жителем;

Скорби о грехах, воздыхай о соблазнах, печалься в паденьи своем — очистишься, и при исходе души окажешься ты беспорочным;

Помни о смерти всегда, и память такая научит тебя больше всех, как прожить в этом кратком времени;

Будь разумен и размышляй, что есть воля Божия, чего царь небесный требует от земных, что просит от твари своей — не малой ли и легко исполняемой милостыни? Ибо писано: «Помилуй — и будешь помилован!»

Что требует Бог, преисполненный благ, от нас? Хвалы ли? — но хвалят его и ангелы; поклонения ли? — но поклоняются Ему и небесные силы.

Он просит того, что на пользу нам, во спасение: просит милосердия, желает кротости, любит мир. Этим ты, чадо, волю его исполни хоть в малом, а он твою волю — на веки: мало даруй — и получишь вечное, дай одно — и возьми сторицею; предай себя Богу — и будешь страшен врагам своим, видимым и невидимым.

Если в волнах житейских ты, в буре морской попадешь в беду, укажу тебе, сын мой, пристанище истинное — монастыри, жилища святых. К ним

темъ прибѣгай и утѣшать тя, поскърби къ нимъ и обеселишися, сынове, бо бес печали суть и умѣють печальнааго утѣшити.

И аште чѣто имѣеши въ дому своемъ потребьно же онѣмъ, донеси имъ, вьсе бо то въ руцѣ Божии вѣлагаеши и възданью будеши.

Въ градѣ, въ немъже живеши, и въ инѣхъ окрѣстныхъ, поишти, ли единого чловѣка бояштяся Бога и тому вьсею силою *служаштя*, обрѣте ли такого чловѣка, то уже не скърби: обрѣте бо уже ключъ царствія небеснааго; къ тому присъни и душею, и тѣлѣмъ, съмотри житія его хождения, сѣдания, ѣдения и вьсего обычая его пытая, паче же блюди словесъ его, не дажь ни единому словеси его пасти на земли: дражьша бо бисѣра суть святая словеса.

Праздники же святыхъ почѣсти, не самъ упиваяся, нѣ алчѣныя и жадныя накрѣмляя.

Знаемая твори дом свой ништинѣмъ, вѣдовицѣмъ, сиротамъ, не имущимъ, кде главы подѣклонити. Богатъ ли имѣеши домъ свой, худъ ли — вьсе то Божиѣмъ промыслѣмъ, нѣ потѣштыся вьсего имѣ.

Не рѣчи бо *имѣнию* своему: «Мое есть», — нѣ рѣчи: «Поручено ми есть на мало дний», да акы клучаръ порученое ти раздавай, якоже велить поручивый ти. Тѣмъже еже ти далъ Вышній, то Вышняаго ты имѣние сътвори въ немъ.

Не оставляй послѣднему роду своему, нѣ и *дѣти* своя и жену свою, и вьсе племя свое поручи Богу, добрууму блюстелю, егоже милость велика и богатство несѣвѣдомо.

Имѣние бо свѣта сего рѣцѣ подобно есть: суда отѣидеть вѣнизъ и паки съвѣрху приходить. Тѣмъже еда вышнии граждѣне рѣкы и съсудъ своихъ не наплѣняють ли, или скота своего не напоятъ, рекуштеи, яко нижнимиъ граждѣнемъ оставимъ, а сами мало примѣмъ? Ни убо, нѣ до избытка череплуть, а нижними не пекутся, та же бо рѣка минуетъ я.

Такоже бо и о имѣнии: не пецися послѣдними сыны, вѣнуки, правѣнуки, дѣштерѣми. Тѣмъ бо инако время ключитѣся ли напасть, ли тѣтба, ли рѣть, и тѣгда изгубленое не станеть имъ помагая.

Тѣмъже въ животѣ своемъ своей души размышляй и тою крѣпко пѣцися, яко едина ти есть душа, *едино врѣмя живота*, едина смѣреть.

Тѣмъже собою поболи, собою поскърби, и съде очищения грѣхомъ проси, и на исходѣ провѣждения от бѣсѣ, и *тамо пришьдѣшию, како бы въ уготовано* прити и царство же Божие отъ вѣка: и полаты же его свѣтлыя учинены суть, нѣ аште съде купилъ я будеши. Аште же бы мира сего богатствѣмъ купити, едину отъ мѣньшихъ полатъ вышняаго Иерусалима, то ни вьсего мира богатство събѣрано недостойно есть цѣны ея.

Милостынею же купитѣся царствіе Божие, милостыни же не въ велицѣмъ и мноцѣмъ и малѣмъ даянии лежить, нѣ по силѣ даюштааго и вѣсѣмъ сѣрдѣцѣмъ.

прибегай — и утешат тебя, в скорби приди — и возвеселишься, сын, ибо они беспечальны и могут утешить в печали.

Если же есть у тебя в доме что-то им нужное, снеси им, ибо все то ты в руки Божьи кладешь и получишь за то награду.

В городе, где ты живешь, или окрест него, найди хоть единого человека, который боится Бога и служит Ему всей душою, а если обрел человека такого, то уже не скорби, ибо тем самым обрел ты ключи к небесному царству; к нему прилепись и душою, и телом, смотри, как живет он: как ходит, сидит или ест, все привычки его изучи, но больше всего лови слова его, не дай ни единому слову его на землю упасть: ибо святые слова дороже жемчуга.

Праздники же святых почитай, не упивайся сам, но голодных и жаждущих накорми.

Пусть знают твой дом нищие, вдовицы, сироты, не имеющие где приклонить головы. Богат ли твой дом, беден ли — все то получено Божиим промыслом, все именье твое.

Не говори о владении своем: «То мое», — но скажи: «Поручено мне на недолгие дни», и точно ключник доверенное тебе раздавай, как велел то тебе поручивший. Поэтому, что тебе дал Всевышний, то сделай именьем Всевышнего.

Не оставляй его наследникам, но и детей своих, и жену свою, и всех потомков своих поручи ты Богу, хранителю доброму, ибо милость его велика и богатство несметно.

Ведь имение света сего подобно реке: стекает вниз и снова приходит с верховьев. Что же те, кто живет у истока, — не наполняют сосудов своих и скота не поят, говоря, что в низовьях живущим нужно оставить, сами же мало возьмем? — Нет, но черпают с избытком, не беспокоясь о тех, кто живет в низовье, хотя и одна их минует река.

Так и с именьем: не заботься о будущих сыновьях, внуках, правнуках, дочерях. Ибо случится другое время, и напасть, воровство иль война, и тогда пропавшее им не поможет.

Так что при жизни своей размышляй о душе своей и печалься о ней, ведь как она у тебя одна, так одно время жизни и смерть — одна.

Так страдай о себе, о себе и скорби, и еще здесь проси прощенья грехов, а при смерти — охраны от бесов, чтобы, туда отправляясь, в царство Божье от века, прийти на готовое: в палаты Его сверкающие — но только когда окупил их здесь. Если же мира сего богатством желал бы купить ты хоть самую малую из палат вышнего Иерусалима, то богатств, со всего мира собранных, не хватило бы на цену ее.

Только милостыней покупается царство Божие, а милостыня зависит не от величины, количества или малости даянья, а от возможностей дающего ее от всего сердца.

Даяние бо трѣбуюштиимъ то есть милостыни она блаженная, еяже бѣша пълни съсуди и онѣхъ 5 дѣвъ мудрыхъ, имже царство отъвързесе небесное.

Су же милостыню и ты прими неотъпустно и навяжи ю на выи своеи, да будетъ съ тобою въину вѣки вѣки.

Глаголетъ бо Писание: «Милостыни мужу, аки печать» — тѣмъ же аште ту примеши, ни единого отъ супротивныхъ встанеть на тя, ни речеть ти: «Камо идеши?», видяште, яко царя небеснаго печать носиши и к Тому идеши.

Въпрос: Како же ю приму?

Отвѣт: Всяко можеши, аште хочеши, нѣсть бо тяжко: аште бо насытилъ ся еси пищею — накърми алычнаго, напилъ ли ся еси — напои жаднаго, и съгрѣлъ ли ся еси — съгрѣй трясущааго зимою, въ храмъ ли краснѣ и высоцѣ възлежиши — въведи скытающааго по улицамъ въ домъ свои. Възвеселилъ ли ся еси на трапезѣ — обесели и скърбящааго, обрадовали ся о чемъ — обрадуй и сѣтующааго, почѣстиша ли тя яко богата — почѣсти и ты убогая, весело ли ступаеши по степенѣмъ, отъ князя исходя, — сътвори да в дому твоємъ скърбяште не ходять.

И то бо не мала милостыни, еже домашняя своя бе-скърбии, безъ въздыхания и бес плача сътворити. Аште *достойни* казни будутъ при коей любо вине, то в того мѣсто помилованы будут. Тако аште будеши творяи, то и ты въ казни мѣсто въ исходѣ душа милость обрястеши.

Буди же домъ твой молитвъ и покой иерѣмъ, служителемъ Божиємъ, и всякому чину църквѣвному. И въведи таковыя въ домъ свой, съ *всякою* чѣстью посади я, постави имъ трапезу и якоже самому Христу, самъ же имъ стани въ службѣ.

Да у олтаря Божия молитва ихъ за тя, яко тѣмънѣ къ Богу въсходитъ отъ нихъ. Свѣшта же твоя въину въ църкви да свѣтитъ и просфора твоя такожде.

Поминай же суштиихъ въ монастырѣхъ, аггельскыи образъ носяштая; аште ти е како, въведи я въ домъ свой, постави имъ трапезу въ чинъ монастырскыи, жену же свою и дѣти и отроки научи съ страхомъ и мълчаниемъ служити, яко аггеломъ Божиємъ. Проважая же съ поклананиемъ отпусти я, въдавъ имъ и монастыру ихъ потрѣбная.

Много бо то, аште едино «Господи помилуй» на днь укупиши у нихъ, то и бес цѣны зѣло, писано бо естъ: «Много можетъ молитва правдынааго». Тѣмъ же аште единого можетъ, то чѣто паче, аште мнози таци възъпиють к Богу.

Паче же къ суштиимъ въ горахъ самъ потрудися, къ плѣтныимъ ангеломъ, иже мира сего устранивъшеса, угаждають единому Богу; неси потрѣбное имъ, прими молитву ихъ, *въкладай* въ сѣрдце си святая словеса, помажися благословениемъ, его молися единою за грѣхы твоя въздхнути и отидеши въ домъ свои чистѣ.

Ведь подаянье нуждающимся и есть та блаженная милостыня, наполнившая сосуды тех пяти мудрых дев, которым отверзалось царство небесное.

И ты прими ту же милостыню неотступно и навяжи ее на шею свою — пусть будет с тобою всегда на веки.

Ведь говорит Писание: «Милостыня мужа — точно печать»: если примешь ее, ни один из врагов на тебя не встанет, не скажет тебе: «Куда идешь?», видя, что носишь печати царя небесного и к Нему ты идешь.

Вопрос: Как же я приму ее?

Ответ: Все сможешь, если захочешь, ибо не трудно это: ибо если насытился пищей — накорми голодного, напился — напои жаждущего, согрелся — обогрей дрожащего от мороза, в хоромине ли красивой и высокой живешь — введи в дом свой скитающихся по улицам. Порадовался ли в застолье — возвесели и скорбящего, порадовался ли чему — порадуй и сетующего, почтили ли тебя, богатого, — почти и ты убогих, весело ли ступаешь по ступеням, выходя от князя, — сделай так, чтоб в доме твоём не ходили скорбящие.

И то уже не малая милость, если домашние твои без скорби, без воздыхания и без плача пребудут. А если достойны наказания за какую вину, пусть вместо этого будут помилованы. Если станешь так поступать, то и ты, вместо казни, будешь помилован при исходе твоей души.

Пусть твой дом будет — дом молитвы и покой иереям, служителям Божиим, и всякому чину церковному. Введи таких в дом свой, со всякою честью их усади, стол накрой им, словно Христу самому, сам же стань им служить.

И вознесут тогда у Божьего алтаря молитву они за тебя, будто фимиам восходит к Богу от них. Свеча твоя в церкви постоянно светит, и просвиря твоя — лежит.

Поминай всех, живущих в монастырях, кто ангельский образ носит; а когда они будут, введи их в дом свой, поставь им трапезу по монастырскому чину, жену же свою, и детей, и слуг научи в молчанье и страхе служить им, как ангелам Божиим. А провожая их, отпусти с поклоном, дав им, что нужно, и монастырю их.

Это много, если одно лишь «Господи, помилуй!» хотя бы на день купишь у них — и это уже бесценно, ибо писано: «Много может молитва праведного». Так, если может молитва одного, насколько лучше, если многие из таковых обратятся к Богу.

Еще больше тем, кто живет в скитах, плотским ангелам, угождай; отвергли они сей мир, служа единому Богу; принеси им нужное, прими их молитву, вложи в свое сердце святые слова их, освятись их благословением, молись хоть однажды за грехи твои с воздыханием — и вернешься в свой дом чистым.

Клеветы же не принимай ни на коегоже чьрноризьца ли святителя, аште и самъ видиши съблажняюшася. Послушай Бога паче очию си, рекъшааго: «Не осужайте, да не осуждени будете».

Паче же минуюштимъ тя по пути не стыдися таковымъ главы свое покланяти.

Аште тако можеша творити, не сътворитъ ти пакости богатство твое, нъ якоже и прѣди рекох, вождь ти будетъ царьству небесьнууму, аки ходатай и другъ добръ, а зълъ *приемлемо* и хранимо зълѣ диявола явиться губя тя. Богу слава ныне.

Наказание богатымъ

Яко елико великимъ съподобился еси отъ Бога благимъ, тольма и большая длъжьнъ еси въздаяти.

Отъвързай уши свои въ ништетъ стражюштимъ, да обряштеши и ты Божий слухъ отъврзень.

Аци же убо бываемъ нашимъ повиньникомъ, тако и о насъ обряштемъ *небесьнааго* Владыку.

Отъвраштяся ласкавецъ лъстныхъ словесъ, яко и врановъ: искаляють бо очи умьнѣи.

Аште отъ всѣхъ хоштеши чѣсть имѣти, буди всѣмъ благодѣтель обьшти; ашти хоштеши вся сущая подъ собою исправити, добро творяштя чѣсти и злы творяштимъ запрѣщай.

Таки убо себѣ други и съвѣтныи имѣй, иже не вся глаголемая тобою хвалять, нъ судымъ правдынымъ тѣштаться отвѣштати ти.

Разумно послушати *подобаетъ* прѣя судиямъ, неудобъ бо естъ правды избрѣсти скороотѣбгаюште или отъгоняште; разумѣвай прѣя мьдльно, твори же расуждения не тѣштася.

Твърдо разумѣй: спасения своего хранилиште — еже николиже людина обидѣти.

Буди своимъ повиньникомъ страшнъ сана ради, а любьзнъ поданиемъ милостыня: елико силою прѣвышии еси всѣхъ, тольма и дѣлы добрыми свѣтѣти ти подвизайся паче всѣхъ.

Прощения трѣбуя грѣховъ, праштай и самъ къ тебѣ съгрѣшаюштя, еже бо на рабѣхъ нашихъ прощение Божия гнѣва бываетъ свобода.

Тъгда наречеться кѣто убо истинный властелинъ, егда самъ собою обладаетъ и нелѣпымъ похотымъ не работаетъ.

Съмъртъ и гонение и напасть и вся видимая злая прѣдъ очима ти да будутъ по вся дньи и чясы.

Такъ буди о своихъ рабѣхъ, якоже молишися тебѣ Богу быти.

Не оправдай неправдынааго, аште и другъ ти естъ, *ни обиди* правдынааго, аште и врагъ ти естъ.

Клеветы же не слушай ни на монаха, ни на святителя, даже если и сам ты их видишь в соблазне. Больше чем глаз своих послушай Бога, сказавшего: «Не осуждайте, да не осуждены будете!»

А тем, что встречаются тебе на пути, не стыдись головой своей поклониться.

И если сможешь так поступать, не будет тебе ущерба от богатства твоего, но, как уже и сказал я прежде, станет оно водителем к царству небесному, словно защитник и добрый друг, а то, что несправедливо получил и греховно хранил, явится злее дьявола, тебя губя. Богу слава ныне.

Поучение богатым

Раз уж великим от Бога сподобился ты благам, то и воздавать должен больше.

Открой уши свои к страдающим в нищете, тогда и ты встретишь Божий слух открытым.

Каковы мы бываем к рабам нашим, таков и небесный Владыка окажется к нам.

Отвращаясь лстивых слов льстецов, они точно вороны: исключают мысленное зрение.

Если хочешь, чтобы все почитали тебя, стань всеобщим благодетелем; если хочешь исполнить все, тебе данное, воздай честь творящим добро и накажи творящих зло.

Таких себе выбирай друзей и советников, которые не все тобой изрекаемое хвалят, но стараются отвечать рассуждением справедливым.

Разумно судьям подобает выслушать обе стороны, ибо нельзя решить справедливо второпях и без внимания; вдумайся в спор спокойно, суд твори не спеша.

Твердо знай: залог твоего спасения — никогда простолюдина не обижать.

Будь для своих подчиненных чином грозен, а добротою любезен: насколько силой ты выше всех, настолько и делами добрыми светить постарайся всех больше.

Проя прощения грехов, прощай и сам пред тобой согрешающих, ибо прощая своих рабов, мы получаем свободу от гнева Божия.

И нарекут тогда истинным властелином, когда овладеет он самим собою и гнусным желаньям не станет служить.

Смерть и изгнание, и беды, и зримые все несчастья пусть стоят пред очами твоими во все дни и часы.

Будь таким для своих рабов, каким просишь быть к тебе Бога.

Не оправдывай виноватого, даже если и друг он тебе, и не обидь не виноватого, если и враг он тебе.

Аште кѣто имать очищену душу отъ чловѣчскыя прѣлсти и видить худость своего естъства, умаления же, и напрасную сѣмьртъ сего жития, — въ *грѣхъ* гърдостный не въпадеться, аште и въ сану есть висоцѣ.

Въ извѣстнѣмъ сѣрдця твоего сѣвѣтъ разумѣвай суштинѣхъ съ тобою норовы, да познаеши въ истину съ любовью служащихъ ти или съ лъстью ласкающихъ. Мънози бо приязнию лицемѣрноу вельми извѣстнымъ пакость творять.

Яко не достоить послушати клеветаря, сладко ти глаголюшта, или слышати на ближняго, да не отъпадеши Божия лубѣве и царьства.

Въвъздържи клевештуштаго въ ушию свою, да не купно съ нимъ погынеши.

Еже убо правовѣрну вѣру имѣти основания добрыхъ дѣлъ есть,* тѣмъже отъ вѣры начьнетъся слово къ тебѣ, брате, понеже бо вѣроу вѣстрѣбова, а нелукаво: ведѣ, яко въдасть ми Господь вѣры ради твоя написати ти словеса *ключема* спасению.

Вѣруй въ Отыца и Сына и Святаго Духа, въ Троицу нераздѣлну, Божество едино, Отыця нерождена, Сына рожена, а не зѣдана, Духа Стаа ни рождена и зѣдана, нѣ исходяштя: трие въ единой воли, едину славу, едину чѣсть и едино поклонение отъ всея твари и отъ аггелъ и чловѣкъ приемлюштя, прѣвѣчну и бесконьчну прѣбываюштя въ вѣкы.

Въплъщение же Сына вѣруй истинно суште, а не привидѣниемъ: въ двѣ естъствѣ Божество и чловѣчество — Бога по Божеству, чловѣка по въчловѣчению, въ обоємъ сѣвършена.

Кръсту Христову съ вѣроу *покланяйся*, яко на томъ спасение въсѣмъ чловѣкомъ сѣдѣла Господь.

Иконѣ Христовѣ и прѣчистыя его матере и въсѣхъ святыхъ его съ вѣроу чѣсть въздавай, и яко къ самѣмъ любовью въ молитвѣ глаголи.

Страхъ Божий имѣй въ срьдци вѣину и память, акы ту сушта Бога съ тобою на въсякомъ мѣстѣ, идеже идеши или сядеши.

Страхъмъ же его, акы уздоу обрѣти умъ свой и въстязай по вся часы, да не безъ въстягновения ходя пустошнымъ научишися.

Простѣйшааго въ всемъ ишти — и въ брашнѣ, и въ одежди, и не стыдися ништетоу, понеже большая чѣсть мира сего въ ништетѣ есть.

Не рыци: «Богата мужа сынъ есмь и срамъ ми есть» — никѣтоже бо богатѣй Христа, отыця твоего небеснааго, родивѣшааго тя въ купѣли святѣй, въ ништетѣ же ходивѣша и не имуштя, кѣде главы подѣклонити.

Правдоу украшайся и къ въсякому тѣщися истинно глаголати, не мози ся лица устыдѣвъ лѣжи послухъ быти, яко губить Господь глаголюштя лѣжу, нѣ съ покорениемъ истинно отѣвѣштавай.

Если кто-то имеет душу, свободную от страстей человеческих, и видит немощь своего естества, его увядание и скорый конец этой жизни, — в грех гордыни тот не впадет, даже будучи в чине высоком.

По тщательном размышлении в сердце своем обдумай характер всех, с тобой пребывающих, и тогда наверное различишь ты тех, кто с любовью служит тебе, и кто только лъстиво пресмыкается. Ибо многие лицемерной приязнью самым славным приносят беды.

Потому и не следует выслушивать клеветника, сладко тебе напевающего, или поклепы на ближнего, — и не оставит тебя Божья любовь и царствие небесное.

Останови нашептывающего тебе в уши — и не погибнешь с ним вместе.

Поскольку иметь православную веру есть основание добрых дел, так от веры начинается слово к тебе, брат, ведь и ты просил с верой, а не с хитростью: знаю, что даст мне Господь ради веры твоей написать тебе эти слова, ключи ко спасению.

Веруй в Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу нераздельную, Божество единое — Отца нерожденного, Сына рожденного, а не созданного, Духа Святого, не рожденного и не созданного, не исходящего: три — в единой воле, в славе одной, в чести; и единое поклонение от всей твари, от ангелов и людей приемлющую, претечно и бесконечно пребывающую во веки веков.

Веруй в воплощение Сына как истинно бывшее, а не воображаемое: в двойную сущность его Божества и человечества — Бога по Божеству, человека по воочеловечиванию, но в обоих них — совершенного.

Кресту Христову поклоняйся с верою, ибо на нем сотворил Господь спасенье всем людям.

Иконе Христа и пречистой его матери и всех святых его с верою честь воздавай, точно к самим им с любовью обращайся в молитве.

Имей всегда страх Божий в сердце и помни, что Бог здесь с тобою на всяком месте, где идешь иль сидишь.

Страхом пред ним как уздой обороти свой ум и удерживай постоянно, ибо, блуждая безудержно, научишься лишь суетному.

Ищи во всем самого простого — и в еде и в одежде, и не стыдись нищеты, ведь большая часть сего мира живет в нищете.

Не говори: «Богатого мужа я сын, и потому мне то стыдно» — ибо никто не богаче Христа, отца твоего небесного, тебя родившего в святой купели, но нищим и он ходил, не зная, где преклонить голову.

Правдою украшайся и старайся всем говорить истину, не свидетельствуй ложно с бесстыдным лицом, ибо губит Господь извергающих ложь, но кротко истину излагай.

Уне бо есть чловѣку отъ истины пользу приемлюшту възненавидѣну быти, паче, нежели отъ лицемѣрия врѣжену възлюблену быти.

Възненавидѣныя бо бес правды въздвигнеть Господь, възлюбленыя же въсуе уничижитъ, клеветьници бо истинни бываютъ безъ испытанья.

И аште ти правду изъглаголавъшу и въ гнѣвъ выпадеши отъ кого любо, не скѣрби о томъ, нъ паче утѣшайся, реченымъ отъ Бога: «Блажени възненавидѣнии правды ради, яко тѣхъ есть царьствие небесное».

Кроткъ буди къ всякому чловѣку, къ старѣйшууму тебе и къ мньшюуму, лицемѣрная бо то кротость, еже большихъ устыдѣвъшеся, а мньшя озлобити.

Кротко ступание, кротко сѣдение, кроткъ ѡзорѣ, кротко слово, — въся си въ тебѣ да будутъ; отъ сихъ бо истинный хръстьянъ явишися.

Кротость же есть, еже никомуже не досажати ни въ словеси, ни въ дѣлеси, ни въ повелѣнии, нъ всякому чловѣку норовы своими осладити сердце.

Славы земельныя никоемъже дѣлѣ не похощи, слава бо земльная ругается любящимъ ю, припахнувши бо въ мало время чловѣку, яко буря вѣтрѣнная и плодъ добрыхъ дѣлъ обронивъши, въскорѣ же отышѣдши посмѣеть неразумию его.

Иже хочеть славѣнъ быти въ семь мирѣ, тѣ бештѣстья не тѣрпитъ, вѣру же дръжай беславие любить, помышляя реченое отъ Господа: «Какъ убо можете вѣровати, славу отъ чловѣкъ приемлюште, славы же, яже отъ Иночядааго, не ищите?»

Бештѣстье люби акы чяшу пелына и прими е, аште и притрано ти есть, нъ на прогнание грѣхъвѣнному недугу, иже бо грѣхъ сладостью въниде, горестию да проженеться.

Желаюштууму вѣчныя жизни и худѣ земленыхъ причяштяюштуся и вѣину мысляшту о исходѣ своемъ, не сътужитъ ему поношение чловѣчско, яко гость бо, пришьдѣ въ миръ съ, сътѣрпитъ бештѣе господы своя, понеже утро надѣется остити.

Съ мучеными Христа ради хотя ликѣствовати, прѣдажъ тѣло свое на наготу, волю на попьране, утробу на постъ, сердце на крѣпость, кровь же аште не на пролитие извѣну, то вънутрь исучи ю сухотою яди, да примеши обѣштяная.

Вѣси, яко призываеши и князя, очищаютъ храмы, и ты, аще желаеши Бога своего въ домъ тѣлесный въселити на свѣтъ жизни твоей, очисти тѣло постъмъ, истрѣби жаждею, украси съмѣренниемъ, накади благоуханною *молитвою*.

Храни свѣшту отъ вѣтра и молитву же отъ *юности* украси, яко невѣсту, бѣдѣниемъ, трудъмъ, тѣрпѣниемъ, да похощетъ еи царь небесный.

Тайно мѣсто обрѣтъ и сѣдъ съ тихостию помяни грѣхы и отпадение царства, и умилися срдцьемъ и образъмъ, преклони главу и рѣци съ стенаниемъ:

Ибо лучше правдивому человеку быть ненавидимым, чем испорченному лицемерию быть любимым.

Ненавидимых в правде возвысит Господь, любимых во лжи — уничтожит, ибо и без проверки клеветникам знают цену.

Но если в ответ на правду твою во гневе обрушатся на тебя, не печалься, утешаясь сказанным Богом: «Блаженны возненавиденные за правду, ибо их есть царство небесное».

Кроток будь со всяким человеком, и кто выше тебя и кто ниже, ибо лицемерная кротость — стыдиться пред старшими и презирать низших.

Кроткая походка, кроткое сидение, кроткий взор, кроткое слово — все это пусть в тебе будет; в том ты и явишься истинным христианином.

А кротость — это ведь не досаждать никому ни словом, ни делом, ни повелением, но каждому человеку нравом своим улаживать сердце.

Славы земной не желай ни в чем, ибо слава земная насмехается над привязанным к ней, точно буря ветренная, налетев на короткое время на человека и плод добрых дел обронив, тут же исчезнув, лишь посмеется его неразумию.

Кто хочет быть славным в сем мире, тот бесчестья не терпит, кто держится веры — безвестность любит, размышляя о том, что сказал Господь: «Как можете веровать, от людей принимая славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?».

Бесчестье терпи, точно чашу полыни прими ее, даже если тебе неприятно, или изгнания недуга греховного, ведь грех через сладость входит, а горечью — изгоняется.

Того, кто мечтает о вечной жизни и худо с земным согласуется, всегда помышляя о кончине своей, не терзает поношение людское, он как гость, пришедший в мир сей, — претерпит бесчестье от хозяев своих, поскольку завтра надеется отойти.

С мучениками ради Христа желая общаться, нагоде предай свое тело, волю свою — на поправление, утробу — на пост, сердце — на твердость, а кровь, если и не на пролитие извне, то изнутри иссуши ее пищею черствой — и примешь тогда желанное.

Знаешь ты, что, приглашая князя, убирают хоромы, ты же, если желаешь Бога в дом свой телесный вселить на просвещение жизни твоей, тело очисти постом, жаждою истреби, смиреньем укрась, накади молитвою благоуханной.

Храни от ветра свечу, молитву с юности укрась, точно невесту, бдением, трудом, терпением — и тогда возжелает ее царь небесный.

Тайное место найдя и присев в тишине, помяни и грехи, и падения царств, и умились и сердцем, и взором, голову преклони и скажи со вздохом:

«Охъ, мѣнѣ, яко пришьльствие мое удалися, и кѣто дасть главѣ моей воду, и очима моима слъзы? увы мѣнѣ, увы мѣнѣ, яко близъ днь Господень!»

Слъзъ ли не имаши, нѣ не отъчѣйся, въздыхай же чѣсто и тяжко отъ вьсего срдця, слъзы бо суть даръ Божии, и помалу въздыханиемъ и умилениемъ испросиши у Бога: вьсякъ бо просѣй приметъ.

Обрѣтъ слъзы, храни я вьсею силою своею отъ объядания и пиянства, паче же отъ осуждения вьсякого чловѣка; своему бо дѣлу зазираи, чловѣка же, егоже не създа, тому не суди.

Не вѣруй ни очима своимъ, аште видиши кого съгрѣшающа, яко и тѣ невѣрнѣ есте, ибо и первое въ раи очи *съблзнистася*, и *падениемъ онѣмъ* отъ вѣзора *бьста*.

Иже бо имѣтъ на ребрѣхъ своихъ язву, гноя испълнену, прыштиемъ чюжимъ не съгнушитъ си и помышляя вѣину с мѣножествѣ грѣхъ своихъ, николиже о дружнѣи съблзнѣ бѣды сѣставитъ коли.

Чрвь смѣренъ зѣло и худъ, ты же славнѣ и *грѣдъ*, нѣ аще разумнѣ еси самъ, уничижи грѣдость свою, помышляя, яко крѣпость твоя и сила, чрвьмъ покоиште бываетъ.

Помяни първыя прослувшая въ храбрѣствѣ, въ богатствѣ же и славѣ, и вьси яко без вѣсти отъидоша и беспамѣтнѣ быша; худии же и убозии въ мирѣ семъ, о души своей подвигѣшенся, како и на небеси прославлени и по земли хвалими, и на помощь призываеми.

Възведи очи милостивно на сѣдя въ наготѣ и зимою съкрѣчившаагося, понуди ество свое прикрыти одеждею, лежаште у *тобѣ*, и Господь дасть ти пакы съторицею жизнь вѣчную.

Простѣри руку скытающюмуся по улицамъ, въведи таковыя въ свою обитѣль, общѣ ти буди съ нимъ хлѣбъ твой, общѣ чѣша, воды ли или пития, яко же ти Господь далъ есть.

Странна въведи въ домъ свой, бескровнааго въ храмъ свой, даждь мокнуштюму сухоту, зимному теплоту, омый скврну тѣла его, яко убогъ есть зѣло и достоинъ помилования.

Посѣти сущиихъ въ тѣмьници, по Господню повелѣнию, виждь бѣду, виждь страсть и рыци: «Охъ мѣнѣ! си за едино съгрѣшение стражуютъ! Азъ же по вься чѣсы владыцѣ моему Христу съгрѣшаю и въ льготѣ прѣбываемъ!»

Аште видиши кого отъ нихъ, по оклеветании стражюшта, помози ему, Христа ради, яви истину къ нимъже оклеветанъ есть: велико бо то спасение есть, еже обидимыя избавляти.

Сѣдящю ти надъ мѣногоразличною тряпезою, помяни сухъ хлѣбъ ядуштааго и не могуштааго си воды принести недуга ради.

Насыттяй тѣло свое, даждь чѣсть отъ тряпезы ты твоея души своей, яко та чѣстьнѣиши тѣла есть, даждь же да душнѣую часть нищии хранять, да

«Ох мне, ох, пребыванье мое затянулось, кто ж даст воду главе моей и очам моим слезы? увы мне, увы мне, ибо близок день Господен!»

А если нет слез, не отчаивайся, почаще вздыхай и тяжело от чистого сердца, ибо слезы — дар Божий, так мало-помалу умилением и вздохом выпросишь их у Бога, ибо всякий просящий получит.

Обретши слезы, охраняй их изо всей силы от обжорства и пьянства, но больше всего остерегайся осуждать других: делай дело свое, а не суди человека, ведь не ты его создал.

Не верь и очам своим, если видишь, что кто-то грешит, ибо и очи обманут: ведь и прежде в раю соблазнились очи, и свершилось падение их от взгляда.

Кто носит на ребрах своих рану, полную гноя, не гнушается чужими прыщами, всегда размышляя о множестве личных грехов и никогда не входя в беседы о соблазне других.

Червь мелок и слаб, ты же славен и горд, но если разумен ты сам, смири гордыню свою, размышляя о том, что твердость твоя и сила будут червям приютом.

Вспомни древних, прославленных храбростью, богатством, славой, ведь все они отошли безвестно и ныне забыты; слабые же и убогие в сем мире, о душе своей позаботившиеся, прославлены на небесах, и на земле их хвалят, призывая на помощь.

Милосердно очи свои возведи на сидящего в наготе и от холода скорченного, дай ему тело его прикрыть одеждой, лежащую у тебя, и Господь даст тебе сторицею вечную жизнь.

Подай руку скитающемуся по улицам, введи его в дом свой, подели с такими и хлеб твой, и чашу воды ли или питья, какого тебе дал Господь.

Странника в дом свой введи, в хоромы — бездомного, мокнущего осуши, замерзающего согрей, смой грязь тела его, ибо убог он весьма и достоин спасения.

Навести в темнице сидящих по воле Бога, взгляни на беду их, взгляни на страдания и скажи: «Ох мне! это они за одно согрешение только страдают! Я же все время пред владыкой моим Христом согрешаю, но нахожусь на свободе!»

Если видишь кого-то из них по навету страдающим, помоги ему, ради Христа, яви истину к тем, кто был оклеветан, ибо весьма спасительное это дело, облегчать обиженных долю.

Когда сидишь за обильным столом, вспомни о том, кто ест хлеб сухой и не может воды принести в недуге.

Насыщая тело свое, отдай часть еды твоей ради души своей, ибо честней она тела, чтобы душевную часть сохранили нищие, так что когда потребуется,

егда вѣстрѣбуеть, тогда готово обряштеть. Будеть бо верема на исходѣ и у вратъ небесныхъ обряштеть, егда много трѣбовати имать.

Насыштяся многосластьянаго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слѣнца вѣстопѣвшу, и ту же пороха нападышу отъ мѣста неза- вѣтрѣна.

Въ богатствѣ сы и земельныхъ благъ изобиль имѣя, помяни вѣину слово Авраамле, еже къ богатому: «Вѣсприя ты благая въ животѣ своемъ, якоже и убогыи злая, тѣмъже онъ веселиться, а ты стражеша».

Възлагъ на многомякъцѣ постели и пространо протягаяся, помяни наго лежаштааго подѣ единѣмъ рубѣмъ и не дръзнушта ногу своею прострѣти зимы дѣля.

Лежащю ти въ твърдо покрѣвенѣ храминѣ, слышащю же ушима дѣждевное множество, помысли о убогихъ, како лежать ныня, дѣждевными каплями, яко стрѣлами, пронажяеми, а другыя отъ неусъновения сѣдяшта и водою пѣдыты.

Сидяшту ти въ зиму въ теплѣ храминѣ и без боязни изнаживѣвшуся, въздѣхни, помысливъ о убогихъ, како клячять надѣ малѣмъ огньцѣмъ сѣкърчивѣшеся, большу же бѣду очима отъ дыма имуште, руцѣ же тѣкмо сѣгрѣвающе, плешти же и все тѣло морозѣмъ измѣрзѣше.

Приклони ухо свое къ просяштюуму и обништавѣшюуму въ житиѣ семь, заплати избывающимъ своимъ оногo недостатѣчную диру его.

Духовѣнааго и духовѣная помышляй, а не земѣльная; вѣдѣй, яко по нетѣлѣнному одѣнию крѣщение вси равни суть, и убозии, и богатии. Тѣмъже блюди, еда по земѣльному помышляя, прѣзриши убогааго, тѣлѣнною одеждею съ тобою не равнo одѣна.

Святыихъ, угождѣшиихъ Господу, моли, аky помощѣники сушта и заступники притѣкающимъ къ нимъ, понеже приаша дръзновение къ Господу, аky угодѣнии раби къ своему господину.

Мошти святыихъ съ вѣрою цѣлуй и чѣсть въздажь имъ, яко чѣстьномъ, понеже Христа дѣля пострадаша.

Тайнамъ Божиимъ вѣруй, тѣлу и крѣви Его, съ страхѣмъ причащтяся, да причастьникъ будеша царству Его.

Невѣрство же отѣмѣтай, не рыци, како хлѣбъ тѣло и вино крѣвь? но слыши, яже отъ чловѣкъ невѣзможна, отъ Бога възможна.

Вѣруй вѣскрѣсению мрътвѣныхъ и жизни будуштааго вѣка, по неизд- реченну словеси Господню, еже въ еуаггelistѣмъ слыши учении.

Помни Судъ, чяи отѣвѣта и въздаяния по дѣломъ, и вѣруй, яко будетъ, будетъ!

По семь же възлюби Господа Бога своего отъ всея души своя и отъ всея крѣпости и подвигнися вся твоя дѣла и добрыя норovy къ Его угождению творити лѣпо.

она в готовности. Время будет твое на исходе, а она окажется у врат небесных, тогда потребует много.

Принимая сладостное питье, подумай о пьющем теплую воду, на солнце согревшуюся, полную сора от неприкрытого места.

Имеющий благ земных изобилье, помни всегда Авраамово слово к богатому: «Ты принял благое в жизни своей, как принял убогий — злое, потому веселится он, ты же — страдаешь».

Возлеги на мягкой постели, свободно потягиваясь, вспомни лежащего в наготе под единым рубищем, того, кто не может вытянуть ноги свои из-за холода.

Когда возлежишь ты под крепкою крышей в хоромах, слушая как шумит дождь, подумай и об убогих, что ныне лежат, пронзаемы точно стрелами дождевыми каплями, а другие без сна сидят, затопленные водою.

Когда в мороз сидишь ты в теплых хоромах, без страха раздевшись, вздохни, об убогих вспомнив, как сгорбились над огоньком, согнувшись, с большой болью в глазах от дыма, чуть-чуть согревая руки, тогда как плечи и тело — все мерзнет на холоде.

Ухо свое преклони к просителю, обнищавшему в жизни сей, поставь заплату избытком своим на зияние дыр его.

Помышляй о духовном, а не о земном; знай, что по нетленной одежде крещения все равны, и убогие, и богатые. Поэтому берегись, чтобы думая по-земному, не презирать убогого, не одинаково с тобою одетого тленной одеждой.

Святым, угодившим Богу, молись, ибо они помощники и заступники прибегающих к ним, поскольку они получили право обращаться к Господу, как рабы, угодные своему господину.

Мощи святых с верой целуй и честь им воздай как честным, ибо ради Христа пострадали они.

Веруй в Божии тайны, телу и крови Его причащайся со страхом — и станешь причастником царству Его.

Неверие же отменяй, не говори: «как это, хлеб — тело, а вино — кровь?», но знай: что у людей невозможно, у Бога возможно.

Верь в воскресение мертвых, в жизнь предстоящего века, по неизреченным словам Господня, которые слышишь у евангелистов.

Помни о Страшном суде, ожидая ответа и воздаяния по делам — и верь: это будет, будет!

А еще: возлюби Господа Бога своего от всей души своей и со всею твердостью, и старайся угодить ему всеми делами твоими и добронравием.

Паки же искренняго своего възлюби, съ нимъже въ единой купѣли породися, рекъше всякого хръстьяна, паче же брата си: «Въсхожю бо, — рече Господь, — к Отцу моему и Отцу вашему».

Поклоняй главу свою всякому старѣйшему тебе, и врѣмемъ и разумъмъ, съмѣренныа бо въздвигнетъ Господь.

Другы своя и съравныа тебѣ любовью сѣрѣтай и съ обятиемъ целованіе дай ему, аки Елисавефъ и Марія.

Мньшыя тебе малыа вѣрстоу любовью приими и помилуй, и къ Богу о нихъ въздъхни, яко не ново начыньшы познавати Господа.

Князя бойся всею силою своею, нѣсть бо страхъ его пагуба души, нѣ паче научишися отъ того и Бога боятися.

Небрѣжение же о властѣхъ — небрѣжение о самомъ Бозѣ. Иже на власти земльнѣ поучения видимаго владыкы небояся, како невидимаго убоиться?

Боятся ученикъ учителява слова, паче же самого учителя, такоже бояйся Бога боятся и князя, имъже казняться сѣгрѣшяющии: князь бо есть Божий слуга къ чловѣкомъ, милостью и казнью злымъ.

По семь же всякому богату главу свою покланяй и съмѣренныа ради, древо бо многовѣчно: поклонениемъ подѣидеши и мимо идеши.

Принимъшен бо власть и емѣніе отъ князя своего, отъ другъ своихъ славы хотять, а отъ мньшнихъ поклонения просять и чѣсти.

Прѣдъ князьмъ же бойся лъжю глаголати, яко губить Господь глаголющя лъжю, нѣ съ покорениемъ истинно отъвѣштявай ему, аки къ самому Господу.

Аште бо въ врѣмя нѣкое неправо чѣто възглаголетъ ти, а тобѣ съвѣдушю, блюдися, еда искушаетъ тя, блюдеши ли своя душа? И аште явишися неистовъствуя, не можеши увѣритися ему, яко блудеши онога души.

Умъ свой присно отъ суетныхъ мыслей вѣстягай, възпусхтай же къ Господу горѣ, симъ бо на стѣзю подвига вѣступаеши, душу же отъ расслабленія свобажаеши.

Нѣсть бо дивно чловѣчску естеству низпадати къ земльнымъ, нѣ еже падъшися не вѣстати? Кѣто бо заблудивъ съ пути не възиска паки? Расслабленъ ли бысть отъчаяніемъ паки дньсь, утрѣшний паки днь подвигу отдажъ.

Неразуміе же убо есть, еже приходящямъ благостынямъ вѣчнымъ даремъ благаго Бога, ти не пождати трѣпніемъ и вѣроу, нѣ о земльныхъ радоватися и тѣхъ пріятися, аки невѣрующу възкресенію.

Аште бо бы слава сего мира приближилася славѣ небеснѣй, не быша сынове мира сего распяли Господа славы, то кый бо рабъ дрѣзнетъ въ томъ дому обитати, идеже господина его не пріяша?

Алкоту и жяжду Христа дѣля любви, елико бо пакость тѣлу твориши, души благодѣть зиждеши. Въздай бо судъ противу словомъ и помысломъ въздастъ паки благая и за малое, еже Его дѣля потрѣпимъ.

Также и ближнего своего возлюби, с которым в одной породнился купели, то есть всякого христианина, а скорее — брата тебе, ибо, сказал Господь, «Восхожу к Отцу моему и Отцу нашему».

Склоняй свою голову перед всяким, кто летами старше или разумом, ибо возвысит смиренных Господь.

Друзей же своих и равных тебе с любовью встречай, и, обнимая, целуй, как Елизавета и Мария.

Меньших тебя и малых годами любовно прими и помилуй, и к Богу о них воздохни, ибо только что начали те познавать Господа.

Князя бойся всей силой своею, ибо страх перед ним — не пагуба для души, лишь вернее научишься Бога от того бояться.

Пренебрежение властями — пренебрежение Богом. Ведь если кто власти земной не боится, поучения видимого владыки, то как устрасится невидимого?

Бойтся ученик учительского слова, но больше — самого учителя, так и страшщийся Бога боится и князя, через которого и наказываются согрешающие, ибо князь — перед людьми слуга Бога, милость или наказание преступных.

А кроме того, пред всяким богатым склоняй свою голову смирения ради, ибо у древа много ветвей: только склонившись, под ним пройдеши.

Принявшие власть и именье от князя своего, хотят от друзей своих прославления, а от низших ждут поклонения и почитания.

Пред князем страшись говорить неправду, ибо губит Господь изрекающих ложь, но покорно истину говори ему, словно Господу самому.

Если когда-нибудь неверно что скажет тебе, а ты это знаешь, взглядишь, не искушает ли он тебя: бережешь ли душу свою? Если же явишь свое безумство, не сможешь доказать ему, что сохраняешь душу его.

Ум свой от суетных мыслей отринь, воспаряя высоко к Господу, ибо этим вступаешь на стезю добродетели, освобождаешь душу от слабости.

То не диво для естества человека — ниспадать к земному, но если, павши, не встать? Разве кто-нибудь, сбившись с пути, снова его не отыщет? Если разбит отчаяньем ты сегодня — завтрашний день посвяти подвигу.

Неразумно, когда приходят вечные достояния — дары благого Бога, не дожидаться их с терпением и верой, но радоваться земному и к нему стремиться, словно не веря в воскресенье.

Если бы слава сего мира приближалась к славе небесной, не распяли бы славы Господа мира сего сыновья, ибо какой раб дерзнет жить в доме, где его господина не приняли?

Голод и жажду терпи Христа ради: насколько наносишь вред телу, настолько душе создаешь благо. Воздающий суд за слова и помыслы воздаст благом и за малое, которое ради него претерпим.

Молитвы же душыныя пища не отълагай, якоже бо тужить тѣло и отънемагаетъ пища лишяемо, тако душа молтвыныя сладости лишяема на раслабление и умъртвие умное приближается.

Свѣтъ убо въ храминѣ свѣшта, свѣтъ же въ чювьствѣ молитвыный разумъ; яснѣ же свѣтъ от свѣшта, не сушту въмѣсу никоемуже, свѣтла же зѣло молитва непримѣсна мысли земныхъ.

Прѣдай хотѣние Богу, въдуштюуму вся прѣже бытия чловѣку, и не проси воли твоей быти: всякого бо чловѣка мысль о непользыхъ, нѣ глаголи къ Богу: «Да будетъ воля твоя!» Тѣ бо строить вся на пользу намъ, ихъже мы плътнии не вѣмы.

Въстени акы мытарь, прибѣгни акы блудныи, умилися акы Ахаавъ, плачися акы Петръ, зови акы ханааньини, прѣдъстои яко въдовица, молися акы Иезекія, смѣрися акы Манаси, — аште тако молишися, приметь благый Господь молитву твою, акы мати младенца.

Безгрѣшнаго есть дѣло, еже грѣхомъ судити чюжимъ, кто же е без грѣха? Развѣ единъ Богъ. Тѣ бо единъ неомѣримъ и тому подобаетъ судити суштимъ подъ мѣроу.

Еже судити чловѣку съблавившюся гърдость есть и смѣнѣние; Господь же гърдыимъ противиться. Иже бо по вся чясы отвѣтъ дати о своихъ грѣсѣхъ чясть, не скоро главы своея възведеть съблазнѣ чюжихъ съмотрити.

Не буди гърдъ, да не похвалиться гробъ, гърдость твою объдържа, и убогий почиеть на гробъ твоимъ и никоегоже врѣда приметь.

Видѣвъ мъртыць носимъ, акы свое естество помиловавъ послѣдуй ему и до гроба, дѣвое бо добро приемлещи: оного дѣля смѣрти свое умъртвие помянувъ смѣришися, и паки тѣло его помиловавъ, гробу прѣдавъ, помилованъ будещи.

Боляштаго постѣти, неси егоже хочеть въкусити, самъ же послужи о немъ, акы о своемъ сѣрдоболѣ, вѣдый, яко и ты такоже имаши пострадати.

Стенюшту оному тяжко отъ болѣзни, ты же милостыня своя слъзы испусти и въздъхни о болѣзни его къ Богу, въ нейже есть, и аште и лѣчъць прилучиться, ты даждь цѣну ицѣления его дѣля.

Умираюшту же ему, ты своима рукама очи его сътисни и уста его, къ Богу о души его отъ всего срдця помолися и омый своима рукама, аще же и убогъ есть, попецися не нага погresti его.

Зѣло успѣшно къ покаянию и слъзамъ посѣштение умираюштинихъ. И кто бо тѣгда не приидеть въ умиление, видя естество свое въ гробъ съходяшть, и имя его угасѣше, славу же богатаго въ тѣлю съшьдѣшу.

Аште имѣеши дръзновение къ властелемъ и княземъ, поскѣрби о обидимѣмъ отъ сильнаго, и до пота попьри по сиротѣ, да въмѣнитъ Господь капля пота твоего съ крвнью мученичскою.

Молитвы — пищи душевной — не откладывай, как тужит тело, изнемогая без пищи, так душа, лишаемая сладости молитвы, к слабости и душевной смерти приближается.

Свет в хоробах — свеча, свет же в чувстве — молитвенный разум; ясен свет от свечи, не знающей никаких примесей, но светла и молитва, не смешанная с земными помыслами.

Предай все желания Богу, ведающему все до бытия человека, и не проси о воле своей — у всякого человека мысль о ненужном, — но обращай к Богу: «Да будет воля твоя!» Ибо строит он все нам на пользу, которой мы в нашей плоти не ведаем.

Стеная словно мытарь, вернись точно блудный сын, умилился как Ахав, восплачь точно Петр, взывай как ханаанка, предстань как вдовица, молись как Иезекия, смирись как Манасия, — и если молишься так, примет благой Господь молитву твою, как мать — младенца.

Дело безгрешного осуждать чужие грехи, а кто без греха? Один только Бог. Один он безмерен, и ему подобает судить тех, кто измерен.

Гордыня и самомнение осуждать других заблуждающемуся человеку; Господь же гордым противится. Но тот, кто всегда готов дать ответ за свои грехи, не скоро поднимет голову свою, чтобы рассмотреть чужие заблуждения.

Оставь гордыню — и не похвалится гроб, гордость твою вбирая в себя, и убогий отдохнет на гробе твоём без всякого для себя вреда.

Увидев, что мертвеца несут, сжалившись как над собственным телом, проводи его до могилы и двойную получишь пользу: на смерти его свою кончину представив, смиришься, а тело его пожалев и предав могиле, сам помилован будешь.

Болящего посети, принеся ему то, что он хочет отведать, и сам ему послужи, как близкому своему, помня, что так же и тебе предстоит пострадать.

Если стонет кто-то тяжело в болезни, сострадательно слезы свои испусти и к Богу вздохни о болезни, в которой он находится, а если лекарь при этом случится, дай плату ему за его лечение.

Когда умирает он, то своими руками очи его закрой и уста его, о душе его сердцем всем помолись ты Богу и омой своими руками, а если убог, позаботься, чтобы не нагим схоронили его.

Важно для покаяний и слез посещение умирающих. Да и кто же тогда не придет в умиление, видя естество в могилу сходящее, имя угасшее, и славу богатого, рассыпавшуюся в тлен.

А если можешь просить властителей и князей, заступись за обиженных сильными, и до пота сразись за сирот — приравняет капли пота твоего Господь к крови мучеников.

Аште ли незнаемъ еси князьмъ си, то къ тѣмъ, иже имуть дръзновение къ нему, потужи о убожьмъ, и Господь рано по първому се въмѣнить ти.

Църкви Божии завушти на молитву, остави дѣло земльное кое любо и иди на душевную пищу съ тѣштяниемъ, акы Петръ, Иоанъ къ гробу.

Идушту ти въ святыи храмъ помысли, еда кого прогнѣвалъ еси въ коемъ дѣлѣ, и всяко потѣштися гнѣвъный мракъ разгнати, да яко слнце освѣтитъ ти душу молитвѣная доброта.

Съкрываеъ бо тъмный облакъ сличную красоту и свѣтълость, погубить молитвѣную красоту помнѣние гнѣвное.

Ступивъ въ двѣри цркъвныя, помысли сама врата небесная прошѣдъ, и ту глаголавъ въсь чясъ тайныи, съ дивѣмъ и съ страхѣмъ стой, съмотря бываемыхъ съ вѣрою тѣлесными очима и душевными, тѣгда и самъ прѣмѣнися отъ земльныхъ мыслей на будущая блага.

Видѣвъ Христа, закалаема въ жъртву къ Отцу за въсь миръ, чѣто ино моштьнъ еси помыслити плѣтънъ сы, тѣкмо руцѣ въздѣвъ, рѣци: «Слава многуму ти чловѣколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же по въся часы чястая съгрѣшения чловѣчска, прѣмногое же и бештисльное чловѣколюбие Божие, еже на чловѣчѣстѣ родѣ имать и еже съгрѣшаюштемъ намъ тѣрпять, и до послѣдняго дыхания ожидаетъ *покаяния* нашего. Тѣмъже варимъ лице Его исповѣданиемъ. Прииди потѣштися и припади предъ Господѣмъ и въсплачи прѣдъ сѣтворивъшимъ тя, зови милость его, приглашай штедроты его, да же съмъртъ не варить.

Не рѣци: «Много съгрѣшихъ, много беззаконьновахъ, не имамъ дръзновения, еже къ Богу припасти», ни убо не отъчай себе, не *прилагайся* тѣкмо отъселѣ къ съгрѣшениемъ и силою всемилостивааго Бога не имаша посрамленъ быти.

Не лъжьнъ рекый: «приходяштяаго къ мнѣ не иждену вѣнъ», и по сихъ: «въсь обратитесь къ мнѣ и азъ исцѣлю вы, и не хочу съмърти грѣшнику». Тѣмъже дързай и вѣруй, яко Чистъ сый приближаштааго ся къ нему очистить.

Аште истиньно покаяние хоштеши прияти, то яви е дѣлъмъ: аште гърдостѣ каешися, покажи съмѣрение, аште пиянства, покажи постъ, аште любодѣяннѣя, покажи чистоту. «Уклони бо ся, — рече, — отъ зла и сѣтвори добро».

Тѣкмо не ожидай въ тинѣ *грѣховнѣй*. Вънезапы примѣши и въздѣхнеши и не будетъ послушаштааго: егда аггелъ не пожидая прѣдъ очима ти станеть, врази же твои, яко облакъ, покрываютъ тя.

Вѣнимай души своей, яко едина ти есть, едино вереме живота и невѣдомъ конѣць, и непрѣходьна пучина въздуха, и врагъ твоихъ исплѣнена, нѣсть же помагаштааго, развѣ добрыхъ дѣлъ, тѣмъже всею силою своею възѣишти ихъ.

Если же не знаком ты князьям, то тех попроси заступиться, кто близок к ним, поскорби об убогом — и скоро Господь, как и прежде, оплатит тебе.

Когда церковь Божья зовет на молитву, оставь свое дело земное и спеши за душевной пищей с тщанием, точно Петр, Иоанн ко гробу Господню.

Когда направляешься в храм святой, вспомни, когда и кого прогневил ты в каком-то деле, и постарайся, как можешь, мрак гнева того разогнать и — тогда словно солнце осветит душу тебе доброта молитвы.

Ибо скрывает темная туча солнечную красоту и светлость, погубит красоту молитвы помышление гневное.

Ступив в церковные двери, помни, что там ты вратами небесными как бы проходил, творя молитвы весь тайный час, в трепетном страхе стой, с верою глядя на происходящее очами телесными и духовными, тогда и сам переменишь мысли земные на будущие блага.

Видев Христа, закалаемого в жертву Отцу за весь мир, что иное ты можешь помыслить, находясь во плоти, как только, руки воздев, сказать: «Слава великому твоему человеколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же часто о многих согрешениях человека, увидишь премногое и бесконечное человеколюбие Божье, какое нисходит на род человеческий и нас, согрешающих, терпит и до последнего вздоха нашего ждет от нас покаяния. Потому спешим с исповедью еще до встречи с Ним. Приди, потрудишься и припади пред Господом, и восплачь пред сотворившим тебя, призови его милость, проси щедрот его, пока не опередила смерть.

Не говори: «Согрешил я много, много совершил беззаконий и не дерзаю припасть к Богу» — не отчаивайся, но уж теперь не греши, и силой всемилостивого Бога не будешь отвергнут.

Прав сказавший: «Приходящего ко мне не выгоню вон», — и потом: «Все обратитесь ко мне — я исцелю Вас, не хочу смерти грешнику». Так держай же и веруй, что сам Чистый — приближающегося к нему очистит.

Если действительно желаешь принять покаяние, то яви это делом: если в гордыни каешься, покажи смирение, если в пьянстве, покажи воздержание, если в любодеянье, покажи чистоту. Ведь сказано: «Уклонись от зла и сотвори добро».

Но не медли в греховой тине. Внезапно поймешь и вздохнешь, но не будет слышащего: когда неожиданно ангел перед очами предстанет, враги твои, словно облако, скроют тебя.

Внимай душе своей, ибо она одна у тебя, время жизни одно и неведом конец, и непреходима пучина воздуха, наполненного врагами твоими, и нет никого, кто спасет, кроме добрых дел, — так что всей силой твоею их и взыщи.

Вступи на добродѣтель стѣзю, поиди скоро, да же вечеръ не постигнетъ, потѣштимъ къ вратомъ града вышшняго, не съкланяйся ни на десно, ни на шюе, да не заблудиши въ пропасти мучения.

Епископомъ и пастухомъ Христова стада словесныхъ овецъ главу свою покланяй и припадай къ ногама ихъ, и моли да дасть ти ся благословение ихъ.

Прозвутеры ерея Христовы, прѣдъстателя таинѣй его трапезѣ и дробителя тѣлу его всякою чѣстью почѣсти и съ страхомъ възирай на ня.

Таже дияконы, иподьякони, анагносты и акы служителя Божия съ вѣрою помышляй, и тѣшится ниединомуже ихъ ни въ чемъ же прѣгрѣшити.

Аште убо стояштиихъ прѣдъ земельнымъ царемъ съ страхомъ чѣстиши, бояся словемъ прѣрешти имъ, како убо разумѣши о слугахъ небеснаго царя?

Въ монастыря дома святыхъ потружайся, виждь житие и устрой чинъ и уставъ. Видѣвъ бо пребывание ихъ, окаеши свое житие и управишися отътолѣ.

Съ суштимъ же въ горахъ не лѣнися, ишти молитвы, проси благословения, и аште чѣто имѣши тѣлесныя потрѣбы, донеси имъ и примемши душевну потребу.

Паче всякого чѣрноризьца не тѣшится минути бес поклонения, аште бо знаемымъ тѣкъмо покланяещися и чѣстиши я, то по съдружию то есть, а не по чѣсти образа сущаго на нихъ.

Конѣцъ же всѣмъ прѣжереченымъ възлюбиши Господа отъ всея душа и страхъ его да пребываетъ въ срдци твоємъ.

И правъ буди и истиненъ, сѣмѣренъ, кротѣкъ, покоривъ, долу поничя, умъ же къ небеси простирая, умиленъ къ Богу и къ человекомъ привѣтливъ и печальнаго тѣшитель, трѣпѣливъ въ напасти и ништетѣ, штедръ и милостивъ, ништимъ кѣрмитель, страннопримѣникъ, скѣрбенъ грѣха ради, веселъ о Бозѣ, алченъ буди, жяденъ, кротѣкъ, робокъ, покоренъ, неславохотенъ, не златолюбѣцъ, друголюбѣцъ, негѣрдъ, боязливъ прѣдъ царемъ, готовъ въ повелѣнии его, въ отвѣтѣхъ сладѣкъ, чѣсто молитвенникъ, разуменъ трудникъ къ Богу, не осудитель всякого человека, попьрникъ и обидимыхъ нелицемѣренъ.

Чадѣ Еуаггелия, сынъ възкресения, наслѣдникъ будущая жизни о Христѣ Иисусѣ, Господи нашемъ, Ему же слава, чѣсть ныня и присно и въ вѣкъ вѣкомъ. Аминь.

Наказание Исухия, презвутера Иерусалимскаго*

Страхъ вѣину имѣй и Божию любовь и чисто къ всѣмъ срдце.

Самого надъ собою стояшта Бога вѣруй, елькраты чѣто твориши.

Радуйся, егда твориши добро, нъ не высиися, еда погрязение на отишы будетъ.

Вступи на стезю добродетели, быстро пойдя, пока не наступит вечер, подступая к вратам града вышнего, не отклоняясь ни вправо, ни влево, чтобы не заблудиться в пропасти мучений.

Пред епископами и пастырями овец словесных стада Христова голову свою преклоняй и припадай к их ногам, и моли, чтобы дали тебе благословение.

Пресвитеров и иереев Христовых, представителей тайной его трапезы и дробителей тела его всякою честью почти и со страхом взирай на них.

Затем диаконов и иподьяконов, и чтецов как служителей Божьих: с верою думай о них, стараясь никому из них ни в чем не вредить.

Ведь если стоящих перед земным царем считаешь во страхе, боясь и словом им противоречить, то что подумаешь ты о слугах царя небесного?

В домах святых монастырей потрудись, посмотри на житье и устройство там устава и чина. Глядя на их пребывание, расскаешься в своем житье и тем исправишься потом.

И с теми, кто пребывает в затворе, не ленись общаться, ищи их молитвы, проси благословения, а если есть что у тебя из потребности для тела, им принеси — и примешь тогда душевную помощь.

Но больше всего старайся, как бы не пройти мимо монаха без поклона, ибо если только одним знакомым кланяешься и чтешь их, то это только по дружбе, не из почтения к образу, ими носимому.

В результате всего сказанного: возлюбишь Господа всею душою, и страх перед ним да пребудет в сердце твоём.

Будь и праведен, и правдив, смирен, кроток, покорен, долгу склоняясь, ум простирая к небу, умилен пред Богом, а к людям приветлив, опечаленного — утешитель, терпелив в напасти и нищете, щедр и милостив, нищим кормитель, странноприимник, скорбен греха ради, весел о Боге; постись и жаждай, кроток, робок, покорен, неславолюбив, не златолюбец, но друголюбец, не горд, трепетен перед царем, готовый к его повелениям, в ответах мягок, частый молитвенник, разумный труженик Бога, не осуждающий всякого человека, защитник обиженных нелицемерный.

Дитя Евангелия, сын воскресения, наследник будущей жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Поучение Исихия, пресвитера Иерусалимского

Всегда имей страх и любовь к Богу и чистое ко всем сердце.

Что бы ты ни делал, знай, что сам Бог над тобою стоит.

Радуйся, творя добро, но не возносись, чтобы не утонуть при спокойной воде.

Елико же въ законѣ прѣдидеши, толико же недостаточнѣ ся съвршенемъ вѣжѣ.

Всякого дѣла коньць прѣдъ начялѣмъ распытай днь и ношть, къ коньчнуму же дни вѣзирай вѣину.

Не смѣшайся съ тѣми николиже, яже видиши хулимы от добрыхъ.

Спѣши же никомуже вереда сътворити въ своемъ дѣлѣ.

Не веселися цвѣтушними мира сего, яко травными бо есть цвѣтъ: елико бо имъ върпещи, толико же увядаеть.

Въ печальхъ благодарьстви Бога, и ярѣмъ ти грѣховный обльгъ-читъ ся.

Съмотримъ себѣ, да инѣмъ не зазираемъ, много бо того въ насъ, имже то *инѣмъ* зазираемъ.

Псалѣмъ вѣину да будетъ въ устѣхъ твоихъ, Богъ бо мѣнимъ прогонитъ бѣсы.

Молитва ти съ трѣзвениемъ да бываетъ умнымъ, да не тако молимъ ся, якоже нѣсть годъ Богу.

Вѣину поминай Бога, да яко небо будетъ умъ твой.

Съвяжи языкъ си: многашьды бо извѣштаеть, еже есть лѣпо таити.

Доброты своя таи, послухы же житию многы имѣй.

Толико тѣчю дай тѣлу, елико же трѣбуеть, не елико же похочеть.

Не люби питати ся, любѣвь бо съ симъ житьемъ творить, вражда же отъ него къ Богу плодитъ ся.

Отъврашайся житийскыя радости: та бо подѣплѣзати ся творить, текуштиимъ на спасение свое.

Елико же еси съгрѣшилъ, то стенаниемъ поминай, бываетъ бо оттуду отъпуштение.

Потрѣбию святыхъ приобѣшай ся, тѣми бо ти будетъ къ Богу приобѣштение.

Въ църкѣви акы на небеси ступай, и ничѣтоже въ ней не глаголи, ни помышлай землянаго.

Уне всего довѣль имѣй, уступай же Богу пешти ся о немъ, да будеши вѣину обильнѣ.

Съпону твори плѣти въ благыхъ трудѣхъ.

Пий медъ помалу, елико бо е съкрачаеши, то благодѣтъ ти е: и незапинани творить.

Утоли гнѣвъ, бѣсу бо есть отѣць, егда без мѣры исходитъ.

Въ язвѣ прѣже врачя имѣй молитву.

Попы вся одинако чѣти, а къ добрымъ подвижникомъ тѣци.

Люби Божия дома, Божии же домъ потѣштися самъ вѣтворити.

Въ църкѣвѣ *части*, мятежъ бо ны вѣнѣшнихъ свобажаеть.

Знай, что насколько ты преуспеваешь в законе, настолько ты отстаешь в совершенстве.

Всякого дела конец перед началом его рассматривай день и ночь, и помни всегда о последнем дне.

Никогда не водись с теми, кого, ты видишь, порицают хорошие.

Старайся никому не вредить в его деле.

Не радуйся цветущему в мире сем, ибо все как цвет травный: только сорвешь — тотчас увядает.

В печалях благодари Бога, и ярмо грехов твоих облегчится.

Смотри на себя, иных не осуждая, ибо много и в нас того, что осуждаем в других.

Пусть псалом всегда будет в устах твоих, ибо Бог, поминаемый словом, прогоняет бесов.

Молитва твоя пусть будет с разумным смыслом, чтоб не молиться так, как неугодно Богу.

Всегда поминай Бога — и будет ум твой как небо.

Прикуси язык свой: часто он то выдает, что лучше таить.

Добродетели неставляй свои, пусть лучше будет больше свидетелей твоему житию.

Лишь столько дай телу, сколько требуется, но не сколько захочет.

Не наслаждайся чрезмерно, ибо склонность к наслаждению привязывает к жизни, от нее же рождается враждебность к Богу.

Отвращайся от житейских радостей: на них поскользнется тот, кто ищет спасения вечного.

Все, в чем согрешил, со стенаньем вспоминай, это дает облегчение.

Приобщайся служенью святым, ибо ими ты приобщишься к Богу.

В церковь как в небеса ступай, в ней не болтай, не помышляй о земном.

Лучше всего имей достаточное, Богу доверь заботиться о том, чтобы всегда ты пользовался изобилием.

Плоти препону твори благими трудами.

Мед пей помалу, и чем меньше, тем лучше: не споткнешься.

Гнев утоли, ибо отец он бесу, если без меры исходит.

В болезни прежде врача прибегай к молитве.

Попов одинаково всех чти, а к помощи славных подвижников прибегай.

Божии дома люби, и сам постарайся создать Божий дом.

В церкви часто бывай, освобождает нас это от внешних сует.

Егда молитву твориши, умъ си къ Богу възведи, аште же и отъпадеть, паки и горѣ възведи.

Не прѣстаеть умъ, зѣлы помыслы ражая — а зѣлыя мысли вымѣтай, а добрыя сѣй.

Весели ся съмѣрениемъ, еже бо бываетъ высость съмѣрениемъ, то необаряеть ся, нъ великъ есть.

Толико тружайя ся, елико мошти начьнеши въсхластити плѣтскыя похоти.

Помышляй небесныхъ благолѣпие добротъ, да ти о земныхъ не будетъ никоеже похоти, и еже земная красота не приидеть ти на умъ.

Земныя мысли — сѣмена сущия вражия, вѣруй. Яко и мысли прѣдстануть, и бѣси, иже на ны, ту абие осрамять ся.

Укланяй ся многа смѣха, раслабляеть бо душу, раслабѣвши же отъ законныхъ узды удобъ исхлаштаеть ся.

На дѣла подобаеть душу разлучати ти на молитвы, тако бо не обрящеть многа вѣхода въ ны дияволъ.

Дѣло законное мни чѣтение книжное: егда бо умъ съ языкомъ къто хочеть ицѣлити, то въ книги вѣину да зреть.

Аште на дѣло руцѣ простираеши, языкъ ти да поеть, а умъ ти да молить ся, просить бо отъ насъ Богъ вѣину *поминати* его.

Всяко дѣло молитвою печатѣлѣвай — то же дѣло, о немъ же ти ся умъ на двое не мутить.

Праздный же да не ясть, и паки слышимъ *иного* въ васъ бештина ходяща и ничтоже дѣлающа, нъ лицемѣрствующая.

Любяй дѣло бес печали перебиваеть, начало гърдыни — еже не потрудити ся съ братемъ *противу* силъ; приходяшти же на дѣло — не много глаголѣмъ, на тѣштание наше буди, егоже ради *изыдохомъ*.

Мати зѣлымъ — лѣность: доброты бо, яже имаши, крадеть, а ихъ же не имаши — не дасть обрѣсти.

Аште хочеши, да ти будетъ ручное дѣло ти божѣственно, а не земное — то да ти буде обыче съ *убогими*.

Радуй ся о молитвахъ святыхъ мужъ. И поистиннѣ сущия святы отъ дѣлъ распытай: кое бо оwoште отъ плода познавается.

Безълобие твори сѣрдьцемъ, а чистоту тѣлымъ; то бо обоє сътворить тя Божию църквѣ тѣлесную.

<...>

Егда тя оклеветаютъ, разумѣй, еда е чѣто до *тебе* въ клеветѣ той, аште ли нѣсть, то мни акы дымъ расходяшту ся клевету.

Егда обидимъ еси, подѣбѣгай къ трѣпѣнию, и трѣпѣние твое вѣдять обидяща тя и устроить.

Егда богатство или *славу* видиши, помышляй тѣлѣнныхъ все, и убѣжиши уды жития сего.

Когда молитву творишь, ум возведи к Богу, а если сникнет, снова его вознеси ввысь.

Не утомляется ум, злые помыслы порождая, — так выметай же злые мысли, добрые — сей.

Возрадуйся смирением, ибо та высота, что от смирения, непобедима, и в этом — величие.

Трудись до тех пор, покуда не начнешь обуздывать плотские желанья.

Помышляй о красоте небесного благолепия, и не будет привязанности у тебя к земному, и красота земная на ум тебе не придет.

Знай, что земные помыслы — вражие семена. Лишь оставлены эти мысли, тотчас бесы, напасть готовые, посрамятся.

Уклоняйся от частого смеха, ибо он расслабляет душу, ослабивший же узду закона становится необузданным.

На дела следует душу направлять и на молитвы, и тогда не отыщет входа в нас дьявол.

Обычным делом почитай чтение книг: ибо когда захочет кто ум с языком исцелить, пусть всегда обращается к книгам.

Когда же на дело простираешь руки, пусть язык твой поет, а ум твой молится, ведь просит нас Бог всегда о нем помнить.

Всякое дело отмечай молитвой — раздвоеньем твой ум от того не смутится.

Праздный же да не ест, но снова мы видим: иные из вас бесчинно бродят, не делая ничего, но притворяясь работающими.

Любящий труд без печали пребудет, начало гордыни — не потрудиться с близким посильно; выходя на работу — скажем, не много, но усердно выполним то, ради чего пришли.

Мать пороков — леность: добродетели, если есть, украдет, а которых нет — не даст обрести.

Если хочешь, чтобы дело рук твоих божественным было, а не земным — пусть будет делом с убогими вместе.

Радуйся о молитвах святых мужей. Святых познавай по делам их: всякий овощ по плодам познается.

Беззлобен будь сердцем, а телом чист; то и другое составит в тебе Божью церковь телесную.

<...>

Когда тебя оклеветают, подумай, что в клевете справедливо, и если нет ничего, уподобь клевету исчезающему дыму.

Когда обижают тебя, прибегай к терпению, и твое терпение поразит обидчика твоего и все устроит.

Когда богатство или славу предвидишь, вспомни, что тленно все, и тем избежишь крючка жизни сей.

Търпи скърби, въ скърбѣхъ бо доброты цвѣтуть, акы въ тръньи цвѣтъци.

Плачи ся грѣшника въ обилѣи живуштя, мечь бо си судный готоваеть.

Егда кѣто зѣло творя, и не стыдиться о немъ — отяжчя бо ему струпы, и въ отчаяние приходитъ уже.

Елишьды вѣстужиши, помысли, колико ти правдынымъ приходитъ пакости — и приидеть ти даръ его.

Подобаеть быти всякому хрѣстьянину сѣмѣрену, а еже къ овѣмъ сѣмѣрити ся, а къ овѣмъ ни, — то лицемѣрныхъ то есть сѣмѣрение.

Не бесѣдуй съ зѣлыми, они бо поучяють тя на зѣлое, а съ приобѣщаниемъ ихъ грѣха того приобѣщатиши ся.

Послушати присно и глаголати съ добрыми поспѣвай, на рать бо благу душу подвижаютъ.

Църквѣ домашнюю кѣждо насъ имѣи умъ свой, да творити подобно ны есть въ ней законы црквныя.

Зѣлобу тѣгда възненавидиши, егда разумѣши, яко — бѣсовскѣ то есть нож, на ны обострень.

Егда съ святыми бесѣдуеши, въпрашай ихъ о духовнѣмъ, егда ли не съ тацѣми, то ты самъ духовнѣ бесѣдуй.

Иже слабо живетъ, то того не приводи на сѣвѣтъ, и иже бо ся о зѣлѣ радуеть, то тѣ ненавидеть добра и сѣвѣта о томъ не хочеть дѣяти.

Аште хочеши мучныя болѣзни гонезнути, то никогоже не оклеветай, ни осужай: о томъ бо Божество паче всѣго гнѣваеть ся.

Аште хоштеши всякого грѣха боли быти, чюжихъ испытай: много бо того есть въ тебѣ, имѣже то иному зазираемъ.

Бѣжи величанья, о чловѣче, аште и великѣ еси: еда Бога отѣмештюшта ся, тебе обряштеши?

Люби сѣмѣрение, аште и великѣ еси, да въ днь сѣкончанья възвышенъ будеши.

Не похули чловѣка николиже — и похуления не примеша въ всемъ животѣ своемъ.

Егда въ църквѣ идеши, не глуми ся пустошьными, иже бо стоять прѣдъ княземъ, то ни смѣють ся, ни глумять ся.

Не посмѣйся чюжему падению, да самъ скоро падъ смѣху будеши, отъ нихъже не хочеши.

Храни учения си — да вѣнця славы подадять ти ся.

Буди държавливъ заповѣдмъ симъ — да сѣтворять тя славна въ чловѣцѣхъ и угодна к Богу, тако бо славить ся Божество, и тацѣми исправленьи въгодити есть Богу.

Терпи несчастья, ибо в несчастьях цветут добродетели, точно в терниях цветы.

Оплачь же грешника, в богатстве живущего, ибо судный меч на себя готовит.

Если кто-то, зло творя, за него не стыдится — тяжки его раны, безнадежен становится он.

Как часто ни будешь ты в горести, подумай, сколько праведникам насылалось бед — и прибудет тебе их талант.

Каждому христианину надлежит смирение, если же пред одним смиряться, а пред другим нет, — это смирение лицемерных.

Не разговаривай со злыми, ибо они поучают тебя на злое, и с приближением к ним их же греху приобщишься.

Слушать добрых всегда и беседовать с ними старайся, ибо они подвигают на битву добрую душу.

Как церковь домашнюю каждый из нас имеет свой ум, чтоб исполнять в ней потребные церкви законы.

Тогда возненавидишь порок, когда поймешь, что он — нож беса, на нас наточенный.

Когда со святыми беседуешь, вопрошай их о духовном, а когда не с ними, то сам о духовном беседуй.

Кто не твердо живет, с тем не советуйся, а кто злему радуется, тот ненавидит добро и совета о нем не захочет дать.

Если хочешь избежать вечной муки, никого не осуждай и не клевети ни на кого: за это Бог больше всего и гневается.

Хочешь подняться выше любого греха, взгляди в других: ибо много такого в тебе, что в другом осуждаем.

Избегай надменности, человек, даже если ты и велик: удаляясь от Бога, себя обрящешь ли?

Возлюби смирение, даже если ты и велик, чтоб в день последний тебя возвысили.

Не осуждай никогда человека — и не будешь осужден в этой жизни.

Когда идешь в церковь, пустяками не развлекайся, ведь когда стоят перед князем, не смеются, не потешаются.

Не смейся над чужим падением, иначе и сам скоро, пав, высмеян будешь теми, от кого не хочешь насмешки.

Сохраняй все это учение — и пребудешь в венце славы.

Твердо следуй этим заповедям — и сотворят тебя славным среди людей и Богу угодным, ибо славится так Божество, и этим можно ему угодить.

Тако подобает хотяштууму безъистьлѣнно житие жити, и ни въ чѣтоже мѣнити тѣлѣмыхъ.

Аште истовыя жизни жядиши, то присно съмръти чяй чловѣчьскы.

Ненавиди настоящя сея жизни, видиши бо ю, акы коло валяще ся.

Вьсего паче почѣсти душу — да добрыи ти трудъ без болѣзни творить ся.

Вьсе бо съде тѣлѣнно, душа же едина бес тѣля, чтити убо подобает бестѣлѣнное паче тѣлѣннааго.

Не проси у Господа славныхъ, нѣ *точию* пользынааго проси: оного бо аште и просяшти, то не дасть, аште ли и дасть, то истьлѣть.

Не весели ся о богатствѣ, печали бо его отьлучают ны отъ Бога, аште и не хочемъ.

Николиже не прѣзри убога плачюштя ся — да не прѣзримы будутъ слъзы мольбы твоея.

Отъязати ся подобает пиянства, въ немъ бо по истверезении стена-ние и казнь бываетъ.

Помысль плѣтолюбивыхъ уне гнушати ся, тѣлять бо душу и плѣть осквърняютъ.

И земельное бес труда добро не творить ся, да почѣто благословленаго ради труда укланяемъ ся?

Аште хочеши бес труда добро творити, то поминай, яко трудъ мало-годьнъ есть, а мзда вѣчная.

Святъ есть домъ мольбныхъ, имже святыи свято намъ ведеть.

Аште съеши ништиимъ въ руцѣ, то не чюже сѣй, нѣ свое: небонъ чюже сѣмя половела горчѣе.

Аште небесныхъ желаеши, то ненавиди земельныхъ, не дадять бо си къ онѣмъ възлѣтати.

Матери благынямъ си суть чистота и милостыни: да нѣльзѣ ни бес тоя, ни бе-сея къ Христу воиньствовати.

Не обиди милостыня и любве: та бо благааго Бога съ небесе съведе.

Не прѣзри чистотныхъ съсудъ, Творца бо въплѣштена чловѣкомъ показа.

Не хошти богатѣти зѣло ни славити ся: тѣля бо то есть, а мы нѣсмъ тѣлѣнни.

Надъ мрътвымъ не плачи, нѣ надъ несмыслнымъ: онъ бо обышть путь, а се своя воля.

Съгрѣшающтааго плачи, а не убожающтааго: вѣнчати бо ся иматъ сий, а онъ — мучити.

Глаголи къ Богу много, а къ чловѣкомъ мало, поушчениемъ же законнымъ исправляй обою.

Подобает так жить и идущему к вечной жизни, ни во что вменяя тленное.

И, если чаешь истинной жизни, всегда ожидай смерть человеческую. Возненавидь эту жизнь, ибо видишь, что вертится колесом она.

И выше всего почитай свою душу: славный труд и без устали она для тебя совершает.

Все здесь тленно, и только душа нетленна, а чтить подобает нетленное больше, чем тленное.

Не проси у Господа славного, но проси лишь полезного: ведь славного даже попросишь — не даст, а если и даст, оно истлеет.

Не радуйся о богатстве, ибо его печали удаляют от Бога, даже если и не хотим этого.

Не отвергай никогда убогого, который плачет, — и не отринутся слезы молений твоих.

Воздержаться нужно от пьянства, ведь за отрезвлением следуют стоны и раскаяние.

Помыслов сластолюбивых лучше гнушаться, ибо они растлевают душу и плоть оскверняют.

И земное добро без труда не творится, отчего же избегаем труда благословенного?

Если хочешь без труда добро творить, помни, что труд этот временный, а награда вечная.

Свят дом молебный, потому что свято святое приводит к нам.

Если сеешь нищим в руки, сей не чужое, но свое: ибо чужое семя горьче плеveled.

Если стремишься к небесному, отринь земное, ибо не даст оно ввысь воспарить.

Мать благого — чистота и милостыня: ни без той, ни без этой нельзя Христу послужить.

Не пренебрегай ни любовью, ни милостыней: это они к нам благого Бога с небес свели.

Не презирай и сосуда непорочного, ибо Творца во плоти представил он людям.

Не пожелай чрезмерно ни богатеть, ни славиться, ибо все это тленно, мы же — нетленны.

Не над мертвым плачь, над неразумным, ибо тому общий для всех путь, а у этого своя воля.

Оплакивай грешащего, а не убогого, ибо этого ждет венец, а того — мучение.

Говори Богу много, а людям мало, требованиям же закона следуй и там и тут.

Омывание души — *благомолитвѣная* слъза, нѣ по мольбѣ помяни, чѣсо ради ся еси прослъзилъ.

Богатыхъ жития сего не блажи, сильнии бо сильнѣе испытаети будутъ, тѣмже ти Судию пристрашна имуть имѣти.

Аште сами судимъ си — то и *Суди ны укротить* ся, радуеть бо ся; яко Благъ видя грѣшника, берема си распраштяюштя.

Якоже бѣдно въ путѣ ристати, такоже и обязавъшюму ся симъ жити-емъ бѣдно тешти на небеса.

Въсе дѣло зѣло възвущаетъ диавола, възвущенъ же бывъ, горьцѣ на възвущенаго обраштяеть ся.

Аште хочеши врага ои немоштна сътворити, то грѣхы си умаляй — и, опѣшенъ отъ крылу, акы птиця играемъ и смѣху будетъ тобою.

Горе хульнику, съвяжетъ бо ся ему языкъ и не мошти начнеть къ судии отвѣщати.

Горе нечестивому, егда бо вси просвѣтятъ ся, тогда онъ помрачить ся злѣ.

Горе безаконнику, къ суди бо яру и правдивому придеть.

Горе лихоимцю, богатство бо его отбѣжитъ, а огонь и приметь.

Горе ленивому, станет искать, неправѣдно погубивъ, но ничего не обрящетъ.

Горе блуднику, осквърняетъ бо ризу невѣстнику, да и — царства брака съ студымъ изгнанъ будетъ.

Путь же смърти есть въ *дѣлѣхъ* зѣлыхъ разумѣаемъ, въ томъ бо есть невѣдѣние Бога, имже бываетъ блудъ и разбой, и прочая зѣлая дѣла.

Прѣмудрость Иусова, сына Сирахова*

Всяка мудрость отъ Господа и съ нимъ есть въ вѣкы: пѣска морьскааго и капля дѣждевныя, Господни вѣкъ кѣто иштѣтеть?

Прѣмудрость кто ислѣдитъ, корень прѣмудрости кому отъкрыся, и разумъ ея кто разумѣ?

Единъ есть прѣмудръ страшнѣ зѣло, сѣдая на прѣстоле своемъ Господь самъ създалъ ю *видѣ* и *иштѣ* ю, и пролия ю на всѣхъ дѣлѣхъ своихъ, и даровалъ ю любяштинимъ его.

Зачало прѣмудрости — страхъ Господень, страхъ Господень — слава и похвала, и веселье — и вѣнць радости.

Страхъ Господень възвеселить сѣрдьце и дасть веселие и дѣлгодѣние.

Бояштяму ся Господа благо будетъ напоследѣкъ, и въ днь съкончѣния своего благословенъ будетъ.

Множество мудрости — бояти ся Господа: и напаяеть ся отъ плодъ своихъ, въсь домъ свой испълнить желанія, и житѣница отъ житъ своихъ.

Омовение души — благомолитвенная слеза, но после молений припомни, ради чего прослезился.

Не завидуй жизни богатых, у сильных сильней испытания будут и тем страшнее их Судия.

Если сами себя осудим — и Судия не прогневается, ибо радуется Благой, видя грешника, бремя свое бросающего.

Как тяжело в путах состязаться, так и повязанному этой жизнью тяжело восходить на небеса.

Всякое дело порочное возбуждает дьявола, и он, возбужденный, свирепо на возбудившего поднимается.

Если хочешь врага сделать немощным, то свои уменьшай грехи — и, как птица, лишенная крыльев, станет он смеха достоин.

Горе хулителю, ибо запнется его язык и не сможет отвечать Судии.

Горе нечестивому, ибо когда просветятся все, он особенно помрачится.

Горе беззаконнику, ибо к Судье яростному и праведному приступит.

Горе лихоимцу, ибо богатство покинет его, а огонь его примет.

Горе ленивому, ибо станет искать, несправедливо погубив, но ничего не обрящет.

Горе блудному, ибо оскверняет ризу жениха, — пусть из царства брака со стыдом будет изгнан.

Путь к смерти в делах порочных мы видим, в нем неведение Бога, а таковыми бывают блуд, и разбой, и прочие злые дела.

Премудрость Иисуса, сына Сирахова

Всякая мудрость от Господа и с ним во веки: песок морской и капли дождя, и веки Господни кто исчислит?

Кто исследует премудрость, корень премудрости кому открылся, и смысл ее кто уразумел?

Один лишь премудр и грозен весьма, на престоле своем сидящий Господь, который создал ее и увидел, и исчислил ее, и пролил ее на все дела свои, и даровал ее всем, кто любит Его.

Начало премудрости — страх Господень, страх Господень — слава и похвала, и веселье — венец радости.

Страх Господень порадует сердце, даст веселие и долголетие.

Истрашаемуса Господа благо будет в конце, и в день кончины своей благословен он будет.

Великая мудрость — страшиться Господа: насыщается тот от плодов своих, весь дом свой наполнит желаемым и житницы житом своим.

Вънць прѣмудрости — бояти ся Господа: страхъ Господень процвитая миръ и сѣдравие и ицѣление.

Въжделѣвъ прѣмудрости, съблюди заповѣди, и Господь дасть ти ю, прѣмудрость бо и наказание — страхъ Господень и благословление, вѣра и кротость.

Не съкрыва прѣмудрости своя, словѣмъ бо познана будетъ *прѣмудрость твоя*.

Не можеть ярость неправѣдна оправдѣти ся, чясъ бо ярости его — падение ему.

До врѣмене сътрѣпѣть дѣлготрѣпливый — и напоследѣкъ дасть веселіе; до врѣмене съкрыеть словеса своя прѣмудрый.

Не възнеси себе — да не отпадеши, и наведеши на душу свою бешѣстїе, и открьеть Господь тайны твоя, и посредѣ сънѣма низложитъ тя.

Чядо, аште приступаеши работати Господеви, то уготови душу своя въ напасти, управи сѣрдѣце свое и сътрѣпи, и не тѣшѣся въ врѣмя наведе- ния.

Все, елико нанесено ти будеть, — приими съ сѣмѣреніемъ, дѣлго трѣпи: яко огньмъ искушено бываеть злато, а чловѣци прїятни въ верема сѣмѣренїя. Вѣруй ему — и заступитъ тя, и до времени потрѣпи трѣпѣніемъ — и послѣжде ти дасть веселіе. И устыны многыхъ исповѣдять сѣмыслъ его, и въ недузѣ своемъ не прѣзри.

Нѣ помоли ся Господеви, и исцѣлитъ тя, отъложи прѣгрѣшенїя и управи руку, и отъ всякого грѣха очисти сѣрдѣце.

Бояштей ся Господа, вѣруйте ему — и не отпадетъ мзда ваша.

Бояштей ся Господа надѣйте ся на благая, възьрите на пѣрвыя роды и видите: кто вѣровавъ Господеви, постыдѣся? или кто, пребы въ страсъ Его — оставленъ бысть? или кѣто призѣва ѥ — и прѣзѣрѣнъ бысть? — зане штедрѣ и милостивъ Господь и оставитъ грѣхы, и спасаетъ въ врѣмя печали.

Горе грѣшнику, находяштю на два пути.

Горе сѣрдѣцю, ослаблену, яко не вѣруеть.

Горе вамъ, погубивѣшимъ трѣпение — и чѣто сътворите, егда посѣтитъ Господь?

Бояштей ся Господа и не противять ся глаголомъ Его и прѣдъ Нимъ сѣмѣрять душа своя.

Да въпадемъ ся въ руцѣ Господни, а не въ руцѣ чловѣкъ: яко величїе Его, тако и милость Его.

Мене, отѣця, послушайте, чада, и сїце творите — да съпасете ся.

Не прѣрѣкуй противу истинѣ и о ненаказанїи своемъ срамляй ся.

Не постыди ся исповѣдати грѣхы своя, и не стани противу быстринѣ рѣчнѣнѣй, и не покори себе мужю безумьну, и не обини ся лица сїльнааго. До сѣмрѣти противи ся по истинѣ, и Господь Богъ побореть по тебѣ.

Венец мудрости — страшиться Господа: страх Господень мир украшает, здоровье дает и исцеление.

Возжелав премудрости, соблюдай заповеди, и ее тебе даст Господь, ибо премудрость и поучение — страх Господень, благословение, вера и кротость.

Не скрывай своей мудрости, ибо по словам узнают премудрость твою.

Не может неправедный гнев быть оправдан, ибо миг ярости его — его падение.

До конца вытерпит терпеливый — и напоследок получит радость; до конца утаит слова свои мудрый.

Не возносись — и не согрешишь, иначе нанесешь душе своей бесчестие, и тогда откроет Господь тайны твои и среди всех обличит тебя.

Чадо, если приступишь к служению Господу, то приготовь свою душу к напастям, обуздай свое сердце и претерпи, и не смущайся во время бед.

Все, что обрушится на тебя, — прими со смирением и терпением: как огнем очищается золото, так и люди в порыве смирения. Веруй ему — и тебя защитит, до времени потерпи в смирении — и даст тебе радость потом. И устами многих раскроется смысл его, и в немощи своей не отвергай.

Но помолись Господу, и исцелит тебя, отложи прегрешения и протяни руку, от всякого греха очисти сердце.

Страшащиеся Господа, веруйте в него — и не пропадет вам награда.

Страшащиеся Господа, надейтесь на лучшее, взгляните на прежние роды и увидите: кто, веруя в Господа, постыдился? или кто страшился его — и оставлен был? или кто призвал его — и забыт был? — ведь щедр Господь и милостив, и простит нам грехи наши, и спасет во время печали.

Горе грешнику, вступившему на два пути.

Горе сердцу, ослабленному в неверии.

Горе вам, потерявшим терпение — как поступите вы, когда явится наш Господь?

Страшащиеся Господа не противятся словам его и пред ним смиряют души свои.

Пусть впадем мы в руки Господни, а не в руки человеков: каково величие его, такова и милость его.

Вслушайте же, чада, меня, отца, и поступайте так — и спасетесь.

Не борись против истины и невежества своего стыдись.

Не стыдись исповедать грехи свои, не иди против речного течения, не поддавайся неразумному и не восстань против сильного. До смерти сражайся за истину, и Господь Бог защитит тебя.

Не рѣчи: «Много съгрѣшихъ, и чѣто ми бысть?» — Господь бо търпѣливъ есть и оцѣщение бестраха не буди приложити грѣхы на грѣхы; и не рѣчи: «Штедрота Его многа есть, и множество грѣхъ моихъ оцѣститъ» — милость бо и гнѣвъ у него есть, и на грѣшницѣхъ прѣстанеть ярость Его.

Не буди скорь языкѣмъ своимъ, и лѣнивъ и слабъ въ дѣлѣхъ своихъ.

Не буди яко лѣвъ въ дому своемъ и величаяся въ рабѣхъ своихъ.

Не буди рука твоя простѣрта на взятіе, а на даваніе съгъбена.

Не належи имѣннѣ своимъ и не рѣчи: довольнѣо ми есть.

Не ходи въ слѣдъ душа своя и не рѣчи: «Кто мя прѣмощетъ?» — Господь бо мѣстѣи мѣститъ ти.

Не жди обратити ся къ Богу и не отълагай днь отъ дне, напрасно бо изидеть *гнѣвъ* Господень, и въ врѣмя мѣсти погыбнешѣи.

Не належи имѣннѣ неправдѣныхъ, никакаяже ти польза сѣтворитъ въ днь наведенія.

Не ходи всѣяцѣмъ путемъ съ грѣшникѣмъ и двоязычникѣмъ.

Буди утврѣженъ въ разумѣ своемъ, и едино буди слово твое.

Буди скорь въ послушаннѣи своемъ, длѣготърпѣниемъ отъвѣштавай отъвѣтъ, аште есть въ тебѣ разумъ — то отъвѣштай искрѣному, аште ли же нѣсть — то рука твоя буди на устѣхъ твоихъ: яко слава и бешѣстѣе — въ бесѣдѣ и языкѣ чловѣчъ — падение ему есть.

Не словѣи шѣпѣтникъ и языкѣмъ своимъ не лукуй, зазоръ бо зѣлъ на иноязычнѣмъ.

О велицѣи и о малѣ не разумѣвай, и въ друга мѣсто не буди врагъ: имя бо лукаво поношеніе наслѣдитъ, тако и грѣшнѣи и двоязычнѣи.

Душа лукава погубитъ сѣтворѣшааго ѣи, и радости врагомъ своимъ сѣтворитъ.

Грѣтанъ сладкъ умножитъ другы, и языкъ доброглаголивъ умножитъ добру бесѣду.

Сѣмиряющѣи ся съ тобою да будутъ мнози, сѣвѣтѣници же твои — одинъ отъ тѣсущѣи.

Аште сѣтвориши друга, то въ напастѣхъ си и сѣтвори и, и не скоро увѣри ся ему.

Есть бо другъ въ врѣмя *радости* и не прѣбудетъ въ днь печали твоея: и отъ другъ прѣмѣнуяся и бывая врагъ, и сваръ поношенія твоего отъкрыетъ.

И есть другъ, тряпезамъ обѣшѣтникъ, и не прѣбудетъ въ днь скѣрби ти, а и въ добръ твоемъ будетъ якоже и ты, и на рабы твоя простѣретъ ся, а аште сѣмѣренъ будешѣи, то и на тя будетъ, и отъ лица твоего скѣрѣтѣся. Отъ другъ своихъ отълучи ся и отъ другъ своихъ вѣнѣмай.

Другъ вѣрнѣи — кровъ крѣпкъ, обрѣтѣи же его обрѣте сѣкровиште: другъ вѣрнѣи — утѣха житію.

Не говори: «Согрешил я много, так что мне будет?» — ибо Господь терпелив и простит тебя, если не станешь прикладывать ко грехам грехи; и не говори: «Щедрость его велика, и много грехов моих он простит» — ибо есть у него и милость, и гнев, и на грешников ляжет ярость его.

Не будь скор на язык свой и медлен и слаб на дела свои.

Не будь львом в доме своем, кичась пред рабами своими.

Пусть не будет рука твоя протянута, чтобы взять, а если дать, то согнута.

Не полагайся на богатство свое и не говори: довольно мне.

Не следуй душе своей и не тверди: «Кто меня осилит?» — ибо мстящий Господь отомстит тебе.

Не жди удобного времени, чтобы обратиться к Богу, откладывая это со дня на день, ибо неожиданно изыдет Господень гнев и от мести погибнешь.

Не полагайся на несправедное богатство, не поможет тебе в день Судный.

Никаким путем не иди ни с грешником, ни с обманщиком.

Утвердись в мысли твоей, и верным пусть будет слово твое.

Внимательно вслушиваясь, обдуманно отвечай, и если умный готов у тебя ответ — отвечай собеседнику, если же нет — возложи руку твою на уста твои: и слава и бесчестие — в разговоре, и язык человека — враг его.

Сплетником не слыви и языком своим не лукавь, ибо великий позор клеветникам.

В малое и великое не вникай, и из друга не становись врагом: ведь имя лукавца заслужит презрение, как грешника и обманщика.

Душа обманщика погубит обманувшего, и радость врагам своим он тем доставит.

Сладость в гортани умножит друзей, а красноречивый язык — добрую беседу.

В союзе с тобою пусть будут многие, советником же твоим — один из тысячи.

Если изберешь себе друга, то только в несчастьях, и притом не сразу доверься ему.

Ибо есть друг на время радости, он не останется в день печали твоей: и из друзей превратятся во врага, брань оскорблений на тебя низвергнет.

А есть друг — соучастник в пирах, не будет его в день скорби твоей, но в богатстве твоём останется при тебе, и к рабам твоим потянется, а если кротко это снесешь, и против тебя поднимется и от лица твоего скроется. От друзей своих отрекись — и к друзьям своим прислушайся.

Верный друг — защита твердая, и обретший его обрел сокровище: верный друг — утешение жизни.

Бояشتهи ся Господа обряштють его.

Чядо, отъ уности своя избери наказание и до съдины обряштеши мудрость.

Якоже орай и якоже съяй, тако приступи къ ней и жиди благыхъ плодъ ея.

Въ дѣланьи бо ея мало потрудиши ся и скоро имаши ясти отъ *житъ* ея благая.

Прѣмудрость бо имя ея есть, и не многимъ есть явлена.

Слыши, чадо, и сътвори *волю* мою, и не отъверзи *свѣта* моего, и въведи *нозѣ свои* въ пута ея, и въ гривну ея — выю свою, подложи рамо свое и *поноси* ю — и да не будутъ *узъкы* узы ея.

Всею душою своею приступи къ ней, и *всею силою своею съблуди* пути ея, ислѣди и *изишти* и познана ти будетъ, и *самъ* ся за ню не *оставиши*, напоследъкъ бо обрящеши покой ея, и обратитъ ти ся на веселие. *И будутъ* ти пута ея на покровъ *крѣпости*, и гривны ея на одѣние славы, *красота* бо злата есть на ней, и узы ея — извитье камене драгааго.

Въ одежду славы облѣчеши ся ею и вѣнъць радости възложиши на ся.

Аште въсхоштеши, чадо, наказанъ будеши, и аще въдаси душу свою — то разумнъ будеши, и аште възлюбиши слышати — то поживеши, и аште приклониши ухо свое — то мудръ будеши.

Чадо, въ мно́жествѣ старьць стани и аште кѣто е прѣмудръ, томъ ся прилѣпи, всяку повѣсть въсходи слышати, и притѣча разума не убѣжитъ тебе.

Яште узриши разумива, то утрьной къ нему, и степени двѣрий его да търеть нога твоя.

Не твори зѣла, да не постигнеть тебе зѣло, отъступи отъ неправды и уклонить ся отъ тебе.

Сыне, не сѣй на браздахъ неправды — и не пожънеши ихъ седмерицею.

Не проси у Господа владычества, ни у князя сѣдалища славна.

Не оправдай себе прѣдъ Богъмъ и паче цесаря не прѣмудрай ся.

Не ишти да буди судии, еда не мошти начънеши неправды отълучити, еда како убоиши ся отъ лица сильнааго и положиши блазнъ въ правости своеи.

Не съгрѣшай въ мно́жествѣ граду, ни низложи себе въ народъ.

Не сътвори дѣвоици грѣха — в одинѣмъ бо повиннъ будеши.

Не ругай ся чловѣку въ горести душа его сушти: есть бо съмѣряяй и въносяй.

Не глаголи на брата неправды, ни другу того сътвори, *еже ти себѣ* не (хоштеши).

Не въсхотѣи лѣгати всякая лѣжа, воинство бо ея не благо.

Не примѣшай себе мно́жества грѣшникъ, помяни, яко гнѣвъ Господень не замѣдлитъ.

Страшашися Господа его обретут.

Чадо, в юности предпочти науку — и тогда до седин обретеши премудрость.

И как пашущий и как сеющий, приступи к ней так и ожидай благих плодов ее.

В работе над ней даже если мало потрудишься, но скоро будешь есть от плодов ее.

Ибо мудрость имя ее, и не многим она является.

Слушай, чадо, и соверши мою волю, и не отвергни совета моего, и вложи ноги твои в путы ее, и в колодку ее вложи шею, подставь плечо свое и носи ее — и пусть не будут тесными узы ее.

Всею душою своею приступи к ней, и всею силой своей исполни пути ее, исследуй и взыскуй — и познаешь ее, и сам уж ее не оставишь и наконец обретеши с ней покой, и обратится в радость тебе. И станут путы ее покровом твердости, и колодки ее одеждой славы, ибо золота блеск на ней и узы ее — ожерелье из драгоценных камней.

В одежды славы облечешься ею и венец радости на себя возложишь.

Если захочешь, чадо, научишься, и если вложишь душу свою — будешь разумен, и если полюбишь слушать — всё получишь, и если преклонишь ухо свое — станешь мудрым.

Чадо, средь множества старцев встань и выбери самого мудрого, к нему подойди и все, что скажет, выслушай, и тайны разума не избегут тебя.

Если встретишь разумного, то поспеши до света к нему, и ступени крыльца его пусть сотрет нога твоя.

Не делай зла, и не постигнет тебя зло, отступи от неправды — и отойдет от тебя.

Сын, не сей на межах неправды — и не пожнешь ее семикратно.

Не проси ни у Господа власти, ни у князя места почетного.

Не оправдывайся перед Богом и больше царя не мудрствуй.

Не старайся выйти в судьи: вдруг не сумеешь побороть неправду, вдруг устроишься лица владыки и слушаешь в своем правосудии.

Не согрешай перед множеством сограждан, не избличай себя перед толпой.

Не сотвори греха дважды — уже в одном виновен.

Не насмехайся над человеком, в горести пребывающим: ибо есть смиряющий и возносящий.

Не изрекай лжи на брата, и другу не сотвори того, чего для себя не хочешь.

Не пожелай и лгать бесконечной ложью, ибо ее постоянство — не благо.

Не смейся со множеством грешников, помня, что гнев Господень не замедлит.

Не измѣни друга различия дѣля, ни брата приснааго злата дѣля и камене драгааго.

Не *лиши* ся жены мудры и блага: *благодѣть* бо ея *есть* паче злата.

Не озълوبي раба, дѣлаюшта въ истину, ни *наимъника*, дѣлаюшта душою своею.

Раба разумива да любить душа твоя и не лиши его свободы.

Су ли ти чада, то наказай я и прѣклони отъ уности выя ихъ.

Су ли ти дѣштери, то внимай тѣлесемъ ихъ и не утишай к нимъ лица своего.

Вѣдай дѣштеръ — и будеши съвѣршилъ дѣло велико, и мужеви разумиву вѣдай ю.

Е ли ти жена душевѣна, то не изгони ея, и ненавидяшти тебе — не вѣруй ей.

Всѣмъ сѣрдьцѣмъ своимъ прослави отьця своего, и матерѣня болѣзни не забуди, *помяни*, яко тѣма *рожденъ еси*, *ничѣто има* въздалъ еси, *якоже та тебѣ*.

Всѣю душою своею работай Господеви, иереомъ его покарайся; всѣю душою своею възлюби Сътворышааго тя и служитель его не оставляй.

Бой ся Господа и прослави иерѣя, и дай часть его, *якоже* ти *есть* заповѣдалъ Господь начатъки о сѣгрѣшениихъ и жертву святыня. Ништиимъ простѣри руку свою, да съвѣршится ся благословление и *благодать* даяния прѣдъ всѣацѣмъ живѣмъ.

И надъ мрътвѣци не възбрани *благодѣти* и не лиши ся отъ плачюшти-ихъ ся, и съ желѣюштиими *сѣтуй* и не лиши ся посѣштяющихъ, — сими бо възлюбленъ будеши.

Въ всѣхъ словесѣхъ своихъ поминай послѣдняя своя и Судъ *страшный* — и въ вѣкы не сѣгрѣшиши.

Не сvari ся съ чловѣкъмъ сильнѣмъ, еда како въпадеши въ руцѣ его.

Не *тишти* ся с чловѣкъмъ сильнѣмъ, еда како отягчить ти мѣру: *многы бо погубило* *есть* злато, и сѣрдьца *нѣ на земѣ* уклонило.

Не сvari ся съ чловѣкъмъ язычныѣмъ, и не накладай на огонь его дровъ.

Не играй съ ненаказанымъ — да не примутъ бешѣстия прадѣди твои.

Не безъчѣстуй чловѣка въ старости его: и отъ насъ бо състарѣются.

Не радуй ся о умѣршнихъ, помяни, яко вси умираемъ.

Не прѣзри повѣстий мудрыхъ и въ притѣчахъ ихъ живи, яко отъ нихъ навѣкнеши наказание и послужиши вельможамъ.

Не отъступай отъ повѣстий старѣчь, *и ти* бо навѣкли суть отъ отьцъ своихъ, да навѣкнеши отъ нихъ и ты разуму, и въ врѣмя подобно вѣдаяти отвѣтъ.

Не меняй друзей разнообразия ради, и брата родного ради золота и драгоценного камня.

Не бросай жены мудрой и доброй: ведь ее благодать дороже золота.

Не оскорби раба, работающего старательно, ни работника, трудящегося с душою.

Раба разумного пусть возлюбит душа твоя, не лиши его свободы.

Если есть у тебя дети, их поучая, склони уже с юности шеи их.

Если есть у тебя дочери, заботься о теле их, и не оставляй их своим вниманием.

Выдай дочь — и совершишь великое дело, только мужу разумному отдай ее.

Если есть у тебя жена душевная — не выгоняй ее, а ненавидит тебя — так не верь ей.

Всею сердцем своим восхвали отца своего, и про материнские не забудь муки, помни, что ими рожден, и ничем не воздал им так, как они тебе.

Всею душою своей послужи Господу, иереям его покоряйся; всею душою своею возлюби Сотворившего тебя и служителей его не оставляй.

Бойся Господа и почти иерея, отдай долю его, как заповедал Господь, начав с согрешивших и принесших святую жертву. Нищим протяни ты руку свою, чтобы совершилось благословение и благодать даяния перед всяким живым.

И над мертвым не откажись сидеть, не уходи от плачущих, и с печальными сетуй и не оставь посещающих, — всеми ими возлюблен будешь.

Во всех словах своих помни о конце света и Страшном суде — и не согрешишь во веки.

Не бранись с человеком могущественным, не то попадешь к нему в руки.

Не спорь с человеком могущественным, не то умножит тебе забот: многих сгубило золото и сердца до земли свалило.

Не бранись с человеком бранчивым, не подкладывай дров в огонь его слов.

Не глумись над невеждой — и не примут бесчестья предки твои.

Не бесчесть человека в старости его: и от нас ведь состареваются.

Не радуйся об умерших, помни, что все умрем.

Не отврати объяснений мудрых и по поучениям их живи, потому что из них и наставление получишь и послужишь вельможам.

Не отступись от заветов старцев, ведь и те восприняли их от отцов своих, наберись и ты из них разума, чтобы в нужное время дать ответ.

Не дай чловѣку крѣпльшу тебе въ заимъ, аште ли въдаси *бо ему* въ заимъ — то будеши *яко и* погубивъ е.

Не поручай ся выше силы своя, и аште поручиши ся, то пыци ся, *яко и* въдаи.

Не сvari ся съ судиею *по прежѣ* бо судять ему.

О званіи сильныхъ

Егда тя призоветь *сильный* — то отъступай, и егда паче призоветь тя — то не нападай, да не *отъринеша себе*, и не стани далече — да не забъвень будеши.

Не належи равнь быти съ нимъ и не вѣруй *многымъ словесымъ* его, многою бо бесѣдою искуситъ тя; и *яко смѣяти* ся испытаетъ тя, съблюди и вѣнмай вельми, *яко съ падениемъ своимъ* ходиши.

Богатый бо колѣбля ся утвърждаетъ ся други, убогий же съпадъ ся пориновень будетъ другъ его.

Богату съблазнившу ся, мнози заступници и глаголы *неиздречеными* оправдать и.

Убогъ же съблазни ся — и припрѣтиша ему, и извѣшта разумъ — и не даша ему мѣста.

Мързость гърдому — съмѣрение, такожде и же мързость богатому — убогын.

Богатый възглагола — и *вси умѣлкоша*, и *слово его* възнесоша до облакъ, убогий же възглагола — и вси рекоша: «Чѣто съ есть?» — и аште потъкнуть ся, въздринуть и.

Добро есть богатство, въ немъ же нѣсть грѣха, а зѣло есть ништета въ устѣхъ нечѣстиваго.

Чловѣку завидьливу нелѣпо е богатство: ниже есть себѣ зѣлъ, иному добръ будетъ? Возвесели ся въ имѣнии своемъ?

Завидьливу *у* себя нѣсть зѣлѣйша, и се въздание зѣлобѣ его: аште и добро сътворитъ, то забывъ ся творитъ, и на послѣдѣкъ изнесетъ зѣлобу свою.

Око лихоимця не насытитъ дорѣсти, и *обида* лукавааго исушаетъ душу его.

Око лукаво завидьливо о хлѣбѣ, и скудно на трапезѣ своей.

Нѣсть веселия паче радости срдьчныя, лучше есть съмъртъ паче живота горька.

Лѣсти душу свою веселиемъ и тѣши срдьце свое, и печаль далече отърини отъ себе — да не въскорѣ състарѣеши ся.

Красна есть милостини въ врѣмя скѣрби, якоже и облаци дѣждевнни въ время ведра.

Не давай займы человеку, который тебя сильнее, ибо если дашь ему что займы, считай, что сгубил это.

Не поручайся сверх своих возможностей, а поручился — отвечай, как и дающий.

Не ссорься с судьей прежде, чем он рассудит тебя.

О приглашении со стороны сильных

Когда призовет тебя сильный — отступи, если и снова тебя призовет, не приближайся — и не отвергнут тебя, однако не стой далеко — и не будешь забыт.

Не старайся быть равным с сильным и не всем словам его верь, ибо речами он проверяет тебя; и если со смехом пытается тебя, берегись, будь внимателен, ибо ходишь рядом с паденьем своим.

Пошатнувшись, богатый утверждает в друзьях, бедный же, пав, будет оставлен друзьями своими.

Когда ошибется богатый, много заступников и словами несказанными оправдают его.

Бедный же ошибся — и наказали его, произнес разумное, — но не дали ему места.

Мерзко гордому — смирение, как и богатому мерзок — бедный.

Богатый заговорил — и все умолкли, и речи его вознесли до облаков, а бедный заговорил — и все сказали: «Что это такое?» — а если оступится, еще и подтолкнут его.

Богатство, в котором нет греха, — добро, — но в устах нечестивого и бедность — зло.

Завистливому человеку не пристало богатство: разве тот, кто к себе зол, к другому будет ли добр? Радовался ли он имению своему?

Нет хуже того, кто даже к себе скуп, и вот расплата за порок его: если добр и творит, то ненамеренно, и всегда выкажет свой характер.

Око лихоимца не насытится лихвой, а обида лукавого иссушает душу его.

Око лукавое завистливо на хлеб, но скудно за своим столом.

Нет веселия больше сердечной радости, и лучше смерть, чем горькая жизнь.

Душу свою упокой весельем и сердце свое утешь, и печаль подальше гони от себя — и не скоро состаришься.

Красна милостыня во время скорби, как и облака дождевые в жаркую погоду.

Братия и помощь въ время скорби, и *паче* обоего — милостыни избавить. Имѣние и крѣпость възносить сердце, обаче обоего — страхъ *Господень*.

⟨...⟩

О всякомъ дѣлѣ буди бѣдръ, и всякъ недугъ не приступить къ тебѣ.

Чядо, въ животѣ своемъ искуси душу свою и виждь; чѣто ей есть зѣло и не дажь ей: не ключить бо ся все всѣмъ, не всяка душа въ всемъ благоволить. И не прѣсыштяй ся въ всякой пишти и не разливай ся на различнѣ брашнѣ.

Въ мнозѣ бо брашнѣ недугъ бываетъ и прѣсыщение до кручины доидеть, прѣсыщениемъ бо мнози умьроша — помняй *же се*, приложить ся животѣ.

Нѣсть убо добро не хранити ся отъ всякого суда.

Чядо, якоже имаши добро сътвори себѣ и приношения Богу приноси достойно, помяни, яко смѣрть не замѣдлитъ, и завѣтъ адовъ не показнѣ бысть.

Даже не умьреши, добро сътвори другу и по силѣ своей простѣри руку, и даждь убогимъ по силѣ своей.

Не лиши ся добра, и чясть добра не минеть тебе; и не инѣмъ ли оставиши тяжание свое, и труды твоя на раздѣление жрѣбня, яко нѣсть въ адѣ искати пишта?

Чядо, не люби множества неключима и не весели ся о сынѣхъ ненаказанныхъ — рекѣше нечѣстивыхъ; аште и умножать ся. Не весели ся о нихъ, аште нѣсть страха Господня съ ними. Не вѣруй животу ихъ, въздыхание бо и плачь невидимъ — и вѣнезапу коньчину ихъ разумѣши.

Луче бо е одинъ, нежели тысяшти, и умрети добрѣ бештядъ, нежели имѣти чада невѣрна. Отъ единого бо разумива уселить ся градъ, колѣно же безаконныхъ опустѣть: многого сицего видѣ око мое.

Чловѣкъ мудръ въ всемъ угодить, и въ дни грѣха уклонить ся съгрѣшения, всякъ разумивый познаеть мудрость.

Разумнии словесы ти умудриши ся и *удръжашя* притѣчя испытаны.

Дѣлатель пияница не *обогатѣть*.

Медъ и жены отворятъ разумныя, и прилѣпляяй ся любодѣицяхъ дѣрзѣи будетъ.

Слыша ли слово тайно — да умреть съ тобою, и не всякому словеси вѣру емли.

И *одѣние* мужа, и смѣяние зубъ, и ступание чловѣка възвѣститъ яже о немъ.

Есть мълча обрѣтая ся мудръ, есть другой ненавидимъ многою бесѣдою, и есть мълча не имать бо отъвѣта.

Чловеѣкъ мудръ умълчить до времени, и умножай словеса мързѣкъ будетъ, гърдяй ся — възненавидѣнъ будетъ.

Братство и помощь во время скорби, но больше обоих — милостыня спасет. Богатство и твердость возносят сердце, но больше обоих — страх Господень.

⟨...⟩

Во всяком деле будь смел, и никакой порок не подступит к тебе.

Чадо, жизнью своей испытай свою душу и пойми, что ей вредно и не дай ей этого: не годится ведь все и всем, не всякая душа всему благоволит. Не пресыщайся всякою пищею и не набрасывайся на различные яства.

От многих яств возникает недуг, и пресыщенье доведет до кручины, от пресыщенья многие умерли — об этом помнящий продлит свою жизнь.

Ничего хорошего нет в том, чтобы не остерегаться суда.

Чадо, если есть у тебя добро — приноси достойное Бога подношение, помни, что смерть не замедлит, и завет ада не объявлен.

Пока не умрешь, твори другому добро и по силе своей протяни руку, подавай убогим по силе своей.

Не отказывайся от добра, и часть добра не минет тебя; и не другим ли оставишь стяжание свое, и труды твои на раздел по жребию, ведь не станешь в аду искать сласти?

Чадо, не ходи на бесполезные сборища и не радуйся невеждам, то есть нечестивым; если и умножатся. Не радуйся им, если нет страха Господня с ними. Не доверяйся обманчивой их жизни, ибо вздохи и плач невидимы — и внезапно конец их постигнешь.

Ибо лучше один, чем тысячи, и лучше умереть бездетным, чем иметь нечестивых чад. Ведь и от одного разумного заселится град, тогда как поколение неразумных исчезнет: много подобного видело око мое.

Мудрый человек во всем угодит и в дни греха избежит согрешений, всякий благоразумный познает мудрость.

Разумные речами умудрились и сохранили в точности притчи.

Работник пьяница не разбогатеет.

Мед и женщины отвратят разумных, а приставший к любodeйцам наглее будет.

Услышал тайное слово — пусть умрет с тобою, да и не всякому слову веру давай.

И одежда человека, и лица усмешка, и походка его — все скажут о нем.

Есть молчаливый из мудрости, есть и другой, за велеречивость отвергнутый, но есть молчаливый оттого, что не знает ответа.

Мудрый человек промолчит до времени, а множащий словеса становится мерзок, заносчивого — возненавидят.

Даяние безумнааго не сътворитъ польза никоеже: мало бо въдасть, а мѣного испоноситъ.

Поплзение отъ земля добрѣ паче, нежели отъ языка.

Усты безумнааго отъвѣржена будетъ притѣча, не речетъ бо ея въ время свое.

Порокъ зълъ чловѣку лъжа, и въ устѣхъ ненаказанныхъ присно будетъ.

Уне е тать, неже лъжа присно, оба же пагубу наслѣдуета.

Мъзда и дарове ослѣпляютъ очи мудрыхъ, да видяштеи не видятъ.

Студъ отцю о ненаказании рожденааго отъ него.

Дѣшти же на умиление будетъ, дѣшти мудра почѣститъ мужа своего.

Отца и мужа посрамить дѣрзая, и отъ обою приметъ бѣшьстие.

Надъ мѣртвыимъ плачи ся — отъиде бо свѣта, и безумнааго плачи ся — иштезе бо отъ него разумъ.

Вѣргый на пѣтицѣ камень отъгонитъ ѣ, тако же иже поноситъ другу своему — разоритъ дружбу.

За друга аште отъвѣрзеши уста — не стыди ся, есть бо сѣмѣреніе.

Не кльни ся именемъ святого: чловѣкъ кльнии ся мѣного испълнитъ ся безаконія, и не отъиметъ ся отъ дому его рана, и аште сѣгрѣшитъ — грѣхъ его на немъ.

Чловѣкъ, сълазя отъ одра своего, глаголя въ души своеи: «Кто мя видить? — и стѣны застоятъ мя, и никѣтоже мене видить, яко и крыю ся грѣхъ моихъ, — и не въспоманетъ Вышній». И почи чловѣчскѣ страхъ его. И не разумѣ, яко очи Господни — тѣмаи есть свѣтлѣйше сѣлнѣця, призирающи на всѣя пути чловѣчскыя и сѣматряюшти въ тайныхъ мѣстѣхъ, и разумѣютъ оставльшен, яко ничѣтоже луче страха Господня, и ничѣтоже слаже, еже вѣннимати заповѣдѣмъ Господнямъ.

Стыди ся отця и матери — блудѣмъ, сильнааго и властелина — о лъжи, судія и кнѣзя — о сѣгрѣшеніи, събора и людии — о безаконіи, обышѣтника и друга — о неправдѣ, мѣста, на немъже живѣши, — о татѣбѣ и правды Божія и завѣта Его.

Храни ся отъ словесъ поносѣнныхъ на другы, и не поноси ти давѣшу, и не стыди ся о сихъ.

И на судѣ не оправдай нечѣстива.

О дѣрзости

Сѣ дѣрзѣмъ не ходи на путь — да не вѣстанетъ на тя, тѣ бо сътворитъ по силѣ своей, и въ неразуміи его погынеши.

Сѣ ярѣмъ не сvari ся и не ходи с нимъ сквозѣ пустыню, предѣ очима бо его крѣвь яко ничѣтоже есть, и идеже не будетъ помошти, то ту и низложитъ тя.

Сѣ уродивымъ свѣта не твори, не можетъ бо словесе дѣржати.

Дар неразумного не принесет никакой пользы: ибо мало даст, но многое выбранит.

Неверный шаг по земле все же лучше, чем языка ошибки.

Устами неразумного будет отвергнута притча, ибо не скажет ее когда следует.

Злой порок человека — ложь, и в устах невежд навсегда останется.

Лучше уж тать, чем вечная ложь, но оба равно уничтожатся.

Мзда и взятка ослепляют очи мудрых, так что и зрячие не видят.

Стыд отцу за невежество от него рожденного.

Дочь же на радость будет, мудрая дочь принесет почести и мужу своему.

Отца и мужа посрамит дерзкая, и от обоих примет бесчестие.

Плачь над мертвым — он лишился света, но оплачь и безумного — разум его покинул.

Кинувший камень в птиц их отгонит, тот же, кто друга своего бранит, разрушит дружбу.

Если на друга поднимешь голос, не скорби, ибо есть примирение.

Не клянись именем святого: человек, клянущийся часто, преисполнится беззакония, и не покинут дом его беды, и если согрешит — его грех на нем.

Человек, встающий с постели своей, говорящий в душе своей: «А кто меня видит? — и стены меня заслоняют, и никто не видит меня, так и скрою грехи свои, и не вспомнит Всевышний». Боится он глаз человека. И не понял, что очи Господни — и во тьме ярче солнца, взирают на все пути человеческие и видят в самых тайных местах, и понимают спасенные: ничего нет лучше страха Господня, и ничего нет слаще, как внимать заповедям Господним.

Стыдись отца и мать — из-за блуда, вождя и вельможу — из-за лжи, судью и князя — из-за согрешений, людей и совета — из-за беззаконий, соратника и друга — из-за неправды, места, на котором живешь, — из-за разбоя и измены правде Божьей и завету Его.

Остерегайся слов бранных на друга, но не брани их сказавшего и не стыдись за них.

И на суде не оправдывай нечестивца.

О жестокости

Одним путем не ходи с жестоким — и не поднимется на тебя, ибо поступит он по нраву своему, и в его безрассудстве погибнешь.

С яростным не спорь, и не иди с ним через пустыню, ибо кровь для него — ничто, и когда не будет помощи, тут же уничтожит тебя.

С глупцом не советуйся, ибо не сможет он слова сдержать.

Прѣдъ чюждиими не сътвори ничѣто же тайна: не вѣси бо, что ти сътворять.

Не являй всякому чловѣку сѣрдьца своего, да не възнесеть ти хвалы.
Не даждь женѣ душы своя, наступити ей на крѣпость твою.

Не сѣрѣтай жены блудница, да не како въпадеша въ сѣти ея.

Дѣвы не съматрай, еда како съблзаниши ся въ опитимияхъ ея.

Не даждь блудницамъ душы своя, да не погубиши наслѣдия своего.

Отъврати очи свои отъ жены красны и не глядаи чужея доброты, въ добротѣ бо женскѣй мнози заблудиша и *похоть* отъ нея, яко огонь разгараеть ся.

Съ мужатицею отинудъ не посѣди и не побесѣдуй съ нею въ винѣ: еда како уклонитъ ся душы твоя на ню — и духомъ своимъ поплѣзнеша ся въ пагубу зѣлѣ.

Не рѣвнуй славу грѣшника: не вѣси бо, како будетъ раздрушение его.

Не оставляй старааго друга: новый бо нѣсть тѣчньему.

И съ мудрыми сѣвѣшавай, и съ разумными буди размышление твои, и вся повѣсти твоя въ законѣ вышньаго.

Мужи правдыни да обѣдають съ тобою, и въ страсть Господни буди похвала твоя.

Прѣмудръ судии накажеть луди своя, и владычество разумивааго учинено будетъ; и акоже будетъ судии людемъ своимъ, такъ же и слугы его.

<...>

Не дръжи гнѣва на ближняаго своего, и не сътвори ничѣсоже въ дѣлѣхъ досягденія; възненавидѣна прѣдъ Богомъ и чловѣкы гърдыни, и отъ обоихъ сѣгрѣшитъ неправда.

<...>

Неправо есть укарати убога разумива, и неподобно есть славити мужа грѣшна.

Самъ испърва сътвори чловѣка и остави и въ руцѣ мысли своя. Иште хочеша — съблюдеши заповѣди, и вѣру *сътвориши* благоволения.

Прѣдъложилъ ти огня и воду: на неже аште хочеша — простѣреша руку.

Прѣдъ чловѣкомъ животъ и смѣръть, и еже аште изволить — дасть ся ему: яко многа прѣмудрость Господня.

Крѣпкъ силою и зряй всего, и очи Его на бояштинѣхъ ся его, и Тѣ познаеть всяко дѣло чловѣчско.

Не заповѣдалъ ни одному же бешѣствовати, и не дасть ослабы ни одному же сѣгрѣшати.

Обраштая ся къ Богу, огрени ся грѣха, и отъврати ся отъ неправды, и зѣло възненавиди мързость.

Първѣ даже въ недугъ не въпадеша съмѣри себе, и въ *врѣмя грѣхъ* обрати ся къ Господу.

Пред чужими не совершай ничего тайного, ибо не знаешь, как поступят с тобою.

Не являй своего сердца всякому человеку, чтоб не вознес он тебе хвалы. Женщине не открывай души своей, не дай наступить ей на твердость твою.

Не встречайся с женщиной блудной, и не впадешь в ее сети.

На деву не взглядывай, не то соблазнишься ее чарами.

Не дай блудницам души своей и не погубишь наследия своего.

Отврати очи свои от красивой женщины и не любуйся чужой красотой, ибо в женской красоте погибли многие, и похоть от нее огнем распалается.

С замужней никогда не сиди и не беседуй с нею по *⟨какому-либо⟩* поводу: а вдруг как душу твою привлечет — и духом своим поскользнешься в большую беду.

Не завидуй славе грешника, ибо не ведаешь, как он погибнет.

Не оставляй старого друга, ибо новый его не заменит.

И с мудрыми советуйся, и с разумными входи в размышление, и все дела твои идут по законам Всевышнего.

Мужи праведные пусть вкушают с тобою, и в страхе Господнем будет хвала тебе.

Мудрый судья научит людей своих, и власть разумного пусть установится; каков будет судья к своим людям, таковы же и слуги его.

⟨...⟩

Не держи гнева на ближнего своего, не принимай участия во вредных делах; ненавистна и Богу и людям гордыня, и в обоих случаях согрешает несправедливость.

⟨...⟩

Несправедливо укорять разумного бедного, и не следует славить мужа грешного.

Сам *⟨Бог⟩* вначале сотворил человека и оставил его в деснице воли своей. Если пожелаешь, соблюдешь заповеди и исполнишь веру благоволения.

Предложил тебе огонь и воду: протянешь руку к тому, к чему захочешь.

Пред человеком жизнь и смерть — и то ему дастся, что он выберет: велика мудрость Господня.

Крепок силой Всевидающий, и очи его — на страшящихся его, и ведает он все дела человеческие.

Заповедал никому не быть в бесчестье, никому не попустил согрешать.

Обращаясь к Богу, воздержись от греха, отвратись от неправды и отрекись от скверны.

И пока еще ты не впал в недуг, смири себя, а в грехах обратись к Господу.

И не замѣди въздати молитву въ врѣмя, и уготови себе *и не буди*,
яко чловѣкъ, искушая Бога, помяни гнѣвъ въ днь съкончания своего.

Добро *есть обличати*, нежели ярити ся.

Обличи друга: многашѣды бо бываетъ клевета; и не всякому словеси
вѣру емли.

Словеса притѣчная

Прѣмудрыи словеса *прѣдвѣдѣть* ся, и чловѣкъ мудръ годѣ будетъ
вельможамъ.

Луче чловѣкъ, съкрывая *буесть* свою, нежели съкрывая мудрость
свою.

<...>

Познанъ есть издаlechя сильный языкъмъ своимъ.

Разумивый же вѣсть, въ чемъ ся поплѣзаетъ.

Сърдце буюго яко съсудъ утѣль: всякого разума не удържитъ.

Слово мудро аште услышитъ разумивый, въсхвалитъ е и къ нему
приложить.

Боголишивый же смѣхъмъ възнесетъ гласъ свои, мужъ же мудръ одѣва
осклабитъ ся.

Осквърняетъ свою душу шѣптъникъ.

Якоже сълѣплай съсудъ изломленъ, такоже учий безумнааго.

Иже повѣдаетъ безумному — и *на коньци* речетъ: «Чѣто бѣ?»

Дѣвѣ вѣшти умножаетъ грѣхы, и *третья* — идеть гнѣвъ.

О женахъ зѣлыхъ и добрыхъ. Мала есть *вся зѣлоба* противу зѣлобѣ
женскѣй, жрѣбий грѣшника да испадеть на ню.

Жена *лукава* — язва сърдечная.

Отъ жены начятъкъ грѣху — и тою вси умираемъ.

Не *даждь женѣ* дръзновения на тя глаголати, аште *не ходитъ подѣ*
рукою ти, отѣсѣци ю отъ плѣти своя.

Жены добры блаженъ есть мужъ ея, и число днии его сугубо.

Жена добля веселитъ мужа своего, и *лѣта его* исполнить миръмъ.

<...>

Жену мудру не удобъ обрѣсти.

Въ женахъ рѣдко обрящещи истину.

О женѣ лукавѣ. Волю жити съ лѣвъмъ, неже съ женою лукавою.

Лукавство жены измѣняетъ зракъ ея, и посупляетъ лице свое.

<...>

Якоже емляя ся за стѣнь и *гоняй* вѣтры, такоже емляя вѣру съномъ.

И не медли воздать молитву вовремя, и приготовь себя, не будь человеком, искушающим Бога, помни о гневе его в день кончины своей.

Лучше обличать, чем гневаться.

Обличи друга: часто находит клевета; и не всякому слову веру давай.

Изречения

Премудрый словами руководствуется, и мудрый человек всегда полезен вельможам.

Лучше человек, скрывающий свою необузданность, чем скрывающий мудрость свою.

⟨...⟩

Издали познается сильный по своим речам.

Умный знает, на чем поскользнется.

Сердце вспыльчивого как утлый сосуд: никакого разума не удержит.

Если мудрое слово услышит разумный, оценит его и к себе применит.

Глупый со смехом возвысит свой голос, мудрый же человек едва улыбнется.

Душу свою оскверняет сплетник.

Что тот, кто чинит сосуд разбитый, то и учащий глупого.

Кто скажет глупцу — пусть в конце переспросит: «Что я сказал?»

Две вещи грехи умножают, а третья наводит — это гнев.

О женах злых и добрых. Всякое зло мало против зла от женщин, жребий грешника пусть выпадет ей.

Жена лукавая — язва сердца.

От женщин начало греха, из-за нее умираем все.

Не разрешай жене на тебя наговаривать, и если не ходит она под рукою твоей, отсеки ее от плоти своей.

У доброй жены блажен муж ее, и число его дней удвоится.

Жена хорошая радуется мужа своего и годы жизни его наполнит миром.

⟨...⟩

Мудрую жену не просто найти.

У женщин редко узнаешь правду.

О жене лукавой. Предпочти жить со львом, чем с женой лукавой.

Лукавство женщины изменяет вид ее, и омрачает лицо ее.

⟨...⟩

Подобны хватающим тень и бегущим за ветром те, кто верит в сны.

Духъ бояштинхъ ся Господа поживеть, надежда бо ихъ на Спасающаго я, бои ся Господа ничимъже постыдить ся, очи бо Господьни на бояштя ся Его.

Благословение Господьне еже отъступити отъ грѣхъ, и оцѣштение еже отъступити отъ неправды.

Приносяй ся жертву отъ неправды, приношение его небрѣгомо есть, ни множествъмъ жрътвъ не отпуститъ ся грѣхъ.

Якоже закаляй сына прѣдъ отьцъмъ его, тако приносяй жрътву отъ имѣния убогихъ.

Хлѣбъ бо — плоть ихъ, животъ убо ихъ, лишаяй же его чловѣкъ крѣвь проливаяй есть.

Якоже *проливаяй крѣвь*, тако же *удѣржавый мзду* наемника.

О десятинѣ. Не яви ся прѣдъ Господъмъ тѣшть — *все бо се есть заповѣди ради*: приношение правдынааго мститъ олтаря и благоухания его прѣдъ Вышнимъ.

Жрътва мужа *правдива* благоприятна, и память его не *забвѣна* будетъ: окомъ благомъ прослави Господа, и не *умали* начатка отъ руку свою.

<...>

Дажь вышнему подаяния Его, яко Господь въздаяй есть, и седмицею въздасть ти.

<...>

О златолюбци. Любяи злато не оправдять ся, и любяй растѣлюштя самъ насытитъ ся: мнози съпадоша злата дѣля и бысть пагуба ихъ прямо лицу ихъ.

Блаженъ *богатый* иже обрѣте ся бес порока и иже въ слѣдъ *злата* не иде; кто съ есть — да блажимъ его, сътворилъ бо есть дивная въ людехъ своихъ.

Кто *искушенъ имъ* бысть и съвършилъ ся — и да будетъ на похваление.

Кто бы могль прѣступникъ быти и не прѣступи, и зло сътворити, и не сътворилъ — да утвърдятъ ся благая его и милостыни его исповѣсть църкы святая.

Бояштааго ся Господа не съряштеть зъло, аште ли въ напасть въпадетъ, то *пакы изьметъ* его.

Чловѣкъ разумивъ вѣру иметъ закону и по Христовамъ заповѣдъмъ ходитъ, и законъ его вѣрнъ есть.

Боляре и судия славни суть, и нѣсть ихъ ни единый же болии боящааго ся Господа.

Рабу разумиву свободы порабotaють.

Не прѣмудрай ся, творя дѣло, и не слави ся *въ врѣмя тугы*.

Дух боящихся Господа будет жить, ибо их надежда на спасающего их, страшящийся Господа ничего не убоится, ибо очи Господни обращены на боящихся его.

Благословенье Господне — отступить от греха, и очищение — отринуть неправду.

Приносящий жертву в неправде — приношение его не примут, и даже множеством жертв не простится грех.

Как закаляющий сына пред отцом его, так и несущий жертву из средств убогих.

Ибо хлеб их — плоть и жизнь их, и тот, кто лишает его, есть человек, проливающий кровь.

Каков же проливающий кровь, таков и удерживавший плату наемнику.

О десятине. Не являйся пред Господом пуст, ибо — по заповеди: приношение праведного умаслит алтарь и благоуханье его пред Всевышним.

Благоприятна жертва от мужа праведного, и память его незабвенна будет: оком благим восславил он Господа и не умалил начатка рук своих.

⟨...⟩

Дай Всевышнему подаяние, ибо Господь воздающий семижды воздаст тебе.

⟨...⟩

О златолюбце. Возлюбившие злато не спасутся, возлюбивший тленное сам пресытится: многие пали из-за золота и была их пагуба перед лицом их.

Блажен в богатстве, кто беспорочен, кто не идет вслед золота; кто таков — такого восславим, ибо дивное создал он средь людей своих.

И кто искушен им был и не поддался — да будет славен.

Кто мог бы преступником быть и не стал им, мог зло сотворить, но не сотворил — да увеличится благо его и о милосердии его поведает церковь святая.

Кто Бога страшится, того не настигнет беда, а если впадет в напасть, то Бог его выручит.

Разумный человек доверяет закону и ходит по Христовым заповедям, и закон его прав.

Бояре и судьи славные, но нет средь них ни единого выше того, кто страшится Господа.

Рабу разумному и свободные служат.

Не мудствуй, делая дело, и не хвались в годину тяжелую.

У друга подызираюштааго ты и у врага не повѣдай *сѣвѣта*.

⟨...⟩

Открываяя тайну погубилъ есть вѣру и не обрящать друга противу души своей.

⟨...⟩

Мудрость сѣмѣренааго възнесеть главу его и посредѣ вельможъ посадить ѱ.

Първѣ даже не слышиши — не отъвѣщывай, и не вѣлагай ся въ срѣду бесѣды, и на сѣвѣтъ грѣшныхъ не сѣдай.

⟨...⟩

И чяды своими познанъ будетъ мужъ.

И не всякого чловѣка въведи въ домъ свой: блюди ся зѣлодѣя, зло бо сѣдѣваетъ.

⟨...⟩

Егда въ добръ будетъ мужъ, то врази его въ печали будутъ.

И не еми вѣры врагомъ своимъ въ вѣкы.

И якоже бо мѣдъ обрѣживѣтъ, тако и злоба его; и аште и сѣмѣрить ся и поидеть поникъ, постави душу свою и храни ся отъ него — и будещи ему, яко очищено *зѣрцѣло*.

Не постави его у себя, да не въздривъ ты станеть на мѣстѣ твоємъ. Не постави его одесную себе, да не поиштеть сѣдалишта твоего, — и напоследѣкъ разумѣши словеса моя и о глаголѣхъ моихъ умилиши ся.

Устънама своимъ усладить *ты* врагъ, а сѣрдцьемъ своимъ сѣвѣтуеть въринуть ты въ ровъ.

Очима своимъ прослѣзить ся врагъ, и егда обрящеть время — не насытитъ ся отъ крѣви.

Даште обрящеть ты зѣло, то ты его обрящещи първѣ себе, и яко *помагая* подыразить *пятѣ* твою, главою своею поковываетъ и въсплещеть рукама своимъ, и много пошѣпчетъ, и измѣнить лице свое.

Беремене паче себе не въздвижи, и съ крѣплѣшимъ себе и съ богатѣйшимъ не приобѣштай ся: кое бо приобѣштение гѣрнцю съ котѣльмъ — *тѣ* бо приразить ся и съкрушить ся.

Богатый, обиду сѣтворивъ, и самъ прогнѣваетъ ся, убогый же, обидимъ, и самъ примолить ся. Аште ли имаше, то поживеть съ тобою, аште ли не имаша — то отѣльститъ ты отъ себе, и въсмѣеть ти ся, и възглаголетъ ти добръ, и речеть: «Ты е ли ты, чѣто трѣбѣ?» — и посрами ты борошнѣмъ своимъ, *дондеже не тѣшитъ* ты дѣвоици, и напоследѣкъ поругаетъ ти ся шютомъ, узѣреть ты — и оставить ты и главою своею поковываетъ на ты.

Вѣнмай, сыну мой, и не забуди, да не сѣмѣриши ся въ веселии своемъ.

У недоброжелательного друга и у врага не проси совета.

⟨...⟩

Раскрывший тайну утратил доверие, он не сыщет друга по душе своей.

⟨...⟩

Мудрость кроткого возвысит главу его и среди вельмож усадит его.

Пока не услышишь — не отвечай, и не вмешивайся в беседу, и в совете бесчестных не восседай.

⟨...⟩

И по детям своим человек виден.

И не всякого человека в дом свой введи: остерегайся злодея, ибо творит он зло.

⟨...⟩

Если хорошо человеку, то в печали враги его.

Не доверяй врагам своим во веки.

Ведь только когда заржавеет медь, тогда и злоба врага пройдет; но если смирится он и пойдет поникши, будь бдителен и берегись его, тогда станешь ты для него чистым зеркалом.

Но не оставь его возле себя, чтобы, изгнав тебя, не занял твоего места. Не ставь его и по правую руку, чтобы не отнял он места твоего, — вот тогда и поймешь мое слово и речам моим возрадуешься.

Устами своими услаждает враг, а сердцем своим советует свергнуть тебя в яму.

Очами своими прослезится враг, а наступит время — не насытится кровью.

И если настигнет тебя беда, он тут же окажется первым, как бы помогая, он поставит тебе подножку, и головой покивает, и всплещет руками своими, и сплетни распустил, и изменит лицо свое.

Раньше времени не возносись, и с теми, кто крепче тебя и богаче, не общайся: какое уж общение горшку с котлом — ведь этот прикоснется, а тот рассыпется.

Богатый обидит, и сам же прогневается, бедный же, обиженный, и сам извинится. Если есть у тебя что-то, пребудет он с тобою, если же нет, обольстит тебя, и насмеется над тобою, и проговорит приятно, и скажет: «Да есть ли что-то, что нужно тебе?» — и посрамит тебя едой своей, пока не истощит тебя вдвое, и напоследок обзовет шутком, взглянет на тебя — и оставит тебя, головою качая.

. Внимай, мой сын, и не забудь, чтобы не осрамиться в веселье твоём.

О меду. Въ меду не мужай ся, многы бо погубилъ медъ. Горестъ души
многого приемъ медъ съ гнѣвъмъ и съ клеветою зълѣ.

Въ пирѣ меда не облыгай ближняаго, и не сѣрини его въ веселии его.

Старѣйшиною ли ты поставиши, то не възноси ся, буди въ нихъ яко
единъ отъ нихъ.

Идеже послушание будетъ — не изнеси бесѣды, и без ума въ пирѣ не
мудри ся, буди якоже вѣды и мълчя.

Посредѣ вельможъ не равнѣ ся твори, и иному не глаголюшту не зѣло
прилежи, мужъ бе свѣтливъ не прѣзритъ размышления.

Бе-свѣта не сѣтвори ничьсоже, и егда сѣтвориши — не раскай ся.

Не свѣщай съ подѣзирающтиими ты, и отъ искушяющтиихъ ты сѣкрый
свѣтъ.

Не свѣштавай съ страшивъмъ о брани, съ купцьмъ о приложенъи и
съ купуюштиними о купли, и съ завидливъмъ о похвалении, и съ несмилости-
вымъ о помилованъи, и съ рабъмъ лѣнивъмъ о мнозѣ дѣланъи, — не наложи
на ся о всякомъ свѣштанъи.

Съ мужъмъ благовѣрномъ буди, егоже аште познаеши съблудаюшта
заповѣди Господня: и аште сѣгрѣшиши — поболить съ тобою, и свѣта
сѣрдьчьнааго поставить.

Есть мужъ съмыслѣнь и многомъ казатель, и своей души есть неклу-
чимъ.

И есть чловѣкъ мудръ своей души, и плодъ разума его въ устѣхъ вѣрнѣ.

Мужъ мудръ люди своя накажетъ.

О мрътвьцихъ. Чядо, надъ мрътвьцьмъ источи слъзы: и якоже зълѣ
стражя, начъни плачь, и якоже достоить сѣкрый тѣло его, и не прѣзри
погребения его.

Горькъ сѣтвори плачь и рыдание днь единъ или дѣва хуления ради:
отъ печяли бо съмъртъ бываетъ, и печаль сѣрдьчьная съломить крѣпость.

Помяни уставъ, яко и сице твой: «Мьнѣ — заутра, а тебѣ — дньсь».

Въспомяни ся о немъ въ исходѣ душа его и утѣши ся, въ печяли бо и
въ плачи не сѣтвориши ползя ему никоеяже.

Сѣрдьце свое дажь утръневати къ Господу, сѣтворишууму ты, и прѣдъ
Вышньимъ помоли ся, и отъврзи уста своя на молитву; и о грѣсѣхъ своихъ
помоли ся, и убога помилуй.

Печаль велия испърва създана бысть всякому чловѣку.

Имѣние неправдъныхъ яко рѣка исхънеть.

Чяда грѣшныхъ мръзъка будутъ живушта съ притѣчями нечѣсти-
выхъ.

О вине. Не увлекайся вином, ибо многих погубило вино. Горесть души — в гневе и с клеветою выпиваемое без меры вино.

На пьяном пиру не охаивай ближнего и не мешай ему в веселье его.

Если старшим над другими поставили, не возносись, будь для всех как один из них.

Если что услышал — не выноси на сторону, безрассудно на пиру не мудрствуй, будь как тот, кто знает, но молчит.

Среди вельмож не равняйся с ними, и пока другие молчат, не торопись говорить, ибо муж в совете не отвергнет раздумия.

Без совета ничего не делай, а когда совершишь — не раскайся.

Не советуйся с недоброжелателем, а от искушающих тебя утай намерение.

Не советуйся с трусливым о рати, с купцом о прибыли и с покупателем о купле, и с завистливым о похвале, и со злыми о милосердии, и с рабом ленивым о хорошей работе, — и даже не приступай к таким ни за каким советом.

Пребывай с благоверным мужем, если узнаешь, что он соблюдает Божьи заповеди: согрешишь — он тебе сострадает, сердечным советом поможет.

Бывает, разумный муж учитель другим, однако о душе своей не заботится.

Но бывает другой человек, для души своей мудр, и надежен плод разума в устах его.

Мудрый муж наставит людей своих.

О мертвых. Чадо, слезы свои источи над мертвым: возрыдай, точно в тяжком страдании и, как положено, тело его накрой, и не пренебреги его погребением.

Горький плач начинай и рыдай день иль два, чтобы избежать хулы: ведь от горести смерть наступает, и сердечное горе сломит твердость (души).

Вспомни закон, он таков: «Мне — завтра, тебе — сегодня».

Подумай о нем при исходе души его и утешься, ибо печалью и скорбью ему не поможешь.

Сердце твое утром пусть устремляется к Господу, тебя сотворившему, перед Вышним молись, отверзая уста свои на молитву; и о грехах своих помолись, и помоги убогому.

Печаль великая от века людям была дана.

Именье неправедных точно ручей пересохнет.

Чада грешников в скверне пребудут, живя советами нечестивых.

Чядъ грѣшньныхъ наслѣдие погынеть и съ сѣменѣмъ ихъ будеть поношение.

О отци нечѣстивѣ зазѣрять чяда, яко его ради приемлють поношение. Чада грѣшньныхъ не укоренять ся.

О чѣсти родитьлѣ. Господь прославиль отця о чядѣхъ, и судъ матернѣ утвѣрдилъ есть о чядѣхъ.

Чѣтый отця оцѣсти грѣхы, и якоже богатѣя съ прославить матеръ свою.

Чѣтый отця възвеселить ся о чядѣхъ, и въ днь мольбы своя послушанъ будеть.

Прославляя отця длѣгы дни сѣтворить, и послушая Господа покорить матеръ свою, и *ту же* владыкама поработаетъ ражѣшима его: дѣлѣмъ и словѣмъ чѣти отца своего, да наидеть ти благословение отъ него, благословение бо отче утвѣрждаетъ дома чядомъ, клятва же матернѣ искореняетъ до основания.

Не слави ся въ бешѣстѣи отця своего, нѣсть бо ти слава къ *бешѣстѣи*, нѣ слава чловѣку отъ чѣсти отця своего, и поношение чадомъ мати въ *беславѣи*.

Чадомъ, заступи въ старость отця своего, и не оскѣрби его въ животѣ его, и аште изумляетъ ся — то не зазри емъ и не укори его всею крѣпостью своею.

Милостыни бо отця не забѣвена бываетъ — и въ грѣхъ мѣсто привѣжиждеть ти ся, и въ днь печали твоея възпомянеть ти ся, яко угъ на мразѣ, тако растають ся грѣси твои.

Коль хульнѣ оставлий отця своего и проклятъ Богомъ раздражая матеръ свою.

Чядомъ, лѣта своя съ кротостию прѣпровожае — и чловѣкомъ възлюбленъ будеша.

⟨...⟩

Огнь поляшѣ вода угасить, а милостыни оцѣститъ грѣхы.

Чядомъ, жита ништаго не лиши и не мини очю просыливу.

Душа алчуща не оскѣрби, и не разгнѣвай мужа въ *нищѣтѣ* его.

Сърдця разгнѣвана не прѣвзмути и не мимо неси даяния трѣбуюштаго.

Раба скѣрбяшѣ не отѣрѣй и не отѣврати лица своего отъ ништа.

И отрѣбуюштаго не отѣврати очю.

Не дажѣ мѣста чловѣку кляти тя: клънуштѣуму бо ты въ горести душа его суши — мольбу его услышитъ Сѣтворивый его.

⟨...⟩

Погибнут потомки чад грешников, позор будет с семенем их.

Укоряют детей за отца нечестивого, за него примут они позор.
Дети грешников не пустят корней.

О почитании родителей. Восславил Господь отца за детей его, и суд <правый> матери основал за детей ее.

Чтущий отца искупил грехи, и, обогащаясь, прославит мать свою.

Чтущий отца будет счастлив в чадах, и в час молитвы своей он будет услышан.

Прославляющий отца получит долгую жизнь, и внимающий Господу упокоит мать свою, и как владыкам послужит родившим его: делом и словом чти отца своего, чтоб получить благословение, ибо отчее благословение укрепляет чадам домá, а проклятие матери разрушает их до основания.

Не хвались бесчестьем отца своего, ибо нет похвалы от бесчестья; похвала человеку по чести отца его и позор детям — мать в бесславии.

Чадó, отцу помоги в его старости и не огорчай его при его жизни, а если теряет разум — не попрекай и не укоряй его в силе твоей.

Благодеянья отца незабываемы — против грехов укрепят тебя, и в день печали твоей напомнят тебе о себе, и, как жар на морозе, так растают грехи твои.

Сколь бесславен забывший отца своего и проклят Богом огорчающий мать свою.

Чадó, годы свои проводи в кротости — и возлюбят тебя люди.

<...>

Пламя огня угасит вода, а милостыня искупит грехи.

Чадó, не лишай нищих хлеба и не минуй очей умоляющих.

Души алчущей не оскорби, не обидь человека в бедности его.

Сердца обиженного не раздражай, не пронеси подавания мимо нуждающихся.

Раба скорбящего не отгоняй и не отврати лица своего от нищего.

И от просящего у тебя не отводи очей.

Не дай повода человеку проклинать тебя: если кто клянёт тебя в горести души своей, услышит мольбу его Сотворивший его.

<...>

Прѣмудрости похвала

Прѣмудрость похвалить душу свою и посрѣдѣ людей своихъ похвалить ся и въ църкѣви вышшняго уста своя отвѣръзеть.

⟨...⟩

⟨Мудрость⟩ трѣми украсихъ ся и есмь красна: прѣдъ Богомъ и чловѣкъ; лубвь ближнихъ и мужа, на селѣ тяжаша; три же норовы възненавидѣ душа моя, и зѣло ми мързѣть животъ ихъ: убога хупава, и богата лъжива, и старца, умаляюща ся разумѣмъ своимъ — егоже въ уности не събѣралъ еси, то како можеша обрѣсти въ старости своей?

⟨...⟩

Святого Василия, како подобаетъ чловѣку быти*

Лѣпо есть чловѣку имѣти паче всего жития — да не прилежитъ имѣни зѣло, нѣ тѣлеси въздѣржаніе, удобреніе норову, гласу умиленіе и удобреніе, ѣденіе и питіе безъ говора съ удѣржаніемъ.

Прѣдъ старцы — мълчание, прѣдъ мудрыми — послушаніе, съ тѣчными лубвь имѣти, съ мнѣшиими — лубвьное съвѣщаніе.

Отъ плѣтскихъ и любосластныхъ вештей бѣгати, мало глаголати, а множе разумѣвати, не дѣрзу быти словѣмъ, ни прѣрѣковати въ людехъ.

Не скоро въ смѣхъ выпадати, соромяживу быти, долу очи имѣти, а не горѣ, не противу отвѣщавати.

Послушливу быти до смѣрти, тружати ся до смѣрти, поминати присно страшное и второе пришѣвие и днь смѣртный.

О надежди радовати ся, молити ся непрѣстанно, при всемъ Бога хвалити.

Въ скѣрбехъ тѣрпѣти, къ всемъ смѣрену быти, величанія бѣгати, говѣину быти.

Блюсти сѣрдце отъ помыслъ зѣлыхъ, събирати имѣніе на небесехъ, законъ хоронити, любити Господа всемъ сѣрдцемъ и ближняго, яко самъ ся.

И самому ся испытати о помыслѣхъ и о дѣлѣхъ по вся дни.

Не оплитати ся лихими рѣчми и не искати житія лѣнливыхъ, нѣ тѣкѣмо подражати я святыхъ оѣцъ.

Радовати ся съ исправльшими доброноровіе и не завидѣти, съ стражуштіи страдати и съ плачущіими зѣло плакати ся.

Осужену быти неже осудити, ниже поносити обрѣтящу ся отъ грѣхъ.

Николиже себе правдѣна творити, нѣ грѣшника себе имѣти прѣдъ Богомъ и чловѣкъ.

Учити ненаказаня, увѣштати малодушныя, служити больнымъ, ноги святыхъ умывати.

Похвала премудрости

Премудрость восхвалит душу свою и посреди людей своих похвалится, и в церкви Всевышнего уста свои отверзет.

⟨...⟩

Мудрость тремя украсилась делами и тем прекрасна: миром между людьми и Богом, любовью между близкими, и пахарем, что трудится в поле; и три человека душе моей ненавистны, и омерзительна жизнь их: бедного гордого, и богатого лживого, и старца, ослабшего разумом, — ведь чего не собрал ты в юности, как сможешь то обрести ты в старости?

⟨...⟩

Святого Василия, каким человеку следует быть

Хорошо человеку, и лучше всего — в жизни не слишком предаваться богатству, но соблюдать воздержание телу, украшение нраву, голосу ласковость и доброту, есть и пить с воздержаньем и молча.

Пред старцами — молчание, пред мудрыми — послушание, с равными дружбу иметь, с младшими — дружеское согласие.

Плотских сладострастных дел избегать, меньше говорить да больше понимать, не дерзить словами, не перечить людям.

Не вдруг рассыпаться смехом, сохраняя стыдливость, очи долу держать, а не ввысь, не спорить.

Быть до смерти послушным, трудиться до смерти, всегда поминая ужасное — второе пришествие и день смерти.

Радоваться в надежде, непрестанно молиться, Бога благодарить за все.

В скорбях терпеть, со всеми смиренным быть, надменности избегать, пребывать в благоговении.

Сердце хранить от помыслов злых, собирать богатство на небесах, соблюдать закон, возлюбить всем сердцем и Господа, и ближнего, как самого себя.

И самому вопрошать себя о помыслах и о делах каждый день.

Не опутываться дурными словами, не подражать житию ленивых, но следовать жизни святых отцов.

Радоваться с достигшими добронравия и никому не завидовать, со страждущими страдать и с плачущими рыдать.

Лучше быть осужденным, чем осуждать, тем более не порицать спасающегося от грехов.

Никогда за праведника не выдавать себя, признавая себя грешником пред Богом и перед людьми.

Поучать неведающих, ободрять малодушных, служить больным, омы-
вать ноги святым.

Странньныхъ и братолубьи прилежати, съ единовѣрными миръ имѣти.

Еретикъ чловѣкъ отъвраштити ся, книги прѣданыя почитати, а въ съкръвенныя отинудъ не приницати.

О Отци и Сынѣ и Святѣмъ Душѣ не пытати, нѣ единосущтну святую Троицу съ дръзновениемъ глаголати.

Крыштати ся есть лѣпо, якоже прияхомъ и не кляти ся отинудъ, и не даяти сребра своего въ лихву, ни иного ничьсоже на умножение пишта.

Бегай пиянства и отъ печалии жития сего, не бесѣдуй луками отинудъ ни о комъ же глаголати.

И никакоже послушати клеветания, нѣ все съ испытаниемъ, никомуже скоро яти вѣры.

Не томи ся гнѣвѣмъ, не быти държиму похотѣу, не без ума гнѣвати ся на ближняго.

Сълнце да не заидеть о гнѣвѣ вашемъ. Не държати гнѣва ни на когоже, не въздати зѣла на зло, ни клеветы за клевету.

Нѣ паче похулену быти, неже хулити, обидиму быти, а не обидѣти, отъштетити ся, а не отъштетити.

Паче же всего достоить чловѣку въздържати ся отъ бесѣдъ женьскихъ и срамньныхъ словесъ, медъ бо и жены отъвраштятъ и съмыслъныя.

Въ заповѣди не сътужити ся, нѣ мзды и похвалы отъ Него чяяти и вѣчныя жизни желати и прияти.

Имѣй Бога прѣдъ очима вѣину: яко сыну отъ всего сѣрдця и крѣпости и разума любити Бога, и яко рабу — бояти ся, сумнѣти и служити Ему.

Страхѣмъ и трепетѣмъ спасение себѣ съдѣвати, духѣмъ горѣти и тешти не лѣняшти ся, обълѣчену быти въ оружие Святааго Духа.

И бороти ся съ врагѣмъ въ изнеможени плти и въ ништетѣ души, и все повелѣние творити, и непотрѣбна себе глаголати, и благодарити Бога.

И ничьсоже съ завистью творити, и чловѣкоугождения бѣгай, зане Богъ расыпа кости чловѣкоугодникъ, и не хвалити ся отинудъ.

Ни похвалы себѣ глаголати, ни иному хваляшту послушати, вѣтайнѣ все творити, и не на видѣние чловѣкомъ творити, нѣ тъкмо отъ Бога хвалы и милости просити.

Помышляти прѣшствие отъсуду, приготованая благая правдынымъ, такоже уготованый огнь дияволу и ангеломъ его.

По всему и апостольское слово помнѣти, яко не достойны страсти сего врѣмене противу будущимъ глаголати ся въ насъ, и съ Давыдѣмъ глаголати: «Храняштимъ заповѣди Его — въздание много», и вѣнци мнози — правдынымъ, вѣчнии крови, жизнь бес коньця, радость неизглаголанная отъ Отця и Сына и Святого Духа.

О странниках братски заботиться, с единовѣрными мир имѣть.

Еретиков отвращаться, книги канона почитать, а в апокрифы не вникать никогда.

Об Отце и Сыне и Святом Духе ничего не выведывать, но единосущую святую Троицу смело призывать.

Креститься следует, как это принято, и никогда не клясться, не давать серебра своего за процент, и ничего иного для преумножения пищи.

Избегай пьянства и скорбей этой жизни, никогда ни о ком не говори за спиной его.

И никогда не прислушиваться к клевете, но все самому проверить и никому на слово не верить.

Не распаяй себя гневом, избавляясь от такого желанія, без нужды не гневись на ближнего.

Ваша ссора — лишь до захода солнца. Ни гнева нельзя держать ни на кого, ни воздавать злом за зло, ни клеветою за клевету.

Но лучше быть оскорбленным, чем оскорбить, обиженным быть, чем обидеть, лишенным, чем лишать.

И больше всего человеку следует воздержаться от разговоров с женщиной и от бесстыдных слов, ибо вино и женщины совращают и мудрых.

Заповѣдями не пренебрегать, но надеяться на награду и славу от Бога, вечной жизни желать — и принять ее.

Всегда пред очами держи Господа: как сыну — любить его всем сердцем и твердостью разума, и как рабу — страшиться его, трепетать и служить ему.

Страхом и трепетом спасенье свое добывать, духом гореть и стремиться без лени стать во всеоружии Святого Духа.

И сражаться с бесом-врагом до гибели плоти, до изнеможения духа, все нужное исполняя и ничего не прося для себя, благодарить за все Бога.

И никому не завидовать, избегая лести — ведь Бог рассыпал кости льстецов, и ни в коем случае не похваляться.

Ни сам себе не возноси хвалы, ни к похвалам не прислушивайся, ибо следует все делать втайне, не на глазах у людей, и только от Бога просить похвалы и милости.

Помнить об отшествии отсюда, о приготовленных благах для праведников, как и об огне, готовом для дьявола и его бесов.

Слово апостольское припомнить о том, что страсти жизни земной не достойны тех, которые явятся в будущем, и повторить за Давидом: «Соблюдающим заповѣди Его — великое воздаяніе», и венцы многие праведникам, вечные куши и жизнь бесконечная, радость неизреченная от Отца и Сына и Святого Духа.

Съ цсари и патриархы, съ пророкы и апостолы и мученикы, и съ всѣми угодъшыми съ нимиже обрѣсти потыштим ся о Христѣ Исусѣ, Господи нашѣмъ, Емуже славы ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

Ксенофонта, еже глагола къ сынома своимъ *

Азъ, чядѣ, реку вама, чловѣчя жития отити хоштю. Вѣста бо, како въ житии семь жихъ без лука, како отъ всѣхъ чьстьнъ бѣхъ и лубимъ не сана ради велика, нъ норовѣмъ великѣмъ.

Не укорихъ никогоже, ни вередихъ и никогоже не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже.

Ни разгнѣвахъ ся ни на когоже, ни на мала, ни на велика.

Не оставихъ църкве Божия вечеръ, ни заутра, ни до полудне.

Не прѣзрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ странъна, и печальна не прѣзрѣхъ никгѣда же, и иже въ тѣмницахъ заключении, потрѣбная имъ даяхъ, и иже въ плѣнницѣхъ — избавихъ.

Не помыслихъ на доброту чужю, не познахъ жены другя, развѣ матере ваю, и та дондеже ва роди, и потомъ еште не познахъ ея, нъ съвѣштяховѣ ся чистою съвѣстью тѣлесьною, и о Господѣ мудрѣ съхраниховѣ ся по православынѣй всякои вѣрѣ; тако сътворихъ до смъртьнааго дне.

Тако и вы живѣта, чядѣ мои, да и ваю Богъ ублажить и длъголѣтна явить и сътворить.

Убогихъ посѣштяйта, вѣдовицъ заштиштайта, немоштыня милуйта и осужаемыя бес правды изымѣта, миръ имѣта съ всѣми.

Паче же всѣхъ, иже въ пустыни и въ печерахъ, и въ пропастьхъ земельныхъ добро творита.

Поминайта манастиря, чърноризыцъ стыдитася и чѣтѣта и милосръдуйта.

Матери же ваю чьсть отѣдайта, и все добро сътворита ей, да Господа узьрита радуштя ся, и о томъ веселита ся въ вѣкы.

Все, елико имата златѣмъ и сребрѣмъ и ризами, неимуштиимъ подайта, и въ работѣ суштяя, акы своя чяда лубита, и уныя милуйта, и старыя свободы съподобита, пишу имъ до смъртьти дающя, и съпроста реку: еже мя видѣста творяштя — и вы творита, да спасета ся и съподобита ся святыихъ.

Матере не забывайта, волю ея творита и послушайта съ страхѣмъ Господньмъ.

Вѣдѣ бо, яко дѣло Господне дѣлаета, заповѣди Господня хранита, и Богъ мира сего буди съ вама. Аминь.

<...>

С царями и патриархами, с пророками и апостолами, с мучениками и со всеми, им угодившими, — с ними постараясь мы обрести Христа Иисуса Господа нашего, которому слава ныне и присно и во веки веков.

Из Ксенофонта, который сказал двум сыновьям своим

Я, чада, вам говорю, кончая жизнь человеческую. Оба вы знаете, что прожил я жизнь нелукаво, всеми почтен и всеми любим не ради сана высокого, но из-за хорошего нрава.

Не укорил никого, не навредил никому, никого не оклеветал и никому не завидовал я.

Ни на кого не разгневался — ни на малого, ни на великого.

Службы церковной не пропускал: ни вечерни, ни заутрени, ни литургии.

Не отвергал я нищих, не оставил странников, заботился всегда о печалующихся и тех, кто сидит в темницах, все нужное им доставляя, а тех, кто в плену, — избавлял.

Не помыслил я на красоту чужую, не познал другой женщины, кроме матери вашей, да и ту, пока родила она вас, а потом уж ее не познал я, но советовались мы с ней обо всем с чистой совестью телесно и по Господней мудрости в чистоте соблюдались согласно православной вере; так поступал я до смертного часа.

Так живите и вы, мои чада, тогда и вас наградит Господь и даст вам долгую жизнь.

Посещайте бедных, вдовиц защищайте, немощных милуйте и осужденных невинно освободите, живите со всеми в мире.

Но больше всего — с теми, кто в пустыни и в пещерах, и в ущельях земных — творите добро им.

Помните о монастырях, слушайтесь и почитайте черноризцев, милость им даруя.

Мать свою почитайте и поступайте по-доброму с ней, тогда узрите Господа в радости и возвеселитесь о том во веки.

Все, что имеете в золоте, серебром и одеждами, отдайте неимущим, и тех, кто в рабстве, как детей своих возлюбите — и юных помилуйте, старых — освободите, пищу до смерти давая им, да просто скажу: видели вы, как я поступал, то делайте также и вы — и спасетесь и уподобитесь святым.

Матери — не забывайте, волю ее исполняйте, ей повинуйтесь в страхе Господнем.

Знаю я, что Господни заповеди исполняете, совершая его дело, и пусть будет с вами Бог мира сего. Аминь.

<...>

О милостивѣмъ Созоменѣ и о томъ, како даѣй нищему 100-рицею приеме

Бѣ нѣкый чловѣкъ, живый въ Иерусалимѣ, Созоменѣ именемъ. Тѣ идый единою сквозѣ градъ, узрѣ нища, нага и печальна; и съвлѣкъ ся, дасть ему одежду свою и иде въ домъ свой. И днь прѣклонилъ ся бѣ на отъвечеріе.

И легъ; мало уснувъ, видѣ въ снѣ, яко обрѣте ся въ дворѣи прѣчюднѣ, и въ немъ бѣше свѣтъ безмѣрный чистъ и цвѣтове мѣнози различни, и садове всѣяци.

И видѣхъ же ины ограды, яже бѣаху обрасли отъ горы до долу плоды, добровонными и красными, и вѣтвие прѣклонило ся бѣ до земля, другъ друга добрѣе.

Пѣтица же многообразны сѣдяху върху ихъ, пѣснь поюшѣ сладку, друга къ друзѣ прикланяюшти ся, млѣчания не имуште.

Яко же гласу слышану быти отъ земля до небесе, садове же колѣбааху ся, стояште въ славѣ велицѣ, источници же течааху, яко и дуга въ красу стояшти.

Си же ему видяшту: приде къ нему нѣкый уношѣ, краснѣ зѣло, и глагола ему: «Поиде въслѣдъ мене». Онъ же иде въслѣдъ его, и придосте къ стоборию, золотѣмъ покрѣвену, и полаты зѣло славны и красны. И зѣряшту Созомену тамо, и се изидошѣ ис полатѣ тѣхъ мужи крилати, свѣташте ся, яко и сѣлныце, носяште ларѣ 4-ри, о коемъждо лари служаште 4.

Егда же прѣчюдныя ты двѣри миновааху анѣгели, разумѣ Созоменѣ, яко къ нему бѣаху идуште, и егда придоша къ стоборию оному и противу Созомену стаѣя.

Сѣнмѣше же ларѣ съ шиѣ своихъ и поставльше ѣ, жѣдааху нѣкоего вельможѣ прити къ нимѣ. И видѣ Созоменѣ: и се мужъ, краснѣ зѣло и доброобразнѣ вельми, излѣзъ ис полатѣхъ, прииде къ ангеломѣ, носяштиимѣ ларѣ, и глагола имѣ:

«Открыте ларѣ и покажѣте я чловѣку оному, чѣто ему хранѣть свѣтъ за едину свиту, зане помилова нагааго онѣсицю».

И ту абие отъкрышѣ единѣ отъ златыхъ онѣхъ ларевѣ, и начашѣ искладати — срачицѣ и свиты цѣсарѣскыя; и оскрилы красны и различны видѣниимѣ, и простираху прѣдъ нимѣ, глаголуште: «Воле, господи Созомени, угодна ли ти суть прѣдъ очима?»

Онъ же глаголааше: «Нѣсмѣ достоинѣ на стѣнѣ свѣтъ сихъ зѣрѣти!» Кажюштемѣ же имѣ свѣтлыя и пѣстрыя и златыя ризы, и възиде число ихъ до тысящѣ.

Егдаже показашѣ ему, еже глаголетѣ, «100-рицею приметь и животѣ вѣчннѣ наслѣдуетѣ — за едину свиту», глагола ему анѣль: «Тебѣ глаголю, Созомене, се колико ти уготовахъ благыхъ за едину свиту, еже видѣ мя нага и умилосѣрди ся и облѣче мя — иди убо и твори такожде, и въздасть ти ся 100-рицею!»

О милостивом Созомене и о том, как подающий нищему сторицею получил

Жил в Иерусалиме один человек по имени Созомен. Однажды шел он по городу и увидел нищего, нагого и печального; сняв с себя, отдал ему одежду свою и пошел в дом свой. А день склонялся уже к вечеру.

И лег; немного поспав, увидел во сне, что находится в прекрасном дворце, а в нем ослепительно яркий свет и много различных цветов, и растения всякие.

И тут же увидел другие сады, поросшие сверху донизу плодами, благовонными и прекрасными, а ветви склонились до земли, одна прекрасней другой.

И самые разные птицы сидели на их вершинах, распевая сладостную песню, друг друга к себе призывая в неумолчном пении.

Так что слышался голос от земли до небес, и колыхались деревья, стоящие в славе великой, и протекали источники, и радуга поднималась во всей красе.

И вот он видит: подошел к нему юноша некий, прекрасный, и сказал ему: «Ступай за мною». И пошел он вослед ему, и вошли они оба в колонный зал, весь покрытый золотом, с прекрасными в нем палатами славными. И пока озирался там Созомен, выступили вдруг из палат тех мужи крылатые, солнцем блистающие, неся четыре ларца, и у каждого ларца их четверо.

Когда же пречудные эти двери уже миновали ангелы, постиг Созомен, что это к нему они приближаются, ибо уже вошли в колонны зала и стали напротив Созомена.

И, опустив с плеч ларцы и поставив их, стали ждать кого-то, видимо старшего, кто должен еще прийти. И увидел Созомен: вот муж, прекрасный и в светлом образе, вышел из тех же палат, подошел к ангелам, подносившим ларцы, и сказал им:

«Откройте ларцы, покажите их человеку тому, какие для него хранятся одежды — за одну ту одежду, которою одарил он нагого».

И тотчас открыли один из этих ларцев золотых, и стали выкладывать — сорочки и одежды царские, и прекрасные длинные одежды, различные видом, и расстилали пред ним, говоря: «Вот господин Созомен, нравится ли тебе все то, что перед твоими глазами?»

Он отвечал: «Недостойн я и на тень от одежд этих глядеть!» Показали ему и белые, и цветные, и золотые ризы, и дошло их число до тысячи.

И когда показали ему, согласно сказанному «Сторицею получит и вечную жизнь наследует за единую одежду», — сказал ему ангел: «Тебе говорю, Созомен. Смотри, сколько я приготовил тебе за единую свитку твою, за то, что увидел меня нагого, и пожалел, и меня одел — иди, и поступай так, и воздастся тебе сторицею!»

Се слышавъ, Созомень глагола ему, страхъмь одържимъ и радостью, глагола ему: «Да тако ли есть, иже милостыню творять убогимъ?» — И глагола ему: «Ей! всякъ бо, облачаяй убогааго, Христа облачить, и всякъ съвлачая, Христа съвлачить. Или: накърмляя, Христа накърмить и приметь.

Се же ти заповѣдаю: не раскай ся николиже о милостыни, ни поноси ништу, яко далъ ему еси чѣто, еда въ мѣзды мѣсто сугубу тѣштету въсприимеши, всякъ бо даей милостыню и раскаявъ ся и поносивъ, мѣзду си погубить».

И се слышавъ, Созомень въспрянувъ и дивляше ся, чюдя ся видѣнию и помышляше, глаголя: «Аште си тако, то и другую дамъ свиту нищимъ». И въ другую ночь видѣ тѣ же снѣ.

И бысть милостивъ зѣло на убогия, яко слышати въсѣмъ концемъ земля милостивое его житие и штедроты, яже на всякомъ чловѣцѣ, и бысть угоднъ Богу и чловѣкомъ.

Иже всхочеть самовольствѣмъ и льготою бес труда спасти душу свою — милостынею можетъ спасти ю, милуай бо ништа, Богу въ заимъ даетъ, и сѣяй съ благословлениемъ и съ благословлениемъ и пожьнетъ жизнь вѣчную.

Якоже самъ Господь въ Еуангелии глаголетъ: «Блаженни милостивии, яко ти помиловани будутъ». Богу же нашему слава и ныня.

Кончяшя ся книги сия рукою грѣшнааго Иоана; избрано изъ многъ книгъ княжихъ. Идеже криво, братие, исправивъше чѣтѣте: благословите, а не кльнѣте. Аминь.

Кончяхъ книжки сия въ лѣтъ 6584 лѣто при Святославѣ князи Руськой земля. Аминь.

Слышав это, сказал Созомен ему в страхе, радостью одержимый: «Да так ли бывает тем, кто милостыню подает убогим?» — И ответил ему: «Ей! ибо всякий, одевший убогого, Христа облачит, и всякий, его раздевший, с Христа совлечет. Или: его накормивший, Христа накормит и примет.

И вот тебе заповедаю: никогда не жалея о милостыне, нищего не порицай за то, что ты дал ему, иначе вместо награды сугубый убыток потерпишь, ибо всякий, подавший милостыню и о ней пожалевший, награды лишится».

Услышав все это, Созомен очнулся и, удивляясь чудесному видению, размышлял, говоря: «Если так это, то и вторую отдам я одежду нищим». И на другую ночь видел от тот же сон.

И был он очень добр к нищим, так что прослышали все края земли о милостивом его житии и щедрости ко всякому человеку, и был он угоден Богу и людям.

Кто пожелает добровольно и с легкостью без труда спасти свою душу — милостынею может ее спасти, ибо тот, кто о нищих заботится, Богу взаймы дает, и сеющий с благословением — с благословением и пожнет вечную жизнь.

Как сам Господь говорит в Евангелии: «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут». Богу нашему слава, и ныне.

Закончены книги эти рукою грешного Иоанна; избранные из многих книг княжеских. А где ошибки, братья, там, исправив, читайте: благословите, а не кляните. Аминь.

Кончил я книжки эти в лето 1076-е при Святославе, князе Русской земли. Аминь.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНЬЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

МЕСЯЦЯ ТОГО ЖЕ ВЪ 14 ВЪЗДВИЖЕНИЕ ЧЪСТНААГО КРЪСТА

Тропарь гласа 2. Живящий крестъ твояе благости, егоже дарова намъ недостойнымъ, Господи, тебе приносимъ въ молитву. Спасай князя* и люди молящая тя, Богородица ради, едине Человеколюбче.

Съдаленъ гласа 6. Днесъ пророческое събысться слово, се бо покланяемъся на мѣстѣ, идеже стоясте нозѣ твои, Господи. И древо спасения примѣши, грѣховныхъ страсти свободу улучихомъ молитвами Богородица, едине Человеколюбче.

Крестъ твой, Господи, освятися, тѣмъ бо бывають цѣления болящимъ грѣхы, темъ припадаемъ ти, помилуй насъ.

Тѣмъ въдружися древо крѣста твоего, основания подвижашася смърти, Господи. Егоже пожре, любя адъ, отпусти трепѣща. Показа намъ спасение твое, святой. Славословимъ тя, Сыне Божий, помилуй насъ.

Спасение съдѣя посреде земли, Христе Боже, на крѣстѣ пречисти руцѣ свои простѣрь, събирая вся языки, въпьюща: «Господи, слава тебе!»

Кондак гласа 4, самогласен. Възнесыйся на крѣстъ волею, тѣзнууму и нынѣ граду твоему*, щедроты твоя подаждь, Христе Боже. Възвели силою своею вѣрнаго князя нашего, побѣду дая ему на супостаты, посobie имуща твое оружие — мира непобѣдиму побѣду.

Икос, подобен. Иже по третѣмъ небесе възхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченныя Божия,* ихъже не лѣтъ языки глаголати, чѣто къ галатомъ пишеть яко рачителемъ? Писание почтѣтосте и разумѣстѣ. «Мѣнѣ, — рече, — хвалитися да не будѣтъ, тѣмъ еже о единомъ крѣсте Господни»,* на немъже страдавъ, уби страсти. Того убо и мы извѣстно държимъ, крѣста Господня, похвалу въсѣхъ, есть бо намъ спасное се древо.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНИЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА В ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

Тропарь второго гласа. Животворящий крест твоей благодати, который ты даровал нам недостойным, Господи, тебе приносим как молитву. Спасай князя и людей, молящихся тебе, ради Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Седален гласа шестого. Сегодня сбылось пророческое слово, ибо вот мы поклоняемся на месте, где стояли твои ноги, Господи. И приняв древо Спасения, получили мы свободу от греховных страстей молитвами Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Крест твой, Господи, освятился, ибо от него бывают исцеления болеющих грехами, с ним к тебе припадаем, помилуй нас!

Только водружено было древо креста твоего, сдвинулись основания смерти, Господи. Кого ад поглотил с жадностью, того отпустил, трепеща. Ты показал нам спасение твое, Святой. Славословим тебя, Сын Божий, помилуй нас.

Соделав спасение посреди земли, Христе Боже, ты простер на кресте свои пречистые руки, собирая все народы, вопиющие: «Господи, слава тебе!».

Кондак четвертого гласа, самогласен. Вознесшийся на крест добровольно, тезоименитому ныне граду твоему щедроты твои подай, Христе Боже. Возвесели силою своею верного князя нашего, даруя ему победу на супостатов, ибо помощь твоя ему — оружие мира — непобедимая победа.

И кос, подобен. Кто вознесен был до третьего неба, а потом в рай, и слышал неизреченные божественные глаголы, которые нельзя высказать языком, что пишет к возлюбленным галатам? Прочли вы писание и поняли: «Я не буду, — сказал он, — хвалиться ничем, только одним Господним крестом», на котором он, пострадав, убил страдания. Его и мы будем неколебимо держаться, креста Господня, похвалы всех, ибо для нас это древо спасения.

Стихира глас 6, подобна: Вьсе упование. Моиси прообразуя, руцъ въздѣвъ на высоту и побѣжая Амалика мучителя крѣстѣмъ чѣстныимъ.* Тѣ бо вѣрными хвала, мученикомъ крѣпость, апостоломъ украшение, правдыимъ възбранникъ, всемъ преподобнымъ спасение. Темъже ѿ въздвижемъ видящи, вся тварь веселиться и празднуеть, славящи Христа, тѣмъ бо растоящая събравшааго и отъ коньць благодатью.

Крѣстъ, въздвизаемъ на немъ възнесенуму, страсть пречистую пѣти повелѣваетъ твари всея, на томъ бо убивъ нас убившааго, и умьрщвлении вѣставихомъся. И удобри, и на небесѣхъ жити сподоби, яко милосердѣ, премъножествѣмъ благодати. Тѣмъ радующеся, възнесѣмъ имя его и того възвеличимъ великое съшествие.

Кресте преславный! Тя хвалеть чинове англьсции, въпьюще, дньсь възносима Божиимъ велѣниемъ. Возносиши бо вся ядѣю оступльша и въ смѣрть въпадѣшася.* Тѣмъже тя сѣрдьци и устынами вѣрнии лобызаемъ, съвящение приемлюще: «Вознесите, — въпьюще, — Христа, прѣблагаго Господа, и тому кланяйтеся — Божию подѣножию!»

Ина стихира, глас 8, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворяй садъ, крѣстъ пресвятый, на высоту въздвижемъ, является дньсь. Славословестять ѿ вси коньци земля. Прогоними же бывають вси дѣмони. О, Божие дарование земельнымъ даровася! Имъже, Христе, спаси душа наша, яко милостивъ.

О преславное чудо! Широта крѣста и дѣлота небесѣмъ равна есть. И Божиею благодатию свящаетъ коньца земли. Симъ бо языци варварьсции побѣждени бывають, симъ бо вѣра утвърждается и Божия лествица, еуже възходимъ на небеса, възносяще пѣсньми Христа Бога.

О преславное чудо! Гързнѣ испълнь живота, понесый Вышняго, отъ земля възимаяся, — крѣстъ въздвизается дньсь, имъже къ Богу приведѣни быхомъ вси и пожьрта бысть до коньца смѣрть. О древо чистое, имъже въсприяхомъ въ Едемѣ бесѣмьртную пищу, Христа славяще.

По прокимне глас 8, самогласен. Егоже древле Моиси, прообразивъ собою, Амалика, низъложивъ, побѣди,* и Давидъ пѣвѣць подножью твоему, въпя, кланяется повѣлѣвааше.* чѣстному кресту твоему, Христе Боже, дньсь грѣшнии кланяемъся. Устынами недостойными, ты, извольшааго пригвоздирься на немъ, и, въспоюще, молимъ ти ся: Господи, съ разбойникѣмъ царьствию твоему сподоби насъ.*

Стих. Вознесите Господа Бога нашего. Глас пророка твоего Мосеа, Боже, испълнися, глаголющий: «Узьрите животь нашъ, висящъ прямо очима вашима».* Дньсь крѣстъ въздвизается и миръ отъ лъсти свободися. Дньсь Христово възкръсение обнавляется и коньци земля радуются, въ

Стихира шестого гласа, подобна: Все упование. Моисей прообразуя (крест), воздел руки на высоту и победил Амалика мучителя (образом) честного креста. Ибо крест верным похвала, мученикам крепость, апостолам украшение, праведным защитник, всем преподобным спасение. Поэтому, видя его воздвигаемым, вся тварь веселится и празднует, славя Христа, благодатью (креста) собравшего рассеянных со (всех) концов (земли).

Крест, воздвигаемый вознесенному на нем, повелевает всей твари воспеть пречистую страсть, ибо на нем убил он убившего нас, и, умерщвленные, мы восстали. И ублаготворил нас премножеством благодати и сподобил жить на небесах, ибо он милосерд. Поэтому вознесем имя его, радуясь, и возвеличим его великое сошествие.

О преславный крест! Тебя, ныне воздвигаемый по божественному велению, хвалят ангельские чины, вопия. Ибо ты возносишь всех, отступивших через греховное ядение и впавших в смерть. Поэтому мы, верные, лобызаем тебя сердцами и устами, принимая освящение и вопия: «Возносите Христа, преблагого Господа, и поклоняйтесь (Кресту) — Божию подножию!»

Ина стихира, глас восьмой, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворящий сад, пресвятой крест, воздвигаемый на высоту, является ныне. Славословят его все концы земли. Изгоняются все демоны. О Божие дарование, дарованное земным! Им, Христос, спаси души наши, ибо ты милостив.

О преславное чудо! Широта креста и долгота равна небесам. И Божественною благодатью освящаются концы земли. Ибо им побеждаются варварские народы, ибо им утверждается вера — божественная лестница, по которой восходим на небеса, вознося в песнях Христа Бога.

О преславное чудо! Гроздь, исполненная жизни, поднявшая Всевышнего, взимается с земли — воздвигается ныне крест, которым мы все были приведены к Богу и которым была пожрана окончательно смерть. О древо чистое, чрез которое мы восприняли в Эдеме бессмертную пищу, славя Христа.

По прокимне, глас восьмой, самогласен. Тому, которого древле Моисей прообразил собой и победил, низложив, Амалика, и подножию которого Давид-певец повелел поклоняться, мы, грешные, поклоняемся ныне, Христе Боже, честному кресту твоему. Воспевая недостойными устами тебя, изволившего пригвоздиться на нем, молимся тебе: Господи, с разбойником царствия твоего сподоби нас.

Стих. Возносите Господа Бога нашего. Слово пророка твоего Моисея исполнилось, Боже, возвещавшее: «Увидите жизнь нашу, висящую перед глазами вашими». Ныне крест воздвигается и мир от лжи освободился. Ныне Христово воскресение обновляется и концы земли радуются, принося

бубнѣхъ давидьскы пѣснь ти приносяща и глаголюща: съдѣлалъ еси спасение посрѣдѣ земля,* Христе Боже, распятие и въскръсение, имже насъ спасе, благый Человеколюбче, всесиленъ Господи, слава тебе.

Стихира. Възнесыйся на небеса. На «слава и на ныне», глас 6. Четвероконьчный миръ дньсь освящается, четвероконьчну възвышаему твоему крѣсту, Христе Боже нашъ. И рогъ вѣрнааго съвъзвышается князя нашего, на томъ вражнемъ съкрушенѣмъ рогѣмъ. Велий еси, Господи, и дивнъ въ дѣлѣхъ твоихъ, слава тобѣ.

Заутреня

На стих(овне), глас 8. Възнесеся на крѣсть, Христе Боже, и спасе человѣчскый родъ. Славимъ страсти твоя.

Иже въ Едеме раи древле древо сънѣдное прозяблѣ есть посрѣдѣ садовия,* църкы же твоя, Христе, крѣсть твои процвѣтѣ, источышаго всему миру жизнь. Нѣ ово умъртви сънѣдью ядыша Адама,* ово же животь сътвори вѣроу спасшася разбойника, егоже отъданю причастники яви ны, Христе Боже, страстью своею разреши иже на насъ гневъ вражий и съподобилъ ны църкѣ твоему, Господи.

Мосеова палица чыстныи крѣсть твои пробразоваше, Спасе нашъ, тѣмъ бо спасаеши яко из глубины морскыя люди своя,* Человеколюбче.

Глас 6. Крѣсть Христовъ! Крѣстьяномъ упование, заблуждыимъ наставниче, тружашимъ тишина, на бранѣхъ побѣда, вселенѣй утврждение, недужнымъ врачу, мъртвымъ въскръсение, помилуй насъ!

Канон крѣсту. Глас 8

Пѣснь 1

Крѣсть начертавъ, Моиси въпрямъ жызлѣмъ Чърмное пресѣче, Израилю проходящю; то же, обращъ на фараона съ колесницами, ударъ съвъкупи, въпреки написавъ* непобѣдимо оружие. Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Образъ древле Моиси пречистыя страсти на сѣбе прообразова, священою середѣ стоя, крѣсть же въобразя простертама побѣду дланьма въздвиже, държаву погубивъ Амалика* всегубителя. Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Горѣ въздвиже Моиси на копие ищлѣние, тълтворения избавление и ядовитааго уядения. И древу образѣмъ крѣста пресмыкаема по земли змия привяза* лукавное, о семъ обличивъ вредъ.* Тѣмъ Христа въспоймъ Бога нашего, яко прославися.

Показа небо крѣстную побѣду благочыстья държателю и цсарю богомудру,* на немже врагъ противныхъ разори шатание. Льсть превратися и

тебе песнь с бубнами, подобно Давиду, и говоря: совершил ты спасение посреди земли, Христе Боже, — распятие и воскресение, которым ты спас нас, благой Человеколюбец, всемогущий Господь, слава тебе!

Стихира. Вознесшийся на небеса. На «Слава и ныне», глас шестой. Четвероколенный мир ныне освящается, когда возносится твой четвероколенный крест, Христе Боже наш. И рог верного князя нашего совозвышается, когда на нем сокрушены рога врагии. Велик ты, Господи, и дивен в делах твоих, слава тебе!

Заутреня

На стиховне, глас восьмой. Вознесся ты на крест, Христе Боже, и спас человеческий род. Славим страдания твои.

Как прежде в райском Эдеме произросло дерево плодовое посреди растений, так церковь твоя, Христе, дала цвет кресту, источающему всему миру жизнь. Но то умертвило вкусившего Адама, это же оживотворило спасшегося верою разбойника, к награде которого сопричти нас, Христе Боже, страданием своим освободи нас от гнева вражьего и сподоби нас царствия твоего, Господи.

Жезл Моисея прообразовал крест твой, Спаситель наш, ибо им спасалась словно из глубины морской народ свой, Человеколюбец.

Глас шестой. О крест Христов! Упование христиан, наставник заблудших, покой труждающихся, победа в сражениях, укрепление вселенной, врач болящих, воскресение мертвых, помилуй нас!

Канон кресту. Глас восьмой Песнь первая

Крест начертал жезлом напрямую, Моисей рассек Красное (море), так что прошел Израиль; и его же, обратив на фараона с колесницами, соединил, ударив, наоборот написав непобедимое оружие. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Образ пречистого страдания явил собою прежде Моисей, стоя между двух священников, простертыми руками изображая крест, погубив державу Амалика всегубителя. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Ввысь поднял Моисей на копье исцеление, избавление от тления и ядовитого укуса. И к древу, образу креста, привязал ложь пресмыкающегося по земле змея, обличив тем зло. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо он прославился.

Показало небо владыке благочестия и богомудрому царю победу креста, и им разрушил он мятежи сопротивляющихся врагов. Ложь прекратилась и

вѣра простѣрся на земли коньцемъ божьствѣна. Тѣмъ Христа възспомнѣ Бога нашего, яко прославися.

Пѣснь 3

Жьзль въ *образъ таинѣ* приемлеться, прозябениемъ бо расуди иерея.* Неплодящий же прежде църквь ныне процвѣте дрѣво крѣста въ държаву и утвържение.

Яко испусти ударямъ воду камень* противнымъ людѣмъ и жестосръднымъ, богозванѣй църкви проявляше тайну, ейже крѣсть държава и утвържение.

Ребромъ пречистымъ копѣемъ прободѣномъ, вода съ крѣвию истече,* обнавляючи завѣтъ, и омѣвение грѣху. Вѣрнымъ бо крѣсть похвала и цсаремъ държава и утвържение.

Пѣснь 4

Ирмос. Услышахъ, Господи, сѣмотрения твоего тайство, разумѣхъ дѣла твоя, и прославихъ твое Божество.

Горькочадѣныя преложи дрѣвѣмъ Моиси воды въ пустыни* дрѣвле, крѣстьмъ на благочѣстие языкъ проявляя преложение.

В глубинѣ погрязышюу сѣкушюу въздасть *Иорданъ* дрѣвѣмъ,* крѣстьмъ и крыщениемъ сѣчениемъ лѣсти знаменавая.

Священно укрѣпляются четверочастѣнии людие преходяще, образъ свѣдѣтѣлства скинии крѣстообразными чинѣми проявляясь.*

Дивно простираемъ сѣлньчѣныя луча испущааше крѣсть — исповѣдаша небеса славу Бога нашего.

Пѣснь 5

О трѣблаженое древо, на немъже распятыся Христось, Цесарь и Господь, имъже падеся, иже дрѣвѣмъ прельщій, тобою прельщенъ бысть, Христови пригвождѣшюумуся плѣтью, подающюму миръ душамъ нашимъ.

Тѣбѣ, препѣтое древо, на немъже распятыся Христось, Едема хранящее, обращающееся оружие, *крѣсте*, устыдѣся, и страшнѣе же херувимъ* оступити, распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Преисподѣнныхъ силы, противѣнии крѣсту, устрашаются начѣртаемааго знаменія на въздушѣ, по немъже ходять. Небесныхъ, земельныхъ родъ же колѣна кланяются Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Зарями нетѣлещами явлься Божьствѣнныи крѣсть омраченымъ языкѣмъ грѣхѣми, въ тѣмъ лѣсти сущии Божий свѣтъ облиставъ, въводитъ на немъ распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

вера божественная распространилась до концов земли. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Песнь третья

Жезл принимается в образ тайны, ибо он цветением указал на иерея. Бесплодная же прежде церковь цвет дала ныне древу креста в державу и утверждение.

Как ударяемый камень испустил воду сопротивляющимся и жестокосердым людям, так крест являет тайну богозванной церкви, для которой он — держава и утверждение.

Пречистые ребра пронзены копьем, и вода с кровью истекла в обновление завета и омовение греха. Ибо верным — крест — похвала, а царям — держава и утверждение.

Песнь четвертая

Ирмос. Господи, я внял тайне твоего предначертания, уразумел дела твои и прославил твое Божество.

Горькие от природы воды прежде в пустыне Моисей превратил древом (в сладкие), прообразуя обращение язычников через крест к благочестию.

Утонувшую в глубине секиру возвратил Иордан, из-за древа, через крест и крещение отсечение лжи знаменую.

Священно укрепляется народ, разделенный на четыре части, образ свидетельства скинии являя крестообразными построениями.

Дивно простершийся крест испускал солнечные лучи — небеса исповедали славу Бога нашего.

Песнь пятая

О трблаженное древо, на котором распялся Христос, Царь и Господь! Тобою прельщен был и пал тот, который прельстил (людей) древом, когда плотью пригвожден был (на тебе) Христос, подающий мир душам нашим.

Тебя, воспетое древо, на котором распялся Христос, устыдился вращающийся меч, охраняющий Эдем, и в страхе отступил херувим от тебя, когда распят был Христос, подающий мир душам нашим.

Силы преисподней, противные кресту, устрашаются начертаемого в воздухе, где они витают, знамения. Колена же небесных и земных родов кланяются Христу, подающему мир душам нашим.

Как негаснущая заря явился Божественный крест помраченным грехами народам, Божественным светом пребывающих во тьме лжи просветил, приводит к распятому на нем Христу, подающему мир душам нашим.

Пѣснь 6

Водну звѣри въ утробѣ длани Иона крестообразно распростѣрь,* спасную страсть проображаше яснѣ, тѣмъ, триднѣвнѣ ишѣдъ, премирное въскрѣсение прописааше плѣтью пригвождена Христа Бога и триднѣвнымъ въскрѣсениемъ мира просвѣщааго.

Старостью преклонься и недугъмъ отягченъ, исправися Ияковъ, руце преложь,* дѣйствѣ являя живодавьца крѣста. Обѣтъшание бо и законънааго стѣнааго писания понови, писавъ, пригвождийся на немъ Христосъ Богъ и душетленьный недугъ — лѣсть отъгналъ есть.

На уная възложь длани божьствный Израиль крѣста образно на главу,* являаше, яко старѣйши слава законънослужбнии людие. Мнѣвъ тѣмъже съпрелѣститися, не изменова живоносна образа, преминуть бо людие Христа Бога обновлении въпяху, крѣстьмъ огражаеми.

Пѣснь 7

Безумна заповѣдь мучителя зѣлочѣстива людми поколѣба, дышущи прешениемъ и злохулениемъ богостужнымъ. Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрская, ни огонь сънедаей.* Нѣ дышущю хладнууму духу, съ огнемъ суше пояху: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».*

Отъ древа въкушь, пѣрвый въ чловецехъ въ тѣлѣние въселися,* въпадениемъ живота, бещѣствемъ осуженъ бывъ, всему роду *тѣлотѣннѣ** нѣкакъ яко врѣдъ нѣкакъ недуга подалъ есть. Нѣ обрѣтъше, земльнии, възведение, крѣстьноуму древу зовемъ: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».

Разруши велѣние Бога ослушание, и древо изнесе смѣрть зъмьнымъ, еже не благо время преложено. Въ утврѣжение зѣло чѣстнууму отьсѣле живоносное дрѣво възбраняетъ еже разбойнику нечювьственууму, отъврзе благоразумну,* въпьющю: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».

Жьзлѣ ся касаетъ краеви Иосифъ,* бывающихъ зѣря Израиль цѣсарѣства дѣржавное, яко прѣспѣть, преславный крѣсть проявляя. Съ убо есть цѣсаремъ побѣдная похвала и свѣтъ вѣроу зовущимъ: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».

Пѣснь 8

Благословите, дѣти, Троици равночисльнии, Съдѣтеля Отца Бога, пойте съшѣдѣшааго Слова, и огонь въ росу претворѣшааго,* и превъзнесите въсемъ живота дающааго Духа Пресвятааго въ вѣкы вся.

Въздвизаему древу, окроплѣну кровью въплѣщюся Слову Божию, пойте, небесныя силы, земьныхъ въздвижение! Празднующе людие, поклонитѣся крѣсту Христову, имѣже миру въскрѣшение въ вѣкы.

Песнь шестая

Внутри утробы морского зверя Иона распростер руки крестообразно, ясно прообразуя спасительное страдание и, выйдя через три дня, явил собою образ надмирного воскресения пригвожденного во плоти Христа Бога, просветившего мир трехдневным воскресением.

Согбенный от старости и отягчаемый недугом, поднялся Иаков, перекрестив возложенные руки, являя действие живоносного креста. Ибо ветхое и подобное тени законное писание обновил Христос Бог, пригвожденный на кресте, и *⟨тем⟩* прогнал растлевающий души недуг — ложь.

Возложив руки крестообразно на юные головы, божественный Израиль явил как старшую славу подвластный закону народ. Подозреваемый в заблуждении, не изменил он образа живоносного *⟨креста⟩*, ибо придет обновленный народ, ограждаемый крестом, ко Христу, вопия.

Песнь седьмая

Безумная заповедь злочестивого мучителя, изрыгающая угрозу и хулу богомерзкую, заставляла людей трепетать. Но трех отроков не коснулась ни ярость звериная, ни огонь пожирающий. Когда веял хладный дух, они пели, находясь в огне: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Вкусив от древа, первый человек вселился в тление, осужденный на отпадение от жизни и на позор, всему роду *⟨человеческому⟩* передал он телесное тление как недуг, как заразу. Но с обретением пути ко спасению мы, земнородные, взываем к крестному древу: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Ослушание нарушило Божие веление, и древо, к которому неблагоприятно прикоснулись, принесло смерть земнородным. Отселе живоносное древо возбраняет неблагоприятному разбойнику то, что открыло благоразумному, вопиющему: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Касался края жезла Иосиф, провидел будущее державное царство Израиль, ибо достигнет оно славы, явив преславный крест. Ибо крест есть царям победная похвала и свет с верою взывающим: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Песнь восьмая

Благословите, дети, равночисленные Троице, Творца Отца Бога, воспойте сошедшего *⟨Бога⟩* — Слово, превратившего огонь в росу, и превозносите всем подающего жизнь *⟨Святого⟩* Духа вовеки!

При воздвижении древа, окропленного кровью воплотившегося Слова Божия, воспойте, небесные силы, воздвижение земных! Люди, торжествуя, поклонитесь кресту Христову, *⟨подавшему⟩* воскресение миру навеки!

Земльныя длани, съмотрители блгодѣти, кръсть, на немже ста Христосъ Богъ, въздвижете святолѣпнѣ и копье, Божия Слова тѣло прободѣшее, да видять языци вси спасение Божие, прославляюще въ вѣки вься.

Божиемъ судѣмъ избѣрании, веселитесь, кръстьянскыи верьнии цьсаре, хвалитесь побѣдоноснымъ оружиемъ, приимѣше отъ Бога кръста чьстьнаго, симъ бо колѣна, брани дързость поискающе, рассыпаются въ вѣки вься.

Пѣснь 9

Тайный си Богородице рай, невъздѣланно вздрастивѣши Христа, имже кръстное живоносное на земли насажено бысть древо. Тѣмъ нынѣ възносиму, покланяющеся ему, ты величаемъ.

Да възрадуются дубравная дрєвеса всячьская, освящышюся еству ихъ, отъ негоже бѣ испърва насажено бысть, Христови распростършюся на дрѣвѣ. Тѣмъ ныне възносиму, покланяющеся ему, ты величаемъ.

Священный вѣста рогъ богомудрымъ главѣ вьсѣмъ кръсть, на немже грешныхъ мыслныхъ сѣтираются рози вьси. Тѣмъ нынѣ възносиму, покланяющеся ему, ты величаемъ.

Сънѣди ради дрєвяныя роду пребывшия, съмърть кръста ради упразнися дньсь, ибо праматере всеродная клятва раздрушися прозябениемъ чистыя Божия Матере, юже вься силы небесныя величаютъ.

Не горестъ дрєвнюю* оставль убийственую си кръстьмъ до коньца потребилъ еси. Тѣмъ и древо услади дрєвле горестъ, водъ мерьскъ,* проображая кръстьную дѣтѣль. Темъ ты с силы небесныя величаемъ.

Непрестанно тружаема мракѣмъ праотьца, Господи, кръстьмъ въздвиже дньсь, яко бо лъсти зѣло неудържаньно ество прежде съведено бысть. *Вьсепричьтено** ны паки исправи свѣтъ кръста твоего, егоже верьнии величаемъ.

Да образъ покажеши мирови покланяемо, Господи, кръста вьсѣхъ, яко славна на небеси, украсилъ еси, свѣтомъ неугасаемымъ озаренъ, цесареви оружие непобѣдно. Тѣмъ ты силы небесныя величаютъ.

Хранители благодати, земными руками воздвигните святолепно крест, на котором встал Христос Бог, и копье, пронзившее тело Слова Божия, — да видят все народы, спасение Божие прославляя вовеки!

Избранные Божиими судьбами, веселитесь, христианские верные цари, хвалитесь победоносным оружием, приняв от Бога честной крест, ибо им все племена, ищущие брани, побеждаются навеки.

Песнь девятая

Богородица! Ты есть таинственный райский (сад), невозделанно взрастивший Христа, который насадил на земле живоносное крестное дерево. Потому величаем тебя, (Богородица), поклоняясь ныне возносимому кресту.

Да возрадуются все деревья лесные, ибо освятилось естество их от того, кто насадил их, когда распялся на древе Христос. Потому величаем тебя, (Богородица), поклоняясь ныне возносимому (Кресту).

Встал священный рог головы всех богомудрых — Крест, на котором мысленно стираются рога всех грешников. Потому величаем тебя, (Богородица), поклоняясь ныне возносимому (Кресту).

Из-за древесного плода пребывавшая в человеческом роде смерть из-за креста ныне отменена. Ибо проклятие праматери всех людей разрушилось (плодом), который произрастила пречистая Божия Матерь, которую все силы небесные величают.

Не оставив древней убийственной горести, крестом ты уничтожил ее до конца. Потому и древо некогда усладило горечь вод Мерры, прообразуя действие креста. Потому тебя с силами небесными величаем.

Непрестанно мучимого мраком праотца (Адама) ты, Господи, воздвиг сегодня крестом, ибо от лжи, прежде бывшей, (человеческое) естество было низведено (в ад). Нас снова всеславно исправил свет креста твоего, который мы, верные, величаем.

Чтобы показал миру образ поклонения, Господи, Ты украсил, озарив светом неугасаемым, славное знамение (креста) на небе, — подавая царю непобедимое оружие. Потому Тебя силы небесные величают.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>БАН</i>	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
<i>БЛДР</i>	— Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука
	<i>БЛДР, 1</i> — XI—XII века. СПб.: Наука, 1997
	<i>БЛДР, 4</i> — XII век. СПб.: Наука, 1997
<i>ГИМ</i>	— Государственный Исторический музей (Москва)
<i>МГАМИД</i>	— Московский государственный архив Министерства иностранных дел
<i>РГАДА</i>	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
<i>РГБ</i>	— Российская государственная библиотека (Москва)
<i>РНБ</i>	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
<i>ПЛДР</i>	— Памятники литературы Древней Руси. XI—XVII века. Двенадцать выпусков. М.: Художественная литература, 1978—1994
<i>ТОДРЛ</i>	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
<i>ЧОИДР</i>	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

У истоков славянских литератур лежит сочинение, посвященное человеку, чей талант, труд и подвиг сделали возможным само их существование, — обширный текст высоких литературных достоинств и ценнейший исторический источник — Пространное житие Константина (в монашестве Кирилла) Философа. Относительно авторства памятника существуют разноречивые суждения, но среда, в которой он возник (ближайшее окружение первоучителя), и время создания (вскоре после смерти Константина в Риме) не вызывают сомнений.

Жизнеописание создателя славянской письменности в полной мере разделило ее исторические судьбы: гонение в Великой Моравии после смерти архиепископа Мефодия, когда само существование славянской грамоты и славянского богослужения находились под вопросом, триумф в Болгарском государстве Бориса и Симеона и упадок под византийским владычеством, новый бурный расцвет уже на иной территории — в Киевской Руси. Вплоть до Нового времени тема равноправия славянского языка как языка, которым достойно славить Бога, и ортодоксальности славянского православия оставалась актуальной. Первые следы использования Жития Константина в других литературных памятниках прослеживаются с начала XII в. (Повесть

временных лет под 996 г.). Символично, что уже на рубеже Нового времени в России к нему проявляют интерес писатели противоположных литературных направлений: высокоученый воспитанник Киево-Могилянской академии св. Димитрий, митрополит ростовский, создавший к 1700 г. новую редакцию Жития, и основатели знаменитой Выговской пустыни старообрядцы братья Андрей и Симеон Денисовы, включившие традиционный текст памятника в круг обязательного чтения общины (Минеи Четьи 1711 г.). Внимание и уважение к истокам сближало противоположности.

Живое отношение последующих эпох к Житию Константина как к памятнику, вновь и вновь обретающему актуальность, отразилось и в его рукописной традиции. Сохранилось не менее 60 полных списков памятника начала XV—XVIII вв., а число выписок (старшие из которых относятся к XIII в.) просто не поддается учету. Сопутствующие памятнику в рукописях тексты ясно свидетельствуют, что Житие (и выписки из него) воспринимались и использовались многопланово: и как собственно агиографический памятник, и как полемический трактат, источник сведений по истории, философии и грамматике. Большинство сохранившихся списков (свыше 80 %) — восточнославянского происхождения. Однако значение древнерусской традиции Жития не только в их числе: как недавно установил итальянский славист Дж. Дзиффер, *все* дошедшие списки памятника восходят к восточнославянскому протографу домонгольского времени.

Текстологическая история Жития Константина (в отличие от «текста-близнеца» — Жития Мефодия) чрезвычайно сложна, и реконструкция текста, наиболее близкого к оригиналу, вызвала немало научных споров. Из новейших работ на эту тему нужно указать статьи Б. Н. Флори (Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла: Итоги и задачи изучения) // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986) и Дж. Дзиффера (Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3; La tradizione russa sud—occidentale della Vita Constantini // Studii slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70 compleanno. Udine, 1992).

Общее число работ, посвященных разным аспектам жизни и деятельности Константина Философа и Мефодия (в том числе в немалой степени их житиям), насчитывает несколько тысяч. Сведения о них собраны в четырех больших библиографиях: 1. Ильинский Г. А. Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934; 2. Попруженко М. Г., Романски Ст. Кирило-Методиевска библиография за 1934—1940 гг. София, 1942; 3. Можеева И. Е. Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980; 4. Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А. Кирило-Методиевска библиография. 1940—1980. София, 1983.

Текст Жития Константина, начиная с середины прошлого столетия, неоднократно публиковался как по отдельным спискам, так и по целым группам. Лучшим остается издание П. А. Лаврова (Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930). Общим недостатком этих изданий является (как выяснено к настоящему времени) то обстоятельство, что в основу клались списки, отразившие большую редакторскую правку (рукопись Московской духовной академии № 19 — для восточнославянских, списки Владислава Грамматика — для южнославянских).

Обстоятельный научный комментарий памятника с изложением разных точек зрения по спорным вопросам и обширной библиографией принадлежит Б. Н. Флоре (Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори. М., 1981).¹

Текст Пространного жития Константина-Кирилла Философа издается по древнейшему списку нач. XV в., помещенному в дополнениях к Толковой Палее (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 619. Л. 250об.—267). Список восточнославянский, новгородский по происхождению (в языке постоянно наблюдаются мена Ц и Ч, Ъ и И) и является старшим в группе списков, содержащих текст памятника, наиболее близкий к первоначальному (так называемая группа С или новгород-

¹ Комментарий для наст. издания подготовлен публикаторами Жития Константина-Кирилла по этой монографии Б. Н. Флори и фактически является ее сокращенным вариантом.

ская 2-я) (*Дзиффер Дж.* Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3).

В рукописи из-за утраты двух листов отсутствует текст, повествующий о юности Константина, его учении в Константинополе, прении с патриархом Аннием и начале миссии к сарацинам. Эта утрата восполняется по списку в сборнике второй половины XV в. (*РНБ*, Софийское собр., № 1288/478), принадлежащему к той же группе списков, что и публикуемый Барсовский. Текст Софийского списка приводится по публикации О. М. Бодянского (*Бодянский О. М.* Кирилл и Мефодий: Собрание памятников до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся // *ЧОИДР*. 1863. Кн. 2. С. 39—65).

В рукописи Барс. 619 в тексте Жития Константина видны многочисленные следы работы редактора (или, скорее, корректора), современной списку (или несколько более поздней, но XV в.): восполнены пропуски (отдельные буквы над строкой, слова на полях), отдельные слова и части слов написаны по выскобленному тексту, зачеркнуты замеченные ошибочные написания (все эти исправления и большинство первоначальных написаний хорошо видны в фототипическом издании). Текст издается с учетом этой правки.

В соответствии с членением текста, принятым в древнерусской рукописной традиции (и в частности, в списке *ГИМ*, Барс. 619), текст разбивается на 5 глав-«чтений», а не на 18 глав (такое деление введено исследователями в XIX—XX вв.). Текст чтения 1 полностью соответствует главам I—V, 2 — VI—VII, 3 — VIII—XIII, 4 — XIV—XV, 5 — XVI—XVIII.

Стр. 22. *Богъ милостивъ и щедръ...животу...* — Монтаж цитат из разных библейских книг: Иониль. 2, 13; Тим. 2, 4; Иез. 33, 11.

Овча моя ... вѣчныи. — Иоан. 10, 27.

Подобни ми бываите ... Христу. — 1 Кор. 11, 1.

Солунь (Селунь) — Фессалоника, современные Салоники — город на северном побережье Эгейского моря, в IX в. один из главных городов Византийской империи.

Другарескъ — друнгарий, командир «друнги», в иерархии военных властей фемы (военно-административного округа в Византии IX—X вв.) занимал следующее место: стратиг — турмарх — друнгарий — комит.

Стратиг — глава фемы.

Иов — библейский праведник (книга Иова).

...семь отрокъ... — Неоднократное упоминание числа 7 или кратных ему для определения событий в жизни героя или его родителей заставляет подозревать, что это не столько реальные даты, сколько стремление агиографа использовать для измерения священное число. Можно отметить и другие характерные для агиографии мотивы: отказ младенца от молока кормилицы, отказ родителей после его рождения от плотских сношений.

Егда же роди и мати... — По свидетельству Жития Константин скончался 14 февраля 6377 г. (т. е. 869 г. по сентябрьскому стилю, принятому в Византии, или 870 г. — по мартовскому, который мог применяться в Великой Моравии), 42 лет от роду. В соответствии с этим его рождение следует относить либо к концу 826—началу 827 г., либо к концу 827—началу 828 г. В памятнике церковного происхождения, принадлежащем к византийскому культурному миру, логичнее ожидать первый вариант.

Стр. 24. *...отца и устроителя...кръстьяны.* — Имеется в виду византийский император, считавшийся главой всех христиан на земле.

... видѣ сонъ... — Рассказ о чудесном сне сложился под влиянием сочинений знаменитого церковного деятеля, теолога и писателя IV в. Григория Назианзина. В Житии сон Константина приспособлен к условиям жизни IX в., когда был распространен выбор невесты для императора или наследника из числа собранных в столицу красавиц.

Сыну, храни законъ... матери своя. — Притч. 6, 20.

Свѣтилникъ бо ... и свѣтъ. — Притч. 6, 23.

Рчи же ... створи. — Притч. 7, 4.

Сияеть бо ... избавишися ею. — Ср. Прем. 7, 29; 8, 2; 10, 9.

Плакида — Евстафий Плакида — римский военачальник; согласно его житию, обратился в христианство, увидев во время охоты оленя с крестом между рогами (Житие Плакиды см. БЛДР, 3).

Григорий Феолог — Григорий Богослов (Назианзин).

О Григорие... и учитель. — Данный текст — попытка стихотворного перевода с греческого языка молитвы Константина.

Стр. 24—26. *Вшед же въ многи ... сердца своего.* — Эпизод свидетельствует о том, что в провинции в IX в. можно было получить лишь начальное образование.

Стр. 26. *Логофет* — с VII в. глава важнейших центральных ведомств Византии, здесь — логофет Феоктист, первый министр при дворе императрицы Феодоры и ее малолетнего сына Михаила III в 40-х—начале 50-х гг. IX в.

...да ся бы съ царемъ училъ. — Данное свидетельство маловероятно, так как Михаил III был значительно моложе Константина.

Боже отецъ наших... премудрость... — Прем. 9, 1—2, 4.

...да разумѣвъ... спасуся. — Ср. Прем. 9, 10, 19.

Азъ бо есмь ... твоя. — Ср. Пс. 115, 7; Прем. 9, 5.

Царьград — Константинополь, столица Византийской империи.

Лев — Лев Математик — ученый IX в., возобновивший занятия точными науками и изучение античных текстов; позднее — глава государственного училища, созданного дядей императора Михаила III Вардой.

Фотий — филолог, знаток древних авторов, теолог; в 40—50-х гг. крупный государственный чиновник, с 858 г. — патриарх Константинопольский.

Научи же ся Омиру ... художествомъ. — Перечень наук традиционен и соответствует курсу организованного позднее Константинопольского университета. Упоминание на первом месте не связанных между собой Гомера и геометрии, возможно, объясняется тем, что этим наукам Константин учился у Льва, а остальным — у Фотия.

Скорость бо ся ... съ Богомъ жити. — Мозаика фрагментов из Похвального слова Василию Великому Григория Богослова.

Княжение — термин для обозначения архонтии, территории, населенной славянами, во главе которой ставился вместо местного князя чиновник.

...прадѣьяа чьсти... искати. — Прадедом назван Адам, отыскать его честь и богатство — достичь совершенства, которым отличался праотец до грехопадения. Отрывок следует трактовать как отказ от светской карьеры и желание стать монахом.

Царица — Феодора, вдова императора Феофила (829—842), мать Михаила III (842—867), после смерти мужа и до 850 г. — правительница.

Стр. 28. *...книгчи...* — Вероятно, имеется в виду библиофилак — библиотекарь, поскольку Константин как молодой клирик, не имевший опыта работы в администрации, не мог сразу стать хартофилаксом — главой патриаршей канцелярии и архива, а должен был получить более скромную должность. Так как все известные хартофилакссы были дьяконами, Константин не мог получить сан выше, и сообщение о посвящении его сразу в священники — неточно. В украинско-белорусских списках Жития, обладающих рядом текстологических особенностей, должность Константина обозначена как «сосудохранитель», т. е. скевофилак — хранитель патриарших облачений.

...патриарх... — Вероятно, имеется в виду патриарх Игнатий (847—858).

Святая София — собор в Константинополе, при котором находились патриаршая библиотека и архив.

Узкое море — пролив Босфор.

Умолиша же ... ся ятъ. — Возможно, речь идет о назначении Константина преподавателем Константинопольского университета.

Анний патриарх — Иоанн Грамматик, патриарх Константинопольский (837—842), глава партии иконоборцев. Анний — презрительная кличка, данная ему его противниками. Рассказ о

диспуте вызывает сомнения исследователей, так как подобные рассказы известны и в житиях других святых того же времени.

Патрикий — один из высших византийских почетных титулов.

Не сътвориши всякого подобиа. — Ср. Исход 20, 4 в Острожской Библии.

Не сътвориши ... подобиа. — Ср. Исход 20, 4; Вт. 5, 8.

Стр. 30. Чтение второе. — Следующий далее рассказ о посольстве к арабам неоднократно вызывал сомнения, так как такое посольство не упоминается в других источниках. Однако некоторые детали свидетельствуют о том, что это посольство имело место.

Давида... с тремя каменми... — См. 1 Царств. 17, 40. В Библии говорится о пяти камнях. Здесь отразился след глаголического оригинала: в глаголице В (3) и Д (5) имеют очень близкое начертание.

Асикрет Георгий — византийский дипломат, ведущий переговоры с арабами. Полагают, что именно он стоял во главе посольства, участником которого и был Константин.

...образи дѣмонскы ... ругающеся. — По эдикту халифа Мутаваккиля (на престоле с 847 г.), преследовавшего христиан, предписывалось изображать дьявола на дверях их домов.

Род его ... животь его. — Деян. 8, 33; ср. Ис. 53, 8.

Стр. 32. Послахомъ духъ... о Троици. — Коран 19, 7. Ссылка на эту суру — обычный аргумент в полемике с мусульманами византийских theologов.

Молити за врагы... гонящимъ. — Ср. Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

Молите за обидяща. — Мф. 5, 44; Лк. 6, 28.

Больша сея любви... за другы. — Ср. Иоан. 15, 13.

Христосъ есть данъ даяль... — Утверждение неточно: Иисус Христос только не отрицал необходимости ее давать (Мф. 22, 17—21; Мр. 12, 14—17).

Стр. 34. Армениино. — Так славянский автор передал греческий вариант титула халифа — «амерумна». Константиноу, по-видимому, показывали постройки халифа Мутаваккиля в его резиденции Самарре, изумлявшие своей роскошью.

Аще и смертно... не вредить. — Мр. 16, 18.

Единою же на Святыхъ днь... о всѣхъ сихъ. — Рассказ этот представляет одно из обычных для агиографии общих мест.

Олимбъ — гора Олимп в Малой Азии на побережье Мраморного моря — один из центров византийского монашества в IX в.

Хазары — союз тюркоязычных племен, главным образом кочевых, создавших на Нижней Волге и в степном Предкавказье государственное образование раннефеодального типа — Хазарский каганат (VII—середина X в.).

...испърва единъ токмо Богъ ... имемъ. — Подавляющее число исследователей считают речь хазарских послов вымыслом агиографа. Судя по арабским и еврейским источникам, каган и хазарская знать приняли иудаизм по крайней мере за несколько десятилетий до путешествия Константина.

Хорсунь — Корсунь, Херсон — город на территории современного Севастополя, центр византийских владений на Крымском полуострове.

Самарянин. — Самаритяне — название этнической и религиозной группы семитского населения.

...книгы самарѣискы... — Имеется в виду Пятикнижие, написанное самаритянской азбукой.

Стр. 36. ...русьскы писмены... — Это загадочное место в Житии породило огромную литературу, из которой можно выделить следующие основные точки зрения: 1) русские письма — письма древних «русов» (восточных славян), которые затем легли в основу изобретенной Константином азбуки; 2) имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный в IV в. Вульфиллой; 3) имеются в виду «сурские», т. е. сирийские письма. Большинство исследователей в настоящее время придерживаются последней точки зрения.

...яко святыи Климент ... лежить... — Имеются в виду останки похороненного у Херсонеса мученика раннехристианского времени по имени Климент, которого легенда,

возникшая в IV—VI вв., отождествила с Климентом, папой римским, третьим преемником апостола Петра. Место погребения в результате погружения берега к IX в. оказалось на полузатопленном острове.

Архиепископ — Георгий, архиепископ Корсунский.

...якоже пишетъ въ обрѣтении его. — Имеется в виду написанное Константином на греческом языке и сохранившееся только в славянском переводе Сказание об обретении мощей св. Климента.

Угры — венгры, кочевавшие в этот период в причерноморских степях.

...кюрѣ илѣса... — От греч. *κυριε ελεησον* — «Господи, помилуй».

Меотское озеро — название Азовского моря в античной и византийской литературе.

Капийская врата — обозначение Дербентского прохода в античной и византийской литературе.

Стр. 36—38. *Дѣдъ имѣхъ велии... есмь.* — Аллегория библейского рассказа о грехопадении.

Стр. 38. *Слушаи мене... въ вѣкы.* — Ис. 48, 12.

Въ горѣ каменнии ... наша грѣхы. — Ср. Исход 19, 16; 34, 9; 1 Иоан. 3, 5.

Акула — Аквила — еврейский ученый II в., переводчик Ветхого Завета на греческий язык. Константин использовал этот перевод, отличающийся от Септуагинты, как доказательство христианского догмата о воплощении Бога в человеческом теле.

Стр. 40. *Се азъ въздвигну ... в того мѣсто.* — Ср. Быт. 9, 9, 2—6.

Дая законъ... и тобою. — Ср. Быт. 17, 13, 2, 4, 7.

Послуши же завета сего... Егупетскы. — Иер. 11, 2—4.

Прѣставлю ... дамъ. — Ср. Иезек. 11, 19; 36, 26.

Явѣ се дѣние ... в заветѣ моемъ. — Иер. 31, 31—32.

Яко се заветъ мой... в люди. — Ср. Иер. 31, 33.

Стр. 40—42. *Тако глаголетъ... и законъ отринуша.* — Иер. 6, 16—19.

Стр. 42. *Нѣсть моя воля... Господь Вседержитель.* — Мал. 1, 10—11.

Аще послушающе... рѣкы Ефранта. — Ср. Вт. 11, 22, 24; Исход 23, 31.

Радуися зѣло ... до конца вселения. — Ср. Зах. 9, 9—10.

Не оскудѣтъ князь... ся щадить. — Ср. Быт. 49, 10.

70 недель... и пророчество. — Ср. Дан. 9, 24—25.

...железное царство... — Дан. 2, 40.

Камень ... без рукъ чловечьскѣ... — Ср. Дан. 2, 34, 45.

Воздвигнетъ Богъ... въ вѣкы. — Дан. 2, 44.

Стр. 44. *Остависте имя ваше... Богомъ небеснымъ.* — Ис. 65, 15—16.

Се, два... с нами Богъ. — Ис. 7, 14; Мф. 1, 23.

И ты, Вифлеоме... и родити. — Мих. 5, 2—3; Мф. 2, 6.

Вѣпросите и видите... спастись. — Иер. 30, 6—7.

Преже даже ... роди мужескъ полъ. — Ис. 66, 7.

Благословенъ Господь Богъ Симовъ... — Быт. 9, 26.

Да распространить ... в села Симова. — Быт. 9, 27.

Ибо чловекъ мира... уповахъ. — Ср. Пс. 40, 10.

Се буди ... и мною. — Быт. 17, 2, 7, 10—11.

...утерплъ жилу стегна его... — Ср. Быт. 32, 25.

... Израиль... Бога. — Ср. Быт. 32, 28, 30.

Стр. 46. *Образъ ли скиния... изрядныи.* — Ср. Исход 26, 1—37; 36, 8—38.

Первуму завету... ся осквернила. — Ср. Быт. 9, 3; Тит. 1, 15.

Се вся добра зѣло... — Ср. Быт. 1, 31; 2, 9, 16.

Снѣсте бо... възлюбленыи. — Ср. Вт. 32, 15.

Сѣдоша людие ... вѣсташа играть. — Исход. 32, 6.

А иже хочеть ... словесъ. — Состав сочинений («слов») Константина, не дошедших до нас, не установлен.

Дѣва мальжена ... посла. — Аллегория библейского рассказа о грехопадении первых людей.

... яко от дѣвы ся родилъ... силою великою. — Ср. Коран 19, 29, 3, 40, 43.

До Христа ... прѣстанеть. — Ср. Дан. 9, 24.

... судиа ветхыи дньми... — Ср. Дан. 7, 9, 22.

Стр. 50. *Иже бо... въ сладѣкую.* — Ср. Исход 15, 23—25.

... въ Фулъстѣ языцѣ ... — В источниках VIII—IX вв. неоднократно упоминается г. Фуллы, центр особой епархии в Крыму.

Александръ — Здесь не название дерева, а его нарицательное наименование, в переводе с греческого «защитник мужчин».

Стр. 50—52. *Грядѹ азъ събрати... въ языцѣхъ.* — Ис. 66, 18—19.

Стр. 52. *Азъ послу... изловятъ вы.* — Ср. Иер. 16, 16.

... девять сотъ и девятеро... и девять лѣтъ. — Во всех славянских списках срок назван неправильно: хронологические расчеты на основании Летописца патриарха Никифора дают цифру 989.

Ростислав — правитель Великой Моравии, раннефеодального славянского государства.

Дѣдъ мои и отецъ мои ... — дед Михаила III — император Михаил II (820—829), отец — Феофил II (829—842).

... съ Варѣдою, уимъ своимъ... — Варда — дядя Михаила III по матери, его соправитель с титулом «кесаря», фактический глава империи в конце 50-х—начале 60-х гг. IX в.

Стр. 54. *... иже просятъ ... толкущимъ.* — Ср. Мф. 21, 22; 7, 7; Лк. 11, 9.

Испърва бѣ слово... бѣ слово... — Иоан. 1, 1. Эта фраза свидетельствует о том, что первым Константином переводил Евангелие апостол.

Константин — римский император IV в., прекративший преследования христиан, в византийской традиции — образец идеального государя.

И отверзошася ... бысть гугнивымъ. — Ср. Ис. 35, 5; 32, 4.

Но 3 языки есть токмо... и латынски... — Изложенная здесь точка зрения, что воздавать хвалу Богу можно лишь на трех языках, сложилась на латинском Западе начиная с VII в. под влиянием высказываний Исидора Севильского.

...латиньстии и спручьстии архиерѣи... — архипресвитеры, стоявшие во главе церковных округов Великой Моравии. Чем вызвано их разделение на латинских и франкских («спручьстии») — неясно.

...нарече я триязычники... Господни. — Имеется в виду надпись, сделанная на кресте на трех языках (Лк. 23, 38).

...яко подѣ землею... вельгави... — Имеются в виду антиподы, жители противоположной стороны земли (по учению пифагорейцев). Большая часть церковных авторитетов раннего средневековья отрицательно относилась к этому мнению.

И аще кто... того ради. — Происхождение этого поверья, которое пропагандировало немецкое духовенство, неясно. Возможно, таким путем велась борьба с распространенным у славян почитанием змей.

Аще чьловека... не прикасаеть. — В настоящее время исследователи полагают, что вместо слова «человек» в данной фразе читалось что-то другое. Наиболее вероятно здесь было слово «члк», прочитанное затем как «члк» — «человек». В старопольском языке это слово было обозначением пресмыкающихся.

Стр. 56. *Пожри Богови... молитвы твоя.* — Ср. Пс. 49, 14.

Жены же уности... жена завѣта твоего. — Ср. Мал. 2, 15—16, 13—14.

Яко речено...прѣлюбы дѣть. — Мф. 5, 27—28, 32; ср. Мф. 19, 9; Мр. 10, 11—12.

Яже есть Богъ... не разлучается. — Ср. Мф. 19, 6; Мр. 10, 9.

Четыри же десять мѣсяца... — В Житии Мефодия указан другой срок пребывания братьев в Моравии — 3 года, что, вероятно, более соответствует действительности.

Паноньскъ — Паннония, провинция в составе Римской империи; занимала западную часть Венгрии, северную часть Югославии и восточную часть Австрии.

Бѣнятъцихъ — местный беспредложный падеж от Бѣнѣтъки — Венеция.

Диалогъ. — В рукописи: Фолог, исправлено по смыслу.

Иероним — переводчик Библии, учитель церкви (IV—V вв.).

Августин — учитель церкви (IV—V вв.).

Не идетъ ли дождь...ли на вся... — Ср. Мф. 5, 45.

Яѣѣ же суть си... ини мнози. — Перечень, приведенный Константином, включает в себя ряд народов Закавказья и Ближнего Востока, обладавших ко времени путешествия Константина многовековой письменной традицией, которая в той или иной форме дошла до наших дней. Таковы армяне, персы, грузины, арабы. Наряду с ними в списке фигурируют языки, вымершие к настоящему времени, на которых в IX в. существовала разнообразная литература — сирийский, коптский («египтяне» в списке, которые отличаются от арабов, несомненно потомки древнего населения Египта) и согдийский — восточноиранский язык (Согдиана — область на территории современных северного Таджикистана и южного Узбекистана), служивший международным языком в Центральной Азии в VIII—X вв. Согдийское письмо было создано на основе ближневосточных алфавитов уже в начале нашей эры. На основе согдийского письма не позднее VI в. была создана руническая письменность на тюркском языке («турси» Жития), существовавшая в Центральной Азии до X в. К ней восходят особые варианты аварского («объре») и хазарского («козаре») рунического письма. Письменность и богослужение на родном языке у готов появились в IV в., со времени их вторжения на земли Римской империи. С готами, остатки которых жили в Крыму в IX в. Константин мог познакомиться во время Хазарской миссии. Абхазы не имели собственной азбуки, возможно, их включение в список объясняется тем, что они использовали при богослужении грузинский (а не греческий) язык.

Поите Господеви... и въспоите! — Пс. 95, 1; 97, 4.

Вся земля... вышнии. — Пс. 65, 4.

Хвалите Господа вси языци... хвалите Господа. — Пс. 116, 1; 150, 6.

Стр. 56—58. *Елико же есть... Божия будутъ*. — Иоан. 1, 12.

Стр. 58. *Не о сихъ ... и азъ в тебе*. — Иоан. 17, 20—21.

Дана ми есть всяка власть... Аминь. — Мф. 28, 18—20.

Шедъше въ весь миръ... възъглаголють новы. — Мр. 16, 15—17.

Горе вамъ, кънигъчии... не оставляете внити. — Мф. 23, 13.

Горе вамъ... внити възбранисте. — Лк. 11, 52.

Стр. 58—60. *Хошу, да вси языки глаголетъ... нъ миру*. — 1 Кор. 14, 3—33, 37.

Стр. 60. *Аще кто не разумѣтъ — да учится*. — Ср. Прит. 8, 5. Перед нами явная редакторская правка текста: слова «А кто не разумеет, пусть не разумеет» (1 Кор. 14, 38), содержащиеся в некоторых списках, часто или пропускаются или заменяются как явно не отвечающие идее отрывка в целом.

Тѣм же, братье... да бывають. — 1 Кор. 14, 39—40.

Всякъ исповѣсть... Богу Отцю. — Фил. 2, 11.

...римьскыи папѣжъ... — римский папа Николай I (858—867).

Апостоликъ — апостолический, преемник апостолов, употреблялся наряду с термином «папа римский». Однако эти термины имели разное значение: «папа» употреблялся для обозначения римских пап вообще, в том числе и умерших к моменту действия, а «апостолик» обозначал лишь папу, обладающего властью в момент действия.

Адриан II — римский папа (867—872); Николай I, вызвавший братьев в Рим, скончался 13 ноября 867 г., а встретил их Адриан, вступивший на престол 14 декабря того же года.

...церкви святая Марія...Фатанъ... — Перевод греческого слова «фатан» — ясли. Такое название позволяет отождествить упоминаемый храм с известной римской церковью святой Марии «ad graesere», ныне — церковь Санта Мариа Маджиоре.

Формоза — епископ Порто, один из главных знатоков восточной политики в папской курии, с 866 г. папский легат в Болгарии.

Гаудерих — епископ Веллетри, влиятельный советник римских пап.

...въ церкви святого Петра... — знаменитый собор св. Петра, главный храм католической церкви, где по преданию похоронены останки апостола.

Петрунилы. — Церковь Петрониллы — небольшая ротонда возле собора св. Петра, существовала еще в начале XVI в.

...въ церкви святого Андрѣя... — Имеется в виду церковь св. Андрея, построенная папой Григорием Великим, ныне известна как церковь Сан Григорио ад Челио.

...у великаго учителя... в церкы... — Имеется в виду церковь Сан Паоло Фуори ле Мура.

...Арсьбня епископа... епискупъ... — Арсений, епископ Орто, член постоянного совета при папе из семи епископов наиболее близких к Риму диоцезий.

Настас — Анастасий, племянник Арсения, глава папского архива и канцелярии, знаток греческого языка, переводчик.

Нѣсть уже... есть родити. — Имеются в виду ветхозаветные пророчества: Дан. 12, 11—13; Ис. 7, 14.

О рекшихъ къ мнѣ ... обрадовася. — Ср. Пс. 121, 1.

Стр. 62. Кирилъ. — По традиции, постригающийся в монашество принимал другое имя, начинающееся с той же буквы. Имя Кирилл Константин принял, вероятно, в честь Кирилла Александрийского, греческого теолога V в.

...50 дъниш. — Цифра, возможно, символическая, соответствует 50 дням, которые прошли от Воскресения Христа до Сошествия Святого Духа на апостолов.

...покрывая кровомъ крилу твоею... — Ср. Пс. 60, 5.

Благословенъ Богъ нашъ... избави ны... — Ср. Пс. 123, 6—7.

...въ 14 днь... 7 лѣт. — См. коммент. к с. 22.

...въ свои монастырь... — Имеется в виду монастырь Полихрон на Олимпе Вифинском.

...церкви святого Климента... — Позднеантичная базилика, сохранилась до наших дней как подземная часть более поздней постройки под тем же названием.

Стр. 64. Написавъ же... и ночь... — С этим сообщением в течение длительного времени связывали открытую в XIX в. фреску IX в. в церкви св. Климента с изображением Христа на троне в окружении двух архангелов и святых Климента и Андрея, которые представляют Христу двух коленопреклоненных духовных. В настоящее время историки искусства не разделяют мнения, что на фреске изображены Кирилл и Мефодий, и рассматривают ее как типичную патрональную композицию, выполненную по заказу двух неизвестных высокопоставленных лиц духовного звания.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

Житие составлено в Моравии вскоре после смерти св. Мефодия в 885 г. одним из его учеников. Сохранилось в 15 списках, древнейший из которых входит в состав известного Успенского сборника конца XII—начала XIII в. (*ГИМ*. Синодальное собр., № 1063). См. его издания: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 188—198; *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1973. Том 3. С. 160—195; Жития Кирилла и Мефодия. М.: Книга; София: Наука и искусство, 1986. С. 181—232. Текст Жития воспроизводится по этим изданиям. Историю изучения Жития и свод комментариев к нему см.: Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М., 1981. С. 143—173.

Стр. 66. ... апреля въ 6 днь. — В рукописи *мая в 10 днь*. Исправлено по другим спискам.

...отъ великоты бо и доброты дѣлѣ по размыслу и родителъ ихъ мудръствуется... — Прем. 13, 5.

Прѣже въсѣхъ хѣлмъ ражаеъ мя. — Притч. 8, 25.

Азъ въ Отыци, а Отыць въ мнѣ. — Ио. 14, 11.

Духъ истиньнъ, иже от Отъца исходитъ. — Ио. 15, 26.

Словѣмъ Господьнѣмъ ... и създѣдашася... — Пс. 32, 6, 9.

Стр. 68. *Въ сѣмени твоѣмъ ... вси языци.* — Быт. 22, 18.

Елиси, милоть приимъ... — 3 Цар. 19, 19: «...нашел Елисея... Илия, проходя мимо его, бросил на него милоть свою». См. также 4 Цар. 2.

Стр. 70. *...съ другимъ цсарьмъ...* — Феодосий II (208—450), византийский император.

...иже хощеть ... истиньныи пришълъ... — 1 Тим. 2, 4.

Алимбъ — гора Олимп в Малой Азии вблизи побережья Мраморного моря, один из центров византийского монашества.

...въ козары... — Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 3.

Стр. 72. *Полихронъ* — монастырь у горы Олимп.

...спудове... — Спуд — мера сыпучих веществ на Руси (кадушка, ведро и пр.).

Ростиславъ, Святополкъ. — См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.

...исправить всяку правду. — Мф. 3, 15.

Бога боитеся, цсаря чѣтѣте. — 1 Петр. 2, 17.

Апостоликъ Никола. — В момент прибытия в Рим Кирилла и Мефодия на престоле уже находился папа Адриан II. См. Житие Константина-Кирилла, чтение 5. Апостолик — см. коммент. к с. 60.

...на олтари Святаго Петра... — В Житии Константина-Кирилла, чтение 5, названа церковь св. Марии.

...по Пилатову писанию... — Имеется в виду надпись на кресте «Иисус Христос царь иудейский», на трех языках. Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

...повелѣ единому епископу... — Речь идет о епископе Формозе, см. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

Анагност — чтец в церкви (причетник).

...на лѣсъ... гору... — Гора — Алимб (Олимп) — см. с. 70 и коммент.

Коцель. — См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.

Стр. 74. *Слава въ вышнихъ ... благоволение...* — Лк. 2, 14.

...вѣра бо без дѣлъ мѣтва есть... — Иаков 2, 26.

...ся мнѣть Бога...отѣмѣтають. — Тит. 1, 16.

...святаго Климента мощи несуще. — См. Житие Константина-Кирилла, чтения 3 и 5.

...въсхвалять Господа вси языци... — Пс. 116, 1.

Вси възглаголять ... отвѣщавати. — Деян. 2, 11.

... вѣлци, а не овѣця... — Мф. 7, 15.

... на столъ святаго Андроника от 70... — О семидесяти апостолах см. Лк. 10.

... моравьскаго короля... — Имеется в виду Людовик Немецкий, правитель Восточно-франкского королевства, захвативший в 870 г. Великую Моравию. Он поддерживал стремление немецких епископов включить в Баварскую церковную провинцию захваченные земли, которые находились в непосредственном церковном подчинении у римского папы.

Стр. 76. *Истину глаголю прѣдъ цсари и не стыжюся...* — Пс. 118, 47.

...изгнана въся... — В 871—873 гг. Великая Моравия добилась освобождения от франкского господства, что отразилось и на судьбе Мефодия, томившегося до тех пор в заключении.

Стр. 78. *Божии раби.* — Буквальный перевод древненем. *gotes skalh* — священник. Немецкое духовенство оставалось в Моравии и служило на латинском языке.

... и не обрѣтѣся ... расѣя. — Пс. 102, 16.

... иопаторскою ересью... — От греч. *иос* — сын и *патер* — отец. Учение, согласно которому Св. Дух исходит не только от Отца, но и от Сына (см. Символ веры, 8-й член). Позже это учение (*filioque*) стало основой католической догматики и послужило причиной великого раскола христианской церкви в 1054 г.

... есть присно ... сѣрдьце... — Притч. 21, 1.

Бѣды от разбоишникъ ... множицею... — 2 Кор. 11, 26—27.

... дѣва погы... — При числительном *дѣва* употреблена форма множ. числа; ожидалось бы: *попа*. Первоначально было «три», обозначенное глаголической буквой «веди». При переписке текста из глаголицы в кириллицу писец заменил глаголическое «веди» на кириллическую букву «веди», а она имеет числовое значение «два». Догадка Р. Мэтьисена, 1967 г.

... шестию мѣсяць... — Аналогичная путаница числительных при переписке из глаголицы в кириллицу. Должно быть «восемь». Догадка М. Решетара, 1913 г.

Стр. 80. *... святого Димитрия.* — День памяти св. Димитрия Солунского 26 октября.

... королю угорьскому... — Указание на венгерского короля не соответствует исторической действительности. Хотя племена венгров проникали в Моравию с конца IX в., король у них появился лишь в XI в. По мнению А. Брюкнера (1967), речь идет о франкском короле Карле III. Вероятнее, однако, что королем назван вождь какой-нибудь венгерской племенной группы, которые начали появляться в этих местах с VIII в.

... уста многорѣчныхъ загради... — Пс. 61, 12.

... течение же съвърши, вѣру съблюде... — 2 Тим. 4, 7.

... тако угожь, Богу възлюбленъ бысть. — Прем. 4, 10.

Въ руцѣ твои, Господи, душу мою възлагаю. — Лк. 23, 46.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА. ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Публикуя отрывок из Толкового Апостола, мы имели намерение познакомить читателя с одним из важнейших разделов древнерусской письменности — книгами Священного писания (Библией) в ранних славянских переводах. Библейские книги были трех типов: 1) служебный (приспособленный для богослужения, порядок текстов соответствует церковному календарю; как правило, в этом типе текст книг Священного писания не полон); 2) Четий (т. е. предназначенный для чтения), тексты расположены в порядке, свойственном той или иной книге Священного писания; 3) толковый — когда текст разбит на отрывки (от нескольких слов до нескольких стихов) и каждый из них снабжен толкованиями (пояснениями). Толкования на книги Священного писания составлялись в разное время и разными авторами, в большинстве своем это известные византийские богословы, такие как Максим Исповедник, Никита Ираклийский, Иоанн Златоуст и многие другие. Поскольку толкований было очень много, из них стали составлять своды, или катены (от лат. *catena* — цепь), объединяющие в один текст толкования разных авторов, иногда это были отдельные цитаты или пересказ отдельных мыслей тех или иных авторов. Составитель катен так перерабатывал своих предшественников, что разные и разновременные тексты сливались в одно и закономерно существовали под именем последнего толкователя. Толкования-катены — более распространенный тип толковых текстов, чем толкования одного автора. Примером последнего может быть Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского. Что касается Толкового Апостола, то здесь толкования — катены, и составлены они были блаженным Феофилактом, епископом Охридским (конец XI—начало XII в.), включившим в свою работу комментарии на Апостол других византийских авторов (Дидима, Исихия, Оригена, Севира и др.). Толкования в несколько раз превосходят по объему текст Апостола.

О греческом Толковом Апостоле в том виде, в каком он сохранился в славянском переводе, мы можем судить по изданию Крамера (*Cramer J. A. Catenae graecorum patrum in Novum Testamentum. Oxford, 1838—1844. 8 t.*). Толкования, принадлежащие Феофилактору Болгарскому, здесь отмечены как «ненадписанные» (ἐξ ἀνεπιγράφων). Сопоставление греческого текста со славянским во многом помогает понять славянский текст, который в ряде случаев трудно «разгадывается», тем более что имела место порча текста в процессе переписки.

Толковый Апостол появился у восточных славян, вероятно, к началу XIII в. Древнейшая из известных нам рукописей — 1220 г. Имеется несколько полных (сохранных) рукописей XIV в. (две

из них мы использовали для настоящего издания). Толковый Апостол — это большая книга (свыше 300 листов пергамена). Все рукописи приблизительно одной структуры, соответствующей структуре греческого текста. Произведения, входящие в Апостол (Деяния и Послания апостолов) предваряются предисловиями и оглавлениями. Оглавление (перечисление глав, на которые разделен текст каждого Послания) — это фактически перечисление заголовков каждой из частей. Заголовки расположены или на полях, или в тексте, перед соответствующим разделом. Если они находятся на полях, то имеются «знаки вноски» (например, киноварные крестики или точки); в противном случае место заголовка определить затруднительно. Границы между текстом Апостола и толкованиями отмечены глоссами: основной текст — словами «Сущее» или «Апостольское», толкования — «Толк.» или «Сказ.» (т. е. Сказание). Расположения толкований в рукописях часто отличаются. Возможно, это связано с тем, что в греческой рукописной традиции толкования располагались на полях; при изготовлении новых списков, особенно таких, где толкования оказывались не на полях, а в тексте, они попадали «не на место». В славянской рукописной традиции толковые рукописи с толкованиями на полях редки, но весьма нередки «следы» этого в виде нарушения порядка расположения текстов.

Мы выбрали для издания небольшой, но очень интересный кусок этой большой книги — Послание апостола Иакова. На его примере читатель может увидеть специфику толковой книги: как толкования «перепевают» основной текст, какие интересные модификации тех или иных мыслей возникают, можно увидеть «руку» разных авторов. Некоторую условность представляет то, что мы позволили себе заголовки, которые не всегда фиксированы в рукописях, поместить в текст в соответствии с нашим пониманием его смысла. Разделение текста на отрывки для толкований также не стабильно. Это деление несоординировано с общепринятым делением текста на стихи и главы, и часто бывает, что начало и конец стиха отнесены к разным отрывкам и разделены большим толкованием, что иногда меняет смысл. Все эти явления связаны с перенесением толкований и заголовков с полей в текст. В некоторых случаях мы позволили себе переставить толкование. Все эти случаи оговариваются в комментариях.

Мы издаем текст по рукописи XIV в. (*РНБ*. F⁰. п. I.24) и проверяем по рукописи *РНБ*. Погод. 30 XIV в. Текст сопоставлен с синодальным изданием церковно-славянского текста и русским его переводом (Синод.), а также с греческим изданием толкового Апостола Крамера.

При составлении комментариев использованы: 1) Толковая Библия. Т. 3: Новый Завет. СПб., 1911—1913 (переиздание 1987 г.). С. 207—255 (далее: *Толк. Б.*); *Теодорович Н. И.* Толкование на соборное послание св. апостола Иакова. Вильна, 1897 (далее: *Теодорович*); Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, толкование на соборные послания святых апостолов (в русском переводе). Казань, 1865. С. 2—56.

Послание апостола Иакова прекрасно своей литературной формой: образность и поэтичность сочетается со стальной афористичностью и суровым пафосом. Как в музыке, в начале появляется мелодия основных тем, которые потом звучат во весь голос каждая на своем месте и соединяются в один аккорд в конце, в бессмертной последней фразе «обративый грешника от заблуждения пути его спасает душу от смерти и покрывает множество грехов». Этот отклик на слова апостола Петра «любовь покрывает множество грехов» — гимн освобождению человека от власти зла через любовь.

Иаков, «брат Господень» (старший сын Иосифа Обручника), из числа 70 апостолов, прозванный Праведным. Иаков обратился в христианство после явления ему Господа по воскресении (1 Кор. 9, 5; 12, 5). Он был епископом Иерусалимским, главой иерусалимской общины. Апостол Павел ставит его наравне с апостолами Петром и Иоанном (Гал. 3, 9) и называет их столпами церкви. В его личности выражается объединение Ветхого и Нового Завета на жизненно-практической почве (*Толк. Б.*, с. 210). Он соблюдал предписания Закона Моисея, не порывал с иудаизмом как с вековым наследием отцов, однако отрицал догматическое значение ветхозаветного закона. Апостол Иаков учил, что руководствоваться надо Законом Свободы (т. е. учением Христа) через живую веру и деятельную любовь. Он был убит фарисеями в 62 г.

Послание Иакова в компактной форме выражает ключевые моменты, формирующие мировоззрение христианина. И это не проповедь христианства среди язычников или безбожников, оно адресовано людям, верующим в Бога и признающим приоритет нравственности, но еще

неосознавшим ценностей учения Христа. Это и практическое жизненное наставление о том, как идти по пути спасения, и обличительные тирады (против «ожиревших сердцем», «ленивых», «ложных учителей»), и глубокие богословские и философские мысли, лежащие в основе этих наставлений. Наставления построены на привычных для паствы ветхозаветных образах, укорененных в реальную жизнь еврейской христианской общины I в.

Стр. 82. ... *расъяниемъ от обоюнадесяте колѣну*... — т. е. к христианам из иудеев (иудео-христианам), принадлежащим к двенадцати коленам Израиля, т. е. к двенадцати племенам иудейским, живущим вне Палестины.

Стр. 84. *Якоже бо се мирьстии ... «Церковнѣй повѣсти»*. — Этот текст, которым оканчивается в рукописи F⁰. п. 1.24 «вступительная часть» (после него нарисована концовка, отделяющая «вступление» от текста «Послания»), на самом деле является толкованием к первому стиху «Послания» (Иак. 1, 1). В греческом тексте по изданию Крамера оно находится сразу после стиха Иак. 1, 1; также и в рукописи Погод. 30.

... *Евсевий*... — Имеется в виду Евсевий, епископ Кесарийский (IV в.) (или Евсевий Памфил), византийский историк и богослов, автор «Церковной истории». Евсевий подвергал сомнению авторство Иакова (*Евсевий Памфил. Сочинения* / Пер. с греческого. Т. 1: Церковная история. СПб., 1843. С. 155).

Стр. 86. *Книги ... жидомъ*. — Этого заголовка в рукописи F⁰. п. 1.24 нет; вносим его по рукописи Погод. 30 (1 стр.).

... *радоватися*. — Используя традиционную форму приветствия — пожелание радоваться, вообще, доброе пожелание — греч. χαίρετε — апостол Иаков вкладывает в нее дополнительный смысл, который раскрывается в следующем стихе (Иак. 1, 2).

... *обрѣзания сый апостоль*... — т. е. апостол для иудеев.

Дидимъ. — Дидим (308—395), византийский богослов, ученик Афанасия Великого, составитель комментариев к книгам Священного писания.

... *напасти*... — Слова «напасти», «искушения», «искусы», а также «скорби» и «испытания» употребляются как синонимы. Каждое из этих слов имеет не меньше трех значений, но в каждом слове эти три значения проявляются, если так можно сказать, в разных пропорциях. Поэтому для понимания текста следует внимательно следить за контекстом. Эти три значения: 1) беда, несчастье — ἐπλήρεια; 2) борьба — ἀθλήμα; 3) искушение (испытание, опыт) — πείρασμα. Три значения этих слов поразительно выражают мысль апостола Иакова о том, что беда посылается, для того чтобы человек боролся и таким образом был испытан в своих нравственных и духовных достоинствах.

... *терпѣние* — ὑπομονή. Через терпение человек получает победу в борьбе с искушениями. О терпении у Иакова более подробно в 5-й главе (Иак. 5, 7—11), см. также коммент. к с. 118 и 120. Апостол Павел учит тому же: «И не только сим хвалимся, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в души наши Духом Святым, данным нам» (Римл. 5, 6).

... *дѣло съвершено*... — ἔργον τελείον; совершенство (τέλεια) — это то, чего человек достигает через искушение, преодолевая грех и слабость, имея целью приобрести венец (см. коммент. на с. 505) и наследовать Царствие Небесное. Совершенное дело — с одной стороны, дело совершенствования, процесс, ведущий к достижению совершенства. С другой стороны, это «действенная добродетель», или добродетель добрых дел, без которых вера мертва. Об этом апостол Иаков пишет в главе 2 (Иак. 2, 14—26).

Златоуст. — Иоанн Златоуст (347—407), архиепископ Константинопольский, один из отцов церкви, выдающийся богослов, философ, гимнограф, автор многочисленных богословских и нравственно-учительных сочинений, в том числе и толкований на книги Священного писания. Его труды использовались преп. Феофилактом и другими толкователями при составлении катен.

Уза бо есть печаль ... оградить. — Это толкование в рукописи F⁰. п. I. 24 читается как примечание к 3-му отрывку (Иак. 1, 5—6), т. е. 2-й отрывок здесь остается без толкования и сливается с 3-м. Однако мы дерзнули поместить это толкование (как в рукописи Погод. 30 и в греческом тексте по изданию Крамера) после 2-го отрывка, к которому оно подходит по смыслу.

Аще приступаеши работати Христу, приготвай си душу к напастемъ. — Сирах. 2, 1.

Въ мирѣ печаль имате, нъ держайте. — Ср. Ин. 16, 33.

Тѣсный и скорбный путь — узкие врата, ведущие в Царствие Небесное (Мф. 7, 13—14); переносное — путь самоограничения, отречения от земных благ, подвиги. Мф. 11, 12: «Царствие Небесное нудится» (берется силой), т. е. завоевывается трудами и страданиями. Ср. «Многими скорбями надлежит войти в Царствие Небесное» (Деян. 14, 22).

... вѣншими подвиги никтоже бес тоя вѣнца прииметь... — Венец — награда победителю, которую гимнаст получает в борьбе, добываясь ее длительными упражнениями, трудами и терпением. Здесь Венец (Венец Жизни) (см. коммент. к с. 88) — Царствие Небесное; это награда человеку, который пройдет через искушения к совершенству; она достигается терпением, перенесением скорбей, смирением, трудами, постом, бдением и т. д. Об этом есть и в Ветхом Завете: «В огне искушается злато, а человеци приятни в печи смирения» (Сирах. 2, 6).

...прѣмудрости... — В данном случае имеется в виду более частное значение слова «премудрость» (σοφία): правильное понимание Божественных предначертаний, определяющих правильность христианского поведения (Прит. 1, 2; Ефес. 5, 13; Кол. 4, 5). О Премудрости в высоком смысле у апостола Иакова в гл. 3, стих 17.

... ничтоже сумняся... — ничуть не сомневаясь, без всякого сомнения; в Синод. «ничтоже рассуждая». Это выражение, вошедшее в современный русский язык как фразеологизм, восходит к Деяниям апостолов (Деян. 10, 20; 11, 12). Это то, что Бог сказал апостолу Петру, призывая его идти за ним. Это то, что требуется от верующего человека в отношении воли Божией. Апостол Иаков употребляет это выражение, говоря о молитве.

...не въведи нас въ искусь... — Мф. 6, 13; Лк. 11, 4 — из Молитвы Господней («Отче наш»), которой Христос научил людей.

... да съвършени, и всенаслѣдни явитесь, ни въ чемже недостаточествующе. — Следует обратить внимание, что эта фраза — повторение 4-го стиха 1-й главы Иакова «да будете съвършени отинудъ и исполнени и ни единого лишени суще». В греческом в обоих случаях: ἵνα ἦτε τέλει καὶ ὁλόκληροι ἐν μηδενὶ λεπτομένοι. Слово «всенаслѣдни» в толковании соответствует слову «исполнени» у Иакова, а в Синодальном — «всецѣли». Греч. ὁλόκληροι — целый, неповрежденный; иначе говоря «полный», «обладающий всей полнотой». Все варианты славянского перевода выражают идею совершенства, достижения цели во всей полноте, получения Царствия Небесного. Чтение «всенаслѣдни», может быть, подчеркивает, что совершенство (т. е. получение Венца) осуществляется как наследование (ср. Мф. 25, 34 — «Наследуйте Царство»), т. е. награда обещана, и человек получает сыновство.

Сумняй бо ся ... — греч. διακρίνω — разделяю, разлагаю. Это очень важное для апостола Иакова понятие, ибо сомнение разрушает гармонию и мешает человеку воспринимать волю Божию и выполнять ее. Причиной сомнения является маловерие (см. об этом ниже). Сомневающийся (колеблющийся между верой и неверием, доверием и недоверием) находится в опасности впасть в грех, не устоять в искушениях, допустить хулу на Бога. Само сомнение уже есть хула. Сомнение опасно как буря на море; оно как ветер рассеивает добрые побуждения сердца и лишает его спокойствия; верующее же сердце подобно морю спокойному, в котором отражается образ Божий (рассуждение Теодоровича, с. 26—27).

Мудрость горняя — Высшая мудрость — это свойство Бога; иногда это имя Бога.

Стр. 88. *Хульникъ ... язъ.* — Согласно Крамеру, это отдельное толкование и приписано оно Кириллу. Хульник — имеется в виду, что маловерие есть хула на Бога, сомнение — отрицание всемогущества Бога. В греч. ὑβριστής — высокомерный.

...прошение... — В Погод. 30 — приношение; греч. αἵτησις — просьба, ходатайство. Здесь идет речь о молитве, ожидающей исполнения просимого, может быть, молитве за других. Сомнева-

ющийся не получит исполнения просимого, поэтому следует истреблять в себе сомнение. Об этом идет речь в следующем толковании («Отыми от себе...»). О сильной молитве, присущей праведнику и истинно верующему, у апостола Иакова ниже, в главе 5.

Мужь дводушенъ... — Понятие «дводушный» введено апостолом Иаковом (διψυχος — по аналогии с греч. δικάρδιος, διγλωσσος). Дводушный человек — человек с раздвоенной душой (как бы имеющий две души), колеблющийся, сомневающийся.

Да хвалить же ся брат ... въ смѣренни своем... — Противопоставление «смиранный» (ὁ ταπεινός) и «богатый» (ὁ πλούσιος) показывает, что «смиранный» — это «бедный». Противопоставление богатых и бедных, сильных и немощных, мудрых и безумных и т. д., характерное для Священного писания, имеет несколько аспектов. Во-первых, то, что является достоинством в глазах людей, может быть недостатком перед Богом; во-вторых, то, чем люди гордятся, тленно и преходяще, — об этом у апостола Иакова ниже, в главе 5; в-третьих, гордиться обладанием чем-либо (богатством, силой, мудростью) не следует, поскольку оно дано Богом, и Богу принадлежит (1 Кор. 1, 26—31). Богатство и бедность противопоставляются не сами по себе, а как причина нежелательных нравственных последствий. Богатство само по себе не порок, а бедность — не добродетель. Но богатство есть причина гордости и возношения (о богатстве как источнике порока см. ниже в главе 5). Богатому труднее идти путем Христа, потому что он высокомерен и обременен, а бедный смиренен и свободен. Ср. Мф. 19, 23: «трудно богатому внити в Царствие Небесное». — *Хвалитися** (καυχᾶσθαι) — характерное для Нового Завета слово (ср. Римл. 2, 23; 2 Кор. 5, 12; 10, 15 и др.). Одно из значений — гордиться, величаться, хвастаться. Другое же трудно передать одним словом в современном русском языке — это радостное настроение (удовлетворение) от выполненного долга (перенесения искушений, пребывания в смирении и т. п.). См. также коммент. к с. 96 и 106.

... яко цвѣт травный мимоидеть. — Образ увядания цветов и травы как выражение мысли о том, что все мирское преходяще, связан с Ветхим Заветом (Ис. 40, 6; Пс. 89, 6; 102, 15; Иов. 14, 2 и др.) и, конечно, с реальной природой Палестины, где трава существует и цветет очень короткое время, а затем в мгновение ока исчезает, когда наступает летняя жара и знойные ветры из пустыни.

...с варом... — зной, знойный ветер; образ губительного действия гнева Божия (Ос. 13, 15).

Тако богатый въ хождении своем увяжеть. — Это начало темы преходящего богатства, максимально развитой в 5-й главе. Здесь тленность и мимолетность богатства сравниваются с естественным увяданием травы, а там страшнее — огонь и тление, уничтожение невозвратное.

Вънецъ животный — Венец жизни, στέφανος τῆς ζωῆς, образ победы и награды, встречающийся в Новом Завете: «будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2, 10); или варианты — венец славы (1 Петр. 5, 4), венец правды (2 Тим. 4, 8). Этот образ связан со спортом (венец, которым увенчан победитель), награда, обещанная человеку (см. коммент. на с. 504). Апостол Павел тоже говорит об этом. «Бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду. Так бегите же, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего. Те — для получения венца тленного, а мы — нетленного» (1 Кор. 9, 24—25). Все бегут, но не все получают награду. Апостол Иаков, как говорится в толковании, отмечает, что награду получит тот, кто претерпит печали (а не тот, кто победит), т. е. тот, кто противится искушениям, даже если у него не хватит сил для победы, может быть увенчан как доблестный воин. Именно поэтому путь страдания и искушений должен быть радостным, как спортивные состязания. В «Лествице» есть рассуждение на эту тему о том, что тот, кого минуют искушения, менее достоин венца, чем тот, кто боролся и пал: «Неуязвляемый супостатами не получит никакого венца, а тот, кто от случающихся падений не упадет духом, того восхвалят ангелы как храброго воина» (цит. по русскому переводу «Лествицы» (М., 1892. Слово 26. С. 156)).

...ради блажену быти ... Иже искусь претерпѣть, искусенъ мужь въѣми облаженъ. — Испр. по Погод. 30, в F⁰. п. 1.24 — *обнаженъ*. Эта фраза толкования соответствует словам из 12-го стиха Иакова: «Яко искушен быв, примет венец животный». Смысл схож: тот, кто претерпит искушение, будет награжден; у Иакова — тем, что получит Венец, в толкова-

нии — тем, что будет «облажен» (от глагола *блажити* — хвалити). Однако здесь существенное отклонение от греческого текста толкования, с чем, возможно, связано наличие варианта *облажен/обнажен*. В греческом здесь: *δόκιμος ἀνὴρ διὰ πάντων ὑπομνασμένος* — «искушенный муж через все (т. е. всем — творительный падеж) испытан», или «прошедший испытание — надежен». В греческом тексте слово *ὑπομνασμένος* (испытанный) как бы объясняет слово *δόκιμος* (искушенный). Какой же вариант славянского текста более правилен? По-видимому, «обнажен» — ошибка перевода, связанная с тем, что греческое слово *ὑπομνασμένος* (причастие от глагола *υμνάω* — упражняю) восходит к тому же корню, что и *υμνός* (голый). Слово «облажен» могло появиться под влиянием «блажену быти». Без полного текстологического изучения этот вопрос не решить.

...зраку и слуху не подлежитъ, ни на высокий разумъ челоуѣку не възиде. — Ср. 1 Кор. 2, 9; ср. также Ис. 64, 4.

Богъ бо нѣсть напастьникъ злымъ, не напасть же тѣ ни единого. — В Толк. Б. (с. 226—227) указано, что точный смысл этой фразы передан в русском переводе Нового Завета по Синодальному изданию: «Бог не искушается злом, и сам не искушает никого», т. е. Бог абсолютно чужд зла и не затрагивается никакими перерождениями зла. В церковно-славянском синодальном тексте не точно: «искуситель зла».

Ориген. — Ориген (185—254), пресвитер Александрийский, богослов и философ; составил толкования почти на все книги Священного писания.

Стр. 90. *... от своя похоти...* — Похоть (*ἐπιθυμία*) — желание, точнее, *τὸ ἐπιθυμία* — собственное желание. Объяснять слово «похоть», кажущееся совершенно понятным, представляется необходимым, поскольку в современном русском языке значение этого слова сильно сужено до частного: желание плотское, любовное. Между тем такое сужение представляется весьма досадным, поскольку широкое значение (желание вообще), сохранявшееся в русском языке еще в XIX в., передает глубокий смысл наставления о похоти, ибо для человека, обладающего свободной волей, намного более серьезным проступком будет проявление своеволия (своего желания), чем гораздо более заслуживающее прощения, свойственное природе плотское влечение. В словаре Срезневского первым значением слова «похоть» указано — воля и приведен пример из Минеи XII века «божественная похоть», а вторым значением — желание; значения, связанные с плотью, по Срезневскому, второстепенны. Мы выбрали для перевода слова «похоть» — «произволение», хотя это слово во многом не подходит, но более точного нет.

Севирово. — Севир (Север) (465—538), патриарх Антиохийский, монофизит, церковный писатель.

... самую ту похоть беззаконию матеръ прозвати Давиду ... — Здесь и далее Давид упоминается как автор Псалтири. Рассуждение о похоти как матери беззакония, высказанное толкователем как добавление к стихам 14—15 Иакова, видимо, основано на 15-м стихе 17-го псалма: «Се боле неправдою, зачат болезнь, роди беззаконие».

... нѣ о тѣхъ убо ... ищѣдъшю... — Ср. Иоан. 24, 21.

Исихий — Исихий (Гезихий), IV в., из Египта, «ученый исправитель» Септуагинты, автор многих толкований на книги Священного писания.

...свѣтиломъ... — Апостол Иаков называет Бога отцом светов — *ὁ πατὴρ τῶν φώτων*. Разные толкователи по-разному толкуют *τὰ φῶτα*: светила (Пс. 135, 7) или ангелы (Иов. 38, 7), сотворенные Богом, но в отличие от них, являющихся частью божественного света (но в той или иной степени свет их колеблется и изменяется), Бог неизменен, и свет его вечен, неизменен и сам себе равен (Толк. Б., с. 227).

Азъ есмь, азъ есмь и не изменяюся... — Малах. 3, 6.

Не преобразуйтесь въ вещь сень ... сѣврѣшено. — Римл. 12, 3. Цитата здесь передана неточно. Здесь один глагол — «преобразуйтесь», а в Синод. два разных — «сообразуйтесь» *συσχηματίζεσθε* и «преобразуйтесь» *μεταμορφοῦσθε*.

Стр. 92. *О сынѣ убо истиннѣ ... словомъ истины.* — В толковании говорится о сыне и сыновстве, видимо, потому, что толкователь хотел объяснить слово «роди», толкуя этот стих как тезис усыновления. По мнению же других толкователей, понимать этот текст следует как рассуж-

дение о «пакирождении», или «пакибытии», о новом рождении или перерождении, какое совершается через Слово Истины, т. е. Христа. В таком смысле используют слово «родити» и другие апостолы — ср. 1 Ин. 1, 14; 1 Ин. 3, 9; 1 Петр. 1, 3, 23 и др. О «пакирождении» пишет апостол Павел: «...совлекшись ветхого человека с его делами и облекшись в нового...» (Кол. 3, 9). «Пакирождение» — это как бы сбрасывание с себя старой одежды (ветхого человека) и переодевание в новую (т. е. перерождение в нового человека); это значит «отложить прежний образ жизни ветхого человека истлевающего ...и облечься в нового...» (Еф. 4, 22—23), «Ибо нетленному сему надлежит облечься в нетление, а смертному сему — облечься в бессмертие» (1 Кор. 15, 53). И это совершается через Христа, потому что «ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное» (Римл. 6, 6).

...начать... — Переродившись из ветхого грешного человека, христиане становятся «новой тварью» (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15) или начатком (т. е. первенцем) среди народов, которые будут приходить к Христу и тоже становиться «новой тварью», т. е. обновленным созданием Божиим.

Толк. Первѣйшъ ... да с нами свободится. — Это толкование расположено в рукописи F⁰. п. I. 24 в середине 14-го отрывка, который, таким образом делится пополам: «тѣмже, братие моа ... глаголати» и «Медлень въ гнѣвъ ... избытокъ злобенъ». Мы расположили тексты так, как в Погод. 30 и у Крамера, что соответствует смыслу.

Тѣмже ... глаголати... — В рукописи F⁰. п. I. 24 эти слова (т. е. Иак. 1, 19) написаны на поле, около 13-го отрывка, но без знака, куда следует поместить этот стих. В Погод. 30 этим стихом начинается 14-й отрывок. И это соответствует смыслу, ибо толкование 13-го отрывка («О твари») относится только к Иак. 1, 18, а Иак. 1, 19 начинает новую тему. Поэтому мы решаемся перенести этот стих с полей в начало 14-го отрывка, как это в рукописи Погод. 30.

...всяку скверну и избытокъ злобенъ... — В Погод. 30 «всяку злобу и избыток злобенъ», в Синод. «всяку скверну и избыток злобы», в русском Синодальном «всяку нечистоту и остаток злобы». Здесь говорится о гневе, который избыточен (вернее, принесен извне, добавлен); это не тот гнев, который свойствен человеку по природе, а другой, приносимый бесами и грехом. Ср. Пс. 4, 5 — «гневайтесь и не согрешайте», «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем» (Ефес. 4, 26).

Истое — в греческом ἔμφωτος — 1) природный, естественный; 2) прирожденный. В Синод. слав. — всажденное, рус. — насажденное. *Толк. Б.* (с. 228—229) так объясняет «Насажденное слово»: Слово истины «подобно зерну, принимаемому и усвояемому землей, должно быть всажено в почву сердца человеческого и дать соответствующий росток, т. е. выразиться и проявиться в добрых делах». А нет ли в этом стихе иного, более глубокого смысла? Ведь это Слово, которое было «В начале» (Искони) — Ин. 1, 1, которое было всегда и всему причина. И это то Слово, которым, как сказано в толковании, явлено, что человек создан для бессмертия.

...разумѣящую лице твари... — Слово «разумевающу» соответствует греческому κατὰ νοονῆντι; в Синод. переведено «Смотрящу». Также и далее — «Разумъ» — «Увидел». Что изучает человек, глядя в зеркало? Свое лицо, наружность. В рукописи F⁰. п. I. 24 «лице твари», в Погод. 30 «лице рождения», в Синод. «лице бытия». В толковании и в F⁰. п. I. 24, и в Погод. 30 «лице рождения» τὸ πρόσωπον τῆς γενέσεως. Может быть, тут есть тот смысл, что человек должен помнить, что в нем Образ Божий от рождения (сотворения). Однако важнее, что противопоставление наружного созерцания (зеркала) и внутреннего состояния (пробытия в Законе совершенства и свободы) поясняет слова апостола Иакова о слушателе Закона и делателе его. Если первый воспринимает внешне и неизбежно забывает, то проникший всей душою в Закон становится исполнителем блаженного делания, дела совершенства, исполнения Закона.

...Законъ свѣръшенъ и свободенъ... — Закон совершенный и Закон свободы — это то же самое, что Слово Истины, Закон Христов, который противопоставляется ветхозаветному закону с его категорическими запретами. Слово Истины — это Закон свободы, потому что он — закон любви.

Стр. 94. *...родивъ банею пакыпорождения...* — крещением. См. коммент. к с. 92.

...от Бога и Отца си есть... — Речь идет не об ипостасях, а просто подчеркивается, что в сыновстве Божиим люди — братья. Вера в истинном понимании раскрывается

ниже, во второй половине стиха, после толкования. ...от Бога — ср. 1 Ин. 4, 6: «Мы от Бога есмь...».

...попещати сиротъ ...от всего мира. — Опекать вдов и сирот — собирательный образ милосердия и сострадания, восходящий к Ветхому Завету (ср. Сир. 4, 10; Пс. 67, 8). Милосердие — одна из основных добродетелей христианства, ибо это выражение любви, завещанной Христом. Блюсти себя от скверны греховного мира (ср. 1 Ин. 4, 19) — это выражение любви к Богу, оберегание в себе Образа Божия. Здесь можно увидеть раскрытие апостолом Иаковом формулы христианской веры — заповеди Христа о любви к Богу и к ближнему (Мф. 11, 37—40), на которой «утвержден Закон и Пророки».

Будьте щедры, якоже Отецъ вашъ небесный. — Ср. Лк. 6, 36: «Будьте милосерды, как Отец ваш небесный милосерд».

Милости хочу — рече — а не жертвъ. — Мф. 12, 7.

Не тѣло ли едино есмь вси... — О том, что христиане — органы одного тела (Римл. 12, 4—5; Ефес. 4, 25).

Сънмище. — Имеется в виду богослужбное собрание, церковь. В данном случае говорится о синагоге — συναγωγή (христианская церковь — ἐκκλησία — сохраняла целый ряд обычаев синагоги), где было принято именитых и старших (отличаемых по богатой одежде и золотому перстню) усаживать на почетные места, а простолюдинам полагалось или стоять, или сидеть на полу у ног старших. Но христианам, говорит апостол Иаков, не полагается различать людей по одежде, а только по вере и благочестию, и нельзя брать на себя решать, кто достоин почета, а кто нет, ибо у Бога другой критерий.

Стр. 96. Не Богъ ли избра нищия ... Царствию... — О том, что у нищих есть преимущества перед богатыми в стремлении достигнуть Царствия Небесного, апостол Иаков уже вскользь упоминал в стихе 9 1-й главы («Да хвалится смиренный...»). Избрал? Может быть, это: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные?» (Мф. 11, 28). О нищих и о том, что забота о нищих — неотъемлемый признак благочестия, неоднократно говорится и в Ветхом, и в Новом Завете. Но представляются важными слова пророка Исайи (Ис. 61, 1), цитируемые в Евангелии от Луки (Лк. 4, 18): «Дух Господень на мне. Он послал меня благовестить нищим...». И не только благовестить нищим, но и помочь другим страдающим (сокрушенным сердцем, пленным, слепым, измученным). Поскольку путь к Царствию Небесному — страдание, то его достигнут страдающие. И еще. В Послании к Коринфянам апостол Павел говорит о «мудрости века сего», противопоставленной Божественной мудрости: «Не Бог ли избрал немудрое мира сего, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира сего избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира, и униженное, и ничего не значащее, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1, 26—27). Посрамить — показать отсутствие ценности. Ведь ценно только то, что ведет к Царствию Небесному. В этом смысле апостолы, евангелисты и пророки учат тому же самому.

Утѣшайте, — рече Павел, — яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ... — Призыв утешать друг друга у апостола Павла встречается неоднократно, см. 1 Сол. 4, 18; 5, 11, 14.

...не предъ челоуѣкы се створи... — Ср. Мф. 6, 1—4: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми».

Рече бо: «Еда самъ ся створи нищъ? Нѣ тебе ради, да ты спасешися имъ». — Христос нищим «вменился», принял на себя образ раба ради спасения людей добровольно. 2 Кор. 8, 9: «Он, будучи богат, обнищал нас ради...»; Фил. 2, 7: «Он унижил сам себя самого, приняв образ раба».

Еяже облажышеся ... убожѣйше. — Ср. Мф. 16, 26: «Кая помощь человеку, аще он приобретет весь мир, а душу свою отщетит».

Аще убо Законъ кончавае царскъ... — Царский, т. е. самый главный. Апостол Павел (Галат. 5, 4): «Весь закон в одном слове заключается: любите ближнего своего, как самого себя».

... по Книгам... — т. е. по Священному писанию. Заповедь о любви к ближнему в Ветхом Завете, Лев. 19, 8: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Аполинариево. — Аполинарий Младший, епископ Лаодикийский, IV в., автор толкований на Священное писание.

Аще хотите ... Законъ и Пророци. — Мф. 7, 1.

Стр. 98. ... *рекий... «Не прелюбы сътвори»... преступникъ Закону.* — Заповеди Господни (десять заповедей), данные Моисею на горе Синай, — Исход 20, 1—17. Среди них: Не убивай. Не прелюбодействуй (Исход 20, 13—14).

Слышите, яко речеся ... повинень есть суду. — Ср. Мф. 5, 21—22.

Слышасте ли, яко речеся ... въ сердци своем. — Ср. Мф. 5, 27—28.

Хвалится милость на судѣ. — *κατακαυχᾶται ἐλεον κρίσεω.* Милость превозносится над судом. Еще одно значение слова *хвалится*. См. выше коммент. к слову *хвалится* (*καυχᾶσθαι*) (к с. 88 и 106) — *вельми хвалится* (*μεγαλαυχεῖ*).

Толк. Златоуста о милостыни. — Это толкование Иоанна Златоуста представляет собой самостоятельное произведение (слово), которое можно было бы назвать «Слово о милостыни»; оно почти дословно входит в Пролог под 11 ноября под названием «Слово о милостыни Иоанна Златоустаго». Проложное слово является частью более обширного произведения Иоанна Златоуста, входящего в Златоуст (чтение на 32 неделе): «Поучение яко во все жити полагается нам милостыню творити и о еже пренебрегати имения» (Златоуст. М., 1795, л. 309об.—331). Тема милосердия занимает обширное место в наследии Иоанна Златоуста. Поэтический, наполненный сравнениями и метафорами текст содержит скрытые и точные цитаты («Будьте бо, вѣща, щедри, якоже и Отецъ вашъ Небесный» — ср. Лк. 6, 36; «Крилѣ голубинѣ посребренѣ и межурамѣ ея в блъщании злата» — Пс. 67, 14; «Такоя жертвы хошетъ Богъ» — перефразировка Мф. 12, 7; «огнь, червь, скрежетъ зубомъ» — Мф. 22, 13; Лк. 13, 28 и др.). Выражение «дружка Божия» (возможно, принадлежит Златоусту) перекликается с выражением «друг Божий» в отношении Авраама — см. Иак. 2, 23 и коммент. к с. 102. Трудно для перевода слово «межурамѣ» — *μετάφρενοι* («межплечие»). Не случайно ведь в этом образе противопоставляется крыльям какая-то другая часть тела птицы, но какая и почему? Пусть фольклористы скажут. В русском синодальном тексте Псалтири не переведено, а заменено другим словом: «Крылья ее покрыты серебром, а перья — чистым золотом».

Стр. 100. *Межурамѣ.* — См. предыдущий коммент. к с. 98 (Толк. Златоуста).

... нага будета дневнаго житиа... — В Синод. «нага будут и лишены будут дневная пища». То чтение, которое представлено в нашей рукописи, может быть признано неиспорченным, поскольку греческое слово *γυμνός* (нагой) имеет также значение «лишенный». Среди греческих рукописей, как указывает Теодорович, тоже есть варианты, где пропущено *καί* (и) или *ἤ* (или). Если признать такое чтение, то надо переводить «лишены потребного для жизни».

...Раавъ... — О ней рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. См. коммент. к Иак. 2, 25 (к с. 102).

Святый Божии... — Такое наименование Христа в Мк. 1, 24. В Ветхом Завете встречается «святой святых»; может быть, это связано.

Кая есть польза? — Эти слова относятся по смыслу к предыдущей фразе (какая польза, если нагим и голодным только советуют одеться и накормиться, но не помогают), так читается в Синод. и других текстах. Здесь же эти слова сливаются со следующим стихом и получается отдельное предложение: «Какая польза в такой вере?».

Стр. 102. *...толико пострадавшие ... съблудиша...* — Об иудеях в пустыне.

Вѣра бо по крещени... — Вера, полученная при крещении (как оглашение, т. е. объявление себя христианином), требует подтверждения дальнейшей жизнью. Апостол Павел указывает необходимость действенной веры и для тех, кто живет по ветхозаветному закону: «Не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Галат. 5, 6).

... на гору въсходить ... раздрушает силу. — Об искушении Иисуса Христа дьяволом и о посрамлении дьявола см. Мф. 4, 1—11; Лк. 4, 1—10.

Авраамъ бо отецъ... — В Синод. *отецъ нашъ*. Возможно, что в рукописи утрата. Естественно, что праведный Авраам называется отцом нашим или праотцем. С другой стороны, дело, без которого вера мертва, для Авраама в данном случае связано с тем, что он — отец, возложивший сына на жертвенник из послушания Богу.

... не от дѣлъ ли оправдися... — В Священном писании у слова «оправдися» два значения, существующие одновременно. С одной стороны, обычное — доказал (показал) свою невиновность.

Второе — оказался причастным к Правде Божией, т. е. Верным (истинно верующим, доказавшим свою веру).

...възнесъ Исаака, сына своего, на жертвникъ... — О жертвоприношении Авраама в Книге Бытия, гл. 28; об обетовании насчет Исаака — Быт. 15.

Святаго Кирила. — Кирилл (ск. в 444 г.), архиепископ Александрийский, отец церкви, богослов. Среди прочих сочинений — толкования на библейские книги.

... Павелъ же глаголетъ его отъ вѣры оправдана... — Апостол Павел в Послании к евреям говорит об Аврааме как о ярчайшем примере оправдания по вере (Евр. 11, 8—19). Святой Кирилл в толковании, используя текст апостола Павла, подчеркивает в поступках Авраама, в которых проявляется его вера, беззаветная и непрекословная, черты «дел веры», т. е. веры деятельной.

... вѣры ради оставление ... — Ср. Пс. 31, 2: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

...сбѣйшася Книгы... — Имеется в виду, что стих «Верова Авраам Богу, и вменися ему в правду» (Иак. 2, 23) является цитатой из Ветхого Завета (Быт. 15, 6).

... и другъ Божий наречеся. — Выражение «друг Божий», по-видимому, принадлежит апостолу Иакову (только применительно к Аврааму). В Священном писании упоминается, что Бог возлюбил Авраама (Ис. 41, 8) и называл его возлюбленным (2 Парал. 20, 7).

Также и Раавъ ... изведши... — Текст, близкий к апостолу Павлу, приводящему как пример спасения по вере блудницу Раав (Евр. 11, 31). О поступке хананейки Раав рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. Она спрятала у себя разведчиков (соглядатаев) Иисуса Наввина, осадившего Иерихон, и помогла им выйти из города. Она поступила так, потому что считала, что выполняет волю Божию.

Стр. 104. *Севирианово.* — Севериан (ск. после 408 г.), епископ Гавальский, проповедник, богослов, автор толкований на библейские книги.

Слыши Писаниа, свидѣтельствующа ея оправдана... — После взятия Иерихона, Раав и весь ее дом были пощажены Иисусом Наввином, и в этом проявилось ее оправдание (Нав. 4, 24).

... бисеръ въ калѣ свѣтятся... — Это выражение есть в Повести временных лет в похвале княгине Ольге в 969 (6477) г.: «в невѣрныхъ чловѣцехъ свѣтятся, аки бисеръ в калѣ» (БЛДР, I, с. 116). О выражении «бисер в кале» см.: Лихачева О. П. Яко бисер в кале // ТОДРЛ. Т. 50. С. 110—112.

Не мнози учителие будѣте... — Апостолы и евангелисты неоднократно предупреждали против самозванных учителей: тех, кто поучает других, не будучи опытен сам, а также тех, кто недостаточно благочестив, ибо считает себя лучше других людей и тем дает себе право учить, как например фарисеи и книжники. Ср. Мф. 23, 7; Римл. 2, 21; 1 Кор. 13, 29 и др. Апостол Павел подчеркивает, что учительство есть дар свыше, предназначение от Бога (Ефес. 4, 11), данное немногим. А кому такой дар не дан, тот не должен учительствовать, ибо это принесет только вред.

...гнилословие... — Ср. Ефес. 4, 29: «Никакое гнилое (σῆπρος) слово да не исходит из уст ваших».

Слово ваше да есть въ благодати солиу растворено. — Ср. Кол. 4, 6: «Слово ваше да будет с благодатью, приправлено солью».

...и благодать дасться слышашимъ. — Ср. Ефес. 4, 29: «Дабы оно доставило благодать слышашим».

Положи, Господи ... о устнахъ моихъ. — Пс. 140, 3—4.

Съхраню пути моа ...имѣти. — Ср. Пс. 38, 2. Цитата «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языкомъ моимъ», а далее реминисценция: «Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающъ языкъ имѣти» — Пс. 140, 3 («Положи хранило») и Пс. 38, 2 («съгрѣшити ми языкомъ»).

Стр. 106. *...хвалится ...* — Хвалитися, вельми хвалитися — μεγαλουργεῖν. Здесь этот глагол имеет значение «иметь большое значение, много делать, иметь большую силу». Теодорович считает μεγαλουργεῖν гапаксом Нового Завета. О других значениях глагола «хвалитися» см. коммент. к с. 88 и 98.

Како убо не палить ... вѣчный... — Ср. Мф. 22, 13.

Да не постраждет...улуча утехы. — Трудное для перевода (может быть, испорченное) место. Здесь в славянском переводе смешались слова *πλοῦσιος* (богатый) и *πλησιος* (ближний). Этот малопонятный текст можно считать аллюзией к евангельскому рассказу о богатом и Лазаре (Лк. 16, 24) — богатч в аду просил Бога послать Лазаря, чтобы тот «омочил перст» и охладил ему язык, потому что он мучается в пламени. Может быть, надо было бы перевести так: «чтобы не пострадать ему, как тот богатч, язык которого горел в пламени».

...громаду... — В Синод. — вещь, в греч. ὄλη — вещество. Теодорович указывает (с. 82—83), что ὄλη — вещество, гапакс Нового Завета. Основное значение — лес. Смысл сохраняется и при этом значении: лес сгорает от малого огня. В Сирийском — лес, в Вульгате — silvam (лес).

...дѣвица... — Здесь ошибка, довольно частая в славянских рукописях (дѣвица/зѣница/лѣвица — часто путаются). В греч. κόρη: 1) девица; 2) зрачок. Здесь должно быть: зеницу ока.

Расколъ. — Здесь ошибка славянского перевода. В греческом тексте слово σχῆμα (вид, форма), переводчик спутал его со словом σχίσμα (раскол, распря).

Мнози падоша усты меча ...узы его мѣдяны... — Сир. 28, 21—23. Выражение «усты меча» есть также в Лк. 21, 24.

...лѣпота неправдѣ. — ὁ κόσμος τῆς ἀδικίας. В Синод. переведено *прикраса неправде*. Греческое слово ὁ κόσμος имеет три значения: 1) порядок, устройство; 2) украшение, прикраса; 3) мир, свет, вселенная. Славянский перевод берет второе значение. Некоторые толкователи, как указывает Теодорович, понимают этот текст так же и толкуют его в том смысле, что язык прикрывает, приукрашает неправду, имея в виду «непризнанных учителей», о которых шла речь выше. Однако правильно было бы взять третье значение слова: κόσμος — мир, хотя и в переносном смысле (огромное количество, бездна, вся совокупность). В таком значении это слово употребляется и в Ветхом, и в Новом Завете.

...паля около твари нашеа... — φλογίζουσα τὸν τροχὸν τῆς γενέσεως, Синод. *паля коло рождения нашего*. Коло (около) твари, коло рождения, круг жизни, колесо бытия. Теодорович (с. 84—85) указывает, что «колесо рождения» (т. е. колесо, бегущее от рождения), или «колесо жизни» — это метафора, в которой жизнь человека изображается как колесо, которое катится от рождения до смерти, а язык, оказавшись в середине колеса, опалает всю нашу жизнь.

Святаго Василиа. — Василий Великий (329—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, знаменитый богослов, один из отцов церкви, автор многочисленных сочинений, в том числе толкований на Священное писание.

Любѣи бо мя, рече, заповѣди моя съблюдетъ. — Ин. 14, 15.

...удержи языкъ свой от зла и устнѣ твои не глаголати лъсти. — Пс. 33, 14.

Стр. 108. *Мечъ есть языкъ наостренъ...* — В Священном писании встречается выражение «язык меч обоюдоострый» (Пс. 149, 6; Прит. 5, 3—4; Евр. 4, 12).

... аще бо не оставимъ, не оставится намъ. — Мф. 6, 1.

Стр. 110. *...премудръ и хытръ ...* — *Хытръ* (в Синод. *худогъ*, русск. Синод. *разумень*) надо понимать: искусен, образован, научен. В словаре Срезневского: тот, кто знание имеет, disciplinatus. Рассуждение Теодоровича: Премудр (σοφός) — тот, кто глубоко проникает в тайны Божественного откровения, а худож (ἐπιστήμων) — тот, кто умеет приложить мудрость к жизни и тем оценить на практике ее истинное значение. Ср. 1 Кор. 12, 8: «Одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания».

... въ кротость премудрости. — В Синод. *в кротости и премудрости*. Мудрая кротость — это очень важное для апостола Иакова понятие. Это понятие доброго жития, доброго поведения, как в отношении ближнего своего, так и в отношении своего внутреннего мира. Это качество дает возможность человеку продвигаться по пути совершенства (чтобы наследовать Царствие Небесное) и право учительства. Противоположность — горькая зависть и сварливость (рвение) — ζῆλον πικρὸν ἔχετε καὶ ἐριθείαν — о которых говорится ниже.

...душъна ... — «Душевный» (ψυχικός) противопоставляется «Духовный» (πνευματικός).

...неприязнина. — Ср. 1 Ин. 3, 8: «виновник всего злого дела есть дьявол».

Идеже бо зависть ... ту нестроение. — Ср. Синод.: «где зависть и рвение, там всякая злая вещь» (πάν φαῦλον πράγμα). Нестроение — ἀκαταστασία — ср. 1 Кор. 14, 33: «Ибо Бог не есть Бог нестроения, но Бог мира».

А вышняя премудрость ... плодъ благыхъ... — О Премудрости см. выше (...*премудръ и хытръ*...), а также коммент. к с. 84. Здесь перечислены качества Премудрости. Чиста (ἀγνή) — не в смысле «целомудрена», а в смысле «свободна от всякой нечистоты». В Вульгате — pudica. Ср. Прем. 1, 4: «В злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телесн, повинном греху». Мирна — ср. Прит. 3, 17: «Вся стезя ее мирна». Пропущен эпитет «кротка», который есть в Синод. и в греческом текстах — скромна, негневлива, проникнута любовью. Ср. 1 Тим. 3, 3 (кротку — ἐπιεικῆ); Тит. 3, 2 (тихим — ἐπιεικεῖς); Фил. 4, 5 (кротость — ἐπιεικὲς). *Благопокорлива* — послушна закону Божию, как Христос (Фил. 2, 8).

...скверну... — Слово «скверна» имеет два значения: 1) ῥύπος; ῥύπαρον — мерзость, грязь; 2) σπιλάδες — порок в нравственном смысле. См. коммент. к с. 92.

...бе-сумнѣнна и без лицебрія... — Ср. Синод. *несумненна и нелицемерна* (ἀδιάκριτος καὶ ἀνυπόκριτος). Рассуждение Теодоровича: будучи беспристрастна, она «не выслеживает сучков» в глазу брата; будучи нелицемерна, не скрывает бревна в своем глазу.

Семь качеств истинной мудрости (чиста, мирна, кротка, благопослушлива, милостива, несомненна, нелицемерна), как семь цветов радуги, сливаются в один «цвет мира», т. е. свойства истинной мудрости совпадают со свойствами истинной любви, иначе: мудрость есть в сущности христианская любовь.

Плод же ... творящим миръ. — греч. καρπὸς τῆς δικαιοσύνης. В Погод. 30 — ...*благъ праведень*. Эта короткая фраза, завершающая увещание о Премудрости, очень важна — она не только подводит итог увещанию, аккумулируя глубочайший смысл, но и подготавливает к восприятию следующей главы. Плод правды — справедливое устройство жизни по учению Христа, противопоставленное распрям и сварам, являющимися плодами ложной мудрости. *Сеется* — т. е. дается (но не просто дается — посеянное должно вырасти и дать плод; возможно, слово «сеять» метафорически выражает понятие «учить»). В мире, т. е. мирно (противоположно зависти и распрям, которыми утверждается ложная мудрость). Это благо (плод правды) дает только тем, кто творит мир, миротворцам (выполняющим заветы Христа).

...о мачании зелий. — В греческом тексте: βαπτισμάτων — *омовения*; *зелия* — добавление переводчика. Мачание зелий (мочение трав?) — можно понять как настой трав. В свете цитаты из Павла, на которую толкователь ссылается, может быть, здесь речь идет о неосуждении за еду и ритуальные омовения (в которых, возможно, употреблялись благовония или настои растений). Может быть, следовало переводить: «о сохранении пищи и разных омовениях».

...къ коласаемъ бесѣдуетъ Павелъ. — См. Кол. 2, 16 и др.: «Итак, никто да не осуждает вас за пищу и питье, или за какой-либо праздник, или новомесячие, или субботу...».

Откуда брани ... не можете улучшить... — Вражда и распри (πόλεμοι καὶ μάχαι), непозволительные для христиан, проистекают от страстей (ἐπιθυμίαι, здесь метонимия ἡδοναί), гнездящихся в членах тела человека. Мысль о том, что грех поработает человека через плоть, угнездившись в членах и борясь с духом и побуждая человека к распрям и сварам, высказывается и другими апостолами. Апостол Павел (Римл. 6, 12—14) предостерегает, что человек станет рабом греха, если позволит своим членам стать орудием греха, а не орудием праведности. Закон, царствующий в членах, противоборствует закону ума (Римл. 7, 26), и эта борьба делает человека рабом «этого тела смерти». В другом месте (Римл. 16, 17—18) апостол Павел говорит, что грешные люди (те, которые производят раздоры и соблазны) служат не Господу, а своему чреву. В 1-м послании апостола Петра также упомянуто, что плотские похоти восстают на душу (1 Петр. 2, 11). Эта борьба разрушает внутренний мир человека, если он не умеет себя обуздать. Она еще и тем опасна, что, как пишет далее апостол Иаков, лишает человека возможности получить желаемое, потому что ни желание, ни борьба за его выполнение (зависть, убийство, не в прямом смысле, конечно, а в духовном, т. е. ненависть, недоброжелательство) не приносят выполнения желания. Потому что только через молитву возможно получение просимого.

Зане не просите. — Эти слова, конец стиха Иак. 4, 2, начинают другую важнейшую для Нового Завета тему, о которой апостол Иаков будет говорить ниже, — о молитве: «Потому что не просите» (ср. Лк. 6, 46: «Что мя зовете „Господи, Господи“, а не творите, яже глаголю»). Распри и свары — нарушение завета Христова, поэтому молитва людей, виновных в этом, не является той молитвой, которую услышит Господь.

... слово *въ учении*. — λόγος διδασκαλικόν. Феофилакт считает, что речь о «ложных учителях»; в таком смысле и в Синодальном русском переводе. Впрочем, у апостола Павла, наверное, шире — обращение ко всем членам общины (1 Кор. 3, 3).

Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не плътяни ли есте? — 1 Кор. 3, 3.

Просите и не възмете, занеже злѣ просите... — «Плохо просите» или «Прosite плохого»? Я думаю, здесь оба смысла: 1) плохо, т. е. неусердно, молитесь и 2) просите о плохом. По-моему, повтор «зане злѣ просите», которого нет в Синод. тексте, подтверждает двойной смысл. Апостол Иаков обращает столь большое внимание на ситуацию «просит и не получает», потому что одна из аксиом христианства — выражение из Евангелия от Матфея (Мф. 7, 7—11): «Просите, и дано будет». Вера в то, что милосердный Господь даст просящему все, что он заслуживает, или нет такого милосердия, находится как бы в противоречии с тем, о чем говорит апостол Иаков. «Просите — и не дается». Ведь в этом упрек — раз не дается, то как вы просите и каковы вы?! И объяснение — вы просите того, что служит к вашей гибели, и именно потому милосердный Господь не дает вам. Следует стыдиться того, что молитва не услышана, а не обижаться на это. Об этом идет речь в следующем толковании. Ср. также Прит. 15, 29.

... *прѣлюбодѣици и прѣлюбодѣица*. — μοιχοί καί μοιχαλίδες. (Теодорович считает, что второе слово попало из маргиналий какого-то древнего текста, однако в латинском, коптском, эфиопском и сирийском есть оба слова, мужского и женского рода). Слово «прелюбодеи», адресованное людям, любящим земные блага больше, чем божественные дары, связано с обычным для Священного писания метафорическим изображением отношений между Богом и народом как супружества. Нарушение заповедей Божиих есть неверность в любви, т. е. прелюбодеяние.

Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляетъ. — См. Лк. 18, 10—14.

Стр. 112. *Иже бо аще изволитъ другъ свѣту сему быти, врагъ Божий бываетъ.* — Мир (свѣт) — в контексте затронутой темы — мир плотский, материальный, противопоставляемый духовному началу. Поскольку плоть может быть источником вожделений, ссорящих человека с Богом, то мир плоти и материи как бы враждебен Богу. Апостол предупреждает, в продолжение предыдущего стиха, что люди, любя свои вожделения, вольно или невольно, переходят на сторону врага Божия — дьявола.

Притѣчникъ. — Вероятно, это не прямое указание на авторство толкования, а ссылка на Притчи Соломона, цитируемые ниже апостолом Иаковом.

... *не мощно естъ работати Богу и мамонѣ...* — Мф. 6, 24.

Ножъ бо и раздѣление въверже на землю. — Противопоставляя плотское и духовное, подчеркивая необходимость и неизбежность их борьбы в человеке для достижения спасения, апостол Иаков говорит, что «друг мира» (т. е. сторонник плотского начала) становится «врагом Бога» (т. е. не принимает духовное начало). Толкователь развивает это подробнее, опираясь на высказанную в Евангелии мысль о необходимости разделения плотского и духовного и отсечения плотского («не мир, но меч» — Мф. 10, 34 и «...разделение» — Лк. 12, 51). Именно ценой этой суровой борьбы возможен мир, состояние, о котором молятся не только люди, но и ангелы на небесах. В толковании на Евангелие Иоанн Златоуст говорит о целительности для нас отсечения больного члена для спасения всего тела.

Аще рука ... съблажняетъ тя... — Мф. 18, 8—9; Мк. 3, 43—44.

Хрусостомость — т. е. Златоуст (Χρυσόστομος), Иоанн Златоуст.

Или мните, ако лѣжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете дух, иже вселився въ нас...» — Общепризнано, что это одно из труднейших для понимания мест. Во-первых, такой цитаты в Священном писании никому найти не удалось. Возможно, что ссылка на Писание относится к приведенной в следующем стихе цитате из Притч Соломона, т. е. текст не является цитатой, а принадлежит апостолу Иакову. Смысл текста не ясен. В славянских

рукописях: «возлюбляете дух», в греческом тексте, а также в Синодальном церковнославянском и русском: «Дух возлюбляет». Греческий текст: πρὸς φθόνον ἐπιτοῖαί τὸ πνεῦμα, Синод.: «к зависти желает дух»; рус.: «до ревности любит дух». Затруднением является слово φθόνος (зависть) или ζήλος (ревность) в отношении Бога. Толкователи XIX в. пытались найти решение типа «возлюбил до ревности». Однако слово «зависть» в значении «ревность» (т. е. усердие) зафиксировано в словаре Срезневского («божественною завистью душею возгараясь» — Миния 1091 г.).

Стр. 114. *Завистию диаволею смерть вниде въ миръ...* — Прем. 2, 24.

Христос же, по Писанию, вселился ... — Ср. Ефес. 3, 17: «Вселитися Христу верою в сердца наша».

Азъ бо придох, рече, да животъ имуть и лише имуть. — Ин. 10, 10.

Исаия явѣ рекъ: «Не ходатай, ни аггелъ, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны». — Ср. Ис. 33, 27: «Господь судия наш, Господь законодатель, Господь царь наш, он спасет нас».

Вселеную всю обоиму яко яйце. — Ср. Ис. 10, 14: «Вселенную всю обоиму рукою моею, яко гнездо, и, яко оставленные яйца, возьму».

Богъ гордымъ противится, сѣмьренымъ же даетъ благодать. — Прит. 3, 34.

Повинѣтся убо Божови ... отъ васъ. — Смирение, как главная добродетель верующего человека, которой всю силу дьявола побеждают, требует от человека сознательной и твердой позиции (т. е. борьбы) — покориться Богу и воспротивиться сатане, воспротивиться так твердо, чтобы он обратился в бегство. Человек обязан проявлять волю и усердие. Это же говорится и в толковании: смирение и скромность требуют проявления воли человека, ибо могут быть и на добро, и на зло.

О покаяньи... искренняго. — Этот заголовок в рукописи пропущен; восстанавливаем по Погод. 30.

Очистите руцѣ ... двоедушнии. — Покаяние, как проявление смирения, дает возможность человеку, во-первых, очистить руки (избавиться от греха) и сердце, а во-вторых, проявить волю в выборе, — в том, чтобы приблизиться к Богу. И тогда Бог приблизится к человеку.

Видѣ сѣмьрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забыв. — Пс. 118, 153.

Не отай оклеветайте... — В греческом тексте: Μὴ καταλαλεῖτε (Не клеветайте). Вероятно, «отай» попало по ошибке, под влиянием Пс. 100, 5 («оклеветаящего тай»).

...спасти и погубити. — Выражение «спасти и погубити» из Мф. 10, 28, где говорится о том, что люди могут убить тело человека, но не могут убить его душу. Бояться нужно не людей, а Бога. Только всемогущий Бог, установивший совершенный Закон, может судить, осуждать или прощать. Ср. 1 Цар. 2, 6: «Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит».

Стр. 116. *Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣтъ и осуждаей.* — Ср. Римл. 2, 1.

...огнь и муку на своя изливают главы. — Ср. Прит. 25, 22 и Римл. 12, 20: «...соберешь ему на голову горящие угли» (т. е. горькое раскаяние).

Вѣдущому же убо добро дѣяти и не дѣюще, грѣхъ ему есть. — Синод.: «кто разумеет делать добро» (т. е. знает, что нужно, и умеет). О том, что неведение иногда освобождает от ответственности, а ведение (знание) усугубляет ответственность, говорится в Евангелии: «Раб, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много, а который не знал, но делал достойное наказание, бит будет меньше» (Лк. 12, 47—48); «Если бы я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения в грехе своем» (Ин. 15, 22).

Не хвалися утрьнимъ, не въси бо, что родить настоащия. — Прит. 27, 1.

...плачѣтесь, задремущеся о страстехъ вашихъ, грядущихъ на вы. — Плачьте задремущие — κλαύσατε δλοῦζοντες. Синод.: «Плачьте и рыдайте». У Срезневского: «задрязтиса — захлипатиса» (может быть: рыдать вопия). «Бедствия, страсти» (Синод.: «лютые скорби») — ταλαιπωρία. Скорби — это не только потеря мимотекущего богатства, которая предстает; «грядущие скорби» — это скорби, предшествующие Второму Пришествию. О скорбях, предшест-

вующих «кончине века», говорится в 24-й главе Евангелия от Матфея. Здесь у апостола Иакова начало темы предвещения Страшного суда, развиваемой далее. Во времена апостольские наступление Страшного суда ощущалось как самое ближайшее будущее.

Мука и скрежетъ, гной и червие. — «Тма крошечная», где «будет плач и скрежет зубов» (т. е. ад, вечная мука) — Мф. 8, 12; 13, 42, 50; 22, 13; 24, 51; 25, 30; Лк. 13, 28.

Стр. 118. *...день заклениа.* — Метафора, обозначающая день Страшного суда. Основана на тексте пророка Иереми (Иер. 12, 3): «собери их как овцы на закление, и очисти их в день заклениа». Иаков изменяет эту метафору, делая ключевым словом «ожиревшее сердце». Как скотину перед убоем откармливают, так и богатеи, насладившиеся жизнью, откормили сердца свои. Их надлежит резать, как скот. Но очищение (метафора Иереми, вероятно, связанная с иудейским обычаем особого очищения мяса, предназначенного для еды) ожиревшего затруднительно. Так и «ожиревшее сердце» (в духовном смысле) нелегко очистить перед «днем заклениа», т. е. перед Страшным судом. О дне заклениа также: Иерем. 25, 34: «Воскликните, пастуси, и возопите, и восплачете, овни овчин, яко исполнишася дние ваша на закление, и падете, якоже овни избранные».

Злато ваше ... будет ... — Золото проржавело. Это можно понимать не буквально (золото, как известно, не ржавеет), а иносказательно: пропало, исчезло, было уничтожено. Золото и серебро — это троп (синекдоха), обозначение богатства вообще. Может быть, употребляя образ «золото и серебро проржавело» для обозначения уничтожения, автор хочет подчеркнуть providentialную неизбежность уничтожения всего (даже того, что кажется неуничтожимым) в Судный день. Далее подчеркивается, что ржавчина золота — это свидетельство против: против грешных богачей, которые приобрели богатство несправедливо. Возможно, что это знак (символ) — знак, обличающий грешника (как несмываемое кровавое пятно обличает убийцу).

...сѣньсть плоти ваша, яко огнь... — *φάγεται τὰς σάρκας ὑμῶν ὡς πῦρ*. Кара нечестивым богачам — уничтожение того, что собрано за всю жизнь, на последние дни, на остаток жизни. Для библейской ментальности это очень важно (не в смысле бедности или достатка) — имущество человека это выражение его личности, показатель того, на что он способен. Уничтожить это — уничтожить самого человека. Это страшно. Поэтому «снести плоти ваша» звучит так страшно и двусмысленно. Хотя речь идет об уничтожении вещественного имущества, нажитого, звучит так, как будто говорится об уничтожении людей. Именно поэтому апостолы так много внимания уделяли разъяснению, что следует собирать сокровище на небесах, нетленное духовное богатство, которое ни моль, ни ржавчина уничтожить не могут. И это сокровище надо собирать для Последнего дня не в смысле конца своей жизни, а для Дня судного, с чем предстанешь перед Судией, стоящим уже у дверей. Предупреждение о бессмысленности собрания богатства есть и в Ветхом Завете: «Сокровиществует и не весть, кому соберет е» (Пс. 38, 7).

...женъших... — Испр. по Погод. 30; в рукописи *женъ ваших*.

Се мзда ...вѣнидоша. — Прием библейского синтаксического параллелизма (мзда ... вопиет, вопли ... дошли). Жнецы — как и в других случаях — частное для обозначения общего. Жнецы олицетворяют собой труждающихся в поте лица, угнетенных, обманутых, обиженных. Невыплата вознаграждения за труд по закону приравнивается к убийству. Это строго запрещено (Лев. 19, 13; Втор. 24, 14) и обличается пророками (Иер. 22, 13; Мал. 3, 5; Иов. 31, 33; Тов. 4, 14). Сир. 34, 22: «Убивает ближнего тот, кто отнимает у него пропитание, проливает кровь тот, кто лишает наемника платы». В упоминании имени Саваоф — угроза. Господь Саваоф (Господь сил) — карающий.

Съвѣдѣтельствуетъ на ны ... моля ради съгнившая. — Здесь сокращенное толкование Феофилакта (выборка из катен); на самом деле Феофилакт более подробно развивает мысль о том, что оправданием богатства является милосердие, и от ржавчины и моли имущество спасает раздача его неимущим. Факт съедения молью одежд свидетельствует не о нерадивости хозяина, а о его жадности и жестокости.

Осудите, убисте праведнаго... — Праведника (τοὺ δικαίον) — некоторые толкователи, в том числе Феофилакт, считают, что это указание на Христа. Но для такого толкования нет оснований, потому что нельзя инкриминировать распятие Христа иудеям, бывшим в рассеянии,

даже если они — нечестивые богачи. Вероятно, здесь, как и в других местах, синекдоха — называется один, а имеется в виду множество, или праведность вообще. Богачи с ожиревшим сердцем столь плохи, что даже способны убить праведника, а это большое преступление, обличаемое пророками (Амос. 5, 12; Прем. 2, 12—20). В какой-то степени это повторение того, о чем говорилось в начале стиха — пролитие крови неповинной (неплата наемнику — убийство).

Что убо? ... съ благодарениемъ въкушаемо. — О том, что ветхозаветные запреты на пищу, разделение пищи на чистую и нечистую, не обязательны для христиан, неоднократно говорил апостол Павел, прибавляя, что есть можно все, за все благодаря Бога, и нельзя осуждать за пищу (1 Кор.; Кол. 2), но следует уважать чувства и убеждения тех, кто придерживается ограничений — не быть для них соблазном и не выставлять на обозрение нарушения ветхозаветного закона. Последняя фраза толкования — точная цитата (1 Тим. 4, 4).

...другаго плода... — В Синод. *цестнаго* (драгоценного); в греч.: τὸν τίμιον καρπὸν (ценного плода).

...дѣжць ранъ и позьднѣ. — Дождь ранний и поздний — т. е. дождь весенний и осенний. Земледельческая практика Востока — дождь два раза в году, весной и осенью, и от этого зависит урожай (ср. Втор. 11, 14; Иер. 5, 24; Иовиль 2, 23; Зах. 10, 1). Посеяв семена, земледelec терпеливо ждет, веря, что дождь будет и урожай не погибнет. Это прообраз того терпения с верой (уверенностью), о котором говорит апостол Иаков.

...яко пришествіе Господне приближися. — В апостольские времена пришествие Господне ожидалось в самом ближайшем будущем (1 Петр. 4, 7; 2 Петр. 3, 4; 1 Ин. 2, 18, 28; 1 Кор. 7, 29; 10, 11; 1 Сол. 4, 15 и др.). Приблизилось — но еще не наступило, Судия еще только стоит у дверей. Еще есть время, но надо спешить — укрепить сердца и быть готовыми. Время пришествия Господня ветхозаветными пророками называлось «последние дни» (Ис. 2, 1; 4, 2); «последнее время» (так говорил апостол Иоанн — 1 Ин. 2, 1); теперь мы видим, что, говоря о тленном богатстве, апостол Иаков именно это имел в виду, упоминая о заготовленном на последние дни. Однако Господь предупреждает: «Бдите, яко не весте дня же, ни часа, в онъже Сын Человеческий придетъ» (Мф. 24, 42); и этот час придет, «яко тать в нощи», т. е. неожиданно (1 Сол. 5, 2; 2 Петр. 3, 10). Завтра или через две тысячи лет — надо быть готовыми и ждать с твердым сердцем и с терпением.

Долготерпѣніе къ другомъ, пождание ко вѣшнимъ. — Противопоставляются слова «долготерпение» и «пождание». В своем толковании, не вошедшем в катены, Феофилакт останавливается на этом противопоставлении. Долготерпение (μακροθυμία) — это свойство Бога; людям оно свойственно лишь частично, по отношению друг к другу. В отношении людей говорится «терпение» (ὁποσύνη; в нашем тексте — «пождание») к внешним обстоятельствам. Поэтому образ пахаря, который «долготерпит» (о урожае, если будет «дождь ранний и поздний»), по мнению Феофилакта, это отношение Бога к людям — он долготерпит, ожидая покаяния в юности и в старости. У Срезневского: пождание — отсрочка, пождыданно — терпеливо, пождыдати — ждать, надеяться.

Стр. 120. *Не въздыхайте на ся...* — Μὴ στενάξετε κατ' ἀλλήλων. Сетование (воздыхание) друг на друга — взаимные упреки, это есть нарушение добродетели терпения, о которой шла речь в предыдущем наставлении. В этом контексте речь идет опять о богатых и бедных, об обидчиках и угнетенных. Возможно, что предыдущее толкование должно быть отнесено к этому отрывку.

...да не осудитесь. — Синод.: «да не будете осуждены». В сетовании содержится осуждение (признание вины за другим, а не за собой), а судящий другого будет осужден. Ср. Мф. 7, 1: «Не судите, да не судимы будете».

Судия. — κρίτης. Только Господь может судить и воздавать за вину: «Мне отмщение и аз воздам» (Втор. 32, 35), т. е. «Мне (принадлежит право) отмщения, и я воздам (кому следует)». Ср. Римл. 12, 19: «Не мстите за себя, братие, но дайте место гневу Божию, ибо сказано: „Мне отмщение, и аз воздам“».

...глаголаша именемъ Господнимъ. — Можно это понимать: «говорили от имени Господа», но точнее: «Господь говорил их устами». Ведь пророчества в пророческих книгах начинаются словами: «Тако глаголет Господь...».

Прежде же всего, братие моя... — В Погод. 30 эти слова относятся к предыдущему отрывку. Теодорович говорит (с. 123), что в эфиопском тексте к этим словам добавлено: «да превосходит все любовь его»; поскольку этих слов нет ни в одной греческой рукописи, их можно рассматривать как толкование.

Аще страждет кто въ вас ... въ имя Господне. — В этом отрывке как бы рекомендована вся жизнь, до смерти. Молитесь (προσευχέσθω), когда страдаете, пойте псалмы (φαλλέτω), когда благодушествуете, а когда тяжело заболите, следует призвать священников, чтобы они совершили чин елеосвящения (это первое указание в Священном писании на совершение таинства елеосвящения, или соборования). Далее говорится об исповеди и отпущении грехов. Апостол Иаков рекомендует взаимную исповедь («Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа...») и молитву друг за друга. Это приблизительно то, о чем говорит апостол Павел (Гал. 6, 2): «Носите бремена друг друга». Следующая фраза разъясняет преимущества взаимной молитвы.

Много бо может молитва праведнаго поспѣваема. — πολὺ γὰρ ἰσχύει δεήσις δίκαιου ἐνεργουμένη. В Синод.: *поспѣшствуемая*, в перев. *усиленная*. Молитва, которую поддерживают (поддержанная тем, за кого молятся), взаимная. Русский перевод Феофилакта, цитируемый в Толк. Б.: «Молитва праведника имеет большую силу тогда, когда тот, за кого молится, содействует его молитве душевною скорбью. Ибо если тогда, когда за нас молятся другие, проводим время в роскоши и неге и невоздержании, то мы через то ослабляем силу молитвы подвизающихся за нас». Срезневский: поспевать σὺνεργεῖν — помогать. Ектенѣсѣтеров — усердно. Так молился Христос (Лк. 22, 23), будучи в борении, и «был пот его как капли крови».

Того ради древнимъ клятва възаконися... — Древние — здесь: иудеи. По талмудическому закону полагалось клясться только существующими формулами клятв. Таким образом предострашали недозволённые клятвы.

Кленѣте бо ся, вѣща, Богомъ истиннымъ. — Ср. Втор. 6, 13: «Именем его да кленется».

... да будетъ вамъ «ей»-«ей», «ни»-«ни», в клятвы мѣсто. — Ср. Мф. 5, 37.

Стр. 122. *Кленущи бо ся, вѣща, большимъ да кленутся...* — Евр. 6, 16.

Максимово — Максим Исповедник (582—662), учитель церкви, богослов.

Доколѣ ты плачещи Саула ... въ Израили. — 1 Цар. 16, 1.

И ты не молися о людехъ сихъ ... не послушаю тебе. — Иер. 13, 14.

Дерзновение — τάρρησις — смелость, дерзость. Это не просто смелость, а смелость, которая дается за заслуги праведной жизни — право обратиться к Богу и быть услышанным, дарованное святым и праведникам. Об этом образно говорится в «Похвале милости» (см. Толк. Златоуста о милостыни — с. 98—100 и коммент. к нему на с. 509—510).

...подобенъ намъ... — В греч. ὁμοιοπαθής — подобосущен, подобострастен — равен нам по страстям, смертный, грешный. Ср. Прем. 7, 1: «Аз есмь человек смертен и подобен всем».

...молитвою помолися... — προσευχῇ προσήξω, т. е. очень сильно помолился. Такой прием (удвоение) характерен для Священного писания (обышедша обыдоша — Пс. 117, 1; наказуя наказа — Пс. 117, 18; смертью умереть — Быт. 2, 12 и др.).

Въ Третий Царствѣ ... усты слова моего. — Цитата из Книги Царств (3 Цар. 17, 1), использованная как толкование, поясняющее стих о пророке Илие. В других рукописях и в греческом нет.

...небо мѣдяно бысть... — Ср. Втор. 28, 29: «Будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна».

Стр. 124. *... аще кто въ васъ заблудитъ от истины и обратитъ ... греховъ.* — Заблудить — πλανηθῇ, обратитъ — ἐπιστρέψῃ. Заблуждение (уклонение от истинного пути) — т. е. невольное отступничество от истины, это грех, а человек, с которым это случилось, — грешник. Тот же, кто может спасти (удержать) грешника от впадения в заблуждение — т. е. вернуться к праведности, обратиться, — спасает его и его душу, и покрывает множество грехов (которые произойдут в результате заблуждения). Покрывать грехи — добиться их прощения, а не спрятать (ср. современное покрывать долги). Такое понимание простейшее, и оно вполне правдоподобно. Но тогда встает вопрос, о спасении чьей души идет речь (обращенного или обратителя) и кто или что покрывает множество грехов? Необходимо, сохраняя первый смысл, иметь в виду и более широкий и более

важный, подкрепляемый словами апостола Петра: «Любовь покрывает множество грехов» (1 Петр. 4, 8). Обращение заблудшего есть проявление любви, завещанной Господом. Эта любовь покрывает грехи; не только обращение от заблуждения, но и любовь, которая к этому привела, — удвоение силы, как и наставления о сильной молитве. Тот, кто проявляет любовь, способную покрыть множество грехов, выполняет заветы Христа, а следовательно, спасает и свою душу. Здесь выражена идея «универсальной» спасительности любви. Эта идея трижды повторяется. Бог, который есть любовь, прощает множество грехов. Это третий смысл этой фразы. Это последние слова апостола Иакова. Закончив свое «увещание», назидательное и обличительное, апостол дарует ученикам своим надежду, внушает упование, раскрывает истинный смысл веры, воздвигает на путь живой веры и действенной любви.

Толк. Златоуст. — В ряде рукописей (в частности, в Погод. 30) последний отрывок разделен на две части. «Братие ... и кто» и «Да въсть ... грѣховъ». Толкование Златоуста относится к первой части, а ко второй — только слова «Яко слугы бывайте ближних спасению». Здесь же толкование Златоуста подводит итоги Послания Иакова. С помощью излюбленных сравнений с трудом и терпением земледельца дается наставление о деятельной любви: земледелец должен пробудить бездушную землю, посеять семена, сохранять их от птиц, от сорняков, от засухи, и уповать, что урожай будет, и будет кому собрать его. Так и христиане должны служить спасению ближних.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

Иоанн экзарх болгарский — болгарский писатель и переводчик конца IX—начала X в., поколения, следующего за поколением первых переводчиков с греческого на славянский Константина-Кирилла и Мефодия. Он перевел «Богословие» и «Философию» Иоанна Дамаскина, перевел также, а отчасти переложил, применяя к славянскому языку, греческую грамматику Иоанна Дамаскина «О восьми частях речи». Написал «Слово на Вознесение Господа нашего Иисуса Христа». Ему приписываются также «Слово на Преображение» и сочинение «От сказания евангельского».

«Шестоднев» представляет собой перевод-компиляцию «Шестодневок» Василия Великого, Севериана Гевальского и произведений Иоанна Златоуста, Аристотеля и др., дополненный самим переводчиком-компилятором. О строении своего произведения Иоанн-экзарх говорит в Прологе. «Шестоднев» посвящен Иоанном-экзархом большому любителю литературы и просвещения болгарскому князю Симеону. Этот князь погиб в 927 году в неудачной войне с хорватами. Стало быть, «Шестоднев» создан Иоанном-экзархом до этого года.

«Шестоднев» — рассказ о мире, природе, растениях, животных и человеке, построенный как комментарий к библейскому рассказу Книги Бытие о сотворении мира. Шесть частей-«слов» произведения соответствуют шести дням акта творения. «Шестоднев» являет собой богатое собрание античных и средневековых «естественнонаучных» сведений и «натурфилософских» представлений. Этим сведениям и представлениям всегда свойственно со временем изменяться. Бессмертным остается основной пафос всего произведения Иоанна-экзарха в целом — интерес к природе и человеку и изумление их устройством. Этот пафос прекрасно выражен в публикуемых нами здесь двух самим им написанных предисловиях — ко всему «Шестодневу» и к его шестому «слову», где речь идет о человеке.

Текст публикуется по русскому списку XV века — РНБ. Соловецкое собр., № 318/338, л. 1—6, 192—193 об.

Стр. 128. *Все бо еже восхотѣ... безднахъ...* — Ср. Пс. 134, 6.

Стр. 130. *Возвеличишася ... сътворилъ еси.* — Пс. 103, 24.

Стр. 134. *Удивися разумъ ... възрадоуюся...* — Пс. 91, 3—4.

Възвеличишася ... сътвори. — Ср. Пс. 103, 31.

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 года

Изборник 1073 г. — одна из древнейших русских рукописных книг наряду с Остромировым Евангелием и Изборником 1076 г. Этот Изборник был обнаружен К. Калайловичем и П. Строевым в 1817 г. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре; в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее в Москве, в Синодальном собр., под № 1043/31 д. Рукопись иллюминирована изображением русской княжеской семьи (в начале) и рисунками знаков зодиака (л. 250 об.—260). Ее фототипическое воспроизведение см.: Изборник Святослава 1073 г. М.: Книга, 1983. Кн. 1. Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание. Кн. 2. Научный аппарат факсимильного издания.

Изборник 1073 г. — это сделанный на Руси список с болгарского оригинала, представляющего собой перевод с греческого, выполненный, по всей вероятности, для болгарского царя Симеона (919—927) («велики в царех Симеон» упоминается в происходящей из Кирилло-Белозерского монастыря рукописи 1445 г., по содержанию идентичной Изборнику 1073 г.). Как гласит приписка писца на л. 263 об. Изборника 1073 г., «Въ лѣто 6581 (1073) написа Иоаннь диакъ Изборникъ съ великуму кн(я)зю С(вя)тославу». Дьяком Иоанном написана, однако же, лишь небольшая часть (начало и конец) рукописи, а имя Святослава — оно читается также в начале книги — оба раза написано, как установлено, по стертому. Возможно, Изборник был написан по заказу старшего брата Святослава, князя Изяслава Ярославича, и переадресован после его изгнания Святославом из Киева в 1073 г.

Существует несколько южнославянских списков XIII—XIV вв. и большое число (более двадцати) русских XV—XIX вв. рукописей, так или иначе восходящих к болгарскому оригиналу и его русской копии 1073 г. (см.: *Творогов О. В.* Изборник 1073 г. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1: XI—первая половина XIV в. Л., 1987. С. 194—196). Сохранился также ряд греческих рукописных сборников, по составу близких к тому, который был переведен в Болгарии при царе Симеоне. Древнейшие из них относятся к концу IX—первой половине X в. и указывают на Константинополь как на место своего создания: «прото-Изборник» переписывался в крупнейших столичных скрипториях, Патриаршем и Имперском, где, по всей вероятности, и был в IX в. составлен (см.: *Каврус Н. Ф.* Греческие списки протографа «Изборника Святослава 1073 г.» конца IX—первой половины X века (палеографический анализ) // *Византийский временник*. М., 1990. Т. 51. С. 103—105; *Бибииков М. В.* 1) Сравнительный анализ состава «Изборника Святослава 1073 г.» и его византийских аналогов // Там же. С. 92—102; 2) Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. // Там же. Т. 53. С. 106—123).

В Изборнике 1073 г. содержится, как установлено, более 380 статей, принадлежащих 25 авторам (см.: *Жуковская Л. П.* Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию)). Основной же его объем (л. 27—223) занимают «Анастасиеви отъѣти» — так называемые «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита (VII—начало VIII в.), представляющие собой свод выписок из Священного писания и отцов и учителей церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника и множества других). Им предшествуют и за ними следуют выдержки из сочинений Кирилла Александрийского, Иустина Философа, Михаила Синкелла, Иринея Лионского, Августина и ряда других выдающихся христианских писателей. Здесь мы видим старейшие в русской письменности отрывки из «Лествицы» Иоанна Синайского, статью «Об образах» (трактат о поэтике) Георгия Хировоска, древнейший русский список ложных книг, «Лѣтописецъ въкратцѣ отъ Авѣгуста даже и до Константина и Зоя, цесарь гръцскихъ», и многое другое. Круг освещаемых Изборником 1073 г. областей знания поразительно широк: наряду с догматическим богословием и вопросами христианской нравственности тут и антропология, и философия, и математика, и филология, и естествознание, и история... Как в Болгарии X в., так и в Киевской Руси XI—XIII вв., а затем — особенно! — в Руси Московской XV—XVII вв. Изборник 1073 г. служил, можно сказать уверенно, энциклопедией, освещавшей самые главные вопросы христианской культуры.

Первой в нашей выборке из Изборника 1073 г. воспроизводится статья «Немесия епискупа Емесскаго отъ того, еже „О естѣствѣ чловѣчѣсть“», находящаяся на л. 132 об.—134 об. Изборника. Это извлечение из книги «О природе человека» Немесия, епископа г. Эмесса (ныне город Хомс) в Сирии, жившего в IV—V вв. Твердо верующий и ясно мыслящий христианин, Немесий Эмесский был человеком ученым, широко образованным и хорошо владеющим пером. Главная особенность его книги — соединение богатых античных научных знаний о человеке и его природе с христианским о нем представлением. Хорошо знакомый с учениями Платона, Аристотеля, Гиппократы, Галена, стоиков, неоплатоников, Немесий ясно их излагает и трезво оценивает с церковной христианской точки зрения. Таким образом, с помощью античной науки и философии, опираясь на Библию и на своих христианских предшественников, прежде всего на автора трактата «Об устройении человека» Григория Нисского, Немесий Эмесский разрабатывает важную часть христианской культуры — христианскую антропологию. В VIII в. его книгу использовал при создании «Точного изложения православной веры» Иоанн Дамаскин, а в XI в. при написании «Диоптры» — Филипп Монотроп. Книга Немесия была переведена на армянский язык и дважды (в XI и XII вв.) на латынь.

Представленный в славянском переводе текст Немесия является выборкой из первой главы его книги. Мы имеем возможность сопоставить его с текстом современного русского полного перевода книги Немесия по изданию: *Немесий, епископ Эмесский. О природе человека* / Пер. с греч. Ф. С. Владимирского; предисл. Н. В. Шабурова (Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла). 1996. С. 24—36 (далее — Немесий). В комментариях мы укажем, что и как переводчиком сокращено.

Воспроизводимые далее главы с философскими разъяснениями и определениями занимают в Изборнике 1073 г. л. 222 об.—237 об. и представляют собой окончание «Вопросо-ответов» Анастасия Синаита и следующие за ними отрывки из сочинений Феодора Раифского, Иоанна Дамаскина и неизвестного автора. Это установил французский русист Ж. Жоанне (см.: *José J. Les chapitres de définition philosophiques dans l'Izbornik de 1073 (Édition gréco-slave) // Revue des études slaves. Paris, 1991. LXIII/1. P. 55—111*). В поисках греческого текста, наиболее близкого к славянскому переводу, Ж. Жоанне исследовал шесть греческих манускриптов IX—XV вв., из которых наиболее схожим по содержанию с Изборником 1073 г. оказался кодекс Парижской Национальной библиотеки Coislin 120 начала X в. Перевод философских глав на современный русский язык осуществлен нами с помощью греческого оригинала, напечатанного проф. Ж. Жоанне (*Ibid.*, p. 61—111); используем также предложенное им членение текста.

Стр. 136. *Человѣка въмъ... исповѣдаемъ...* — У Немесия соответствующий абзац первой главы начинается иначе: «Евреи говорят, что человек не был создан изначально ни совершенно смертным...» (см.: Немесий. С. 24).

Разумѣ, яко нагъ естъ. — Быт. 3, 7.

Стр. 138. *...проштено бысть ядение мясное.* — У Немесия: «...было предоставлено (право) питаться и всем остальным». Далее опущено о четырех стихиях (элементах материального мира) как составляющих человеческого тела (см.: Немесий. С. 25).

...супротивнымъ же ся врачуютъ. — Далее пропущено объяснение того, как и посредством чего попадают в нас «стихии», элементы, из которых состоит мир (см.: Немесий. С. 26—27).

...ни власть, аky животѣмъ... — Отсутствуют наличествующие у Немесия сравнения с козами, овцами, зайцами, змеями, рыбами, черепахами, раковинами, раками и птицами (см.: Немесий. С. 27).

...ризы трѣбны быша... — Пропущена далее речь о необходимости для человека пищи, одежды и жилища и объяснение нарушений нормального состояния человеческого тела. Следующие в выборке — переводе слова «и вздоху» ради нестроинства... относятся в оригинале не к одежде («ризам»), а к жилищу (см.: Немесий. С. 27—28).

...злаго врѣда не цѣляште. — Далее пропущен очень большой период, где говорится о пользе от наук и искусств, о городах как местах, где люди пользуются взаимными услугами, о покаянии и восстающем в бессмертие теле как преимуществах человека и о существовании всего на свете, «по учению евреев», для служения человеку (см.: Немесий. С. 28—34).

...аки Данилъ отъ львовъ и Павль отъ ехиднь. — См. Дан. 6, 15—22; Деян. 28, 3—6.
 ...и причастникъ Того царства. — Панегирик Немесия человеку в Изборнике 1073 г. несколько сокращен и опущено следующее за ним окончание первой главы (см.: Немесий. С. 35—36), где автор оценивает написанное выше как уже «в значительной мере» осуществленное им изъяснение природы человека, призывает читателя к воздержанию от «кратковременных незначительных удовольствий» ради наслаждения «всем вечным» и говорит, что далее отдельно скажет, «пропуская слишком тонкие, запутанные и для большинства неудобопонятные вопросы», о душе. Следующая, вторая глава его книги как раз и носит название «О душе».

Стр. 140. Максимово... — Имеется в виду Максим Исповедник (582—662), византийский богослов, известный своей борьбой с ересью монофелитов. Этот отрывок представляет собой последнюю цитацию в последнем «вопросо-ответе» Анастасия Синаита. С ней в Изборнике 1073 г. тесно связана следующая далее главка «Феодора, пресвитера Раифского, о том же».

...суштия... — По-гречески это слово — οὐσία означает и «сущее», и «существо», и «сущность», и «субстанцию».

Феодора, пресвитера Раифуисьскаго... — Феодор Раифский, богослов VI в., борец с монофизитством, монах Раифского монастыря на Красном море.

Суштьное... — Греческое слово οὐσία (см. комментарий выше), здесь переведенное как «суштьное», означает также «имущество», «состояние».

...многосуштьнъ. — В греческом оригинале здесь игра слов: «богатый» — πλούσιον, «многочисленный» — πολυούσιον.

...люди богатия... — Исход 19, 5.

...Израиль въ богатство ему... — Пс. 134, 4.

...сущие... — В данном случае это слово можно перевести как «сущность», и как «существо».

Стр. 142. ...образ. — В оригинале здесь говорится не об образе, но о цвете (χρῶμα) тела.

...Богъ. — В греческом тексте здесь: Θεὸς ὑπερούσιος — «Бог сверхсущественный».

Стр. 144. Егда бо ... законная творять... — Римл. 2, 14.

Прѣмъниша ... на чръсъестьствъную. — Римл. 1, 26.

И бѣхомъ чяда ... якоже и мнози... — Эф. 2, 3.

Безумни бо ... Божья разума. — Прем. 13, 1.

Всѣхъ бо хытрица ... Мудрость... — Там же, 7, 21.

...сѣставъ сѣложение ... дѣство сѣставы... — Там же, 7, 1.

...естьства животоъ и гнѣвы звѣрьскыя... — Там же, 7, 20.

Всеъ естьство ... естьствъмъ челоувѣчскъмъ. — Ср. Иак. 3, 7.

Да будете Божья приобъштьнищи естьства. — Ср. 2 Пет. 1, 4.

Къто есть въ собыствѣ Господьни? — Иер. 23, 18.

Иже сы ... собыства Его. — Евр. 1, 3.

«собою сѣстоишься» и «есть». — В греческом оригинале: ὑφестάναι καὶ ὑπάρχειν — находиться в основании и существовать.

Стр. 146. ...живемъ и движемъся и есмъ. — Деян. 17, 28.

И Павль, на степенъхъ бесѣдую... — См.: Деян. 21, 40.

...се иматъ ... къ своитънууму. — Эпистола 236, 6 // PG 32, col 884A.

Стр. 150. Собыство. — стан, отряд, см.: 1 Цар. 14, 4; 13, 23.

Съборъ. — стане, отряде, см.: 2 Цар. 23, 14.

Сѣставление — соединение, сборище.

Сѣстояние — полк, см. Паралип. 11, 16.

Стр. 154. ...сѣпудъмъ... — В греч. оригинале модіѳ, модий — римская мера сыпучих тел (равная 8.754 л).

Стр. 164. Максимово... — Эта главка, как и «О единении» (с. 166), принадлежат на деле не Максиму Исповеднику, а Иоанну Дамаскину.

Стр. 166. <ино>. — В рукописи — «не».

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

После падения в начале X в. Великоморавской державы под ударами кочевников-венгров одним из преемников кирилло-мефодиевских традиций (не прерванных целиком даже с изгнанием в 885 г. из страны учеников славянских апостолов) стало небольшое Чешское княжество, правитель которого Боривой (Борживой), по преданию, ок. 874 г. был крещен архиепископом Мефодием. В стране наряду с латинской существовала славянская письменность на основе глаголического алфавита и богослужение на славянском языке. С Пражским княжеством ряд исследователей связывает возникновение одного из древнейших памятников славянской письменности — Киевских глаголических листов X—XI вв.; почти единодушно мнение о чешском происхождении Пражских глаголических листов XI—XII вв. Возникший в 1033 г. неподалеку от Праги Сазавский монастырь на протяжении 60 с лишним лет был значительным центром славянской письменности и межславянских культурных связей.

Начало чешской литературы связано с драматическими событиями в жизни недавно христианизированного общества. В 921 г., после смерти своего сына Вратислава, вдова Боривоя, Людмила, пала жертвой борьбы за власть: она была задушена по приказу своей невестки Драгомиры, стремившейся единолично править во время малолетства своих сыновей. Позднее (в 928 или 935 г.) старший внук и воспитанник Людмилы, Вячеслав (установивший церковное почитание своей бабки), был убит своим братом Болеславом и его боярами, недовольными пассивной внешней политикой князя и влиянием на него духовенства. Вскоре после смерти Вячеслав был канонизирован по инициативе виновника его гибели, принесшего церковное покаяние. За короткое время культ новых мучеников получил общегосударственное значение. На протяжении X—XIII вв. в их честь было создано большое число житийных и гимнографических произведений на славянском и латинском языках. Одним из наиболее ранних, возникших в 930-х гг., является издаваемое «Убиение Вячеслава», созданное, по всей видимости, в кругах духовенства, близких к князю Болеславу: в отличие от других памятников святовацлавского цикла его роль в убийстве брата здесь достаточно принижена, он выступает преимущественно как орудие злых советников. Вячеслав в «Убиении» изображен кротким и мудрым правителем, образцом христианина, не противившегося злу насилием; о внешнеполитических неудачах князя нет и упоминания.

Очень рано культ Вячеслава (вместе с культом Людмилы) получает известность в Киевской Руси. Уже в сентябрьской служебной минее 1095—1096 г. помещен канон Вячеславу. Посвященные ему житийные тексты оказали воздействие на памятники агиографии борисо-глебского цикла. С почитанием на Руси Вячеслава Чешского исследователи связывают наречение этим именем сына Ярослава Мудрого, родившегося в 1036 г. Не позднее XIII в. на Руси были составлены краткие версии житий Вячеслава и Людмилы Чешских, включенные в состав Пролога. Особая редакция «Убиения», возникшая не позднее первой трети XVI в., получившая в науке название Минейной (так как она помещается обычно в составе миней четых), широко известна в русской рукописной традиции XVI—XVII вв.

В самой Чехии из-за неблагоприятной для развития славянской письменности и богослужения в XII—XIII вв. культурно-исторической ситуации славянские тексты житий князей-мучеников не сохранились: они дошли только в русских и хорватских (глаголических) списках (славянское житие Людмилы известно лишь в сокращенной проложной версии). Лишь в 1827 г., когда известный русский филолог А. Х. Востоков опубликовал «Убиение Вячеслава» по румянцевскому списку, была открыта неизвестная до той поры страница древнейшей истории чешской литературы и кирилло-мефодиевской традиции.

Текст «Убиения Вячеслава, князя Чешского» (или Востоковской легенды) известен (в древнейшем своем кириллическом варианте) в четырех списках: *РГБ*, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцев), № 436 (открыт А. Х. Востоковым), нач. XVI в.; *БАН*, Архангельское собр., № Д. 142, втор. пол. XVI в.; *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 1466, кон. XVI—нач. XVII в.; *РГБ*, ф. 556 (собр. Вифанской духовной семинарии), № 91, втор. четв. XVII в. (обнаружены в последнее время). Все известные списки памятника содержат (с мелкими разночтениями) единый текст, отражающий общий прото-

граф. Здесь текст публикуется по Румянцевскому списку — древнейшему и наиболее исправному. Для исправления отдельных испорченных чтений привлекаются тексты Минейной редакции и глаголических списков памятника.

Наиболее обстоятельный исторический и филологический комментарий к памятнику содержится в издании: *Blahova E., Konzal V., Rogov A. I. Staroslovenske legendy českého původu*. Praha, 1976 (см. также: *Рогов А. И.* Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. М., 1972). Кроме того, целый ряд важных замечаний текстологического и историко-культурного характера содержится в вышедших позднее работах В. Конзала (*Konzal V. První slovanská legenda vaclavská a její «Sitz am Leben» // Studia Mediaevalia Pragensia*. 1988. Praha, 1990. Т. I. S. 113—127); Ф. В. Мареша (*Mareš F. W. An Anthologie of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*. München, 1979); В. Ткадльчика (*Tkadlčík V. Kto udelil postřiziny sv. Václavu? // Listy filologičny*. 1980. Т. 103. S. 209—212), Д. Тржештика (*Tržestík D. 1) Počátky Přemyslovců*. Praha, 1981; (2-е изд. — 1997); 2) *Václav a Berengar // Český časopis historický*. roč. 1989. Praha, 1991. № 5—6. S. 641—661).

Стр. 168. *Будет бо, — рече, — в послѣдняя дни... по дѣломъ ихъ.* — Комбинация цитат из новозаветных текстов. Ср.: 2 Тим. 3, 1—3; Мр. 13, 12; Мф. 10, 36; 16, 27.

Бѣ же князь... Воротиславъ... — Вратислав (ок. 888—921), второй сын князя Боривоя и его жены Людмилы, правил в 915—921 гг., наследовал своему брату Спытигневу.

Дорогомиръ. — Жена Вратислава Драгомирь (или Драгомира), согласно латинскому житию Людмилы («Легенда Кристиана»), была дочерью князя одного из племен полабских славян: стодоран или лютичей.

Родиста же сына... Вячеславъ. — Точная дата события неизвестна, приблизительно 906—907 гг. Мирское («княжеское») имя Вячеслав не могло быть дано ребенку при крещении. Упоминание жития, что Вячеслав «бысть обещан» святому Эммераму, позволяет думать, что это и было христианское имя князя.

И възрасте отрок... волос... — Обряд княжеских пострижин, известный как у восточных, так и у западных славян, связанный с достижением отроческого возраста (6—8 лет).

...епископа Нотария... — Исправлено на основании Минейной редакции жития и глаголических списков: во всех списках Востоковской редакции — «епископа етера» (некоего епископа). Такое осмысление писца вызвано тем, что имя Нотарий («Инотарий») было мало известно в православном мире в ту эпоху, от которой дошли списки памятника. Отождествление епископа Нотария с церковными деятелями первой половины X в. долгое время вызывало затруднения. Он не мог быть пражским епископом, так как до 970-х гг. Чехия не имела самостоятельной церковной организации, а подчинялась Регенсбургскому архиепископу в Баварии. Сейчас убедительно обосновано, что речь идет о Нотарии II, епископе Вероны в Северной Италии (915—928). Его присутствие в Праге объясняется тем, что епископ был советником итальянского короля Беренгария II и неоднократно выполнял его дипломатические поручения, в частности в отношении королевского зятя и союзника баварского герцога Арнульфа, вассалами которого были чешские князья. Предполагается, что данная миссия Нотария была связана с военным союзом против Саксонии. Упоминание имени Нотария ограничивает раннюю дату пострижин Вячеслава 915 г.

...литургию... — Слово, означающее церковную службу восточнохристианского типа, очевидно, не является здесь первоначальным, а отражает позднейшее бытование текста в православной среде. Глаголические списки дают здесь чтение «мышу» (т. е. мессу), что более соответствует богослужению с участием итальянского епископа. Термин «мыш» в славянской письменности встречается уже в Киевских глаголических листах X—XI вв., представляющих отрывок миссала на славянском языке.

...въ церкви святыя Марія... — Древнейшая церковь на территории Пражского Града, не сохранившаяся до нашего времени (остатки ее обнаружены археологическими раскопками в середине XX в.). Располагалась между городскими воротами и храмом св. Вита, заложенным

Вячеславом в конце его правления. Наименование Богородицы «святой Марией» указывает на связь текста с западнохристианским миром.

...баба своя Людмила... — Людмила (ок. 860—921) — дочь князя полабских сербов, обитавших к северо-западу от Чехии, между реками Эльбой и Салой (Заале); жена князя Боривоя, мать Вратислава. Согласно латинскому житию («Легенда Кристиана»), вместе с мужем приняла крещение от архиепископа Мефодия. В 921 г. была задушена по приказу своей невестки. Мученическая смерть старой княгини стала причиной создания посвященных ей житийных текстов на латинском и славянском языках. Полный текст славянского жития Людмилы не сохранился, но отразился в ее проложном житии, древнерусской версии славянского жития Вячеслава (Востоковской и Минейной редакций) и житии княгини Ольги.

Отсади же... в Будучь... — Будучь (Будеч) — город к северо-западу от Праги. Причиной отправки туда Вячеслава названо обучение латинскому языку, но глагол «отсади» указывает на передачу отцом города (вероятно, с областью) в управление сыну. Это было возможным по достижении сыном правителя возраста юридической дееспособности — по раннесредневековым варварским «правам» и византийскому каноническому праву 13 лет. Следовательно, Вячеслав получил удел незадолго до смерти отца, в 920 или 921 г.

...на столѣ дѣдъни... — Первоначально, вероятно, читалось: «на столѣ дѣдъни и отни», так как Вячеслав унаследовал престол не только деда, но и отца.

Болеславъ — младший брат Вячеслава, правивший Чехией после его смерти (умер в 967 г.). Показательно, что имена обоих сыновей Вратислава («воротившего славу»), содержат пожелание умножения славы («вяче» — «вяще» и «боле»).

Бяшета бо оба мала...люди своя. — Правление Драгомири продолжалось около двух лет.

Имяше же сестры... княженья... — Известно имя одной из сестер Вячеслава — Пшибыслава (Прибыслава), которая была выдана замуж за князя белых хорватов, обитавших к северо-востоку от Праги.

...бѣдныя напиташе... миловаше... — Ср. Мф. 25, 35—39.

Божия рабы. — Здесь: священники, славянская калька со средневерхненемецкого *Gotteskcalch*.

Стр. 170. 13. — В рукописи «18», исправлено по смыслу. Вячеславу, пострижены которого были совершены не ранее 915 г., не могло быть 18 лет в 921 г. Ошибка в цифре лет возникла, очевидно, в два этапа. При переписывании глаголического оригинала кириллицей буква В (имеющая в глаголице значение 3) была повторена без учета смены значения (в кириллице 2). Позднее (не ранее конца XIV в.) буква В была смешана с близкой по начертанию И, имеющим числовое значение 8.

Писано бо есть... подобенъ есть. — Данное место не цитата из Священного писания, оно дословно совпадает с текстом решений Сплитского поместного собора 925 г., что свидетельствует о достаточно тесных культурных связях Чехии с Далмацией в первой половине X в.

Чти отца и мать... яко и сам ся. — Еф. 6, 2; Мф. 19, 19.

Господи Боже... грѣха сѣго. — Деян. 7, 60.

Грѣхъ уности моя... Господи. — Пс. 24, 7.

Странен бѣх... мене. — Мф. 25, 35.

...храмъ святого Вита... — Храм в форме ротонды, остатки которого обнаружены археологическими раскопками под капеллой св. Вацлава (Вячеслава) при готическом соборе XIV в., был заложен около 926 г. и завершен, вероятно, уже после смерти Вячеслава. Посвящение главного собора Праги святому Виту, считавшемуся покровителем Саксонии, отражает смену политической ситуации в Германии в 20-х гг. X в., когда баварский герцог (тогдашний сюзерен Чехии) был вынужден признать верховную власть короля Саксонской династии Генриха I Птицелова, а Чехия стала вассалом королевства.

...день святого Емѣраама... Вячеславъ... — 22 сентября по западному календарю. Св. Эммерам, баварский епископ-миссионер и мученик VIII в., считался патроном Регенсбургской архиепископии, к которой в 920-х гг. относилась и Чехия, где до распространения культа

св. Вита Эммерам был одним из самых чтимых святых, именем которого князь Вратислав назвал в крещении своего первенца (лишь так могут быть истолкованы слова: «к нему же обещанъ... Вячеславъ»).

Бяху же священие... градѣхъ. — Возможно, речь идет здесь не об освящении новопостроенных церквей, а о храмовых престольных праздниках, так как на сентябрь приходится много особо чтимых праздничных дней.

...ко Болеславу граду. — Современная Стара Болеслава расположена к северо-востоку от Праги; в X в. город находился на границе чешского племенного княжества, но уже в земле племени пшован. Судя по названию, город был заложен самим Болеславом, или же еще Вратиславом в честь рождения второго сына.

...В недѣлю же бе литургия... и Дамьяна... — Память св. Козьмы и Дамиана отмечается восточной церковью 30 июня и 1 ноября, а западной — 27 сентября. Здесь имеется в виду последняя дата.

Гнѣвысынъ — Гневиса — один из вельмож Болеслава, участвовавший в убийстве.

Стр. 172. *...звонъ...* — Это древнейшее упоминание о колоколах в Чехии.

В руци твои... духъ мой. — Лк. 23, 46.

Мьстину. — Боярин или слуга («младенец») Вячеслава.

Младенци. — Здесь это не возрастная, а социальная категория — княжеские слуги. Ср. древнерусские термины: отрокъ, дѣтскы, чадъ.

...бѣжа ... въ Хорваты... — Имеется в виду не балканская Хорватия, а племя (племенное княжение) в северо-восточной Чехии, за пределами владений Болеслава. Возможно, бегство туда Драгомири объясняется тем, что ее дочь Пшибыслава (Прибыслава) была замужем за хорватским князем.

...попа Паула... — Павел — пражский архипресвитер, возможный автор жития Людмилы. Его присутствие в городе Болеслава объясняется, вероятно, тем, что он объезжал вместе с князем свой церковный округ.

...церкви в зиде над нимъ... — Одно из трудных для истолкования мест текста. В принципе оно может быть переведено и как: «церковь поднялась («взиде») над ним». Более вероятно, однако, что здесь сохранились следы первоначальной чешской лексики памятника: глагол «црѣкати» («церквити») — капать, сочиться и существительное «зъдь» или «зъдь» — стена («зид»). Это подтверждает и пересказ данного места в проложном житии Вячеслава: «Кровѣ его не могуша потерти 3 дни с стѣны церковныя».

И еще надѣмся... явити ся. — Свидетельство древности Востоковской легенды, созданной, очевидно, в связи с перенесением останков Вячеслава в Прагу. Автор ничего не сообщает о чудесах от мощей (а лишь надеется на них), из чего следует, что они не были ему известны.

...якоже и Павла... — Имеется в виду апостол Павел, принявший мученическую смерть в Риме.

...якоже и Христа ради. — Здесь игра разными значениями слова «младенцы»: слуги Вячеслава уподоблены вифлеемским детям, избитым по приказу царя Ирода.

...в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7... — Дата гибели Вячеслава читается только в кириллических списках Востоковской легенды (в глаголических указаны лишь число и месяц). В существующем виде (6337 = 828/829) дата безусловно испорчена, поправка в числе сотен (6437 = 928/929) не вызывает сомнений, однако она не решает проблемы окончательно. Указание жития, что убийство произошло в понедельник 28 сентября предполагает два возможных варианта: 928 и 935 г. Обе гипотезы имеют своих сторонников и обоснованную аргументацию: первая дата более популярна среди филологов, вторая — у историков; на сегодняшний день вопрос не может быть решен однозначно.

И Богъ покои его душу... Господи. — Молитва, обращенная к Богу об упокоении души Вячеслава, свидетельствует о создании славянского жития до канонизации князя.

Стр. 174. *Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ... глаголя...* — Из агиографических памятников святоацлавского цикла об инициативе и участии Болеслава в перенесении мощей и

канонизации брата сообщает лишь Востокская легенда (во всех редакциях и списках). Это одно из свидетельств создания текста в княжеском окружении.

Азъ съгрьбшихъ, и грѣхъ мои... азъ вѣмъ. — Пс. 50, 5—6.

...месяца марта въ 4 день. — Кириллические списки Востокской легенды сообщают дату 3 марта, глаголические и проложная повесть о перенесении мощей Вячеслава — 4. Очевидно, это след невнимательного копирования глаголического оригинала (Г в глаголице имеет числовое значение 4, а в кириллице — 3).

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

Византийское житие—мартирий (в славянских списках — Мучение) Димитрия Солунского в одной из своих версий известно в древнерусском переводе. Греческий текст Мучения издан в *Patrologia Graecae* (Т. 116, col. 1173—1184) и в издании *Acta sanctorum* (October. Parisiis; Rome, 1866. P. 90—95). Время и место славянских переводов неизвестно, но к XIV в. на Руси получили известность по крайней мере три версии перевода. Все они крайне неисправны: сложный текст оригинала представил для переводчиков большую трудность и отдельные фразы в переводе представляют собой с трудом осмысляемый набор слов. Лучший из известных нам переводов читается в сборнике XIV в. РГБ, Собр. Беляева, № 54 М; другой перевод входит в сборник ГИМ, Чудовское собр., № 20, также XIV в. Наибольшее распространение получила третья редакция перевода: она входит в состав Торжественника, читается в составе отдельных сборников, включена в Великие Минеи Четьи. Однако этот перевод имеет много отличий от оригинала, в нем есть пропуски не только отдельных словосочетаний, но и целых фраз. Текстологическое исследование бытовавших на Руси переводов Мучения пока отсутствует.

Однако можно утверждать, что Мучение было известно уже в XI в. Об этом говорит популярность имени святого: оно было крестильным именем князя Изяслава Ярославича, а затем — Всеволода Большое Гнездо; в Киеве существовал основанный Изяславом Дмитриевский монастырь; древнейшая икона Димитрия Солунского относится к XII в.; известно, что текст Мучения был переписан по инициативе волынского князя Владимира Васильковича (ум. в 1288 г.). Имя Димитрия носили многие русские князья, святой почитался как небесный патрон Димитрия Донского, как его помощник в победе над Мамаем. Образ Димитрия Солунского нашел отражение в духовных стихах. На сюжет жития в 1704 г. была поставлена школьная драма «Венец Димитрию», в основу ее была положена переработка Жития Димитрия в минеях Димитрия Ростовского.

Почитание Димитрия как святого-воина связано не столько с сюжетом основной части Мучения, сколько с одним из посмертных чудес: Димитрий спасает осажденную Солунь тем, что несмотря на божественное повеление отказывается покинуть город в час бедствия. Текст этого чуда следовал непосредственно за текстом Мучения в Беляевском и Чудовском списках.

Текст Мучения и чуда Димитрия издается по списку из Беляевского сборника; исправления сделаны по Чудовскому списку и по списку Торжественника — РНБ. Ф. I. 900, XVI в. Тот же текст, что и в Торжественнике, опубликован в составе Великих Миней Четьих (Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880. С. 1883—1891, текст Чуда — там же. С. 1891—1912). При выборе текстуальных исправлений учитывался греческий текст Мучения, по греческому тексту корректировался в некоторых случаях и перевод.

Стр. 176. *Максимиянь Еркултанъ ... римомъ ...* — Римский император Максимин Геркуллий (286—305) управлял западной частью империи, его военными противниками были франки, алеманны, саксоны, мавры. В Мучении же он оказывается на востоке империи и сражается с готами и сарматами.

Селуньский град, Солунь — ныне Салоники, город на северном берегу Эгейского моря.
... по апостольстѣй заповѣди ... и безъ време. — Имеются в виду слова апостола Павла: «Проповедуй слово во время и не во время» (2 Тим. 4, 2).

... санъ первѣе приимъ ... въ Елладѣ ... — Переводчик не перевел византийские термины: Димитрий был «эксцептором» (писцом), затем стал анфипатом (проконсулом) Эллады (комментарий И. П. Медведева).

Оратион — вместо «орайон» — знак отличия, инсигний (комментарий И. П. Медведева).

... притворѣ ковачьстѣм ... — В греческом тексте: «в том портике, который называется медным».

Стр. 178. *Сермий* — город в Нижней Паннонии, ныне это Сремска Митровица на р. Саве, к западу от Белграда.

... в пещных камарах. — Видимо, имеются в виду печи, в которых разжигался огонь для подогрева воды в банях (термах).

Стр. 180. *... повинувый Голияда ... Давиду ...* — Вспоминается победа Давида над великаном Голиафом, о которой рассказывается в Библии (1 Цар., 17).

Протиктор — военачальник императорской гвардии, преторианцев.

Орарион — орарий, плат, накидка, плащ (?).

Стр. 182. *... въ тривунали градъстѣмъ* — т. е. в городском суде, трибунале.

... и здание стегнѣ разоривѣ ... сущими ту ... — Текст испорчен, перевод сделан с ориентацией на греческий оригинал.

Стр. 182—184. *... идѣже путемъ ... животная почиваху...* — Славянский перевод соответствует греческому оригиналу, но смысл текста неясен.

Стр. 184. *... якоже преже указахомъ ...* — Это чудо должно читаться вслед за другим, из которого явствует, что «та война» — война с аварами, осадившими Солунь.

Илистрие — иллюстрий — византийский титул, сенатор.

Незлюбиви и правици прилбляхуса мнѣ. — Пс. 24, 21.

Киворий — поддерживаемый колоннами купол; здесь речь идет, вероятно, о раке, в которой покоились мощи святого.

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

Византийское Житие Марии Египетской атрибутировалось (как считают — ошибочно) иерусалимскому патриарху Софонию I (634—644). Время возникновения славянского перевода Жития — предположительно X в., но старший русский список его датируется XIV в. (это сборник ГИМ. Чудовское собр., № 20). В последующем Житие получило на Руси широкое распространение: оно переписывалось в сборниках, входило в состав Торжественника и Постной триоди, включено и в состав Великих Четий Миней. Известно несколько вариантов перевода, соотношения которых пока не изучены.

Житие повествует о судьбе раскаявшейся блудницы, которая, искупив жесточайшей аскезой грех распутства, смогла превзойти в святости даже благочестивого монаха Зосиму. Мария любодействовала не ради куска хлеба, а снедаемая неутолимой жадной сладострастия, и тем поразительнее искренность ее раскаяния и глубина духовного преобразования: сорок семь лет скитается она в пустыне, страдая от голода и жажды, палимая солнцем и замерзающая холодными ночами, лишенная не только крова, но и давно истлевшей одежды. Как это обычно в рассказах об отшельниках, Мария борется с искушениями, но вопреки традиции агнографических рассказов ее преследуют не бесы в облике зверей или фантастических чудовищ, а всего лишь собственные греховные мысли: ей снова хочется вина и вкусной снеди, ее губы против воли повторяют слова фивольных песенок, и тогда несчастная отшельница испуганно молит Богородицу оградить ее от подобных воспоминаний. В описании многолетней борьбы Марии с

собственным греховным прошлым проявляется нечастый для средневековой агиографии подлинный психологизм. Жизнь Марии — как и подобает житию святой — окружена чудесами: впервые встретив Зосиму, она называет его по имени и сообщает ему подробности его жизни; молясь, Мария цитирует Писание, хотя никогда не слышала духовных пастырей; не знающая грамоты, она в предсмертный час смогла начертать на песке слова своего завещания... Так потрясенный Зосима, а вместе с ним и читатель Жития убеждается в особой божественной благодати, ниспосланной Марии.

Житие внушает мысль, что искреннее раскаяние и благочестивые поступки могут искупить любые прегрешения, если падшая женщина смогла после долгих лет подвижничества стать святой. Эта идея оказалась близкой средневековому читателю, и Житие Марии постоянно пребывало в числе наиболее читаемых и почитаемых. В новое время в XIX в. на этот сюжет написал поэму «Мария Египетская» Иван Аксаков.

Публикуется наиболее распространенная в древнерусской книжности редакция Жития, включавшаяся в состав Торжественника. Текст издан по списку РНБ, Ф. I. 870, нач. XVI в., исправления сделаны по спискам той же библиотеки: собр. Погодина, № 949, нач. XVI в., собр. Вяземского, Ф. 98, первой половины XV в., списку БАН, 21.3.3, второй половины XV в.

Русский перевод греческого текста Жития опубликован в книге: Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972 («Литературные памятники»).

Стр. 190. *Тайну цареви добро ... преславно есть.* — Тов. 12, 7. В этой библейской книге, в частности, рассказывается, как ангел исцеляет от слепоты праведника Товию.

... воспоминаа муку раба оного ... не створившаго. — Имеется в виду евангельская притча о нерадивом рабе (Мф. 25, 14—30), зарывшем в землю отданный ему господином на сохранение талант (крупная денежно-весовая единица), тогда как два других раба пустили сокровище в оборот и получили прибыль.

... еже пѣти присно. — Речь идет об одной из монашеских добродетелей — непрестанном распевании псалмов.

Стр. 192. *... якоже Авраамъ из дому отца своего ...* — В Библии (Быт. 12, 1) говорится, что Бог повелел праотцу Аврааму покинуть вместе со своим родом Харран и переселиться в землю Ханаан.

Господь — просвѣщение мое ...от кого ся утрашу. — Пс. 26, 1.

Стр. 192—194. *... праздыньство цвѣтное пришло есть церкваи.* — Цветное (Вербное) воскресение — воскресный день за неделю до Пасхи.

Стр. 198. *... да обрящу милость въ день Судный.* — 1 Иоан. 4, 17.

Стр. 200. *... на Воздвижение святого честнаго креста ...* — один из двенадцатых праздников, отмечаемый 14 сентября, в память об обретении (около 325 г.) Еленой — матерью Константина Великого, креста, на котором был распят Христос. В Иерусалимском храме находилась реликвия — часть этого креста.

... не хочет бо смерти грѣшником ... обращения моего. — Ср. Иез. 33, 11.

Стр. 202. *... да призовет грѣшники в покаяние ...* — Ср. Мф. 9, 13.

... егоже ради кровь свою ... дать. — Ср. Ефес. 1, 7—8.

Стр. 204. *... на немже обручение исписано бысть рукописание...* — Текст неясен. В переводе с греческого С. В. Поляковой: «прихожу туда, где скрепила свое обязательство».

... удалихся бѣгаючи ... душа и буря ... — Ср. Пс. 54, 8—9.

Стр. 206. *... не о хлѣбѣ ... будетъ челоувѣкъ ...* — Мф. 4, 4.

... зане не имяху покрова ... ся облекоша... — Ср. Иов 24, 7—8.

... от Моисея и от Иева и от псалмовъ... — Зосима поражен, что Мария в своей речи цитирует Пятикнижие Моисея, библейскую книгу Иова и Псалтирь.

Стр. 208. *Внимай себѣ и стаду своему ...* — Деян. 20, 28.

Стр. 210. *... Подобитесь Богу ...* — Ср. Ефес. 5, 1.

Нынѣ отпуцаеши рабу ... пред лицом (всѣхъ людей). — Ср. Лк. 2, 29—31. Слова в скобках добавлены по Евангелию XII в.

Стр. 212. ... *мѣсяца марта по-египетскы ... апрѣль въ I...* — В некоторых списках в соответствии с греческим текстом читается название месяца по коптскому календарю — «фармуфа». В Византии же применялся юлианский (римский) календарь.

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

Николай Мирликийский — великий христианский святой. Его почитают католики, православные и даже мусульмане.

Култ Николая Мирликийского, пришедший на Русь после принятия христианства, получил здесь широкое распространение. В основном он был известен на севере восточнославянской территории; на юге ему соответствовал култ св. Георгия.

По народным представлениям, Никола, как обычно называли его на Руси, именно народный святой, прежде всего крестьянский, добрый угодник, защитник, «милостивый» в отличие, например, от Ильи.

Весьма торжественное празднование Николина дня бывает два раза в году: Никола зимний отмечается 6 декабря по старому стилю, в день преставления; Никола вешний — 9 мая, в день прибытия мощей святого в город Бари. Култ Николы зимнего был известен всему христианскому миру. Праздник Николы вешнего, не признанный Византией, но поддержанный Римом, был установлен на Руси в честь перенесения в 1087 г. мощей святого разбойниками-купцами из Мир в южноиталийский город Бари. Там сначала они были положены в церкви св. Евстафия, а позднее — в специально построенном во имя св. Николая соборе.

С Николиным днем в разных местах были связаны различные народные обряды и обычаи. Например, запрещение купаться до этого праздника. В Бессарабии Никола зимний — день денежных счетов и наймов; в Белоруссии на Николу вешнего происходил первый выгон лошадей в ночное; в Харьковской области 4, 5, 6 декабря, в «Николины святки», варили кутью и узвар, чтобы на будущий год был урожай плодов и ячменя. С Николой был связан и свадебный обряд; его чествовали в случаях эпидемии в деревне, он упоминается в заговорах, причем предназначенных для лечения любой болезни. Особо следует сказать о его роли покровителя мореплавателей.

О жизни Николая, архиепископа Мирликийского, известно немного. По преданию, он жил в IV в.

Существуют разные версии жития этого святого, есть по меньшей мере три варианта его биографии, один из которых сильно отличается от двух других.

По одной версии, в городе Миры в Ликии жил благородный и богатый Феофан со своей супругой Ноной. У них был единственный сын Николай, который уже с младенчества вел себя не так, как другие дети: в среду и в пятницу он только один раз вкушал материнское молоко. Мальчик во всем стремился к воздержанию. Когда он подрос, родители отдали его учиться грамоте. Николай учился очень усердно, не тратя времени на развлечения со сверстниками. Он не интересовался мирской жизнью, а все свои помыслы устремил к Богу. Он стал священником, а спустя некоторое время своим дядей, тоже Николаем, был поставлен пресвитером. И на этом посту Николай отличался мудростью, знаниями, красноречием. Дядя, видя удивительные качества своего племянника, отправляясь в Палестину, поручил ему архиерейский престол в Мирах.

Другая версия жития Николая близка к первой. Во главе одного из монастырей стоял преподобный Николай. У него родился племянник, сын Феофана и Ноны. Мальчика тоже называли Николаем. Вскоре после появления на свет, во время купания, ребенок встал и стоял два часа. Он сосал материнское молоко только из правого соска один раз в день, а в среду и пятницу не ел вообще. В возрасте 7 лет мальчик захотел учиться. Идя на учебу, он встретил сухорукую женщину, которую исцелил. Основавший храм (монастырь) дядя Николая поставил в нем 19-летнего племянника

пресвитером, когда тот закончил учиться. Николай совершил паломничество в Иерусалим. Когда он стал взрослым, исцелил множество людей.

Согласно третьей версии жития, еще в юности Николай не ел мяса и не пил вина, питался только хлебом, а в большие праздники ел овощи. Вместо жезла он носил крест, а на ногах — «плюснянки до глезну».

Николай рано оставил мирскую жизнь и день и ночь проводил в молитвах. В 14 лет он отправился странствовать и три года прожил в Кесарии. Благодаря заступничеству святого горожане отбили вражеское нашествие, а Никола тотчас после этого отправился в Армению, где пробыл год и девять месяцев. Он крестил и учил вере местных жителей, лечил от болезней, очищал от проказы. Из Армении Никола пошел в Амполию Асирейскую (Апанию Сурьскую), где исцелил одержимую бесом девицу. Потом он пришел в город Кург (в других редакциях — Кипр). Излечив там прокаженных, святой, отвергая мирскую славу, отправился в Антиохию. Пробыв там 12 дней, он пошел в Рим к святому Петру, по дороге одержав победу над бесом. После четырехдневного пребывания в Риме Николай отправился в Египет Александрийский. В течение 5 лет он странствовал и исцелял людей. Пройдя Ассирию и нехристианские государства, он оказался в Мирах Ликийских, одном из самых больших городов Ликии. Услышавший о нем иерусалимский патриарх Макарий прибыл в Миры. Он побеседовал с Николаем и поставил его в епископы всей Ликии.

Когда святой пребывал на епископской кафедре, состоялся Никейский собор.* Николай был его участником среди 318 святых отцов. Слушая их споры с Арием, говорившим хулу на Господа,** святой встал и ударил Ария по лицу. Святые отцы возмутились и решили лишить Николу святительского сана. Однако за него заступились Иисус Христос и Богородица. Все присутствовавшие, в том числе император Константин, были тому свидетелями.

Когда же пришел конец земной жизни святого, он обратился к Иисусу Христу с просьбой: просил милости для тех людей, которые будут призывать его в трудную минуту. Потом он упал ниц; ангелы понесли его душу на небо, а тело лежало на одре, словно солнце.

В действительности в житии, надписывавшемся как Житие Николая Мирликийского, смешиваются черты жизни этого святого с деяниями другого Николая, епископа Пинарского (г. Пинары тоже в Ликии), жившего в VI в. Это произошло еще в византийских сочинениях об этом святом.

Одна версия Жития Николая Мирликийского была написана византийским агиографом Симеоном Метафрастом в X в. На Руси ее перевод был известен в списках начиная с XV в. Вторая — в действительности является переводом Жития Николая Пинарского, появившимся уже в XI в. Его называли «иным житием». Оно существовало в двух редакциях — сокращенной и пространной. Третья версия представляет собой свод сведений, в число которых были включены и чудеса.

Чудеса, творимые святым как при жизни, так и после смерти, были неотъемлемой частью любого жития. К переводу Жития Николы Мирликийского, написанного Симеоном Метафрастом, и к «иному житию» добавлялся свой комплекс чудес. Однако они могли смешиваться между собой. В Житие Метафраста были включены чудо о трех девицах, чудо о трех мужах (воеводах), чудо об избавлении корабля от потопы. Затем эти же чудеса были включены в «иное житие». К числу прижитизненных чудес Николая Мирликийского относились следующие: чудо о трех мужах, об избавлении рати поганых в Кесарии, об исцелении больных на Кипре, о хождении на Вселенский собор и др. Посмертными чудесами были избавление корабля от потопы, чудо о Дмитрии, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, о сарацине, о детище, о половчине и др. Некоторые из них, возможно, были составлены на Руси. Это чудо о ковре, о

* Первый Вселенский собор состоялся в августе 325 г. в Никее. В нем принимал участие император Константин I.

** Согласно утверждениям Ария, Бог-Сын, второе лицо почитаемой христианами Троицы, не единосущен Богу-Отцу. Поскольку Сын был рожден, он не вечен. Сторонники Ария были разгромлены и отправлены в ссылку.

Епифании, о детище, о половчине, а также о трех иконах. Два чуда — о трех девицах и о трех мужах — известны в разных вариантах.

Чудеса Николая Мирликийского в русской письменности были известны и как отдельное произведение. Они сохранились в списках более ранних, чем Житие, а именно с XII в. Иногда они включались в различные сборники, иногда представляли собой отдельный памятник.

В Торжественнике XII в. (*РНБ*, Ф. п. I, 46) как самостоятельное произведение были помещены 8 чудес Николая в следующем порядке: о трех мужах, о Дмитрии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре. Седьмым по порядку следования было чудо св. Николая и св. Георгия о сарацине, в связи с чем уместно вспомнить о преимущественном распространении культа Николая на севере восточнославянской территории, а на юге — св. Георгия.

Содержащийся в Торжественнике вариант чуда о трех мужах (иначе чуда о трех воеводах) соответствует тексту Метафрастового Жития Николая Мирликийского. Та же версия помещена в Макарьевских Великих Минеях Четиих (XVI в.), в сборнике *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, XIV в.; отличная от нее — в рукописях *РГБ*, Тр.-Серг., № 749, XV в. и № 788, XVI в.

Только чудеса Николая содержит рукопись, получившая название «Сказание чудес святого и великаго отца архiereя Божия и чудотворца Николая, бывшего в Мирех Лукионе» (*ГИМ*, Хлуд., № 215). Она написана в конце XIII в. на новгородской территории или писцами-новгородцами. Рукопись содержит только посмертные чудеса Николая; всего их восемь. Они расположены в следующем порядке: о Дмитрии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, об отроке. По сравнению с Торжественником XII в. в рукописи отсутствует чудо о трех мужах, но помещены чудо о ковре и чудо об отроке.

Текст чудес публикуется по древнейшему списку XII в. (Торжественник в составе сборника со Златоструем, ркп. *РНБ*, Ф. п. I, 46). В рукописи «Чудеса святого архiereя Христова Николая» занимают л. 66а—76б. Добавления и исправления имеющихся ошибок писца в чуде о трех мужах приведены по тексту Великих Миней Четиих митрополита Макария XVI в.; для прочих чудес исправления внесены на основе рукописи XIV в. (*РГБ*, ф. 304, № 9, Сборник, л. 1556—2096).

Подробный перечень и публикации текста см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. XI—первая пол. XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 171—172; *Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М.: Мартис, 1997. Греческий текст см.: *Anrich G. Hagios Nikolaos*. Leipzig, 1913.V.1.

Стр. 216. *Константин Великий* — римский император Константин I (274—337). Учитывая годы жизни императора и некоторые другие факты, можно предположить, что это чудо, по преданию совершенное Николаем Мирликийским при жизни, произошло в 30-е гг. IV в.

Фригия — область в Малой Азии.

...от даифаль... — В греческой версии ὑπὸ τῶν Ταῖφάλων. Возможно, речь идет о некоей народности или о жителях (выходцах из) какого-либо города: под названием Ταῖφα был известен город в Египте.

Град Костянтин — Константинополь, основанная Константином I в 330 г. столица Византийской империи.

Ликийский — Ликия, область на юго-западе Малой Азии.

Уепархи — Епархия — единица административного подразделения, а также название церковного округа.

Андриака или Андриаке — гавань вблизи города Миры в Ликии.

Мирьский — Миры, один из самых больших городов Ликии.

Поприще — единица измерения пути, соответствующая греческому стадию (около 185 м).

...мучимымиъ. — По греческой версии «ибо это было место, где наказывали». В другой редакции этого чуда (РГБ, ф. 304, № 788, л. 441 об.): «то же мѣсто есть осужденныхъ на смѣрть».

Стр. 218. *Литра* — мера веса, равная 327.45 г.

Азъ... молчати... — В рукописи эта часть фразы пропущена; восстановлена на основе чтения Великих Миней Четних. В греческой версии: «Я же, узнав это, не могу молчать...».

Стр. 220. *...оставити...* — Возможно, после этого слова должно было бы быть еще одно; ср. в греческой версии: «хотите оставить, оставляйте».

...враже несмысленый... — В рукописи, видимо, порча. Восстановлено на основе чтения Великих Миней Четних. В греческой версии: «повредившийся умом и душой».

Стр. 222. *Дивнѣ Богъ въ святыихъ своихъ.* — Ср. Пс. 67, 36.

Въ истину... створи... — Ср. Пс. 30, 22 и 15, 3.

...Анфурату... — На основе греческой версии чуда можно предположить, что это город во Фракии, северной части Греции.

Стр. 224. *...от Десяти градъ...* — Входившие в Десятиградие города составляли своего рода союз. Девять из них находились к востоку от Иордана (Иппон, Гадара, Дион, Пелея, или Пелла, Гераза, или Гергес, Филадельфия, Рафана, или Рофон, Канафа, Дамаск), и лишь один — главный — город Скифополь — к западу от него.

...на страну Катовольску... — Древнерусский текст соответствует греческой версии. Видимо, подразумевается некий приморский портовый город.

Стр. 226. *Агрик.* — В греческой версии ἄγροικος «живущий в деревне, деревенский», что не было именем собственным.

...въ странѣ Антиохистѣй близъ срачинъ... — Под названием Антиохия были известны города в Писидии и Фригии (областях в Малой Азии), Маргиане и Сирии (областях Азии). В одной из греческих версий говорится об окраинах морского побережья Мир. В публикуемом древнерусском тексте Антихистѣй; исправлено по рукописи XIV в.

...Амирѣ. — В греческой версии τῆ ἀμῖρῆ, которое не было, видимо, именем собственным.

Стр. 234. *Тухина* — в других списках Митулина, что соответствует греческой версии чуда. Митулин, или Митилена — город на острове Лесбос.

Стр. 236. *...в пятѣмъ полцѣ старѣйшина* — Исправлено по рукописи XIV в.; в тексте: *въ память въ пѣлцѣ стар...* при этом конец последнего слова плохо читается. По всей видимости, речь идет о специальном воинском отряде, охранявшем императора и дворец.

...въ градѣ Самарѣискъ... — Достаточно неопределенное географическое наименование, уточнению которого не способствует греческая версия: Самара — город на Евфрате, Самария — город в Иудее.

...къ апостолу Петру въ Римѣ. — Апостол Петр вместе с апостолом Павлом сидел в Мамертинской тюрьме в Риме. На этом месте была создана церковь. Петр же был распят и погребен вблизи Триумфального пути в Риме.

...от печальныхъ все даваи... — В рукописи XIV в.: «о печальныхъ всѣхъ дая»; в греческой версии чуда: «брать на себя тягости тех, кто в нужде».

Стр. 238. *Просите... вамъ...* — Лк. 11, 9; Мф. 7, 7.

Симеон Праведный — Симеон Богоприимец, благочестивый старец, живший в Иерусалиме. Он принял на свои руки младенца Иисуса, когда того по закону на сороковой день после рождения принесли в Храм. См. Лк. 2, 22—35.

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Житие Алексея человека Божия было известно на Руси с XI в. Самый ранний текст древнерусского перевода Жития сохранился в списке XII в. в составе пергаменного сборника «Златоструй» (точнее — в составе «Торжественника», включенного в «Златоструй»). Остальные списки древнейшей редакции, текст и перевод которой публикуются, представлены более поздними рукописями, датируемыми XIV—XIX вв.

Житие посвящено христианскому подвижнику Алексею (в переводе с греч. — заступник, защищающий от несчастия, спаситель), который в юности отрекся от богатства и мирской суеты и, следуя своим убеждениям до последних дней жизни, стоически свершил подвиг добровольного нищенствования. События происходят на рубеже IV—V вв. в Риме при императорах-соправителях Гонории и Аркадии и папе Иннокентии I, а также — во владениях Римской Восточной (Византийской) империи, Каппадокии, Киликии, Осроене и в Сирии. Легенды о Божием человеке известны всем христианским литературам: древнейшая из них — сирийская (еще безымянная), сложенная в районе Эдессы «сирьской», где начинал подвижничество святой (сохранилась в списках V—VI вв.); греческая версия возникла в середине VIII в. (известна в списках X—XII вв.); в IX в. появилась латинская версия, основанная на греческой; далее появляются переводы с греческого и латинского на другие языки, в том числе и на славянские.

Как полагает в своем монографическом исследовании памятника В. П. Адрианова-Перетц (*Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности*. Пг., 1917), текст Жития пришел на Русь не прямо из Византии, а через южнославянскую письменность, тем не менее древнерусский перевод близок греческому оригиналу. (К византийской традиции восходит также и русская иконография, изображение лика святого Алексея в миниатюрах лицевых рукописей Жития).

Особую популярность Житие приобрело в царствование Алексея Михайловича, небесным патроном которого был святой; тогда была составлена Служба святому Алексею человеку Божиему (издана в 1671—1674 гг.). Вторая половина XVII в. — время возникновения лучших литературных обработок Жития, появления драматических произведений на житийную тему, украинской драмы «Алексий, Божий человек» (1672—1673), «Слов» Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, «Поучений» Стефана Яворского, вирш. К XVII в. В. П. Адрианова-Перетц относит также и сложение духовного стиха о св. Алексии человеке Божием, органически соединившего черты книжного Жития с фольклорными, былинными традициями и до начала XX в. распространявшегося в России, Белоруссии и на Украине народными певцами-профессионалами, «каликами переходжими», сказителями-былинщиками, слепыми певцами, лирниками.

Мотивы Жития отразились не только в ряде древнерусских агиографических сочинений, но и в произведениях писателей XIX—XX вв., в частности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Текст Жития Алексея человека Божия опубликован и выверен по рукописи XII в. — РНБ, Ф. п. I. 46, л. 98—100, а отсутствующее в ней начало (до слов: «...яко достоин есть царства небеснаго...») воспроизведено по списку XVI в. — БАН, 21.7.15, л. 31—99. Внесение в издание текста необходимых исправлений опирается на их подробное обоснование в исследовании В. П. Адриановой-Перетц (с. 457—475).

Стр. 244. ...у Анурия и Аркадия... — Гонорий и Аркадия — римские императоры братья-соправители, сыновья Феодосия I Великого, известные строгими указами против язычников. После раздела Римской империи в 395 г. Гонорий (395—423) правил западной частью империи, Аркадий (395—408) — восточной.

...въ церкви Святаго Внифантия. — Церковь в память римского св. мученика Воинифатия (день памяти 19 декабря), который был послан своей госпожой из Рима в Тарс

Киликийский за мощами христианских мучеников и, увидев, как мужественно переносят христиане свои истязания, сам стал христианином и принял мученический венец: был посечен мечом 14 мая 290 г.

...лѣз... — лезь (лизь), лежа (лежей) — сорт шелка-сырца, вывозимый из Персии армянскими купцами.

Стр. 246. ...из Капетулѣ... — т. е. из Капитолия, кремля и святыни древнего Рима, расположенного на Капитолийском холме.

...доплы града Лаодикия... — Лаодикия — название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

...сподоби мя деснаго стояния... — т. е. возможности в день Страшного суда предстать по правую руку Иисуса Христа среди праведников и святых угодников.

...доиде Едесы сирьския, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего... — В древности город Эдесса — столица Осроены (в северо-западной части Месопотамии, Междуречья, на р. Евфрат), римская колония, которая являлась крупным христианским центром и была овеяна сказаниями, связанными с именем Иисуса Христа и его Нерукотворного образа. С 1637 г. принадлежит Турции (г. Урфа).

...иже дастъ Авгарю сый. — Имеется в виду Авгарь V Черный, дважды царствовавший в Осроене (с 4 г. до н. э.—по 7 г. н. э. и с 13 г.—по 50 г.). С его именем связаны сказания об исцелении его с помощью присланного ему Христом Нерукотворного образа — лика Иисуса Христа, запечатленного на полотне.

...хотя преехати въ Тарѣсъ Киликию... — Тарс (Таразос) — главный город Киликии, области, расположенной на юго-востоке Малой Азии; с 66 г. до н. э. часть ее была римской провинцией.

Стр. 248. ...от крупницъ, падающихъ съ тряпезы*... — Мф. 15, 27.

...принеси ми харѣтию ... — Хартия — здесь в значении — пергамен, приготовленный из кожи для письма; ниже — в значении: грамота, письмо.

•Придѣте вси тружajúщися и обрѣмѣнени грѣхы, и азъ вы покою!• — Мф. 11, 28.

Стр. 250. ...а съ — отецъ всѣя вселенныя. — Имеется в виду архиепископ.

Халтоларь. — Греч. хартоларь — архиварий (архивариус), хранитель книг и хартий.

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Иосиф Флавий (ок. 38—после 100) происходил из иудейского жреческого рода; во время восстания против римлян, участники которого сражались за политическую независимость Иудеи, был одним из организаторов сопротивления в Галилее, но после взятия римлянами города Иотапаты перешел на их сторону. Иосиф пытался уговорить повстанцев, защищавших Иерусалим, сдаться римлянам, но безуспешно; город был взят и стерт с лица земли на его глазах. «Иудейская война», написанная участником и очевидцем событий, является уникальным источником сведений не только о самом восстании, но и о разнообразных сферах жизни Иудеи этого времени. «Иудейская война» была написана Иосифом на арамейском и греческом языках; арамейская версия не сохранилась, а греческая получила широкое распространение — во многом благодаря тому, что трактовка Иосифом бедствий, обрушившихся на Иудею, как кары за грехи, за то, что иудеи отвергли истинного Бога, оказалась созвучна христианскому пониманию истории: как и сам Иосиф, средневековый читатель видел в разрушении Иерусалима свершение Божьего суда и исполнение пророчества Иисуса Христа о разорении города (Лк. 19, 41—44). Однако трактовка событий у Иосифа неоднозначна: признавая справедливость Божьей кары, он не может не оплакивать гибель родного города. Скорбь о его поруганной красе, о его попорченных святынях, сочувствие к погибающим в страшных мучениях соотечественникам сообщают произведению Иосифа совершенно особую интонацию, отличающую «Иудейскую войну» от средневе-

ковых хроник и сохраненную в древнерусском переводе (это особенно отчетливо проявляется при сопоставлении с «Хроникой» Георгия Амартола, где также описано взятие Иерусалима).

Перевод «Иудейской войны» на древнерусский язык был осуществлен не позднее XII в. Выполненный в свободной манере, чрезвычайно выразительный и яркий, он является своего рода шедевром древнерусского переводческого искусства.

Вниманию читателя предлагаются три фрагмента: описание взятия Иотапаты в 67 г. (кн. III, 7—8), описание Иерусалима и Иерусалимского храма (кн. V, 4—5) и описание взятия Иерусалима в 70 г. (кн. VI, 3—5). Текст приводится по рукописи РГАДА, МГАМИД, № 279, XV в., л. 413—417, 438—440, 455 об.—460. Список акающий, отсюда написания типа *гробѣжь* вместо *грабежь*, *своливатися* вместо *сваливатися*, а вместо *о* (предлог) и т. п. Исправления сделаны по списку ЦНБ АН Литвы № 109/147 XVI в. и по изданию: *La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin, t. 1—2. Paris, 1934—38; в основе издания — список РГБ, ф. 113, № 651, XVI в.*

Стр. 254. *Веспасиан* (9—79) — будущий римский император (69—79), осуществлял верховное командование римским войском в провинции Иудея в 67—69 гг.

Тит (39—81) — будущий римский император (79—81).

Птолемида — город на побережье Средиземного моря, откуда Веспасиан двинулся со своим войском на юго-восток провинции Иудея.

Иотапата — город на границе Галилеи.

Спира — отряд войска; здесь, видимо, когорта, хотя слово имело и значение *манипул*, *третья часть когорты*.

Тибериада — город на востоке Галилеи, основанный тетрархом Иродом Антипой и названный им в честь римского императора Тиберия (14—37).

Стр. 256. *Гадара*. — В греческом оригинале Гадара, очевидно, названа по ошибке, так как этот город находится далеко на юго-восток от Иотапаты; видимо, имелся в виду город Габара, расположенный на пути из Птолемида в Иотапату.

Праща — стенобитное камнеметное орудие.

Жельв — «черепаха», боевой порядок, при котором солдаты, держа щиты горизонтально над головой, образуют сплошной защитный навес.

Трекапный. — Капь — древнерусская единица веса.

Сулица — короткое метательное копье.

Стр. 258. *Забрала* — укрепления на верхней части крепостной стены.

Стр. 260. *...въ заутренню стражу...* — Ночь (с 6 часов вечера до 6 часов утра) была разделена у римлян на 4 стражи (по 3 часа каждая); последняя из них называлась утренней.

...мѣсяца панема... — Иосиф пользуется македонским календарем, который употреблялся в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

Нерон (37—68) — римский император (54—68).

Стр. 268. *Давид* — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI—перв. пол. X в. до н. э., завоевавший Иерусалим и перенесший туда свою столицу (2 Цар. 5, 6—9).

...Хранитель... — Возможно, имеется в виду крепость Сион, которую завоевал Давид и где он поселился (2 Цар. 5, 9).

Соломон — сын царя Давида, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), построивший первый храм Яхве в Иерусалиме (3 Цар. 5—7, 1 Пар. 22; 28, 10—29, 19; 2 Пар. 2—4).

...Край... — Нижний город назывался Акра, в переводе с греческого буквально *вершина*.

Асамонѣ — Хасмонеи — Маккавеи, жреческий род, правивший Иудеей в 167—37 гг. до н. э.

Сыротворена... дебрь... — Происхождение названия неясно; предполагают, что это эвфемизм вместо «Навозная долина» — слова *сыр* и *навоз* звучат по-еврейски похоже. Ср. Неем. 3, 13—14.

Силоам — этот источник упоминается в Ис. 8, 6; Иоан. 9, 7.

...*Конного сына*... — Эту башню Ирод Великий, царь Иудеи в 40—44 гг. до н. э., назвал по имени своего друга Гиппика (это имя буквально означает *конный*, греч. ἵππος *конь*); она находилась рядом с современными Яффскими воротами.

Соломонова купель — Возможно, имеется в виду Царский пруд близ Колодезных ворот, упоминаемый в Неем. 2, 14; видимо, предание приписывало его создание Соломону.

Офел — возвышенность на юго-востоке Храмовой горы, упоминается в 2 Пар. 27, 3; 33, 14; Неем. 3, 26—27 и др.

...*Генафь*... — в переводе с еврейского означает «сад»; местоположение этих ворот точно не установлено.

Антония. — См. ее подробное описание на с. 276. Построивший крепость Ирод Великий назвал ее в честь своего покровителя, римского триумвира Марка Антония (83—30 гг. до н. э.).

...*Муסיного*... — Происхождение греческого названия башни Ψήφινος неясно; греч. ψήφος означает «кашечка».

...*до Елѣнийъ гробъ*... — Елена — царица Адиабены, древнего царства на берегах рек Тигра, Верхнего и Нижнего Заба; она перешла в иудаизм и переселилась в середине 40-х гг. н. э. в Иерусалим, приказав построить себе роскошную гробницу недалеко от города (возможно, ее следует идентифицировать с современными Царскими гробницами севернее Иерусалима).

...*до Цѣсарьскихъ пещеръ*... — *Царские пещеры* — каменоломни, где добывался материал для царских построек (к востоку от современных Дамасских ворот).

Стр. 270. ...*гробъ Синничъ*... — Что это за памятник, неясно. В Библии несколько раз упоминается Поле белильщика сукон близ Иерусалима — ср., напр., Ис. 7, 3; 36, 2.

Агриппа — внук Ирода Великого, царь Иудеи в 41—44 гг.

Везефа — собственно «местность, где растут оливы»; так назывался холм к северу от Храмовой горы.

Клавдий — римский император (41—54).

Церкви... — Храм, построенный Соломоном, в 586 г. до н. э. был разрушен вавилонянами (см. 4 Цар. 25, 9). Второй храм, который описывает Иосиф, был построен ок. 415 г. до н. э. при персидском царе Кире (1 Езд. 1—4; 2 Езд. 5—6); строители старались воссоздать первоначальную постройку. Впоследствии храм постоянно достраивался вплоть до его разрушения римлянами.

И над тѣми титлами... опустѣнне церкви. — Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала. Древнерусский переводчик, очевидно, пользовался другой, несохранившейся редакцией, содержащей упоминания об Иисусе Христе, которые впоследствии (возможно, при императоре Домициане, гонителе христиан) были удалены из текста.

Стр. 272. *Александр Лизимах* — алабарх (должностное лицо, стоявшее во главе еврейского населения) Александрии Египетской при императорах Тиберии и Клавдии, один из самых богатых и знатных иудеев города.

Тиберий Александр — сын Александра Лизимаха, перешедший в язычество; прокуратор Иудеи, а затем, во время осады Иерусалима, начальник императорской гвардии в войске Тита. См. с. 284.

...*непроходимо*... — Ошибка переводчика, в греческом оригинале ἀναβατός *в которое входят*.

...*катапетазма*... — Ср. Исход 26, 31.

...*развѣ двою на десять поясъ небесныхъ*. — Знаки зодиака не могли быть изображены на завесе, так как иудейский закон запрещал изображать людей и животных.

Стр. 272—274. *Си же катапетазма... противу вину раздраніе ея есть*. — Этот текст отсутствует в сохранившейся редакции греческого оригинала. Ср. Мф. 27, 51; Мр. 15, 38; Лк. 23, 45.

Стр. 274. ...*свѣтилникъ и трапеза и кадилница*... — Ср. Исход 26, 35; 37, 10—29.

...*7 звѣздъ... планитъ*... — К ним древние причисляли Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн.

Жертвенник. — Ср. Исход 27, 1—2.

Ризы. — Ср. Исход 28, 7—43.

Стр. 276. *Четворица.* — На пояске первосвященника было 4 буквы, обозначающих имя Яхве. В рукописи *животворца*; исправлено на *четворица* по смыслу и в соответствии с греческим оригиналом.

...обычай всѣмъ говѣти Бога — т. е. в день Всепрошения (праздник Йом-Киппур).

Детинец — внутренняя крепость.

Иродовы палаты — дворец Ирода Великого.

Стр. 278. *Мятежници...* — Иосиф называет мятежниками и разбойниками противников примирения с римлянами, сражавшихся за независимость Иудеи и державших оборону Иерусалима.

...преждереченнаго мѣсяца... — т. е. панема (соответствует июлю—августу), см. коммент. на с. 535.

Иоанн и Симон — два главных предводителя повстанцев Иерусалима. Иоанн из Гисхалы возглавлял партию zelотов — наиболее радикальных поборников политической независимости Иудеи. Симона из Герасы партия умеренных призвала в Иерусалим на помощь против zelотов. Вступив в Иерусалим в 69 г., Симон начал войну с Иоанном. Когда начался штурм Иерусалима, Иоанн и Симон объединились против римлян; Иоанн оборонял Храмовую гору, Симон — Верхний и Нижний город.

Стр. 280. *Гривна* — древнерусская мера веса.

Стр. 282. *Кесарь* — Тит, см. коммент. на с. 535.

Стр. 284. *...второй час дня...* — 8 часов утра.

...двери внутреннии... — двери в Святая святых, где, по-видимому, не было освещения.

Стр. 288. *...пожьгоша ту црковь.* — Показания источников относительно даты сожжения храма вавилонянами расходятся.

Аггей — См. Агг. 1—2.

...вертелища... — Очевидно, шпили с крыши храма, см. с. 274.

...сами начьяша кресты дѣлати... четверообразныи ... ови же ... Исуса... — Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала.

ПАТЕРИКИ

Патерик (греч. *патерикόν* от *пáтер* — отец) — сборник рассказов о жизни первых поколений, главным образом египетского монашества. Они были составлены для назидания иночества на основе предания и монастырских записей о подвижниках в период с IV по VI в. в различных областях Византийской империи.

Из огромного количества патериков на церковнославянский язык были переведены в Болгарии и на Руси в IX—XI вв. лишь отдельные их разновидности, получившие названия Скитского, Азбучно-Иерусалимского, Египетского и Синайского. Из них первым был переведен, как полагают, Скитский поглавный, в котором рассказы и изречения некоторых подвижников распределены по главам, название каждой соответствует определенной монашеской добродетели. Сходен со Скитским и Азбучно-Иерусалимский патерик, однако рассказы и изречения в нем распределены по алфавиту имен подвижников. Не менее древними являются собрания рассказов о монашестве различных областей христианского Востока — Синайский и Египетский патерики. В Египетском патерике собраны повести о суровой жизни отшельников и их подвигах во имя веры в пустынях Египта, в Синайском — Египта, Палестины и Сирии.

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты из Скитского патерика публикуются по списку *РНБ*, Собр. Погодина, № 267 (XIV в.), л. 44—103 с дополнениями по списку из Соловецкого собрания, № 647/705 (XV в.), л. 49—243 об.

Стр. 294. ...авва... — отец, титул начальника обители.

...егда бѣ въ Скитѣ... — Скит (копт. Schiet — просторная пустыня), или Скитская пустыня в Среднем Египте, была местом обитания отшельников.

...авва Арсений — преподобный Арсений Великий — известный подвижник Скита, был воспитателем сыновей императора Феодосия I (379—395).

...чату... — цату, т. е. монету.

...авва Макарий... — преподобный Макарий Египетский (301—391); в 340 г. основал лавру Скит.

...от Скита в Тернуть... — Теренута или Теренуфа — город в Египте.

Видив же дѣмони дерзновение его... — По христианским воззрениям тех времен, в могилах язычников (эллинов) обитали демоны.

...авва Сисой... — Преподобный Сысой Великий Скитский скончался в 429 г.

Стр. 296. ...от Тиваидских старечь... — Имеются в виду монахи одной из обителей Фиваиды. См. коммент. к с. 298.

Стр. 298. ...имя левитона... — Левитон (греч. λευτόν) — длинная льняная рубашка, нижняя одежда египетских монахов.

...братии, сущий въ Раидѣ... — Ранта, или Раифа, — лавра на юго-западном берегу Синайского полуострова у Черного моря.

...идеже ополчися Моисей... от Земля егупетьскы. — См. Исход 15, 27.

Стр. 300. ...въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ... — Фиваида — пустыня в нижнем Египте.

...помыслихъ, яко Илии...повиненъ будетъ*. — Неизвестно, кого именно цитирует отшельник. Это мог быть патриарх иерусалимский Илия (491—518) и преподобный Илия Скитский, живший в VI в.

...приносящъ ми 12 меча... — Мечь (греч. ἔσφις) — куча.

Стр. 302. Епифаний Кипрский (310 или 332—403) — автор многих сочинений, особенно против различных ересей. В 367 г. был назначен епископом г. Саламина на о. Кипр и был им 36 лет.

Стр. 304. ...авва Данилъ, ученикъ отца Антонья... — Преподобный Даниил Скитский (втор. пол. IV в.) был в действительности учеником преп. Арсения. См. коммент. к с. 294.

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты печатаются по списку РНБ, Соловецкое собр., № 635/693 (XV в.), л. 56 об.— 63 об.

Стр. 306. Преподобный Иоанн Ликопольский (IV в.) — подвижник, провел 50 лет на горе Лико в верхнем Египте.

Стр. 310. ...Благовѣститъ тя Господь...благая Иерусалима. — Ср. Пс. 127, 5.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Синайский патерик в греческом оригинале назывался «Лугом духовным». Он составлен Иоанном Мосхом (ум. в 622 г.), палестинским монахом, который вместе со своим учеником Софронием много путешествовал; воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми в годы долгих странствий (579—619) послужили материалом для книги; здесь упоминаются реальные города, села, пустыни древней Палестины, Сирии и Египта. В славянском переводе содержится 335 главок («слов»), которые тематически распадаются на несколько групп: чудесные явления, бытовые повести, рассказы о животных и т. д. Всем им присуща незамысловатость повествования, но очень тонкие, иногда трогательные характеристики героев и психологически оправданные их действия и поведение. Патерики неоднократно переписывались и оставались любимейшим чтением в течение многих веков. Ряд сюжетов Синайского патерики впоследствии разрабатывался в новой литературе, в том числе и в русской.

Двенадцать новелл этой книги публикуются по самому древнему славянскому списку, составленному в Древней Руси в конце XI в. (*ГИМ*, Синодальное собр., 551) — в издании: Синайский патерик. М., 1967. С. 95—96, 133—139, 165—166, 182—187, 197—199, 264—266, 288—289, 296—301, 307—311, 340—342.

Стр. 312. *Фиваида* — безлюдная пустыня в окрестностях Фив, древней столицы Верхнего Египта («пустыня египетская»); место знаменито тем, что именно здесь появились первые в истории христианства пустынножители.

...овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Александрию... — т. е. на север и на юг; Константиноград — русское название Константинополя, столицы Византийской империи; Александрия — город и порт в Египте, на берегу Средиземного моря, основан Александром Македонским в 331 г. до н. э., впоследствии один из центров распространения христианства.

Стр. 314. *...господь мой Софроний...* — Софроний из Дамаска, спутник Иоанна Мосха в его путешествиях, его ученик, которому автор передал рукопись Патерика перед смертью, впоследствии видный церковный деятель (с 634 г. до смерти в 641 или 644 г. был патриархом Иерусалимским).

...юже създа блажены папа Еулогий... — Знаменитый церковный деятель и писатель Евлогий, родом сириец, был патриархом alexandрийским в 580—607 гг.

...великаго Тетрафола. — Т. е. тетрапила, следовательно, храм окружался четырьмя рядами колонн.

...пророка Иеремиа... — Второй из четырех великих пророков Ветхого завета, родом из Иерусалима; начал учить евреев в 626 г. до н. э., был уведен в Египет, где и умер.

...Александръ зиждитель... — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), основатель города Александрия в Египте.

Стр. 316. *...о аввѣ Иулианѣ... епискупѣ Вострѣнемѣ.* — Вострены (Бостра) — город в Аравии; Юлиан был епископом в Бостре в то время, когда в царствование византийского императора Анастасия I (491—518) на некоторое время победили сторонники еретического движения в христианстве; епископ Юлиан преследовался и неоднократно изгонялся из города.

...отъ единого попьрища... — Мера пути, по различным источникам разной длины; в переводных памятниках славянское слово заменяло греческий стадий — 185 м (считалось, что это 125 шагов воина).

...авва Герасима нарицаема. — Герой рассказа, один из знаменитых подвижников V в., родом из малоазийской провинции Ликии, основал свой скит на берегу реки Иордан; умер Герасим 4 марта 475 г.

Стр. 318. *Авва же Севатий киликѣ...* — ученик Герасима, родом из Киликии, юго-восточной части Малой Азии.

Стр. 320. *...въ лаврѣ отьца Фирмина...* — Фирмин, один из учеников основателя древнего монашеского устава Саввы Освященного (ум. в 532 г.), почитаемого и на Руси; Фирмин основал обитель недалеко от Назарета.

...въ Дорофеевъ монастырь въскрай Газы. — Имеется в виду Дорофей, один из известных в древности подвижников, занимавшийся также науками и философией; основал обитель неподалеку от Газы — города в южной Палестине, недалеко от Средиземного моря.

...приде къ Диополу граду... — Город Днополис, теперь Лидда, на пути из Иерусалима в Иоппию.

Стр. 322. *...въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села* — название пустыни.

Въ самомъ островѣ... — Описка, имеется в виду о. Самос в Эгейском море, недалеко от побережья Малой Азии.

...мати Павля канѣдита... — Кандидат (или квестор) — чиновник при сенате, читавший императорские рескрипты перед сенаторами.

...Нисевии... църкы Нисийская... — Нисибия, парфянский город в верховьях р. Тигр (теперь в Курдистане).

Стр. 324. *Аскалонъ* — один из пяти главных городов филистимлян на берегу Средиземного моря (сохранились развалины), часто упоминается в Библии; аскалонцы постоянно враждовали с иудеями, а затем и с первыми христианами; город был окончательно разрушен в результате крестовых походов XIII в.

Стр. 326. *...въ Селеукия, близъ Антиохия...* — Антиохия, древняя столица Сирии, расположена недалеко от Средиземного моря; в античные времена и в первые века христианства — центр культурной, экономической и административной деятельности; Селевкия — городок около Антиохии.

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

Книга об Андрее Цареградском была весьма популярна на Руси, о чем говорит большое количество (более 200) дошедших до нас древнерусских списков. Ее успех у читателя объясняется, во-первых, необыкновенной занимательностью содержания и превосходными достоинствами перевода; во-вторых, — тем обстоятельством, что в наиболее распространенном у славян древнерусском переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое *σκύθης*), а в более поздних списках как «русин» и даже новгородец. Особым вниманием это произведение пользовалось также ввиду содержащегося в нем свидетельства о явлении Богоматери святому Андрею и Епифанию в константинопольском Влахернском храме, на основании которого был установлен на Руси праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Греческий оригинал Жития, если верить заключающей его записи, был написан в Константинополе священником храма Софии Никифором. Ряд упоминаемых в Житии лиц и городских реалий указывает на то, что главный персонаж повествования Андрей жил в V в., и хотя автор изображает события так, словно он был современником и другом Андрея, на самом деле это не более чем литературный прием, ибо, судя по другим особенностям содержания Жития, оно не могло быть написано ранее конца IX или начала X в., при этом Никифор, по-видимому, просто воспользовался более ранними преданиями.

Юродство во Христе, столь же древнее, как и само христианство, во все времена сопутствовало ему, являя себя наиболее ревностной и самоотверженной преданностью высшей небесной правде, преподаваемой Иисусом Христом. «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, — разъяснял апостол Павел, — тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 18—19).

Юродивые по-своему воспроизводили земной подвиг Христа. Живя среди людей в отличие от монахов-пустынников и отшельников они подвергали себя наиболее трудным и жестоким соблазнам и испытаниям, ежедневно и ежечасно обличая безумие мира сего и самим своим видом и парадоксальными речами и деяниями напоминая о присутствии высшего Судии.

Подобно своим предшественникам, особенно знаменитому юродивому Симеону, подвизавшемуся в VI в. в Палестине, Андрей ходил по улицам Константинополя полунагой, едва прикрытый тряпьем, терпеливо сносил насмешки, добровольно подвергался избиению, спал на солнцепеке или на гноище и в других неподходящих местах. Как-то, когда Андрей спал посреди дороги, его переехала телега, запряженная волами, но он остался невредим. А однажды наступила такая суровая зима, что все нищие погибли от холода и ветра или задохнувшись в сугробах, и Андрей, у которого не было ни одежды, ни крова, лег на улице и приготовился к смерти. Но внезапно он ощутил прилив тепла и увидел себя гуляющим по раю, и когда он очнулся, морозы кончились.

Произведение построено как цикл, включающий около 100 различных по объему рассказов, в которых повествуется о приключениях и чудесах Андрея, а также о различных персонажах и событиях из жизни Константинополя, имеющих часто лишь косвенное отношение

к собственно житийному сюжету, а иногда и вовсе с ним не связанных. В частности, много говорится о боголюбивом и разумном юноше знатного происхождения Епифании, который был другом Андрея и, хотя не занимался юродством, всех удивлял своим воздержанием, целомудренной жизнью и глубоким умом. Впоследствии, как сообщается в Житии, он был Константинопольским патриархом.

Таким образом, это Житие представляет собой не столько агиографическое или тем более историческое повествование о реальных событиях и лицах, сколько сочинение в духе средневекового романа.

Книга содержит в конце большой раздел, получивший в русской книжности особое название «Епифаниевы вопросы и ответы блаженного Андрея», в котором Андрей дает разъяснения по вопросам мирового устройства, разнообразных явлений природы, толкования Священного писания, эсхатологических предсказаний (так называемый «Апокалипсис Андрея Юродивого») и др.

Своим разнообразным и ярким содержанием «Житие Андрея Юродивого» оказывало значительное влияние на распространение идей юродства на Руси и одновременно служило источником для составления житий русских юродивых.

Древнерусский перевод Жития был выполнен, видимо, в XI, во всяком случае не позднее начала XII в., так как фрагменты этого перевода вошли в переработанном виде уже в первую (краткую) редакцию Пролога, созданного на Руси около середины XII в.

Кроме этого, древнейшего славянского перевода Жития, представляющего, кстати, наиболее пространную версию греческого текста, существует второй полный южнославянский перевод, осуществленный независимо от первого не позднее XIV в. и не имевший значительного распространения.

Мозаичность композиции Жития, легко разделяющегося на отдельные рассказы и эпизоды (в греческом издании, например, выделено 245 отдельных эпизодов), привлекала к нему внимание греческих и славянских книжников как к источнику для составления различных сборников. Помимо многочисленных рукописей Пролога, существуют еще десятки других сборных по составу рукописей, в которых содержатся рассказы или фрагменты Жития, в том числе несколько самостоятельных переводов греческих сокращенных редакций и выборки из этого памятника.

Текст печатается по древнейшему списку древнерусского перевода, относящемуся к концу XIV в. (рукопись РГАДА, Син. тип. 182), а в местах утраты листов — по копии с этой рукописи, сделанной в конце XV в. (рукопись РНБ, Сол. 216). Явные описки или ошибки исправлены по родственному списку РГБ, Егор. 162. Искорректированные по текстологическим причинам чтения восстанавливаются в соответствии с греческим оригиналом по древнейшим спискам других редакций и текстологических групп: РГБ, Тр.-Серг. 780; РГБ, Тихонр. 29; ГИМ, Син. 924; РНБ, Сол. 214.

Греческие соответствия указываются по рукописи Баварской национальной библиотеки Монах. 552.

Стр. 330. ...*Лва Великого*... — Имеется в виду, очевидно, византийский император Лев VI Мудрый (886—912).

...*протоспафаревымъ саномъ*... — Протоспафарий — титул среднего ранга в Византийской империи, присваивавшийся в основном военным.

... *воеводу створи на възточныхъ странахъ*. — В греч. оригинале στρατηλάτης... ἐν τοῖς ἀνατολικαῖς μόρεσιν. Слово «стратилат» — полководец не имело четкого терминологического содержания и применялось в отношении как военных командующих, так и светских правителей. Феогност был, вероятнее всего, военным, чем можно было бы объяснить его пребывание со всем домом в Константинополе: военнотружущие восточных областей Византии могли подолгу жить в столице, осуществляя свои должностные обязанности главным образом в летний период.

...словѣниѣ. — В оригинале σκῶθης скиф. Древнерусский переводчик, несомненно, был знаком с византийской литературой, в которой «скифами» назывались самые разные северные по отношению к Византии народы, в частности болгары и русские.

Стр. 332. *«Полунощи въстаяхъ исповѣдаться Тебѣ».* — Ср. «В полночь вставал (я) славословить Тебя...» (Пс. 118, 62).

...козичиною своею. — Точное значение слова «козичина», так же как и его греч. соответствия αἰγομάλοισ (от αἶξ ‘коза’ и μαλή ‘шерсть’), неизвестно; вероятнее всего, имеется в виду козья шкура или одеяло из козьей шерсти, а не род одежды, ибо, как было сказано выше, Андрей носил дорогое господское платье.

...тоштитину ялъ... — Греч. ὁ τὰ σέλη ἐσθίων (τὰ σέλη — разновидность бобовых) является, очевидно, парафразом презрительного σελοφάγος ‘бобоед’.

...на позорищи. — Позорище — театр (θέατρον) — монументальное открытое сооружение, предназначавшееся для публичных зрелищ и народных собраний.

...множество ефиопъ много... — Ефиоп (αἰθίοψ), мавр (муринъ, μαῦρος), черный — средневековые наименования черта.

...бѣлоризецъ... — В греч. λευσχῆμων (=λευχεῖμων) ‘одетый в белое’ — об ангелах; белые одежды символизировали чистоту и святость.

Стр. 334. ...учѣрнене... — Греч. ἡσβολομένος ‘измазанный сажей’.

...неудобъ есть... въззѣбрающую завистью сему. — Византийская церковь осуждала содержание в рабстве христиан.

Стр. 336. ...мученица Анастасия... — Св. Анастасия считалась целительницей безумных.

...благовѣрныи Левъ Мясникъ... — Лев I Великий или Макел (μακέλλης ‘мясник’), византийский император (457—474). Называя этого императора Макелом, автор Жития очевидным образом противопоставляет его упомянутому выше Льву, названному им Великим, что является дополнительным аргументом в пользу идентификации последнего со Львом VI Мудрым (см. выше).

Стр. 338. *«Азъ есмь... Исуса Христа».* — Во время Тайной Вечери апостол Иоанн возлежал на груди Иисуса (Иоан. 13, 23).

Стр. 340. ...кидонатъ... — Кидонат — кидонийская айва (Кидония — древний город на северном побережье Крита, совр. г. Канея).

Стр. 342. ...похабу Смеона... — Симеон Юродивый жил в г. Емесе в конце VI в. Из его Жития заимствованы автором Жития Андрея Юродивого некоторые сюжетные мотивы.

...на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати. — Ср.: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Фил. 3, 13—14).

Стр. 344. ...близъ блудныхъ храмъ... — Проституция была довольно широко распространена в Константинополе, где почти в каждом квартале имелись публичные дома.

Стр. 346. Патрика... — Патрикий — титул высшего ранга в Византийской империи.

...множество ефиопъ дѣмонъ... — Буквально воспроизводит генитив мн. числа греч. αἰθίοπων δαιμόνων.

Стр. 350. ...глубныи змѣи... — Змей — одно из воплощений Сатаны, терзающего грешников в аду.

Стр. 352. ...ядущему... — Древнерусский перевод буквально воспроизводит греч. ἐστίοντι ‘пожирателю’.

...хвалити его нача, праведника его наричая... — Ошибка в древнерусском переводе (так в архетипах древнейших редакций) или результат порчи текста в греческом списке, с которого был сделан перевод. В греческом оригинале — διεχλεύασεν τὸν δίκαιον εἰπὼν ‘стал ругать праведника, говоря...’.

Амафоръ — мафорий (μαφόριον), длинный кусок ткани, покрывавший голову и плечи, носившийся женщинами вне дома.

Стр. 354. Хартулаи... плоимомъ. — Морской хартуларий, заместитель командующего (друнгария) морских сил Константинополя.

Стр. 356. ...*въ святыи церкви сущи Влахернах...* — В греч. ἐν τῇ ἁγίᾳ σορῶ τῇ οὐστῇ ἐν Βλαχέρναις. Имеется в виду, очевидно, влахернский Святой Сорос — церковь, которую построил в конце своего правления Лев I как помещение для собственно сороса (реликвария), в котором хранился покров Богородицы, привезенный из Капернаума молодыми патрициями Гальбой и Кандидом. Влахерны — северо-западный район Константинополя.

Часу же нощному сущю 4-му... — Поскольку ночь разделялась на двенадцать равных частей, «четвертый час» соответствовал приблизительно 10—11 часам вечера.

Предтеча — Иоанн Креститель.

Громный Сынъ — Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса.

Стр. 358. *Мафоръ* — мафорий (см. выше, коммент. к с. 352). В традиционной иконографии принято изображать Богородицу в пурпурном плаще и пурпурном мафории в знак ее происхождения из царского рода.

Иликтръ — τὸ ἤλεκτρον, янтарь или металл электр (сплав из 80 % золота и 20 % серебра).

...сущимъ тамо. — Далее в греческом тексте следует заключительное предложение этого рассказа, опущенное в древнерусском переводе: «Епифаний видел все это через посредство богоносного отца (т. е. Андрея), ибо тот мог легко (мысленно) к нему обращаться и сообщать Епифанию все, что он видел, действуя для него как медиатор. Мысленно сопровождая его повсюду, он приобщал его к великолепной славе».

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

Повесть о пустынноике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе является одним из самых распространенных произведений в мировой литературе средневековья. Существует более 140 версий этой повести более чем на 30 языках. В славянские литературы «Повесть о Варлааме и Иоасафе» пришла в переводах с греческого языка. Греческая версия повести появилась в начале XI в. на Афоне и является в свою очередь переработкой версии грузинской. Древнерусский перевод «Повести...» относится к периоду Киевской Руси; по-видимому, он был сделан во второй половине XI или в самом начале XII в. Этот перевод сразу же вошел своими отдельными частями в состав русского Пролога, из которого заимствовал одну из притч повести Кирилл Туровский. Повесть широко распространилась в древнерусской письменности и в полном виде, и еще более в составе Пролога. В Пролог вошли прежде всего притчи, которые рассказывает Варлаам Иоасафу. Это своего рода небольшие новеллы поучительного содержания; все они восточного происхождения. Мы публикуем семь притч из «Повести...»: 1) О трубе смерти и четырех ковчегах; 2) О соловье; 3) Об единороге; 4) О трех друзьях; 5) О благоразумном царе; 6) О царе и нищем; 7) О молодой серне. Кроме того, автор греческой версии включил в текст повести памятник позднеантичной литературы — «Апологию» Аристиды, своего рода «турнир религий». «Апология» вошла и в древнерусский перевод, и ее текст также публикуется. Текст «Апологии» вложен в уста волхва Нахора — язычника и колдуна, тем большую силу приобретает то, что говорит он против своей воли.

По разнообразию перипетий сюжета, по богатству притч и диалогов «Повесть о Варлааме и Иоасафе» занимает одно из первых мест во всей литературе средневековья. Отрывки из текста «Повести...» издаются по списку Соловецкой библиотеки № 208, хранящемуся в РНБ. Это самый ранний (начало XVI в.) и самый полный и исправный список древнерусского перевода. Незначительные его лакуны восполнены по рукописи из собрания Хлудова № 60, хранящейся в ГИМ.

Стр. 360. ...*из утрення Ефиопьскыя страны, глаголемыя Индейскыя страны...* — В греческом тексте «Повести...» произошло смешение топонимов Эфиопии и Индии. Греческая космография не знала внутренней Эфиопии, но уже в «Географии» Птолемея есть разделение Индии

на внутреннюю и внешнюю. У христианских авторов, например у Козьмы Индикоплова, внутренней Индией назывались Эфиопия и Южная Аравия.

...святый град... — Имеется в виду Иерусалим.

...бесовъстѣй прелести... — идолопоклонству.

...от халдѣян... — В древности в Греции халдеями называли вавилонских жрецов, обладавших познаниями в области философии, медицины и особенно астрономии и астрологии.

Въ градѣ Домосѣ... — Ошибка переводчика: в греческом тексте ἐν πόλει δὲ ὁμῶς ἰδιαξούστη (в городе же особом) он два слова δὲ ὁμῶς (же) принял за название города Домоса.

Стр. 362. ...преподобника... — Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «проповедника» (греч. κήρυξ — глашатай).

Стр. 366. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшенных и безмѣстныхъ стухый... — В древнегреческой натурфилософии четыре стихии, или элемента (στοιχεῖον) — первовещества природы, из которых состоит также и человеческое тело: вода, огонь, воздух и земля.

Стр. 372. ...увидѣ... — Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «увѣде» (греч. εἶνω — знать).

...начальствие... тмѣ вѣка сего... — Ср. Ефес. 6, 12.

...в землю тмы... житиѣа человечьскаго... — Иов. 10, 22.

Стр. 374. ...учителей видящимъ... — Видимо, ошибка переводчика. В греческом тексте — «свидетелей и посвященных» (ἐποπταῖς καὶ μυσταῖς).

Стр. 376. ...якоже Валамль оселъ... — Имеется в виду ослица пророка Валаама, которая, как рассказывается в библейской Книге Чисел, остановилась, увидев перед собой ангела, и, когда Валаам трижды ударил ее, чтобы заставить двинуться, заговорила человеческим языком (Чис. 22, 21—35).

...честити тварь паче створившаго ихъ... — Ср. Римл. 1, 25.

...от изображения... — Неточный перевод греческого слова ἐκτυπώματα, которое было воспринято переводчиком как два слова: предлог ἐκ (от, из) и существительное τυπώματα (образы, отпечатки).

Стр. 378. ...именуешь... — Ошибка переписчика. В греческом тексте: «изменяет» (ἀλλοιοῖ).

Стр. 380. ...урѣзати истеса своя... — Неточный перевод. В греческом тексте: «Зевс отрезал у него детородный член...» (τὸν Δία κόψαι αὐτοῦ τὰ ἀνάγκαια). Переводчик, видимо, имя Зевса (Δία) принял за прилагательное «собственный».

...тимение... — грязь. — Так переводчик понял греч. слово Τάρταρος — пропасть, подземное царство.

...с мертвыми... — Ошибка переписчика. В протографе в соответствии с греческим текстом было «смертными» (θνητάς).

...Европи... — Начиная с Европы, дочери финикийского царя, похищенной Зевсом, далее перечисляются имена персонажей греческой и египетской мифологий. В переводе эти имена даны в современной транскрипции.

...богинѣ... — В греческом тексте — музы.

Дара — Неверное прочтение переводчиком греческого имени Тиндарея (Τυνδάρεων): первую часть имени Τυν — он принял за артикль, а вторую за собственное имя.

Стр. 382. ...от сына... — Ошибка переводчика. В греческом тексте: «от кабана» (δρὸ τοῦ ὕος). Переводчик спутал два слова: «кабан» (ὕς) и «сын» (υἱός).

...увидишь... — Ошибка переводчика. В греческом тексте: «в Библос» (εἰς Βύβλον). Эти два греческих слова переводчик принял за одно, глагол εἰσβλέπω (смотреть).

Стр. 384. Си бо Аврамова ишадиа и Исакова и Яковля... — Авраам, Исаак и Иаков — библейские патриархи, родоначальники еврейского народа.

ИЗ ПРОЛОГА

Пролог — один из наиболее популярных сборников Древней Руси, который содержит слова на праздники и краткие жития святых, распределенные по дням года, в которые празднуется их память. Этот сборник был переведен с греческого на церковнославянский язык, по-видимому, на Руси в начале XII в. В греческой рукописной традиции он имел название Синаксарь (греч. συναξαρίον — сборник), первоначально был частью Церковного Устава и читался на утренней службе в церкви. Церковным употреблением объясняется небольшой размер текстов житий, что отличает их от более обширных текстов житий другого агиографического сборника — Миней Четых. В последних сборниках, однако, общее количество поминаемых каждый день святых гораздо меньше, поскольку в нем содержатся только тексты житий отдельных святых, но отсутствуют памяти (упоминание лишь имени святого дня без текста жития), которые помещались в Прологе.

Сразу после перевода сборник, получивший новое название — Пролог, стал дополняться житиями русских святых и праздников, память которых стала отмечать русская церковь. Помимо имен канонизированных святых, с текстами житий или без таковых, в Прологе отмечались такие церковные праздники, как дни освящения различных церквей, дни перенесения мощей святых и т. д. Синаксарные тексты житий греко-римских святых были, несомненно, примером составления житий для древнерусских книжников, но все же по своему изложению они тяготеют более к летописному стилю.

На Руси Пролог также читался в церкви, но выполнял скорее функцию назидательную и воспитательную, поскольку в этот сборник древнерусские книжники вносили не только тексты канонических житий и похвалы праздников, но и отрывки из святоотеческой и повествовательной византийской литературы.

Мы издаем тексты по древнейшим спискам Пролога: с 4 сентября по 27 января по списку РНБ, Софийское собр., № 1324 (конец XII—начало XIII в.), л. 2—128 об.; 1 апреля и 15 июля по списку РНБ, Фп. I. 47 (начало XIII в.), л. 1 об.—2 и 79 об.—80 об. с дополнениями по списку ГИМ, Синодальное собр., № 240 (1400 г.), л. 139 об.—140 об.

Стр. 388. *Вавула* — Вавила никоимидийский был учителем детей в Никоимидии, главном городе Вифинии, провинции Малой Азии.

...бша при Максимиянь цесари... — Максимян — римский император (305—311). Время жития или мучения святого всегда обозначалось периодом правления какого-либо императора.

Ефросинья Измарагд — монахиня, жившая во время правления византийского императора Феодосия II (408—450). Происхождение прозвища неясно, но, возможно, оно было получено ею в мужском монастыре.

Александрия — главный город в Египте, основанный Александром Македонским в 332 г. до н. э. До VIII в. н. э. был центром просвещения христианского населения северо-восточной Африки.

Стр. 390. *Покров святой Богородицы* — праздник, установленный на Руси не позднее второй половины XII в. и отмечаемый 1(14) октября. В Византии этот день не праздновался так широко, как на Руси, хотя связан с одним из событий ее истории — нападением сарацинов на столицу. Такие дни обычно отмечались в Синаксарях и были рядовыми церковными праздниками. На Руси же, особенно в XIV—XV вв. и позже, этот праздник отмечался наряду с двенадцатыми.

...видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана... — В основу «Слова» автором положен эпизод известного византийского «Жития Андрея Юродивого» («О видѣнии святыя Богородицы во Влахернѣ»). См. с. 356—358.

...въ Влахѣрнѣ църквѣ... — т. е. церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

...съ Предѣтечю... — Иоанн Предтеча, или Иоанн Креститель — евангельский пророк, предсказавший пришествие Иисуса Христа и крестивший его в реке Иордан.

...сѣ Богословъчѣмъ Иоаномъ... — Иоанн Богослов — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор одной из четырех книг Евангелий и «Апокалипсиса».

...дѣяконъ бывъ въ Вуритѣ святыя церква. — Св. Роман был дьяконом в церкви Вознесения в г. Вирите. Современное название — г. Бейрут.

Дошѣдѣша же Костянтиня-града... — древнерусское название г. Константинополя. Современное название — г. Стамбул.

...въ лѣта Анастасіа цесаря... — Имеется в виду период правления византийского императора Анастасия I (491—498).

...въ церкви пресвятыя Богородица. — Имеется в виду церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

...даръ сбора кондаки... — Кондак — краткое церковное песнопение, в котором излагалась похвала святому или сущность праздника. При переводе с греческого на церковнославянский язык песнопения, как правило, теряли стихотворную форму.

...Дѣва дньсѣ Пребогатаго ражаеть... — слова из Рождественского кондака.

Стр. 392. ...отецъ нашъ Амуръ, богоносць... — Преподобный Аммон был основателем Нитрийской пустыни иноков в среднем Египте, насчитывающей около 50 обителей. Умер в 350 или 356 г.

...до подвигъ великаго Антонія... — Преподобный Антоний Великий (260—365) считается основателем монашества, возникшего в Египте в конце III в.

Св. Лукиан — христианский ученый, основал училище христианских богословов в Антиохии и был его пресвитером.

Трепарь — древнерусское название тропаря, церковного песнопения, составленного в честь праздника или святого.

...въ царство Диоклитиана... — Т. е. время правления римского императора Диоклетиана, гонителя христиан (284—305). По сведениям других источников, Лукиан был схвачен при императоре Максимиане в 311 г.

...Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ... — Преподобный Иларион (291—372) — основатель палестинского монашества, жил не только при императоре Константине Великом.

Стр. 394. Козьма и Дамиан — братья-лекари, жившие во второй половине III в. около Рима. Были убиты из зависти врачом-язычником в 284 г. В некоторых богослужебных книгах их память отмечается также 1 июля.

Преподобный Феодор, игумен Студийский (759—826) — аскетический деятель, писатель, основатель монастыря в Студиях, одном из районов Константинополя, автор Большого и Малого Катихизисов, посланий, касающихся различных сторон церковной жизни, а также правил монашеской жизни, записанных после его смерти в форме Устава. Одна из его редакций (патриарха Алексея) была принята на Руси и действовала до начала XV в.

В царство Костяньтине... — Преподобный Феодор родился в эпоху правления императора Константина V Копронима (741—775).

Въ царство Ирины... — Византийская императрица Ирина, жена Льва IV Исавра, после смерти мужа управляла империей вместо малолетнего сына Константина VI с 780 по 790 г.

...Сакудиовъ манастирь... — Этот монастырь находился в местечке Сакудион, около Константинополя.

...и от Тарасья патриарха... — Тарасий был патриархом константинопольским в 784—806 гг. В истории церкви известен тем, что содействовал подготовке и проведению 7-го вселенского собора, на котором было осуждено иконопочитание. См. коммент. на с. 547.

Селунь (Солунь) — древнерусское название города Фессалоники, в то время одного из главных городов на Балканском полуострове, входившего в состав Византийской империи.

...зане не свѣщати ся любодѣйству цесареву... — Преподобный Феодор выступил против развода и нового брака императора Константина VI, за что и был им сослан.

...нѣ възвращенъ бысть пакы цесарицею Ириною... — Имеется в виду возвращение преподобного Феодора Студийского в 797 г., когда Ирина после переворота и ослепления Константина VI вновь вступила на престол.

И паки изгнанъ бысть Никифоромъ цесаремъ, убьенымъ въ Българѣхъ... — Император Никифор I (802—811) был убит в 811 г. в походе против болгар.

...при Львѣ иконоборци. — Имеется в виду правление византийского императора Льва V Армянина (813—820), который продолжил политику иконоборчества, начатую еще императором Львом III Исавром по религиозным и политическим мотивам (например, стремление обратить в христианство магометан). Представители этого движения выступали против почитания икон, доказывая неописуемость и непостижимость человеческого разумом Божественной сущности. Политика иконоборчества была продолжена преемниками Льва III — Константином V Копронимом и Львом V Хазаром (775—780). Последующие византийские императоры то придерживались нейтралитета в этом вопросе, то поддерживали иконоборчество. Иконопочитание было восстановлено лишь в 842 г. императрицей Феодорой, женой императора Феофила, после его смерти.

...Араклиемъ цесаремъ... — Византийский император Ираклий (610—641).

Стр. 396. *Иоанн Дамаскин* (перв. пол. VIII—нач. IX в.) — византийский учитель церкви, философ, писатель.

...бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его... — Имеется в виду время правления императоров Льва III Исавра и его сына Константина V Копронима.

...бысть мнихъ... — Иоанн Дамаскин принял постриг в монастыре св. Саввы близ Иерусалима.

...посрами иконоборѣць ересь... — Имеется в виду его полемическое выступление против иконоборцев на 7-м вселенском соборе в 786 г.

...свободи же и три...от руки слугы и пусти я. — См. в наст. томе. «Чудеса Николы Мирликийского» и коммент.

...глас 4. — Глас — тип музыкальной интонации (лада) в церковном песнопении. Гласы меняются каждую неделю, всего их восемь. Создание системы «осьмогласия» предание приписывает Иоанну Дамаскину.

...свсуда избъраннаго... — Метафорическое упоминание апостола Павла.

...бысть при Костянтинѣ цесари... — Имеется в виду эпоха правления византийского императора Константина II (337—340).

Стр. 398. *Феодосий, въ святыхъ отъцъ нашихъ, нарицаемый общеновожитель...* — Преподобный Феодосий Великий (424—529) — основатель общежития монахов, или монастыря в пещере, где, по преданию, провели ночь волхвы, возвращаясь из Вифлеема. Первым основателем общежительного монастыря был преподобный Пахомий Великий (292—348). В отличие от существовавших до сих пор лавр, в которых монахи жили изолированно друг от друга в хижинах или пещерах, иночество общежительное должно было жить в одном или нескольких помещениях под руководством настоятеля, подчиняясь общим правилам.

...отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стълпнику... — Симеон Столпник (V в.) — создатель столпничества, одной из форм аскетизма, когда отшельник затворялся в «столпе», т. е. в небольшой башне с помостом, никогда не покидая его.

Стр. 400. *...на Синайстѣ горѣ скончавшихся.* — Синайская гора, или Синай — в данной местности обитало много отшельников и было построено несколько монастырей. В действительности, это группа гор, состоящих из гранитных скал, окруженных крутыми долинами, находящихся в южной части Синайского полуострова. Одной из христианских святынь считается место Богоявления пророку Моисею на горе Синай.

...святѣи Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-граде... — Нил Синайский, ученик Иоанна Златоуста, был действительно префектом в Константинополе.

...въздвигъ дивѣи языкъ Глазатыхъ... — Такое название получило одно из африканских племен от греческого населения (греч. βλῆμιοι). По преданию, африканцы, приплывшие к Раифе, сначала захватили селение, а затем устремились к обители, разграбив и убив почти всех монахов.

Преподобный Ксенофонт — жил в V в.

Иоанн Златоуст (347—407) — виднейший отец византийской церкви, оратор и писатель.

Изгънанъ бысть святой...отъиде въ Команы... — Речь идет о второй ссылке Иоанна Златоуста в 404 г. в г. Кукуз в Армении, а затем, через два года — в г. Пициус (современное название — г. Пицунда), по пути в который он скончался в г. Команы в Армении в 407 г.

...мощи святого Василиска... — Св. Василиск, мученик, был племянником Феодора Тирона, пострадал ок. 308 г. вместе с братьями Евтроном и Клеопиком.

Стр. 402. *...патриарха Прокла...* — Прокл был константинопольским патриархом в 434—447 гг.

...Феодосии цесарь... — Имеется в виду византийский император Феодосий II (408—450).

...положены быша въ святых Апостолѣхъ. — Церковь св. Апостолов в Константинополе.

Мария Египетская. — См. Житие Марии Египетской в наст. томе и коммент.

Святого князя Володимира... — Русский князь Владимир Святославич (987—1015) был канонизирован лишь к XIII в., и в начале XIII в. в Прологе появилось его Житие. В нем автор излагает летописную версию о крещении самого князя и крещении им русского народа. См. в т. 1 наст. изд. «Память и похвала князю русскому Владимиру» (с. 316—327). См. также Повесть временных лет, годы 6494 (986)—6523 (1015) — БЛДР, I, с. 132—175.

Стр. 404. *Хвалить убо Римская земля...вся же Руская земля — тебе, Володимире...* — Здесь и далее заимствованы отдельные фразы и образы, которые читаются в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Ср.: БЛДР, I, с. 42—52.

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 года

Переписывая для великого князя Святослава Киевского из болгарского оригинала торжественно исполненный Изборник 1076 года, дьякон Иоанн собрал для себя самого (или для сына) выписки из различных нравоучительных текстов. Композиционная последовательность без особого выделения источников, которыми пользовались составители Изборника, в целом напоминает обычную для средневековой традиции компилятивно составленную беседу умудренного житейским опытом человека с «сыном» — быть может, сыном духовным, поскольку моральные требования первоисточников, несомненно, переработаны тут применительно к мирской жизни; «обмиршение» прослеживается отчетливо и проявляется даже в оформлении книги — карманной «осьмушки», писаной мелким почерком для себя, скромно украшенной.

Не очень еще развившиеся в пословичные формы, какими они стали позднее в связи с распространением их в устном обиходе, собранные здесь изречения воспринимаются как «заповеди для ненаказанных», т. е. людей неученых и вместе с тем — еще не постигших сложные ритуалы и нормы поведения христианской культуры. Эти изречения последовательно и упорно внедряют в сознание «новых людей» — новых христиан — моральные установки христианской этики. Все актуальные для середины XI в. нравственные проблемы нашли отражение в этом сборнике, который, по оценке современных ученых, и преследовал цели практической морали.

Многие статьи при переводе с греческого или в результате их обработки в Киеве претерпели идейное или художественное переосмысление; так, вполне сознательно при передаче греческой философской терминологии, особенно лексики стоицизма или неоплатонизма, приведены соответствующие славянские слова и понятия; встречаются перестановки или сокращения изречений; много отклонений и от первоначального южнославянского перевода. Текст, переработанный для нужд восточного славянина, широко использует русские формы произношения и грамматики, а также и слова: *ларь* вместо *ковчежьць*, *медь* вместо *вино*, *вѣтвие* вместо *вѣие*, *поноси* вместо *укоряй* и т. п. Большинство текстов — переводы византийских стихотворных или, во всяком случае, ритмически организованных произведений. Славянские переводчики старались передать эту особенность оригиналов, повышающую художественно-образительную их ценность.

К некоторым отрывкам найдены и греческие параллели, однако возможные несоответствия этим текстам славянской версии не учитывались при переводе на современный русский язык.

Отдельные части Изборника получили на Руси особенную известность и неоднократно использовались в поучениях, посланиях и «словах», откуда и поступили в устную речь. Впоследствии сам принцип построения сборника стал образцом для составления других средневековых сборников нравственного содержания, стал прототипом Златой Чепи, Измарагда — с XIV в., а в конце XV в. — Домостроя.

Восемь текстов Изборника 1076 года (82 % всего состава его) публикуются по рукописи: *РНБ*, Эрмитажное собр., 20. Полностью сборник опубликован в прекрасно подготовленном издании: Изборник 1076 года. М., 1965 / Издание подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. В настоящем издании публикуется текст л. 1—80 об., 84—85, 101 об.—112, 134—187 об., 269—276 (по изданию соответственно с. 151—418, 425—426, 460—481, 687—701).

Стр. 406. *Слово нѣкоего калугера о чьтении книгъ.* — Искусное и умелое сочинение, по мнению ученых, в значительной степени принадлежащее составителю сборника Иоанну. Это первое в истории нашей книжности сочинение о пользе, целях и методе чтения. Легко проследить, как, отталкиваясь от стихов 118 псалма (здесь восемь цитат из него, в разной степени переработанных), автор строит свое рассуждение, отсылая читателя к признанным авторитетам средневековой учености и художественного мастерства, прежде всего к Василию Кесарийскому и Иоанну Златоусту, «и делает это с большим мастерством, обнаруживая при этом талант писателя» (*Розов Н. Н.* Как «сделана» вступительная статья Изборника 1076 года // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 46).

Стр. 408. *Слово нѣкоего отьця къ сыну своему...* — Поучения от отца к сыну — очень распространенный жанр византийской и древнерусской литературы, они всегда имели конкретного адресата, но, в духе средневековой литературы, не индивидуального, а типичного адресата, человека определенного социального положения. Средневековые за личностью всегда видели общественную группу, класс или ремесленный цех. Характерно снижение социального ранга «сына» с течением времени: царь-государь, знатный боярин, военачальник, богатый «гость», обычный купец — они проходили в веках, сменяя друг друга в качестве типичного для данного времени «героя», имевшего право поучать других. В Слове Изборника фрагменты из сочинений византийских писателей, отцов церкви, расположены в очень свободном порядке, который определялся вкусами писца и его возможностями получить тот или иной материал.

Стр. 418. *Еже убо правотвѣрну вѣру имѣти основания добрыхъ дѣлъ есть...* — Стословец Геннадия, патриарха константинопольского (ум. в 471 г.), переведен в Болгарии и на Русь попал уже в славянском переводе, но со многими изменениями в языке. Изборник 1076 года содержит древнейший список. Это сто афоризмов в стихотворной форме, толкующих основные положения христианской морали и вероучения, главным образом — на основе поучений (бесед, или Слов) Иоанна Златоуста. Стословец — один из главных источников нравоучительных сборников эпохи средневековья (Златая Чепь, Измарагд, Домострой), некоторые из них начинались с текста Стословца, который мог переписываться и как отдельное произведение. «Причина популярности этого памятника заключается в простоте изложения и поэтому удобопонятности для людей невысокого умственного развития» (*Яковлев В. А.* К литературной истории древнерусских сборников : Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893. С. 41).

Стр. 432. *Наказание Исухия, презвутера Иерусалимскаго.* — На самом деле принадлежит перу Нила Синайского, ученика и последователя Иоанна Златоуста (он умер около 450 г.). Изречения Нила были очень популярны среди древнеславянских книжников благодаря своему содержанию: они также исповедовали «нейтральную этику», не касаясь крайностей ни языческой, ни христианской вер. Уже в ранних греческих списках текст приписывался Исихию. Эти изречения известны в трех переводах на славянский язык: древнейший славянский сделан у южных славян (именно он и входит в состав Изборника 1076 года), в конце XII в. в составе

Пчелы — сборника афоризмов — был выполнен и древнерусский перевод текста; тогда же на Руси был переведен и полный текст Наказания, который издан в Памятниках древней письменности (СПб., 1892. Т. 92).

Стр. 442. *Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова.* — Относится к числу неканонических книг Писания (как и книга Премудрость царя Соломона). Здесь содержится множество изречений, впоследствии легших в основу пословиц и поговорок, в частности, и у древнерусских писателей (напр., у Даниила Заточника). Также существует несколько переводов, в том числе и сделанных на Руси. По мнению исследователей, в составе Изборника 1076 года содержится древнейший перевод, может быть, X в. Текст в составе современной Библии не всегда точно соотносится с расположением и характером приводимых здесь цитат.

Стр. 470. *Святого Василия, како подобает чловѣку быти.* — Своего рода небольшая подборка цитат из произведений Василия Великого, епископа Кесарийского (330—379), также бывшего одно время патриархом константинопольским; в основе лежит его «Слово о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху», которое переделано в интересах всякого вообще человека, заинтересованного в развитии личных добродетелей. Перечни добродетелей и пороков совместно рисуют нравственный портрет человека эпохи раннего средневековья, и общей мыслью проходит идея «человечности человека» в этом жестоком мире. Произведение относится к жанру «слов» святых отцов, *како жити христианом*, широко известному на Руси и вошедшему в состав многих средневековых сборников.

Стр. 474. *Ксенофонта, еже глагола къ сынома своимъ.* — Фрагмент пересказа из «Жития Ксенофонта» с поучением детям, откуда многие заимствования, иногда буквальные, попали и в оригинальные древнерусские поучения, например, в Поучение Владимира Мономаха; также один из источников русского Домостроя и круга памятников, с ним связанных.

Стр. 476. *О милостиѣмъ Созоментъ...* — Орывок древнеславянского перевода X в. из 69 главы Первой редакции византийского жития Нифонта Констанцкого (V в.), в котором эта новелла является вставкой — образным обоснованием необходимости подавать милостыню. Как и все тексты, попавшие в Изборник, композиционно и стилистически переработан, в значительной мере сокращен, но в конце добавлено чисто светское рассуждение. Завершение Изборника именно этим произведением весьма знаменательно, поскольку вся композиционная линия Изборника 1076 года не лишена логической и художественной идеи, смысл которой — в утверждении доброты и помощи ближним.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНЬЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

Праздник Всемирного воздвижения честнаго и животворящего креста (14 сентября) установлен церковью в воспоминание обретения креста Господня в 335 г.

Центральной частью службы Воздвиженью является канон Воздвиженью Креста, принадлежащий одному из крупнейших византийских гимнографов VII—VIII вв. Косьме Маюмскому (Иерусалимскому). Современник и друг Иоанна Дамаскина, он подвизался одновременно с ним в лавре савванитов близ Иерусалима, позднее был епископом города Маюмы близ Газы.

«Канон — жанровая форма византийской гимнографии, сложившаяся к VIII в. Структура канона сложна: он состоит из девяти „песней“ (нормально — из восьми, ибо вторая «песнь» опускается во всех канонах, кроме великопостных), причем каждая „песнь“, соотносимая с определенным библейским моментом, членится на „ирмос“ (зачин) и несколько „тропарей“; полное „чिनопослдование“ канона включает и другие компоненты. Поэтика канона отмечена торжественной статичностью, медлительной витиеватостью» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 341).

Служба Воздвиженью входит в числе других служб в состав служебных миней. Славянский перевод миней — древний, осуществлен в конце X—начале XI в. на славянском юге. Этот древнейший перевод дошел до нас в так называемой русской редакции. Все сохранившиеся списки имеют обширный репертуар грамматических, орфографических и лексических русизмов.

Публикуемый славянский текст Службы Воздвиженью содержится в древнерусской служебной минее XII в. из собрания Новгородского Софийского собора (РНБ, Софийское собр., 188). Служба Воздвиженью наряду с другими издана и исследована И. В. Ягичем в его работе «Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—97 гг.». (СПб., 1886). В качестве основного им использован список Праздничной миней, данные Софийского списка учтены в разночтениях. Нами выбран Софийский список, поскольку именно в нем Служба Воздвиженью в большинстве случаев содержит корректные чтения. Ряд исправлений в нашей публикации делается с учетом списков, изданных И. В. Ягичем, а также греческого текста канона Космы Маюмского (PG. 98. 501—504).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПАМЯТНИКЕ

Икос — (греч. οἶκος — дом) — церковное песнопение, вмещающее в себе прославление святого или празднуемого события.

Ирмос — (греч. εἶρω — связываю, соединяю) — первый тропарь в ряду других, составляющих одну песнь канона, служащий для них образцом.

Кондак — греч. κοντάκιον — церковное песнопение, содержащее похвалу святому или выражающее сущность праздника. Кондак — краткая песнь, икос — более пространная. Икос читается после кондака.

Подобен — греч. προσόμοιος — помета в богослужебных книгах над стихирами и другими песнопениями, указывающая на «подобие», сходство их с предыдущими по содержанию, размеру и гласу.

Прокимен — (греч. πρόκειται — положен впереди) — стих из Псалтири, приновленный к значению праздника.

Самогласен — греч. αὐτόμελος — песнопение, размер, глас и содержание которого совершенно самостоятельны.

Седален — греч. καθίστα — стих, во время исполнения которого разрешено сидеть.

Слава и ныне — возглас священника: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!»

Тропарь — греч. τροπᾶριον — краткое песнопение, составленное в честь праздника или святого.

Стр. 480. ...князя... — В греч. βασιλεὺς (царь). Такая лексическая замена дала в ряду других основание М. А. Моминой для выделения киевской редакции XI в. (Момина М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45. С. 207).

...тѣзънууму и нынѣ граду твоему... — В греч. τῇ ἐπωνύμῳ σου καὶ νῦν πολιτεία — названному твоим именем, новому государству. В более поздних редакциях миней — тезоименитому твоему новому жительству.

Иже по третьимъ небесе възсхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченныхъ Божия... — См. 2 Кор. 12, 2—4.

«Мѣнѣ, — рече, — хвалитися да не будѣтъ... о единомъ крѣсте Господни». — Ср. Гал. 6, 14.

Стр. 482. Моиси прообразуя... крѣстѣмъ чьстными. — См. Исх. 17, 12.

...ядю оступльша и въ смѣрть въпадъшася. — См. Быт. 3, 6.

Егоже древле Моиси... Амалика, низложилъ, побѣди... — См. Исх. 17, 10—13.

...Давидъ пѣвецъ подножью твоему... кланяются повѣлѣвааше... — См. Пс. 98, 5.
 Господи, съ разбойникѣмъ царствию твоему съподоби насъ. — См. Лк. 23, 40—43.

Узрите животь нашъ, висящъ прямо очима вашима. — Ср. Вт. 28, 66.

Стр. 484. ...сѣдѣлалъ еси спасение посрѣдѣ земли... — См. Пс. 73, 12.

Иже въ Едеме... прозяблѣ есть посрѣдѣ садовия... — См. Быт. 2, 8—9.

...[дрѣво] умьртви сѣнѣдью ядѣша Адама... — См. Быт. 3, 3—19.

Мосеова палица... люди своя... — См. Исх. 14, 16.

Кръсть начѣртвавъ... въпреки написавъ... — См. Исх. 14, 16—30.

Образъ древле Моиси... погубивъ Амалика... — См. Исх. 17, 10—13.

Горѣ въздвиже Моиси... змия привяза... — См. Чис. 21, 6—9; Иоан. 3, 14.

...обличивъ вредъ... — В греч. θριαμβευσάς τὸ πῆμα — прославив страдание.

Показа небо кръстную побѣду... цсарю богомудру... — Византийскому императору Константину Великому (274—337), по свидетельству церковного историка Евсевия Кесарийского, было явлено знамение креста на небе со словами: «Нос vīpce» (сим победиши).

Стр. 486. Жьзлѣ въ образъ таинѣ приемлеться, прозябениемъ бо расуди иерея. — См. Чис. 17, 8.

...испусти ударяемъ воду камень... — См. Исх. 17, 6; Чис. 20, 8—11.

Ребромъ пречистымъ... вода съ крѣвию истече... — См. Иоан. 19, 34.

Горькочадныя... воды въ пустыни... — См. Исх. 15, 23—25.

В глубинѣ погрязшую... въздасть Иорданъ дрѣвемъ... — См. 4 Цар. 6, 6.

...четверочастъници людие ... кръстообразными чинѣми проявляяся... — См. Чис. 2, 1.

...древо... Едема хранящее... страшнѣ же херувимъ... — См. Быт. 3, 24.

Стр. 488. Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона кръстообразно распостѣръ... — См. Иона 2, 1; Мф. 12, 40.

Старостью преклонься... Ияковъ, руце преложъ... — См. Быт. 48, 2.

На уная възложъ... Израиль... на главу... — См. Быт. 48, 14.

Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрская, ни огонь сънедаяй. — См. Дан. 3, 20—25.

«Прѣпѣтый отъчъ нашихъ Боже благословенъ». — См. Дан. 3, 26.

Отъ древа въкушъ, пѣрвый въ чловецехъ въ тѣлѣни въселися... — См. Быт. 3, 17—19.

...тѣлотлѣннѣ... — В рукописи тѣлоноснѣ — ошибка переводчика, ожидали бы тѣлотлѣннѣ, в греч. σωματοφόρος, а не σωματοφόρος; конъектура И. В. Ягича.

...разбойнику нечювьственууму, отъвързе благоразумьну... — См. Лк. 23, 39—43.

Жьзлѣ ся касаетъ краеву Иосифъ... — См. Быт. 47, 31. Этот стих читается по-разному в Масоретском тексте Библии и в Септуагинте. Жезл (ράβδος) упоминается в Септуагинте и в ц.-сл. переводе. В Синодальном переводе с Масоретского оригинала — «ложе». Чтение Септуагинты содержится в примечании.

...дѣти, Троици равночисльници... огнь въ росу претворьшааго... — См. Дан. 3, 20—26.

Стр. 490. ...горестъ дрѣвнюю... — Ожидали бы «древяную» — в греч. πικρίαν τὴν τοῦ ξύλου — горечь дерева.

...древо улады... горестъ, водѣ мерьскъ... — Ср. Исх. 15, 23—25.

Въсепричтено. — Греч. источники дают два варианта: παγκλεῖς — «всеславно» и παγκλήρως — «все наследуя».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. С. Лихачев. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси</i>	5	
	Текст	Ком- мент.
Житие Константина-Кирилла (<i>Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори</i>) .	22	492
Житие Мефодия (<i>Подготовка текста и перевод О. А. Князевской, комментарии А. А. Алексеева</i>)	66	500
Из Толкового Апостола <i>Послание апостола Иакова</i> (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой</i>)	82	502
Из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	126	519
Из Изборника 1073 года (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова</i>)	136	520
Житие Вячеслава Чешского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Турилова</i>)	168	523
Житие Дмитрия Солунского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	176	527
Житие Марии Египетской (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова</i>)	190	528
Чудеса Николы Мирликийского (<i>Подготовка текста и комментарии И. И. Макеевой, перевод Л. В. Соколовой</i>)	216	530
Житие Алексия человека Божия (<i>Подготовка текста Н. Ф. Дробленковой, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой и Л. С. Шепелевой</i>)	244	534
Из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Пичхадзе</i>)	254	535
Патерики	294	538
Из Скитского патерика (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой</i>)	294	538
Из Египетского патерика (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой</i>)	306	539
Из Синайского патерика (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова</i>)	312	539

Житие Андрея Юродивого (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии А. М. Молдована</i>)	330	541
Повесть о Варлааме и Иоасафе (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии И. Н. Лебедевой</i>)	360	544
Из Пролога (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой</i>)	388	546
Из Изборника 1076 года (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова</i>)	406	549
Служба Воздвиженью Креста Космы Маюмского (<i>Подготовка текста, перевод и комментарии Т. В. Ткачевой</i>)	480	551
КОММЕНТАРИИ	492	

**БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Том 2

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *Е. М. Малинина*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *О. В. Иванова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, М. К. Одиноква*
и *А. Х. Салтанова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 26.01.99.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Антикva. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 45.5. Уч.-изд. л. 40.5. Тираж 2000.
Тип. зак. № 3888. С 20

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

